

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

4

ЮРИЙ
ДРУЖНИКОВ

4

Юрий Дружников

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 4

YURI DRUZHNIKOV

**Collected Works
in Six Volumes**

Volume Four

**Literary Criticism
Informer 001**

**Baltimore
1998**

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

**Собрание сочинений
в шести томах**

Том четвертый

**Эссе о литературе
Доносчик 001**

**Балтимор
1998**

YURI DRUZHNIKOV
COLLECTED WORKS IN SIX VOLUMES

Volume Four

Russian edition

Copyright © Yuri Druzhnikov
All rights reserved under International and Pan-American Copyright Conventions.

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

Druzhnikov, Yuri, 1933 — Collected Works in Six Volumes
Sobranie sochinenii v shesti tomakh / Yuri Druzhnikov

Volume One. Micronovels and Short Stories.

Volume Two. Angels on the Head of a Pin.

Volume Three. Prisoner of Russia (Pushkin).

Volume Four. Literary Criticism. Informer 001.

Volume Five. Prose and Plays for Children.

Volume Six. Esseys. Memoirs.

p. cm.

Includes an Introduction (Volume One), bibliographical references and index.

ISBN 1-885563-16-7 (set)

ISBN 1-885563-13-2 (v.4)

1. Russian literature—Fiction. 2. Russia—XIX–XX century History.
3. Russian writers—Literary criticism.
I. Title. II. Title: Sobranie Sochinenii.

PG3350.5.J68D78 1998
891.71'44--dc20 98-60549
CIP

Published by VIA Press
6100 Park Heights Ave
Baltimore, MD 21215
tel.(410) 358-0900

Manufactured in the United States of America

ЭССЕ О ЛИТЕРАТУРЕ

Без названия. Художник Эрнст Неизвестный (1969). Публикуется впервые.

НЯНЯ ПУШКИНА В ВЕНЧИКЕ ИЗ РОЗ

Няню поэта мы знаем с детства, будто не только поэта, но и нас самих она выходила. Ей принадлежит почетное место в любой биографии поэта. Стоит ли приниматься за такую банальную тему? Что нового удастся сказать? В очередной раз перебирая материалы, накопленные за долгие годы в толстой папке с ее именем, мы решили попытаться взглянуть на няню, так сказать, как на историко-литературное явление, может быть, как на одну из нерешенных загадок биографии Пушкина.

Исходные материалы о няне скудны, но, судя по всему, извлечено максимум возможного и интерпретировано по-разному, иногда не в лад с историческими фактами, – на то были свои причины. По неписаному закону пушкинистики окружение великого поэта сортировали, делили на друзей и врагов с последующей гипертрофией их достоинств или недостатков. Няня чистку выдержала с честью и не раз.

Няня. Но какая?

Прежде всего само ставшее традиционным термином выражение «няня Пушкина», принятое в пушкинистике, требует уточнения. При жизни ее звали Арина. Под старость некоторые именовали ее Родионовна, как делается иногда в деревнях. Сам Пушкин ни единого раза не назвал ее по имени, а в

письмах писал «няня» (один раз даже с заглавной буквы). В научной российской и западной литературе она именуется чаще как Арина Родионовна, без фамилии, либо, реже, под фамилией Яковлева.¹

Арина – ее домашнее имя, а подлинными были два: Ирина и, в других документах, Иринья. Ее фамилия, судя по податным спискам, Родионова. Под этой фамилией она была похоронена. В одной из поздних публикаций говорится: «Появление в современной литературе о няне А.С.Пушкина фамилии Яковлева, будто бы ей принадлежавшей, ничем не обосновано. Как крепостная крестьянка няня фамилии не имела. В документах (ревизские сказки, исповедальные росписи, метрические церковные книги) она названа по отцу – Родионовой, а в быту – Родионовной. Никто из современников поэта Яковлевой ее не называл».²

Это вопрос спорный, считают, однако, другие, ибо детей называют по отцу, а фамилия ее отца – Яковлев. Мейлах называет ее Арина Матвеева (по мужу).³ Так или иначе, крепостные у Пушкина и Гоголя называются Савельич, Селифан, Петрушка, а величание по имени и отчеству Арина Родионовна и без фамилии, широко принятое в литературе, сразу выводит няню на определенный уровень. Ведь начиная с фольклорных имен (скажем, Микула Селянинович), так принято именовать в печати только героев, царей, великих князей (например, Николай Павлович, Константин Павлович) да общеизвестных лиц (Александр Сергеевич, Иосиф Виссарионович).

Согласно метрической книге Воскресенской Суйдинской церкви, няня родилась 10 апреля 1758 года в Суйде (теперь село Воскресенское), а точнее – в полуверсте от Суйды, в деревне Лампово. Это так называемая Ижорская земля в Петербургской губернии, на территории Ингерманландии, принадлежавшей когда-то Великому Новгороду, потом Швеции и отвоеванной Петром Великим. На малонаселенной этой местности насаждалось православие, лютеранство, затем снова православие. Мать ее, Лукерья Кириллова, и отец, Родион Яковлев, имели семерых детей, причем двух – с одинаковым именем Евдокия. Ребенком Арина числилась крепостной графа Ф.А.Апраксина. Суйду и прилегающие деревни с людьми ку-

пил у графа Апраксина прадед поэта Абрам Ганнибал. Арина (Ирина, Иринья) Родионова-Яковлева-Матвеева прожила долгу по тем временам, за 70-й рубеж, жизнь.

В 1781 году Арина вышла замуж, и ей разрешили переехать к мужу в село Кобрино, что неподалеку от нынешней Гатчины. Через год после рождения Пушкина бабка его Мария Ганнибал продала Кобрино с людьми и купила Захарово под Москвой. Арину с семьей и домом, в котором они жили, бабушка исключила из запродажной. Ситуация не такая ясная, как о ней пишут. Одно время принято было считать, что Арине с семьей: мужем Федором Матвеевым, умершим в 1801 или 1802 году от пьянства, и четырьмя детьми, – Мария Ганнибал то ли подарила, то ли хотела подарить вольную.

Арина от вольной отказалась. Это утверждает в своих воспоминаниях сестра Пушкина Ольга Сергеевна Павлищева. Няня осталась дворовой. Кстати, толковый словарь объясняет слово «дворовый» как «крепостной», а именно «взятый на барский, господский двор (о крепостных крестьянах, оторванных от земли для обслуживания помещика, его дома)».⁴ Дочь Арины Родионовны Марья вышла замуж за крепостного и, таким образом, осталась крепостной. Арина сказала: «Я сама была крестьянка, на что вольная!»⁵

Биограф няни А.И.Ульянский утверждает, что дети вольной не получили.⁶ Всю жизнь Арина считала себя рабой своих господ; «верной рабой» называет няню в «Дубровском» сам Пушкин, хотя это, конечно, литературный образ. «Отпустить на волю семью няни, – полагает Грановская, – Мария Алексеевна, видимо, собиралась... но не отпустила».⁷ Если это так, то отказ няни от вольной теряет смысл. В Михайловском, судя по спискам, Арина и дети ее снова проходят крепостными. «Арина Родионовна родилась и умерла крепостной».⁸ «Трижды» крепостная, – ретроспективно замечает Н.С.Брагинская, – Апраксина, Ганнибала, Пушкиных».⁹ И Пушкина, заметим мы, ситуация вполне устраивала. Никогда, ни одним словом он не затронул этой темы применительно к няне, хотя рабство в общем виде возмущало его гражданские чувства не раз.

Важно, что сама Арина Родионовна и дети ее оказались на некоем особом положении. Арина то оставалась прислуживать у Пушкиных, то возвращалась в деревню, и мы не знаем

точно, куда. По надобности ее привозили прислуживать в барском доме, но и возвращали обратно, по-видимому, в Михайловское. Она нечто вроде ключницы: стережет усадьбу, выполняет поручения господ, ей доверяют, убедившись в ее честности, кое-какие денежные дела. Она house keeper, по определению В.В.Набокова, старавшегося объяснить западному читателю ее роль.¹⁰ В 1792 году Арина была взята Марией Ганнибал в дом опекуна ее дочери, то есть матери Пушкина, кормилицей сына этого опекуна. Дядя поэта А.Ю.Пушкин пишет про этого сына, что «Ганнибалова дала ему в кормилицы из Кобрина вышеописанную Арину Родионовну». Она «оставлена была у него в няньках до 1797 года».¹¹

Как соотносится рождение собственных детей няни с рождением детей Пушкиных? Вопрос не праздный, ибо кто выкормил поэта грудью? Когда Пушкин родился, Арине был 41 год, через два года она овдовела и больше не рожала. Детям Арины Родионовны от Федора Матвеева в год рождения Пушкина было: Егору 17 лет, Надежде – 11, Марии (оставившей нечто вроде примитивных воспоминаний) – 10 лет. Последний сын Арины, Стефан, родился, скорей всего, в конце 1797 года, тогда же (20 декабря 1797) родилась старшая сестра Пушкина Ольга, и из деревни в дом Пушкиных взяли Арину, потому что у нее было молоко. Пушкин родился через полтора года, когда она уже выкормила или кончала кормить его сестру. Скорей всего, у Арины молока уже не было, и ее отправили в деревню. Грудью тогда кормили долго. Дочь Арины Марья вспоминала: «Только выкормила Ольгу Сергеевну, а потом к Александру Сергеевичу была взята в няни».¹² Свидетельство неточное. Для Александра Сергеевича привезли другую кормилицу.

Выражение «няня Пушкина» вбирает в себя, как минимум, двух женщин. По свидетельству сестры, Ольги Павлищевой, у поэта было две няни, обе Яковлевы. Скорей всего, и первая нянька была взята из деревни, принадлежавшей Марии Ганнибал. Несколько фамилий на всю деревню были да и сейчас еще остаются нормой.

Первой нянькой поэта была Улиана (Ульяна) Яковлевна или Яковлева (рождения, возможно, 1767 или 1768 года, может быть, вдова, год смерти неизвестен).¹³ Она кормила его

грудью от рождения, или, как сообщает советский источник, чтобы избежать вопроса кормления грудью, Ульяна «первые два года играла большую роль».¹⁴ Через год и десять месяцев после Пушкина родился его брат Николай (шесть лет спустя умерший), а еще через четыре года брат Лев. Ольга пишет, что «родился Лев Сергеевич, и Арине Родионовне поручено было ходить за ним: так она сделалась общею нянею».¹⁵ Однако Улиана оставалась с Пушкиным до 1811 года.

После Ольги Арина вынянчила Александра и Льва, но кормилицей была только для Ольги. Набоков вообще называет Арину Родионовну «более точно, старая няня его сестры», а потом «бывшая няня его сестры»¹⁶ Не одна она, конечно, была няней. Прислуги в доме Пушкиных было много, кормилиц без труда находили в деревне и отсылали обратно, но этой няне доверяли больше других. Мать Пушкина, когда нуждалась в ней, разрешала ей спать не в людской, а в господском доме. Позже прислуживать господам взяли и дочь-няню Надежду.

Детям Арины разрешили поселиться в сельце Захарово. В 1811 году Захарово продали. В семье Пушкиных родились и умерли младенцами Софья, Павел, Михаил и Платон. Неизвестно, нянчила ли Арина кого-либо из этих детей.¹⁷ Родители, когда Пушкин попал в лицей, уехали из Москвы в Варшаву, где Сергей Львович получил должность. Арину отправили в Михайловское.

В замыслах автобиографии Пушкина имеется строка: «Первые впечатления. Юсупов сад, землетрясение, няня». Замысел остался нереализованным, и можно спорить, какую няню поэт имел в виду описать во время землетрясения 1802 года. Посмотрим формальное употребление им слова «няня». Согласно «Указателю поэзии Пушкина» Томаса Шоу слово «няня» в разных падежах поэт употребил в стихах 23 раза, из них в «Онегине» 17 раз, остается 6.¹⁸ В «Словаре языка Пушкина», включающем письма и черновики, слово «няня» отмечено 36 раз; из них в «Онегине» 19 и еще 17 слов за всю жизнь поэта.

Значение Арины Родионовны в истории русской литературы базируется на нескольких тезисах, и основной из них – сентиментальный: поэт любил няню и ввел ее в свои произведения. Действительно ли она играла важную роль в его жизни?

В услуженье барину

Прикинем время их общения. Первое лето в своей жизни Пушкин провел в Михайловском, куда его привезли вскоре после рождения; лишь осенью родители уехали в Петербург. Когда она начала его нянчить, неясно, но «на седьмом году», пишет Бартенев, «няню и бабушку сменили гувернеры и учителя». ¹⁹ Вряд ли они виделись, когда Арину в ноябре 1817 года привезли в город нянчить последнего родившегося у Пушкиных ребенка – Платона. С ним отправились в Михайловское, где он вскоре умер. В 17-м и 19-м годах летом Пушкин приезжал в Михайловское отдыхать, и в эти посещения она его видела, «если она была там в это время», – Набоков подчеркивает *если*. ²⁰ Привязанность к ней, или, как пишут, его любовь к няне, а значит, и роль ее в его жизни относятся к михайловской ссылке, которая продолжается два года. Он жил в большом, господском, доме, а няня во флигеле, где была баня, или в девичьей. После ссылки, через два месяца, поэт снова съездил ненадолго в деревню, а в 1827 году еще раз.

Любовь его к няне подтверждается рядом источников. Сестра Ольга уточняет: он любил ее с детства, а оценил в Михайловском. Потрясающая точность пушкинских характеристик людей (Арине Родионовне 68 лет) не оставляет никаких сомнений, что это было так:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...

Как заметил Котляревский, «Пушкин подкрашивал воспоминания». ²¹ Перечитаем михайловскую переписку поэта, множество раз цитированную в подтверждение дружбы с Ариной Родионовной. Упоминания няни сперва перетекают у Пушкина из жизни в письма, затем в творчество, и биографу трудно разделить жизненные факты и литературные преувеличения. «Знаешь ли мои занятия? – делится он с братом (ноябрь, 1824). – До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки няни и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания».

Тридцать лет спустя Анненков напишет: «Арина Родионовна была посредницей, как известно, в его сношениях с русским сказочным миром, руководительницей его в узнании поверий, обычаев и самых приемов народа...» И еще: «Александр Сергеевич отзывался о няне, как о последнем своем наставнике, и говорил, что этому учителю он обязан исправлением недостатков своего первоначального французского воспитания».²² Основополагающее заявление Анненкова. Но сам Пушкин, в отличие от его биографа, нигде не называет няню ни посредницей, ни руководительницей, ни последним наставником, ни учителем. Кстати, слов «проклятое французское воспитание» у Пушкина тоже нет, у него «проклятое свое воспитание». Из этого заявления поэта следует, что Арина Родионовна, будучи его няней, как и родители, в детстве воспитывала его не слишком хорошо («недостатки проклятого своего воспитания»). Пушкин противоречит пушкинистам, утверждающим огромную положительную роль Арины Родионовны в формировании ребенка-поэта.

В письме Дмитрию Шварцу, чиновнику канцелярии в Одессе, Пушкин пишет (декабрь 1824): «...вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз ее видели, она единственная моя подруга – и с нею только мне не скучно». В письме приятелю Вяземскому (январь 1825) – об этом же: «...валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни». И в «Евгении Онегине»:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.

Все эти отзывы о няне – после скандала с отцом, когда родители уехали, и Александр Сергеевич остался один. «Читаю только старой няне», – потому *только* ей, что еще не наладилось постоянное общение с обитателями Тригорского. Блистательны с детства лежащие в памяти строки из хрестоматийного стихотворения «Зимний вечер». Однако настроение поэта в бурю, которая мглою небо кроет, и даже текст письма, написанного морозной зимой, в начале михайловской ссылки,

будучи без меры обобщенными, искажают реальный образ жизни поэта в деревне, сужают его досуг до постоянного проведения времени только с няней. Как бы ни было ему с ней легко и комфортно, она скрашивала его *вынужденное* одиночество.

Важное письмо к Николаю Раевскому-сыну. «Покамест я живу в полном одиночестве: единственная соседка, которую я посещал, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме старушки-няни и моей трагедии; последняя подвигается вперед, и я доволен ею». Выходит, по письму, что ему приходилось коротать время с Ариной Родионовной *покамест*, за отсутствием Осиповой и ее компании.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку...
Я пью один...

Друга нет, пью один. И через несколько строк повторяет: «Я пью один...» Это обращено к лицеистам после года пребывания в Михайловском. О няне больше не пишется. Алексей Вульф вспоминает, что стол Пушкина был завален сочинениями Монтескье и других авторов. Есть много свидетельств очевидцев, что поэт целыми днями и, конечно, вечерами, а то и ночами пропадал в Тригорском. Поставьте себя на место двадцатипятилетнего любвеобильного молодого человека: стали бы вы слушать долго, да еще ежедневно, нянины сказки, когда в трех верстах дом полон жизнерадостного женского смеха и флирта?

«Каждый день, часу в третьем пополудни, Пушкин являлся к нам из своего Михайловского», – пишет Мария Осипова, дочь Прасковии Осиповой.²³ Пушкин ездил в Тригорское к Осиповым-Вульфам верхом, иногда на телеге, иногда ходил пешком. Там было общество, там он крутил романы со всеми по очереди, начиная с хозяйки имения. Выполняя разные поручения барина, няня ходила в Тригорское. «Бывала она у нас в Тригорском часто, и впоследствии у нас же составляла те письма, которые она посылала своему питомцу».²⁴ А в Михайловском поэт больше времени проводит один, стреляя в погреб из пистолета, да, как он сам признается, пугая уток на озере чтением своих стихов.

В михайловской ссылке няня – его помощница в практических делах, в быту. Ее доброта и забота о нем и приезжающих делают ее незаменимой. Пушкин однажды даже цитирует ее в письме Вяземскому: «Экой ты неумичивый, как говорит моя Няня». Тогда же, в декабре 24-го года, он пишет сестре Ольге, без которой скучает, что «няня исполнила твою комиссию, ездила в Святые горы и отправила панихиду или что было нужно». В августе 25-го к письму на французском сестре Пушкин приписал по-русски: «Няня заочно у Вас, Ольга Сергеевна, ручки цалует – голубушки моей». Пушкин был плохим помещиком, его обманывали приказчики, хозяйство влачило жалкое существование. Няня вникала в хозяйственные дела, сообщая барину о том, что творилось в деревне.

Любовь Пушкина к Михайловскому меняется. 1 декабря 1826 года он писал приятелю Зубкову, что выехал «из моей проклятой деревушки». А после ссылки он, вольный, иногда прячется в деревне от «пошлости и глупости» Москвы и Петербурга «почти как арлекин, который на вопрос, что он предпочитает: быть колесованным или повешенным, отвечал: «Я предпочитаю молочный суп» (письмо к Осиповой, летом 1827 года). Пушкин сообщает Вяземскому: «Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни – ей-Богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом». Скорей всего, в конце письма шутовское преувеличение о паломничестве священников к няне. Интересно также описание компании, которая встречала поэта: дворня, хамы и няня, которая *уморительна*.

«В числе писем к Пушкину почти от всех знаменитостей русского общества находятся записки от старой няни, которые он берег наравне с первыми». Таков гимн Арине Родионовне Анненкова. Блистательный эвфемизм нашел он: «Мысль и самая форма мысли, видимо, принадлежат Арине Родионовне, хотя она и *позаимствовала руку* (выделено нами. — Ю.Д.) для их изложения».²⁵ Две такие записки существуют. По-видимо-

му, однако, Арина Родионовна «составляла», как выразилась Мария Осипова, то есть просила написать первое письмо, не в Тригорском, а нашла владевшего грамотой мужика. Письмо няня передала с садовником Архипом, которому было поручено привезти книги Пушкина из Михайловского в Петербург (1827). Оба письма приводятся с сохранением стиля оригиналов.

«Генварь – 30 дня. Милостивой Государь Александра, сергеевич и мею честь поздравить вас съ прошедшимъ, новымъ годомъ изъ новымъ, счастиемъ, ижелаю я тебе любезному моему благодетелю здравия и благополучия; ая вас уведомляю что я была въпетербурге: иобъвасъ нихто – неможить знать где вы находитесь йтвоие родйтели, о васъ Соболезнують что вы кънимъ неприедите; а Ольга сергевнна къвамъ писали примне соднною дамою вамъ извеснна А Мы батюшка отвасъ ожидали, писма Когда вы прикажите, привозить Книги нонесмогли дождатца: то йвозномерились повашему старому приказу отъ править: то я йпосылаю, большихъ ймалыхъ, Книгъ сщетомъ – 134 книгй архипу даю денегъ – сщ 85 руб. (зачеркнуто. — Ю.Д.) 90 рублей: присемъ Любезной другъ яцалую ваши ручьки съ позволений вашего съто разъ ижелаю вамъ то чего ивы желаете йприбуду къ вамъ съискреннымъ почтениемъ *Аринна Родивоновнна*».

Второе письмо написала для няни приятельница поэта в Тригорском Анна Николаевна Вульф, которая скучала без озорника и дамского угодника Пушкина не меньше Арины Родионовны. «Александръ Сергеевичъ, я получила Ваше письмо и деньги, которые Вы мне прислали. За все Ваши милости я Вамъ всемъ сердцемъ благодарна – Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду Васъ и Ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забываетъ. Ваше обещание к намъ побывать летомъ очень меня радуетъ. Приезжай, мой ангель, к нам в Михайловское, всехъ лошадей на дорогу выставлю. Наши Петербур. летомъ не будутъ, они /все/едутъ непременно в Ревель. Я Васъ буду ожидать и молить Бога, чтобъ он далъ нам свидиться. Праск. Алек. приехала из Петерб. – барышни Вамъ кланяются и благодарятъ, что Вы их не позабываете, но говорятъ, что Вы их рано поминаете, потому что они слава Богу живы и здоровы. Про-

щайте, мой батюшка, Александръ Сергеевичъ. За Ваше здорье я просвиру вынула и молебень отслужила, поживи, дружокичъ, хорошенько, самому слюбится. Я слава Богу здорова, цалую Ваши ручки и остаюсь Васъ многолюбящая няня Ваша *Арина Родивоновна*. Тригорское. Марта 6». Во втором письме, как видим, Арина смотрится совсем иначе благодаря интеллигентности ее ghost writer. Она его на Вы, иногда на ты. Он ее, разумеется, на ты, как положено. Тон обоих писем сходный: ее ласка, любовь и забота о барине. По меньшей мере на одно письмо няни Пушкин ответил.

Последний раз он видел няню в Михайловском 14 сентября 1827 года, за девять месяцев до ее смерти. Нет сведений, что он с ней повидался в Петербурге. Сбоку черновика стихотворения «Волненьем жизни утомленный» под датой 25 июня (1828 года) находим: «Фанни Няня + Elisa e Claudio ня». Фанни – это, по мнению М.А.Цявловского, проститутка, которую он, возможно, в этот день посетил, Elisa – название оперы в Петербургском Большом театре, на которой он побывал, а в середине крестик. Предполагается, что Пушкин узнал о смерти няни, которая незадолго до этого была взята из Михайловского в Петербург в услужение вышедшей замуж Ольге Сергеевне и, согласно одной из версий, простудилась по дороге. На похороны Пушкин не поехал, как, впрочем, и его сестра. Похоронил ее муж Ольги Николай Павлищев, оставив могилу безымянной. Принято считать, что «няня +» означает у Пушкина в рукописи смерть няни.²⁶ Получается, что между проституткой и театром ему взгрустнулось о няниной смерти.

Дата, однако, остается неясной. Более ста лет неизвестно было, на каком кладбище няня похоронена. Ульяновский в своей книге «Няня Пушкина» доказал, что она умерла 31 июля 1828 года, о чем есть запись в церкви Иконы Владимирской Божьей матери: «Арина Родионова, 5 кл. чиновника Пушкина служащая женщина. Болезни: старость». Грановская считает, что няня умерла 29 июля, так как хоронили и отпевали тогда на третий день. Но как совместить это с 25 июня, отмеченным Пушкиным крестиком? Даже если предположить, что следует читать не «июнь», а «июль», все равно летом не могли хоронить через шесть дней. Попытки объяснить дату «25 июня» ни

к чему не привели. Может, Пушкин отметил крестиком необратимую болезнь ее, о которой он услышал, например, инсульт, и понял, что она не поднимется? Он несомненно и искренне любил няню, но местом этой любви было Михайловское; в Петербурге она была ему не нужна.

Могила няни сразу затерялась. По литературе гуляли несколько версий: что ее могила в Святогорском монастыре, вблизи могилы поэта, что Арина похоронена на ее родине в Суйде, а также на Большеохтинском кладбище в Петербурге, где одно время даже была установлена плита с надписью вместо имени «Няня Пушкина». Только в конце тридцатых годов нашего века нашли регистрацию ее похорон на Смоленском кладбище в Петербурге.

Прототип и друзья поэта

Няня стала литературной моделью и обретает вторую жизнь в воображении и текстах Пушкина. Помимо прочего, это хороший стиль того времени и пушкинского круга – человеческое отношение к простому люду, по любимому слову поэта, к черни. Принято писать, что няня является прототипом ряда его героинь. Это Филипьевна, няня Татьяны Лариной, которую в черновиках он называет, кроме того, Фадеевной и Филатьевой. Затем – мамка Ксения в «Борисе Годунове» и – няня Дубровского Орина Егоровна (Пахомовна), которая даже писала письмо, похожее на те, что диктовала Арина.²⁷ Тот же тип в княгининой мамке («Русалка») и, пожалуй, в карлице Ласточке («Арап Петра Великого»). Везде второстепенные, похожие друг на друга персонажи.

Еще Набоков искал корни прототипов няни у Пушкина. «Старушка-няня, рассказывающая сказки, – конечно же, древняя тематическая модель. В «Тоске» (1809) у Марии Эджуорт она – ирландка, и ее сказки – об ирландской Черной Бороде и привидении короля О’Донахью».²⁸ Факты жизни самой Арины Родионовны как прототипа героини почти не использовались Пушкиным. Например, няня вышла замуж двадцати двух лет, а Филипьевна в «Онегине» тринадцати, и ее история интересней. Значит, Пушкин использовал информацию, полученную

вне общения с няней. Обращаем на это внимание, ибо литературные персонажи поэта стали впоследствии обогащать легендарный образ Арины Родионовны.

Неоконченный черновик широко известного стихотворения «Подруга дней моих суровых...» не имел названия. Заглавие «Няне», поставленное при первой публикации тем же Анненковым, указывалось сначала в скобках, а затем скобки стали отбрасываться, как, впрочем, и половина недописанной строки: «То чудится тебе...» Впервые Анненков опубликовал это в 1855 году, сразу связав художественный образ напрямую с Ариной.

Реальная жизнь, трагедия существования рабы Арины Родионовны, хотя она, возможно, была своей жизнью вполне довольна, почти не нашла отражения у Пушкина. Это была серьезная, не романтическая тема, потому что и «молодость, и любовь были взяты у нее чужими людьми, без спроса у ней».²⁹ У Пушкина «и типы, и картины из жизни простонародья почти что отсутствуют», – пишет Котляревский. И дальше: «Единственный вырисованный портрет из этой коллекции набросков был портрет подруги его заточения – няни его Татьяны. Добрая подружка бедной его юности, эта «дряхлая голубка» – промелькнула в его стихах как какое-то видение из, в сущности, чужого ему мира».³⁰ Она осталась в его произведениях романтизированным счастливым персонажем без личной жизни и вне социального контекста, столь важного для русской литературы.

Отношение к няне Пушкина нескольких его друзей также связано с михайловским одиночеством поэта. Друзья знали о ней, в основном, из его стихов, подражали ему, их забота о ней преувеличивается. Дельвиг писал отбывшему из Михайловского Пушкину: «Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою». Невозможно не отметить потерю чувства меры: все-таки служанка – не мать, не жена, не возлюбленная. Пущин, однако, в досаде вспоминает, что во время его визита в Михайловское Арина раньше времени закрыла задвижки в печах, и оба приятеля чуть не угорели. Естественно, поэту, вернувшемуся в Москву, не до няни. Он в состоянии эйфории: встреча с царем, столичный загул, новые жизненные пла-

ны. В 1827 году П.А.Осипова, послав Пушкину письмо, вложила в него стихи, которые Языков прислал Вульффу. Они посвящены няне:

Васильевна, мой свет, забуду ль я тебя?
В те дни, как, сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки –
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровой судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их имены,
Священнодействовал при алтаре Камены –
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты...

Понятно, что любовь Языкова к няне есть производное от его дружбы с Пушкиным, не будь она няней Пушкина, не было бы и стихов о ее добродетелях. Он назвал ее Васильевой, а она Родионовна. Языкову подсказали, и строку он исправил: «Свет Родионовна, забуду ли тебя?» Стихи опубликовал Дельвиг в своих «Северных цветах» на 1828 год. Но имя было не столь важно: она – «няня вообще», романтизированная героиня из народа. Прочитать стихи она не могла и, скорей всего, понятия не имела о том, что о ней пишут.

Вяземский говорит Пушкину 26 июля 1828 года: «Ольге Сергеевне мое дружеское пожатие, а Родионовне мой поклон в пояс». Поклон этот Пушкин, по-видимому, не смог передать, с няней не виделся, через пять дней она умерла. Друзья Пушкина переписывались по поводу ее смерти, например, Орест Сомов писал Николаю Языкову о покойной. Между тем, родные Пушкина, которым она служила верой и правдой всю жизнь, были сдержанней в выражении чувств или благодарностей своей служанке.

Анна Керн, которая по известным причинам бывала в Михайловском в 25-м году, оставила в своих воспоминаниях о Пушкине следующую строку: «Я думаю, он никого истинно не любил, кроме няни своей и потом сестры».³¹ Керн писала это спустя более чем четверть века, и, говоря, что Пушкин никого не любил, она приравнивала свою мимолетную с ним

связь к его серьезным увлечениям, включая жену. Нам же представляется, что Пушкин всех, кого любил, любил *истинно*.

«Обобщенная няня»

Один из законов идеализации, как известно, – очистка образа от мешающей информации, его обобщение, упрощение и затем романтизация. Поэтому из двух нянь была оставлена одна, а разные литературные персонажи (типичные для семьи того времени) обрели одного прототипа. «Тип собирательной *моей няни*», – говорит Набоков. А в другом месте: «Обобщенная няня».³² Всеи дворни, обслуживающей молодого барина в Михайловском, было, включая «вдову Ирину Родионовну», как она значится в списках крепостных, 29 человек. И все «народное», что Пушкин вбирал в себя в ссылке (если он хоть как-то общался с простым народом), стало приписываться «собирательной» Арине Родионовне.

В биографиях Пушкина няня затмевает собой еще одного слугу, преданного Пушкину не менее, а может, и более няни – мужа ее дочери Никиту Козлова, которой сперва был ламповщиком у отца поэта. Козлову не повезло. Первым на это обратил внимание Вересаев: «Как странно! Человек, видимо, горячо был предан Пушкину, любил его, заботился, может быть, не меньше няни Арины Родионовны, сопутствовал ему в течение всей его самостоятельной жизни, а нигде не поминается: ни в письмах Пушкина, ни в письмах его близких. Ни слова о нем – ни хорошего, ни плохого».³³ Никита выручал Пушкина в весьма серьезных и рискованных ситуациях, он спасал его от обыска, он на руках принес раненого поэта в дом, он вместе с Александром Тургеневым опустил гроб с телом Пушкина в могилу.

Дай, Никита, мне одеться:
В митрополии звонят...

Если не считать этих двух случайных строк, верный Козлов проходит в сочинениях поэта неприметным.

Надежда Пушкина в письме к Керн сообщала: «Александр изредка пишет два-три слова своей сестре, он сейчас в Михайловском, подле своей «доброй нянюшки», как вы мило ее называете».³⁴ Есть свидетельство, что он звал няню мамой, а она ему говорила: «Батюшка, ты за что меня все мамой зовешь, какая я тебе мать».³⁵ Но дело в том, что мать он звал на французский манер *тапан*, а «мама, мамка или мамушка», как он звал няню, вполне принятое, по Далю, выражение «кормилица, женщина, кормящая грудью не свое дитя; старшая няня, род надзирательницы при малых детях». Позже тенденция биографов Пушкина подменить мать няней стала более категорической: «Вспомним Арину Родионовну – няню, бывшую для Пушкина ближе матери».³⁶

Идеализацию всегда сопровождает плохая альтернатива. Если кого-то идеализируют, то кого-то другого нужно предавать анафеме. Это особенно отчетливо проявлялось в советской традиции. Классовый подход: аристократка-мать и представитель народа – няня. В процессе идеализации няня становится все лучше, а мать все хуже, няня упоминается все чаще, а мать все реже. Няня стала в литературе сублимированной матерью поэта.

Сохранилось ничтожное количество писем Пушкина к членам семьи, да он их почти и не писал. Отцу – три письма, отцу и матери – одно, отцу, матери и сестре – одно, сестре – пять писем, в основном записки. И – персонально матери – ни одного письма. Однако, когда мать умерла, Пушкин поехал хоронить ее и купил себе место рядом с ней. А поскольку мать соотносится с родиной, которую надо любить, то в официальной пушкинистике няня из народа наделяется функциями родительницы, становится суррогатом матери для поэта. Впрочем, это можно найти и у самого Пушкина: по воле автора Татьяна вспоминает не могилу матери, а могилу няни, – факт, на который обратила внимание Анна Ахматова.

Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей.

Следующей тенденцией пушкинистики была ликвидация роли аристократок-бабушек поэта, включение черт бабушек в

образ няни. Заметим, что речь всегда идет об одной бабушке – Марии Ганнибал, а между тем Пушкину было два с половиной года, когда умерла другая его бабушка, мать отца, Ольга Васильевна Чичерина. Ее сестра Варвара любила Пушкина и дала ему целых сто рублей на орехи, когда мальчик отправился поступать в Лицей. О бабушках в биографиях поэта почти не говорится. Бабушка Мария Алексеевна не раз служила материалом для укрупнения модели идеальной няни. Например, стихотворение «Сон» (Отрывок, начинающийся словами «Пускай поэт с кадилъницей наемной»), по-видимому, часть несостоявшейся поэмы, начатой в 1816 году, содержит известные строки:

Ах, умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушки чепец
И длинный рот, где зуба два стучало, –
Все в душу страх невольный поселяло.

Традиционно, начиная от Бартенева, считалось, что этот отрывок описывает няню. Трактовка Б.В.Томашевского в академическом десятилетнике Пушкина: «Здесь Пушкин описывает или свою бабушку М.А.Ганнибал, или няню Арину Родионовну».³⁷ Однако строка «Драгой антик, прабабушки чепец» дает возможность уточнить: в стихотворении Пушкин соединяет их обеих вместе (одна – мамушка, на другой – драгоценности).

Постепенно осуществляется еще одно обобщение: оказывается, Музой поэта и была не кто-нибудь, а его няня. Так, еще М.В.Шевляков писал: «Пушкин олицетворял себе музу в

облике своей доброй няни».³⁸ Утверждение это опирается на следующие строки поэта:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных;
Я ждал тебя. В вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне
В больших очках и с резвою гремяшкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.

Стихотворение, о котором много написано, традиционно относят к 1822 году (Кишинев). Долгое время его также считали посвященным Арине Родионовне – «веселой старушке», сидевшей перед поэтом в шушуне. Однако конец стихотворения подчас опускался при цитировании:

Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

Полувоздушный стан, локоны, благоухание (то есть дорогие французские духи или лосьоны – не французских тогда не было), декольте (мальчик запомнил на годы, как смотрел на полуоткрытую грудь), наконец, очки и жемчуг, грудь украшающий, – могла ли то быть крепостная служанка? Это Мария Алексеевна Ганнибал, аристократка-бабушка, сыгравшая в воспитании и образовании маленького внука Александра огромную роль. Она была в разводе (тогда говорили «в разъезде») с мужем Осипом Ганнибалом, и, естественно, интересы жизни ее сосредоточились на любимых внуках.

Нянины сказки и сказки о няне

Пушкин любил няню, а пушкинистика полюбила няню еще больше Пушкина. Прославление «народной няни» не есть заслуга одной советской пушкинской школы. Пушкин создал романтический, поэтический миф, замысел поэта продолжили его друзья. Вслед за ними возвеличивать няню стали первые пушкинисты, высказывая мысли, созвучные официальной национальной идеологии. По Бартеневу, «Арина Родионовна мастерски рассказывала сказки, сыпала пословицами, поговорками, знала народные поверия и бесспорно имела большое влияние на своего питомца, неистребленное потом ни иностранцами-гувернерами, ни воспитанием в Царскосельском лицее».³⁹ Вдумайтесь: иностранцы и лицей пытались истребить в Пушкине все наше, русское, хорошее, а няня его спасла.

Однако, если говорить серьезно, невозможно выяснить, каков реальный вклад няни в воспитание поэта. Современники отмечают, что она была словоохотлива, болтлива. Анненков писал: «Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодежи с притворной строгостью оставили в Пушкине неизгладимое воспоминание. Он любил ее родственною, неизменною любовью и в годы возмужалости и славы беседовал с нею по целым часам». Здравый смысл в оценке Арины Родионовны Анненковым теряется в гиперболах типа: «Весь сказочный русский мир ей был известен как нельзя короче и передавала она его чрезвычайно оригинально».⁴⁰

Известно, что с ее слов Пушкин записал семь сказок, десять песен и несколько народных выражений, хотя слышал от нее, конечно, больше. Однако не ясно, записывал ли Пушкин сюжеты песен о Стеньке Разине со слов няни или брал их из сборника Чулкова, который читал. На это обратил внимание Лотман.⁴¹ Спор, откуда Пушкин заимствовал сюжеты некоторых сказок: у Арины Родионовны или у братьев Гримм – продолжается. Но политическая победа при советской власти определенно оказалась не на стороне братьев Гримм.

Тот же Анненков ввел в традицию внеисторические преувеличения вроде: «Знаменитая Арина Родионовна». Он пошел еще дальше: «Родионовна принадлежала к типичнейшим

и благороднейшим лицам русского мира». И, оказывается, Пушкин «посвящал почтенную старушку во все тайны своего гения». Заслуга гения определена так: он поэт, «прославивший ее имя на Руси». ⁴²

Славянофилы поднимали Арину Родионовну, которая помогала им приближать поэта к своему лагерю. Иван Аксаков говорил в 1880 году на Пушкинском празднике: «Так вот кто первая вдохновительница, первая Муза этого великого художника и первого истинно русского поэта, это простая русская деревенская баба... Точно припав к груди матери земли жадно в ее рассказах пил он чистую струю народной речи и духа». Это сказано, когда Фрейд еще не опубликовал ни строки. В любви к ней в XIX веке олицетворились ростки народничества, вина и беда русской интеллигенции.

После октябрьского переворота миф о няне был использован для политической коррекции образа Пушкина как народного поэта. Неопровержимо, что из всех лиц холопского звания няня была поэту наиболее близка. Мифологии же свойственно неумеренное расширение сферы влияния. «Значение Арины Родионовны для Пушкина исключительно велико и общеизвестно, но полностью еще не охвачено, неподытожено...» – писал в академической монографии «Няня Пушкина» Ульяновский. Он назвал ее «достойной представительницей нашего народа», – типичная формулировка советского времени. Б.Мейлах писал о Михайловском: «Здесь происходит тесное знакомство и сближение поэта с народом». ⁴³ Пушкин один раз надел крестьянскую рубаху и поехал на ярмарку, как писал еще Семевский. ⁴⁴ Факт этот представляется теперь в качестве постоянного метода сближения поэта с народом. Тот же Мейлах далее заменяет «знакомство и сближение» на «непосредственное общение», заодно расширяя и территорию: мы узнаем, что у поэта, сидевшего в ссылке в Михайловском, «происходило непосредственное общение с крестьянами Псковщины». ⁴⁵

С годами в советской пушкинистике роль няни возрастает. Арина Родионовна поселяется во всех биографиях Пушкина, получает прописку во всех учебниках по русской литературе – с начальной школы до высшей. Няня становится одним из опорных пунктов идеологической корректировки самого Пушкина. В передовой «Правды» 1937 года следом за постулатом о

друзьях Пушкина декабристах, что делало его самого революционным поэтом, няня из народа противопоставляется аристократическим родителям и, таким образом, сближает нашего поэта с народом. Оказывается, благодаря няне Пушкин делается близким и понятным нам, простым советским людям.⁴⁶ Через год после столетия со дня смерти Пушкина торжественно праздновались еще два юбилея: 180 лет со дня рождения Арины Родионовны и 110 лет со дня ее смерти.

Няня – пример для других, она «замечательный образец душевной красоты, мудрости и духовных свойств нашего народа». Наконец, теперь она сама стала гением: Арина Родионовна – «добрый гений поэта». Когда Сталина называли «вдохновителем советского народа», няня стала «вдохновителем и источником некоторых творческих замыслов поэта».⁴⁷ В советской официальной мифологии Арина Родионовна прославлялась в одной шеренге с другими народными героями, вроде Алексея Стаханова, Джамбула Джабаева, Паши Ангелиной и т.п. Ансамбль песни и пляски Советской армии пел могучими голосами, устрашающими врагов: «Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна?»

Миф то топчется на месте, повторяя сказанное Анненковым, то набирает обороты, приобретая пародийные краски. В десятках исследований происходит обожествление этой женщины. Ведь вполне серьезно говорится, что «под влиянием няни он уже в детстве полюбил русский язык и русский народ».⁴⁸ «Няня, скучая о «любезном друге», как она называла Пушкина, часто ездила на ближайшую почтовую станцию в надежде услышать о нем от проезжих из Петербурга».⁴⁹

Чувство меры терялось: «Через нее идут первоначальное знакомство поэта с народом, народным творчеством и освоение русского народного языка».⁵⁰ И даже: «Если Пушкин, как решил он сказать однажды, подрастал в детстве, «не зная горестей и бед», то этим он обязан своей няне Арине...» В культе она обретает идеальные черты героини: «няня была для поэта олицетворением народной души, «представителем» народа, как сказали бы теперь».⁵¹ Она выступает как наставник, носитель высшей мудрости, учитель поэта, его гуру.

Растет литературный талант няни. Она – «талантливая сказочница, впитавшая в себя всю премудрость народной поэзии».

Пушкин пишет, а растет слава няни: «со второй половины 1820-х годов имя и самой Арины Родионовны становится известным... Но широкую популярность имя ее приобретает после того, как выходит в свет в 1827 году третья глава «Евгения Онегина».⁵² Сие особенно интересно читать, поскольку Пушкин, как известно, вскоре начнет терять популярность, а вот, оказывается, популярной вместо него становится няня.

Эта, так сказать, синтезированная народная мудрость вводится в литературоведение не случайно. Пушкинистика становится родом агиографии, каковой она пребывает и сегодня. Темы «Пушкин и народ», «Пушкин и Родина», его патриотизм объявляются фундаментальными в литературоведении, а няня – основополагающим элементом построения таких моделей.⁵³ И тут имя Родионовна оказывается весьма кстати.

Разумеется, этимология с этим ничего общего не имеет, ибо «Родион» происходит предположительно от греч. *rodop* – «роза». Но подсознательно сходное звучание одного слова накладывалось на другое: Родионовна – род – народ – родина. «Образно выражаясь, земля кормит крестьянина, будто мать кормит младенца. Земля в какой-то степени контролирует своих обитателей, почти как мать свое дитя».⁵⁴ В этом построении именно няня есть правильная фигура, необходимая для формирования русского национального поэта №1. Без нее он не полон.

Рассуждения о народности творчества стали неотъемлемой частью науки о Пушкине. Пригодились и некоторые соображения славянофилов. В советское понимание народности вкладывалось: 1) происхождение писателя, 2) фольклорные основы его творчества и 3) выражение им интересов народных масс. С первым у Пушкина было плохо – аристократ; второе, как ни подтасовывай, далеко не укладывалось в фольклор (скажем, «Пиковую даму» из русского фольклора не произведешь), а третье было выдумкой, словесной мишурой, нужной идеологам. Тогда же появилась писательская шутка: изнародование литературы.

Арина Родионовна, если на то пошло, помогла Пушкину спастись в революцию, защитила своим простым крестьянским происхождением его, дворянина, классового врага. Она же помогала поэту соответствовать всем трем пунктам: его происхо-

ждение корректировалось близостью к простому народу, она повела его творчество в правильном направлении, дав ему фольклор, то есть народную основу. Наконец, назвав няню близкой ему по духу, делали вывод: он выражал ее интересы, которые символизировали интересы всего русского народа. Посланец народа, няня становится символом всей России, великим сыном которой является поэт №1.

Независимые голоса некоторых западных пушкинистов давно звучали скептически. Набоков писал: «Она грандиозная фаворитка народолюбцев-пушкинистов. Воздействие ее сказок на Пушкина преувеличивается с невероятным энтузиазмом. Сомнительно, что Пушкин когда-либо читал ей «Евгения Онегина», как утверждают некоторые комментаторы и иллюстраторы».⁵⁵ «Советские критики, которым должно преувеличивать обязательные симпатии Пушкина к «широким массам», – пишут Ричардс и Кокрелл, – естественно, придали особую важность Арине Родионовне и ее роли в становлении поэта, иногда до такой степени, что она выглядит держащей на своих хилых плечах чуть ли не весь пушкинский патриотизм».⁵⁶ Еще жестче роль няни сформулировал Джон Бейли: «Представитель народа, канонизированный в житии святого Пушкина».⁵⁷

Читая советские работы, думаешь, что подобный подход нельзя назвать иначе, как оглушением Пушкина и сущности литературного процесса вообще. Один из самых умных людей в истории России, который с детства начал постигать сокровища мировой литературы, который учился в лучшем учебном заведении империи и всю жизнь близко общался с выдающимися писателями, философами, политиками, – этот гениальный интеллигент знакомился с языком, фольклором и даже со всем народом посредством старушки, которая не могла запомнить двух букв, чтобы написать слово «няня».

Известно, что у Пушкина «био» автора и лирическое «я» героев часто близки, почти слиты. Но это все же не одно и то же. Литературный миф об идеальной няне, как и во многих других случаях (жена поэта – Мадонна Наталья Николаевна, благородные бандиты Пугачев и Дубровский, Петр Великий – кумир на бронзовом коне), зачал он. За ним продолжили дело первые пушкинисты. Романтизированная няня первого поэта России вошла в литературу. Затем литературная героиня верну-

лась обратно в жизнь, постепенно потеснила в биографии поэта других нянь, бабушку, мать поэта, всех его крепостных, и, в конечном счете, представляет теперь в пушкинистике едва ли не весь русский народ.

Как Пушкин, по Аполлону Григорьеву, «это наше всё», так няня в биографиях поэта стала для Пушкина *всё*, заменила ему семью, а периодами друзей и общество. Зимой, сообщает пушкинист, няня заменяла даже печку: «В Михайловском доме морозным зимним вечером... его согревает лишь любовь няни». ⁵⁸ Хотя советской власти уже нет, правильная с точки зрения официальной мифологии няня заполняет не только массовую литературу о Пушкине, но и, за редким исключением, исследования. Круг замкнулся: литературный образ стал биографическим, великая няня – важной частью мифологизации великого народного поэта – национальной святыни.

В доказательство влияния, роли, важности няни приводится позднее стихотворение «Вновь я посетил» (1835):

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет – уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

За этими строками следует продолжение, которое служит наиболее важным аргументом защитников няни:

Не буду вечером под шумом бури
Внимать ее рассказам, затверженным
Сыздетства мной – но все приятным сердцу,
Как песни давние или страницы
Любимой старой книги, в коих знаем
Какое слово где стоит.
Бывало
Ее простые речи и советы,
И полные любви укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой...

«Какие еще нужны доказательства и характеристика той роли, которую сыграла неграмотная Арина Родионовна в жизни великого поэта? – эмоционально вопрошает литературовед. – И не дал ли сам Пушкин ответ тем мемуаристам, которые говорили о «преувеличениях»?⁵⁹ Пушкин действительно дал ответ пушкинистам: он сам вычеркнул эти строки.

Поэтические свидетельства используются в качестве документальных, а в них няня – образ. Он-то и выполняет историческую роль, которую сыграла неграмотная Арина Родионовна. Проще говоря, няня рассказывала Пушкину сказки, а его биографы стали сочинять сказки о няне. И чем больше восхваляли няню, тем явственней становилось то, чего авторы вовсе не хотели делать: оглуплялся Пушкин, художественный уровень произведений которого якобы оценивался доброй, но безграмотной прислугой. К тому же становилось ясно, что остальное «широкое народное окружение» поэта не играло роли, коль скоро только одна няня оказалась гениальной. Народ безмолвствовал.

Наглядная мифология

17 февраля 1918 года разоряют и сжигают Тригорское; 19 февраля грабят и затем поджигают Михайловское, или, как написано в советском путеводителе, «после Великой октябрьской социалистической революции в пушкинские места пришел настоящий, заботливый хозяин – народ».⁶⁰ «Издали увидела, – пишет свидетельница, – как двое мужиков и баба вывозят кирпич и железо с обуглившихся развалин дома-музея... Нашла в снегу осколки бюста, куски разбитой топорами мраморной доски от старого бильярда. Взяла на память страдальческий висок разбитой вдребезги его посмертной маски».⁶¹

Флигель, где жила Арина Родионовна, был, якобы, реставрирован в 1920 году красноармейцами, во что верится с трудом. «Я вызвал начальника саперной роты Турчанинова, – вспоминает начальник штаба отдельной башкирской бригады Красной армии, – и дал приказ: саперной роте выступить в Михайловское и восстановить домик няни».⁶² Начальник штаба вспом-

нил это в тридцатые годы, когда разгромленное крестьянами по известным причинам стали восстанавливать.

В 1949 году дом опять был «возрожден из пепла». Дизайн помещений, в которых предположительно жила Арина Родионова, планировался и осуществлялся лучшими архитекторами и декораторами Советского Союза. Флигель был переименован в «Домик няни». На том месте, где когда-то стояла «ветхая лачужка», создана творческая мастерская Великой Хранительницы русского народного духа, фольклора, языка, музыки поэта и создательницы его гения. В перестроенном под музей барском доме девичью переименовали в «Комнату няни». На стенах, как говорится в путеводителе, – «литературная экспозиция, рассказывающая о дружбе Арины Родионовны с Пушкиным». Заметим: порядок имен изменился, и теперь няня стала дружить с поэтом.

Избу Арины Родионовны в Кобрине, как утверждали некоторые источники, нашли подлинную, старый сруб, бревна XVIII века. Говорилось, что тут жили дальние потомки няни, и не говорилось, что они бросили дом, сумев перебраться в Ленинград. В доме поселилась сельская учительница-энтузиастка, спасшая его от разорения. На доме установили доску: «Здесь жила няня Пушкина Арина Родионовна».

В 1974 году, к 175-летию со дня рождения Пушкина, открыли этнографический музей, представляющий в общем виде убранство бедной крестьянской семьи. На стенах появились «изображения» няни, сделанные художниками. В магнитофонной записи зазвучал голос сказочницы, который «мог напоминать» голос няни. Разумеется, вся обстановка «подлинного дома няни» – чистая декорация: что и как могло и должно было бы быть, эдакий, мы бы сказали, музей наглядной мифологии. Случайно услышали, как дети, войдя в музей, спросили пожилую экскурсоводшу: «Это вы – Арина Родионовна?»

В последнее время и подлинность самой избы няни ставится под сомнение. Часть этой показухи – «Изба-читальня имени Арины Родионовны». Интересная мысль: читальня имени того, кто ничего не читал, потому что читать не умел. Были предложения поставить няне памятник, и он был сотворен в Кобрине и даже в Пскове, где Арина Родионовна, кажется, вовсе не была. В соседнем с Кобрином музее, дворянской усадьбе

Суйда, вотчине Ганнибалов, на мемориальной доске няня по велению идеологического начальства причислена к родным Пушкина – отцу, матери и сестре.

Понятно, что серьезным изъяном, снижающим роль незаменимой наставницы Пушкина, оставалась иконография, точнее, отсутствие таковой. Портрета няни при жизни сделано не было, но хотелось, чтобы портрет был. Попытки утверждать, что то или иное изображение женщины есть няня, имели место. В музее Пушкина в Петербурге портрет неизвестной женщины неизвестного художника со значительной степенью вероятности выдается за портрет Арины Родионовны. Горельеф женщины из моржовой кости (который кто-то подарил Горькому, а последний отдал его в музей) был сделан местным резчиком вроде бы через двенадцать лет после ее смерти, и тоже вряд ли имеет отношение к реальной няне.

Описаний внешности, если не считать осиповского «старушка чрезвычайно почтенная – лицом полная, вся седая», нет. Если няня была так близка Пушкину, то почему он не изобразил ее профиль, – он, который рисовал в рукописях даже и не очень близких людей? Существует женский профиль, набросанный Пушкиным и многократно обсуждавшийся. Рисунок находится в рукописи рядом со стихотворением «Предчувствие» и наброском «Волнением жизни утомленный». Может быть, говорится об этом изображении, «Пушкин в рисунках оплакивал няню».⁶³ А может быть, и нет, добавим мы.

Миф требовал пищи. В газетах, а затем во «Временнике пушкинской комиссии» появились статьи, в которых высказывалось предположение, что рисунки Пушкина – старой и молодой женщины – рядом со строками первой песни «Полтавы» изображают Арину Родионовну в двух возрастах. Более того, пишет Грановская: «На первом портрете она нарисована, вероятно, такой, какой поэт видел ее в последний раз на смертном одре – перед нами лицо старушки с уже застывшими чертами, с опущенными веками. Рядом же дан портрет юной Арины Родионовны, он более четок: выражение лица молодой женщины бойкое и задорное».⁶⁴

Н.В.Измайлов возражал Грановской: «Не является ли рисунок, изображающий девушку в кокошнике, портретом дочери Кочубея (еще не появившейся в рукописи поэмы), которой

приданы некоторые черты сходства с Марией Раевской (Волконской)?»⁶⁵ Однако спустя полтора десятка лет Грановская публикует книгу, в которой ее предположения подаются как достоверные факты: «Поэт увековечил ее молодой образ... Как бы убрав морщины с няниного лица, Пушкин представил ее себе такой, какой Арина Родионовна была в девичестве».⁶⁶

Иллюстрации к биографии и произведениям Пушкина, изображающие дряхлую голубку похожей на королеву, имеются в изобилии, но они – только фантазии художников, не более того. Няня стала одной из главных героинь «Евгения Онегина», настолько часто встречаются ее изображения среди иллюстраций к различным изданиям романа. Позже появились полотна маслом, барельефы и скульптуры няни, но мы совсем не знаем, как выглядела реальная женщина, прислуживавшая поэту.

Помехи в идеализации

Начиная с тридцатых годов нашего века, централизованно замалчивались иные взгляды на Арину Родионовну, а ведь критические голоса раздавались и на заре пушкинистики. Лев Павлицев, племянник Пушкина, в своих «Воспоминаниях», какими бы путанными их не считали, одним из первых заявил, что биографы и друзья поэта непомерно раздули роль неграмотной крестьянки Арины Родионовны в формировании детских впечатлений Пушкина.

Некоторые из биографов поэта, кто неумеренно восхвалял ее, по прошествии времени начинали перечить самим себе. Тот же Анненков после дифирамбов вдруг одергивает себя, комментируя рассказы няни: «Они поражают вообще хитростью и запутанностью содержания, которые иногда трудно и разобрать». Или: «Выходит так, как будто добрая и ограниченная старушка Арина Родионовна играла нечто вроде роли бессознательного мистического деятеля в жизни своего питомца». И дальше: «не ее слабая и немощная рука указала поэту ту дорогу, на которой он очутился».⁶⁷ В.Н.Майков писал: «Будем же беспристрастны и не станем преувеличивать влияния Арины Родионовны на Пушкина...»⁶⁸ Вересаев, любящий подробности, хотя и назвал ее вслед за Анненковым «знамени-

той», но в книге «Спутники Пушкина» бегло рассказывает о няне, цитируя строки Пушкина и Языкова.

Вряд ли няня понимала, что именно пишет барин и какое значение эти тексты имеют. А доказательства роли ее переходят в неумеренные обобщения и потому подчас выглядят пародийно. Ульяновский пишет: «Пушкин часто читал ей свои произведения и интересовался ее суждением. К сожалению, до нас не дошли ее отзывы о произведениях поэта».⁶⁹ Впрочем, эта мысль просто заимствована у Анненкова: «К несчастью, мы ничего не знаем, что думала няня о стихотворных забавах своего питомца».⁷⁰ Тогда в чем же ее гениальность? Впрочем, добавим мы, умение слушать – тоже талант, свойственный, правда, в еще большей степени, чем людям, собакам и кошкам.

В критический момент жизни Пушкина, когда жандармский офицер увозил его в Псков, няня, по рассказам, плакала, а барин ее утешал. Утром Яковлева явилась к Осиповой нечесаная и плакала навзрыд. Что ж, взял этот офицер какие-нибудь бумаги с собой? – спрашивали мы няню. – Нет, родные, никаких бумаг не взял и ничего в доме не ворошил; после только я сама кое-что поуничтожила... Что такое? – Да сыр этот проклятый, что Александр Сергеевич кушать любил, а я так терпеть его не могу, и дух-то от него, от сыра-то этого немецкого, такой скверный...» Цитата-то известная, но свидетельствует об уровне понимания Ариной Родионовной того, что происходило с поэтом.

Лицейст Пушкин помянул в шуточных стихах женщину, которую иногда в литературе называют Ариной Родионовной:

Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек.

Разумеется, это не она, ибо дальше говорится, что он целует у нее ручку, а она читает газеты, выживая оттуда сплетни. А главное, вовсе не чаёк любила пить няня. Многие знакомые Пушкина, вспоминая ее, подчеркивают страсть Арины Родионовны к выпивке. Воспоминания Пуштина: «Незаметно по-

летела в потолок и вторая пробка; попотчевали искрометным няню...»⁷¹ «Послание к няне» Языкова посвящено загулу:

Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашно подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!

Стихи Языкова «На смерть няни А.С.Пушкина» – тоже не печаль об ушедшем человеке, а воспоминание о трех гуляющих приятелях (Вульффе, Пушкине и себе):

Стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу!
Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли – и порой
К весне своей переносилась
Разгоряченную мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры
И звон стаканов об стакан.
Уж гасит ночь свои светила,
Зарей алеет небосклон;
Я помню, что-то нам про сон
Давным-давно ты говорила.
Напрасно! Взял свое токай,
Шумней удалая пирушка.
Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничать давай! (1830)

Добрая старушка только что умерла, а поэт приглашает ее в собутыльники. К концу Языков отмечает, что няня «как вино, красноречива». Вдохновленный ее горячительными наливками, Языков написал о няне Пушкина больше строк, чем сам Пушкин. «Это была старушка чрезвычайно почтенная, – придется повторить цитату из воспоминаний Марии Осиповой, – лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питом-

ца...» Следующая далее часть фразы в ряде изданий вырезана: «...но с одним грешком – любила выпить».⁷² Советский биограф няни объясняет ее склонность к алкоголизму в марксистско-ленинском духе: «Этот грех являлся отзвуком исконной черты всего села Суйды и тяжелых условий рабской жизни».⁷³

Проблему эту мы обсуждали с коллегой-фрейдистом, и его взгляд, возможно, тоже уместно привести. Согласно психоаналитической концепции, *oral gratification* – оральное наслаждение – идет у поэта не от матери, а от мамушки, то есть теоретической кормилицы, которая, за отсутствием настоящей кормилицы, остается для него во взрослые годы синтезированным образом в лице Арины Родионовны. Разница в том, что мастерица делать настойки потчует его теперь не молоком и не чайком, а самогоном. Почти классический вариант эдипова комплекса, в котором, однако, мать подменена мамкой, а сын получает наслаждение не прямо, а косвенно, соответственно платя за это любовью не матери, а няне.

Во время андроповско-горбачевской кампании борьбы с алкоголизмом вырубались не только виноградники в стране. Поступило указание пересмотреть классиков в учебниках для средней школы и вуза с точки зрения борьбы с алкоголизмом. Вслед за виноградниками стали вырубать и строки стихов. Из Министерства просвещения пришла инструкция редакторам учебников «Родная речь» и хрестоматий. У Пушкина было изъято:

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя, где же кружка,
Сердцу будет веселей.⁷⁴

Но оказался сбой: Всесоюзное радио часто повторяло популярный классический романс на эти слова в исполнении известных певцов, и дети в школе на переменах распевали именно эти четыре строчки. Вскоре романс перестали передавать по радио.

Другой аспект деятельности Арины Родионовны также замалчивается, хотя он был важен для Пушкина. Когда поэт подсчитал, что Наталья Гончарова его сто тринадцатая любовь, крепостные девушки и прочие случайные связи в список

вошли не все. Разумеется, не следует смотреть на это современными глазами. Например, приятель Пушкина Вульф практически открыто держал гарем, а Соболевский хвастался, что у него было 500 женщин.

Пуштин, посетивший Михайловского отшельника 11 января 1825 года, вспоминает: «Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличающуюся от других, не сообщая однако Пушкину моих заключений... Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было; я, в свою очередь, моргнул ему, и все было понятно без всяких слов... Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках».⁷⁵

Девушек этих, когда они беременели, спроваживали от барина подальше, а сам поэт просто объяснил: «У меня детей нет, а все выблядки».⁷⁶ В феврале 1825 года Пушкин выгнал экономку Розу Григорьевну. В письме он сообщает: «А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть!» П.Е.Щеголев предположил, что причина конфликта с экономкой была в том, что Пушкин вступил в связь с крепостной Ольгой Калашниковой, и няня ему в этом помогала. Щеголев восклицает: «Ох, эта Арина Родионовна! Сквозь обволакивающий ее образ идеалистический туман видятся иные черты. Верноподданная не за страх, а за совесть своим господам, крепостная раба, мирволящая, потакающая барским прихотям, в закон себе поставившая их удовлетворение! Ни в чем не могла она отказать своему неумичивому питомцу».

Комплекс Дон Жуана, эротомания, кратко говоря, обычно объясняется фрейдистами тем, что Дон Жуан не удовлетворен матерью и не может ее найти. Интерес Пушкина с молодости к женщинам намного старше себя (Карамзина, Голицына, Осипова, Собаньская, Хитрово и др.) при таком взгляде соотносится с его сыновней любовью к Арине Родионовне. А она опосредствованно выполняет прихоти своего барина, отбирая и поставляя ему девушек, когда поэту не спится.

Будем справедливы: некоторые пушкинисты даже в трудные советские годы придерживались умеренности. «Слушал сказки у Арины Родионовны и записывал их, записывал песни и сказки у других певцов и сказителей», – лишь раз, мельком,

упоминает няню выдающийся фольклорист М.К.Азадовский, исследуя фольклорные интересы Пушкина.⁷⁷ Иные оговаривались, что фольклорные материалы поэт собирал «конечно, со слов не одной только Арины Родионовны».⁷⁸

В комментарии к вышедшему в постсоветской России изданию лицейских стихотворений Пушкина – так называемому пробному первому тому будущего собрания сочинений – говорится чуть больше о французском образовании поэта, и о том, что «могло стать для мальчика источником интереса к русской литературной речи и – в какой-то степени – к фольклорной традиции: бабушка М.А.Ганнибал и опозитизированная впоследствии Пушкиным няня Арина Родионовна».⁷⁹ Гиперболы вроде бы поубавилось: *могло стать* источником интереса к русской речи, *в какой-то степени* – не к фольклору, а неопределенно – *к фольклорной традиции*. На первое место, как видим, вышла относительно интеллигентная бабушка Мария Ганнибал, – подобные формулировки раньше не могли вылететь из Института русской литературы. Да и *опозитизированная Пушкиным няня* (если мы не выдаем желаемое за действительное) кажется звучащей чуть иронично.

Сегодня миф об Арине Родионовне все еще существенен для многих, он – часть воспитания человека в российской культуре и в определенном духе. Не разрушать, а понять его было нашей задачей. И все же возникает простой, как глоток воды, вопрос, который автор обращает к самому себе, но он может вызвать негодование поклонников няни: нужно ли тратить быстротечное время, чтобы столь подробно ее рассматривать? Мне кажется, если няня не играла такой важной роли в жизни поэта, писать о ней в его биографиях лучше короче и в скромных тонах.

113-я ЛЮБОВЬ ПОЭТА

«Мещанская трагедия обрела величие мифа».
Марина Цветаева.¹

Число писательских жен значительно превышает число писателей – феномен, который требует особых размышлений. При этом ни одной из них в нашем отечестве, да, пожалуй, и во всей мировой литературе не придавалось такого значения и не создавалось такой популярности, как Наталье Николаевне Гончаровой-Пушкиной-Ланской.

Ни жены царей, ни жены советских вождей не были столь популярны. Пушкиной посвящена обширная литература и иконография. Единственная из жен писателей, она удостоилась чести попасть на почтовую марку. И – ни о какой другой жене не высказано столько противоречивых суждений.

Как известно, весной или осенью 1829 года Пушкин занялся любовной бухгалтерией. Сперва играючи вписывает в альбом Ушаковым так называемый Донжуанский список из шестнадцати женщин, заканчивающийся Натальей, а затем продолжает его, занеся еще двадцать одну возлюбленную; итого в двух списках оказывается тридцать семь имен.

«Донжуанским» этот перечень впервые назвал сын Елизаветы Ушаковой Павел Киселев.² М.Л.Гофман считал первый список платоническим, второй телесным.³ По мнению П.К.Губера, во втором «упомянуты героини более легких и поверхностных увлечений».⁴

Разумеется, составление списка в присутствии двух славных созданий, одну из которых, Екатерину, он примеривал в качестве невесты, было некоей разновидностью флирта. «Считать, что *Л* в такой форме изливал перед барышнями тайны своей души (которые у него, как у всякого человека, конечно, были), – убедительно полагал Ю.М.Лотман, – значит слишком невысоко ставить его культуру чувства».⁵ Возможно, учет, проведенный Пушкиным, хотя и в шутку, облегчал его метания в поисках невесты.

Пересчитывая своих возлюбленных не в гостях, а дома – на пальцах, на счетах или на бумаге, Пушкин увеличил их число более чем втрое, и у нас нет оснований ему не доверять. Об этом он сообщил в письме своей старой приятельнице Вере Вяземской приблизительно через полгода, около 28 апреля 1830 года. «Моя женитьба на Натали (которая, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь), – пишет он, – решена». В Донжуанском списке есть Вера и, скорей всего, это именно Вера Федоровна. Но она была женой одного из ближайших друзей, и эту старую одесскую историю лучше было бы не упоминать.

Интересно, что своими похождениями Пушкин любил хвастаться перед женщинами. А вообще-то и перед приятелями тоже. Но в список он не включил многие имена. Может, те, что забыл? Или те, что легко разгадывались? Или имена, которые были «в действии» в тот момент? Если так, то почему записал Гончарову?

Сто тринадцать – не так уж много при пушкинском образе жизни. Конечно, у пушкинистов было бы значительно больше работы, оставь Пушкин полный список, а не треть его. Если разделить число 113 на семнадцать лет – от первой влюбленности четырнадцатилетнего подростка в крепостную актрису Наталью в 1813 году до Натальи Гончаровой, то окажется, что в среднем у Пушкина было шесть с половиной женщин в год – неправдоподобно мало в его случае. Думается, реальная цифра значительно выше, особенно если сравнить с одним из ближайших друзей Пушкина Соболевским, который утверждал, что имел 500. При этом вне учета остаются легкодоступные женщины, которым вообще нет числа.

По словам Нащокина, Пушкин имел чувственное влечение даже к императрице.⁶ Впрочем, и сам поэт в другой записи

еще более расширяет любовное пространство: «Более или менее я был влюблен во всех хорошеньких женщин, которых знал». Слова Пушкина уточнил М.Л.Гофман: «Как поэт он считал долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался».⁷ Работа невозвращенца Гофмана «Пушкин Дон Жуан», изданная в 1937 году в Париже, противопоставлялась ханжеским советским юбилейным книгам. В Москве того времени Пушкина делали образцовым семьянином, а в Париже – Дон Жуаном.

Согласно пушкинской амурной доктрине, в жизни нет ничего важнее любви. Целеустремленность, энергия и щедрость поэта в сексуальной области были эквивалентны его гению. Возможно, то была часть или другая сторона этой гениальности. «Из страстей Пушкина, – писал Кёниг, – первая – его чувственная и ревнивая любовь».⁸

Трудно найти другого писателя, у которого Женщина играла бы такую важную повседневную, или, лучше сказать, абсолютную роль, – днем и ночью, в безделье и за рабочим столом. Его героини целомудренно-скромны: Татьяна Ларина и Маша Миронова, – а сам он всю жизнь любил распутных, легко доступных, до женитьбы и после, хотя для брака подыскивал нечто близкое своему литературному идеалу.

Его теоретическая концепция Женщины как хранительницы домашнего очага весьма консервативна и при этом еще идеализирована. Любовь для поэта не просто выше всех других страстей, она священна. По меньшей мере до ее окончания. Стало быть, священна и Женщина, так как только она сосредоточивает в себе эту любовь и при благоприятных обстоятельствах награждает ею мужчину. Она чище, бескорыстнее в любви, нежели мужчина. Она может изменить путь жизни мужчины, пока он влюблен. В каждой женщине, даже вполне ординарной, Пушкин, если он увлечен, находит небесные черты, святость, божественность. Даже профессиональная интриганка и доносчица Каролина Собаньская в его стихах оборачивается ангелом.

Многим из женщин, в разное время принадлежавшим поэту, повезло: они заняли почетные места в истории русской литературы, хотя большинство из них ничем, кроме любовного контакта с Пушкиным, такой чести не заслужило. С юных лет сопутствует ему длинная вереница молоденьких Лаур, ветре-

ных Лаис, которых он любит за «открытые желания», младых монашек Цитеры. Он любил парижскую проститутку Олю Массон, прибывшую на заработки в Петербург, Дориду, в объятьях которой он «негу пил душой», Фанни, ласки которой обещает вспоминать «у двери гроба», но которую забывает на следующий день. За ними следует Наташа, с которой он проводил время на травке, проститутка Наденька, полька Анжелика, продавщица билетов в бродячем зоосаду.

Другая его страсть: женщины, которые на пятнадцать-двадцать лет старше него. Последние – особый список, включающий Голицыну, Карамзину, Осипову, Хитрово, ту же Собаньскую. Страсть поэта к женщинам в возрасте – особая тема, скажем только, что их опыт, мудрость, вкусы, чувствительность повлияли на его мироощущение. Затем возникают несколько невест, не ставших его женами. Многие из возлюбленных так или иначе делили с поэтом радости и несчастья судьбы до конца его дней. Некоторые входили во второй или третий любовный круг уже и с женатым поэтом.

Немало остается загадочного, несмотря на полуторастолетние тщательные попытки исследовать каждый любовный порыв поэта. Тем более важен совершенно бесспорный факт, противоречащий тезису, с которого мы начали разговор: в отличие от многих других русских писателей жена у широко-масштабного многолюба Пушкина была одна.

Поляризация мнений

Миф о Пушкине как официальном государственном поэте №1 принижает реальное значение крупнейшего русского поэта. Это особая тема, которая только начинает разрабатываться, сперва, в основном, на Западе, а следом и российскими пушкинистами. «Литературная газета» – и это можно читать с иронией – назвала Пушкина «Генсеком русской литературы».° Сосредоточимся здесь на части этого мифа, на «подмифе» о жене государственного поэта. Поэт стал иконой, и создан официальный портрет его жены. Поэт превращен в идола, и Н.Н.Пушкина тоже. Жена, а затем вдова поэта остается первой леди русской литературы.

Полярность общественного мнения, сложившаяся еще при жизни Пушкиной-Ланской, отразилась на подходах к ней в литературоведении. Последующие полтора десятилетия в литературе о Пушкине развиваются разные Наталья Николаевна. Практически та женщина, какой ее видели и запечатлели современники, постепенно оказалась вытесненной из литературы.

Пушкин был жив, когда появились первые критические отзывы о его жене; критика усилилась после его смерти. Новый всплеск негативизма был в 1878 году, когда наследница передала Ивану Тургеневу письма Пушкина. Первые десятилетия нашего века дали много материала для спокойного, взвешенного анализа Натальи Николаевны. Затем, с конца тридцатых годов, начинается политизация, или, точнее, сталинизация пушкинистики. Ревизии подверглась в позднее советское время и литература о Пушкиной, причем спорное, не укладывающееся в официальную концепцию, не переиздавалось, исчезло из музейных экспозиций, лицемерный пуританизм наложил на исследования свой отпечаток.

На оценке г-жи Пушкиной отразилось вульгарное однопартийное мышление, причем большие заслуги нескольких предыдущих поколений пушкинистов игнорировались. В книге, ей посвященной, читаем, что, оказывается, все было проще, чем мы думали: «При свете марксистского понимания социально-политических отношений, вполне ясно, что не будь эпизода с ухаживанием Дантеса за Натальей Николаевной, драма все равно должна была бы разразиться с минуты на минуту, так как налицо были все социальные предпосылки ее».¹⁰

Политизация биографии пушкинской жены стала явной в сороковые годы, когда в пушкинистике начала использоваться терминология и методы НКВД. «Агентура правительства проникала всюду, – писал В.В.Ермилов, – она проникла в семью Гончаровых. Используя светское легкомыслие Натальи Николаевны, придворная камарилья сделала из жены поэта свое орудие... Создав таким образом почву для своих дальнейших действий, придворная камарилья подслала к Наталье Николаевне своего агента, космополитического проходимца без роду и племени, француза по происхождению, ставшего голландцем по подданству...»¹¹

Советская мифология достигла максимума в последние два десятилетия перед коллапсом системы. Сегодня, несмотря на крушение официальных догматов, мифологические тенденции остаются, а сторонники разных точек зрения пребывают в перманентной борьбе. Разные Натальи Николаевны сосуществуют в пушкинистике, но не ясна реальная, историческая. Сблизить позиции весьма сложно, настолько они разошлись. Налицо избыток фактов и недостаток научного, независимого от внешних причин, их осмысления.

Парадоксы сватовства

Вяземский долго не верит слухам о сватовстве Пушкина и возмущенно пишет жене: «Ты меня мистифицируешь заодно с Пушкиным, рассказывая о порывах законной любви его. Неужели он в самом деле замышляет жениться, но в таком случае, как же может он дурачиться? Можно поддразнивать женщину, за которую волочишься, прикидываясь в любви к другой, а на досаде ее основать надежды победы, но как же думать, что невеста пойдет, что мать отдаст дочь свою замуж ветренику или фату, который утешается в горе».¹²

Ахматова пересказывает эти слова Вяземского проще: «Как можно, любя одну женщину, свататься к другой». И прибавляет: «Княгиня Вера, вероятно, должна была понять, кого подразумевает ее муж под первой женщиной. Но мы очень далеки от этого понимания».¹³ Вряд ли, однако, эта первая женщина какая-либо иная, нежели Каролина Собаньская, и почему Ахматова ее не вычислила – загадка.

Пушкин мечется по ярмарке невест в Петербурге и Москве, особенно часто общается с сестрами Ушаковыми. В этом доме, литературном и музыкальном, в котором он бывает в 1830 году по три раза на день, поэт – предмет поклонения. Он веселится, сочиняет экспромты и влюблен в старшую дочь Екатерину, которая отвечает ему взаимностью. При этом известный публичный дом Софьи Астафьевны Пушкин посещает и после Лицея, и во время сватовства, и после женитьбы.

Наталья Гончарова мгновенно остановила на себе внимание Пушкина, показавшись ему абсолютным совершенством.

Поэт забыл, как еще недавно писал о своей однофамилице Софье Пушкиной, на которой решил вдруг жениться: «прекраснее быть невозможно».

Девочка Гончарова блистала на своих первых балах. Бутон только-только начал превращаться в цветок. Вересаев говорит, что «она Пушкина еще не читала», но у нас слишком мало свидетельств, что она и потом что-либо читала. Знаем мы, что один раз она написала брату, как из «Иностранного обозрения» узнала про недостатки строения головы. Как полагает Вересаев, она вообще «всю жизнь была к поэзии совершенно равнодушна. И какое могло быть духовное общение между Пушкиным и малообразованной шестнадцатилетней девочкой, обученной только танцам и уменью болтать по-французски?». ¹⁴ Средний уровень барышень круга, в котором общался поэт, в обеих столицах был значительно выше.

Сватовство поэта к Наталье Гончаровой идет на фоне бурных отношений с Каролиной Собаньской. Пушкин называл ее демоном, но, кажется, никого он так страстно не любил, как ее. Кое-кто из пушкинских приятелей знал, что она писала тайные доносы. Например, Филипп Вигель говорил, что под ее щеголеватыми формами скрывались мерзости. Пушкин же не ведал о ее тайной жизни и писал, что его душа – боязливая рабыня ее души.

4 марта 1830 года поэт неожиданно расстается с Собаньской в Петербурге и едет в Москву. 6 апреля он просит руки Гончаровой. Жест психологически понятный: от отчаяния в любви женитьба на альтернативном варианте, своего рода месья любовнице, которая не захотела продолжения отношений или отношений более серьезных. У Собаньской был генерал Витт и много периодических поклонников.

В день помолвки Пушкина с Натальей Николаевной в «Литературной газете» опубликовано его стихотворение «Что в имени тебе моем?», обращенное к Собаньской:

Но в день печали, в тишине,
Принеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

Если бы невеста и ее круг прочитали стихи и знали, кому они адресованы, помолвка не состоялась бы. Через два месяца после помолвки Пушкин, оставив невесту, снова мчит в Петербург якобы по делам, а в действительности – к Собаньской. Мы не знаем, как выглядела эта женщина: ни единого портрета ее не сохранилось, хотя она умерла, когда ей был 91 год. Не знаем мы и ее отношения к поэту, но догадываемся: в записках, которые она тщательно вела с 1822 по 1843 год, имени Пушкина нет вообще.¹⁵

Весь процесс перехода поэта в женатое состояние достаточно хорошо известен по многим источникам. Перечитывать эти тексты сегодня и грустно, и смешно. Видно, как для Пушкина тяжело и нелепо преодоление материала: равнодушие невесты, неприязнь матери, внутреннее противление собственных родных, друзей и самого себя, наконец, ирония его бывших и нынешних подруг. Вопреки логике и рассудку, жизненному опыту и советам близких умнейший человек России рвался заполучить в жены красивую куклу.

Как все-таки выглядела последняя невеста, ставшая женой Пушкина? Имеется ряд ее рисунков, но лишь один портрет, сделанный Александром Брюлловым, братом знаменитого живописца, относится ко времени их брака. Первый дагерротип и фотографии сделаны уже после смерти Пушкина, во втором браке, когда ей под сорок.

Проницательный человек Долли Фикельмон отмечает в дневнике, что «невозможно быть прекраснее, ни иметь более поэтическую внешность, а между тем у нее немного ума и даже, кажется, мало воображения».¹⁶ И там же горькие слова о Пушкине: «Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии». Ревность? Может быть. Но столетие спустя Сергей Булгаков комментирует: «Красота была только красотью, формой без содержания, обманным осиянием».¹⁷

И все же выражение «гений чистой красоты», которое поэт заимствовал, как известно, у Жуковского и подарил другой женщине, возможно, больше подошло бы к жене. Впрочем, Пушкин говорил Павлу Вяземскому, что вроде бы и знаменитая «Мадонна» написана была сперва для другой женщины.¹⁸

Немного стихов написал он для жены. Будь Гончарова чуть старше, держали бы ее дома чуть менее строго, дав возмож-

ность Пушкину пообщаться с ней накоротке, – возможно, она наскучила б ему быстрее многих предыдущих его женщин. Неведение присовокупляло к красоте ореол загадочности. Опытный Пушкин купился и вел себя, как подросток, влюбившийся в первый раз. Неужели же он просто притворялся, что так наивен?

За три года до этого, порываясь жениться, он весьма трезво оценивал себя и свою другую, несостоявшуюся невесту как нечто несовместимое. «Жизнь моя, доселе такая кочевая, такая бурная, характер мой – неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно – вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья, – писал он по-французски, едва выбравшись из перевернутых саней, помятый, лежа на чужой кровати и тяжело дыша, приятелю В.П.Зубкову 1 декабря 26 года. – Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером – судьбу существа, такого нежного, такого прекрасного?» Тогда речь шла о Софье Пушкиной.

Так или иначе, но сто двенадцать уроков, преподанных ему другими женщинами, не помогли. Похоже, он добивался этой девушки потому, что поначалу она оказалась неприступной.

Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.

А ему даже не удавалось остаться с невестой один на один, чтобы ошеломить ее этим своим могучим и неотразимым оружием. Запретный плод казался на расстоянии во сто крат слаще. Но как только он получил согласие, мы видим, как он начинает пятиться назад, мечась между данным словом и сомнениями в разумности всего предприятия в целом. Он пришел в восторг от божественной красоты, а женился на серой провинциалке. Он назвал ее мадонной, а хотел заполучить друга, жену и хозяйку. Но, как говорится в старом анекдоте, многоженство запрещено.

Порой он уповал на обстоятельства, которые могли бы расстроить свадьбу, и рвался за границу. Впрочем, его опять не пустили. Как все глупо: русская литература, да что там, вся культурная история России оказалась заложницей вздорной и

недалекой женщины, которая, сказав «да», стала тещей великого поэта. Но из песни слова не выкинешь.

Через полтора года, добившись согласия своей будущей тещи, он отчетливо сознавал, что невеста его не любит: «...я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться». Он сознавал, что она ему не пара, все, чем он живет, не представляет для нее интереса.

Больше того, его собственная влюбленность в нее остыла, может быть, прошла: «Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого, – пишет он Кривцову 10 февраля 1831 года. – ...я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня, они входят в мои домашние расчеты». Его поступки легко теперь считать глупыми, но трезвость ума в понимании предстоящего шага его не покидает.

Цветаева с пристрастностью, будто Пушкин мог принадлежать ей самой, заявила, что имя Наталья Гончарова – «зло-счастное созвучие».¹⁹ Но при этом полагала, что Наталья в происшедшем не виновата. Пушкин хотел жениться и, опытный человек, знал, на что идет: на вечное равнодушие, безучастность, недалекость и эгоизм. «Он хотел нуль, ибо сам был всё».²⁰ Сказано красиво, но вряд ли «он хотел нуль»; поначалу, ослепленный влюбленностью, помноженной на давнее желание во что бы то ни стало жениться, он не знал, что она до такой степени «нуль».

«Нуль» – несправедливое, обидное, но с Цветаевой нельзя не согласиться, что Гончарова тоже потерпела поражение, а вовсе не выиграла после атаки Пушкина. Жизнь ее показала, что другим мужчинам она вполне подходила, соответствовала, и была с ними счастливее, чем со своим первым мужем.

С его мистическим предчувствием дурного Пушкин, однако, добровольно сам себя загнал в угол. А добившись победы, стал думать, как избежать свадьбы. Ему нужна была поддержка друзей – «и теперь не совсем счастливому». «Судя по его физиономии, можно подумать, что он досадует на то, что ему не отказали, как он предполагал», – пишет Озерова, встретившая Пушкина с Натальей Николаевной на представлении в Благородном собрании.²¹

В стихотворении «Поедем, я готов» он называет ее «надменной», «гордой» и «в гневе». Но можно ли было на надменной жениться? Пушкина спросили, сообщает Александр Булгаков брату: «...говорят, что вы женитесь?» – «Конечно, – ответил тот. – И не думайте, что это будет последняя глупость, которую я совершу в своей жизни».²² Да и сам поэт в письме к Плетневу, кажется, уже жалеет, что дал слово: «Черт догадал меня бредить о щастии, как будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью».

Друг поэта Соболевский вспомнил, что из дома своей невесты на Большой Никитской Пушкин глядел на гробовую лавку, а потом написал «Гробовщика».²³ Поэт рвется жениться, а хорошо ему, когда он один, без невесты: «Ты не можешь себе представить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать», – пишет он Плетневу из Болдина.

«Пушкин женится на Гончаровой, между нами сказать, на бездушной красавице, и мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной трактат».²⁴ Это сообщает приятель поэта Сергей Киселев под текстом письма Пушкина их общему знакомому Алексееву, так что почти наверняка Пушкин этот текст совместного дружеского письма перед отправкой прочитал и, как видим, ничего не возразил. В Болдине у Пушкина, пока он не может попасть к невесте, между прочим, протекает новый роман, разумеется, не серьезный и потому не в счет, с Февронией Виляновой, дочерью зажиточного крестьянина.

Бартнев записал рассказ Нащокина: «...он хотел было совсем оставить женитьбу и ехать в Польшу единственно потому, что свадьба, по денежным обстоятельствам, не могла скоро состояться. Нащокин имел с ним горячий разговор по этому случаю в доме кн. Вяземского». Думается, слово «единственно» тут не надо понимать слишком буквально: причин было больше и ситуация запутанней.

«Намереваясь отправиться в Польшу, – записывает Бартнев, – Пушкин все напевал другу Нащокину: «Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи».²⁵ «В городе опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходуется, – пишет Александр Булгаков брату. – Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной, но и для него лучше

было бы, кабы свадьба разошлась».²⁶ Впрочем, Л.Гроссман считал, что нежелание Пушкина жениться преувеличивалось, хотя доказательств не привел.

По требованию тещи Пушкин вынужден спрашивать перед свадьбой о своей благонадежности того, кто тайно за ним следил. Можно представить ухмылку Бенкендорфа, когда он выдал такую «справку», дабы поэт предъявил теще. «К тебе собираюсь, – сообщает Пушкин Вяземскому. – Но по службе должен провести сегодняшний и завтрашний день в Москве у невесты». «По службе должен» – шутка, конечно, а все же в ней проглядывает тяготящая его обязанность.

Ему уже ясно, что с женитьбой счастья не прибавится. Еще недавно он писал своей соседке Осиповой: «В вопросе счастья я атеист; я не верю в него...» Или: «Я никогда не хлопотал о счастье: я мог обойтись без него. Теперь мне нужно его на двоих, а где мне взять его?» Но вот, женившись, через три месяца он докладывает Плетневу иначе: «Я женат и счастлив... Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился».

Если это действительно так, то похоже, он был счастлив за себя и за нее. И любил один за двоих. Он с самого начала это понимал, ведь еще раньше писал будущей теще: «...если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца». И – сочиняя ее любовь к себе, Пушкин вносил роковой, безальтернативный момент: «Мой ангел, ваша любовь – единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься...»

Накануне помолвки в письме к будущей теще он ясно-видчески упомянул о возможности блестящего вдовства для Натальи Николаевны. И тогда же описал на трех страницах всю историю своего несчастного брака («Участь моя решена. Я женюсь...»). «Женитьба была несчастье его, и все близкие друзья его сожалели, что он женился», – рассказывал Николай Смирнов.²⁷

Перед свадьбой, вспоминал поэт Языков, «у Пушкина был девишник, так сказать, или, лучше сказать, пьянство прощальное с холостой жизнью». Пушкин читал стихи о расставании с молодостью и покаянии в грехах. Эти стихи в попойке потялись.

Первый эксперимент в брачном бюро

В наши рассуждения о невесте Пушкина необходимо ввести оговорку. Хотим мы того или нет, мы оцениваем Наталью Николаевну с позиций людей конца двадцатого века, навешивая на нее, Пушкина и их окружение наши представления, нравы, мораль. Другие поколения будут, возможно, смотреть иначе.

В поисках независимого суждения мы решили помочь Пушкину в выборе невесты, или, другими словами, проверить правильность его выбора современным способом, для чего был установлен контакт в Сан-Франциско с брачным бюро, одним из солидных, имеющим опыт успешной работы в течение семнадцати лет.

Работа этого брачного бюро, за исключением ввода данных, полностью запрограммирована, субъективный фактор сведен к минимуму, что и определило наш выбор именно этого учреждения. Не станем утомлять перечислением обширной базы данных, которые требуются для брачного бюро. Некоторые из них были для компьютера важными: например, рост (Наталья Гончарова и Софья Пушкина были значительно выше Александра Сергеевича), внешние данные, темперамент, etc.

Оговоримся также, что, как и читатель, мы прекрасно представляем себе всю условность данного эксперимента. В качестве примера приводим часть введенных данных. Для устранения возможных ошибок четные числа в брачном бюро отведены женщинам, нечетные мужчинам.

Поиск для регистрационного номера 0809457

Фамилия: Пушкин

Имя: Александр

Возраст: 31 год

Национальность: русский

Расовое происхождение: смесь белого и африканца

Внешность (определение по «фотографии» – на вкус и опыт сотрудницы брачного бюро. А – красив, В – некрасив, С – обычный): В – некрасив.

Образование: Царскосельский лицей

Профессия: автор, поэт

Должность (вместо предложенного «чиновник 10 класса, отстранен от службы» пришлось вписать понятное компьютеру): клерк, переводчик, в данное время безработный

Материальные возможности (достаток-недостаток): недостаток денег

Хобби: игра в карты, бильярд, рисование, путешествия, прогулки, баня, стрельба из пистолета.

Как известно, в течение четырех лет Пушкин остановил внимание на четырех кандидатурах в невесты: Софье Пушкиной, Анне Олениной, Екатерине Ушаковой и Наталье Гончаровой. Возраст каждой из них указан на дату сватовства.

Кандидатура 0809460

Фамилия: Пушкина

Имя: Софья

Возраст: 20 лет

Национальность: русская

Расовое происхождение: белая

Внешность: А (красива)

Образование: домашнее

Профессия: нет

Должность: не служит

Материальные возможности: достаток

Хобби: рукоделие, вышивка

Кандидатура 0809458

Фамилия: Оленина

Имя: Анна

Возраст: 20 лет

Национальность: русская

Расовое происхождение: белая

Внешность: А (красива)

Образование: домашнее, гуманитарные науки, в т.ч. языки

Профессия: нет

Должность: фрейлина (для компьютера – служащая аппарата первой леди)

Материальные возможности: достаток

Хобби: чтение французских романов, поэзия, театр, общение.

Кандидатура 0809462

Фамилия: Ушакова

Имя: Екатерина

Возраст: 17 лет

Национальность: русская

Расовое происхождение: белая

Внешность: А (красива)

Образование: домашнее, гуманитарное

Профессия: нет

Должность: не служит

Материальные возможности: достаток

Хобби: театр, чтение, литературные занятия, поэзия, рисование, переписка и общение с друзьями

Кандидатура 0809456

Фамилия: Гончарова

Имя: Наталья

Возраст: 17 лет

Национальность: русская

Расовое происхождение: белая

Внешность: А (красива)

Образование: домашнее (французский язык, танцы)

Профессия: нет

Должность: не служит

Материальные возможности: недостаток денег

Хобби: верховая езда, вышивка крестиком.

Компьютер прервал анализ данных и потребовал уточнения, не является ли Софья Пушкина родственницей, чтобы предупредить возможность кровосмешательства. Она не являлась, и это было введено в программу.

Опустим методику подбора пар, подготовки и обработки информации для компьютера, так как это уведет нас в сторону. Сообщим лишь итоговый ответ, выданный компьютером: наиболее приемлемой программа посчитала для Пушкина Екатерину Ушакову. Резервный вариант: Анна Оленина. Неподходящими кандидатурами компьютер назвал номер 0809460,

то есть Софью Пушкину, а также номер 0809456, то есть Наталью Гончарову.

Интересно, что компьютерный выбор жены для Пушкина оказался сходным с мнением о Екатерине Ушаковой В.В.Вересаева, который писал: «...хочется как можно больше знать об этой девушке, не только любившей Пушкина, но и умевшей его ценить. Не перейди ей дорогу пустынькая красавица Гончарова, втянувшая Пушкина в придворный плен, исковеркавшая всю его жизнь и подведшая под пистолет Дантеса, – подругою жизни Пушкина, возможно, оказалась бы Ушакова, и она сбегла бы нам Пушкина еще на многие годы».²⁸

Впрочем, компьютер получил возможность еще больше уточнить свое заключение, но об этом несколько дальше.

«Брак холостит душу»

Так писал поэт за пять лет до женитьбы по поводу свадьбы Боратынского. Позже Пушкин написал Кривцову: «Ты без ноги, а я женат!» Но поэт видел свадьбу и в еще более мрачных тонах: «Несчастья жизни семейственной есть отличительная черта в нравах русского народа... Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный».

Русский издатель и литературовед Петр Перцов назвал женитьбу Пушкина типичным браком старика с молодой, но это не так. Брак с такой разницей в возрасте был типичным и нормальным. Пушкину 31 год, Наталье почти 19. Дело в другом.

О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна, без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемля ничему,
И разгораешься потом все боле, боле –
И делишь, наконец, мой пламень поневоле.

В сочинениях это стихотворение публикуется по традиции под 1830 годом. Но дату в рукописи поставил Соболевский, видимо, по памяти, а Бартенев приписал: «19 Генваря». Одна-

ко под стихотворением, не публиковавшимся при жизни и найденным после смерти Натальи Николаевны вторым мужем Петром Ланским в ее бумагах, стоит 1831 год, а в некоторых списках даже 1832-й.

Вересаев без доказательств считал временем создания стихотворения начало брачных отношений Пушкиных, и нам кажется это логичным; даты Соболевского и Бартенева предположительны. В сочинениях стихотворение помещено в раздел «1827-1836», т. е. без даты. Если только оно действительно относится к Наталье Николаевне, то, судя по содержанию, оно написано в 1831 году, не ранее 18 февраля, то есть после, а не до первых брачных ночей.

Вначале эта холодность жены его восхищает. Надолго ли? И что может быть в браке печальнее постели поневоле? Сегодня это называется *sexual harassment*. Сексуальная жизнь, «не внемля ничему» – таково первое поэтическое свидетельство мужа. По-видимому, и потом в сексуальном плане их темпераменты оставались разными, что отнюдь не привязывало Пушкина к жене.

Брак радикально изменил статус юной г-жи Гончаровой. А жизненный стиль поэта? Пушкин внушал себе, что начинает новую, с другим укладом, жизнь, но продолжал ту же. Жену он оставил утром первого дня одну в снятом для них доме на Арбате, чтобы провести день с друзьями.

Но и она поразила друзей поэта. Кольваль Френкленд, англичанин, познакомившийся незадолго до этого с Пушкиным, вспоминает, как был приглашен к нему на обед. В гостях были также Киреевский и Вяземский. Френкленд отмечает: «Прекрасная новобрачная не появилась».²⁹ Кажется, ситуацию лучше всех понял тогда Вяземский: «Ему здесь нельзя будет за всеми тянуться, а я уверен, что в любви его к жене будет много тщеславия. Женившись, ехать бы ему в чужие края, разумеется, с женою, и я уверен, что в таком случае разрешили бы ему границу».³⁰

Редко цитируется детальная запись старого приятеля Туманского, посетившего квартиру Пушкина вскоре после женитьбы: «Не воображайте, однако же, что это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина – беленькая, чистенькая девочка с правильными черными и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна: а

все-таки московщина отражается на ней довольно заметно. Что у нее нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду, что у нее нет ни опрятности, ни порядка, о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды».³¹

Представим себе шестилетнюю семейную жизнь Пушкиных в виде кривой, подъем которой означает счастье или, лучше сказать, благополучие. Зная факты, обнаружим, что этот подъем после бракосочетания не продолжителен, он то и дело омрачается материальными и психологическими проблемами. Затем на некоторое время ситуация стабилизируется. Появляются дети.

Протоиерей С.Булгаков, ссылаясь на мнение Достоевского, что в жене Пушкина соблазнительное смешение мадонны и Венеры. Она мадонна-фрейлина, мадонна-хозяйка, мадонна, рожавшая одного за другим детей.³² Поэт хочет сбросить с себя цепи, которые, погорячившись, надел. Он укрывается в дионисизме, по выражению о. Булгакова, в духовном обывательстве. Жизнь его раздваивается.

Пушкин любил детей, но нет доказательств, что играл, гулял или занимался с ними. На то были слуги. Нащокин вспоминает, что Пушкин «плакал при первых родах и говорил, что убежит от вторых». И действительно стал бегать. Весной 35-го, когда Наталья Николаевна была на сносях, поэт без очевидной нужды уехал в деревню и вернулся, когда жена уже родила. Через год, когда жена донашивала следующего ребенка, Пушкин жил у Нащокина в Москве и, вернувшись, на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь. После бала у Натальи Николаевны выкидыш, и Пушкин записывает в дневник: «Доплясалась».

Поэт, хотя и своеобразно, но исполняет семейный долг. Он все еще, судя по его письмам, любит жену. В ее письмах к брату, дошедших до нас, практичность, провинциальная пошловатость, бесконечные просьбы прислать еще денег. Его письма – свидетельства того, как поэт принаравливается к уровню и вкусам жены.

Пытался ли он поднять ее, заинтересовать, сделать образованней, ближе к себе по духу? Убедился, что это невозможно, или спервоначала отделил свою деловую и духовную жизнь от

семейной и жил этой жизнью с другими, не очень допуская жену в свое святая святых? Ведь если в его письмах к ней идет речь о литературе, то только с точки зрения извлечения доходов. А если о жизни, то единственно о тривиальных сплетнях, кокетстве, ревности.

Ревность оказалась едва ли не самым сильным чувством в спектре Натальи Николаевны, и, нам кажется, она в том не виновата. Она ревновала Пушкина к друзьям, ко всем его старым подругам. И, конечно, к новым. Относительно последних у нее были основания. Увидев новую симпатичную женщину, поэт загорался мгновенно, и брак ему в этом не мешал. «Жена Пушкина часто и преискренно страдает мучениями ревности, – свидетельствует Софья Карамзина, дочь историографа, – потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить поэтическую голову ее мужа». Впрочем, сам он уже не считает других женщин посредственными.

Вслед за поэтом, можно продолжить Донжуанский список его возлюбленных, появляющихся параллельно Наталье Николаевне. №114 – графиня Надежда Соллогуб, №115 – Александра Смирнова, №116 – графиня Дарья Фикельмон, №117 – белокурая красавица Амалия Крюднер, за которой Пушкин энергично ухаживал при жене на балу у Фикельмонов. Наталья, заметив это, уехала, а дома вlepила мужу пощечину. Поэт со смехом сообщал Вяземскому, что «у его мадонны рука тяжеленька».

Пушкина была прекрасна, но отнюдь не вне конкуренции, как гласит миф. Или – к этому времени перестала быть прекрасней всех в глазах поэта, поскольку появилась серьезная соперница – прелестная баронесса Амалия Крюднер. Тютчев посвятил ей «Я помню время золотое». Кстати, ею был занят Николай I в 1838 году, а затем уступил баронессу Бенкендорфу.

За Крюднер в перечне поэта следует №118 – графиня Елена Завадовская, о которой персидский принц Хозрев-Мирза сказал, что каждая ресница этой красавицы ударяет в сердце.

Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.

Долго считали, что стихотворение Пушкина «Красавица» посвящено Наталье Николаевне, но оказалось, что оно вписано самим поэтом в альбом графине Елене Завадовской. Таким образом, через год после женитьбы по сравнению с №118 – Завадовской – его собственная Мадонна №113 отходит в тень, в «красавиц наших бледный круг». Новые его женщины оказывались лучше хотя бы тем, что были новыми.

Через два с половиной года после женитьбы в «Медном всаднике» и «Пиковой даме», которые пишутся в Болдине в октябре и начале ноября 1833 года, появляется трагическая тема разъединения мужчины и женщины потусторонними силами, – не новая в литературе, но новая для творчества Пушкина. Сама по себе вариация эта тщательно исследована в Америке Р.Г.Шульцем.³³ Мы, со своей стороны, отметим бросающуюся нам в глаза подсознательную связь этой литературной темы с семейной проблемой Пушкина. В семье поэта возникает трещина.

Конец 33-го года в судьбе поэта переломный. «При скудности духовной природы главное содержание внутренней жизни Натальи Николаевны давал светско-любовный романтизм, – пишет П.Е.Щеголев. – Красивейшая женщина, она делала мужа объектом светского вращенья, которое он любил и сам, но тут не мог собой управлять. Всеобщее ухаживание за красоткой сделало его подозрительным, ревнивцем, Отелло... Пушкин беспрестанно упрекает и предостерегает жену от кокетничанья, а она все время делится с ним своими успехами в этом ремесле и беспрестанно подозревает Пушкина в изменах и ревнует его».³⁴

Многие относились к жене его отнюдь не как к Мадонне: то было обычное волокитство. В письме Пушкин страшает жену: «Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя». Слова о разводе сказаны в шутку, но серьезна суть: в 34-м кривая их отношений продолжает ползти вниз. Поэту становится скучно, он тяготится бременем семьи. В середине пути этого шестилетнего брачного союза зреет первый кризис.

«Я буду думать мы» – полагал он раньше. Теперь ему ясно, что это не осуществилось. Он остался одиноким, жена не ста-

ла частью этого «мы». Четыре года назад в женихах он писал в уже цитированном нами письме к Плетневу: «Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь, а невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связывает». Наяву происходило как раз обратное. С женой писать оказалось трудно, притом он постоянно пребывал связанным по рукам и ногам непомерными расходами: «Дай, сделаю деньги, не для себя, для тебя». И при этом азартно играет и много проигрывает. Не усугубилось ли его пристрастие к игре от разочарования в семейной жизни?

Наталья Николаевна продолжает существовать сама по себе, в другом измерении. Но теперь у него к ней возникает недоверие. От кого-то (мы не знаем, от кого) Пушкин слышит что-то такое (не знаем, что), и это дает мужу основание полагать: жена его болтает лишнее. «Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не даешь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело... но если ты виновата, так это мне было бы больно... Никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники. Но знаю, что этого быть не может; а свинство уже давно меня ни в ком не удивляет».

Коли «быть не может», то чего же поэту жену страшать, что происходит утечка конфиденциальной информации? Я.Л.Левкович, комментируя эту мысль Пушкина, считает, что «он не исключает возможности читательского интереса (именно читательского, а не бытового) к своим письмам».³⁵ Но почему бы, спросим мы, и не бытового? И не полицейского? И не личного интереса Бенкендорфа, и особенно царя, тем более, что он в письмах упоминается?

Потом недоверие становится еще круче, ультимативнее, почти как решение отстранить жену из числа близких друзей: «Новостей нет, да хоть бы были, так не сказал бы». Мог употребить «не написал бы», имея в виду перлюстрацию почты, а тут «не сказал бы». Трещина между супругами расширяется, а разговоры его жены с непоименованными ее знакомыми все чаще оказываются в интересах его литературных и политических врагов. Он понимает, что другие лица оказывают на его жену влияние больше, чем он.

Даже в мелочах Наталья Николаевна поступает наперекор ему, как ей хочется. Он просит ее не ездить в Калугу, не посещать какого-то бала, она это игнорирует. Она описывает своих ухажеров, дразня его и обижая: «Женка, женка! если в эдакой безделице ты меня не слушаешь, так как мне не думать...»

Поэт искал покоя, опоры, а главное, счастья в женитьбе: «Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив», – пишет он. И, похоже, старается уверить в этом больше самого себя. Его тяготит служба, в которую он впрягся из-за бесконечных семейных долгов. «Теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно поступать, как им угодно... Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни».

От того, что он обращается к ней в письмах «Милый мой ангел», «Душа моя», «Душка моя», «Милый друг» и «Царица моя», называет «уменькая и миленькая», ничего не меняется. Его попытки приблизить ее («а душу твою люблю еще более твоего лица»), объяснить ей ее роль как жены писателя безуспешны. Впрочем, в 1834-м обращения к ней в письмах все чаще звучат иначе: «Что, женка!», «Ну, женка!», «Нашла за что браниться!», «Ты, женка моя пребезалаберная», «камерпажиха», «Все вы, дамы, на один покрой», «Стыдно, женка», «Какая ты дура, мой ангел!»

Струна семейных отношений натягивается все более, кривая ползет вниз. Она занята своим успехом. Он больше не может жить так, как жил. Семья и творчество, а точнее, жена и творчество оказываются несовместимы.

В литературе идеализируется Пушкин как семьянин, и это создает иллюзию легкости жизни Натальи Николаевны с ним. Он любил ее, о чем то и дело говорят его письма. Сперва честолюбию льстило всеобщее внимание к его жене, которое делало его более известным не самого по себе, но как средоточие сплетен и пересудов. А в нем при этом превалировал эгоизм мужчины, живущего своим профессиональным делом и имеющего стойкие привычки и свойства характера, которые он в женитьбе не утратил.

После требующего уединения труда он искал разрядки. Ею были обильное общение с друзьями, охота к перемене мест,

игра в карты, женщины. «Пушкин только с зарею возвращался домой, проводя ночи то за картами, то в веселых кутежах в обществе женщин известной категории... и часто, смеясь, посвящал ее в свои любовные похождения», – пишет дочь Натальи Николаевны от второго брака, видимо, со слов матери.³⁶

Жена терпела, но мы не знаем, что происходило в ее душе. Возможно, обида накапливалась, нежелание мужа считать важным то, что было интересно ей, отражалось на ее поступках, на ее отношении к нему. Неудовлетворенность не находила выхода. Обделенная его вниманием, она искала сочувствия у других.

В 35-м все явственнее видятся Пушкину перемены в семейной жизни. Он проходит по старому Донжуанскому списку. Он заезжает в Малинники «для сбора некоторых недоимок», то есть для того, чтобы заняться любовью со своими старыми подругами.

В сентябре 35-го, через пару месяцев после прошения об отставке с мыслью о переезде в деревню, следует его нежнейшее письмо к падчерице Осиповой Александре Беклешовой, роман с которой был закручен десять лет назад. Она в его Донжуанском списке значится под номером 20. «Приезжайте, – умоляет он, – ради Бога... У меня для Вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться». Она уже замужем, но... Бурсов первый предположил: «...размышляя о побеге «в обитель дальнюю трудов и чистых нег», не думал ли он, что и подруга у него будет другая?»³⁷ В январе 37-го он встречался с Беклешовой опять.

Возникает роман №119 с сестрой жены – Александриной, с которой поэт сошелся, когда жена была в очередной раз на сносях. Вересаев пишет: «Можно считать установленным, что в последние годы Пушкин находился с Александриной в тайной связи».³⁸ «Александр представил меня своим женам, – писала Ольга, сестра Пушкина, – теперь у него их целых три».³⁹ Согласно легенде, потерянный Александриной крестик камердинер нашел в кровати Пушкина, когда стелил постель. Но факт, что у поэта была духовная близость с сестрой жены больше, чем с женой. Умирая, Пушкин отдал Вере Вяземской цепочку с нательным крестом, прося передать ее Александрине, и та вспыхнула, цепочку получив. Все это стало отвергаться цело-

мудренной советской пушкинистикой, что мало способствовало полнокровному изучению жизни поэта.

В мае 36-го Пушкин пишет жене из Москвы, что хочет там остаться месяцев на шесть, понимая, что она к нему ехать не захочет. Поразительно, что письмо от 18 мая 1836 года начинается так: «Жена, мой ангел, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все-таки я с тобою побранюсь: зачем тебе было писать? Это мое последнее письмо, более не получишь».

Конечно, имеется в виду, что письмо последнее в связи с отъездом из Москвы. А все ж оторопь берет от совпадения с тем, что вышло в действительности: хотя Пушкин жил еще восемь месяцев, это и впрямь его последнее письмо к жене. Надвигался второй кризис, за которым последовала дуэль.

Взаимное несчастье

Соболевский за границей удивлен, что Пушкин стал писать «бесцветно и приторно. Да что с ним, с нашим Пушкиным, сделалось? Отчего он так ослабел? От жены ли или от какого-нибудь другого, всё исключаящего, всё вытесняющего большого труда?»⁴⁰

Карл Брюллов, с которым Пушкин очень сдружился в конце жизни, увидел «картину натянутого семейного счастья». Брюллов не утерпел и спросил: «На кой черт ты женился?» Пушкин ответил: «Я хотел ехать за границу – меня не пустили, я попал в такое положение, что не знал, что делать, – и женился». Об этом рассказе Брюллова вспоминает его ученик М.И.Железнов.⁴¹ Отметим здесь противоречие в объяснениях поэта: ведь раньше он говорил, что хотел ехать за границу, так как не получил согласия на брак.

Русский философ, живущий на Западе, видит мадам Пушкину так: «...ажурная красавица с осиной талией, легкая и воздушная только во флирте и танце, но каменно-тяжелая как жизненная спутница».⁴² «Он любил жену, – считала подруга юности Натальи Гончаровой княгиня Долгорукова, – и находил в ней свое счастье; но все-таки она была не по нем», и Пушкин «был несчастный человек».⁴³

Наталья Николаевна не терпела ближайшего друга мужа – Соболевского, невзлюбила Мицкевича и не скрывала этого, как делала бы умная жена. Карамзина замечает: «Больно сказать, но это правда: великому и доброму Пушкину следовало иметь жену, способную лучше понять его и более подходящую к его уровню». ⁴⁴

А.О.Смирнова жалела, что она так необразованна. Пушкин просил жену привезти ему из его библиотеки эссе Монтеня и объясняет: «4 синих книги на длинных моих полках. Отыщи». То, что она не знала расположения книг на его полках или не читала Монтеня, вовсе не так уж важно, как считают недоброжелатели Натальи Николаевны. Печальнее то, что ее поступки без него и даже с ним были подчас наперекор ему: общалась с теми, с кем не надо, принимала того, кого он не хотел видеть у себя в доме, и пр.

Интересы мужа так и не стали ее интересами. Воспоминания донесли до нас ее восклицание: «Господи, до чего ты мне надоел со своими стихами, Пушкин!» Боратынский спросил, может ли он прочесть новые стихи Пушкину, не оторвет ли ее от дел. «Читайте, пожалуйста! – сказала она. – Я не слушаю».

Зато Пушкин состоял при ее интересах. Вереницей текли портнихи, модные магазины, званые обеды, увеселительные прогулки, празднества, балы, с которых она (или они вместе) возвращались в четыре-пять утра. Домом и детьми заниматься было некогда. В первом браке она родила четверых детей. В молодости, то есть при Пушкине, она была так вовлечена в светскую жизнь, что физически не могла быть заботливой матерью и хорошей хозяйкой.

Она вынуждена была перепоручать заботы о муже и детях прислуге, кормилицам, сестрам. На сей счет количество свидетельских показаний значительно. Как все светские дамы, она вставала поздно. Обед подавали в восемь вечера, после чего следовал долгий ритуал одевания, наведения марафета и очередной выезд.

Жена, по правилам тогдашнего этикета, не должна была появляться на балах одна. Плетнев пишет Жуковскому: «Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену свою по

балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной». ⁴⁵ Конец цитаты не убеждает, что это было так.

По другим воспоминаниям, поэт стоял у стены или сидел в уголке, вяло глядя на веселящихся, изредка разговаривал, ел мороженое, дремал. Дома он был одинок и не ухожен, ходил на прогулку один, часто обедал не дома, хотя обед готовился всегда. Даже летом Наталья Николаевна противилась поездке в Болдино, Михайловское или в Полотняный Завод, – только на дачу под Петербург, где был бомонд.

Светская жизнь требовала денег на элегантные наряды, выезд, хорошую квартиру, многочисленную прислугу, дачу в модном месте. «Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга вольной холостой жизни, необходимой для писания. Кружусь в свете, жена моя в большой моде, – все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения...»

Он берет займы у друзей и знакомых, обращается к кредиторам, закладывает вещи, в том числе вещи друзей (Соболевского, Александры Гончаровой), а долги растут. 60 тысяч рублей за первые четыре года совместной жизни, еще 60 тысяч долга за последующие два. Наталья выпрашивала дополнительные деньги у брата, ни в чем себе не отказывая.

Наталья Николаевна принадлежала к сливкам русского общества, в круг этот ее ввели Пушкин и Николай I. Если бы не поэт и царь, ее не знал бы даже узкий круг специалистов по тому периоду. Чтобы лучше понять, какой была жена поэта, обратим внимание на следующее.

Она прожила на свете более полувека, из них шесть лет с Пушкиным и двадцать шесть лет после него. Она жила в то время, когда культура письма процветала, когда не было дворянской семьи, в которой девушки не держали бы альбома со стихами и рисунками. О г-же Пушкиной сказано и написано много. Друзья и знакомые, враги и чужие люди оставили свои впечатления в воспоминаниях, дневниках, письмах, пополняя наши представления о Пушкине и о ней.

А что оставила жена поэта о других, даже о близких ему и ей людях? Что она сказала о Карамзиной, Фикельмон, Вере Вяземской, наконец, о себе и Пушкине? О нем – ничтожное, налет ревности, жалобы на скудность семейного бюджета. Пуш-

кин писал о своей невесте: она «бестемпераментна». Созрев, став женой писателя, кому из друзей, из великого множества его друзей и знакомых, хотя бы одному написала она за всю их совместную жизнь?

Никто не сохранил, не припомнил ни строки, ни мысли ее. В письмах Натальи Николаевны, дошедших до нас, написанных после смерти Пушкина, мало интересного. Она видит внешнюю сторону вещей и примитивно описывает, что делала, кого посетила, кто красив и кто нет: «Сегодня его жена не показалась мне некрасивой, даже совсем наоборот, – пишет она о семье Плетнева, – а дочь его, напротив, порядочная дурнушка».⁴⁶ В письмах о гостях и приемах она подсчитывает, сколько раз за вечер ей отпустили комплименты.

Поначалу Пушкин пел Наталье Николаевне те же вдохновенные песни, что и другим своим возлюбленным (иных он женщинам и не пел), но поэзия пролетала мимо нее. Зато воодушевляли ее пошлости, сказанные случайными волокитами. Гончарова не проникла в его душу, а он не стал частью ее души. Даже случайная знакомая цыганка Таня оказалась сердечнее.

Тем не менее жена осталась для него священна, и ее можно было лишь менторски журить и окончательно простить перед смертью, сказав, что она невинна, что ее оболгали. Удивительное предвидение: любимую свою Татьяну Ларину он сперва назвал Натальей – за десять лет до женитьбы и вычеркнул это имя как неподходящее к образу его любимой героини.

Вдова поэта осознала, кто такой Пушкин, после его смерти, сохранила и передала дочери (графине Меренберг) письма поэта. Загадочна судьба писем Пушкиной к нему, столь важных для понимания их отношений? Письма эти были переданы внуком Пушкина в Румянцевский музей. В 1920 году они были подготовлены к печати – целых три печатных листа – и вдруг пропали: никаких следов их не обнаружено. В шестидесятых годах появилась статья С.Энгель «Где письма Натальи Николаевны Пушкиной?» Полемика на эту тему кончилась ничем, и остается весьма слабая надежда, что письма найдутся.⁴⁷

Маловероятно все же, что письма эти откроют нам что-либо новое. Судя по ответам мужа, ее письма раздражали его,

вызывали на возражения, на втолковывание ей элементарных правил поведения замужней женщины, которые она не понимала или игнорировала. Впрочем, прочти мы послания Натальи Николаевны к мужу, может, получили бы какие-то дополнительные штрихи, объясняющие, как она отдалялась от него, как шла к неизбежной развязке кривая их семейных отношений и его творческая жизнь.

Быть женой великого человека – тяжелая ноша, она не каждому под силу. Наталья не стала ни хозяйкой, будучи занятой балами, ни музой, так как была равнодушна к творчеству мужа. И красота ее стала для него источником рабства. Он влюбился в физические достоинства, а душевных просто не знал, будучи уверенным, что его души хватит на двоих.

Она тоже страдала в этом браке, – от интеллектуальной пропасти, разделявшей ее и поэта, от его загулов, от того, что он не хотел понять ее. Отсутствие жалоб, тихая настойчивость в осуществлении своих интересов, отличных от его забот, личная жизнь вопреки его жизни и, наконец, терпение, – вот ее подвиг. Когда Наталья развилась и полюбила, стало ясно, что ее кумир – не Пушкин.

Дантес как ее идеал и проблема развода

В преддвуэльной истории Пушкина обратимся лишь к тем аспектам, которым, как нам кажется, уделялось недостаточно внимания. Ставший, возможно, ради разнообразия, карьеры или богатства любовником гомосексуалиста Геккерена, который его усыновил, Дантес любви к нему не испытывал.

Летом 34-го Пушкин познакомился с Дантесом в ресторане, когда жил в Петербурге без жены. Они быстро стали приятелями. Остроумный, находчивый, любитель женщин и гульбы, как и сам Пушкин, Дантес ему понравился и стал вхож к нему в дом. Дантес был хорошо принят Натальей Николаевной и ее сестрами.

Хрестоматийная ситуация с Дантесом остается непроясненной, как нам кажется, по причине игнорирования важнейшей детали конфликта. Ухаживания, тайные и явные, за прекрасным полом были неременным, важным и вполне принятым

элементом светской жизни: женщина страдала от неполноценности, если по ее части не было сексуальных притязаний. Как писал Гоголь, «каждая обнажила свои владения до тех пор, пока чувствовала по собственному убеждению, что они способны погубить человека».

Семейные люди в этих играх не составляли исключения. Удачливые бабники и соблазнительницы были истинными героями общества, об их похождениях ходили легенды, неудачливые стремились им подражать. Пушкины, и муж, и жена, вели себя, как все. Поэт в письмах журил жену, остерегая от чрезмерного кокетства: «Ты радуешься, что за тобою, как за сучкою, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебя...» При этом для себя ограничений не делал, как и все его друзья. Вяземский, например, как вспоминает Нащокин, тоже волочился за женой Пушкина, «впрочем, волочился просто из привычки светского человека отдавать долг красавице».⁴⁸

Дантес посчитал ее глупышкой и ухаживал за женой поэта весьма бесцеремонно, пока не влюбился всерьез. Они переписывались и, как Дантес признал на суде, его письма «своими выражениями могли возбудить щекотливость Пушкина как мужа». На балах они вместе танцевали, то и дело оставались вдвоем. Скоро весь Петербург об этом треугольнике заговорил.

Француз так взволновал Наталью Николаевну, как ни один мужчина до этого. «Он ее смутил», – заметил сам Пушкин, а затем понял, что страсть Дантеса не шуточна. Душевное равновесие жены поэта рухнуло, холодность сменилась жаром. Дантес оказался именно тем человеком, который был создан для нее: ровесник, красавец, понятный и близкий по вкусам, складу характера, интересам. «Мне с ним весело. Он мне просто нравится», – сказала она Вере Вяземской. А что значит, когда женщина говорит «просто нравится»?

С ним весело, а не с мужем! Он стал для нее интереснее, чем Пушкин. Она потеряла контроль над ситуацией. Встречи шли почти открыто, и любовь была взаимной.⁴⁹ «Жена Пушкина, безвинная вполне, имела неосторожность обо всем сообщать мужу и только бесила его», – рассказывала Бартеневу Александра Васильчикова.⁵⁰ Масла в огонь подлила Александра. Сблизившись с Пушкиным, она, естественно, оказалась в конфликте с сестрой и, что по-человечески весьма понятно,

привлекая Пушкина к себе, вольно или невольно разжигала страсти по поводу связи Натальи с Дантесом.

Жена поэта добровольно отправляется на свидание с любовником в чужую квартиру. Бесплодно обсуждать, что в действительности в спальне произошло, – это осталось тайной двоих. Доверять истории, рассказанной самой Натальей Николаевной, как делают ее апологеты, согласитесь, просто смешно. Но что бы там, внутри, ни случилось – акт в постели или эмоциональный диалог, – еще не настал для Пушкина крах семейной жизни.

Позволим себе теперь высказать давно вынашиваемую точку зрения на суть этого скандала, суть, которая раньше оставалась вне внимания аналитиков. Не ухаживания за женой взорвали Пушкина, а тот факт, что намерения Дантеса из флирта перерастали в серьезные. Теперь Дантес любил Пушкину. А поскольку она отвечала взаимностью, ее муж мешал им обоим. С точки зрения двух влюбленных, лишним был Пушкин. Трудно поверить, но факт: поэт письменно жалуется Бенкендорфу.

Наступает момент, который представляется болевой точкой в этом браке. На данный поворот отношений обратил внимание еще Павел Вяземский: гнев поэта вышел из берегов не из-за волокитства Дантеса за его женой, а из-за попыток барона уговорить Наталью Николаевну Пушкину вообще оставить мужа, то есть, уточним мы, стать Натальей Николаевной Дантес-Геккерен.⁵¹

Светский флирт кончился. Она не шла к разрыву с мужем, но ее к этому, несомненно, вели. Дантес сделал предложение замужней Наталье Николаевне выйти за него замуж. Мы знаем, что такая перестановка фигур на жизненной доске случается.

Геккерен-старший, умоляя Пушкину сжалиться над его сыном, изложил ей проект бегства за границу под его дипломатическим покровительством. Причем говорил он с ней на эту тему не раз. Игнорируя Пушкина, его жене предлагали последовать за бароном Дантесом, которого она полюбила и в этом ему призналась. Перед ней открывалась реальная возможность отправиться с любимым человеком в Париж или в имение его родителей Зульце в Эльзасе и там оформить новый брак.

Итак, над Пушкиным нависла угроза развода, которым он сам раньше грозил жене в шутку. Развода и выезда жены за границу. С детьми или без детей, мы не знаем, но вопрос не мог не возникнуть у тех двоих, кто предлагал ей сделать это, и у нее самой. Если с детьми, то для невыездного Пушкина это означало, что он не увидит своих детей никогда. Разводы тогда были не часты, но прецеденты в петербургском свете имели место, Пушкины, и он, и она, об этом знали.

Еще не так давно описывал поэт предложение Онегина Татьяне. Ноту иронии по отношению к старику-генералу уловил постановщик оперы «Евгений Онегин», которую мы слушали в Пражской опере. Генерал выезжает на сцену в инвалидном кресле, крутя колеса руками. Но если отбросить модернизированный подход, все равно Пушкин как в воду глядел, поставив своего любимого героя в положение Дантеса. То есть Онегин хочет, чтобы Татьяна ушла от нелюбимого мужа к нему.

И вот над самим Пушкиным навис статус не просто обманутого, но *брошенного* мужа. Наталья Николаевна к счастью или несчастью для Пушкина на развод с ним не пошла, но тем не менее ситуация уже зашла слишком далеко.

Летом 36-го влюбленная в Дантеса другая сестра Натальи, Екатерина, потворствовала свиданиям Натальи Николаевны с Дантесом, чтобы почаще видеть его. Ситуация еще более запутывается, ибо Дантес, по некоторым сведениям, встречается с Екатериной Николаевной, чтобы чаще видеть Пушкину. В результате Екатерина Гончарова забеременела. Состоявшийся, как принято считать, для улаживания конфликта брак Дантеса с Екатериной тоже не решил проблемы.

«Но вряд ли Н.Н.Пушкина была в силах что-то изменить в эти дни. Более «осторожное» поведение с ее стороны могло лишь отсрочить развязку», – считает С.Л.Абрамович.⁵² Трудно согласиться с этим утверждением. Разве не важно было отсрочить смерть поэта не то что на месяцы или недели, но хотя бы на дни? Даже если бы был ничтожный шанс изменить ход событий, разве жена не обязана была его испробовать? Она не понимала или не хотела менять этот ход – и в этом ее несомненная трагедия.

Наталья Николаевна действительно не знала (вряд ли делала вид, что не знала) ни о подметном письме, ни, тем более, о

предстоящей дуэли, что только подтверждает, как далека она была от него и от его друзей. Иначе бы вмешалась, отговорила, подняла шум, легла бы поперек дороги мужа. Обратилась бы к императору, и послали бы жандармов, спасла бы и мужа, и поклонника. Какая страшная ирония судьбы: ее не было дома, когда он собирался на Черную речку, проскочила мимо него в экипаже, по близорукости не заметив его, когда он ехал на смерть.

Пушкин умирал, а она требовала внимания к себе своим странным поведением, истериками, которые устраивала в соседней комнате. Находясь в неведении о предстоящей дуэли, она также пребывала в неведении о реальном его состоянии после ранения. Александр Тургенев с изумлением отмечал (в дневнике): «У него предсмертная икота, а жена его находит, что ему лучше, чем вчера!» У похолодевшего тела, на людях, она просила прощения, клялась, что оставалась ему верна, ругала себя за то, что позволяла Дантесу ухаживать за собой.

Щеголев и Вересаев, собрав огромный материал, прямо обвиняют в смерти Пушкина его жену, и их аргументы очень весомы. Осуждение не входит в задачу историка, но мягко говоря, Наталья Николаевна неадекватно воспринимала всю ситуацию, а сам поэт и спустя годы так ничего и не сделал, дабы хоть как-то привить эту чужеродную ему ветку к дереву своей жизни, своему духу, хоть и был вдвое старше и обладал немалым жизненным опытом.

Абсурдно размышлять, как сложилась бы жизнь Пушкина, не встретить он Наталью Николаевну или встретить ее раньше или позже. Столь же неясно, на сколько бы продлилась его жизнь, если б дуэли с Дантесом удалось избежать. Дело в том, что не смерть искала его, а он в последние годы настойчиво искал смерти, мог закончить жизнь и без помощи Дантеса. Прав о. Сергей Булгаков: не ничтожный Дантес или коварный Геккерен повинны в гибели Пушкина, а тот путь, на который он вступил, женившись. Катастрофа разразилась в доме Пушкина задолго до роковой дуэли. Если б он жаждал крови врагов... а ведь он хотел крови друзей. Он мог с таким же успехом погибнуть раньше, когда в поисках смерти вызывал на дуэль своего друга Соллогуба, а также Репнина и Хлюстина.

Я зрел врага в бесстрастном судии,
Изменника – в товарище, пожавшем
Мне руку на пиру, – всяк предо мной
Казался мне изменник или враг.

Эти поразительные своей мизантропией слова остались в черновиках мирного и просветленного стихотворения «Вновь я посетил», по сути, рядом со знаменитым обращением «Здравствуй, племя младое, незнакомое!». Не стала ли смерть Пушкина платой за то, что он женился, не добившись взаимной любви?

Наталья плюс Николай

Друг поэта Нащокин вспоминал, что царь ухаживал за Натальей Николаевной «как офицеришка». Но все это было значительно серьезнее, чем предполагал поэт. Рука не поднимается написать, что даже друг Жуковский выполнял роль сводника. Вот записка Жуковского Наталье: «Я, кажется, ясно написал ему (Пушкину. — Ю.Д.) о нынешнем бале, почему он не зван и почему Вам *непрерменно* (Жуковский подчеркивает. — Ю.Д.) надобно поехать... Вам надо быть *непрерменно*».⁵³ «Непрерменно», да еще повторенное дважды, потому что царь, очевидно, поручил учителю своих детей Жуковскому обеспечить присутствие Натальи Николаевны, а Пушкин мешал бы, он «не зван».

Николай Павлович садился на ужинах рядом с ней. В сущности, ради приближения Натальи Николаевны и лучшей возможности ухаживать за ней царь сделал Пушкина камер-юнкером, что открывало поэту с супругой путь на интимные царские вечера в Аничковом дворце. В письмах Пушкина жене находим недовольные намеки на царские маневры: «Не кокетничай с царем».

На деле альянс «Наталья плюс Николай» был гораздо проще, чем теперь кажется. Ситуацию объясняет французский литератор А.Галле де Кюльтур, который жил в России и служил секретарем богатого вельможи. «Царь – самодержец в своих

любовных историях, как и в остальных поступках; если он отличает женщину на прогулке, в театре, в свете, он говорит одно слово дежурному адъютанту. Предупреждают супруга, если она замужем; родителей, если она девушка, – о чести, которая им выпала. Нет примеров, чтобы это отличие было принято иначе, как с изъявлением почтительнейшей признательности. Равным образом нет еще примеров, чтобы обесчещенные мужья или отцы не извлекали прибыли из своего бесчестия. – «Неужели же царь никогда не встречает сопротивления со стороны самой жертвы его прихоти?» – спросил я даму любезную, умную и добродетельную, которая сообщила мне эти подробности. – «Никогда!» – ответила она с выражением крайнего изумления. – «Как это возможно?» – «Но берегитесь, ваш ответ дает мне право обратиться к вам». – «Объяснение затруднит меня гораздо меньше, чем вы думаете; я поступлю, как все. Сверх того, мой муж никогда не простил бы мне, если бы я ответила отказом».⁵⁴ Свидетельство любопытное, даже если краски в нем сгущены.

Пушкин был, возможно, единственным исключением. Наталья Николаевна, флиртуя с царем, пыталась держать дистанцию. Впрочем, Николай не спешил. А поспешил бы, что поэт смог сделать? В качестве литературного упражнения можно предложить студентам сочинение на тему: «Александр Сергеевич вызывает на дуэль Николая Павловича». Михаил Луин вызывал на дуэль великого князя Константина, но это все же не царь. В жизни Пушкину осталось бы закрыть на происходящее глаза или стреляться с самим собой. Скажем здесь то, о чем думалось давно: может быть, и надо рассматривать дуэль Пушкина как эквивалент самоубийства?

Николай, занятый другими женщинами, прекрасно понимал, что птичка далеко из клетки не улетит. Есть и еще одно доказательство отсутствия этой связи при жизни Пушкина: вряд ли Наталья уступила бы Дантесу и тайно встретилась с ним, если бы она в тот момент уже была любовницей императора.

Император покрыл огромные долги Пушкина и обеспечил материально вдову и детей после смерти поэта. Когда через два года она вернулась в Петербург, Николай Павлович заехал к Наталье Николаевне в гости проведать детей. Представляет-

ся маловероятным, что у нее началась любовная связь с царем тогда же.

Однако спустя некоторое время после возвращения молодой вдовы в Петербург вдруг ее триумф, так сказать, санкционируется сверху, и немедленно меняется отрицательное отношение света к ней. Накануне Рождества вдова Пушкина и Его Величество вместе покупали в магазине игрушки детям. Прежняя светская жизнь, полная соблазнов, веселья, флирта и побед, завертела ее. Придворный живописец, посланный царем, пишет ее портрет в библейском костюме. Вот это, скорей всего, и было началом ее близости с Его Величеством.

М.Л.Гофман, например, считал, что роман этих двух людей – сплетня. А дочь Натальи Николаевны Александра Арапова полагала своим отцом Николая I. Это считают ее собственным домыслом, но в принципе сегодня такая гипотеза может быть проверена путем генетического исследования.

Мифологическая концепция, выстроенная в ряде трудов, которые назовем чуть позже, как бы накладывает второй брак Натальи на более важный для пушкинистики первый. В этих работах тень Пушкина находится с Натальей Николаевной во втором браке постоянно, она советуется с поэтом, бережет его рукописи, издает сочинения, то и дело повторяет наизусть его старые письма к ней, а дети читают только сказки Пушкина. Генерал Петр Ланской в этой модели есть некое приложение к своей жене и ее умершему мужу, она для нас остается и во втором замужестве вдовой великого поэта. Однако в основе нового брака вдовы Пушкина лежит интрига, понимание которой проливает свет на роман Николая I и Натальи Пушкиной.

Плетнев полушутя спросил вернувшуюся из деревни молодую вдову, скоро ли она выйдет замуж, – ведь Пушкин велел ей сделать это через два года. Ответ был, что она, во-первых, не пойдет замуж, во-вторых, ее никто не возьмет. Плетнев дал Наталье Николаевне совет отвечать что-либо одно, лучше второе, чтобы в случае отступления сказать, что уж так судьба захотела.

Несмотря на многочисленных поклонников, вдова оставалась незамужней два года пребывания в деревне и, после возвращения в Петербург, еще пять лет. В 1844 году ровеснику Пушкина, кавалергарду, генерал-майору Петру Ланскому пред-

стояло назначение командиром полка в глухую провинцию, как вдруг его назначили командиром лейб-гвардии Конного полка, шефом которого был император лично.

Ланской сделал Пушкиной предложение, и она его сразу приняла. Им была выделена роскошная казенная квартира. Николай Павлович хотел быть посажёным отцом на их свадьбе, но Наталья Николаевна настояла, чтобы свадьба прошла скромно, не привлекая внимания. Царь прислал в подарок новобрачной драгоценное ожерелье и сообщил, что первого ребенка будет крестить сам. Для крестин император прибыл к ним в Стрельну. Он то и дело расточал щедрые милости Ланскому и его жене.

В свете такие отношения понимались мгновенно. Общественное мнение, как уже говорилось, настроенное против Пушкиной, при таких обстоятельствах изменилось.

Те, кто осуждали Наталью Николаевну, стали искать ее дружбы. Пушкина-Ланская готовила вечеринку для полковых офицеров. Когда генерал Ланской докладывал царю о делах, тот спросил: «Я слышал, что у тебя собираются танцевать? Надеюсь, ты своего шефа не обойдешь приглашением?» На балу император прошел в детскую, взял на колени девочку, целовал и ласкал. Когда царю готовили альбом в связи с юбилеем полка, Николай распорядился, чтобы на первом месте, рядом с командиром поместили портрет его жены. Комментируя историю с альбомом, Вересаев ставит два восклицательных знака и спрашивает: «!! При чем тут жена?»⁵⁵

Но еще более важная деталь вскрылась после смерти Николая. Камердинер открыл внутреннюю крышку его золотых часов и увидел там миниатюрный портрет Натальи Николаевны. «Чтобы не было неловкости в семье», камердинер забрал эти часы. Даже если это легенда, то нет ничего невероятного в том, что брак с Ланским покрывал интимные отношения одинокой красавицы-вдовы с императором, а возможно, и их ребенка.

Второй ее брак был благополучным и, кажется, счастливым. В отличие от жизни со своим первым, невыездным мужем, Ланская стала бывать за границей, лечилась в Ницце. Выгоды женитьбы продолжали сказываться на ее втором муже: вскоре Ланского произвели в генерал-адъютанты, после назначили начальником первой кавалерийской дивизии, затем

петербургским генерал-губернатором и председателем комиссии для разбора и суда по всем политическим делам.

А впервые, согласно версии дочери Натальи Николаевны, Ланской видел ее, когда в 1836 году Идалия Полетика поручила ему прогуливаться по улице перед квартирой, в которой она организовала тайное свидание Дантеса с женой Пушкина. Тогдашний любовник Полетики, Ланской следил, чтобы Дантесу не помешали. Дантес умолял Наталью Николаевну отдаться ему, вынимал пистолет и говорил, что хочет застрелиться. Со слов самой Пушкиной, в комнату вошла девочка, дочь хозяйки, и Наталья Николаевна якобы кинулась к ней. Вот комментарий Вересаева об этом эпизоде в жизни Ланского: «Уж конечно, он понимал, что подобного рода тайные свидания устраиваются не для платонических бесед на возвышенные темы, и о даме, соглашающейся на такие встречи, должен был получить совершенно определенное представление».⁵⁶

Согласно другому аргументу, выдвинутому советской пушкинисткой, Ланской не мог наблюдать за свиданием Пушкиной с Дантесом, поскольку в тот момент его не было в Петербурге.⁵⁷ Из мемуаров следует, что Ланской был человеком доброй души и суровым командиром. Покладистый муж, вполне светский и к тому же хороший семьянин, он был безмятежной альтернативой Пушкину.

Второй эксперимент в брачном бюро

Второй эксперимент мы провели в том же брачном бюро Сан-Франциско. Это был поиск наиболее приемлемой брачной пары для Натальи Николаевны по состоянию на год 1836-й, то есть год конфликта и потенциального развода Пушкиных. Мы заполнили анкеты на одну женщину и трех мужчин.

Четыре основных мужчины были в жизни Н.Н.Гончаровой: Пушкин, Дантес, Романов и Ланской. В компьютер брачного бюро мы ввели трех из них, поскольку Ланской появился в жизни Натальи Николаевны через семь лет после смерти Пушкина. Речь, таким образом, идет о любовном четырехугольнике. Оговоримся, что смешно и думать о разводе царя и браке с

Натальей Пушкиной, однако и устранить Николая Павловича искусственно из сложившейся ситуации невозможно, а наш конкурс, как уже говорилось, весьма условен.

Ряд данных здесь опущен, например, рост Николая I и Данте-са, – оба были значительно выше Пушкина. Экономя место, не сообщаем обо всех возникавших заминках. Так, для Николая в графе «Место жительства или жилищные условия» мы указали «Зимний дворец». Компьютер потребовал разъяснения значения «Зимний дворец», а после задал вопрос: где номер 0809461 (Николай) живет летом?

Поиск для регистрационного номера 0809456

Фамилия: Гончарова

Имя: Наталья

Возраст: 24 года

Национальность: русская

Расовое происхождение: белая

Внешность: А (красива)

Образование: домашнее (французский язык, танцы)

Профессия: домохозяйка, мать четверых детей

Должность: не служит

Материальные возможности: недостаток денег

Хобби: моды, танцы, немного верховая езда

Кандидатура 0809457

Фамилия: Пушкин

Имя: Александр

Возраст: 37

Национальность: русский

Расовое происхождение: смесь белого и африканца

Внешность: В (некрасив)

Образование: Царскосельский лицей

Профессия: поэт, редактор журнала

Должность: камер-юнкер (вынужденное пояснение для компьютера – получает research grant, то есть субсидию от правительства как историк России)

Материальные возможности: недостаток средств

Хобби: игра в карты, бильярд, рисование, путешествия, прогулки, баня, стрельба из пистолета.

Кандидатура 0809459

Фамилия: Дантес-Геккерен
Имя: Жорж (Георг) Шарль (Карл)
Возраст: 24 года
Национальность: француз
Расовое происхождение: белый
Внешность: А (красив)
Образование: Парижское военное училище
Профессия: военный
Должность: поручик кавалергардского полка (офицер)
Материальные возможности: достаток
Хобби: светская жизнь, танцы

Кандидатура 0809461

Фамилия: Романов
Имя: Николай
Возраст: 40 лет
Национальность: русский
Расовое происхождение: белый
Внешность: С (обычный)
Образование: домашнее, со специально отобранными русскими и иностранными преподавателями
Профессия: военный, высший офицер, политический деятель
Должность: император (для компьютера – глава государства)
Материальные возможности: богат
Хобби: верховая езда, танцы, литературная критика

Наиболее приемлемым партнером для номера 0809456, то есть Натальи Гончаровой, компьютер назвал номер 0809459 – барона Дантеса. Резервным кандидатом для Гончаровой был номер 0809461 – Николай. Что касается номера 0809457 (Пушкина), то для данной женщины (Гончаровой) он был компьютером отвергнут как неприемлемый для нее кандидат вообще.

За дополнительную плату мы договорились с брачным бюро продолжить поиск для номера 0809457 – Пушкина. Гончарова и Софья Пушкина отпали раньше. К оставшимся Ушаковой и Олениной подключили картотеку брачного бюро.

Теперь, отодвинув номер 0809462 (то есть Екатерину Ушакову) и номер 0809458 (Анну Оленину) компьютер предложил Пушкину более подходящую, чем две предыдущих, невесту номер 0803172. Под этим номером, как выяснилось, была зарегистрирована аспирантка Кафедры славянских языков Калифорнийского университета Беркли. Оказалось, что аспирантка эта русского происхождения (еврейка из Одессы). Имя счастливицы брачное бюро сообщить отказалось.

Сотворение мифа

Борис Пастернак когда-то заметил, что с точки зрения здравого смысла, разумеется, лучше бы Пушкин женился на ком-нибудь из пушкинистов.⁵⁸ Советский миф об образцовой жене государственного поэта, как уже говорилось, получил новое развитие в 70-80-е годы нашего века. Не истина занимает пушкиниста в то время, а нечто другое: «Правильное понимание того, что такое Наталья Николаевна, жена Пушкина, имеет принципиальное значение».⁵⁹ Не будем обращать внимания, почему Наталья Пушкина в этой цитате «что», а не «кто». Вопрос по существу: что такое «правильное» понимание?

Сегодня жена Пушкина оказалась на первом месте среди его друзей. Для примера, в двухтомном издании «Друзья Пушкина» ей отведено 73 страницы, Вяземскому и Жуковскому – по 60, Дельвигу – 49, Александру Тургеневу и Соболевскому – по 43, остальным еще меньше.⁶⁰ По мнению И.М.Ободовской и М.А.Дементьева, нашедших в 70-х годах письма Пушкиной-Ланской к брату (несомненная их заслуга), эта корреспонденция дает нам представление о величии образа Натальи Николаевны. По нашему мнению, найденные письма подтверждают ее узкий кругозор, практицизм и бездуховность.

Лейтмотивом писем и стимулом для их написания были большей частью денежные нехватки. Только раз Наталья Николаевна касается творческой работы мужа: «...вижу, как он печален, подавлен, не спит по ночам и, следовательно, в подобном состоянии не может работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободной». Причина, разумеется, ме-

ханически пересказана ею со слов мужа, ежедневно повторяемых. Вот и все ее понимание целей творчества величайшего поэта России, с которым связала Наталью судьба: «чтобы обеспечить нам средства».

Ободовская и Дементьев огулом упрекая в предвзятости множество очевидцев, друзей и знакомых Пушкиных, пушкинистов от Анненкова и Бартенева до Щеголева и Вересаева, а также, походя, Цветаеву и Ахматову, цензурируют историю, отбрасывая все мнения, не подходящие под их иконографию. Если же упоминают таковые, то для того, чтобы сообщить: это «клеветнические измышления, доминировавшие до сих пор в пушкиноведении».⁶¹ Прodelав эту работу, авторы без стеснения приходят к выводу: «необыкновенно душевно близки были Пушкин и его жена».⁶²

Если согласиться, что Гончарова была значительной личностью и вне шести лет брака с Пушкиным, то тогда биография ее не заканчивалась бы со смертью поэта. Однако в упомянутой уже работе Ободовской и Дементьева «Н.Н.Пушкина» юности и семи годам первого брака героини посвящено 288 страниц, а двадцати шести годам последующей жизни, включая второй брак, который продолжался 19 лет, – 57 страниц, что фактически доказывает: как автономная личность Пушкина-Ланская не интересна.

Некоторые стихотворения или части стихов, созданные для других женщин, Пушкин легко перепосвящал, например, сперва Олениной, а затем другой невесте – Ушаковой. Первая редакция «На холмах Грузии лежит ночная мгла» написана поэтом для своей старой любви Марии Раевской. Обосновывая эту «несомненную» переадресовку Пушкиным второй редакции стихотворения «к той, которая года два спустя станет его женой, матерью его детей», Д.Д.Благой элегантно писал: «Смена двух редакций – своеобразная эстафета сердца».⁶³

Похоже, максимума мифология достигает в апокрифических исследованиях жены небезызвестного в прошлом главы Союза писателей СССР Георгия Маркова Агнии Кузнецовой «Под бурями судьбы жестокой», «А душу твою люблю» и «Долли», объединенных позже в монографию «Моя Мадонна», изданных массовыми тиражами на мелованной бумаге в шикар-ных переплетах.

В первой из этих работ Кузнецова подвязывает своих родственников к Гончаровой: оказывается, в Наталью был влюблен еще и крепостной предок Кузнецовой – Петр, и жена Пушкина только и делает, что с симпатией говорит об этом мужике, представителе простого народа, так сказать, более правильной альтернативе Дантеса.

Из мимоходом сказанных поэтом или его женой фраз под видом исторических находок выстраиваются сказки из жизни жены поэта и даже шире – деятельности всей семьи Гончаровых. Оказывается, например, что судьба Британской империи зависела целиком от бизнеса родственников Натальи Николаевны: «Весь английский флот ходил на гончаровых парусах».⁶⁴

Подтасовка истории заключается в том, что для воссоздания положительной личности жены великого поэта в 1831–37 годах используются в основном материалы 1844–63 годов, связанные с ее вторым браком. На молодую Наталью механически переносятся опыт, знания, качества характера зрелой женщины, пережившей трагедию, находившейся во втором супружестве, матери, родившей семерых детей. То, что она поняла, как вела себя *после*, уже состарившись, постулируется как то, что она понимала и что делала *до*. Например, в 1854 году, когда она с мужем приехала в Вятку, они приняли деятельное участие в вызволении Салтыкова-Щедрина из ссылки. Трудно себе представить, что Наталья занялась бы подобным общественно-значимым делом в молодости.

Объективным в оценке Натальи Николаевны стало принято считать не все свидетельства в совокупности, но прежде всего мнение Пушкина. А поскольку Пушкин канонизирован, то все, что он сказал и написал о своей жене, почитается исторически точным. Получается, что письма Пушкина – это и есть «истина о жене поэта», как полагает В.В.Кунин, а все остальное, как он выражается, «поклепы и благоглупости».⁶⁵ Представим себе, что историки выстраивали бы биографии исторических личностей, ну, скажем, Петра Великого, Сталина, Гитлера или их жен, опираясь исключительно на их собственные высказывания.

Хотелось бы подчеркнуть нашу точку зрения: не кто иной, как сам Пушкин, идеализировал Наталью Николаевну (что свойственно всем влюбленным) и, стало быть, именно он породил и,

как мы теперь говорим, пустил в оборот миф о Таше, как он звал ее:

...Творец

Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Без осознания блистательного мифотворчества Пушкина не может быть объективного отношения к его оценкам жены, а значит, и ее объективной оценки. Мифология была частью ухаживания, помогала добиваться побед. Применительно к себе Пушкин редко дает повод для мифа, он реалистичен. А женщин, и жену в том числе, при всех изменениях в их жизни продолжал мифологизировать до конца.

Впрочем, нам кажется, что мифология Пушкина, принятая некоторыми пушкинистами всерьез, была ироничной. Поэт пишет: «Женщина, говорит Гальяни, *est un animal naturellement faible et malade* (есть животное, по природе слабое и болезненное). Какие же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать». «Вы» следует читать «ты», то есть относящееся лично к его супруге, потому что Пушкин не был такого мнения о других женщинах. В письмах он говорит с женой, как объясняются с упрямыми детьми.

Соревновательный элемент в описание ее внешнего облика тоже заложил сам Пушкин, назвав ее «первой европейской красавицей», будто она участвовала в Европейском конкурсе красоты.⁶⁶ Началом был приоритет г-жи Пушкиной в красоте на общеевропейском уровне. Полтора столетия спустя этот соревновательный элемент используется для славословия ее достижений в разных областях.

Она и сестры в детстве катались в Полотняном заводе верхом. В одном из писем мужу она сообщает, что катались на лошадях и все на них смотрели в восхищении. В советской мифологии восьмидесятых годов это выглядит так: «Все они с юности были отличными наездницами» и «теперь в Петербурге лучше всех».⁶⁷

В письме от конца сентября 1832 года Пушкин писал жене: «Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься». Мы

не знаем, хорошо ли играл в шахматы сам поэт, герои же его играли так:

Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеянье свою.

Барон Борис Вревский писал Алексею Вульффу в 35-м году: «В Тригорском и Голубеве мы играем в шахматы, а так как я играю очень плохо, он (Пушкин. — Ю.Д.) мне дает вперед офицера». Значит, Пушкин играл лучше, чем очень плохо играющий Вревский. Однако Алексей Вульф играл лучше поэта. «Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, — пишет Пушкин, — он мне сказал при том: Cholera morbus подошла к нашим границам и через 5 лет будет у нас».

Наталья Николаевна осваивала ходы шахматных фигур с сестрами, за что Пушкин ее похвалил, как хвалят подростка. А в восьмидесятые годы нашего века читаем: «Советы Пушкина жене овладеть игрой в шахматы упали на благодатную почву: по свидетельству современника, Наталья Николаевна стала лучшей шахматисткой Петербурга».⁶⁸ Затем она выходит на мировой шахматный уровень, играя «с иностранцем, о котором шла слава как о большом мастере, и обыграла его». Имени иностранного чемпиона, как и имени современника, не сообщается.⁶⁹

Еще больших успехов достигает она теперь в литературе и журналистике, хотя при жизни ее об этом ничего не было известно. Однажды, явствуя из письма к ней Пушкина, она сочинила стихи, которые послала мужу. Он ответил просто «стихов твоих не читаю», просил, чтобы она писала ему «прозой». Она заказала для мужа бумагу у брата. Он дал ей поручение передать рукописи, но она спутала Кольцова и Гоголя. Он дал ей переписать французский текст записок Екатерины II. Она переписала девять страниц, но сделала так много ошибок, что Пушкин от ее услуг отказался.⁷⁰ Ее письменный русский, судя по дошедшему до нас письму, был еще хуже. Вот, кажет-

ся, и все, что мы знаем о ее вкладе в отечественную словесность.

Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалась с трудом
На языке своем родном.

Хотя это написано еще до знакомства с Натальей Николаевной, но, думается, именно о таких барышнях, как она.

В мифологии же она не только поэтесса, но становится журналисткой, редактором, правой рукой мужа-издателя. Когда Пушкин начал издавать журнал, пишет Н.А.Раевский, «она фактически исполняла обязанности секретаря редакции «Современника».⁷¹ Тут типичная советская структура («секретарь редакции», то есть опытный журналист-организатор, ведающий всей подготовкой издания журнала) применена пушкинистом к журналу, редактируемому Пушкиным.

В мифологии обнаруживаем ее «немалые способности к математике». И – что Наталья Николаевна могла бы стать (в сослагательном наклонении, то есть – если бы преподавала) «хорошим педагогом» и, разумеется, что она была идеальной матерью.

Наконец, на основе звания «Первой европейской красавицы», данного ей Пушкиным, бесконечные повторения в пушкинских исследованиях о ее сказочной красоте превращаются из сочинения в сочинение в мысли о ее святости, ее неземной сущности: она «божественная», и даже – «вокруг нее светлое сияние».⁷² В преддверии двухсотлетия со дня рождения поэта икона его жены в массовых изданиях приобрела законченный вид.

Скептические голоса по поводу лакировки образа этой женщины периодически раздавались, но они заглушались хором официальных хранителей образа поэта. Так, отмечалось чрезмерное возвышение личности жены поэта, говорилось, что изучение ее мало дает для нашего понимания Пушкина. Б.И.Бурсов писал: «...в последние годы у нас делают из Натальи Николаевны чуть ли не ангела-хранителя Пушкина». И предлагал новый подход к Наталье Пушкиной: «...у нас нет оснований (главное – надобности) ни превозносить, ни, так сказать, разно-

сать ее. Не она должна занимать нас, не ее вообще человеческие качества, а то, как преломляется их, Пушкина и его жены, совместная жизнь в поэзии и судьбе поэта».⁷³

Такая постановка вопроса была необходима на предыдущих ступенях пушкинистики. Но в том-то и дело, что жена поэта уже заняла полки рядом с ним; большая литература о ней существует – и превозносящая, и, более скромная, разносящая. К тому же проблема не только в Наталье Николаевне. №113, жена поэта, не заменила собой всех женщин, которые создавали тонус жизни Пушкина.

Отличие ее не в том даже, что она рожала его детей, ведь у него было неизвестное количество детей от других женщин, детей, которых сам он называл выbledками. Роль женщин, создававших накал страсти поэта, отливавшийся в великие строки, импульс, который каждая из них в свой черед давала поэту, как уже говорилось, невозможно переоценить, – всех их вместе и каждой в отдельности.

Отсюда следует, что Пушкин без любимых им женщин, в том числе, конечно же, и без жены, не полон для изучения. Она должна занимать нас больше других, поскольку именно она стала иконой, символом, параллельным с ним мифом. Пушкин дал ей номер 113, а российское литературоведение исправило поэта, сделав ее номером первым. Роль других женщин искусственно приуменьшается, чтобы рельефнее выглядела жена. Разве что памятника ей еще не сооружено. Однако же предложения поместить ее где-то у ног поэта в монументе имели место.

В жизни народной, однако, молодежный ритуал клясться в вечной любви и верности в день свадьбы существует не на могиле Натальи Николаевны, а в Путне, на могиле мимолетной подруги Пушкина и многих его знакомых Анны Керн. Там мы были свидетелями пародийного обряда не раз.⁷⁴ Надгробный камень Натальи Николаевны – с фамилией Ланская, что логично. А у Анны Петровны начертано не Маркова-Виноградская по ее второму браку, а Керн, и выбиты на мраморной доске известные стихи Пушкина.

В учебниках, хрестоматийной и массовой литературе, да и в части пушкинистики продолжает разрабатываться миф об идеальном Пушкине – счастливом семьянине. И миф о его

жене – верной соратнице, заботливой матери и хранительнице домашнего очага первого поэта России, его соавторе и даже поэтессе, – ведь она один раз что-то черкнула в рифму в несохранившемся письме. И миф о невинности жены в смерти Пушкина. И миф о платонических отношениях между Натальей Николаевной и Николаем Павловичем. Чуть более сдержанной, но, к сожалению, далекой от объективной и потому мифологической по существу остается оценка жены поэта в сборнике «Легенды и мифы о Пушкине», выпущенном сотрудниками Пушкинского дома без цензуры и идеологического прессы.⁷⁵

По-человечески любопытным представляется также следующее. Всю жизнь вольно или невольно наблюдая за многочисленными русскими писательскими женами, мы постепенно пришли к выводу, что они делятся (хотя, конечно, такое деление условно) на три категории.

Первая категория: жена-вдохновительница. Такая супруга – единомышленница, соавтор, первый читатель, советчик, стенографистка, машинистка, редактор, корректор, etc. Примеры: Софья Толстая, Анна Достоевская, Надежда Мандельштам, Вера Набокова... Если присовокупить ныне здравствующих писателей, набирается не так уж мало подобных жен.

Вторая категория: нейтральная жена. Не мешает, но и не помогает, не препятствует, но и мало или из вежливости интересуется, мирится с писательством, как с инвалидностью. По-видимому, самая распространенная категория.

Третья категория: жена мешающая, отвлекающая от литературы, тянущая вниз, требующая заняться чем-то более практичным, дающим больше денег. В конце, если нельзя продать, выбрасывающая на помойку архив мужа и быстро выходящая замуж за положительного военного или чиновника. Нам кажется, такая крайность – довольно редкое явление.

Разумеется, могут быть и промежуточные варианты, – жизнь богаче любой схемы. И все ж оценки жены поэта, сделанные всеми, кто когда-либо писал о ней, тоже укладываются в эти категории. Ну, а что думает читатель, освободившийся от хрестоматийных догм? Куда записать Наталью Николаевну Пушкину?

«С ПУШКИНЫМ НА ДРУЖЕСКОЙ НОГЕ»

Читая, то и дело натыкаешься: «дружба двух писателей», «история дружбы», «литературная дружба», «дружеские связи», «дружеская близость»... Словосочетания эти взяты для примера из наиболее объемистой (350 страниц) монографии Г.Макогоненко «Гоголь и Пушкин» об отношениях двух крупнейших русских писателей.¹ Важность дружбы между Пушкиным и Гоголем для утвержденного иерархического порядка в русской классической литературе, для лестницы преемственности так называемых прогрессивных традиций реализма не вызывает сомнений. «Гоголь – наследник Пушкина», называется исследование Д.Благого.²

В дополнение к дружбе канонизированный подход к теме сформулировался так: Пушкин и Гоголь выступали «соратниками в основных вопросах литературно-общественной борьбы 1830-х годов».³ Об учебниках для вузов и средних школ, литературе для массового читателя и говорить не приходится. Как заметил американский славист, «гоголеведение в Советском Союзе можно сравнить с положением генетики, когда она контролировалась Лысенко».⁴

Гоголь должен был быть другом Пушкина и соратником в борьбе. Но соответствует ли такой, ставший в последние десятилетия хрестоматийным, взгляд реальным связям между двумя классиками?

Тщательное изучение большой литературы на эту тему, накопившейся за полтора столетия и насчитывающей несколько

десятков серьезных работ, обнаруживает непредвзятому взгляду целый спектр оценок – до вражды между двумя писателями. Действительные же их отношения предстают перед нами неясными, неразгаданными и, уж во всяком случае, не такими примитивными, как доказывалось в идеологизированном советском литературоведении. Истина все еще покрыта тайной, для существования которой наличествовали свои причины.

Разные взгляды на эту проблему существовали всегда. «По словам Нащокина, Гоголь никогда не был близким человеком к Пушкину», – писал еще Бартенев.⁵ «Долгое время изучение отношений Гоголя с Пушкиным не было критическим, – считал В.Гиппиус. – Версия о близкой дружбе двух великих писателей не пересматривалась, не уточнялась».⁶ Отношение западных славистов к этой дружбе можно назвать сдержанным, скептическим, а иногда, как мы увидим дальше, ироническим. «А реальной близости между Пушкиным или Жуковским и Гоголем никогда не было», – отмечает Д.Мирский.⁷

И крайнее неприятие Гоголя вообще, а не только дружбы с ним Пушкина, можно найти у части литературоведов в эмиграции. «Не успел Пушкин умереть, как Россия изменила ему и последовала за Гоголем, – писал А.Позов. – Это был рецидив русской не-культуры, «непросвещение».⁸ В.Ильин говорил, что свет России отражается в Пушкине, а мрак концентрируется в Гоголе.⁹

У истоков мифа об этой дружбе стоял Белинский, строивший схему развития литературы и поместивший Гоголя сперва «вместе с Пушкиным во главе русской литературы».¹⁰ Затем Белинский посчитал прозу Пушкина слабой, а творчество Пушкина закончившимся в начале тридцатых годов и создал альтернативу в качестве Гоголя. Пушкин еще здравствовал, а Белинский уже заявил, что «в настоящее время он (Гоголь. — Ю.Д.) является главою литературы, главою поэтов; он становится на место, оставленное Пушкиным». И еще – «...мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени...»¹¹

Педалирование полезности сделалось важным для марксистской критики: Гоголь «разоблачал», как бы усиливая более нейтральную позицию Пушкина.

Чернышевский преувеличивал политическое значение Гоголя как критика самодержавия. Для него сатирик Гоголь был важнее лирика Пушкина.¹² Повторяя и еще упрощая его, Ленин писал, что новая литература «пропитана сплошь... идеями Белинского и Гоголя».¹³ В советском литературоведении шло укрупнение роли Гоголя как основоположника натуральной школы; дружба его с Пушкиным, сделанным полудекабристом, становилась важным фактором подгонки русской политической истории под большевиков.

Смену оценок удобно проследить на примере уже цитированного нами Гиппиуса. «Личная близость Гоголя к Пушкину в гоголевской литературе заподозрена, и прежняя идеализация их личных отношений – поколеблена», – это слова Гиппиуса, сказанные в начале двадцатых годов.¹⁴ Став заместителем главного редактора полного академического собрания сочинений Гоголя, Гиппиус перестает колебать идеализированные другими отношения двух классиков. Оказывается, «в позднейших рассказах Гоголя о своей литературной близости к Пушкину (о личной близости он никогда не говорил) – нет никаких оснований видеть неискренность». В комментарии к полному собранию сочинений Гоголя (том вышел в 1940 году) Гиппиус теряет чувство меры: «Пушкин – литературный советчик уже завоевавшего себе литературное имя Гоголя».¹⁵ Как видим, Пушкину дозволено состоять консультантом при известном писателе Гоголе.

Причины, по которым Гиппиус пошел на компромисс, понятны. Постепенно советское гоголеведение, растолкав сторонние точки зрения, расположилось на ложе официального мифа: Пушкин – основоположник современной литературы, Гоголь – лидер критического реализма и друг величайшего поэта, «непосредственный продолжатель и наследник Пушкина».¹⁶ Томашевский отмечал: «...почти все основные вещи Гоголя были написаны в период его общения с Пушкиным и под непосредственным руководством Пушкина».¹⁷

Макогоненко еще углубляет эти отношения, помещая обоих писателей в одну упряжку: «Связь двух писателей, как известно, носила двоякий характер – дружеский и творческий».¹⁸ Пушкину присваиваются должности «литературного наставника, советчика, воспитателя молодого Гоголя» и, наконец, «со-

брата по перу».¹⁹ Даже критик И.Золотусский, относящийся сдержанно к этому братству, пишет: «И вместе с тем нет в России людей, более близких в то время, чем Пушкин и Гоголь».²⁰

Попытки сказать критическое слово об этой дружбе Д.Благой назвал «крохоборческой возней».²¹ Рискнем не согласиться. Рассмотрим отношения двух наших любимых с детства писателей с нескольких точек зрения: 1) Как представлял эту дружбу Гоголь; 2) Как представлял эту дружбу Пушкин; 3) Какой видели ее их современники; 4) Как толковались их отношения историками литературы; наконец, 5) Какой видится она нам сегодня. Части эти, однако же, настолько смешаны, что разделить их не всегда представляется возможным.

Начнем с основополагающей длинной цитаты, извинившись, что приводим ее полностью. «Тотчас по приезде в Петербург, – записывает Анненков со слов самого Николая Васильевича, – Гоголь, движимый потребностью видеть поэта, который занимал все его воображение еще на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и, наконец, у самых дверей квартиры развилась до того, что он убежал в кондитерскую и потребовал там рюмку ликера... Подкрепленный им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил и на вопрос свой: «Дома ли хозяин?», услышал ответ слуги: «Почивают!» Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: «Верно, всю ночь работал?» – «Как же, работал, – отвечал слуга. – В картишки играл».

Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесенный его гимназическому идеализму. Он не представлял себе Пушкина до тех пор, иначе как окруженного постоянно облаком вдохновения».²² Удар этот и впоследствии не изменил Гоголя. Став великим реалистом в прозе, он остался таким же бесцеремонным в контактах с Пушкиным и идеалистом в том, что он о поэте писал. В декабре 1830-го Гоголь закончил статью о «Борисе Годунове», оставшуюся неопубликованной: «Будто прикованный, уничтожив окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэт!» Это больше похоже на заклинание.

В 1832 году Гоголь закончил статью «Несколько слов о Пушкине» (опубликована в «Арабесках» в 1834-м). Именно

здесь имеется известное гоголевское высказывание: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». Что значит – в конечном развитии? На чем базируется эта оценка и почему развитие закончится? Рассуждения эти представляют собой замечательный образец утопического мышления.

В статье Гоголя нет анализа произведений Пушкина или его мастерства. Она полна неумеренных восхвалений живого поэта. Одно слово повторяется много раз – «ослепительный»: мелкие сочинения Пушкина «ослепительны», картины, им нарисованные, «ослепительны», плечи, им изображенные, «ослепительны», наконец, «всё исполнено внутреннего блеска». Пушкину противопоставляются все другие поэты, коих Гоголь называет «досужими марателями». Как сдержанно замечает А.Дубовиков, «Гоголь выразил восторженное преклонение перед Пушкиным».²³ Называя вещи своим именем, мы видим просто-напросто бесстыдный подхалимаж.

Самое интересное – вывод, который делает Гоголь, и этот вывод не оставляет сомнения, что статья писалась для одного читателя, а именно для Пушкина. Воздав многократно повторяемую хвалу гению всех времен, отчитав его хулителей и заявив, что только избранные могут оценить величие этого поэта, Гоголь заключает: «Чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы и, наконец, так становится тесен, что он может перечсть по пальцам всех своих истинных ценителей». Вот где суть: во что бы то ни стало протиснуться в этот узкий круг, чтобы в числе истинных ценителей великий учитель заметил его, Гоголя.

Лесть – лучший способ вскружить голову не только женщине. Прочитав публикацию Жуковского, Гоголь пишет ему в сентябре 1831 года: начало сказки «чуть не свело меня с ума». В этом же письме он называет Пушкина «ангел святой», а себя «верным богомольцем» обоих поэтов. Если существует понятие «восточная лесть», то именно в восточном стиле льстит Гоголь безо всякого смущения.

Пушкин и Гоголь впервые увиделись в 1831-м и расстались в 1836-м. После 1834-го Пушкин на письма Гоголя не

отвечал. Согласно противоречивым воспоминаниям, Гоголь, чтобы выйти на Пушкина, знакомится с добряком Дельвигом, принеся в «Литературную газету» хвалебный отзыв на Пушкина. Через Дельвига он представлен Жуковскому, а Жуковским – издателю Петру Плетневу. Плетнев находит нуждающемуся в деньгах Гоголю частные уроки и – посылает Пушкину первую гоголевскую прозу.

Издав книжку «Вечера на хуторе близ Диканьки», к которой Плетнев сам, кстати, придумал название, и начав продавать ее, он хотел подвести нового автора, как Плетнев выразился, под благословение Пушкина. Пушкин узнал о существовании Гоголя из письма Плетнева от 22 февраля 1831 года. Плетнев (скорей всего, по просьбе самого Гоголя) переправил Пушкину книжку укрывшегося под псевдонимом начинающего автора, не преминув сообщить настоящее имя.

Пушкин отвечает Плетневу только после второго напоминания, спустя почти два месяца и весьма равнодушно. Между критикой Деларю и просьбой снять для него дачу подешевле, Пушкин замечает: «О Гоголе не скажу тебе ничего, потому что доселе его не читал за недосугом». Пушкин только что женился в Москве и занят поисками в Царском Селе летней дачи, в которой ему, при его стесненных средствах, предстояло разместить молодую жену, себя и человек шесть или семь прислуги.

Гоголь, так настойчиво искавший встречи с Пушкиным, увидел его 20 мая 1831 года в Петербурге на вечере, который устроил Плетнев. За пару дней до этого Пушкин с женой приехал из Москвы в Петербург и остановился, как всегда, в Демутовом трактире, а затем перебрался на дачу.

Можно ли переоценить важность для Гоголя этого знакомства и причины, по которой Гоголь его добивался? Честолюбие Гоголя – тема особая; без честолюбия, кажется, вообще невозможно быть писателем. Но у Гоголя были, кроме того, как отмечал Анненков, «врожденная скрытность, ловко рассчитанная хитрость и замечательное по его возрасту употребление чужой воли в свою пользу».²⁴ Для начинающего поэта-романтика из провинции важно было слово Мэтра, а главное, протекция. Гоголь изо всех сил старался приблизиться к Пушкину в жизни, чтобы оказаться вблизи него в литературе,

весьма распространенная модель поведения. Посмотрим, что представляли собой оба писателя к началу периода так называемой дружбы.

Пушкину 32. Он крупнейший поэт России, признанный гений. Каждый его шаг, слово, жест становятся известными, записываются в дневниках, пересказываются в письмах современниками. Круг его друзей давно сложился, они его ровесники или старше. Они все живые классики, аристократы, элита, имеют контакты с царской семьей. К тому же Пушкин занят обустройством своей семейной жизни.

Гоголю 22. Это вчерашний школьник. Едва окончив гимназию в глубокой провинции, приехал в столицу и горит замыслами доказать маменьке и родственникам, что они посылают ему деньги не зря. Он беден, ищет заработки. Он начинающий литератор, печатается под псевдонимами П.Глечик, Г.Янов, пасечник Рудый Панько, Оооо (скорей всего, выписав четыре «о» из своего имени и двойной фамилии Николай Гоголь-Яновский), а также вообще без подписи. Словом, у него еще нет имени, но он, как замечает Анненков, ищет «земной славы всеми силами своей души».²⁵

Гоголь, в котором поначалу трудно было отличить талант от графомании, перепробовав разные профессии, пробивался в литературу и чувствовал себе цену. Он искал расположения своего кумира. Именно это было важно для Гоголя, который, по выражению А.Синявского, пушкинскую «благословляющую руку сам же на себя возлагал... Нужно было с Пушкиным быть на дружеской ноге, чтобы от него, от величайшего из поэтов России, вести свой счет, свою генеалогию – прозы».²⁶

М.Цявловский в «Путеводителе по Пушкину» отмечает: «Между июля 17 и августа 15. Встречи П. с Гоголем и Жуковским» (1831 год).²⁷ Это, как принято считать, период возникновения дружеских отношений. И даже, по Шенроку, биографу Гоголя, «Пушкин делает его своим фаворитом».²⁸ В достоверности подобных сообщений надо разобраться.

Сначала Пушкин в Москве, Гоголь в Петербурге. Затем Пушкин в Царском Селе в огромной даче, Гоголь в Павловске, в каморке, по соседству с прислугой. Для заработка он устроился репетитором к дебильному сыну А.И.Васильчиковой. Пушкин с красавицей-женой гуляет в парке, беседуя с импера-

трицей. Гоголь ходит из Павловска в Царское Село пешком – это свыше часу ходьбы через лес – и так же возвращается назад. При этом, как пишет А.Пыпин, «высокое понятие Гоголя о своем предназначении уже теперь впадало в крайнее сомнение». ²⁹ Благодаря невероятным стараниям Гоголя, он видится с Пушкиным.

Ходячая цитата: «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, брат Пушкин?» Это Хлестаков, но автобиографично. Гоголь в письме Жуковскому от 22 февраля 1847 года сам назвал себя Хлестаковым. Кстати, одну деталь отметил А.Долинин: «Хлопанье по плечу Пушкина вставлено в текст комедии уже после смерти Пушкина». ³⁰ Гоголь вполне отдавал себе отчет в своей хлестаковщине.

Он пишет матери: «Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина, в Царское Село, так: Его Высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. А вас прошу отдать Н.В.Гоголю». В следующем письме Гоголь напоминает: «Помните ли вы адрес? на имя Пушкина, в Царское Село».

Для родственников Гоголя в провинции это сенсация. Задуман трюк с почтой лихо. Но назвать подобную проделку бестактностью – значит сказать весьма мягко. Пушкин возмутился. Гоголю пришлось изворачиваться, извиняться, лгать. «Приношу повинную голову... Здесь я узнал большую глупость моего корреспондента... (хотя придумал этот ход конем сам. — Ю.Д.) Может быть, и ругнете меня лихим словом, но где гнев, там и милость».

Пушкин часто посвящал стихотворения друзьям и даже случайным знакомым, однако ни единой стихотворной строки его, упоминающей Гоголя, не имеется. Обычно утверждается, что существует девять писем Гоголя к Пушкину и четыре – Пушкина к Гоголю. Письма Пушкина к друзьям – он любил и умел их писать – содержательные, богатые мыслями.

В первом письме (25 августа 1831), состоявшем из пятнадцати строк, Пушкин ответил на два длинных письма Гоголя. Гоголь поехал в Петербург, и Пушкин поручил ему передать издателю Плетневу письмо и рукопись «Повестей Белкина». Пушкин скрывал свое авторство, и курьер не знал, что он везет. Сообщив о выполнении поручения, Гоголь подробно рассказывает о восторге, с которым в типографии читали его соб-

ственную книгу наборщики, что, заметим, мало похоже на правду. Гоголь, «скорей всего, это приукрасил», – считает В.Набоков.³¹ Затем Гоголь ругает врагов Пушкина, доказывая, что он, единомышленник, всецело разделяет его взгляды, что враги Пушкина – его враги, что он *свой*, или, как он сам себя подписывает в письмах Пушкину, «вечно ваш Гоголь».

Пушкин, отвечая, обращается к Гоголю: «Любезный Николай Васильевич» и «на вы». Известно, что у Пушкина большой набор приветствий к друзьям («Милый мой», «Друг мой», «Бесценный друг» и т.п.). Обращение к молодому человеку старшего «Любезный Николай Васильевич» подчеркивает дистанцию. Пушкин благодарит за письмо и доставку посылки. Он иронически относится к гоголевскому «проекту ученой критики» («Вы слишком ленивы, чтобы привести его в действие») и поздравляет «с фырканьем наборщиков». Пушкин поправляет Гоголя, что его жену зовут не Надежда Николаевна, а Наталья Николаевна. Последнее говорит больше о степени близости двух писателей, чем все уверения Гоголя и гоголеведов.

В письме в «Литературные приложения к «Русскому инвалиду» Пушкин отмечает веселость, поэзию, чувствительность «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и желает автору дальнейших успехов. Прозу Гоголя поэт сразу оценил высоко, но дружбы от этого не возникло. Значительная часть краткой заметки посвящена той же байке о смехе наборщиков, рассказанной ему Гоголем. Письмо Пушкина было опубликовано не отдельно, а включено издателем в рецензию другого автора – Л.Якубовича.

2 ноября 1831 года Гоголь пишет своему однокласснику А.С.Данилевскому письмо, фрагмент которого является главным доказательством дружбы с Пушкиным: «Всё лето я прожил в Павловске и Царском Селе... Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я». Заявление Гоголя «почти каждый вечер» выдается многими исследователями за истину. Если так, Гоголь и Пушкин виделись в этот период множество раз, Гоголь мог узнать о Пушкине массу подробностей, но никаких фактических деталей, кроме общеизвестных, нет в его текстах.

Гоголь говорит неправду, что живет в Царском Селе: он только в Павловске. И «все лето» – гипербола. Он называет

повесть Пушкина «Кухарка», то есть «Домик в Коломне», упоминает сказку Пушкина, и странно, что не упоминает более значительных произведений, о которых тогда много говорили Жуковский с Пушкиным. О Жуковском, которого давно знала вся читающая Россия не меньше Пушкина, Гоголь делает в письме нелепое открытие: «Кажется, появился новый обширный поэт...»

Участники тех встреч много написали потом друг о друге, но никто из них не помянул Гоголя. Общение на равных почти каждый вечер больших поэтов с недавним гимназистом из провинции – результат гоголевской фантазии. И для чего Гоголю писать Пушкину письма, если он видится с ним «почти каждый вечер»?

Если бы Гоголь знал чуть больше о Пушкине в то лето, лучше бы ему было соврать, что видятся они в Павловске, куда Пушкин часто ходил один пешком к родителям, жившим там на даче, о чем сообщала мать поэта в письме к дочери Ольге в Петербург. Нет доказательств, что Гоголь видел Пушкина в то лето больше одного-двух раз.

Утверждение Гоголя свидетельствует о его настойчивом желании быть в кругу литературных знаменитостей. Этот факт приобретает вдвойне любопытный характер, если с доверием отнестись к публикации Ф.Булгарина, что Гоголь с 1829 года тайно сотрудничал с Третьим отделением и получал там плату.³² Он нуждался в деньгах, и его большое честолюбие могло удовлетворяться той тайной властью над людьми, которой обладает информант. Однако факт остается недоказанным. Лемке предпринял попытку найти материалы в архиве Третьего отделения, но они были уничтожены.³³

Следующий раз Гоголь пишет Пушкину спустя два с половиной года – в декабре 1833 года, а потом в 34-м (то есть переписки как таковой нет). Зато в письмах Гоголя разным знакомым то и дело мелькают имена Пушкина, Жуковского, Крылова. Так, 23 августа 1834 года Гоголь пишет этнографу М.А.Максимовичу: «Наши все почти разъехались: Пушкин в деревне, Вяземский уехал за границу для поправления здоровья своей дочери». «Наши»... Во многих письмах друг Пушкин упоминается кстати и некстати, вроде: «Пушкин уже почти кончил Историю Пугачева». То есть как бы Пушкин пос-

тоянно делится с Гоголем своими творческими планами. Но информация обычно такая, которую знают все.

Ответ Пушкина Гоголю следует около 7 апреля 1834: «Вы правы – я постараюсь. До свидания». Записка из шести слов. Гоголь просил Пушкина замолвить о нем словцо министру просвещения Сергею Уварову, чтобы получить должность в открывающемся Киевском университете, а Пушкин этого не сделал. Между прочим, к записке Пушкина Гоголь отнесся безо всякого душевного трепета, ибо прямо на ней, перпендикулярно, написал письмо М.Максимовичу. А может, и это трюк, чтобы поразить Максимовича?

В третьем ответе Пушкина, примерно месяц спустя, 13 мая, четыре строки – опять по поводу протекции, которой домогался Гоголь под предлогом, что тяжелая болезнь требует его скорейшего отъезда из Петербурга. Гоголь снова просил подтолкнуть дело. Пушкин отвечает: «Я совершенно с вами согласен. Пойду сегодня же назидать Уварова и кстати о смерти «Телеграфа» поговорю и о Вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, его ожидающему. Авось уладим». На письмо Гоголя Пушкин ответил тут же, с посылным. Поэт явно спешил, ибо получается, что он поговорит с Уваровым о смерти Гоголя. Насчет службы для него Пушкин с министром просвещения так и не поговорил. Во всяком случае, Гоголь должности не получил.

Наконец, последняя, четвертая записка (три с половиной строки, октябрь, 1834) – ответ на принесенную Гоголем повесть «Невский проспект», в которой цензура выбрасывала сцену, где поручика Пирогова секли немцы-ремесленники. «Прочел с большим удовольствием, – пишет Пушкин, – кажется, всё может быть пропущено. Секуцию жаль выпустить: она, мне кажется, необходима для полного эффекта вечерней мазурки. Авось Бог вынесет». Гоголь спросил – Пушкин ответил, не вдаваясь в детали, шаблонными словами. После 1834-го Пушкин на письма Гоголя не отвечал.

Итак, фактически Пушкин написал Гоголю не четыре письма, как утверждается, а четыре записки. Сжигая перед смертью свой архив, Гоголь отложил и оставил эти записки Пушкина. У Гоголя к Пушкину не девять писем, а четыре. Остальные пять – тоже записки в несколько строк с просьбами и жалобами.

С конца июня по 30 октября 1832 года Гоголь уезжал, и видаться они не могли. 28 февраля 1833-го Гоголь пишет Данилевскому, что Пушкина «нигде не встретишь, как только на балах». И опять жлет: на те балы Гоголя никто не приглашал. В 33-м возник замысел В.Ф.Одоевского и Гоголя издать совместно с Пушкиным альманах «Тройчатка», подробности которого не известны, но известно, что ничего сделано не было.

«С зимы 1833-34 гг. отношения П. с Г. становятся особенно близкими», – полагает Ю.Оксман.³⁴ Утверждение строится в основном на том, что 2 декабря 33-го Гоголь читал Пушкину «Повесть о том, как поссорились...» и Пушкин записал в дневнике, назвав Ивана Никифоровича Иваном Тимофеевичем: «очень оригинально и очень смешно». Гоголь пробился к Пушкину, но близких отношений нет.

В 34-м и 35-м Гоголь при посредничестве Плетнева читал лекции по всеобщей истории; на одной из них присутствовали Жуковский и Пушкин. Последний вежливо и одобрительно отозвался о лекции.³⁵ Но вот как вспоминает эти лекции Иван Тургенев: «Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две; во-вторых..., он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное... и все время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории».³⁶ С мая по сентябрь 35-го Гоголя снова не было. Еще один эпизод, о котором сообщает Цявловский: 4 апреля 1836 года «Чтение Гоголем на «субботе» Жуковского рассказа «Нос», вероятно, в присутствии Пушкина».³⁷ У Жуковского на посиделках Гоголь действительно бывал и читал написанное.

Известно, что Пушкин хвалил отдельные произведения Гоголя, но личные их отношения не складывались, из одного не вытекало другое. Попросту Пушкин вовсе не стремится видаться с Гоголем. Тот периодически просит прочитать и поправить его тексты, похлопотать за него, замолвить слово. В записке от конца декабря – начала января 35-го Гоголь пишет: «Жаль однако ж, что мне не удалось видаться с вами». А 7 октября – «Решаюсь писать к вам сам; просил прежде Наталью Николаевну, но до сих пор не получил известия». Гоголь заходит к Пушкину, того нет, просит передать, Мэтр не реагирует, жена даже не считает нужным передать мужу. Равнодушие Пушкина и отстранение его налицо.

Широко известно утверждение, что в 1835 году Гоголь, по выражению Анненкова, «взял у Пушкина сюжет «Мертвых душ».³⁸ Существует много источников, касающихся подарка. В одних оговорено, что это предположение. Другие, признавая факт, считают, что «конкретные обстоятельства этой «передачи» в литературе не выяснены до конца».³⁹ Третьи, в том числе Ю.Лотман, утверждают категорически и теми же словами: «Сюжет «Мертвых душ» был дан Гоголю Пушкиным».⁴⁰ Но первоисточник информации – снова сам Гоголь. А раз так, особенно важно установить, когда он стал это утверждать.

Пушкину Гоголь сообщил, что «начал писать «Мертвых душ». Странно, однако: нет ни намека на подарок в виде сюжета, ни мерси. В 1836 году в письме к Жуковскому из-за границы, подробно описывая замысел «Мертвых душ», Гоголь также ни словом не обмолвился о подарке Пушкина. Говорить об этом Гоголь начал только в марте 37-го, узнав о смерти Пушкина. Стало быть, последний не мог уже ни подтвердить, ни опровергнуть.

Сначала в письме Плетневу из Рима Гоголь пишет о своих отношениях с Пушкиным туманно: «Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою... Боже! Нынешний труд мой, внушенный им, его создание...» Означает ли «внушенный им», что Пушкин: а) рассказал Гоголю сюжет «Мертвых душ» и б) подарил, то есть разрешил им воспользоваться?

Через десять лет после смерти Пушкина, в «Авторской исповеди», та же тема развивается в большую новеллу, полную восхваления самого себя. Гоголь пространно описывает, как восхищался Пушкин его способностями и творчеством, призывал равняться на Сервантеса, и – как отдал ему, Гоголю, «свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы». Далее Гоголь, сжато передавая фабулу уже написанной им книги, рассказывает, как Пушкин обсуждал с ним тему и объяснял, чем хорош этот сюжет именно для него, Гоголя. Пушкин якобы сказал, что этот сюжет «он бы не отдал другому никому». Вот какое свое превосходство над другими писателями хочет продемонстрировать Гоголь, хитро вкладывая эту мысль в уста поэта.

В 35-м Гоголь написал Пушкину: «Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь». Теперь, спустя

12 лет, эта мысль перекочевала в уста Пушкина. Оказывается, Пушкин ему советовал «изъездить вместе с героем всю Россию». Про впечатления Пушкина от чтения «Мертвых душ» («Боже, как грустна наша Россия!» – воскликнул якобы Пушкин) мы также знаем только от Гоголя. Набоков по этому поводу резонно замечает: «тоже, кажется, придумано Гоголем». ⁴¹

Бросается в глаза противоречие: если Пушкин сам подарил Гоголю сюжет и объяснил, что можно через него показать всю Россию, то почему Пушкин так удивился, когда Гоголь читал ему первые главы «Мертвых душ», и даже в восхищении от собственного сюжета воскликнул: «Боже!» Кстати, это эмоциональное «Боже!» постоянно встречается в текстах Гоголя. И неужели Пушкин от Гоголя узнал, что Россия грустна?

В мемуарах Анненкова утверждается, что Гоголь самовольно воспользовался рассказанным ему Пушкиным замыслом: «Известно, что Гоголь взял у Пушкина мысль «Ревизора» и «Мертвых душ», но менее известно, что Пушкин не совсем охотно уступил ему свое достояние. Однако ж в кругу своих домашних Пушкин говорил смеясь: «С этим малороссом надо быть осторожнее: он обдирает меня так, что и кричать нельзя». Последнее Анненков написал, возможно, со слов Натальи Николаевны. ⁴² Обратите внимание, что о подарке ни у Пушкина, ни у Анненкова нет и речи: «взял», «ободрал». Нечистоплотность Гоголя в заимствовании сюжета, по мнению племянника Пушкина Л.Павлищева, явилась причиной охлаждения к нему Пушкина. Мнению этому нет, однако, подтверждений.

Еще более туманна история сюжета «Ревизора». Гоголь принес Пушкину комедию «Женитьба» читать «для замечаний», а тот ее, по-видимому, даже не пролистал. «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот», – просит Гоголь. 7 октября 1835 года он написал Пушкину письмо с просьбой вернуть ему комедию. Желание Гоголя получить, говоря современным языком, «заказ» (а значит, и благословение) от самого Пушкина понятно. В конце октября, согласно легенде, Пушкин дал Гоголю сюжет «Ревизора». Подарок такой возможен, но, к сожалению, основной свидетель события – опять-таки один Гоголь.

По одной из версий источником сюжета «Ревизора» явились байки о бессарабских похождениях дипломата и литератора Павла Свинына вроде бы пересказанные Пушкиным Гоголю.⁴³ В подтверждение другой версии о подарке Пушкина ссылаются на незаконченный отрывок Пушкина «В начале 1812 года...» Там говорится о группе молодых офицеров, расквартированной в уездном городе. Офицеры проводили время с женщинами на вечеринках и, в частности, посещали дом городничего, который был взяточником и у которого были жена и дочь. Сюжета с ревизором нет. К тому же, отрывок Пушкин опубликовал в 1831 году – Гоголь его просто прочитал. Все это говорит не о подарке, а о простом влиянии, или, говоря строже, заимствовании.

Еще одним аргументом считается пушкинский черновик из трех строк «Криспин приезжает в губернию на ярмонку – его принимают за... Губернатор честный дурак... – Губернаторша с ним кокетничает – Криспин сватается за дочь». Дата написания неизвестна. Криспин во французских и итальянских комедиях – постоянно встречающийся плут-слуга. «Принимают за» – типичное *qui pro quo*, на котором строится комедия во все времена. Опираясь на эти три строки, доказывают, что Пушкин подарил Гоголю сюжет «Ревизора».⁴⁴

Более очевидно, что уже существовала известная комедия украинского писателя Григория Квитки «Приезжий из столицы, или суматоха в уездном городе», где обыграна точно такая же история. И – за год до «Ревизора» в серии «Библиотека для чтения» (а Гоголь ее внимательно читал) появилась повесть Александра Вельтмана «Провинциальные актеры», где тоже обыгрывался знакомый сюжет. В наше время в Америке за такое заимствование сюжета Гоголь давал бы показания в суде, и даже живой свидетель Пушкин ему б не помог, если подарил ему не свой сюжет.

В связи со слабостью доказательств Гиппиус предлагал компромиссное объяснение: «уступка» Пушкиным Гоголю сюжета «Мертвых душ», а также начало работы Гоголя над «Ревизором» произошли «в результате рассказанных Пушкиным анекдотов».⁴⁵ Макогоненко спасает легенду следующим толкованием: «Гоголь попросил у Пушкина сюжет, а Пушкин дал ему мысль!»⁴⁶ Еще более расширяет возможность заимствования

вне Пушкина Золотусский: сюжет «носился в воздухе, он уже был почти фольклорным».⁴⁷ С этим трудно не согласиться.

Пушкин написал про комедию Гоголя Одоевскому: «В ней есть закорючка», что, видимо, можно истолковать как похвалу. Устраивая комедию в театр, Гоголь нигде в письмах не отмечает, что Пушкин подарил ему сюжет, хотя это могло помочь успеху пьесы, а ведь Гоголь навязчиво использовал имя Пушкина. Пушкин поминает «Ревизора» в письме к жене, но и там нет ни намека на его собственный вклад. Панаев позже писал, что Пушкин во время чтения комедии у Жуковского «катался от смеха», но эта типичная гоголевская гипербола перекочевала в воспоминания Панаева из воспоминаний Гоголя.⁴⁸ Таким образом, легенда о подарке Пушкиным двух сюжетов сочинена самим Гоголем.

Поздний Пушкин относился к Гоголю более критически. Говоря о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» в «Современнике» за 1836 год, он отмечал живую манеру письма Гоголя и – «неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов». «Невинные, на взгляд, вкусовые различия, – отмечает А.Синявский, – имели далеко идущие последствия и свидетельствовали в конечном счете о пропасти, отделявшей Гоголя от Пушкина».⁴⁹

Пушкин предложил Гоголю заняться критикой, отметив в своем дневнике: «Гоголь по моему совету начал историю русской критики». Основанием послужили, по-видимому, язвительные замечания Гоголя по поводу врагов Пушкина и лесть в адрес поэта. По мнению А.Жолковского, Гоголь «рабски приспособлялся к вкусам вышестоящих лиц (в том числе Пушкина)».⁵⁰

Перечитаем статью Гоголя «Борис Годунов, поэма Пушкина», которую молодой автор писал, ища сближения: «Будто прикованный, уничтожив окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэт!.. Великий! Над сим вечным творением твоим клянусь!» В сервильной статье говорится о чем угодно, только не о самой драме, написанной Пушкиным.

Гоголь-критик оказался многословен, лишен дара анализа произведения и, как оказалось, не способен ориентироваться в литературно-общественной жизни. Уже высказывалась точка

зрения, что совет Пушкина Гоголю заняться критикой свидетельствует о незнании Пушкиным своего обожателя.⁵¹

Для выпуска журнала «Современник» Пушкину нужен был редактор. Найти такого непросто, а молодой Гоголь, если вспомнить его беспомощный опыт в качестве лектора, отважно брался за любое дело. Компетентность Гоголя в редакторской работе была равна нулю, – этому Пушкин почему-то не придавал значения. Оксман пишет, что в «Современнике» Гоголь вел «всю редакционно-техническую работу».⁵² Редактирование первого номера журнала «Современник» за 1836 год доказало, что он не только не способен, но и опасен.

Получив возможность решать в журнале, что публиковать, Гоголь, вместо поиска разных авторов, поставил в первый номер свои «Коляску», «Утро делового человека», восемь собственных рецензий на самые разные книги и еще заметку, – одиннадцать материалов. Скандал разгорелся из-за его же статьи (без подписи) «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году».

Гоголь описывал всё, что печаталось в обеих столицах, в негативных, а иногда и просто в бранных выражениях: «Бесцветность была выражением большей части повременных изданий», «скудость и постный вид наших журналов», «ничего свежего», «отсутствие вкуса», «невежество», «мертвящая холодность». Гоголь разносит в пух и прах все журналы, издателей, редакторов, авторов скопом и поименно.

Как сей всеобщий погром мог появиться, остается загадкой. Произошло это без ведома самого издателя, то есть Пушкина. Общественный скандал поставил под угрозу существование только что родившегося «Современника». Издатель решает резко отмежеваться от натворившего все эти безобразия Гоголя. Чтобы выпутаться, Пушкин вынужден пуститься на хитрость.

Он сочиняет «Письмо к издателю» за подписью А.Б. («Современник», №3), в котором осуждает заносчивые суждения Гоголя. Возможно, А.Б. – просто первые буквы алфавита. Опубликованная статья, пишет Пушкин, «не соответствует тому, чего ожидали мы». Гоголь обвиняется в том, что хвалит одних за то же самое, за что негодует на других, то есть в беспринципности, и даже иногда в отсутствии чувства юмора, за который Пушкин хвалил его.

Публичная характеристика, которую дает Пушкин Гоголю, звучит уничижительно: «Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности – словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного». Статья заканчивается в язвительном тоне надеждой, что критик избегнет в своей критике недостатков, так строго и так справедливо осужденных в его собственной статье.

Затем следует комментарий «От редакции», в котором Пушкин оправдывается: «Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатанием первых двух номеров своего журнала; вкрались некоторые ошибки...» Пушкин вынужден публично отмежеваться от лихого критика, обещать не критиковать книги, которые Гоголь отметил звездочками для аналогичного растерзания в следующей статье. Как прямой разрыв с Гоголем звучат слова: «Издатель «Современника» принужден объявить, что он не имеет чести быть в сношении с гг. журналистами, взявшими на себя труд составить за него программу, и что никогда им того не поручал».

В той же третьей книжке «Современника» Пушкин, видимо, чувствуя, что двух выступлений недостаточно, косвенно касается Гоголя еще раз. В статье «Мнение М.Е.Лобанова (в «Современнике» опечатка «М.А.» — Ю.Д.) о духе словесности» издатель (опять намекая на Гоголя) говорит о критике, которая относится с неуважением к именам, а это – «первый признак невежества и слабomyслия».

У Гоголя остались материалы, которые он намеревался опубликовать в «Современнике», но доступ в журнал для него был закрыт. Оксман пишет, Гоголь был «больно задет».⁵³ На этом закончились их реальные отношения.

6 июня 1836 года Гоголь выехал за границу. Набоков замечает: «Говорилось, что накануне его отъезда Пушкин, которого он больше не видел, посетил его и провел всю ночь, просматривая его рукописи и читая начало «Мертвых душ»... Картина приятная, пожалуй, слишком приятная, чтобы быть реальной».⁵⁴ Добавим: разумеется, опять байка, подкинута публике Гоголем.

Из заграницы Гоголь не написал Пушкину ни строки, а Жуковскому пожаловался: «Даже с Пушкиным я не мог про-

ститься; впрочем, он в этом виноват». Отсюда следует, что Гоголь, может быть, предпринял попытку увидаться, но Пушкин от встречи отказался. А ведь он любил прощаться и провожать уезжавших за границу. Обида, ссора или, тем паче, скажем, дуэль были бы слишком большой честью для Гоголя. Пушкин вычеркнул Гоголя из своего окружения и знать его больше не хотел.

Когда Пушкин уже не мог написать опровержение, собственная роль в пушкинском «Современнике» стала видеться Гоголю совсем в ином свете. Оказывается, не Пушкин предоставил Гоголю возможность напечататься в своем журнале, а он, Гоголь «умолил» Пушкина издавать «Современник». Больше того, как стало казаться теперь Гоголю, он был более даровитым журналистом, чем Пушкин: «В статьях моих он находил много того, что может сообщить журнальную живость изданию, какой он в себе не признавал». И – ни слова про конфликт. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» им весьма произвольно используется имя Пушкина, и взгляды его искажаются для подкрепления собственного авторитета автора.

Гоголь был не только талантливый прозаик, но и блистательный фантазер. Вяземский писал Александру Тургеневу: «Гоголь от избытка веселости часто завирается...»⁵⁵ В письмах он сообщает, что пишет «Историю Малороссии» в шести томах, всеобщую историю и географию «Земля и люди» в трех или двух томах, «Историю средних веков» в восьми томах, то есть всего шестнадцать или семнадцать томов. А писал он в это время «Тараса Бульбу». «Гоголь врал себе так же, как другим. Лживость была способом его жизни, сутью его гения», – пишет Хелен Мачник.⁵⁶

Фантазия Гоголя распространялась не только на сюжеты, но и на даты. Так, Н.Тихонравов установил, что Гоголь произвольно менял годы написания своих статей в сборнике «Арабески», чтобы представить их как давно написанные и тем избежать упреков критики. Гоголь создал легенду о стихотворении «С Гомером долго ты беседовал один», уверяя, что Пушкин посвятил его не Гнедичу, а Николаю Первому.

Гоголь выдавал желаемое за достигнутое, собственную выдумку за реально существующее. Мечтатель и фантазер, он придумывал человеческие отношения не только в прозе, но и в

жизни. Он рассказывал о своих интимных связях с женщинами, с которыми у него ничего не было. Так же он постоянно надувал фантазией и свою дружбу с Пушкиным.

Одно обстоятельство начисто игнорировалось в российских исследованиях на обсуждаемую нами тему. Может быть, его имел в виду Вересаев, когда писал: «Пушкин держался по отношению к Гоголю отдаленно».⁵⁷ Между тем, проблема эта весьма тщательно изучена на Западе. Гоголь с юности одевался, изобретая странные наряды. Носил длинные волосы, взбивал кок, подчеркивал талию и подкладывал искусственные плечи. «Пушкин: легкомысленный, офранцузенный картежник, – жестко пишет славист Джон Бейли. – Гоголь: извращенец, гомосексуалист, поистине хам».⁵⁸

О гомосексуальных склонностях Гоголя, а также о его биографии и творчестве, исследованных методами психоанализа, имеются серьезные работы.⁵⁹ Отметим лишь, что Пушкин иронически, а то неприязненно или издевательски относился к гомосексуалистам (например, известно его отношение к Ф. Вигелю, не говоря уж о бароне Геккерене). Не проявлялось ли такое же отношение к Гоголю? Наивно сводить всю сложность человеческих отношений к одной причине, но было бы ошибкой ее игнорировать.

Русское слово *дружба* не адекватно сути английского *friendship* или французского *amitié*. Большая дистанция лежит между значениями *друг* и *приятель*. *Приятель* ближе по смыслу слову *знакомый*, а знакомых той или иной степени приближенности у Пушкина зарегистрировано 2700. Дружба для Пушкина – это многолетние отношения глубокой духовной близости, взаимной открытости, доверия, понимания, сопереживания, бескорыстия.

У Пушкина с Гоголем были, говоря современным языком, деловые контакты, которые изо всех сил стимулировал Гоголь. В жизни Гоголя Пушкин сыграл решающую роль. Для Пушкина Гоголь был в числе многих молодых литераторов. Долгие годы существовало предположение, что именно Гоголя имел в виду Пушкин, назвав неизвестного автора «одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости». Сомнения существовали и раньше у Гиппиуса, но недавно В.Э.Вацуру весьма убедительно доказал,

что к Гоголю это никак не относится.⁶⁰ Однако становившийся с годами все более мрачным Пушкин в качестве развлечения и отвлечения принимал юмор и странности Гоголя и как автора, и как личности. В написанном Гоголем видел он «шутку, в которой много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального». Привлекая внимание поэта, Гоголь изо всех сил работал скоморохом.

В сороковых годах Плетнев, который свел Гоголя с Пушкиным, возмущенно писал Гоголю: «Но что такое ты? Как человек существо скрытное, эгоистическое, надменное и всем жертвующее для славы. Как друг что ты такое? И могут ли быть у тебя друзья?»⁶¹ Судьба распорядилась двумя классиками по-своему, сделав их дальними родственниками. Спустя почти полвека внучка поэта Мария Пушкина вышла замуж за поручика гусарского полка Николая Быкова, внучатого племянника Гоголя.⁶² Но к литературе этот курьез отношения не имеет.

Выше сказано, что у истоков мифа о дружбе двух писателей стоял Белинский, а теперь уточним, что самим первоисточником был, конечно же, Гоголь собственной персоной. Жизнь Пушкина, основные события в ней, были не известны Гоголю. «Гоголь пишет о Пушкине, как не принято писать о реальных, живущих ныне или живших некогда лицах», – замечает Б.Бурсов. Сказанное Гоголем о Пушкине, по словам Бурсова, «характерно именно для легенды, а не для литературно-критической характеристики».⁶³

В приступе мечтательности Гоголь сам оговаривается в письме к Жуковскому, что дружба с Пушкиным приснилась ему во сне: «О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни, и как печально было мое пробуждение!» Часто встречающиеся в исследованиях многозначительные фразы типа: «Гоголь знакомил Пушкина со своими литературными планами, читал ему сам новые произведения или присылал на предварительный просмотр в рукописи»⁶⁴ – обобщают то, что имело место лишь два-три раза, создавая ложную картину перманентных личных и творческих отношений.

Гоголь сам распространял среди окружающих легенды о желаемой им дружбе. Так, воспоминания близкого Гоголю Данилевского донесли до нас рассказ Якима, слуги Гоголя. «Они

(т.е. Пушкин. — Ю.Д.) так любили барина. Бывало, снег, дождь, слякоть, а они в своей шинельке бегут сюда. (Получается, и Пушкин, и Акакий Акакиевич демократически бегали в одинаковых шинельках. — Ю.Д.). По целым ночам у барина просиживали, слушая, как наш-то читал им свои сочинения, либо читал ему свои стихи». По словам Якима, Пушкин, заходя к Гоголю и не заставая его, с досадою рылся в его бумагах, горя нетерпением узнать, что тот написал нового. Он с любовью следил за развитием Гоголя и все твердил ему «пишите, пишите, а от его повестей хохотал, и уходил от Гоголя всегда веселый и в духе». ⁶⁵

Неграмотный этот слуга, того не ведая, заложил фундамент советского подхода к Гоголю. Яким, по-видимому, был больше, чем камердинер. Гоголь, осердясь, грозил побить его, но Яким, что невероятно, грубил хозяину, а Гоголь нежно заботился о нем и даже обеспечил его будущность. ⁶⁶

Каждый писатель сочиняет себе биографию, делая ее более интересной, конфликтной, яркой, вшитой в литературу. Лев Толстой в статье «О Шекспире и о драме» заметил, что Шекспира сделал великим Гете, и вообще писатели по корыстным соображениям делают великими других писателей — и становятся им на плечи. Все же большинство писателей делает это на основе реалий.

Уникальность описываемой ситуации в том, что великий прозаик Гоголь сам, с начала литературной карьеры до ее конца, творил фундаментальное свое произведение — миф о дружбе с великим поэтом России. Миф он поставил во главу своей биографии. Это поистине блистательное сочинение Гоголя стало важной ступенью литературной истории, но так и не стало исторической реальностью.

Возникает любопытный вопрос: как сложилась бы литературная судьба Гоголя, если б с самого начала он не поставил своей задачей заполучить благословение Пушкина, а просто писал и пробивался в литературу без покровителя?

На вопрос этот мы никогда не получим ответа. Можно лишь предположить, что в такой нетерпимой к отклонениям стране, как Россия, Гоголь с его несомненной гениальностью, но при странном поведении, провинциальности, мнительности и своеобразной грамотности, в которой его то и дело упрекала

критика, долго оставался бы в неизвестности. Возможно, он не поспел бы за другими писателями, оказавшись во втором или третьем ряду.

Вот почему мы настоятельно рекомендуем молодым писателям сперва найти достойного мэтра, распространить жизнеспособный миф о близкой дружбе с ним и начинать публиковаться под реальное или выдуманное благословение великого учителя. Не забыть бы только заранее выяснить, как зовут его жену.

ПУШКИН, СТАЛИН И ДРУГИЕ ПОЭТЫ

Александр Сергеевич настолько популярен в России, что образованный человек знает поэта, его жену, друзей и врагов чуть ли не лучше, чем своих собственных жену, друзей и врагов, а возможно, и самого себя. Семейная трагедия классика давно стала нашей личной трагедией. Важность пушкинской фигуры для русской культуры привела к тому, что вот уже более полутора веков поэта используют в интересах не столько литературных, сколько политических. Пушкин давно на небе. А власти, партии, течения то и дело узурпировали право быть его толкователями на земле.

Историческая трагедия Пушкина, на мой взгляд, в том, что поэта превратили в идола, которому поклонялись, в икону, в монументы, в названия городов, улиц, библиотек, пароходов, причем реальный Пушкин все плотнее покрывался наслоениями грима. Другими словами, икона множество раз подменялась, сохраняя то же славное имя.

Разные роли пришлось играть Пушкину после смерти. Его объявляли то индивидуалистом, то коллективистом, то русским шеллингианцем, эпикурейцем или представителем школы натурфилософии, то истинным христианином или воинствующим атеистом, то масоном, то демократом, то монархистом. А еще – идеалистом, материалистом и даже историческим материалистом. Список (со ссылками на соответствующие труды) можно продолжить. Но один псалом дружно пелся властями всегда: Пушкин – олицетворение всемогущего рус-

ского духа, символ великой, единой и неделимой России, государственный поэт №1. По выражению Аполлона Григорьева, «Пушкин – это наше всё». Или, как сказал о Пушкине Горький, «он у нас начало всех начал».

Разумеется, такая фигура оказалась привлекательной для товарищей, пришедших к власти в 1917 году. Нигилистические призывы вроде «сбросим Пушкина с парохода современности» работали против самой новой власти, поэтому русских классиков стали сортировать по принципу полезности. Перед вербовкой на службу коммунизму дворянин Пушкин прошел чистку. Народный комиссар просвещения Анатолий Луначарский, богоискатель, марксист, бюрократ, дипломат и графоман заявил, что «экзамен огненного порога, отделяющего буржуазный мир от первого периода мира социалистического, Пушкин безусловно выдержал и, по нашему мнению, выдержит до конца». И – «пока нам нужны помощники», – признался нарком, – Пушкину надлежит остаться «учителем пролетариев и крестьян».¹

Еще Ленин, как известно, сконструировал модель русской революции в виде лестницы из трех ступеней: внизу толпились декабристы (которых, кстати, как теперь подсчитано, было 337 человек), а вверху, завершая прогресс человечества, – большевики, число которых во время революции было, конечно, больше числа декабристов, но, по понятным причинам, скрывалось, преувеличивалось, и точного мы до сих пор не знаем. После колебаний и чистки Пушкину был выдан мандат представителя того освободительного движения, которое неуклонно вело к светлому будущему, то есть к советскому государству. В какой-то момент Пушкину повезло меньше, чем Белинскому, который попросту был приравнен к партаппарату. «В наше время Белинский был бы не последним членом Политбюро ЦК ВКП(б)», – заявил Луначарский.² Пушкин такой чести не удостоился.

Но биография и творчество Пушкина подгоняются под политическую доктрину. В Петербурге и Кишиневе молодой поэт был знаком с декабристами и написал несколько стихотворений о свободе. Он никогда не принимал участия в их деятельности, в зрелом возрасте взгляды его менялись, революцию он называл бунтом и относился к ней отрицательно.

Этот Пушкин был сделан певцом и агитатором декабристского движения, провозглашен другом декабристов, затем декабристом, а в крайних исследованиях даже революционером. Интересно перечитать, например, труд известного литературоведа В.Кирпотина о связи понятий «Пушкин» и «коммунизм»; отдельные места этой работы легко перемещаются в жанр пародии.³ Кирпотин был в те годы заведующим сектором художественной литературы ЦК и, таким образом, участвовал в оценке полезности авторов.

Известно, что официальное признание Маяковского связано с несколькими словами Сталина, процитированными в передовой «Правды».⁴ Слова о Маяковском были взяты из письма Сталина, ответившего на письмо Лили Брик о пользе Маяковского делу революции и советской власти. Между тем передовая в газете посвящена постановлению ЦИК об образовании Пушкинского комитета. В ней говорится, что Пушкин – создатель русского литературного языка, а этот язык стал достоянием миллионов трудящихся, и через любовь к Пушкину будет правильно воспитываться советская молодежь. Далее там говорится: «Пушкина знает и любит наша передовая молодежь. От Пушкина ведут свою родословную лучшие наши поэты. А о значении лучшего поэта нашей советской эпохи, о значении Маяковского сказал недавно товарищ Сталин: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». И чуть ниже: «постановление ЦИК СССР о Пушкинском комитете продолжает линию, указанную в словах товарища Сталина».

Тут все сикось-накось. Язык Пушкина стал достоянием миллионов трудящихся, а юбилей Пушкина вытекает из фразы Сталина, канонизировавшей Маяковского. Тем не менее, Пушкиным, как видим, заинтересовался лучший друг писателей лично. К «историческому празднику советской культуры», то есть столетию со дня смерти поэта, с 1935 года готовилась вся страна. Пушкинская комиссия во главе с Ворошиловым и Горьким, думается, работала под личным руководством Сталина. Появились специальные работы о том, как правильно понимать и толковать поэта. «Пушкин искал то, что нашел коммунизм, – писал Кирпотин, – условия равновесия и гармонии личного начала и общественного». И дальше: «Просвещенная

гуманность Пушкина вливается в социалистическую гуманность обновленного мира, как могучая река вливается в неиссякаемый океан».⁵

К 37-му году – столетию со дня пушкинской смерти, которому были целиком посвящены газеты в самый разгар массовых репрессий, когда громким чтением стихов Пушкина заглушали стоны миллионов, газеты связали поэта напрямую с Октябрьской революцией. «Пушкин целиком наш, советский, – писала «Правда», – ибо советская власть унаследовала все, что есть лучшего в народе, и сама она есть осуществление лучших чаяний народных... В конечном счете творчество Пушкина слилось с Октябрьской социалистической революцией, как река вливается в океан».⁶ Кто у кого заимствовал образы или, может быть, Кирпотин сам и писал оба произведения? Ответить не можем.

«Только в сталинскую эпоху, – писал критик, служивший в ЦК, А.М.Еголин, – небывалого подъема материального и культурного уровня советского общества возможно такое счастливое и глубокое радостное явление, как превращение юбилея поэта во всенародный праздник».⁷ Никогда еще смерть поэта не превращали во всенародное ликование.

Пушкин используется для русификации народов, населяющих многонациональную страну. «Пушкин пришел и к узбекам, и к таджикам..., ко всем народностям, приобщенным революцией к культуре великого русского народа».⁸ Следующей ступенью канонизации Пушкина в советские святые стал 1941 год. Среди многочисленных мифов об этой войне, которые сегодня более открыто дискутируются и бывшими советскими историками, миф о Пушкине стоит особняком и не все в нем ясно.

Обычно государственные мифы зарождаются исподволь, их признаки становятся отчетливо видны до официального провозглашения. Однако для сталинского мифа о Пушкине (назовем его условно так) можно точно указать не только год и место его появления, но даже день и час: родился миф вечером 6 ноября 1941 года.

Речь идет, конечно же, о торжественном заседании, имевшем место под землей, в метро «Маяковская», в Москве. Кто предложил идею заседать между платформами, – ведь было

понастроено немало бомбо- и газобезопасно? Может, Сталин укреплял связь между Пушкиным и Маяковским? Произошло это в канун 24-й годовщины Октябрьской революции. Так ведь и осталась, между прочим, в истории эта несуразица: октябрьская революция – в ноябре. Доклад Сталина имел место на этом заседании. Интересно, кто сочинил для генсека манускрипт?

Вождь упомянул Пушкина один раз, но цитата определила основную задачу пушкиноведения, советской литературы и вообще всей культуры в СССР, по меньшей мере на полтора десятилетия вперед. Чтобы оценить цитату, придется проанализировать ее контекст в речи генсека. Прокручивая пленку, я слушаю его кавказский акцент, бульканье воды, когда он пьет, и мне чудится, что стакан в его руке дрожит: вождь изрядно нервничает.

В докладе Сталин размышляет о национализме. «Пока гитлеровцы занимались собиранием немецких земель... их можно было с известным основанием считать националистами». Чувствуете: национализм в довоенной Германии оценивается как нечто рациональное, ведь надо оправдать хорошие отношения с нацистами. Это понадобится вождю для оправдания национализма в России. Далее, обращению к патриотическому чувству советских людей в докладе предшествует нагнетание ненависти к лидерам Германии.

Сталин цитирует (все источники недоступны слушателям) Гитлера, Геринга, приказы немецкого командования, которые сводятся к одному: убивай русских. Солдату не нужны совесть, сердце, нервы. Уничтожь в себе жалость и сострадание. «Вот вам программа и указания лидеров гитлеровской партии и гитлеровского командования, программа и указания людей, потерявших человеческий облик и павших до уровня диких зверей».

Он любил повторять многократно одни и те же слова, как заклинания, выучившись этому, вероятно, у Троцкого. Каким образом он перейдет от потерявших человеческий облик к Пушкину? А очень просто: «И эти люди, лишённые совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и

Кутузова...» Отметим здесь подтекст, который пригодится нам позже: лидер великой нации также автоматически причисляется к великим. За этим следует вывод «истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей страны в качестве ее оккупантов».⁹

Прочитанный сегодня призыв Сталина представляется для фронтового времени обоснованным. Но мы знаем, что к началу войны Сталин и его окружение, при вполне мирной ситуации, уничтожили лучшую часть не только русской нации, но всех наций, населяющих Россию, в миллионах, до сих пор не подсчитанных, включая, похоже, находящегося в сталинском списке национальных героев Максима Горького.

Сталин обращается ко всем национальностям Советского Союза, но при этом говорит о величии только одной нации – русской. Сталинский нацизм был изощреннее гитлеровского. Военные ошибки Сталина приведут к гибели советского населения, десятикратной по сравнению с растратой человеческих ресурсов, совершенной во время войны рейхом.¹⁰ А реальность состояла в том, что именно Сталин оказался во главе борьбы с фашизмом со стороны России, и в то время он отчаянно искал для себя опору внутри страны и за рубежом.

Может показаться, что список великих русских имен, упомянутых в речи 6 ноября, случаен, просто для примера. Но – все упомянутые в нем лица известны на Западе. Имена представителей культуры связаны со «святыми местами» в России: Михайловское Пушкина, Ясная Поляна Толстого, Смоленск Глинки, Клин Чайковского, Чеховская Ялта и Репинские Пенаты. Все эти места уже оккупированы или обречены на захват и разграбление врагом. Суриков сибиряк, но он – живописец народных испытаний, патриот.

И все же странно, что тут без особой необходимости названы вместе враг Ленина, отступник и меньшевик Плеханов, и даже откровенный антисоветчик академик Павлов. По-видимому, и это не случайно: не до внутренних политических игр перед лицом врага, единение – вот что в данную минуту важнее всего. И это тогда было воспринято как либерализация, очеловечивание власти. Логично также, что больше всего (четверо) в списке – инженеров человеческих душ, писателей, вдохновителей народа на подвиги во имя отчизны.

Все названные имена были затем использованы в качестве символов нации, духовных святынь, которые нужно защитить от врага, спасти. При этом только Пушкин, поставленный после Ленина первым, превзошел всех остальных.

В том же номере газеты «Известия», где напечатан доклад Сталина в метро, как тогда полагалось, опубликованы были стихи – на сей раз Максима Рыльского, иллюстрирующие положения доклада Сталина. В таких случаях приближенному к редакции «дежурному» поэту звонили в любое время суток, и через полчаса поэт диктовал по телефону или лично привозил в редакцию текст.

Где все растет неутолимо,
Где ум пылает, как костер,
Где с тенью Пушкина родимой
Вел Маяковский разговор,
Где каждый памятник бесценен,
Где каждый камень – славы след,
Где всем земным народам Ленин
Явил немеркнувший рассвет... (И т.д. — Ю.Д.)
Народов рать идет сражаться
За свет, за счастье, за Москву!¹¹

Так идеологический миф сразу обрел художественную, поэтическую форму.

Теперь, полвека спустя, остается вопрос: зачем великому вождю понадобилась, как выразился Рыльский, «тьень» великого поэта? В кинохронике, отражавшей задачи дня, войска перед отправкой на фронт уже на следующий день зашагали мимо бронзовой статуи, стоящей в задумчивости на Пушкинской площади. Воинские почести отдавались поэту: чеканный шаг, равнение на монумент. Между фальшивыми сводками о потерях и оставленных городах зазвучали классические романсы о любви на слова Пушкина в исполнении лучших солистов Большого театра. Не себя, а Пушкина предложил спасти Сталин, и это был умный ход. Но причины вовлечения Пушкина в войну лежали, мне кажется, еще глубже.

Миф о Пушкине, как это видится сегодня, представляет собой часть другого, общего мифа, который я бы назвал су-

пермифом. Супермиф уходит корнями в далекое русское прошлое: он – о превосходстве русских над другими нациями (старший брат) и вытекающей отсюда их мессианской роли в истории, супермиф о России как Третьем Риме (а четвертому не бывать). Именно сия мессианская идея, трансформировавшаяся в коммунистическую манию освобождения всего человечества так называемой первой страной победившего социализма, просуществовала до девяностых годов нашего столетия, и есть надежда, что настал ее коллапс.

В начале войны с Германией стало очевидно, что официальная идеология не эффективна. Опасность подгоняла быструю переоценку атрибутики. Еще недавно Москва по инерции придерживалась марксистской версии девятнадцатого века о пролетариате, у которого нет отечества, – то есть идеи братской солидарности трудящихся всего мира. Считалось, что эта идея служит нашему советскому Третьему Риму: «Интернационал» поют в Москве, а слышно и в Америке, и в Африке. Война показала, что в Африке, может, и слышно, но внутри страны эти слова действовали неэффективно. Братская солидарность немецких пролетариев оказалась фикцией. Они надевали каски и шли поработать своих братьев по классу в других странах. Война вернула красную Россию к мифу великодержавному, великорусскому традиционному «Москва – Третий Рим». Не случайно во время войны отменили государственный гимн «Интернационал» и разогнали Коминтерн.

Вспомним: положение отчаянное: столица эвакуирована, великая паника, власть висит на волоске. В катастрофической ситуации паникующие властители готовы зацепиться за что угодно и обращаются к национальным святыням, которые испокон веку считались в России истинными ценностями. Происходит реабилитация православной церкви. В области культуры – стремительный возврат к классике. Радио начинает передавать классическую музыку больше, чем советскую (исключение составляли разве что милитаристские марши и песни), лучшие чтецы читают военные страницы русских классиков.

Великий русский поэт стал демонстрировать то, что нужно было Сталину как воздух и что было реальностью: естественную любовь человека к своему отечеству в час, когда оно стоит накануне гибели, человеческую любовь к исторической

родине, в отличие от любви к партии и социалистической стране Советов, которую раньше внушал агитпроп. Национализм, такой же, как в нацистской Германии, стал использоваться в качестве основного тезиса пропаганды у себя. Правда, национализм именовали патриотизмом, но суть (великий старший брат – русский народ) от этого не изменится.

Цитата из доклада Сталина стала включаться в предисловия ко всем изданиям Пушкина, в его биографии, в исследования пушкинистов. Труды последних (статьи, доклады, книги, особенно для массового читателя) в то время, когда культура была сведена к утилитарному минимуму, сделались, таким образом, полезными для победы и издавались большими тиражами. Известный пушкинист Борис Томашевский написал важную пропагандистскую брошюру «Пушкин и родина». Сотрудники Пушкинского дома Академии наук направились на заводы и в воинские части с лекциями о любви Пушкина к отечеству.

Один старый литературовед рассказывал мне, что в своих лекциях на фронте он сосредоточивался на Дантесе. Убийца Пушкина вернулся в Париж, где его невзлюбили потому, что его французский был с легким немецким акцентом. Оказывается, Дантес был немецкого происхождения. Вот кто убил нашего Пушкина! Затем лектор добавлял, что убийца Пушкина стал во Франции шпионом. Открытия пушкинистики работали на пользу дела, еще бы: скрытый немец убил нашего лучшего поэта, удрал в Париж и там шпионил. Дантес, между прочим, доносил русскому правительству. Но эта деталь мешала воспитанию ненависти к врагу и в лекциях на фронте опускалась.

Пушкин-декабрист и революционер стал пока не нужен. Нынче он был назначен в баталлисты, чтобы воспевать военные доблести русской армии. Советский пушкинист Б.Мейлах позднее отмечал то, что «старое пушкиноведение представляло совершенно неправильно».¹² Важность победных маршей юноши Пушкина недооценивалась. Начало литературной деятельности поэта совпало с победой русской армии над Наполеоном. Теперь этот факт пригодился для создания образа певца, поющего славу русскому оружию, сильной и непобедимой России.

Писалось, что значение темы «Пушкин и 1812 год» выдвигается в литературоведении как одна из наиболее актуальных задач изучения Пушкина. Перелистайте исследования пушкинистов этого периода, и вы увидите, что, скажем, в лицейский период мальчик только и делал, что восхищался героизмом русских в войне с французами, а будучи взрослым – вдохновлял русскую армию на победы в войне с Турцией и воспевал подвиги Петра в войне со шведами.

Упор пропаганды делался на героизм русской нации. Вот типичная статья в газете «Известия» под названием «Мы – русские!» Автор ее Аркадий Первенцев, тогда военный корреспондент, а впоследствии лауреат Сталинской премии; его книги, как отмечала литературная энциклопедия, «несут отпечаток культа личности». С фронта Первенцев писал: «Сейчас, в годы суровых испытаний и всенародного подъема, мы с гордостью можем обратиться к нашим предкам... благородные качества русского характера, руководящая роль русского народа... помогли объединению и сплочению всех народов нашего советского государства... Мы должны помнить слова нашего вождя о врагах, о гитлеровцах...» И далее следует уже упомянутая цитата из доклада Сталина.¹³

Вскоре та же газета публикует редакционную статью о Горьком под названием «Великий русский писатель» с употреблением военной терминологии для литературы: «Русский писатель – это совесть народа, передовой разведчик народа».¹⁴

Тень Пушкина ожила и принимала участие в войне. Его имя начертано на танках, кораблях, самолетах. На пушкинской конференции после войны сообщалось, что «артиллеристы-балтийцы осенью 1941 года посылали врагу свои смертоносные снаряды под лозунгом «За Пушкина!»»¹⁵

Известный писатель и пушкинист Иван Новиков, которому тогда было за 65, жил в эвакуации в Каменске-Уральском. В юбилейные даты Пушкина партийные органы организовали ряд платных вечеров, на которых Новиков читал главы из своих романов и лекции о Пушкине. Сбор – свыше 100 тысяч рублей – пошел на постройку самолета. В июле 43-го года в город пришла телеграмма: «На собранные вами средства построен боевой самолет-истребитель «Александр Пушкин», который 28 июня передан в Военно-воздушные силы Красной армии

летчику капитану Горохову». Позже сообщалось: «В боях «Александр Пушкин» сбил девять фашистских самолетов». После войны стареющий писатель сочинил стихотворение под названием «Самолет «Александр Пушкин». Заканчивается оно стилистически не очень удачно, но гордо:

Так, русские, мы и наш русский поэт,
Чьей музы не гаснет пленительный свет,
Победный предчувствуя вольный полет,
Совместно сковали ему самолет.¹⁶

Получается, что поэт ковал себе самолет вместе с нами. Но Пушкин действительно воевал. Учителя должны были на уроках увязывать его патриотизм с героизмом солдат на фронте. На выставках демонстрировались томики Пушкина, простреленные пулями. Очерки военных корреспондентов рассказывали о солдатах, умиравших с его стихами на устах.

Само собой, пушкинские даты (дни рождения и смерти) использовались для организации митингов, на которых говорилось о мести врагу, посмевавшему посягнуть на наши святыни. Во многих газетах рассказывалось о бойцах Калининского фронта, которые, рискуя жизнью, зимой совершили рейд в село Михайловское в глубоком немецком тылу, чтобы привести в порядок могилу поэта. Торжественно, с салютами, праздновалось освобождение святых пушкинских мест.

Пресса сообщала о зверствах и разрушениях в этих районах. Была создана специальная правительственная комиссия во главе с писателем Алексеем Толстым. Члены комиссии на месте зафиксировали уничтожение культурных ценностей, и газеты наполнились призывами отомстить фашистам за надругательство над великим нашим поэтом. На деле эти места оказались разрушенными во второй раз: первый раз все разорвали, разорили и пускали красных петухов отечественные трудовые массы под руководством красных комиссаров во время революции и гражданской войны.

Теперь все объекты, где жил или бывал Пушкин, превращаются в национальные святыни. В Михайловском, родовом имении Пушкиных, возле разрушенной могилы поэта в Святогорском монастыре наклеены надписи: «Великому Пушкину –

от танкистов энской бригады». «Пушкину – от сталинских соколов», «Пушкин, ты в составе нашей роты дойдешь до Берлина» и пр.

Материалы о Пушкине в центральных газетах публикуются на видных местах, но теперь, в связи с успехами на фронте, рядом со славословиями товарищу Сталину, а также со списками награждений работников НКВД за освоение Дальнего Востока (читай: за строительство новых лагерей – в особенности для немецких и своих военнопленных – и организацию труда в них). Там, в лагерях, тоже чтут Пушкина и КВЧ (культурно-воспитательные части зон) организуют митинги, на которых в первом ряду сидит руководство лагерей, и зеки читают со сцены стихи великого поэта-патриота.

Газеты сообщают об успехах в восстановлении города Пушкина (бывшего Царского Села). «Памятник Пушкину – на прежнем месте» – гордо сообщает заголовок. Когда Красная армия отступала, скульптуру Пушкина «советские патриоты сняли и закопали глубоко в землю». В январе 1944 года, когда солдаты ворвались в город, они обнаружили только расколотый постамент. Монумент был выкопан и поставлен на прежнее место.¹⁷ Гитлеровцы во время отступления разрушили город, а в нем лицей и дачу, где поэт жил с молодой женой. Теперь от имени Пушкина власти требуют возмещения ущерба: «Загублены величайшие ценности. Германии придется оплатить счет сполна».¹⁸ Начинается ответный грабеж Германии.

Советские войска освобождают Восточную Европу, заодно, естественно, ее оккупируя. В пушкинистике возникает новая тема. Научные сотрудники Института русской литературы Академии наук проводят беседы и лекции о Пушкине в частях Красной армии и на кораблях Краснознаменного Балтийского флота. Митинги, посвященные 145-летию со дня рождения Пушкина, состоялись в Ленинграде и в городе Пушкине. Срочно восстановили Дом культуры, который заполнили жители, офицеры Красной армии и пр. Литературовед В.А.Мануйлов рассказал (теперь именно это важнее всего) о мировом значении Пушкина. Газеты педалируют именно эту актуальную задачу. Вера Инбер, известная тогда поэтесса, закончила свою речь стихами:

Мы слово «Пушкин» говорим
И видим пред собой поэта,
Который родиной любим,
Как солнце, как источник света.

Мы слово «Пушкин» говорим
И видим город пред собою;
Он снова наш, опять над ним
Сияет небо голубое.

Мы слово «Пушкин» говорим,
Поэт ли, город – мы не знаем.
Душой мы с первым и вторым,
Мы их в одно соединяем.

И город наш, и человек –
Они для нас равны по силе,
Победой слитые навек
В едином образе России.¹⁹

Разумеется, это, так сказать, дежурная лирика, написанная к событию. Но Вера Инбер политически точно соединяет в своем стихотворении три фактора: великого Пушкина, предстоящую великую победу и великую страну – Россию. Инбер была племянницей Льва Троцкого и всю жизнь боялась последствий этого родства, что наложило отпечаток на пафос ее поэзии.

Война движется еще дальше на Запад. В секретных планах Сталина зреет умысел освобождения всей Европы. Требуется доказать, что русская культура выше и лучше западноевропейской. Значит, как говорится, сам Бог велел ей господствовать над другими культурами. Естественно, происходит дальнейшее возвышение Пушкина: он должен работать на сегодняшний день, на партию, на коммунизм.

Предстоит гигантская по своему размаху кампания русификации Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Молдавии, стран Восточной Европы. Пушкин со своими произведениями для всех возрастов, связями с Европой и

ее авторами видится компетентным органам в качестве, так сказать, идеального коммивояжера для сбыта русской культуры, книг, а прежде всего насаждения русского языка в этих странах. Чуть позже на всех континентах, кроме Антарктиды, начнут создаваться филиалы московского Института русского языка имени Пушкина, которые КГБ будет использовать для вербовки своих агентов в разных странах. Если вы любите нашего славного поэта и наш великий русский язык, почему бы вам не помочь добрым дядям, которые тоже состоят при Пушкине?

Но это будет позже, а пока, в 44-м, в Москве проводится конференция о роли русских ученых в развитии мировой науки. И, конечно, высшим достижением цивилизации на ней объявлены два человека, всемирные гении. Ректор МГУ И.С.Галкин заявляет: «Величественное здание русской науки увенчивают имена гениев человечества Ленина и Сталина».²⁰

В день победы, 9 мая 45-го, газеты публикуют статью известного официального драматурга, героизатора истории партии Николая Погодина. Погодин вспоминает начало войны и речь Сталина 6 ноября 1941 года. «И в те часы на устах Иосифа Виссарионовича прозвучало имя Пушкина... какая это была светлая, возвышенная мысль гордой, пламенеющей души!»²¹ Погодин цитирует большую часть одного из самых постыдных, шовинистических стихотворений Пушкина инвективу «Клеветникам России», написанную в 1831 году по случаю реакции Запада на подавление русскими восстания в Польше и сразу же опубликованную.

...Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?

Стихотворение отражало озлобление русского правительства в связи с западными попытками вмешаться в русско-польские дела. История старая, как мир, но – снова весьма актуальная для послевоенного переустройства Европы. Что делать с захваченной Польшей, Сталин хотел решать сам. Западные союзники отыграли свою роль, и теперь им можно показать кузькину мать. Пушкин и тут оказался кстати.

В конце статьи Погодин снова цитирует две строки из того же стихотворения, где говорится, что Россия готова уничтожить и дальше любого противника:

Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.

Я учился в московской школе после войны, и это большое стихотворение учительница требовала выучить наизусть. Помню, как звонко я его декламировал. Между тем во времена Пушкина друзья резко критиковали поэта за крайне правую позицию, в нем выраженную. Стихотворение это углубило духовный кризис поэта. Многие отвернулись от него, обвинив в политическом ренегатстве, лизоблюдстве и даже сотрудничестве с тайной полицией. Теперь постыдное стихотворение по логике идеологии опять заработало, на сей раз – на новую имперскую систему.

Было ощущение, теперь уже забытое, будто Россия снова готовится к войне, – на этот раз со всем миром. Разгоралась холодная война; советские солдаты вернулись из Европы домой, и власти не хотели, чтобы разительный контраст жизни в России с жизнью на Западе привел к недовольству, как это случилось после 1812 года.

Суть публикаций в газетах такова: Пушкин вместе с советским народом стал победителем, проявление любви к Пушкину есть «доказательство советского патриотизма», «сознательности и общественной активности гражданина». Биография поэта в эти годы переписывается, принаравливается к текущим событиям. Пушкин учил гордости, утверждению идеи, что мы, русские, – лучше всех.

Прошлое нужно было для подтверждения, что победа есть закономерное явление истории России, а значит, закономерны и великая партия, приведшая советский народ к великой победе, и ее великий лидер. Академик В.Потемкин, историк, дипломат, тогдашний нарком просвещения, заявляет, ничего не доказывая и не вдаваясь в подробности: «Уже первые шаги русского народа предвещали будущее величие России».²²

Далее в той же статье Потемкин сопоставляет западные культурные ценности и русские: «Духовные властители Запада

– Лейбниц, Вольтер, Гримм, Дидро (странный подбор. — Ю.Д.) будут дивиться, видя, какими исполинскими шагами шествует по пути прогресса русский великан. Русская литература засияет созвездием таких имен, как Радищев, Державин, Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Крылов, Тургенев, Достоевский... Корифеи марксистской науки – Ленин и Сталин, большевистская партия подняли Россию на небывалую высоту».

Корифеями марксистской науки вместо иностранцев Маркса и Энгельса академик Потемкин объявил наших Ленина и Сталина. Оставим без комментария утверждение о том, что Россия, благодаря этим корифеям и их партии, оказалась поднятой на небывалую высоту. Самое интересное – заявление о том, что Лейбниц, Вольтер и Дидро, умершие в восемнадцатом веке, будут восхищаться русскими писателями, жившими в девятнадцатом. В июне 1945 года умер Вересаев – выдающийся биограф Пушкина, и даже некролог используется для толкования биографии Пушкина, чтобы сказать о нем полезные в данный момент пропагандистские штампы.²³

В 1949 году празднуется новый юбилей: 150 лет со дня рождения поэта. В рапорте сообщается, что в чествовании поэта приняли участие триста пушкинистов. 24 мая Сталин отдал приказ произвести праздничный салют в честь Пушкина. Чувство меры улетучилось: «150-летие со дня рождения А.С.Пушкина праздновалось в знаменательной обстановке мощного объединения прогрессивных сил всего передового человечества вокруг первого в мире социалистического государства».²⁴ Советское литературоведение опять подводит итоги своей работы по созданию нового образа поэта, работающего на социализм, ведь «Пушкин близок и дорог людям Сталинской эпохи».²⁵

Пушкинистами стали руководители Союза советских писателей, которые выступили на торжестве в Большом театре. «Теперь, – докладывал Александр Фадеев, – в среднем каждая семья в нашей стране имеет произведения Пушкина... великое наследие Пушкина подняла и несет в своих руках вся новая советская индустриальная и колхозная Россия, все народы Советского Союза».²⁶ Константин Симонов раскрыл в своем докладе суть классово-борьбы вокруг Пушкина (сократим длинные пассажи): реакционеры, состоявшие на содержании у рос-

сийского капитализма: Анненков, Дружинин, Фет, Минский, Розанов, Сологуб, Соловьев и многие другие – пытались отнять Пушкина у народа и присвоить его себе.²⁷

Происходившее можно назвать новой чисткой поэта. Перед пушкинистами партией поставлена задача отместить «лженаучные буржуазные, идеалистические и космополитические концепции в трактовке творчества Пушкина», показать «связь великого поэта с современным ему революционным движением, подчеркнуть великое братство народов нашей социалистической Родины».²⁸ Разве еще не отменили, не показали, не подчеркнули? Видимо, недостаточно.

Теперь именно разоблачение загнивающего Запада – один из актуальных аспектов пропаганды, и передовик Пушкин участвует в этом процессе. «Растленной культуре американско-английских империалистов и ее представителей, являющихся лакеями своих хозяев, противостоит светозарный облик величайшего гуманиста и жизнелюбца Пушкина, разоблачающего всякое стяжательство».²⁹

Снова подправляется биография Пушкина, начиная с детства. Не война теперь в центре лицейской жизни поэта, а нечто другое. В образовании Пушкина исчезает полностью французский язык, остаются только русские сказки. Осуждаются авторы, писавшие, что в лицее были иноземные влияния. «Нет, – пишет Б.Мейлах, – лицейская система была системой русской передовой национальной педагогики, основанной на высокой идейности и патриотизме... Пушкин был в лицее предводителем самой передовой группы молодежи». А затем, оказывается, он стал одним из вождей русского просвещения. И опять: «Всю свою жизнь Пушкин посвятил патриотическому служению родине и народу».³⁰

А еще через год, в июне 1950-го, то есть спустя девять лет, Сталин вдруг опять вспомнил о Пушкине, и тут, что ни фраза, то выдающееся открытие. Судите сами.

«Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток време-

ни не претерпел какой-нибудь ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина».³¹

Суть умозаключения Сталина (если это писал он сам) в том, что русские говорят по-русски. И литературоведы делают вывод: «Гениальные указания И.В.Сталина об историческом неувядаемом значении языка Пушкина открывают новую страницу в пушкиноведении».³² В одной из работ мы прочитали пространные доказательства, что в соответствии с указаниями товарища Сталина, Пушкин поддерживает положение о неразрывности языка и мышления.³³

В программном заявлении, подписанном коллективно всем Институтом русской литературы (Пушкинским домом), говорится: «Первостепенное значение имеет изучение языка Пушкина в свете гениальных трудов товарища Сталина о марксизме в языкознании... Совершенно очевидно, что изучение сталинских работ о марксизме в языкознании имеет решающее значение не только для исследования языка Пушкина, но и для подъема на высшую ступень всего пушкиноведения».³⁴ В одной литературоведческой работе находим, что пушкинистикой занимался не только Ленин, но и Берия: «Так, красочно переданная Пушкиным фраза: «... до пламенной Колхиды», получившая прекрасное применение у Ленина (Л.Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. 1948, с.123), назвавшего великого Сталина «пламенным колхидцем», связана была у поэта с самым занимательным мифом – о походе аргонавтов...»³⁵ Но, безусловно, главным пушкинистом теперь становится лично товарищ Сталин.

Разъясняется историческая функция поэта Пушкина. Он «подготавливал величие нашей эпохи». И поэтому «наше ленинское, сталинское время со всею своею открытой душой принимает Пушкина». В вопросах истории и политэкономии Пушкин начинает мыслить в унисон с главным пушкинистом, становится критиком ненавистного капитализма: «Непрочность здания старившегося капитализма Пушкин чувствовал очень глубоко, и здание это было омерзительно ему».³⁶

Культ Пушкина становится частью культа Сталина. Как выразился известный тогда литературовед Н.Ф.Бельчиков, только что вступивший в партию, после чего принятый в члены

Академии наук, только наша советская эпоха под руководством партии Ленина-Сталина способна сказать новое, исторически правдивое слово о Пушкине.³⁷ Миф о Пушкине преобразуется в связи с задачами кампании борьбы с космополитизмом.

Теперь главная заслуга Пушкина состоит не только в том, что он был великим русским поэтом, что воспевал победы русского оружия, что создал «представление о России – спасительнице Европы, подтвержденное историей».³⁸ Важнее всего, оказывается, что Пушкин был русским и даже, как было сказано о нем еще в прошлом веке, «самым русским».

Известный полуанекдот о разговоре Пушкина с Александром Тургеневым и Вяземским, когда Пушкин стал ругать границу, а Тургенев ему посоветовал: «Да съезди, голубчик, хоть в Любек», теперь называется «борьбой Пушкина с А.Тургеневым и П.Вяземским за передовую национальную культуру». Притом совет съездить в Любек (то есть за границу) ловко убран из диалога.³⁹

«Критика Байрона со стороны Пушкина, – объясняет Н.Ф.Бельчиков, – была критикой политического друга, видевшего слабости и отставание передового человека Запада. Пушкин видел это как передовой русский человек и осудил Байрона».⁴⁰ Б.Мейлах идет еще дальше, заявив теперь, что наш Пушкин вел борьбу с Байроном, и даже – «борьбой против подражательности иноземной словесности... была проникнута вся деятельность Пушкина». Оказывается, Рылеев в оде «На смерть Байрона» писал:

Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады», –

не зная, что Пушкин радовался его смерти.⁴¹ И вообще: «Величие Пушкина символизирует и отражает величие выдающейся русской нации».⁴²

В войну Пушкин боролся с внешними врагами, теперь он борется с врагами внутренними. Это называлось «идейно-творческой эволюцией Пушкина», и состояла она в «борьбе за русскую передовую национальную культуру». Подчеркивалась связь «его патриотизма с прогрессивными тенденциями исторического развития».⁴³ О, великий и могучий русский язык!

Он снова становится декабристом, революционером, он как бы обретает *партийность*. Отдельные части биографии мешают Пушкину участвовать в борьбе с космополитами, поэтому они подправляются, создаются, так сказать, подмифы.

Прежде всего национальное происхождение Пушкина. Он сам считал себя потомком негров, поскольку предок его по матери, урожденной Ганнибал, был, как всем известно со школьной скамьи, вывезен из Африки и подарен Петру Великому. Кроме того, по отцу генеалогическая линия Пушкина восходит к шведскому выходцу Радше. Теперь прелестные многонациональные корни поэта замалчиваются, подчеркивается чистокровная русскость Пушкина, его русские предки по отцовской линии без шведов, а материнская линия не упоминается. Кстати, позже, в шестидесятые годы, Пушкин станет снова потомком негров, – когда политические интересы Советского Союза этого потребуют. Пушкин будет помогать органам внедряться в Африку, на Кубу, в страны Южной Америки.

Затем язык и литературная школа Пушкина. Он вырос в дворянской семье и среде, где все говорили по-французски. Русскому языку Пушкина учила плохо говорящая по-русски бабка, когда мальчику было пять лет. Лицей, учебное заведение, которое он окончил, был французского типа. Первые его литературные произведения написаны по-французски.

И позже форму, мысли, а иногда и содержание Пушкин охотно заимствовал из произведений европейской литературы. Разумеется, великий русский поэт писал главным образом по-русски, но и в конце жизни сообщал философу Петру Чаадаеву: «Я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычней нашего...» Даже подписывался поэт подчас по-французски: Poushchine.

В новом советском мифе эти аспекты биографии отходят, заменяются текстами об абстрактном воздействии на поэта русского народа, русского фольклора. Преувеличивается влияние на него мужиков, ямщиков, станционных смотрителей, слуг, а прежде всего – русской няни Арины Яковлевой, которую он, будучи холоден к матери и отцу, действительно любил, но которая была неграмотной, большой любительницей выпить и поставляла ему в постель крепостных девиц, когда поэт приезжал в Михайловское.

Очевидное влияние на Пушкина иностранной литературы в серьезной пушкинистике преуменьшается, а в популярной и в учебниках полностью отрицается. Наоборот, подчеркивается мировой восторг творчеством Пушкина и влияние его на разные литературы, особенно, конечно, на писателей стран Восточной Европы. Пушкин превращается в борца за дружбу народов нашей страны и всего так называемого прогрессивного человечества, – само собой, под руководством старшего брата. По радио в подкрепление речей о дружбе народов звучат строки из стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» о том, что русского поэта будут знать все нации нашей страны и – «друг степей калмык». Под ритм этих стихов малые народы с юга подвергались репрессиям.

Итак, великий русский писатель-патриот, национальная святыня, живой памятник, человек-заповедник, создатель современной русской литературы и языка стал символом великой страны Советов и олицетворением всего самого лучшего в советском народе. После победы во Второй мировой войне народ этот, согласно имперскому кремлевскому мифу, стал Мессией и обрел право вести в светлое будущее другие народы и государства. Осуществлял это право на практике великий кормчий, который стоял у руля. Таким образом, глава страны Сталин соединялся кратчайшей линией с главным поэтом, ведь, как и Сталин, Пушкин именуется «великим вождем».⁴⁴

Больше того: Пушкин назначается в сыновья Сталина: «Только нашей эпохе по росту великан Пушкин, и разве в круг друзей, таких, как Чкалов и другие могучие богатыри – сыны Сталина, не вошел бы со своей простодушной улыбкой мудреца Пушкин?..»⁴⁵ Согласно анекдоту, были объявлены три премии за лучший проект памятника Пушкину. Третья премия предложена за проект «Сталин читает Пушкина».

– Эта верна ыстарычески, – говорит Сталин, – но не верна палытычески. Гдэ генэралная лыния?

Вторая премия предлагается за проект «Пушкин читает Сталина».

– Эта верна палытычески, – говорит Сталин, – но не верна ыстарычески. Ва врэмья Пушкина товарищ Сталин эщо нэ писал кныг.

Первую премию получил проект «Сталин читает Сталина».

Говорят, вождь любил рассказывать анекдоты про Пушкина. Может быть. Но дело в том, однако, что и сам Сталин в молодости писал стихи и, видимо, мечтал стать поэтом (как Гитлер – художником), пытался переводить «Витязя в тигровой шкуре». Говорят, классик грузинской литературы Илья Чавчавадзе одобрил стихотворения молодого Джугашвили и даже опубликовал в газете «Иверия».

Поэт и переводчик Александр Ойслендер рассказывал мне, как однажды его вызвали к секретарю ЦК партии по пропаганде и дали переводить стихи с грузинского на русский. Ойслендер видел эти стихи в старом учебнике «Родное слово» для начальной грузинской школы и сразу сообразил, что они принадлежат Сталину. На грузинском языке эти стихи выставлены в музее в Гори.

Когда Ойслендер принес, вялый от страха, переводы, ему дали портфель. Дома он открыл его – портфель был полон денег. Стихи так и не были напечатаны по-русски. О причине мы можем только гадать.

Но в анекдотном ручейке тех лет любовь Сталина к поэзии освещалась несколько иначе. Пушкин пришел к вождю пожаловаться:

– Товарищ Сталин, меня не печатают.

Сталин снимает трубку:

– Товарищ Фадеев, издайте сочинения товарища Пушкина.

Пушкин продолжает:

– У меня квартиры нет.

Сталин звонит в Моссовет:

– Дайте квартиру товарищу Пушкину.

– Спасибо, товарищ Сталин, – говорит счастливый Пушкин и уходит.

Сталин снимает трубку:

– Товарищ Дантес, распорядитесь насчет товарища Пушкина.

Я встретил математика, который, сидя в лагере, рассказал этот анекдот, за что ему удвоили срок.

Советский патриотизм означал, что Сталин и родина слиты. Индивиду следовало зарубить себе на носу: жизнь в Советском Союзе лучше, чем в любой другой стране мира, а счастье дал нам Сталин. Необходимо на каждом шагу под-

тверждать свою любовь к нему. И, конечно, к родине – самому лучшему и самому передовому в мире социалистическому отечеству.

Пушкин работал, как сформулировали пушкинисты, в качестве «учителя беззаветной преданности Родине». Цензура аккуратно выполняла требования этого тотального патриотизма. Владимир Тендряков записал в мемуарах, много лет спустя опубликованных, что после войны он читал издание детской сказки Пушкина «О царе Салтане». В тексте вместо одной строки стояли точки. Изъятая у Пушкина строка гласит:

За морем житье не худо.⁴⁶

И вот тут мы подобрались вплотную к одной из наиболее любопытных прорех в агитпроповском мифе о Пушкине как государственном поэте и ортодоксальном патриоте. Впрочем, темы этой, как ни странно, за ничтожным исключением, вообще избегала пушкинистика на протяжении всей своей истории.

Живой Пушкин никогда не видел заграницы, куда собирался отправиться в 1817 году сразу после окончания лицея. Павлу Катенину, встретившемуся с молодым поэтом в театре, Пушкин сказал, что «он вскоре отъезжает в чужие края», из кишиневской ссылки он хотел удрать в Грецию, в Одессе получил два отказа на официальные прошения царю и договаривался с контрабандистами, чтобы его спрятали в трюме корабля. «...Не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь, – писал поэт брату. – Святая Русь мне становится невтерпеж. *Ubi bene ibi patria* (Где хорошо, там родина). А мне *bene* там, где растет тринтрава, братцы».

Он мечтает попасть в Италию, видит во сне Францию, собирается в Африку, думает об Америке. Из Михайловского, заказав парик, Пушкин планирует побег через Польшу в Германию в качестве слуги своего выездного приятеля. Он придумывает липовую болезнь, подтвердив ее справкой от ветеринара, чтобы его пустили к врачу в Ригу, так как оттуда на корабле до Европы недалеко. «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство, – пишет он Вяземскому. – Ты, который не

на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне *свободу*, то я месяца не останусь».

Он бежит на Кавказ, чтобы посмотреть, мыслимо ли перебраться в Турцию, готов отправиться в Китай. Он безуспешно просится у начальника Третьего отделения Бенкендорфа в Париж. Больше того, он пишет гимны царю и патриотические вирши (в том числе военные) в надежде на благосклонность и, возможно, на получение в качестве награды поездки за границу. «Куда б ни вздумали, – обращается он к друзьям, собирающимся за рубеж, – готов за вами я...»

Россия превратила его в невыездного, в отказника, и поэт умер на цепи. За год до смерти великий патриот Пушкин жаловался в письме к жене: «Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом!» И поставил восклицательный знак, который, вообще говоря, в его письмах встречается не часто.

Зададим простой вопрос, который еще никогда не ставило пушкиноведение: поэт хотел поехать и вернуться или – эмигрировать?

Сперва Пушкин намеревался служить за границей по дипломатической части – таково было его образование и юношеские планы. Потом он пытался просто поехать с целью путешествовать и набираться впечатлений. Ему не дали этого сделать, и тогда он стал искать пути выбраться за границу тайно. Для каждого, кто понимает традиционную русскую ситуацию, ясно, что вернуться беглецу или самовольному изгнаннику (он называл себя сам и так, и так), – значило закончить свои дни на каторге. Такую судьбу Пушкин без всякого энтузиазма примерял к себе не раз.

Побег из России на Запад автоматически отрезал любому перебежчику путь назад. Стало быть, нам придется признать, что, задумывая бегство, первый поэт России примеривался к статусу политического эмигранта: «...верно нога моя дома уж не будет». Любил ли Пушкин свою страну? Любил. И хотел умереть на родине. Но еще никто не доказал, что эмигранты любят родину меньше, чем те, кто живет внутри.

Такова закулисная сторона биографии поэта, которая по понятным причинам всегда ретушировалась, ибо с ней трудно увязать официальный образ государственного поэта-патриота. В этом смысле, вообще говоря, советское литературоведение

могло найти в истории литературы истинных официальных патриотов отечества вроде Булгарина, Греча, Лобанова, с которыми, между прочим, у литературных бонз, связанных с тайными органами, было большее родство душ.

Стало ли мифотворчество историей сегодня?

Происходит нечто любопытное. В 1999 году исполняется двести лет со дня рождения Пушкина, и к юбилею уже идет вполне традиционная подготовка. В государстве, потерявшем ориентацию в пространстве и плывущем неизвестно куда без руля и без ветрил, кажется, только он, Пушкин, и остается прочным корнем культуры, на который можно опереться.

Значение Пушкина для России бесспорно, но ситуация, похоже, все еще двусмысленная. История, литература, искусство продолжают оставаться вовлеченными в политику, и очень трудно войти в берега. Мы живем в век изживания иллюзий, а Пушкина все еще укрывают от истины. Преувеличивая интернациональное значение Пушкина, должностные пушкинисты состояли при этой государственной религии, становились монопольными толкователями мыслей святого поэта, жрецами, ведающими Пушкиным, его рукописями и даже его родственниками.

В демократическом обществе делать это трудней, но пока любое нетрадиционное слово касательно святости Пушкина все еще встречается с неприязнью. Даже читатели, приученные к отфильтрованным сведениям о поэте, подчас нетерпимы. Вместо него, живого и бездонного в своих противоречиях, нам все еще предлагают некий плакат, иллюстрирующий указания начальства, или Пушкина – истинного христианина взамен старого образа Пушкина-атеиста. Видимо, до реального Пушкина мы еще не доросли.

ОПАСНЫЕ ШУТКИ АЛЬБЕРА РОБИДА

Юмор, не понятый Лениным

Первая же фраза книги заставляет поежиться: «Несчастный случай с большим резервуаром электричества под литерой N... Вследствие какой-то случайности, причина которой так и осталась невыясненной, разразилась над всею Западной Европой страшная электрическая буря... Причинив глубокие пертурбации в правильном течении общественной и государственной жизни, буря эта принесла с собою много неожиданностей...»¹

Чернобыль... «Свободный ток сорвавшегося, если можно так выразиться, с цепи электричества – грозной могущественной стихийной силы, которая с негодованием лишь подчинялась человеку, дерзнувшему наложить на нее свою властную руку, – охватывал теперь вихревыми своими струями приблизительно пятую часть Европы и беспощадно свирепствовал на всем этом протяжении».²

И дальше: «Геройское мужество инженеров и нижних чинов электротехнического поста №28... Захватив свободный ток, отвели его в соответственный резервуар. Помощник старшего инженера и тринадцать рядовых пали жертвами служебного своего долга, но зато электрическая буря прекратилась и новых катастроф более уже не предстояло впредь до следующей ближайшей несчастной случайности».³

Читали мы и более красочные картины этого несчастья, да только есть разница: все описывали то, что уже случилось, а этот автор рассказал о том, что предстоит. И опубликовал это в прошлом веке. На две с половиной сотни лет позже своего соотечественника Нострадамуса, но конкретнее, будто сам побывал в мрачном будущем и вернулся.

Сто лет назад, в 1894 году, издана в Петербурге книга, которая кажется мистификацией, но в руках у меня оригинал. Текст и рисунки в книге «Двадцатое столетие: электрическая жизнь» А. Робида, перевод В. Ранцова. Книга дозволена цензурой и выпущена в Санкт-Петербурге, в типографии братьев Пантелеевых.

Пометы свидетельствуют, что погуляла книжка по рукам. Купил я ее случайно двадцать с лишним лет назад в московской писательской лавке на Кузнецком мосту. И тогда задумал: доживу до столетия книги (а время пахло лагерем), напишу о ней. Вроде б смешной юбилей: сто лет переводу, но перевод с судьбой России связан. Когда купил, Чернобыля не предвиделось, да и разве мог прийти в голову такой оборот событий?

Теперь вижу: в дате взрыва автор раритета ошибся почти на 30 лет, да и не Чернобыль в книжке главное. Ясновидец (английское *seer* лучше, ближе к пророку) в разных сферах оказывается прав. Преждевременно и несправедливо забыт историей Альбер Робида.

Он родился в 1848 году в провинциальном французском городишке. Ему было три года, когда появился первый роман Жюль Верна. В юности служил в нотариальной конторе своего отца. Старик был уверен, что дело перейдет в надежные руки. Между тем, Альбер вел себя вовсе не так, как надлежит степенному нотариусу в маленьком городке, где все знают друг друга.

Хохмач, сказали бы теперь, он сидел в конторе у открытого окна и отпускал шуточки прохожим, подчас отнюдь не безобидные. В кафе, напротив конторы, он посылал бумажных голубей, скатывал шарики из обрывков юридических документов, из рогатки стрелял по тарелкам и затылкам посетителей. Когда на него обращали внимание, он строил гримасы или пародировал манеры. А то, к негодованию субъектов, мгновенно рисовал на них карикатуры и швырял из окна.

Альбер не ценил сделанного и уж никак не думал, что клочки бумаги, выброшенные им из окна, через некоторое время будут дорого цениться на аукционах. Отец же тогда выходил из себя от этих проделок. Степенные граждане возмутились и призывали на помощь полицию. Но хохот людей, окружавших пострадавшего, обычно сводил конфликты со стражем порядка на нет.

Не понимал старый нотариус, почему Альбер сделался нестерпимым. А дело было в том, что у сына созрело решение сменить занудный отцовский нотариат на рискованную карьеру художника-карикатуриста. Подобно множеству молодых искателей удачи, он направил стопы в Париж. Знал ли Робида, что он повторяет шаги Жюль Верна? У знаменитого фантаста была та же наследственная адвокатура, та же погоня за славой и бегство в столицу.

Была между ними и разница: Жюль Верн слыл человеком-системой, а Робида – легкомысленным, увлекающимся, методический труд был не его уделом. К счастью, ему не пришлось преодолевать особых трудностей. Робида сравнительно легко стал популярным карикатуристом, его рисунки печатали многие газеты и журналы. В самый расцвет французской живописи и графики, когда гениев вокруг него было пруд-пруди и среди них такой мастер гротеска, как Гюстав Доре, Робида сумел выработать свой стиль, сдержанный и точный. Он стал узнаваем читателями.

Но и рисунки в газетах ему со временем наскучили. Он начал иллюстрировать книги маститых авторов, и скоро вышли новые издания Сирано де Бержерака, Свифта, Фламариона с графикой Робида. Кажется мне, что именно Камиль Фламарион и его популярные труды по астрономии тоже завлекли художника в мир науки. Но ирония его не исчезла.

Больше того, постепенно к гротеску стала прибавляться фантазия. Робида начал даже сочинять полушутливые тексты – комментарии к своим рисункам. Сначала он с легким, я бы сказал, пиететом стал делать пародии на романы Жюль Верна. Печатали их отрывками в периодике. Получилось ровно сто частей, связанных в нехитрый сюжет, эдакая пародийная коллекция рисунков, изображающих то, что фантасты усматривают в будущем веке. Жюль Верн сделал тему популярной, и

для книги Робида нашелся издатель. Сто частей разделили на пять небольших книжек, и они вышли.⁴

Сатирик в душе, Робида, в отличие от великого фантаста, не очень увлекался мифами утопистов. Верн в своих проектах был серьезен, Робида узрел в будущем большую карикатуру на настоящее. Мне кажется, я вижу, как весело ему работается. В восьмидесятые годы прошлого века он опубликовал сперва пятьдесят статей с собственными иллюстрациями, затем собралась книга «Двадцатое столетие». За ней тем же методом была сделана «Электрическая жизнь» и еще одна: двести отрывков в журнале «Карикатура» под названием «Война в XX-м веке». Русский переводчик Ранцов раздобыл всю трилогию и сжал в одну книгу, соединив названия первых двух.

Когда Альбер Робида оказался на виду, его пригласили заняться оформлением Всемирной выставки 1900 года. Неожиданно вместо фантастики, которой от него ждали, художник воссоздал на выставке уголок старого Парижского квартала, введя в него фигуры Мольера и других старых писателей. Получился ироничный взгляд в прошлое, пополам с печалью об уходящей навсегда эпохе.

Итак, автор – в науке полный дилетант, в искусстве – художник-самоучка, а писатель вообще никакой. Прогнозирование будущего – его хобби. Книгу можно считать фантастикой, жюльвернообразной беллетристикой. Или – социальным, научным прогнозом, причем насыщенным черным юмором. Зависит от угла зрения, под которым станете в нее вчитываться. Много в ней формулировок, знакомых, как зубная боль. Нам это твердили в вузах, на кафедрах научного коммунизма.

«Старый мир обречен на слом», – говорил Ленин во множестве вариантов. Но это – цитата из Робида.⁵ Революция, насильственное перераспределение богатства, послереволюционные катаклизмы – все это у Робида, в отличие от Маркса, зримо, нарисовано на картинках и даже указано, когда что будет. Откуда взяться лозунгу, что рай есть Софья Власьевна плюс мадам Электрификация? А радио как газета без почты и расстояний? А из всех искусств для нас важнейшим является, извините за выражение, кино? Все это многократно обыгрывается в «Электрической жизни».

Сопоставим: в конце августа 1893 года двадцатитрехлетний молодой человек по фамилии Ульянов перебрался из Самары в Петербург, устроился помощником присяжного поверенного («легальное прикрытие революционной деятельности», как написано в официальных биографиях). Бегал по книжным лавкам и библиотекам, искал для кружка единомышленников полезную литературу.

7 ноября (Боже, опять совпадение!) 1893 года книга «Двадцатый век: электрическая жизнь» без проблем дозволена в Петербурге цензурой и через месяц с небольшим вышла. Издана эффектно, продавалась везде и рассылалась бесплатно подписчикам популярного тогда журнала «Вестник иностранной литературы» в качестве французской изюминки. О книге говорили все, в первую очередь молодежь.

Доказательств прямых не имею, но бьюсь об заклад, что книгу Альбера Робида о будущем любознательный молодой человек, сосредоточенный на утопиях, не мог не приметить. Иронии автора не понял точно также, как не понял универсальности сатиры Щедрина. Прочитал «Электрическую жизнь» внимательно и полезные мысли запомнил. Своих у провинциала-недоучки еще не было, а светлое будущее, которое его волновало, выглядело гораздо зримее и веселее у Робида, чем у наукообразного Маркса. И почему тянуло начинающих юристов от хорошей профессии в сомнительные фантазии?

Предсказал Робида революцию, правда, ошибившись на пять лет: она происходит в 1922 году. Хаос и беспорядок наступают после революции, но не смог автор себе представить масштаба и фанатизма разрушителей. В книге точно описано, как быстро зажирили пришедшие к власти. «Известный революционер... – пишет Робида, – нажив себе во время революции кругленький капиталец, вернулся к более здравым идеям и живет теперь доходами с собственных движимых и недвижимых имуществ... поглядывая с благодушной, но слегка насмешливой улыбкой на развертывающуюся перед духовными его очами нескончаемую вереницу человеческих заблуждений».⁶

Впрочем, смены власти начинают после революции происходить периодически. Осуществилось и мрачное предвидение Робида: государство захватило «право располагать по усмотрению жизнью граждан и устилать землю их трупами».⁷

Альбер Робида умер в 1926 году, успев проследить по газетам за той самой революцией, которую предсказал, и ее первыми последствиями. Что думал он, увидев, что оказался прав? Или, может, реализация прогнозов вовсе его не интересовала? Узнать это нам не дано. Во Франции, не говоря уж о России, быстро забыли когда-то прошумевшего семидесятивосьмилетнего чудака, художника с инженерным умом, пессимистического оптимиста.

Гены как рыночный продукт

Какой бы наивной ни показалась нам, проглотившим уйму современного чтива, фабула «Электрической жизни», это все-таки роман на триста страниц. Как пишут авторы статьи об Альбере Робиде в «Энциклопедии фантастики» Джон Клют и Питер Николс, «тексты упомянутых его работ, вообще говоря, не выдающиеся».⁸ Эти два критика хвалят его рисунки пером и пастелью.

Действительно, сюжетная линия сделана Альбером Робиде банально, но, думается, не случайно. Автор стремится, связав происходящие события не обязательной канвой, не отвлекать нашего внимания от предупреждений о будущем. А будущее выглядит пародийно. Разумеется, все великие изобретения, включая и упомянутую выше огромную разрушительно-созидательную силу, принадлежат главному герою, который, как и сам автор, француз.

Сквозь книгу проходит эдакий собирательный образ Эдисона-Эйнштейна-Мамонтова-Сахарова. Филоксен Лоррис, «специалист по всем отраслям знания», которого сделали членом всех академий и научных институтов, а также кавалером многочисленных орденов как старой Европы и зрелой Америки, так и юной Океании.⁹ У него есть даже титул князя Тифлисского в Закавказье. Недавно в Париже пытался я по описаниям найти шикарный дом Лорриса в квартале Сан-Уаз, но не смог. Видимо, конкретный дом Робиде вовсе не имел в виду.

Лоррис – конечно, гений, но не банальный отрешенный от жизни чудака, типичный для фантастики, а крупный и властный организатор, «туз из тузов современной научной промыш-

ленности», умеющий делать деньги и вкладывать их в грандиозные предприятия, бизнесмен.¹⁰ Как истый француз он не упускает случая для мирских наслаждений. Переводчик много потруился, даже перестарался, переведя франки в русские купюры, и француз-миллионер Лоррис в Париже расплачивается рублями. Впрочем, может, это тоже было пророчество, основанное на визите русской армии в Париж в начале века и, к счастью, пока не повторившееся?

Сын гения Жорж, пристроенный папой в поручики химической артиллерии, хотя и кончил университет, но остался лентяем и прожигателем жизни. Отец хотел бы сделать его директором двухсот своих заводов, а сын обвиняет папашу в том, что тот все уже придумал, создал и тем обрек следующее поколение на лень. Типичные наши проблемы с детьми – еще одна угадка французского утописта.

Для исправления рода мудрый и рациональный отец хочет женить сына научным методом и получить четырех внуков: химика, естествоведа, врача и механика, а промежуточное звено (то есть Жоржа) считает несостоявшимся, «не имеющим ценности рыночным продуктом».

Дабы женить сына, он отбирает девицу «с мозгом строго научного типа», обладающую «высшими научными докторскими дипломами».¹¹ Сын отказывается. Тогда отец предлагает ему другую невесту, представительницу трех поколений математиков, тридцати девяти лет от роду, обладающую дипломами докторов медицины и права, которая к тому же (для полного счастья молодого человека) «архидоктор соцнаук» (вот откуда у Ленина его любимое словцо «архи»).

Поскольку автор француз, во многих сценах присутствуют амуры: любовь, скандалы на почве ревности. В процессе чтения становится ясно, что Робида недолюбливает женщин, и любой психоаналитик найдет в тексте тайные проблемы, связанные с самим автором «Электрической жизни». Его героини вульгарны, злы, ругают мужей, не живут с ними или пребывают в предразводном состоянии. Семейные сцены протекают между двумя фонографами, принадлежащими мужу и жене, когда самих супругов вообще нет дома.

Один из героев Арсен Маретт сочиняет трактат «История неприятностей, причиненных мужчине женщиной с периода

каменного века и по сие время». ¹² В этом сочинении он в новом ракурсе переписывает всю человеческую историю, на которую, по его мнению, слишком повлияла женщина. При этом великий ученый Лоррис и его друг Маретт сделали открытие века. Оно гласит: конфликты с женами способствуют научным успехам мужей, не давая им погрузиться в дремоту спокойствия и поставляя нервной системе возбуждающие импульсы.

Думает Робида о том, как усовершенствовать процесс женитьбы: «Каждая семья обладает определенным духовным капиталом, служащим как бы резервуаром для потомства». ¹³ Много зависит от случая, говорит автор, но природа вынуждена черпать только из капитала, собранного предками, поэтому необходима величайшая осмотрительность при заключении брака, чтобы избежать «атавистических влияний».

На фоне такой серьезной брачной доктрины Лоррис-младший звонит по фоноскопу, то есть видеотелефону. Едва контакты смыкаются, Жорж видит на экране все, что происходит на другом конце провода. Естественно, он разглядывает девушку, ее носик, глазки, изящную ножку под столом, а она, не ведая, что ее разглядывает чужой человек, элегантно читает за столом в своей комнате в Швейцарии. Мама ее поехала на метро (на пневматическом поезде) в Париж купить новую розовую шляпку.

Само собой, девушка (ее зовут Эстелла Лакомб) оказывается будущим молодым инженером, слушающим по фонографу лекции из Цюрихского университета. Для углубления образования она берет дополнительно частные фонографические уроки. Остался один пережиток прошлого: экзамены все еще надо сдавать не по фоноскопу.

Дочь смущена знакомством, а маменька (тоже пренеприятная женщина) быстро смекает, что этот контакт выгоден и поможет папочке продвинуться на лучшую должность. Во сне мать уже встречается с самим Филоксеном Лоррисом, и он дарит ей новейший электрический прибор для увеличения зарплаты служащим. Неплохое изобретение, оно и сейчас бы сгодилось!

Постепенно эмансипация в романе достигает максимума. «Женщина работает теперь рядом с мужчиной, как мужчина,

столько же, сколько мужчина, – в конторе, в магазине, на фабрике и на бирже», – сперва сообщает Робида.¹⁴ Женщина выступает в качестве мужчины и вместо мужчины. Она победоносно вытесняет мужчину в политической сфере. Предводительница женской партии Луиза Мюш становится министром внутренних дел Франции, и в стране начинаются решительные перемены. При этом, показывает Робида, женщина теряет обаяние, мягкость, тепло и сексуальную привлекательность.

Как результат, для противовеса появляется «глава мужской партии, организовавший грозную оппозицию женской партии».¹⁵ Члены мужской партии не против женщин, они против чрезмерных притязаний, предъявляемых женщинами. Для спасения пола, противоположного прекрасному, в романе создается «Лига эмансипации мужчины». Но остановить процесс эмансипации женщины не удастся. Нет, в чувстве юмора Робида не откажешь. В конце концов эмансипация так преуспевает, что возникает отдельная женская биржа, и таким образом экономика Франции разделится на мужскую и женскую.

Не без иронии Робида рассказывает историю посредственной актрисы Сильвии, которая вдруг ощутила в себе силы медиума и стала вещать с экрана, излечивая людей «медиумической энергией» – эдакий Кашпировский в юбке. Иногда она приглашала на сцену умерших писателей: Вольтера или Гюго, которые читали собственные стихи, «свидетельствовавшие, что гений их продолжает совершенствоваться и в загробной жизни».¹⁶

Инженер-медик Сюльфатен, умеющий извлекать из своей деятельности по омолаживанию стариков большой доход, решает жениться на медиуме Сильвии, чтобы она втайне вызывала ему тени гениальнейших умов прошлых веков, а он знакомил бы их с современной технологией, от чего могли бы произойти новые открытия, которые он будет использовать. Получается вариант почище чичиковского, – такой своеобразный семейный бизнес на базе мертвых душ. При этом, ревнуя Сильвию, Сюльфатен помещает в ее доме «миниатюрные и совершенно не заметные фотофонографические приборы... облегчающие щекотливое дело тайного надзора».¹⁷

А Жорж, сын великого изобретателя, не столь прагматичен, как отец, и, влюбившись старым способом в Эстеллу, делает ей предложение. Автор «Электрической жизни» утверждает, что к середине XX века свадебное путешествие заменится обручальным, до свадьбы. За время досвадебного путешествия молодые люди лучше узнают друг друга. А для покоя родителей обручальное путешествие проходит в сопровождении пожилого доверенного лица, неотлучно находящегося при молодых. По возвращении достаточно одному из обрученных прислать нотариальное заявление, чтобы предположительный брак был отменен. Благодаря обручальным путешествиям, пишет Робида, число разводов значительно уменьшилось. Его бы устами мед пить!

И когда Жорж отправляется в обручальное путешествие со своей невестой, Робида делает второй шаг в сюжете, сегодня вполне отработанный фантастами, а тогда оригинальный. Из придуманного им будущего он отправляет героев назад, в настоящее, в жизнь, которая повседневно окружала автора. Тут сатирический талант автора разворачивается на реалистической почве, ибо настоящее – это особые зоны в будущем, в которые прогресс не проникает.

Законом постановлено сохранять эти территории в неприкосновенности. Из них изъято научное и промышленное движение. В них старая жизнь, тишь и благодать. Даже газеты отсутствуют. И «все переутомленные электрической жизнью малокровные интеллигенты» ищут там спасительного отдыха, почитая высшим удовольствием прокатиться на дилижансе.

В сущности, никакого предвидения тут нет. Первый национальный парк в США был создан за два десятилетия до того, как Робида опубликовал свои пророчества, и об этом, конечно, писали французские газеты. Важней другое: такого контраста между технологией и дикой природой, между черным дымом из труб и каплей росы, висящей под листом ландыша, тогда еще не было, и рисуемые автором картины более соответствуют нашему времени, чем тому, в котором он жил.

Жорж с невестой беспечно путешествуют. Но, оказывается, обручальный вояж тоже записывается для отца, который был против брака своего сына. Отец хитростью вызывает сына из обручального путешествия. Сына призывают в армию.

Человеколюбивая война

Другой чрезвычайной важности прогноз Робида: о войнах следующего, то есть нашего века.

Война, когда вышла книга, не предвиделась. Первая мировая началась через двадцать лет, а вторая – через полвека. Робида рассказывает, как мир содрогнулся. Готовятся химическая артиллерия и наступательные медицинские войска с удушающими снарядами, команды при насосах с ядовитыми газами и при воздушных торпедо. Не ракеты ли? Гениальный изобретатель превращается в инженер-генерала химической артиллерии.

Несколько раньше я упомянул про деление мира на три части, включая Океанию. Идея периодических войн между ними, придуманная французским художником, дала толчок другой утопии, сочиненной Джорджем Оруэллом, который в молодости жил в Париже и веровал в коммунистические идеалы. «1984» писался, когда будущее, согласно Альберу Робида, наступило, и Оруэллу пришлось сдвинуть время еще на тридцать лет. Многие к тому времени стало реальностью, судя по первой в мире стране осуществленной утопии, но технические, а главное, социальные придумки Робида пригодились Оруэллу: тайная любовь, всевидящие экраны в домах, доноительство.

Прогресс не приведет к совершенствованию моральных качеств личности, – приходит к выводу автор прошлого столетия. «Добродушные мечтатели минувших веков, – пишет Робида, – воображали себе, что прогресс, в триумфальном своем шествии по арене наших цивилизаций, улучшит как людей, так и учреждения и водворит раз и навсегда вечный мир. В действительности, однако, оказалось, что прогресс, приводя народы в более тесное соприкосновение, вызвал вследствие этого лишь более запутанные столкновения интересов, соответственно увеличивая число поводов и случаев к войне».¹⁸ Человечество, посмеиваясь над антиутопистами, добровольно затягивает себя в омут, и ничего с этим не поделаешь.

Написано будто сегодня, но так рассуждал политический мудрец Робида. «...Старинная поговорка, – пишет он, – «Если

хочешь мира, готовься к войне», – оказывается теперь справедливой более чем когда-либо». Для обеспечения внешнего мира необходимо держать армию во всегдашней боевой готовности и тщательно охранять свои пределы с сухого пути, с моря и со стороны атмосферы. Для того, чтобы военная машина пребывала во всегдашней готовности ежечасно и ежеминутно проявить всю свою энергию по первому востребованию, или, точнее сказать, по сигналу, поданному нажатием электрической кнопки в кабинете военного министра, необходима тщательнейшая детальная отделка всего военного механизма и содержание всех его частей в полнейшей исправности».¹⁹

Военные соображения в государстве важнее всех остальных. Война подгоняет науку. «Миниатюрной бомбой величиною с горошину можно взорвать на воздух целый город с расстояния в двадцать верст».²⁰ И бесконечные перевооружения, описанные в книге, сопровождаются подсчетами, во что обойдется это налогоплательщику и как ухудшится жизнь населения. Детально описав самые гнусные способы массового уничтожения людей за полвека до происшедшего в действительности, автор в отчаянии восклицает: «Да здравствует прогресс!»

Как известно, противогаз появился во время Первой мировой войны. Но, в отличие от рембрандтовской богини войны Беллоны, висящей в музее Метрополитен в Нью-Йорке, Беллона Альбера Робида в противогазе, с длинным списком взрывчатых веществ, удушающих и парализующих газов, который она держит в руке. Робида надевает еще не существовавший тогда противогаз на каждого солдата. Он в «каске с раздвижным забралом, закрывающимся при производстве химических операций с ядовитыми веществами». И даже «резервуар кислорода с эластичною трубкой».²¹

Угадал дату второй войны Робида. Когда печатал отрывки книги в периодике, указал, что всеобщая война произойдет в 70-е годы, а в книге изменил дату, перенеся войну в 40-е. Описания войны настолько современны, что опять думаешь о мистификации, например, когда речь идет об артиллерии, напоминающей «катюши».

Успокаивает ошибка: не германские нацисты начинают оккупацию Европы, а китайцы. Китайский инженер-мандарин нацеливает орудия на Париж. Победа Запада достигнута под

руководством «престарелого фельдмаршала Заговича, бывшего генералиссимусом европейских вооруженных сил, отразивших в 1941 году великое китайское вторжение и уничтоживших после восемнадцатимесячных битв в обширных равнинах Бессарабии и Румынии две армии Средиземного царства, в каждой из которых насчитывалось под ружьем по семисот тысяч человек, снабженных военными приспособлениями, гораздо более совершенными, чем всё, что имелось тогда в Европе».²²

Холодок пробегает по спине. Робида ошибся, проигнорировав агрессивность России, а ведь именно она стала угрозой человечеству во второй половине XX века. Дай-то Бог, и угроза инженер-мандаринов обстрелять Европу оттянется во времени, а может, и не произойдет. Впрочем, эксперты отводят Китаю ведущую роль в политических играх XXI века. Когда война заканчивается, в романе появляются энергичные темнотицы люди в военной форме из Южной Америки. Они говорят Лоррису: «В интересах обеспечения мира мы желали бы приобрести партию новоизобретенных пушек».²³ И Европа, на погибель себе, вооружает обе воюющие стороны, получая гигантские барыши.

Герой романа заявляет: «Науке, как вы тогда убедитесь, удастся еще раз радикально преобразовать войну и сделать ее кроткой и человеколюбивой, а не варварски истребительной».²⁴ Армии можно упразднить, боевые медики пойдут в атаку, пользуясь средствами, укладываемыми армии противника в лёжку, после чего надо лишь продиктовать хворому врагу условия мира. А если необходимо, правительство тайно прибегает к «репрессалиям» – обнаруживаемым смертоносным веществам. Или к «миазмам», вызывающим эпидемии. Созданы даже миазмы злословия и клеветы. Это для врагов.

А для своих граждан – выведен микроб здоровья. Робида знает цену словесной пропаганде, и населению прописывается «спасительное национальное лекарство» в виде инъекций. В другом месте Робида называет это лекарство «патриотическим». Сенат постановил: «Прививка национального и патриотического лекарства обязательно предписана раз в месяц всем французам, начиная с трехлетнего возраста».²⁵ Словом, «медицинская война» окончательно преобразит военное искусство.

Гениальный изобретатель миазмов и патриотического лекарства Филоксен Лоррис оказывается в глупом положении, когда на торжествах в его доме все именитые гости из-за расеянности его помощника, плохо закрывшего кран в лаборатории, оказываются зараженными какой-то болезнью, к счастью, конечно, не смертельно.

«Показывая язык прогрессу»

Робида предсказал численность населения Парижа в одиннадцать миллионов, ошибившись на один миллион, при этом отметил рост в нем азиатской и африканской рас. Он предвидел строительство небоскребов из стали и стекла со светящимися маяками на крышах. За десяток лет до первого полета братьев Райт в книге показано развитие авиации, включая воздушные такси-вертолеты, линии прямого сообщения между городами всего мира.

Робида, никогда не взлетевший и на три метра от земли, очень точно описывает наше состояние во время межконтинентального полета. Автор несколько увлекся и перенес весь транспорт с земли в воздух, чем создал невероятный хаос и бесконечные крушения над городами. Даже трехлетние дети сами управляют воздухоплавательными аппаратами. К космосу же Робида равнодушен. Да, до других планет добрались, связь с ними есть, но это его мало интересует: интересы Альбера Робида вполне земные.

В связи с перенаселением пяти материков в бесполезном до сих пор Тихом океане строится новый материк. За столетие до «Джерассик парка» сообщается о воскрешении первобытных животных, птиц и рыб. Детей научились производить в пробирке. Причем преимущество людей, полученных искусственно, в том, что они не несут за собой груз генетических дефектов, а их мозг полностью открыт для развития логическим путем. Кроме того, человек из пробирки не боится болезнетворных инфекций.

Легко предвидеть чудовищное загрязнение окружающей среды, что Робида и сделал. Труднее – энергию, которая станет всеохватывающей. А у него «электрическое сообщение по сети

всемирных проводов», телеэкран, который он называет телепластинкой, почту заменили фонографические клише – то есть, по-просту, факс. Библиофилы превратились в библио-фонофилов и собирают фонокниги, а музыка на дому имеется «даже в постели, без оркестра». От диких звуков современной поп-музыки, усиленных динамиками, у Робида заболела голова за сто лет до появления музыкальной стереоэлектроники: «Такое до сумасбродности громадное потребление музыки... Музыка эта визжит и скрипит; отдельные ноты словно цепляются друг за друга».²⁶

Робида придумал коммерческую рекламу по телевизору, столь популярную в сегодняшнем мире, платное кабельное телевидение. Мимоходом автор прошлого века сообщает детали нашей жизни во второй половине двадцатого: «Даже и в тех случаях, когда даются самые удачные и блестящие пьесы, – говорит он, – нынешние театры оказываются зачастую почти совсем пустыми, так как благодаря телефоноскопам можно следить за представлением, не выходя из дому и даже, пожалуй, не вставая из-за стола».²⁷ Робида предложил захиревшему театру Мольера продавать телеабонементы, и театр продал их четыремстам тысячам телезрителей. Походя автор предложил модернизировать классику на сцене, чем успешно стали заниматься режиссеры уже в нашем веке.

Помните в записной книжке Ильфа? «В фантастических романах главное это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет».²⁸ За полвека до этого, предчувствуя, что такое будет, Робида изо всех сил, но безуспешно цеплялся за жизнь без перемен. Впрочем, развитие социалистических идей в конце века было настолько модным, что они все же повлияли и на нашего скептического прогнозиста.

Он пообещал читателям, что кухонь в домах не будет, поскольку это не выгодно с точки зрения разумной политической экономии. У людей абонементы в Главную акционерную компанию рационального продовольствия, из которой они будут получать готовые обеды, завтраки и ужины через посредство особой системы труб и трубочек. Или, может быть, это пародия на Общепит?

«Сливочное масло из нефти, – перечисляет Робида. – Питательные вещества из каменного угля. Фабрикация химических вин и молока. Минеральная мука. Искусственный марга-

рин. Перегонка всяких отбросов».²⁹ Появляются «фармацевтические рестораны», где кормят пиллюлями. Некоторые герои романа активно протестуют против еды, приготовленной кулинарными инженерами, предпочитая старомодных кухарок из глухой деревни, которых почти не осталось.

Быстро забываются звезды второй величины, однако есть среди них писатели, которые дали импульс другим. К таким, без сомнения, отнесем Альбера Робиду. Им запущены идеи, заимствованные потом многими фантастами. Инженер Гарин – двойник инженера Лорриса, с которым Алексей Толстой познакомился в эмиграции в Париже.

Кажется, книга Робиды «Часы столетий», опубликованная в 1902 году, – самая ранняя о путешествиях во времени. Идея эта использована потом Филиппом Диком в фантастическом романе «Назад по времени», Брайоном Алдиссом в романе «Возраст» или, скажем, Мартином Амисом в «Векторе времени».

Робида кратко замечает, что банкир Понто организовал строительство «большой электропневматической трубы заатлантического сообщения между Францией и Америкой».³⁰ Из этих нескольких строк советский писатель Александр Казанцев, сменив французов на советских героев труда, вытанцевал толстый роман «Арктический мост». Поэт Свен Биркертс заимствовал название «Электрическая жизнь» для книги эссе о современной поэзии.

Не раз попадалась нам в фантастике идея влияния предка на потомка, подробно описанная Альбером Робидо. Много сказано о перебросе масс тепла и холода между полюсами и экватором. Он издевался над гигантскими стройками коммунизма за полвека до их осуществления. Десяток идей я насчитал у сатирика, которые ждут своей реализации, так что политическим маньякам надо его книжку изучить.

О будущем искусства художник Робидо не смог сказать ничего оригинального. «Место прежней живописи: робких художественных попыток разных Рафаэлей, Тицианов, Рубенсов, Давидов, Делакруа, Дюреров и других пионеров искусства, – заступила сперва фотоживопись, представлявшая собою по отношению к ним уже громадный прогресс. Нынешние фотоживописцы должны будут, однако, в свою очередь стусеваться перед завтрашними фото-никтомеханиками».³¹

Гуманитарное образование потеряло практическую ценность, и все идут в инженеры. Инженерный крен начинается с 12-летнего возраста. Ум и знания будут способствовать развитию циничности. Гениальные технические изобретения пойдут на то, чтобы принести максимальный вред человечеству. История, говорит деловой гений в сочинении Робида, обо мне напишет так: «Этот витязь интеллигенции умел собирать с простых смертных налог в пользу более развитого своего ума».

Робида предвидел растущую массу бездельников, сидящих на шее у государства. Потребители общественного богатства ничего не делают; они «сидят, показывая язык прогрессу».³² Но автор промахнулся, решив, что таковыми станут прежде всего потомки знатных родов.

Не прекратил Робида свои путешествия во времени и потом, сделав в 90-х годах серию рисунков со своими рассказами для журнала «Маленькие французские иллюстрации»; книга называется «Давным-давно с нами сегодня». Сочинил он веселую книгу о женщинах «Прошлое дамы: столетие изящества». Его последней фантазией, законченной незадолго до смерти, стало иллюстрированное сочинение «Замок в воздухе» (1925). Но он немного повторял сам себя, и это оказалось менее интересно, чем его прежние создания. Вершиной осталась трилогия «Двадцатое столетие», «Электрическая жизнь» и «Война в XX-м веке». Русский переводчик Ранцов это угадал, и взялся за дело. Перевести такую книгу было нетрудно. Переводчику и в страшном сне не могло присниться, какие практические мысли извлечет из книги один его соотечественник, нацеленный всерьез на мировую революцию.

Итак, кто же он – мифург или борец против мифов? фантаст? ясновидец? случайно угадал или опирался на последние достижения наук? Думается, все было в синтезе.

Во время чтения нас не покидает ощущение, что молодой Жорж Лоррис является alter ego самого Альбера Робида, отец которого принуждал его к работе, требовал серьезности, занятий наукой и, возможно, противился женитьбе сына. Сын этот – и, может быть, тут мы приходим к причине появления на свет сей странной книги – пытался вырваться из привычного круга, изменить свою жизнь. Но он не нашел иного пути, кроме как эмигрировать. Не в Америку, что делали в конце про-

шлого века многие французы, да и не только они, а – в будущее. Его жизнь не изменилась, не сделался он ни богатым, ни счастливым, зато высказался, и его услышали, а это тоже немало.

Однажды в семидесятых советская газета вспомнила Робиду.³³ Он изображен эдаким легкомысленным французиком-балагуром, который, хотя и необузданно фантазировал, но, ха-ха, не предвидел грандиозных успехов советской страны. А Робиду предвидел и ее грандиозный закат. Писатель и художник, в России ни разу не побывавший и даже ни разу ее не упомянувший, Робиду тем не менее в нее мистически проник, а может, как ни странно или как ни смешно, оказал какое-то влияние на исторический процесс.

Не употребляя марксистского лексикона, он показал финал: коммунизм есть советская власть плюс чернобылизация всей страны. Вообще-то, мы знаем, что никакие предостережения и антиутопии, будь то Нострадамус, Щедрин, Замятин или Оруэлл, не действуют на тех, кто решает судьбы человечества.

Волей странной судьбы сатирические картинки французского карикатуриста ожили в России. Он подсказал молодому помощнику присяжного поверенного Ульянову некоторые ленинские лозунги, внеся посильную лепту в строительство государства, построенного на мифе. Ответственен ли Робиду за это? Не более, чем любой другой юморист, шутку которого люди без чувства юмора принимают всерьез.

Но вот что интересно: хотя многие адские предположения сбылись, мир в целом в течение ста лет после прогноза развивался более разумно, чем виделось Альберу Робиду.

Не все мы стали коммунистами или неврастениками, не все обленились и выродились. И значит, если не власть имущие, то мы с вами что-то усваиваем. Сгущая краски, стремясь запугать, антиутопист пытался предотвратить худшее. Слава Богу, что человечеству иногда удается отскочить в сторону, не оказавшись раздавленным колесами собственной истории.

Ироничный читатель спросит: это что же – рецензия на книгу через сто лет после выхода? И будет, как ни выкручивайся, прав.

ЯВНАЯ И СКРЫТАЯ ЖИЗНИ КОНСТАНТИНА ВЕНТЦЕЛЯ

*Никогда не справляйся о том,
Мы издание века какого,
Но скажи свое веское слово
И самим будь собою во всем.
К.Н.Вентцель.¹*

Обязан я был опубликовать это раньше, но противились жизненные обстоятельства. В подвале старинного особняка на Полянке в Москве я обнаружил стопу неопубликованных рукописей Константина Вентцеля и день за днем приходил туда, в архив Академии педнаук, читать. То была осень 1977 года, а в январе 78-го ночью в подвале прорвало трубу, и часть архива затопило. По собранным (переписанным и потихоньку перенятым) материалам я написал эссе, воскрешая идеи неизвестного русского философа и отдавая предпочтение его собственным мыслям перед своими комментариями.

Нечего было и думать опубликовать мою работу в Советском Союзе. Да и будь то возможно, сам я к тому времени числился в черных списках. Рукопись ушла в Париж, в тамиздатный сборник «Память», но КГБ распотрошило ленинградскую его редакцию, арестовав составителей, и очередной сборник не родили.

Чтобы посоветоваться, где печатать, дал я почитать очерк коллеге Георгию Владимову, но 5 февраля 1982 года у него

провели обыск, и мою рукопись забрали. Я думал, копий больше нет, и смирился. А годы спустя в Вологде умерла замечательная женщина, хранительница части моего архива Татьяна Василевская. У нее в бумагах объявился экземпляр сочинения, который я теперь доработал и предлагаю вниманию читателей.

Из анархистов в толстовцы

Большинство его коллег в послереволюционной России и в эмиграции полагало, что он исчез, подобно многим другим в годы террора. Почти не встретишь ссылок на него в сочинениях столпов советской педагогики (Крупской, Шацкого, Блонского, Макаренко). Редко мелькнет имя в трудах по истории советской педагогики, а его плагиаторов тщательно изучали и называли основоположниками тех идей, которые принадлежат ему. Философа Вентцеля на русском интеллектуальном горизонте не существует.

Длинный список книг, изданных Вентцелем за тридцать лет энергичной работы в педагогике и публицистике в столь важный период их развития, начат в прошлом веке и обрублен в 1923-м. После этого он стал затворником. Вышел из игры, а точнее, «его вышли». Четверть века жил схимником, в добровольном домашнем заточении, бедствовал, чудом избежал ареста и писательствовал до конца, даже больным. В 1947-м он чуть-чуть не дотянул до девяноста. Главное, что сделано, осталось в тетрадках, которые он тайно писал в сталинское время.

Константин Николаевич Вентцель родился в 1857 году в Петербурге в дворянской семье. Отец его, действительный статский советник, окончив университет, служил столоначальником в канцелярии Петербургского генерал-губернатора. Дед со стороны матери был педагогом, составлял хрестоматии по немецкому языку. Семья из-за перемещений отца по службе жила в Одессе, Варшаве, Вильне. После гимназии и реального училища Вентцель поступил в Санкт-Петербургский технологический институт. Но интересовался больше гуманитарными науками и поэтому вскоре бросил Технологжку и пошел в университет на юридический факультет.

В начале восьмидесятых он увлечен революционной деятельностью. «Чему вы нас учили и учите с детства?» – возмущается он в дневнике. Юношеский критицизм ищет опоры. В двадцать лет в поисках активных действий он не находит ничего лучшего, как примкнуть к «Народной воле». Набитый наивными идеями о братстве, юноша Вентцель размышляет о роли индивида в таком братстве. «Путем логических рассуждений я пришел к отрицанию ответственности человека», – запальчиво заявляет он и поясняет, что люди будут поступать «по своему собственному влечению, во имя собственного счастья, а не во имя сознания какой-либо ответственности».

Вскоре, одумавшись, Вентцель умеряет свой анархизм: «Я хватил несколько через край... каждый индивидуальный человек сознает себя ответственным за свои поступки». Он расходится со своими недавними единомышленниками. «То общее впечатление, которое я вынес из столкновений с «новыми людьми», – это холод, отсутствие теплого, хорошего, жизненного чувства. Ей-Богу, мертвечиной пахнет...»

Он говорит, что между новыми людьми нет органической связи, скука, им не о чем говорить, кроме как читать вслух нужные книги. «Итак, моим принципом и краеугольным камнем всегда остается индивидуальный человек, его внутренний душевный мир, его счастье».²

Больше ему не по пути с теми, кто хотел усовершенствовать мир путем насилия. Он штудирует Спенсера и других западных философов, пишет стихи. И вдруг – арест. Не его наивные споры о будущем человечества с самим собой в дневниках, не конспекты древних философов и стихотворения, а воззвание к рабочим, им раньше сочиненное, которое нашли при обыске у его бывших единомышленников вместе с народовольческой литературой, послужило поводом для тюрьмы. Через месяц была арестована его жена. Поводом для привлечения ее к дознанию послужила переписка с мужем, из которой «было видно ее знание о его участии в революционной деятельности», то есть – недонос.³

В тюрьме он сидит вместе с народовольцами, с которыми после, когда их сослали в Сибирь, много лет переписывается. В камере он много читает и пишет. Статус политического заключенного обеспечивает ему это право. Дневник скупой со-

общает о тюремных буднях: уголовные выносят у политических парашу.

Первые мысли о свободе воспитания Вентцель записывает в камере в 1885-м. Он перечитывает Руссо и заявляет, что не *добродетельный* человек составляет смысл воспитания, но – *живой* человек. Цель – в воспитании человека, который чувствовал бы полноту жизни, понимал жизнь и хотел увеличить эту *сумму жизни* в себе и других, в человечестве и в мире. Человек «свободен от господства всякого авторитета и предания и, руководствуясь строгой критикой, самостоятельно выработывает свое мирозерцание и, постоянно проверяя его критически, вносит в него поправки».⁴

Здесь, в тюрьме, намечается расхождение вентцелевского гуманизма с марксизмом и его русскими энтузиастами, причем сразу по существу. «Как сказал Иисус Христос: «Суббота для человека, а не человек для субботы», так и мы должны сказать: «Общество для личности, а не личность для общества». Вентцель поясняет: «Я безусловно против всякого *насильного братства* (выделено им. — Ю.Д.) и потому против того коммунизма, который отрицает право личности на продукт своего труда. Прежде всего должно быть обеспечено это право, что же касается другой, более высокой в нравственном отношении экономической формы, построенной на принципе: «Труд по силам, распределение по потребностям», то она должна быть, по-моему, результатом свободного соглашения людей между собой, свободного общественного договора».⁵

Вентцель отсидел тринадцать месяцев, жена шесть. Затем оба высланы в город Бобров Воронежской губернии под гласный надзор полиции «для проживания вне местностей, объявленных на положении усиленной охраны», говоря языком полицейского протокола. В ссылке Вентцель сочиняет статьи о свободе воли, переписывается с Владимиром Короленко, который с удовольствием прочитал в рукописи статью Вентцеля «Мораль жизни и свободного идеала». Во взглядах обоих обнаружилась близость. Короленко заметил: «...я уже довольно давно не удовлетворяюсь так называемыми рациональными системами нравственности».⁶

Пытаясь определить свое место под луной, Вентцель называет себя писателем по этическим и педагогическим вопросам.

Он энергично занимается философией, дискутирует в письмах с философами. Ему близок в это время утилитаризм Джона Милля, соединенный с альтруизмом: наибольшее счастье наибольшего числа людей.

После ссылки Вентцель перебирается на жительство в Москву. Как политически неблагонадежному ему не разрешается пребывать на государственной службе. Он зарабатывает уроками музыки, затем журналистикой, заведует редакцией журнала «Известия Московской Городской Думы».

Конец века застал Вентцеля сосредоточенным на социально-педагогических проблемах. В разумном решении их он видит выход из тупика, в который, по мнению части интеллигентов, углублялось русское общество. Существовавшая система образования была заимствована в Австрийской империи и затем усовершенствована на прусский манер. Школа как институт, через который государственная верхушка стремится законсервировать следующее поколение в рамках дозволенного сегодня, не вызывает у Вентцеля симпатии.

Выход из порочного круга он видит по-толстовски – в нравственном усовершенствовании. Более совершенное общество невозможно без свободного воспитания. «Принцип абсолютной власти нашего поколения над будущим должен быть поколеблен», – пишет он. Его печатают журналы «Вестник воспитания», «Образование», «Педагогический листок». В 1896 году выходит его труд «Основные задачи нравственного воспитания». Он предлагает свою программу Педагогическому обществу при Московском Университете, ведущему полемику с «бюрократической школой». С этого времени его можно считать ведущим теоретиком свободного воспитания.

Существовала целая научная школа, в которой тронное место принадлежало, конечно, Льву Толстому. В России тему разрабатывали А.Зеленко, Ф.Рау, Л.Шлегер, И.Никашидзе, С.Дурылин, М.Клечковский, А.Дауге, супруги Н. и М.Чеховы, супруги Е. и А.Фортуназовы. Эти имена выкинуты из истории русской педагогики или по сей день толкуются превратно. Вентцель близко сходится с выдающимся толстовцем И.И.Горбуновым-Посадовым, издателем и редактором известного либерального журнала «Свободное воспитание».

Против рабства души

В идеях свободного воспитания, носившихся в европейском воздухе, обрели второе рождение (с поправкой на новую эпоху) мысли Руссо о естественном воздействии на ребенка. Их развивала шведская писательница Э.Кей, теоретик анархизма П.Кропоткин, американский философ Джон Дьюи, французы С.Фор и П.Робен, итальянка М.Монтессори. На Западе и, особенно, в США и сейчас есть детские сады и школы, следующие их методам. В России все это задушили в конце двадцатых. Но именно Вентцель подвел под русскую версию фундамент и построил перспективу. Он предложил идею постепенности духовного и нравственного усовершенствования людей в обществе будущего, исходя не из потребностей общества, а – из потребностей личности.

Его упрекали за то, что он недооценивал роль интеллекта, полагаясь на волю и чувства. А он отвечал оппонентам, что рассудочно построенная система образования даст еще меньше и станет узко политической. Как в воду глядел!

Отделение школы от государства – одно из главных положений теории свободного воспитания, выдвинутое в 1905 году в качестве опорного принципа Обществом философии и психологии, членом которого был Вентцель, написавший тогда статью «О применении принципа свободы к воспитанию и образованию». Так же вентцелевская теория относилась к религии. Не противник религиозного воспитания, он полагал, что не должно задаваться целью внедрить в сознание ту или другую религию в ее ортодоксальном виде.

За этим последовали практические шаги. Он организует семейные школы, названные им «школами жизни» и бывшие тогда синонимами свободных школ. Вентцель полагал, что ребенок должен получать знания в таком количестве, как он пожелает, и тогда, когда в этом чувствует потребность. Он против школьной (т.е. идущей сверху) регламентации, что ребенку можно, а что нельзя. В это время им пишется книга «Борьба за свободную школу». Слово «борьба» в терминологии Вентцеля понимается как полемика, стремление, убеждение, но никак не в современном смысле.

Он против насилия над личностью ребенка, его волей, против полицейского надзора за школьниками и образом их мыслей, против формализма в школе и идеологической узости преподаваемых предметов. До весны 1906 года работает свободный Семейный детский сад, затем создается Дом свободного ребенка. Это община для детей, и родителей, и педагогов, противопоставляемая министерской школе. Дом с его естественным воспитанием просуществовал менее года и был закрыт. Не сдаваясь, Вентцель создает родительский клуб – с библиотекой, справочным бюро, мастерской для труда, музеем игрушек, лабораторией, естественно-историческим кабинетом.

Вентцель налаживает издание собственного журнала «Правда», название которого позже использовали большевики. Цель редактора – стремиться к истине, избегать идеализации некоторых доктрин. В журнале плюралист Вентцель охотно печатал таких разноплановых авторов, как А.Богданов, А.Луначарский, М.Ольминский, С.Мельгунов, П.Маслов, И.Скворцов-Степанов, М.Покровский.

В 1905 году Вентцель пишет статью «Революция и требования нравственности», которую напечатать не удалось: «Не революция является верховным судьей нравственности, но она сама, ее ход, ее формы подлежат верховному суду нравственности...»⁷ Мысль о роли личности в катаклизмах истории не оставляет его. Размышляя о свободе, он выделяет три ее ступени: 1) освобождение ребенка (педагогическая задача), 2) освобождение самого себя (этическая задача); 3) освобождение общества (политическая задача).⁸

Одним из первых он обнаружил пробел в теории Маркса: отсутствие психологических компонентов, о чем сейчас написано много. Отправляясь от марксовой идеи освобождения человека экономически (т.е. видимого внешнего рабства), Вентцель призвал к освобождению от рабства души. Люди всю свою жизнь являются орудиями в чьих-то руках, мыслят чужими мыслями, чувствуют чужими чувствами, послушны чьей-то воле. Он предупреждает о великой нравственной ответственности тех лиц, которые дают лозунги: «Авторитеты – это ужасные призраки, которые витают среди темной ночи, в какую погружено современное человечество».

Неожиданно в 1908 году Вентцель резко отмежевывается от Толстого, единомышленником которого его всегда считали. Он отрицает «внушение добра», считая это тонким насилием, взамен грубого. Авторитет живого еще Толстого слишком велик, чтобы ему перечить. Горбунов-Посадов отказался печатать статью.

В споре проглядывает вентцельская принципиальная позиция, а именно – доверие к следующему поколению, гарантия этому поколению права выбирать, куда и зачем стремиться. «Для своего нравственного прогресса, – размышляет Вентцель, – человечество нуждается в возможно большем числе индивидуальных свободных творцов новой независимой самобытной нравственности и в возможно меньшем числе представителей «стадной морали».⁹

Его скептическое отношение к государственной машине не связано с системой правления, его критицизм носит глобальный характер. «Так называемое государство, – пишет Вентцель, – это не воплощение высшей формы общества, это великое противостояние для развития этой высшей формы, это великое препятствие, стоящее на пути к достижению ее».¹⁰

«Нужно ли обучать детей нравственности?» – так называет он лекцию, прочитанную в 1912 году. Метод воспитания нравственности должен быть методом освобождения творческих сил в ребенке. «Для целей свободного искания детьми высшей личной нравственности и свободной выработки в детях независимых нравственных воззрений лица, поставленные обстоятельствами в качестве руководителей детей, должны стремиться доставить последним возможно более широкий и полный материал из области поисков человечеством высших форм нравственности».

В противном случае нравственность становится дрессировкой. Во что превращаются перегибы, Вентцелю ясно. «Так эта утрировка разумную любовь к родине превращает в кичливое национальное самохвальство, в драчливый национализм и пошлый шовинизм».¹¹ Речь тут идет о французской школе, которая дает, по мнению Вентцеля, наглядный пример нежелательных форм для нас.

Вскоре выходит собрание сочинений Вентцеля в двух томах: 1-й – Этика творческой личности, 2-й – Педагогика твор-

ческой личности. На Всероссийском съезде по семейному воспитанию в 1913 году Вентцель читает доклад «Свободное воспитание и семья», на тезисах которого необходимо задержаться. Автор доклада систематизировал свои принципы свободного воспитания в десяти пунктах, предлагая их школе нового этапа развития русского просвещения.

Во-первых, теория свободного воспитания исходит из принципа многообразия воспитания: сколько детей, столько систем воспитания.

Во-вторых, воспитание не есть умышленное формирование ребенка сообразно идеалу, но процесс освобождения творческих сил в ребенке.

В-третьих, высшая цель воспитания – развитие творческой индивидуальности.

В-четвертых, индивидуальность не стоит в противоречии с общественностью и культурой, но, наоборот, истинная общественность и истинная культура связаны с развитием индивидуальности.

В-пятых, важна самодеятельность ребенка, ее активный характер.

В-шестых, необходимо соприкосновение ребенка с природой.

В-седьмых, на первом плане развитие психической активности и воли, без которых воспитание не будет гармоничным.

В-восьмых, воспитание должно вести к способности ставить себе сознательно цели и стремиться к их достижению.

В-девятых, базис воспитания – свободный творческий производительный труд.

И в-десятых, нужно содействие ребенку в выработке личной нравственности и личной религии. Всякое обучение тому или другому кодексу морали должно быть отвергнуто.

Можно представить себе, сколько у Вентцеля оказалось противников! Его обвиняют в полной нереальности целей, которые он ставит. Тем не менее книга «Теория свободного воспитания и идеальный детский сад» выдержала три издания. Доклад автора был послан в США. Кризис образования становится, однако, второстепенным: страны втянуты в мировую войну и в последующие затем российские события.

«Родители всех стран, соединяйтесь!»

С публицистической страстью, равной по силе и пламенности разве что толстовской, Вентцель выражает суть войны в одном слове: *человеконенавистничество*. Он пишет и сам распространяет «Открытое письмо ко всем людям и всем народам» под заглавием «Военная забастовка». Мысль его проста и пряма. Люди ссылаются на царей и глав государств, присваивающих себе право объявлять и начинать войну по собственному произволу. Но это не так: ты сам являешься виновником войны.

Сущность военной забастовки, объясняет он, заключается в том, что люди отказываются от всякого прямого или косвенного участия в том деле, которое называется войной. Призываемые к исполнению воинской повинности отказываются от отбывания последней. Солдаты отказываются от несения солдатской службы, отказываются стрелять и исполнять распоряжения начальства, направленные к пролитию крови и нанесению вреда врагам. Инженеры и рабочие, работающие на военных заводах, отказываются изготовлять смертоносные орудия, взрывчатые вещества и ядовитые газы. Техники-изобретатели отказываются совершенствовать способы смертоубийства, которые дают возможность отправить на тот свет больше людей. Служащие железных дорог отказываются перевозить войска и снаряды, грузчики – грузить последние в вагоны и морские суда. Журналисты отказываются писать статьи, оправдывающие войну и ее ужасы, и затемняющие сознание читателей неверным освещением событий. Дон Кихот Вентцель один вышел в утопический бой против армий нескольких стран.

Насилие остается для Вентцеля насилием, будь то война или революция. Не питает он иллюзий ни в феврале 17-го, ни позже, в октябре. 14 апреля 1917 года одновременно с апрельскими тезисами Ленина были оглашены «Апрельские тезисы Вентцеля». В отличие от большевиков, Вентцель призывал: «Школа не должна служить орудием для осуществления тех или других преходящих политических задач». Он доказывает необходимость самостоятельности школы и отделения ее от государства.

Большевистская партия звала пролетариев объединяться. А он призывал: «Дорогу ребенку и вообще молодежи! Долой тиранию взрослого поколения! Освобождение молодежи от всех видов педагогического порабощения!»¹² Он всегда выступал не вовремя, мешал. И этого не забывали.

Да, была в этом маниловщина. В публикации «Уничтожение тюрем» (апрель 1917-го) он призывал разбить все тюрьмы и вместо них создать Дворцы Просвещения.¹³ Его тревожат судьбы и свобода интеллигенции, если власть захватит пролетариат (статья «К вопросу об интеллигентном пролетариате и его задачах»). Пытаясь спасти детей, будто заранее зная о миллионах беспризорных, которые появятся в следующем десятилетии, он обращается ко всем народам планеты с «Декларацией прав ребенка». Она представляется более значительной, чем та, которую приняла ООН полвека спустя.

Свободная школа – это школа для свободных детей, независимая от политической конъюнктуры, школа развития личностей, а не послушных исполнителей воли той группы лиц, которая в данное время находится у власти. Вентцель понимает то, к чему глухи разрушители старой школы. Расплата за педагогическое невежество наступит позднее и отразится в следующих поколениях на всех, в том числе на детях и внуках тех, кто насильем утвердил свою правоту и заставил молчать других.

И все же он еще симпатизирует социализму. Миф русских толкователей марксизма о создании в скором будущем бесклассового общества он рассматривает всерьез. Капитализм, полагает он, может осуществить свободное воспитание только частично. А при социализме – «более или менее полностью». Капиталистическому обществу не нужны творческие личности, а тут наступает расцвет. Вентцель надеется, что социализм вслед за обеспечением прав взрослых, обеспечит и права детей.¹⁴

Критика царской школы сторонниками свободного воспитания сейчас выглядит нелепо. Отвергая старую школу, они помогали приходу ей на смену новой с ее идеологизированной педагогикой. После революции власти сперва не знали, что с Вентцелем делать. За теорию, которая сделала его известным в прошлом веке, зацепились большевики, ибо своих идей по части образования не имели. Но он вместо лозунга «Пролета-

рии всех стран, соединяйтесь!» выдвинул лозунг: «Родители всех стран, соединяйтесь ради блага ваших детей!»¹⁵

Призыв этот, мягко говоря, повис в воздухе. А создатель лозунга не сдаётся. В 1918 году он призвал молодежь организовать новую партию – *партию педагогического освобождения*.¹⁶ В партию эту вступил один человек – он сам.

Первое время в рамках школы можно было экспериментировать, ведь до революции большевики обещали создать школу как «свободную ассоциацию учащихся».¹⁷ В 1910 году Крупская писала Горбунову-Посадову, что в области педагогики они даже единомышленники. После Октября, когда большинство учителей отказалось сотрудничать с новой властью, Наркомпрос пригласил специалистов в области свободного воспитания (и Вентцеля первым в их числе), обещая «создать свободную народную школу».

Некоторое время сторонниками свободного воспитания оставалась группа ответственных работников Наркомпроса (Лепешинский, Окуньков, Полянский, Познер, Шульгин, Терехова). В 1918 году П.Лепешинский, возглавлявший отдел реформ Наркомпроса, даже спорил с Лениным, что новая школа должна быть самоуправляемой коммуной. Вентцель мог подать голос в защиту аполитичности образования. В двадцатых годах еще можно увидеть амбивалентную оценку его деятельности.

Тогда писали даже, что «идеи Вентцеля оказали значительное влияние на советскую педагогику 1917–21 годов, но это влияние не могло быть продолжительным ввиду наличия элементов идеализма и индивидуализма в педагогической системе В., с одной стороны, и непонимания В. классовой природы всякой педагогики, – с другой».¹⁸ Однако вскоре заговорили о проникновении в советскую школу мелкобуржуазных толстовских идей. И вот перестает существовать не только журнал «Свободное воспитание», но и невинное просветительское издательство Горбунова-Посадова, а ему с женой, тоже известным педагогом, рекомендуют уехать в Украину.

Часть педагогической интеллигенции сумела довольно быстро приноровиться к новым требованиям. Философ-идеалист К.Корнилов стал методологом перестройки психологии на основе диамата. Психолог-идеалист П.Блонский, которого тоже обвинили в анархизме и мелкобуржуазности, порвал с эсеро-

ской партией и заявил: «Дух Октябрьской революции вдохновлял меня в моей педагогике».¹⁹ За это Блонского вскоре назначили профессором Московского университета. Корнилова и Блонского я называю идеалистами только потому, что они сами считали себя таковыми до революции. Вчерашний единомышленник Вентцеля Станислав Шацкий, который призывал к воспитанию личности, независимой от государства, вступил в партию большевиков и стал директором консерватории. Он легко сменил свободное воспитание на модный «соцвос» и заявил о необходимости привития детям коллективистских инстинктов, требуемых Наркомпросом.

Симпатии Вентцеля к новой власти недолги, компромисс больше неприемлем. Вскоре он уже не считает ее ни законной, ни стабильной. Ему предлагают второстепенную работу для Наркомата просвещения. Он голодает, мерзнет, но педагогическую позицию, в отличие от более гибких коллег, менять не собирается. Школа должна быть автономна, вне политики, и все тут!

Вентцель уверен, что разговоры о пролетарской школьной политике и пролетарской школе – ошибка. Школа чужда узкой политике, как пролетарской, так и буржуазной. «Свободная школа социалистического общества отнюдь не должна и не будет носить классового характера».²⁰

Может показаться странным, что в автобиографических воспоминаниях Вентцеля периоду после Октябрьского переворота – пятнадцати годам – отведено десять страниц из четырехсот шестидесяти семи. Трудно поверить, что не о чем было писать. Растерялся? Не понимал, что происходит? Равнодушно воспринимал?

Последние мысли воспоминаний философа печальны: «Я не могу не сознавать того, как ничтожно все, что я успел сделать, сравнительно с тем, что я мог бы и должен был сделать, если бы обстоятельства моей жизни сложились более благоприятно и если бы не пришлось так много сил растрачивать задаром в бесплодной борьбе за существование». Он скупно отмечал, что работает, «несмотря на тяжелые условия жизни и в материальном, и политическом отношении».²¹ Заканчивая воспоминания в 1932 году, он пишет так, будто жизнь кончена. Но мы знаем: впереди у него еще пятнадцать лет, и он живет,

загнанный в коммуналку, затравленный, но не сдавшийся интеллигент.

Отношение его к тому, что происходит в России, не становится мягче. «На смену империалистического милитаризма идет милитаризм социалистический, – записывает он на обрывке листа. – Из одной только что изжитой нами мировой войны большевики хотят нас толкнуть в новую мировую войну, еще более ужасную по своим размерам, еще более потрясающую по своей жестокости. Неужели мир еще мало насыщен кровью? Неужели человеческая душа еще не устала от всего пережитого за последние годы кошмара злобы, человеконенавистничества? Неужели революционная Германия и другие страны дадут себя увлечь в этот водоворот новой бойни? Не хочется этому верить. Хочется думать, что и в среде русского народа найдутся такие элементы, которые сумеют дать большевикам отпор в этом направлении, а также и в то, что и в Германии и в других странах, поднявших знамя революции, большинство населения не пойдет по тому кровавому пути, на который его зовут большевики».

Вентцель раскованно полемизирует с режимом, опутавшим всю страну.

Религия Творческой Личности

В Москве ему не дают работать, но обещают курс лекций в Воронежском университете и мелкую должностенку в тамошнем Губоно. Показалось, что в провинции далеко до центральной власти. В 1919-м он переезжает в Воронеж. За год до этого туда же, в Воронеж, вынужден был уехать другой видный педагог П.Ф.Каптерев. Фактически Наркомпрос выталкивал на обочину людей, пользовавшихся огромным авторитетом у настроенной против красных идей учительской аудитории, которая не хотела дрессировать детей по Ленину.

Вентцель делает головокружительную карьеру, вызывающую улыбку. За три года он проходит путь наркомпросовского чиновника, начав с должности помощника заведующего подотделом подготовки учителей и кончив заведующим научно-методической секцией Губоно.

В разрухе гражданской войны, когда районы Воронежской губернии многократно переходили из белых рук в красные и каждая из сторон использовала школы под казармы и конюшни, а отступая, поджигала, чтобы не достались врагу, помзавподотделом (лексикон времени!) Вентцель пытался собрать разбегающихся учителей. Его отношение к гражданской войне выражено весьма недвусмысленно: «Если война одного народа с другим заслуживает осуждения, то еще большего осуждения заслуживает гражданская война, и горе тому, кто бросает горящий уголек».²²

Вентцель готовится к курсу лекций в память Л.Н.Толстого в доживающем последние дни Обществе истинной свободы. Ему отказывают: кто-то запретил из Москвы. Он организует в Воронеже Институт народного образования (ИНО), через год преобразованный в факультет Воронежского университета, и начинает читать лекции по философии религии и теории свободного воспитания.

Слухи о тематике мгновенно облетели местную интеллигенцию. Когда он заканчивал, ему аплодировали стоя. «В переполненной аудитории, – писали воронежские педагоги, – присутствовали обычно не только студенты, но и научные работники». Добавим: и сотрудники местного ВЧК, и просто мелкие пролетарии-стукачи.

Великолепным оратором был этот человек, цитировал по памяти философов, музыкантов, писателей на их родных языках. Лекции вызвали много споров и разговоров. После доклада «Революция и нравственность» из-за наступления ночи прения перенесли на следующий вечер. В его лекциях содержались «явно ошибочные и не соответствующие марксистско-ленинской теории положения».²³ Сам Вентцель не хотел понимать, почему его мысли в Воронеже должны соответствовать мыслям Ленина в Москве и даже соображениям Маркса в Лондоне прошлого века.

Органы и не разбирались, о какой философии лектор говорил студентам. В местной газете появилась погромная статья. В ней говорилось: «Мы ему посоветовали бы отправиться для проповеди на другой берег».²⁴ Он не хотел на другой берег. Он сосредоточился на новой теории, которую назвал «Религия Творческой Личности», – созидательной деятельности

человека в атмосфере несвободы и защите личности от диктатуры.

Рамки партийных объединений угнетают его. Чей разум и чья совесть нам предлагаются? – размышляет мыслитель. Масовое убийство людей во время террора – во имя революционной совести? И разум, и совесть сейчас так забрызганы кровью, что лучше их не трогать. Вентцель исписывает в Воронеже целую тетрадь, обсуждая с самим собой эту тему.

Все человечество и Россия переживают великий духовный кризис. Задача – освободить молодое поколение от рабства, которым его опутывает взрослое поколение. «Всякая партийность, – рассуждает он, – какая бы то ни было, есть цепь невидимого рабства и должна быть сброшена, если человек хочет быть в истинном смысле этого слова свободным. Всякая партийность суживает человека, сковывает его и порабощает... Надо отказаться от рабства перед какими бы то ни было лозунгами, а подходить к ним свободно, подвергая их постоянному исследованию и пересмотру. Не конкретная действительность должна приноситься в жертву лозунгам, а лозунги исправляться каждый раз сообразно конкретной действительности».

Вентцель предлагает создать Союз борьбы за духовное освобождение человечества – альтернативу партии, ведущей к духовному рабству. Потом вычеркивает слова «борьбы за...» и вписывает «разума и совести». Он говорит об организации, в которой каждый будет уважать свободу других. Наблюдая гражданскую войну, Вентцель цитирует Толстого: «Война есть разрешенное людьми преступление».²⁵

В Воронеже Вентцель объединяет свои статьи, написанные во время революции 1905 года, в сборник под названием «Революция и требования нравственности». Видимо, он читал их аудитории во время своих лекций. Его мысли о правах человека поражают своей непреходящей ценностью. «Я отказываюсь смотреть хотя бы на какую-нибудь личность как на орудие исторического процесса, как на средство в общественной борьбе ввиду достижения какой-либо общественной цели... Я защищаю право каждой личности идти своей дорогою, своим путем, а не тем, который мне приписывает кто-либо другой, хотя бы этот другой было целое общество... Рабская зависи-

мость от общества так же позорна, как и от отдельного лица, и рабство от этого не перестает быть рабством. И никакой исторический период, хотя бы период революции, не может требовать от личности, чтобы она перестала быть личностью, а стала единицей в стаде...»²⁶

Теперь в старых статьях появляются более жесткие вставки: «Если прежние фанатики религиозной веры были одержимы манией спасения людей для царства небесного, то история последнего времени явила нам в сфере политической деятельности образы людей, одержимых манией спасения людей для земного царства и для достижения этой цели, подобно фанатикам религиозной веры, не останавливающимися ни перед чем, перед совершением даже самых ужасных преступлений, которые только загипнотизированным людям могут казаться не преступлениями, а геройскими поступками».

В упомянутом рукописном сборнике, составленном Вентцелем из собственных статей, обращает на себя внимание постановкой проблемы сочинение «Цепи невидимого рабства».

«Если я нашел путь в жизни, который, по моему мнению, приведет к спасению всего человечества, имею ли я право насильно тащить других людей по этому пути?» – спрашивает философ и призывает «обеспечить молодому поколению возможность не впасть в состояние «невидимого рабства», не сделаться рабом внутри, в области духа, имея с внешней стороны облик вполне свободного человека».

В статье не просто призыв, но и анализ ситуации. «Что же заставляет людей соглашаться на подобное рабство? Почему они не бегут его, как чумы? Почему они с такой легкостью продают и даже даром отдают то, что в человеке есть самого ценного, а именно свободную душу, свободную волю, свободный ум и свободное чувство? Почему они этим высшим благом дорожат, по-видимому, менее всего и так спокойно и так легко в состоянии от него отказаться?»

С первого взгляда это кажется странным, непонятным, необъяснимым. Но если вдуматься глубже, то мы увидим, что причина этого явления весьма проста. Причина в том, что люди, отказывающиеся от своей воли и позволяющие опутать себя цепями невидимого рабства, не понимают и не сознают, какое это великое благо – обладать свободною душою».

Впрочем, проблема инакомыслия трудна и приемлема не для каждого.

Раньше Вентцель искал путь мира в разрывающем страну конфликте. «Индивидуализм и социализм не представляют две противоречащие друг другу доктрины», – полагал он. Они дополняют друг друга. Он видел будущую Россию, приближающейся к типу свободного общественного договора. Теперь нет. Он больше не верит в общественный здравый смысл: «Надо выбирать в своей личной деятельности путь наибольшего добра и наименьшего зла». Ах, как нужен был нам этот тезис в шестидесятые!

Большевизация охватывала периферию. Притеснения местной власти стали невыносимы. В 1922 году Вентцель бежит из Воронежа назад в Москву.

Не подходящее для полемики время

После возвращения его допускают к составлению новых программ Наркомпроса. Он пытается спорить по поводу содержания образования в новой школе, требует признания самодержавной воли индивидуальной личности. Мораль должна быть личной, а не стадной. «Всякий авторитет, – объясняет он, – есть отрицание этой воли и потому на самом деле истинным нигилизмом является культ авторитетов, в какой бы форме он ни проявлялся. И с этим культом авторитетов, столь широко распространенным и пустившим столь глубокие корни в сознании современных людей, мы должны бороться во что бы то ни стало для того, чтобы освободить индивидуальную человеческую волю от всякого подчинения».²⁷ Ничего не поделаешь: русский человек, борясь с одним мифом, создает другой.

Чиновники в Наркомпросе, с которыми он беседует, открыто смеются над ним. Все его мысли теперь расходятся с утвержденными. «Школа, – по словам комиссара просвещения Луначарского, – является политическим учреждением, которое устанавливает государство в своих целях».²⁸ И никаких исключений!

Отрицательно относился Вентцель к царской школе. В 1911 году она охватывала 43 процента детей. По данным Нарком-

проса за 23-й год, расходы на образование уменьшились по сравнению с довоенными на две трети.²⁹ Число беспризорных детей в 1922 году составляло 2 миллиона, в 23-м 4 миллиона.³⁰ При этом журнал Наркомпроса бодро рапортовал: «Быстрым темпом развиваются общественные интересы, все глубже внедряется у детей классовое самосознание пролетарской солидарности».³¹

Он все больше уходит в себя. Длинные списки прочитанных книг на четырех языках следуют в его дневнике. Философия, религия, творчество, воспитание – вот его статьи. Он увлекается парапсихологией, думает о связях человечества с Космосом, – может, ищет выход из рабского состояния? Чернила плохие, почти вода, они замерзают, не достать простого карандаша, лист бумаги – на вес золота. Печи топят книгами и рукописями. А он сосредоточенно пишет.

Вентцель полагает, что личности еще долго придется быть искупительной жертвой на путях стремления общества к большей организованности. «Механизация общественных отношений», – записывает он, а затем вдруг (я чувствую это) кричит в дневнике: «Свободные творческие личности, не давайте себя укладывать под убийственный пресс механизации общественной жизни! Боритесь против машинности, которую, как роковое клеймо, стремятся наложить на все стороны жизни, на все ее молодые побеги!»³² Старик, чудака, юродивый – одиночка против тупого механизма, домашний борец с советскими мифами.

Вентцель возвращается к записям своей молодости, снова видя им подтверждение: «Спрашивается, зачем нам мир и порядок в обществе, если ради этого порядка попирается индивидуальный человек! Хорош порядок, в котором вместо свободных людей, следующих своим влечениям и склонностям, своим понятиям о правде и справедливости, мы имеем рабов закона, людей, слепо и беспрекословно подчиняющихся воле большинства». Неужели ничего не изменилось, хотя еще одна эпоха ушла в прошлое? «Каждый человек, – почти полвека назад писал он, – должен быть сам для себя мерилom правды и истины; всякое другое мерило фальшиво, безнравственно и несогласно со свободою индивидуальной личности».³³

Он предлагает новой общественности преобразовать семью на иных началах – равноправия детей и родителей. Советует

организовать Международный союз борьбы за права ребенка. Говорит о необходимости осудить политическое воспитание как форму насилия лиц, временно стоящих у власти, над будущим поколением.

Полуграмотные опролетаренные чиновники Наркомпроса бесцеремонно убрали из его текстов все, что не соответствовало новой линии. Приемлемо было только понимание Вентцелем труда в качестве средства воспитания, и в январском выпуске журнала Наркомпроса «На путях к новой школе» за 1923 год печатают доклад Вентцеля о трудовых школах. Вышло существо его взглядов, вымараны даже невинные мысли об уважении к человеку.

Официальное отношение к Вентцелю постепенно формулируется. Он – «последователь мелкобуржуазной теории «свободного воспитания»... посредством которого... анархически отвергал...» И дальше всё в таком же классовом духе: «Во взглядах сказалась беспомощность... мелкобуржуазной интеллигенции, оказавшейся неспособной понять, выдвинуть и обосновать правильную, подлинно научную систему воспитания детей».³⁴ Подлинно научную систему мы с вами испытали на себе.

Философия свободного воспитания переименована из «мелкобуржуазной» в «буржуазную».³⁵ Потом она стала «так называемой», что в переводе с официального лексикона должно значить «ложная, ненаучная».³⁶

Нужно сказать, что в концепции теоретиков свободного воспитания было уязвимое звено. До революции их широко толкуемые мысли о свободе выгодно было использовать многим партиям, в том числе и стремящимся к диктатуре. За отдельными размышлениями Вентцеля проглядывает утопизм, расчет на то, что через школу можно преобразовать жизнь. «Истинный ключ к прочной и устойчивой реорганизации общественного строя на новых началах – свободное воспитание и образование всех детей без исключения», – цитировал Вентцеля теоретик педагогики В.Зеньковский. И добавлял: «В увлеченности свободой Вентцель переходит границы педагогики, подменяя школу жизнью».³⁷

По трактовке официального советского историка педагогики Ф.Ф.Королева, «не понимая того, что после победы... революции появились новые общественные условия для создания

подлинно свободной школы, В. продолжал некоторое время отстаивать идею «автономии» школы от государства и проповедовать аполитичность воспитания». ³⁸ «Некоторое время», потому что его просто перестали публиковать.

Средств к существованию нет. По вторникам и пятницам от семи до девяти вечера в Доме отдыха ветеранов революции имени Ильича проходят «Вечера интимной музыки пианиста К.Н.Вентцеля». Молча играть, доставляя ветеранам революции удовольствие, ему разрешают. Он просит у дирекции бесплатный трамвайный билет: пианисту не на что доехать к месту звучания интимной музыки.

Без особой надежды он в который раз просит допустить его читать лекции во 2-м МГУ – и снова следует отказ. Он не удивляется: «Нами еще владеет и дух самодержавия, и бюрократизма, и дух феодализма, и крепостничества... дух каннибализма и людоедства, дух разрушения, мести, безумного мучительства, наслаждения чужими страданиями». ³⁹

Западный философ и педагог, с которым я сравнил бы Вентцеля по размаху и глубине, – Джон Дьюи. Оба сверстники и прожили почти что век (Вентцель 1857-1947, Дьюи 1859-1952), хотя не увиделись. Оба отличались от коллег тем, что серьезно прилагали свои воззрения к опыту. А посев новой философской идеи в воспитании представляется наиболее плодотворным процессом. Без этого нет педагогической науки, и никакой идеологией ее не заменить.

У Вентцеля было что сеять, но в период наивысшей зрелости он лишен поля. Наркомпросу мешает самомыслящий философ. В 1928 году Дьюи, на которого навесили такой же ярлык идеалиста, приехал в СССР, и от американца скрыли, что его русский единомышленник жив. Между тем, идеи их обоих по части трудового воспитания широко использовались – со ссылками на Ленина и Крупскую.

В это время Вентцель хочет выйти за пределы соцвоса, заменившего педагогику, выдвигая альтернативу – *космическую педагогику*, в которой человек – часть Вселенной. В тетрадах, наедине с собой, он размышляет о слиянии личности с космосом. Бесплодная фантазия – результат отворачивания к реальности, которая представляется Вентцелю ужасной. Но его идеалы не померкли.

Перечитывая десятки сочинений философов на четырех языках (берет он их в Румянцевском музее – тогда они еще выдавались всем), он составляет перечень качеств, необходимых творческой личности. Он сочиняет «Марш человечества». Он ищет пути сохранить единственную ценность, которая у него не экспроприрована, – ум. Ведь еще в 1884 году, за год до ареста, молодой правдоискатель Вентцель написал в дневнике: «Если правды так мало вне нас в настоящем, то пусть, по крайней мере, она будет внутри нас».⁴⁰ После Октября, когда от правды осталось одно название газеты, он старался не изменять этому принципу.

Среди дневниковых записей в старой бухгалтерской книге, разрезанной поперек надвое, находим: «В настоящее... время речь может идти только о максимальном творчестве, допускаемом данными условиями жизни и данной средой».⁴¹ Как заниматься философией, науками? «Сейчас каждая из них пребывает как бы в отдельной камере».⁴²

Он готовится к написанию работ, которые еще десять лет назад не показались бы ему заслуживающими серьезного труда. Полемизировать с временщиками было абсурдом. Вред человечеству столь очевиден, что у них не было шансов на успех. И вот они удержались у власти.

«Одно несомненно, – записывает он в тетрадке с надписью «Личное», – что большевизм не есть последнее слово ни русской, ни всемирной истории, что самое большее, он есть последний урок того, какими методами социализм не следует строить, какие приемы осуществления социалистического строя на Земле ведут только к дискредитированию этого строя, отсрочивают и замедляют его осуществление. Ах, как я хотел бы сейчас быть в курсе того, что действительно творится на белом свете, а не быть вынужденным рассматривать все явления общественной жизни только через сильно окрашенные большевистские очки... В изучении истории и общественных явлений мы должны были за 70 лет далеко уйти вперед и многие из положений Маркса, при пересмотре и проверке их, могут оказаться ошибочными... Такие догматы наделали человечеству много вреда, пагубное влияние преклонения перед ними продолжает сказываться и теперь и, вероятно, будет сказываться еще долгое время». Чуть ниже Вентцель защищает теоретика

от практиков: «Вероятно, сам Маркс отмежевался бы от тех форм, какие приняло это учение в большевистской теории и практике».⁴³

В одной из тетрадей семидесятилетнего Вентцеля находим его выписки из 10-го тома первого издания Большой советской энциклопедии, где написано про него самого. Неожиданно старика задевает за живое обвинение в идеализме, в том, что он не принимает классовой борьбы.

Время для полемики неподходящее, но они сами подтолкнули к ответу. Конечно, к ответу в одном экземпляре, только для себя и для потомков. Тем не менее Вентцель принимается за анализ основы основ, за неприкасаемое. Сейчас об этом написаны горы. Но почитаем Вентцеля исторично, то есть будто мы с ним находимся в Москве в конце двадцатых – начале тридцатых годов. Смотрите, как изящно он препарировал тушку большевизма.

«Теория диамата — идеалистическая»

Когда часть интеллигенции все еще с восторгом шагала по Красной площади под мифическими лозунгами, философ берет за разоблачение главного мифа XX века – марксизма и его русской версии. «Нужно понять большевизм как историческое явление, где его корни и где причины его успеха, – пишет Вентцель, – и следует проследить его возможную и вероятную эволюцию: во что он в конце концов выродится, к чему приведет?»⁴⁴ Задавшись вопросом, философ рассматривает явление, осуществленное в 1917 году. Теперь, видя, к чему всё пришло, открылась возможность оценить соображения Вентцеля.

«В большевизме мы имеем социализм в его догматической форме, социализм, упорно склоняющийся во всех падежах имени Маркса и Энгельса и их продолжателя и истолкователя Ленина. Это социализм, лишенный элементов развития, социализм замаринованный, социализм, принявший характер церкви с ее профессиональными патентованными жрецами и непогрешимыми пророками и со всеми теми недостатками, которые хранит в себе всякая церковь. Это социализм, в котором

отсутствует великая истина и подлинная критика мысли, стремящаяся к открытию объективной истины, к чему бы это нас ни привело. Здесь уже наперед даны известные определенные схемы и исходные точки времени, которые затем уже никогда не подвергаются пересмотру, а считаются незыблемыми... Большевиком являет нам социализм, зашедший в тупик, повторяющий зады и топчущийся на месте со своей ветхозаветной библией – сочинениями Маркса с Энгельсом, и со своим евангелием – сочинениями Ленина. Каждое слово этих учителей свято и непреложно, не подлежит отмене, а только толкованию».

Вентцель конспектирует труды по диамату и анализирует позиции основоположников. Он пишет свои замечания к теории диамата. Из неопубликованной работы приведем рассуждения Вентцеля по поводу небезызвестной четвертой главы «Краткого курса истории ВКП(б)», которую «прорабатывало» несколько поколений советских людей.

«Вполне соглашаюсь с теорией диамата, – говорит Вентцель, – что при решении всякого вопроса надо исходить из самой объективной действительности и брать все стороны последней в их взаимной связи и развитии. Действительно, только таким образом, т.е. беря аспекты жизни в развитии и во взаимной связи друг с другом, мы будем в состоянии раскрыть и те действительные, а не мнимые законы, по которым идет это развитие. Но отсюда еще никоим образом не следует, что такой подход к вещам и явлениям жизни будет являться самым последовательным материализмом».

По мнению философа, понятия живой действительности и материальности отнюдь не покрывают друг друга. Понятие действительности шире. «Не только материальные вещи и материальные процессы мы можем считать действительностью, но таковыми являются процессы сознания, мысль, чувство, воля, сознательная деятельность, направленная на достижение тех или других целей, которые себе ставит личность, и вообще все факты психического порядка. Стоять на точке зрения действительности – отнюдь не значит быть материалистом. Примером может служить хотя бы Дюринг, который называл свою философию «философией действительности» и, однако, являлся антиподом основоположникам диамата Марксу и Энгельсу».

Вздором считает Вентцель утверждение, что всякая наука и философия выражают интересы определенного класса. На практике, конечно, трудно освободиться от предвзятой точки зрения той или иной национальности, класса или партии, и мыслитель должен делать усилия к свободному сведению искажающих влияний до минимума. «Но когда предвзятость возводится в принцип и должна стать требованием для научного работника и философа, – считает Вентцель, – надо в высшей степени подозрительно относиться к продуктам их деятельности. Можно быть заранее уверенным, что их наука и философия являются оправданием... партии, взявшей на себя монополию быть единственной истинной защитницей их интересов, и даже вождей этой партии».

Было время, когда наука и философия были служанками теологии. «Теперь мы, по-видимому, переживаем время, когда их хотят сделать служанками политической партии, когда рабство науки и философии снова возводится в принцип». Но, уверен Вентцель, человечеству «нужна не буржуазная или пролетарская, а свободная наука и философия, отрешившаяся от всяких предвзятых точек зрения и заинтересованная только отысканием одной объективной истины, а не искажением ее в угоду и на пользу той или другой политической партии».

Почему же диамат оказался столь прилипчив? «Диамат, – пишет он, – есть философская система, которая является особенно пригодной для тех политических партий, деятельность которых носит противоречивый характер. Никакая другая философия не может в такой мере оправдать деятельность этого рода политических дельцов, как именно философия диамата. Это также объясняет, почему партия, которая получила господство в нашей стране, так держится за эту философию, базируется на ней и стремится сделать ее основой политического и морального воспитания молодежи».

Поведение человека, согласно диамату, строится также на противоречиях, считает Вентцель. Противоречием в основе нравственной деятельности может быть противоречие между средствами и целями. Чем более они противоречат, тем больше нравственно развивается человек. Отсюда просто необходимо применять средства, как бы отрицающие цель для достижения высокого нравственного ореола. Политика вообще, которая

является прикладной этикой и которая отрицает царящие в мире тенденции к единству и гармонии, вносит раздор и борьбу. Это политика вооруженного военного лагеря, в котором «если враг не сдается, его уничтожают». Это «политика захвата власти, насилия, диктатуры, вражды, ненависти».

Вентцель полагает, что диалектические материалисты (сокращенно – диаматисты) вместо того, чтобы напирать на положительную сторону процесса жизни и эволюции, на утверждение и творчество, делают особенный знак ударения на отрицании, уничтожении, борьбе, оставляя все положительное, творческое в тени.

Один из основных просчетов Маркса и Энгельса, считает он, взятие за основу Гегеля, хотя и поставленного с ног на голову. «Понимаете ли вы хоть что-нибудь, – вопрошает Вентцель, – когда вам говорят о взаимопроникновении противоположностей, которые Ленин по стопам Гегеля называет тождеством противоположностей? Дж.Г.Льюис в своей «Истории философии в жизнеописаниях», говоря о системе Гегеля, спрашивает: «Можно ли видеть в ней что-либо, кроме примера, до чего философия способна заблуждаться?» Он же говорит, что логика Гегеля очень похожа на логику сумасшедших».

Вентцель приходит к своему главному выводу: по существу *теория диамата – идеалистическая*, не имеющая отношения к тому, что делается. Отсюда и неизбежность раздвоения сознания. По Вентцелю, марксисты напоминают читателей «Тысячи и одной ночи»: человеку, погрузившемуся в мир сказок, начинает казаться, что это – подлинная реальность.

Кто же прав, или, лучше сказать, более объективно оценивает мир – материалисты или идеалисты? Вентцель считает, что «не прав как чистый материализм, который утверждает, что только бытие определяет сознание, что сознание является производением внешнего материального мира, так и чистый идеализм, который, наоборот, утверждает, что только сознание определяет бытие, что внешний мир мы должны считать производением духа, нашего сознания».

Диаматисты утверждают, говорит Вентцель, что корни идеализма лежат в классовой организации общества, что идеализм выражает интересы эксплуататорских классов. С одинаково-

вым и даже большим основанием это можно сказать относительно материализма. Материалистическая философия XVIII столетия являлась прекрасной идеологией для буржуазного общества. И только тогда, когда Маркс и Энгельс вступили в незаконное сожительство с самой крайней философией абсолютного идеализма, когда плодом этого сожительства явился диамат, только тогда материализм стал философией, но и эта пролетарская философия, поскольку она является материалистической, насквозь проникнута буржуазным духом.

Вентцель считает, что уместнее было бы говорить об активности и пассивности философии, чем о материализме и идеализме. Это в данном случае лучше отвечает сути и целям тех, кто ей следует. Вот почему наступит время, когда диамат умрет как философия рабства.

«Основоположники диамата Маркс и Энгельс не могли придумать ничего лучшего, как выставить лозунг диктатуры пролетариата. А что такое диктатура пролетариата как не повторение диктатуры буржуазии? И притом подражание, чреватое многими гибельными последствиями. Вместе с диктатурой приходится усвоить и много других скверных учреждений, которые изобрела буржуазия. А кроме того, фатальный ход вещей приводит к тому, что диктатура пролетариата в действительности вырождается, как это показывает ход революции в России, в диктатуру над пролетариатом, в диктатуру партии, присвоившей себе патент быть единственной истинной защитницей интересов пролетариата, и даже в диктатуру одного лица, являющегося вождем партии, т.е. в самодержавие».

Приговор Вентцеля марксизму-ленинизму был окончательным и обжалованию не подлежал. Но... и оглашен не был. Для публикации следовало десять лет назад бежать в Европу вместе с Бердяевым. А какой выход оставался у него в середине тридцатых, когда ему было уже под восемьдесят?

Вместо культа Сталина культ... Ребенка

Из сложившейся в России ситуации домашний философ давно стремился найти какой-нибудь выход, понять, в каком направлении двигаться. Результатом размышлений сперва ста-

ла небольшая, около полусотни страниц, рукопись «Три революции (политическая, социальная и духовная)».

В ней Вентцель цитировал немецкого философа Макса Штирнера, который заметил, что Великая французская революция превратила ограниченную монархию в абсолютную, неограниченную. По Штирнеру, свобода после революции означает, что свободно государство в своей власти над личностью, свободна сила, господствующая надо мной и угнетающая меня. Освобождение государства есть превращение меня в раба.

Вот почему, исходя из реальности и (судите его опять за наивность) надеясь, что еще не все потеряно, Вентцель полагал: следом за актом политическим, то есть самим переворотом, и социальными мероприятиями должен прийти третий шаг. «Я уже чувствую, как меня кругом со всех сторон обступают скептические Пилаты», – ворчит он. Он призывает к духовной революции, так как после той революции образовалось «пустое место».

Вместо принципа всех предыдущих революций «Цель оправдывает средства» Вентцель выдвигает принцип духовной революции: «Средства оправдывают цель». По его мнению, необходимо очеловечить «многоголовое чудовище, называемое по-английски *mob*. Революция духовная, говорит он, есть дело тех, кто осознал себя как личность. Философ снова превращается в просветителя нации, сыном которой он является. Он поясняет: «Духовная реформа или революция могла бы быть еще названа культурной или педагогической, так как здесь существенную роль играет преобразование строя существующей культуры и системы воспитания и образования подрастающего поколения».⁴⁵

Скажем теперь с сарказмом: глас его был услышан. Культурная революция свершилась сначала в СССР, а затем в Китае. Способствовали ли обе эти революции духовному освобождению?

По мнению Вентцеля, властители в области духа создают наиболее ужасные формы рабства. Вся современная культура – культура «внешне дрессированного человека» и касается главным образом материальных форм существования.⁴⁶ Это писал он еще до революции. Опыт умножился на тоталитарный, советский, и Вентцель возвращается к поиску средства для ду-

ховного освобождения. Это философский трактат «О внутреннем рабстве», написанный в 1925-34 годах и звучащий актуально по сей день.

«Возьмем политическое порабощение, – говорит он. – Господином здесь является «государство», в лице того или другого «правлящего класса», воля которого выражается в ряде тех или других законов и распоряжений, опирающихся на эти законы. Эта воля есть та чуждая личности и посторонняя ей воля, подчиняться которой она вынуждена под угрозой тех или других наказаний или материальных лишений. Что здесь мы имеем дело с рабством, в этом не может быть никакого сомнения...»

Как же вести себя человеку в условиях государства «икс»? Есть ли шанс остаться личностью? Всегда от самого человека зависит – быть рабом или свободным, и если он предпочитает рабство, значит он хочет быть рабом. Вентцель полагал, что и в Америке существует разрыв между Декларацией Независимости и Конституцией, что виновна плутократия.

Существуют, по Вентцелю, три типа людей, находящихся в духовном рабстве: 1) люди, подменяющие свою волю тем или другим диктуемым чувством (честолюбие, властолюбие, сладострастие, трусость, страх); 2) люди, действующие под влиянием мысли или идеи (одержимые); 3) люди, подменяющие свою волю волей другого человека, или коллектива (господина), или идеи государства, национальности, партии, класса.

Механизм порабощения, считает этот философ, действует через учреждения или общественные организации: семью, государство, профсоюз, партию. В коллективе два вида психических взаимоотношений: автоматизм, ведущий к рабству, и творческая активность как путь к духовной свободе. Побеждает начало, которое сильнее.

Как только философ переходит к практике, его советы (впрочем, не только Вентцеля) звучат значительно менее весомо. Он предлагает средство защиты от духовного порабощения: содействовать усилению, укреплению и развитию творческой активности духа в себе самом и в окружающих нас людях.

Воля – то оружие, которое может превратить раба в свободного. Воля – главенствующая и опережающая прочие субстанции человеческого существования. Воля как решающая и

всепобеждающая сила. И, ограничив таким образом себя, Вентцель сразу становится незащищенным от стрел оппонентов. «Представим себе, – пишет он, – что идея государства лишится своего обаяния среди всех людей, что все люди поймут, что в лице государства они имеют господина, и политическое рабство рухнет само собою».⁴⁷

Воля работает только до тех пор, пока речь идет о внутреннем рабстве. Но достаточно ли ее, когда возникает проблема свободы общества? Вентцель и сам не раз страдал от отсутствия свободы и так же страдал от навязанной ему коллективной воли других. Те, кто *отстранил* его от общественной деятельности, заявили, что он отошел от нее, – вот и вся «воля».

В детстве, считал Вентцель, формируется будущий явный или тайный раб или же истинно свободный человек. В тридцатые годы педагогика в СССР сделалась дисциплиной, разъясняющей постановления ЦК. Задачей просвещения стало не воспитание личностей, а «борцов за» и «борцов против».

Идея Толстого и Вентцеля учить в свободной школе труду была реализована Крупской и Макаренко в виде принудительной детской трудовой колонии. Начался долгий период установления единообразия в советской школе. Экспериментаторы обвинены в левых и правых уклонах и частично арестованы, оставшиеся призывают разжигать в школе классовую борьбу. Наркомпрос под руководством А.С.Бубнова превращается в филиал НКВД, но и сам Бубнов заканчивает жизнь на Лубянке.

Вентцеля уже вовсе невозможно представить себе вписанным в кресло наркомпросовского ученого: «Сейчас воспитание имеет скованный, несвободный характер, принимает вид дрессировки и одностороннего развития человеческой личности в виду тех или других целей практической жизни или требований, вызываемых современным состоянием общества».⁴⁸ Надо спасти детей от власти, но как?

В разрушающемся обществе философ призывает к культу личности, – не в значении, которое появилось четверть века спустя (культ диктатора), а к *культу человеческой личности*. Начать Вентцель предлагает с *культы Ребенка*. «Истинным спасителем человечества, который принесет ему новую жизнь, освобождение от всех давящих ее цепей видимого и невидимого рабства, явится не гражданин и не рабочий, а ребенок, которо-

му дадут, наконец, возможность свободно и всесторонне развиваться и становиться творческой личностью, чувствующей свое родство и единство с человечеством и миром».⁴⁹ Вентцель всегда пытался воспитывать человека, помня о его высшем назначении во Вселенной, а не на утилитарной службе хозяевам одной шестой земного шара.

Следуя своим убеждениям о свободе воспитания, он начинает сочинять дополнения, которые необходимо внести в опубликованный проект сталинской конституции. Смысл этих дополнений – помочь детям избежать всего, имеющего авторитарный характер, отдающего сектантством. Он предлагает пункт об отделении школы от государства. Пишет письмо в редакцию «Известий». Ко Дню конституции он рекомендует отменить смертную казнь, открыть тюрьмы, доказывает необходимость амнистии всем, находящимся в местах заключения. А это 1936-й, и велик риск вот-вот оказаться там, откуда он просит вызволить других.

Происходящее продолжает подтверждать мысль, высказанную им раньше: на школе «в значительной степени лежит грех духовного вырождения человека».⁵⁰ Ему тяжело. «Уж слишком меня угнетает окружающая действительность, являющая собою не жизнь, а какие-то сумерки жизни, это всеобщее идолопоклонство, всеобщее затмение умов, эта стадность, раболепие и беспредельные, разлившиеся широким потоком ложь и лицемерие. На наших глазах разыгрывается какой-то фарс, чтобы ослепить, поразить, вызвать изумление, а даже умные люди этого не замечают и принимают за нечто серьезное».

Жизненные реалии не дают ему оснований для оптимизма. Коммунальная квартира, в которой он живет, перенаселена, в сущности, ночлежка. Ему негде писать, настроение тяжелое. Нет денег отдать рукопись машинистке. И все же этот всем мешающий старик живет напряженной духовной жизнью.

Записная книжка его мелко исписана и затерта так, что я с лупой, по буквам смог разобрать слова. Он носил эти записи в кармане и спал с ними, боясь потерять в хаосе коммуналки. Полностью отключив себя от участия в общественной жизни, он советует это сделать и другим: бойкот, отказ от покупки их книг, непосещение собраний, где заведомой целью является духовное рабство.

Ему 79, у него упадок сил. Собственные его дети воспитывают внуков насилием, и это, как он исповедуется в дневнике, добавляет ему страданий. В семье частые ссоры. Он чувствует, что мешает детям. У них другая жизнь, свои, непонятные ему заботы. Соседи по коммуналке считают его психом. Дочь Вера запрещает внукам играть с дедом, говорит им, что он не человек, а мерзость. Это делается при нем. Ему кажется, внуки его избегают. Лишний человек советской эпохи. Теперь он мечтает уехать. Но куда и как?

Год полного молчания. И он снова берет себя в руки: «Но не буду терять надежды. То, что является главным делом моей жизни, я должен довести до конца».⁵¹

Глас вопиющего

Он задумывает писать «Похвалу рабству», подобно Эразмовой «Похвале глупости», – о рабах с почетными именами и методах освобождения от цепей невидимого рабства. Звенья этой цепи – всякие *измы*.

До войны Вентцель жил рядом с нашим семейством на даче у станции Битца, под Москвой. Я был мал и не знал, что за старик играл со мной и что-то советовал моим родителям. Мне нравилась тяжелая цепь со старинными серебряными часами у него на груди. На единственной найденной мною фотографии он в полосатой куртке, напоминающей арестантскую робу, которую он сшил себе сам.

Четверть века спустя отец мой рассказывал, что Константин Николаевич убеждал его и мою мать в необходимости свободного воспитания меня и сестры. Теперь я узнал: он в то лето напряженно работал над трудом «Эволюция нравственных идеалов». Не закончил, но начал разбираться в революционной мифологии. Вот несколько отрывков из этой рукописи.

«В сфере политических отношений, – пишет Вентцель, – идеализация является одной из тех точек опоры, на которых держится режим политической опеки. Идеализация правительственной власти, вера в ее силу, могущество, непогрешимость обуславливает пассивность граждан в политическом отношении, делает из них вместо свободных граждан рабов прави-

тельства. Нет ничего опаснее того заблуждения, в силу которого мы надеемся всецело на мудрое правительство и ждем от него всяких изменений к лучшему». ⁵²

Вентцель обращается к истории и доказывает, что правительство вовсе не является мудрым и далеко не всегда стоит на страже справедливости. «Ни один гражданин не должен слепо верить в ту власть, в подчинении у которой он находится, и представлять ей всецело заботы о своей судьбе и судьбе своих сограждан. Только вера в собственные силы, которая может быть воспитана при режиме политической свободы, требующем, чтобы каждый гражданин принимал то или иное участие в управлении государством, может поставить народ на правильный путь политического развития».

В области политики, полагает философ, каждому должен быть обеспечен наибольший простор творческой самостоятельности: каждый, будучи управляемым, должен являться также той или другой частью государственной власти. Чтобы обеспечить политическое творчество для каждого, Вентцель предлагает как можно шире провести децентрализацию, самоуправление возможно более мелких общественных единиц. Ячейку будущего государства должны составлять небольшие самоуправляющиеся общины, потребностями которых должны определяться пределы централизованной власти.

В нормальном обществе – и это актуально сегодня – Вентцель видит самую широкую централизацию рука об руку с самой широкой децентрализацией. «Избыток централизации, сосредоточение власти в немногих руках с устранением всей остальной массы от всякой политической деятельности или ведет к воспитанию полной политической пассивности и приниженности, или толкает граждан на путь тайной революционной работы. Творческие силы личности, не находя себе исхода в открытой, свободной, обеспечиваемой законами политической деятельности, ищут себе исхода в подпольной работе. Чем сильнее политический гнет, тем последовательней проводится принцип политической опеки, тем острее и интенсивнее революционное брожение, тем более деятельность некоторой доли общества принимает боевой характер, тем неизбежнее становится катастрофа, угрожающая государству. Революция, как тень, всюду следует за режимом политической опеки, и чем

невыносимее и сильнее становится первый, тем выше поднимает и она свою угрожающую руку. Если власть не хочет пойти ни на какие уступки, если она не хочет ограничить сама себя, то революция становится неизбежной».

Вентцель намечает в общих чертах, как создается политическая мифология, которая тормозит прогрессивное развитие жизни. Ее типы: 1) идеализация государства вообще, 2) идеализация правительства, власти, 3) идеализация режима неограниченной монархии, 4) идеализация парламентарных форм правления. В СССР все четыре типа сожительства существовали вместе.

«Надо заметить, – прибавляет он, – что идеализация парламентаризма может быть столь же опасной, как и идеализация неограниченной монархии. И то, и другое приводит нас к политической метафизике. Истинная политическая наука должна вскрыть тайну политических отношений, должна представить вещи так, как они действительно существуют, без всяких подкрашиваний. Она должна уничтожить политические иллюзии и свергнуть с пьедесталов ложных политических богов. Политика должна занять по отношению к этике подчиненное, служебное положение». Другими словами, полагает он, политику следует преодолеть этикой.

«Быть может, самое опасное из всех заблуждений – считает Вентцель, – это вера в могущество политики, вера в то, что политика может все совершить. Правда, политикой можно достигнуть многого, но далеко не всего, и без твердого этического фундамента политика не приводит ни к чему хорошему. Единственная творческая сила, созидаящая новый порядок вещей, это этическое воспитание, и должно иметь в виду созидание таких общественных учреждений, такого политического строя, которые воспитали бы этически возможно большее количество людей».

Как видим, политические задачи Вентцель подчиняет задачам воспитательным. На политический строй, на государство он смотрит как на громадную школу, в которой воспитываются все люди. «Только подобный взгляд на задачи политики, – поясняет он, – дает возможность поставить ее на правильную почву. В этом отношении сильно погрешают против истины крайние революционные партии: они думают, что достаточно захватить политическую власть в свои руки и декретировать

идеальный порядок вещей, чтобы наступило идеальное состояние человечества». Вера в то, что путем декрета, путем акта законодательной власти можно создать все, должна быть, по мнению Вентцеля, оставлена.

В тюремной стране он писал о том, что политические задачи государства должны подчиняться задачам воспитания. Это вытекало из всей концепции Вентцеля: политика, как и педагогика, являются частью этики. А если не являются, можно ждать чего угодно. Трагедия России состояла в отсутствии сильной, аргументированной критики большевизма. Вакуум заполнялся демагогией. Вентцель был одним из немногих философов, кто *критиковал*. Один из интеллигентнейших просветителей, рожденных Россией, он не опубликовал свои работы, и тем не менее сегодня его место по праву рядом с крупнейшими мыслителями, победившими коммунистический миф.

Общий объем тайно написанного Вентцелем в стол огромен. Мне удалось прочитать около двух тысяч страниц. А ведь попади тогда к стукачу-соседу по коммуналке одна его строка – автора стерли бы в пыль. У меня хранится зеленый листок диковинного дерева, засушенный Вентцелем в своем дневнике семидесятых годов прошлого века. А мысли его – целое живое дерево, они актуальны и сегодня.

В своей «Эволюции нравственных идеалов» он цитирует Владимира Соловьева: «Мы знаем, что добра нет в мире, ибо мир весь во зле лежит; нет добра и в самом человеке, ибо всяк человек ложь...»⁵³ Поразительно, что сам Вентцель, прожив затворником лучшую часть жизни, не стал циником. Лишь с грустью писал, что нравственность в истинном смысле – очень нежный и редкий цветок, который распускается при счастливом стечении обстоятельств: «Человечество в нравственном отношении переживает период детства, самое большое, отрочества, и ему еще далеко до зрелого возраста».

Перечитываю я эти строки, возвращаясь из Москвы в Сан-Франциско. Может, Вентцель прав?

АЛЕКСАНДР КУПРИН В ДЕГТЕ И ПАТОКЕ

В некотором царстве, где юбилеи были неотъемлемым, а подчас и единственным украшением повседневной жизни, одну дату в переходном 1988 году, когда сказать уже кое-что можно было, не отметили. Забыли? Не могло того быть. Имелось специальное учреждение, которое дозволенные юбилеи предвосхищало и указывало градацию политической полезности: «Календарь знаменательных и памятных дат».

Эта дата осталась памятной, но не знаменательной, не ко времени. Знаменовала то, что не хотелось вспоминать, вот и сделали вид, будто не вспомнили. В советском литературоведении ветер как раз переменял направление. Из черного списка в белый стали переходить отдельные запретные ранее на родине писатели. Классик, обозначенный в заглавии, пятидесятилетие со дня смерти которого исполнилось тогда, особый. Нерешительность продемонстрировала пределы на тот момент дозволенного, некоторую растерянность и, хочется думать, чувство вины перед ним. Александр Иванович Куприн давно был разрешен, только правда о нем оставалась половинчатой, сокрытой.

Помню, в старинном пособии для домовладельцев прочитал о полезном изобретении русского умельца. Как сделать, чтобы петухи не начинали кукарекать рано, не будили хозяев? Для этого над шестком, где петухи спят, надо натянуть проволоку. Взмахивает петух спозаранку крыльями, вытягивает шею,

чтобы приветствовать восходящее солнце, а тут ему проволока. Ударился и кукарекнуть не смог.

Перед российской наукой о литературе возникла сложная проблема. О чем писать стало можно, а о чем нельзя? Момент важный, ведь фотография бывает цветная и черно-белая. Нет фотографии только белой или только черной. Отечественному же литературоведению (не касаясь всего остального) на нашем веку пришлось быть и только белым, и только черным, а пуще всего ярко-красным. До многоцветного путь долог.

Даже официально признанных русских классиков советский читатель знал с искаженными биографиями и весьма произвольным толкованием их произведений, не всегда или не полностью к тому же опубликованных. Три четверти века под запретом были многие области культурного наследства. Многие в архивах безвозвратно исчезло.

Оглянемся назад. Попробуем беглым взглядом окинуть историю советского куприноведения, творчество отечественных биографов Куприна.

«Наш» или «не наш»?

Советская критика не обходила вниманием его жизнь и творчество. Хорошо это для авторов или плохо, многих других десятилетиями замалчивали, будто их на свете не было, Куприна – никогда. Но взгляды и деятельность писателя освещались на разных этапах по-разному.

Первым Куприна взвесил и оценил разъездной агент «Искры», которого Ленин назвал одним из «главных писателей-большевиков».¹ Это был Вацлав Воровский, печатавшийся под экзотическими псевдонимами Жозефина, Фавн и Профан. Позже недоучившийся инженер Воровский стал именоваться «одним из создателей марксистской художественной критики в России».² Есть все основания назвать Жозефину-Фавна-Профана одним из первых советских куприноведов, научный метод которого весьма прагматичен и, я бы сказал, целеустремлен.

Взятый у Ленина, этот метод оценки явлений литературы стал впоследствии универсальным, обеспечивая по сей день бесхитростное просвечивание любых произведений искусства.

Он был записан и в уставы творческих союзов, например, в устав Союза писателей СССР. Суть его – польза для дела партии в данный момент.

Куприн-прозаик в жестких и нелицеприятных тонах описывал окружающую его «буржуазную» действительность. В «Поединке» обнажил, в «Яме» разоблачил, в «Молохе» осудил, в «Анафеме» пригвоздил. К тому же Куприн до революции печатался в издательстве «Знание», руководимом Горьким. Это дало основание Воровскому одобрить Куприна с точки зрения его приемлемости для пролетарской революции.

Хотя Воровский и пожурил Александра Ивановича за то, что в его произведениях звучит отвратительный «общечеловеческий гуманизм», а классового подхода к явлениям нет, все же, по мнению разъездного агента «Искры», у Куприна можно разглядеть прогрессивную «борьбу новых социальных начал».³

Благожелательное отношение большевистской печати тех лет к Куприну объясняется и тем, что он после революции сотрудничал с издательством «Всемирная литература», а в декабре 1918 года с помощью Горького писатель попал на прием к Ленину с предложением издавать для деревни газету под названием «Земля». Предложение было принято, но, как тогда писали, не состоялось «по техническим причинам». Просто большевики еще не могли прибрать к рукам всю печать, не было ни станков, ни бумаги. Печатники, наиболее квалифицированная часть рабочего народа, столь нужная партии, были против большевиков.⁴

Вторым ответственным партийным критиком творчества Куприна стал Анатолий Луначарский. Нарком просвещения требовал от художника связи с рабочим классом, которая у Куприна отсутствовала. В этом плане Куприну предстояла перековка, выработка цельного мировоззрения. Основные суждения Луначарского похожи на аргументы Воровского.

Когда Куприн стал редактором газеты «Приневский край», которая издавалась при штабе белой армии Юденича, а затем уехал в Хельсинки и переселился в Париж, отношение к его творчеству в советской литературной критике меняет знак «плюс» на «минус».

Оказывается, никаких прогрессивных начал, упомянутых выше, не было даже и в дореволюционном творчестве писате-

ля. В жизни у Куприна, по мнению советских биографов конца двадцатых – начала тридцатых годов, имелись две возможности реализовать себя: революция 1905-го и Октябрьская. А у него не хватило сознательности «примкнуть». В результате в произведениях «искажался облик социал-демократической интеллигенции».

Куприн, не ведающий об играх в Москве, без цензуры пишет прозу и публицистику, печатается, скушает, как все нормальные люди в мире, по местам, где родился, стал известным писателем и куда ему, в отличие, скажем, от Тургенева, доступ закрыт. Материальные трудности переносит с юмором: «Когда меня спрашивают, как поживаете? – я отвечаю: слава Богу, плохо».⁵ Возвращаться не думает, даже относится к этому весьма иронически. «Но что я умею и знаю? – пишет он М.К.Куприной-Иорданской. – Правда, если бы мне дали пост заведующего лесами советской республики, я мог оказаться на месте».⁶

А в Москве тем временем Куприна (будто он подотчетен агитпропу) обвиняют в «социальной слепоте», «эпигонстве», «мелкотравчатости», «тупой покорности» (цитирую лишь малую часть выражений критики). Мастера упрекают в том, что он до революции «нигде не отметил роста пролетариата», а после революции «никак не откликается на боевые выступления масс». Оказывается, у Куприна (в тех самых произведениях, которые еще недавно столь высоко оценивали Воровский и Луначарский) литературные сыщики выследили теперь наличие «реакционной пошлости... проповеди под Ницше».

Крупный большевистский критик и редактор Александр Воронский написал статью о Куприне, который был пунктуальнейшим «деталеведом», под заглавием «Вне жизни и вне времени». Критика не злобная, как у других авторов, но, я бы сказал, жесткая, как тогда было принято. Воронский – непростая фигура тех лет, весьма умеренная на фоне других, но приговор Куприну был им вынесен недвусмысленный. Выстраивалась идеологическая стена между эмиграцией и советской литературой. Сам Воронский стал жертвой такой же травли, и даже в семидесятые годы его продолжали обвинять в том, что он «отрицал гегемонию пролетариата в области искусства».

В журнале «На литературном посту» (славное полувоенное название) от 1926 года имеется программная статья «Куприн-политик». Автор ее, Борис Волин, – примечательная и незаслуженно забытая фигура. Шеф отдела печати Наркомата иностранных дел, Волин вскоре стал главным цензором СССР – начальником Главлита и по совместительству директором Института красной профессуры, после чего сам присвоил себе звание профессора.

Поистине, классовая борьба с шестидесятилетним Куприным, мирно живущим в Париже, возводится в ранг важнейших внешних задач советского государства. В скулодробительной статье о Куприне критик М.Морозов установил: «Понятия Куприна о добродетели и красоте не выдерживают критики». И пояснил: у него в произведениях нет «женщины-общественницы», а есть «пленительные самки», у писателя «нездоровый скептицизм и идеологический дурман». Куприн, «сделавшись наиболее заклятым врагом советской России, в своих злобных нападках на нее опускается до самого оголтелого черносотенства».⁷

Всему этому советский читатель должен был верить на слово. Имя Куприна в эти годы внесено в списки Наркомата просвещения, рассылаемые в библиотеки: его книги предлагалось сжигать. Централизованным уничтожением вредных изданий, включая сочинения Достоевского и Куприна, руководила заместитель Наркома просвещения по библиотечному делу Надежда Крупская. Другим заместителем этого наркома одно время был уже упомянутый Волин. Литературоведение черпало вдохновение не в сочинениях классиков, а в полицейских списках.

Из «анти» — в советского

Неожиданно для читателей потоки брани в адрес Куприна исчезают со страниц советской прессы. На некоторое время он перестает существовать. Затем, весной 1937 года, советская литературная критика снова меняет знак, теперь «минус» на «плюс». Куприн возвращается в Москву.

Вчерашний «оголтелый черносотенец», узнаем мы из печати, «тепло встречается советской общественностью». Книги его, те же самые, написанные до революции, еще недавно запрещен-

ные и «полные идеологического дурмана», теперь в авральном порядке переиздаются многими издательствами сразу, в столицах и в глухомани. Они стали, по утверждениям печати того времени, «любимым чтением советских людей». Сам Куприн, судя по газете, заявил корреспонденту, что он преисполнен желания войти в круг писательской семьи Советского Союза. Можно ли опубликовать такое, если это заранее не согласовано и не разрешено? Он введен в цензурные списки одобренных советских писателей.

Больше того. Оказывается, бывший «закрытый враг советской России» Куприн все предыдущее время разоблачал «уродливую буржуазную действительность». Даже, видимо, тогда, когда писал антисоветские статьи в западной прессе. А то, что раньше называлось «злбными нападками» на большевиков, теперь считается «восторженным гимном борцам русской революции». В дореволюционном его творчестве обнаружат лишь один недостаток: он следовал «традиционному реализму» вместо того, чтобы следовать реализму социалистическому.

Дано указание писать о его творчестве диссертации. И они успешно защищаются теми самыми недавними погромщиками его творчества. Куприн переводится на десятки языков народов СССР. Его повести экранизируются, а пьесы (слабые, которые не нравились ему самому) спешно репетируют в театрах.

Поистине мистерия-буфф! Сотни советских писателей, преданных власти и идее, исчезают в застенках, а ореолом почета окружается вполне активный ненавистник системы. И что особо примечательно, руководят обеими процедурами одни и те же профессиональные литературоведы из органов. Разумеется, привлекая, когда это нужно, дилетантов из писательского цеха.

Александр Ивановичу не суждено было увидеть своих новых изданий, фильмов и постановок. Он умер, не успев удостоиться членства в Союзе советских писателей, не прошел испытательный срок.

С тех пор о нем написано много, но и спустя полвека самыми лживыми в советских биографиях выдающегося писателя России остаются два последних коротких периода его жизни. Первый – когда он после долгих лет эмиграции тайно от знакомых заспешил на родину. И второй, когда он объявился в Москве.

Назад в светлое будущее

Арифметика играет незначительную роль в творчестве писателя, а все же любопытно посчитать годы жизни Куприна. Одногодок Ленина, он и родился в 1870 году неподалеку от Симбирска, в Пензенской губернии. Два представителя одного поколения, два сверстника. Оба честолюбивы, умны, энергичны. А пошли разными путями, несоединимы оказались их понятия добра и зла, морали, совести. Впрочем, это особый разговор.

Сорок девять лет провел Куприн в России, а затем, на втором году революции, эмигрировал. Семнадцать лет провел вонне, дольше всего в Париже, неожиданно – в незабываемый 37-й – приехал обратно и через пятнадцать месяцев (без трех дней) умер, не дожив одну ночь до дня рождения, когда ему исполнилось бы 68.

Александр Иванович и его жена Елизавета Морицевна (которую именовали также Елизаветой Маврикиевной) появились на Белорусском вокзале в Москве 31 мая 1937 года. До этого Куприн скучал, но возвращаться не хотел. Один советский критик (специалист также в области бунинской тоски по родине) называет нежелание Куприна возвращаться «эмигрантскими предрассудками». И вдруг...

Дочь Куприна Ксения собиралась ехать с ними, но потом отказалась. Она рассказывала писателю и парижскому корреспонденту «Нового Русского Слова» Андрею Седых: «Отъезд мы держали в строгом секрете, и никто из писателей об этом не знал». ⁸ Заманивали многих, но не всегда срабатывало. А тут получилось. История отъезда уже тогда многим казалась странной. На Западе читатель знал немного больше, много было слухов. На родине же эта часть куприноведения была так же секретна, как и все прочие разведывательные акции.

В последние месяцы до отъезда состояние здоровья Куприна стало резко ухудшаться. В их парижскую квартиру зачастили представители советского посольства, напрашивались в друзья почитатели таланта – тайные агенты НКВД. Со специальной миссией приехал Константин Симонов с Валентиной Серовой, ибо было известно, что Куприн влюбчив, а Серова –

актриса-красавица. Гости из Москвы рассказывали Куприным, как популярен великий писатель на родине – произведения его там буквально нарасхват. Энергично «работал» с Куприным театральным художником и иллюстратором книг Иван Билибин, вернувшийся в Ленинград годом раньше.

Полпред СССР во Франции Владимир Потемкин лично руководил операцией на месте, рисовал Куприну (вот какое совпадение!) потемкинские деревни. Не изученная по достоинству околосталинская фигура, Потемкин после этого был направлен на должность замнаркома иностранных дел. Он дорос до члена ЦК и был похоронен «не по рангу» у Кремлевской стены. Именно он, в разные годы руководивший также Наркомпросом, причастен к оболваниванию нескольких поколений, прошедших через советскую среднюю школу.

Материально Куприну в Париже жилось не сладко. Бунин поделился с ним деньгами от Нобелевской премии, но их хватило ненадолго. А в СССР, уверяли их представители советского посольства и специальные гости, наступило полное изобилие. Им обещали бесплатную квартиру, дачу, прислугу. У него был рак пищевода и, по-видимому, начались метастазы, а ему говорили, что в советских больницах и санаториях гарантируется полное выздоровление от всех болезней. В конце концов Куприных потихоньку привезли на посольской машине в советское консульство, вручили готовые серпасто-молоткастые паспорта с визами и билеты в одну сторону – в Москву. Потихоньку потому, что боялись протестов прессы, общественности, знакомых, не без оснований опасались международного скандала. Но все обошлось.

Правда, уже согласившись ехать, Куприн спросил работников советского посольства: «А можно взять с собой Ю-ю, мою кошечку?» Кошку взять из Парижа разрешили, а библиотеку – нет. Усаживаясь в вагон на парижском вокзале, Куприн больше всего, как вспоминают свидетели, заботился о кошке. «Со всем больной, он плохо видел, плохо понимал, что ему говорят».⁹ В Париже ходил слух, что Куприна подпоили.

Итак, старый писатель возвратился на новую родину, а дочь осталась.

Задание переселить живого классика, кроме НКВД и Наркомата иностранных дел, по личному указанию Сталина вы-

полнял также секретариат Союза писателей. А в нем, как это бывает, практические заботы поручили рядовой сотруднице. Ею оказалась Серафима Ивановна Фонская, хозяйка дачи-мастерской (впоследствии Дома творчества) Союза писателей в поселке Голицыно, до которого тогда было полтора часа езды от Москвы. Тридцать лет спустя выпустили небольшую брошюрку – краткие и отполированные ее воспоминания.¹⁰ Я подолгу жил и работал в одной из клетушек этого дома, чаще всего в той комнате, где жил когда-то А.С.Макаренко. Отсюда он ушел на станцию, чтобы ехать в Москву, и в вагоне умер.

Если Серафима Ивановна знала человека и доверяла ему, она потихоньку охотно и откровенно рассказывала значительно больше, чем опубликовали в книге. Особенно в тихие зимние вечера, если отключали электричество и приходилось сидеть в гостиной старого дома при керосиновой лампе. Не я один был сообразителен, чтобы записать и спрятать. Были уже публикации. Кое-что в них отлично от ниже описываемого, но я не считаю себя вправе теперь перекраивать.

Непростой была собственная жизнь Фонской. Девушка из богатой дворянской семьи, она ушла медсестрой на фронт в Первую мировую войну. После революции всегда боялась, что ее дворянство откроется. В 39-м в Дом творчества пришел оборванный и голодный человек из заключения, отсидел ни за что, спросил ее. «Сюда нельзя!» – строго сказала она родному своему брату. Побегала по клетушкам, позаняла у писателей денег, принесла из кухни продуктов и приказала: «Уходи!» Больше она брата не видела никогда. А Куприна радушно встречала, как родного.

Именно в Голицыно Александр Фадеев и его помощники решили поместить редкий экземпляр писателя-возвращенца, чтобы начать создавать из него образец для подражания. Но сперва, сразу после торжественной встречи с духовым оркестром и перед отправкой в Голицыно, Куприных поселили на несколько дней в центре Москвы в удобной для них и для НКВД гостинице «Метрополь», где тогда жила также партийная элита не высшего эшелона и удравшие из своих стран лидеры компартий. Номера в «Метрополе» по известным причинам часто освобождались, жильцы исчезали.

Куприных прокатили по Москве. В прогулках вернувшегося классика сопровождали «молодые писатели», которые отслеживали каждый его шаг, каждый контакт. Он часто плакал, а больше молчал. Упрямылся, не хотел делать, что его просили, но соглашался, если ему обещали стакан вина. В праздник Куприных провели на трибуны неподалеку от мавзолея и показали военный парад на Красной площади. Восторги писателя по поводу того, что он видел, регулярно печатали газеты, но неизвестно, выражал ли он эти восторги и в какой форме.

К приезду Куприных в Голицыно, как рассказывала мне Фонская, она сняла за счет Литфонда дачу с березками возле окон. Ее обставили казенной мебелью с инвентарными номерами. Заранее Фонская отыскала в Голицыне кухарку, которая знала и обязана была петь русские народные песни. Куприных повезли на автомобиле.

Погода была чудесная. С утра на площадке возле дома-мастерской репетировалась встреча. На волейбольной площадке выстроили роту из соседней войсковой части, которая отрабатывала троекратное «ура». За забором толпились любопытные прохожие. Простые советские писатели всегда ходили через черный ход, а по этому случаю оторвали гвозди и открыли дверь с террасы в сад. Журналист из «Комсомольской правды» Александр Чернов, сидя на ступеньках, набрасывал вопросы для интервью с классиком. Талантливую комсомолку-прозаика и красотку Анну Кальму, загорающую в кустах в купальнике, прогнали для очистки горизонта от фривольностей. Об этом пожилая писательница рассказывала мне сама тридцать лет спустя.

Едва худой сгорбленный старик с прищуренными слезящимися глазами, поддерживаемый с обеих сторон, шатаясь, вылез из автомобиля, он, к удивлению представителей власти, вдруг бойко крикнул командиру роты, подготовленной для приветствия: «Здравия желаю, господин унтер-офицер!» «Он не господин, а товарищ командир», – подсказали Куприну компетентные сопровождающие. Троекратное «ура» скомкалось. Из дома вынесли кресло и поставили на площадке.

До этого на политзанятиях красноармейцам вслух читали отрывки из Куприна и приказали заучить наизусть вопросы, которые следует задать писателю. Вопросы эти сразу отмела

Елизавета Морицевна, сославшись на усталость писателя после дороги. Тогда командир роты, согласно сценарию, пригласил Александра Ивановича выступить в воинской части, где солдаты, все как один, любят его произведения. Тут опять Елизавета Морицевна ответила, что писатель сейчас нездоров и не выступит.

В гостиной дома-мастерской был накрыт стол с дымящимся самоваром. Гостей посадили на почетные места. «Как вам нравится новая советская родина?» – задал первый вопрос представитель «Комсомольской правды». – «Ммм... Здесь пышечки к чаю дают», – ответил Александр Иванович и, не обращая внимания на остальных, стал пить чай.

Поняв, что от странного классика ничего не добьешься, корреспондент стал спрашивать жену его, и сговорчивая Елизавета Морицевна отвечала за Александра Ивановича. Потом красноармейцы устроили во дворе русские пляски под гармошку, чтобы развеселить почетного гостя. А он захныкал и сказал, что устал и хочет спать. Серафима Ивановна поспешила отвести Куприных на снятую для них дачу.

Старики жили одиноко. До Москвы – долго трястись в паровозной копоти. Куприн то и дело бредёт к почтовому ящику, ждет писем из Парижа от дочери. Письма не доходят. Старик встает на колени возле деревьев, плачет и целует березки. После полудня Александр Иванович дежурит за калиткой на улице, ожидая, когда в соседней школе кончатся занятия. У проходящих мимо детей он просит тетрадки по геометрии. Он приносит их домой и перерисовывает квадраты и треугольники. Может, пытается вспомнить азы математики, которую зубрил в юности в кадетском корпусе?

Тяжело болен писатель был давно. К раку добавился глубокий склероз (возможно, это то, что сейчас называется болезнью Алцхаймера), и организаторы переезда с нетерпением выжидали удобного состояния больного. Когда симптомы стали более явными, служащие советского посольства в Париже начали действовать активно. Об этом свидетельствуют не только западные очевидцы событий, но и советские, вроде упомянутого выше репортера Чернова.

Любопытно, что так называемые интервью с Куприным, те, во время которых за него говорила Елизавета Морицевна,

или другие, просто сочиненные в инстанциях, иногда печатались в виде статей, будто бы написанных самим возвращенцем. Куприн заявляет: «Я совершенно счастлив». Он благодарит советское правительство и кается, что недопонял преимуществ новой власти своевременно. «...Я сам лишил себя возможности деятельно участвовать в работе по возрождению моей родины. Должен только сказать, что я давно уже рвался в Советскую Россию, так как, находясь среди эмигрантов, не испытывал других чувств, кроме тоски и тягостной оторванности». «Я остро чувствую и осознаю свою тяжкую вину перед русским народом», – кается писатель. Какую вину? В чем? Всё это писали за него – для внутреннего употребления и для заграницы.¹¹

Куприн, который уже везде в печати именуется «патриотом социалистического отечества», то и дело твердит благодарности советскому правительству, взхлеб хвалит все, что увидел в СССР: города, заводы, дворцы, метро в Москве, проспекты, каких, конечно же, нет за границей, высокий уровень образования всех, включая домработниц.

Прохожие, судя по статье, на улицах дружно кричат: «Привет Куприну!» «Всех их радует то, что я, наконец, вернулся в СССР». В особом восторге Куприн от советских юношей и девушек. «Меня поразили в них бодрость и безоблачность духа, – пишет последний могиқан критического реализма о Москве 37-го года. – Это – прирожденные оптимисты. Мне кажется даже, что у них, по сравнению с юношами дореволюционной эпохи, стала совсем иная, более свободная и уверенная походка. Видимо, это – результат регулярных занятий спортом».¹²

Не шибко грамотный стиль, комсомольский оптимизм, дежурная политическая труха вместо наблюдений свидетельствуют, что Куприн такого ни написать, ни произнести не мог. Читаешь и думаешь: может, авторы этих интервью сознательно сочиняли для потомков пародийные тексты, не имея возможности сказать правду? Но, к сожалению, все было серьезно.

Куприн пишет, что привезенная из Парижа кошечка Ю-ю чувствует себя в Советском Союзе прекрасно, «вызывая бурный восторг детишек». «Даже цветы на родине пахнут по-иному, – рассказывает классик. – Их аромат более сильный, более пряный, чем аромат цветов за границей». Если он ску-

чал по родине, то это можно было бы понять. Но следом из газеты вылезает аграрно-политический кукиш: «Говорят, что у нас почва жирнее и плодороднее».¹³ В очерках нет мыслей Куприна, в них отражены основные тезисы текущих речей товарища Сталина на тему «Жить стало лучше, жить стало веселей». Тосковал Куприн по России, а приехал в СССР.

Деньги, вложенные в переброс писателя из страшного мира капитала в светлое завтра, начали приносить политические проценты. Экранизируется купринский «Штабс-капитан Рыбников», в котором разоблачается японский шпион в Петербурге во время русско-японской войны, и газета печатает заявление писателя, что его рассказ «перекликается с современностью». Будто ставили кино, а об этом не догадывались.

Организаторы операции под кодовым названием «Куприн» отнюдь не считали свою работу завершённой. Вскоре Куприна убедили отправить письмо Ивану Бунину, рассказать, как хорошо живется в Советской стране, уговорить и его возвратиться из эмиграции. Правильное письмо было сочинено, и Куприн его подписал. Бунин на это письмо не ответил.

Проценты в актив агитпропа продолжали поступать долго и после смерти писателя. Был снят фильм «Гранатовый браслет», разоблачающий все, что надо. В январе 1986 года «Литературная газета» опубликовала воспоминания Валентина Катаева о беседах с вернувшимся Куприным. В.П.Катаев, приходится заметить, всегда вовремя оказывался возле классиков. Помните его воспоминания о Бунине? Они создавались в разное время, слоями. Ранний слой был – «Бунин и я», средний слой – «Мы с Буниным», последний – «Я и Бунин». Столь же точны его философские беседы во время прогулок по Москве с Куприным, сочиненные полвека спустя.

Болезнь Куприна быстро прогрессировала. Поведение писателя было, как говорят психиатры, неадекватным. Его перевезли на арендованную дачу в Гатчину, под Ленинград, обещали вернуть дом. Библиотека Куприна в его Гатчинском доме после революции была разворована, и сейчас еще на черном рынке появляются раритеты с его подписью и дарственными надписями ему.

Вернувшийся из-за границы всемирно известный автор оказался прочно отрезан от цивилизации. Он не сумел бы, даже

если б мог, ни возмутиться, ни высказать слово, которое бы услышали на Западе.

Скоро Александра Ивановича торжественно похоронили. Организации, занимавшиеся живым Куприным, сдали его досье в архив и занялись другими эмигрантами. А миф было поручено докраивать творческим союзам. На Запад потекли статьи о счастливой жизни, которую увидел Куприн перед смертью, о его значении для социалистической культуры. За все эти измышления писатель ответственности не несет. Мертвые сраму не имут, а наш несчастный Фауст и по сей день расплачивается за сделку с Мефистофелем.

Через пять лет, весной 43-го, Елизавета Морицевна повесилась в Гатчине от голода, холода, тоски и бессмысленности существования.

Приказ — считать классиком

Последующие полвека можно охарактеризовать как апофеоз советского куприноведения. К сожалению, с потерей не только чувства исторической реальности, но и простой стеснительности.

Перед возвращением Куприна из-за границы советская пресса вела себя сдержанно. Что если операция сорвется? Возьмет старик да заупрямится. «Правда» сообщила о выезде Куприна из Парижа 31 мая, когда его встретили в Москве. Пока Куприн был жив, авторы, писавшие о нем, как и компетентные органы, все же осторожничали: вдруг кто из иностранных журналистов, знавших Куприна много лет, опровергнет опубликованную чепуху. А в советских издательствах будто плотину прорвало: отдельные издания, дешевые и подарочные, рассказы для детей, избранные однотомники и собрания сочинений — миллионные тиражи.

Из многочисленных монографий, посвященных Куприну, статей и комментариев к его сочинениям советский читатель знал, что Куприн дружил с основоположником соцреализма Горьким. Но не положено было знать, что Куприн порвал с Горьким и его издательством «Знание» из-за расхождения во взглядах, сочинил на него злую пародию, а сотрудничал с

Арцыбашевым, печатался в журналах «Мир Божий» и «Русское богатство», которые противостояли марксизму.

В советских исследованиях доказывалось, что статьи Куприна времени революции выражали радость перемен. Но замалчивалось, что речь шла о февральской революции. Как бы забывалось, что его рассказы «Гатчинский призрак», «Открытие», «Старость мира» полны скепсиса. Не упоминалось, что Куприн был арестован большевиками и лишь по счастливой случайности, в отличие от Гумилева, избежал расстрела.

В предисловиях и послесловиях компетентных авторов непременно говорится о том, что покойный писатель, хотя и был талантлив, «часто заблуждался, но в конце концов пришел к единственно правильному решению, что только величайший гений социализма ведет к расцвету человечности в этом измученном противоречиями мире». И еще: «Он гневно восставал против врагов Октябрьской революции и вместе с тем сомневался в ее успехе и в ее подлинно народной сущности».

Оказывается, эмигрировал Александр Иванович по недоразумению: «Поступок этот был неорганичен для него, был случаен», в эмиграции он «почти бросил писать». Это все сочинил о Куприне достойный человек – Константин Паустовский.¹⁴ Что греха таить, в отличие от героинь купринской «Ямы», советским авторам приходилось торговать не только телом, но и душой.

Из статей самого мастера, опубликованных на Западе, из воспоминаний его современников явствует, однако, что он «восставал» не против врагов Октябрьской революции, а против самой революции, утверждая, что, кроме бедствий, ничего она народу не принесла и не принесет.

Социализм виделся писателю серым существованием. «За счастье людей 33-го столетия, – пишет он, – нет никакого интереса разбивать голову». Проще говоря, Куприн за живого человека и против идеи насильно его осчастливить. Замысел Ленина только начинал реализовываться, а Куприн уже видел его суть: «Даже если эксперимент будет неудачным, если миллионы погибнут, а миллионы будут несчастны, он – эта помясь Калигулы и Аракчеева – спокойно оботрет нож о фартук и скажет: «Диагноз был поставлен верно, операция произведена блестяще, но вскрытие показало, что она была преждевременной. Подождем еще лет триста...»

Коммунизм для Куприна – это «рай под заряженными ружьями». Именно из этого рая он бежал, а не просто по недоразумению «оказался на своей даче в Гатчине, отрезанным белыми от Петрограда». Именно осознав суть власти в городе на Неве, стал Куприн редактором антибольшевистской газеты «Приневский край». Эмигрировал не «в состоянии растерянности» и не «случайно», как написано в его советских биографиях, а вполне целеустремленно спасался от террора.

Лишь только Куприн отошел от революции, творчество его начало, писали критики, затухать. Его бранили за отсутствие «передового мировоззрения». А у него всю жизнь было отвлечение к толпе. Революция для него – бессмысленное движение массы людей, и больше ничего. Сразу после Октября он мягко заявил, что учение о диктатуре пролетариата «перешло в дело не вовремя». В одном он ошибся: считал, что новый порядок долго не продержится.

Эмиграционный период был малопродуктивным в творчестве Куприна, узнаем мы из советских исследований. «На чужбине писатель не создал ничего значительного, мучительно тосковал по России и постепенно осознавал свои ошибки».¹⁵

А в действительности с 23-го по 34-й год Куприн издал шесть книг, написал пятьдесят новых рассказов и три большие повести, фактически романы. А еще его многочисленные статьи и эссе. Правда, в них прошлое России представляется не столь мрачным, как раньше. Но мы понимаем почему. Все познается в сравнении. Написанный в Париже дневник путешествий по Франции «Юг благословенный» демонстрирует нам стиль зрелого журналиста, каковым Куприн был с молодости, когда в начале века описал свой полет на одном из первых самолетов, едва не стоивший ему жизни, когда ради того, чтобы понять, что есть в жизни риск и страх, заходил с папиросой в зубы в клетку к тигру – покурить.

Разумеется, в Советском Союзе публиковали ту часть творчества Куприна, которая «соответствовала». Недоступны были (хотя приводились выгодные цитаты) труды западных авторов о Куприне: Глеба Струве, Александра Дынника, Георгия Адмовича, Стефана Грэхема, Лидии Норд, Ростислава Плетнева, многочисленные мемуары о нем и западные издания, в которых он печатался.

Во время известной послесталинской оттепели либеральный журнал «Новый мир» высказался против догматизма в оценках Куприна (которыми не мог не грешить сам журнал). Но в период застоя критика снова принялась стыдить классика за реализм, далекий от последовательно революционной идеологии.

Впрочем, согласно Литературной энциклопедии 1966 года, Куприн уже дозрел до этой идеологии, потому что изобразил «яркий общественный протест против Молоха-капитализма» и выразил «восхищение героизмом вождей революции», хотя и опасался за судьбы культуры.¹⁶ А в статье «Русская советская литература как литература социалистического реализма» в третьем издании Большой советской энциклопедии Куприн просто был причислен к советским писателям и уже вместе с другими начал вести борьбу за коммунизм.

После развала Советского Союза живые умные писатели перестали вести эту борьбу, лозунги давно сняли. А мертвый бессловесный Куприн, получается, ведет. Я не удивился бы, если б следом за Пастернаком и Галичем его сделали бы членом Союза писателей. В конце восьмидесятых в Москве оставалось две организации, принимавшие покойников: Союз писателей и крематорий. Но вскоре и сам единый Союз писателей приказал долго жить.

Даже личная жизнь Куприна подгонялась под стандарты идеологических мифов. Он был человеком раздражительным, вспыльчивым и независимым во мнениях, невоздержанным на слово и дело. Без серьезного повода при гостях бросил горящую спичку на подол платья первой жены. К счастью, женщину спасли. От второй жены у него был ребенок, когда он еще не разошелся с первой.

Грешник, он не стеснялся приводить героиню своего романа «Яма» в приличное общество. Напившись, буянил, оскорблял, становился непредсказуем. Любил природу и – любил травить кошку собаками. «Ему нужно было бы, – вспоминает Тэффи, – плавать на каком-нибудь парусном судне, лучше всего с пиратами».¹⁷

Еще во время войны и революции Куприн начал от тоски пить. Аркадий Аверченко писал о нем: «В таком виде не надо показываться на людях, а сидеть, спрятавшись, как медведь в берлоге».¹⁸ Многие годы Куприн страдал нашей несчастной рос-

сийской болезнью, оживлялся, только выпив. Жена старалась давать ему не более стакана вина в день. Георгий Адамович называл это состояние Куприна смесью умудренности и старческого маразма. Периодами питье занимало классика больше политики (что литературоведами в штатском было учтено), ведь именно обещаниями выпивки и вымогали у него нужные подписи.

За три года до возвращения Куприн выразил свое отношение к давнему отъезду в Москву Алексея Толстого: «Уехать, как Толстой, чтобы получить крестишки иль местечки – это позор, но если бы я знал, что умираю, непременно и скоро умру, то я бы уехал на родину, чтобы лежать в родной земле».¹⁹

«Опустившись, почти потеряв память и волю, – писал канадский профессор Ростислав Плетнев, – он уехал в СССР с женою и дочерью весной страшного 1937 года... Он боялся, что ему вспомнят его статьи в газетах «Общее дело», «Последние новости», «Сегодня», «Возрождение» и особенно в «Русском времени».²⁰ Разумеется, то, что Куприны уехали с дочерью, здесь оговорка: Ксения появилась в Москве в 1958 году.

В Москве Куприн очень удивился совету забулдыги-пьяницы, которого он привел домой и который, послушав наивного старика, посоветовал поменьше болтать лишнего. Об этом же писала в воспоминаниях Лидия Норд. «Неужели это правда насчет слежки? – спрашивал ее классик в недоумении. – Но в моем доме, кто? Прислуга? Сиделка? Доктор?» Не исключено, добавим мы, что и пьяница, рекомендовавший писателю держать язык за зубами, был не случайный забулдыга. После возвращения писатель не начертал ни строки прозы, ни единой записи в дневнике. А написанные за него тексты до сих пор цитируются.

Никто писателя не лечил, пока ему не стало совсем плохо, и жена потребовала врачей. Более чем через год после приезда (10 июля 38-го года) ему сделали операцию, которая была бессмысленна, а возможно, и сократила его жизнь. Умер Куприн 25 августа.

Не было в советских публикациях даже упоминания о том, что перед смертью в ленинградской больнице Куприн потребовал священника. Сознание больного прояснилось, и писатель долго беседовал со святым отцом наедине. О чем беседовал? Кто был этим священником? Наверняка, записали исповедь и

положили на стол тому, кому надо. Узнать бы на какой полке и в каком неведомом архиве это лежит.

Позже в биографиях писателя стала выдвигаться другая причина его смерти. «Многолетнее пребывание Куприна в эмиграции сильно повлияло на его здоровье, надорвало его силы, превратило преждевременно в старика»,²¹ «...разлука с Россией, затянувшаяся на семнадцать лет, окончательно подточила его мощное когда-то здоровье».²²

Советские критики утверждали, что Куприн вместе с Циолковским стал основоположником советской научной фантастики и коммунистических утопий, продолженных затем Алексеем Толстым. А может, антиутопий? И продолженных не придворным автором «Хлеба», а совсем другими людьми?

В рассказе Куприна «Тост» действие происходит тысячу лет спустя. За пролетарской борьбой на Земле с ужасом наблюдают с других планет. Герои рассказа предлагают тост за мучеников прошлого, за жертвы кровавого террора: «Разве вы не видите этого моста из человеческих трупов, который соединяет наше сияющее настоящее с ужасным, темным прошлым? Разве вы не чувствуете той кровавой реки, которая вынесла все человечество в просторное, сияющее море всемирного счастья?»

Ясновидец Куприн написал этот рассказ во время уличных боев 1905 года и опубликовал в сатирическом журнале «Сигналь» год спустя. Революцию он называл «черной молнией», а Петра Первого и Ивана Грозного – большевиками. Если Александр Иванович и прокладывал кому-нибудь дорогу в утопии, то это были Замятин, Булгаков, Оруэлл.

До революции Куприна печатали нарасхват крупнейшие издатели во многих странах. Острота в повороте фактов, зримость картин, грубовато-сочный язык с самого начала выделили мастера. Уважение к человеческому достоинству, защита, как мы теперь говорим, прав человека, ненавязчивость суждений, тонкий и грустный, я бы даже сказал, серьезный юмор, – стали купринскими литературными принципами. «Гранатовый браслет», «Гамбринус», «Листригоны», роман «Яма», который принято называть повестью, читаются и перечитываются поныне.

Сочинитель крепко сколоченного короткого рассказа, Куприн, в отличие от большинства его коллег, не ушел навсегда в

романисты, но сочинял рассказы почти всю жизнь. Что-то он взял от манеры описания подробностей у Льва Толстого, что-то от краткости и точности Чехова. Последний классик уходящей эпохи развил и передал мастерство и принципы воплощения литературной правды, какой ее видит и отображает автор, целому поколению русских писателей во всем мире. Талантливый, въедливый в факты прозаик, он и журналистское слово лепил вкусно. Вряд ли Куприн читал все, что писали о нем на родине. Но и его публицистику в эмигрантской печати не читали те, кто о нем в Москве писал.

Нравоучения классикам мировой литературы десятилетиями определяли суть литературоведения и всего гуманитарного образования в Советском Союзе. Кодекс соцреализма превратил великую литературу в великую макулатуру. Друг Куприна писатель Николай Никандров, умерший в 1964 году, перед смертью просил написать на своей могиле: «Убит Союзом писателей».²³

Авгиевы конюшни предстоит разгрести литературоведению в России, чтобы снять толстые наслоения предвзятости и унылой одноцветности. В оценке писателей и литературных явлений все еще жив вульгарный социологизм, утюгом проходящий по живому творчеству писателя.

Мне возразят: литературоведение – зависимая наука. Чего от него ждать, если не было свободы в самой литературе? Книгохранилища стерилизованы, и Бог знает, удастся ли их восстановить. Архивы державы напоминают евнухов, которым декретом предложили воспроизводить потомство. Думаю, законы социалистического искусства открыл вовсе не Маркс, а английский физик Дальтон. Суть их – патологическая неспособность различать цвета.

Шатаясь, вышла на костылях из застенков исхудавшая история – другой хлипкий источник литературоведа. Куприн, кажется, предвидел это: «А ведь русская литература, – как бы ни уродовали, ни терзали и ни оскопляли ее всем известные обстоятельства, – всегда была подвижнической».

Мэтр написал эти слова еще до революции.²⁴ Сегодня они звучат как напоминание, как завет последнего из могикиан. Куприноведению, столь легко менявшему одни предвзятые позиции на такие же предвзятые другие, суждено поменяться опять, на этот раз в поисках истины.

В ГОСТЯХ У СТАЛИНА БЕЗ ЕГО ПРИГЛАШЕНИЯ

Писатель один московский (опущу его фамилию, чтобы не обижать), вполне преуспевающий, а тогда молодой и целеустремленный, в начале 1953 года закончил поэму. Герой ее – мальчик, очень трогательно выписанный, идет со свертком на Красную площадь, прямо к Спасской башне. Чтобы не возникло более современной мысли о нехороших замыслах мальчика, сразу уточню. Мальчик хотел вручить подарок Сталину и этим выразить любовь миллионов детей. Впрочем, «миллионов» – политическая ошибка. Надо написать «всех».

Мальчика не пропустили. То есть вообще, да, пожалуйста, Сталин, как никто, любит детей. Но сейчас это исключено. Дяди даже повели глазами в неопределенное небо за кремлевскую стену: вон, видишь, окошко светится? Там день и ночь он стоит у руля. Он пишет. Когда не пишет, думает. «О всех о нас он думает в Кремле». Думает о судьбе человечества. И о тебе, мальчик. Подарок оставь. Его передадут, когда товарищ Сталин пойдет на минутку в мавзолей посоветоваться с дедушкой Лениным. Имя свое написал? Ну, и молодец, беги быстрее домой.

Тут у мальчика отрастают крылья ангела, и он счастливый улетает. Или ничего не отрастает. Просто, выполнив пионерский долг, герой поэмы отбывает на своих двоих. А мудрый человек в Кремле, прервав на секунду напряженный труд, подходит к окну и, щурясь от солнца, провожает мальчика теплым взором. Стереотипы гипнотизируют. Хочется написать

«мальчик» без мягкого знака, как он произносил. Но не буду: ведь в трудах по языкознанию он мягкий знак не запретил. А мог бы. И никто б не пикнул.

Тема поэмы была не на все сто процентов оригинальна. Вот, например, такое же: «Сталин часто курит трубку, а кистета, может, нет. Я сошью ему на память замечательный кисет». Одна девочка в моем классе во время войны, декламируя это стихотворение, вместо слова «кисет» говорила «корсет». Другой ученик говорил «кастет». Где эти дети, я не знаю. Что касается семантики процитированной парафразы, то теория учит, что маслом кашу не испортишь. В общем виде данный сюжет давно сформулирован в полублатной песне «Мама, я Сталина люблю».

Все должны были его любить. Многие любили, – кто теперь проведет грань? Некоторые уважают посейчас. Но речь дальше не о любви, как подумал проникательный читатель. И не о поэзии (профессор Колгейтского университета Ричард Сильвестр еще в семидесятые знакомил меня с замыслом исследования о Сталине как герое советской поэзии, хотя, насколько я знаю, так его и не опубликовал). Изучена частота восхвалений Сталина в советской прессе 30-х – 40-х годов. Составлен список всех эпитетов, которыми награждали его, вроде «Великий кормчий» или «Лучший друг советских женщин». Это мы знаем. Так о чем же пойдет речь? Вопросы я ставлю вполне прозаические: почему герои поэм шли именно в Кремль? где на самом деле жил Сталин? откуда управлялась страна?

Как и все советские люди, он был где-то прописан. Не на небе. Местом тем был, действительно, Кремль. Взоры прогрессивного (и непрогрессивного) человечества были устремлены по месту его прописки, а он, подобно многим другим советским людям, жил в другом месте непрописанным. При его жизни это была стратегическая тайна, которую хранило (не считая спецслужб) весьма ограниченное число лиц.

Большинство тех, с кем он встречался по делам или без, привозили в Кремль, где он после переезда продолжал иногда бывать. Туда, где он жил, нужных лиц, особенно прибывших из-за рубежа коммунистов, доставляли в машинах с занавешенными окнами. Сопровождающие говорили: «Везем в Кремль». Такая серьезная игра. Настолько серьезная, что и много

лет спустя даже для авторитетных авторов источником информации служил официальный миф. Скрупулезно точный Роберт Конквест в книге «Большой террор» (издание 1969 года) констатирует, что Сталин жил в скромной квартирке в Кремле.

Надо определенно заявить, что генсек выехал из Кремля в московский пригород в 1934 году. Квартира его в Кремле оставалась. Всегда ожидая покушения (как сегодня Арафат), он до последнего момента не говорил даже личному секретарю А.Н.Поскребышеву и начальнику охраны генералу Н.С.Власику, что едет домой. Но почти всегда уезжал в свою тайную резиденцию. Одно время этот дом предназначался для менее официальных встреч, а значительные иностранцы наносили визиты в Кремль. Потом настал период, когда он вообще перестал выезжать, а затем, подобно многим старикам, перестал и выходить из этой обители. Даже советоваться с Лениным в мавзолее перестал.

Официальные секретные бумаги называли это место «Загородный объект №1». В телефонных переговорах, которые могли подслушать враги народа, на жаргоне охраны, приближенных и его самого Кунцевскую дачу именовали «Ближней», в отличие от других, дальних его дач. Точнее, она находилась в старинном селе Волынском, но весь этот район входил в Кунцево. Из Кремля туда, судя по некоторым источникам, строился тоннель для спецмашин, а по другим источникам – секретная линия метро. Говорили, что Сталин проехал по тоннелю один раз, а потом ездил по Арбату и Минскому шоссе до поворота на личную дорогу.

Узнал я о кунцевском доме, попав в этот самый дом, то есть в гости к Сталину. Правда, сам хозяин за восемь месяцев до этого умер. Очутился я там в конце 1953 года. Потрясение, несмотря на легкомыслие молодости, оказалось настолько сильным, что детали впечатались в память намертво.

Дом этот позднее был упомянут в книге Светланы Аллилуевой.¹ Нам придется сравнить то, что, конечно же, автор «Писем к другу» знала лучше, с тем, что я, однако же, видел собственными глазами. Светлана Иосифовна говорит, что оказалась последний раз в кунцевском доме в день смерти Сталина. Разночтения и те детали, которые Аллилуева забыла упомянуть, представляются важными, любопытными.

Был я студентом третьего курса историко-филологического факультета пединститута в Москве на Пироговке. Сейчас в Америке и на других материках немало выпускников нашего института, – хоть организуй вечер встречи. Ответственной за культмассовые мероприятия в группе была тоненькая белокурая девочка Нина.

Она оперативнее других вышла замуж, само собой, за нашего однокурсника. Оказалась она жесткой, со вздорным характером, избалованной. С мужем ссорилась на лекциях, делая всю студенческую аудиторию, а иногда и профессора соучастниками семейной свары. Казалось, лекция по зарубежной литературе эпохи Возрождения читается на коммунальной кухне.

Всегда голодные, многие глотали слюни, когда в перерыве она вытаскивала из маленького зеленого чемоданчика бутерброд с красной или белой рыбкой, какой-нибудь фрукт зимой. Восемь лет прошло после войны, но многие в группе с начала войны ни разу сытно не поели. Зато общественная деятельность Нины заслуживала уважения. Она пеклась о коллективных походах в кино и музеи, о кассе взаимопомощи, в которой иногда удавалось взять займы рубль, если возвращен предыдущий долг. В конце ноября Нина подошла ко мне между лекциями и шепотом спросила:

– Хочешь попасть в список желающих посетить дом Сталина?

Я выпучил глаза.

– Скорей всего, не получится, – поспешно прибавила она, – но шанс есть. Никаких вопросов! Молчи, как рыба, и всегда носи с собой паспорт.

Оставалось догадываться, в чем дело: по слухам, отец Нины был начальником хозяйственного управления Кремля.

Эпоха висела странная. Сталина оплакали восемь месяцев назад. Сомкнули ряды лидеры, боясь исчезнуть поодиночке и, на всякий случай, пристрелили чересчур честолюбивого Берия. Происходили таинственные перетряски наверху. Хрущев рвался вперед, но разрыв между ним и остальными оставался легко преодолимым. Глава отдела культуры ЦК и почтенной памяти сталинский секретарь Союза советских писателей (будто был и союз несоветских писателей) Дмитрий Поликарпов вдруг оказался в опале в кабинете на Пироговке директором нашего института.

Повеселели и чуть-чуть осмелели капустаники, которые мы делали с одноклассниками, в том числе с Юрием Визбором, Юлием Кимом и Юрием Ряшенцевым (нас кто-то прозвал «четвероЮродные братья»). В институте вырос процент лиц с «пятым пунктом». На литературный факультет зачастили выступать писатели. Помню Федина, Твардовского, Эренбурга, Светлова (я сам его приглашал), молодого лауреата Сталинской премии Трифонова. Прекратилось славословие великого из великих, хотя в лекциях по-прежнему обильно цитировали обе его брошюры – по языкознанию и экономике.

Боюсь перенести сегодняшний цинизм на ощущения того времени и исказить картину. Ни намек на злоупотребления Сталина сказано не было. Многое воспринималось, как и раньше, хотя Симонов позднее вспоминал, что ему тогда позвонили из ЦК и спросили: «Кто вам разрешил писать, что Сталин будет жить вечно?» Бог становился полубогом. Но посещение дома, где полубог жил, казалось ирреальным.

Тем не менее, через пару дней культорг Нина сообщила, опять по секрету, что путевка оформлена, и нас повезут в «только что открытый закрытый музей». Терминология не вызвала недоумения, суть тоже. Естественно, после смерти Сталина открывается музей. Есть же музеи других великих людей. Объявить нельзя: толпа начнет давить, как на похоронах. И требование естественное: «Паспорта! Главное, всем иметь с собой паспорта!» Кругом враги.

Падал пушистый снег. Разбрасывая мокрое снежное месиво, к скверику возле института подкатил небольшой автобус – белый верх, голубой низ, обляпанный грязью. Шофер проверил путевку и пересчитал пальцем севших. Нас двенадцать. Окна закрыты белыми занавесками, но в щели немного видно. Проехали Киевский вокзал, оказались на Минском шоссе. С него свернули влево за Поклонную гору и сразу попали в густой лес. Ни жилья, ни людей, если не считать милиционеров, прогуливавшихся вдоль обочин и провожавших нас внимательными взглядами. Снег перестал идти. Короткий день, и без того пасмурный, рано подошел к концу.

Везли нас недолго. Никто не шутил, не смеялся. Молчали торжественно, будто на похоронах. Неожиданно автобус резко

свернул, и вдруг день настал снова. Все озарилось светом прожекторов. Снег вокруг засиял, стало видно, как он по-новогоднему обвис на лапах елок. Шофер затормозил. Когда глаза привыкли, стало видно, что нас окружают офицеры в форме ГБ. Не выясняли, кто мы, уже, конечно, знали, и просто стали пересчитывать. Потом открылись ворота. Автобус въехал и снова замер.

Позади забор высотой метров пять, темно-зеленый. Внутри, на некотором расстоянии от него, еще заграждение – из колючей проволоки. Вдоль забора узкая асфальтовая дорожка, освещаемая фонарями под черными абажурами. Сейчас бы сказал: лагерная зона.

Снова несколько человек в форме вокруг автобуса. Двое влезли в проход и берут паспорта, глядя каждому в лицо и сверяя со списком. Заглядывают под сиденья, что приводит в смущение прекрасную часть группы, стискивающую колени. Проверяющие уходят в служебное помещение, а в автобус влезают двое молодых людей в штатском и с равнодушным видом садятся на заднее сиденье. Не двигаемся, молчим, ждем. Через некоторое время по ступенькам взбирается женщина средних лет, я бы сказал, строго-красивая. Здоровается, предупреждает:

– Нельзя отставать ни на шаг, нельзя фотографировать, нельзя записывать, нельзя между собой разговаривать. При выходе из автобуса нельзя брать с собой никаких сумок, свертков или книг. Нельзя курить. Мужчины должны оставить шапки на сиденье.

Она делает паузу, кивает шоферу, чтобы трогался. Гебисты расступаются. Стоя на ступеньке, вполоборота к нам, женщина меняет интонацию на вполне экскурсоводскую.

– Вы находитесь на территории, где расположен дом, в котором жил, работал и умер гениальный вождь всего прогрессивного человечества Иосиф Виссарионович Сталин. Когда товарищ Сталин выбрал участок в Кунцеве, здесь был пустырь, голое место. Лес, по которому мы едем, посажен по указанию товарища Сталина.

Заявление это казалось неправдоподобным: автобус двигался минут десять (а может, показалось, что так долго) по чистой узкой асфальтовой дороге, на которой нельзя разъехаться, по большому, настоящему лесу. Вековые сосны и ели рос-

ли то густо, то реже, но вплотную к автобусу, задевавшему с обеих сторон ветки, с которых осыпался снег.

Позже я узнал: всю округу чистили, выселяя из близлежащих деревень некоторые категории населения. В самолете с моими знакомыми в Америку летела пожилая тихая женщина. Оказалось, в начале тридцатых она жила в соседнем с Волынским селе Давыдково. К ней приехали ночью, дали семье полчаса на сборы, помогли погрузиться и вывезли в Калининскую область.

– Может, боялись обстрела из нашей деревни, – прокомментировала свою высылку она.

Автобус медленно продвигался вперед.

– Здесь, – продолжала экскурсовод, – прорыты овраги, насыпаны холмы, и все это по личному указанию товарища Сталина, который очень любил природу. Видите, в лесу дорожки? Когда шел снег, их протаптывали, чтобы он мог гулять по лесу.

Изредка в лесу виднелись фонари, освещавшие тропинки и торчавшие из снега краны для полива. Только что был снегопад, и в лесу действительно уже были протоптаны дорожки. Для кого? Ведь любитель лесных прогулок умер еще весной. Может, просто забыли отменить приказ «топтунам»?

Незаметно на нас выплыло двухэтажное здание, окрашенное в зеленый цвет, с застекленной террасой и расчищенной от снега площадкой перед обычным парадным входом, возле которого автобус встал. Нам предлагают вылезти и стоять на месте, не двигаться. Нас пересчитывают. Автобус уезжает, и уши тотчас закладывает мертвая тишина. Дом, как явствует из объяснений экскурсовода, спроектирован архитектором Мирном Мержановым по личным указаниям Сталина и построен в 1933–34 годах. Здесь нужен комментарий.

Мержанов строил и другие дачи генсеку на Кавказе и в Крыму. Под Москвой Сталин выбрал себе богатое место в глухом лесу, в районе станции Усово, и жил там летом с 1919-го до 32-го года. Имение с дворцом в готическом стиле называлось Зубалово и принадлежало раньше нефтепромышленнику Зубалову. К мысли о выезде из Кремля Сталина, по свидетельству дочери (сам он обожал конспирацию), подтолкнуло самоубийство жены 8 ноября 1932 года. Но, думается, другим,

более практическим соображением было желание отделиться от остальных партийных лидеров. Все они жили в Кремле. Ему хотелось иметь свой особый кремль, и он его построил. В благодарность Мержанова отправили а лагерь на 17 лет, и он чудом вышел живым.

Весь лес светится огнями. Дорожки тщательно расчищены, лишний снег вывезен. Справа от входа укромная небольшая дверка. Товарищ Сталин не любил парадного входа, объясняет экскурсовод. Машина подходила вплотную к этой двери, и он исчезал в ней. Что это было, думаю я теперь: скромность, революционная привычка к конспирации или чувство постоянной опасности? А может, свойство характера?

Глядим вверх, на второй этаж. Сперва второго этажа у дома не было. На крыше размещался солярий. Но владелец дома больше любил лесную прохладу. Второй этаж был построен в 1948 году, вспоминает дочь в книге «Двадцать писем к другу». Стояла надстройка без дела, если не считать одного приема китайской делегации. Нам экскурсовод объяснила иначе:

– Надстройку (видите, она была меньше первого этажа – дом на доме) приказано было быстро сделать во время войны.

В ней, сказала она, жили представители генерального штаба, что, добавлю теперь я, крайне сомнительно. Может, они и оставались на ночь, когда немцы были у порога Москвы, но, конечно же, в бункере. Там, в небольшом помещении, днем и ночью решались судьбы страны, а после, когда удалось одолеть Гитлера, – и всей Европы. Кто скажет теперь, какие идеи по этой части были его собственные, а какие родились в головах прислуживавших генералов?

Начинает смеркаться. Нас ведут вокруг дома. Вдоль застекленной террасы, укрытые от мороза рогожами выстроились кусты, припорошенные снежком. Чуть далее – вишневые деревья, наверное, красивые, когда в цвету. Из пояснений явствует, что под рогожами розы. Садовники ухаживали за ними по указаниям хозяина дома. Сам он не любил работать в саду. Но иногда брал нож и удалял сухие ветки.

С противоположной стороны дома открывается вид на беседку, тоже ведь посаженную искусственно. Там беседки. В них шезлонги, кресла. Хозяин гулял от одной беседки до другой. Туда ему приносили чай.

– Еще до начала строительства дома, – говорит экскурсовод, – сюда начали перевозить двадцати- и тридцатилетние деревья из Московской и Смоленской областей. Именно тогда у товарища Сталина зародился великий план преобразования природы нашей родины.

От березовой рощи дом отделяет ложбина, похожая на широченный ров с текущим внизу ручьем. Через ров переброшен мост с толстыми перилами. Много лет спустя я узнал, что средневековая идея возродилась в мозгу человека XX века. Холм, на котором поставили дачу, окопали гигантским рвом, перебросив через него два моста. Рвы заполнили водой, поступающей из реки Сетуни, тщательно охранявшейся от истока до Кунцева.

По мосту, миновав березовую рощу, выходим к оранжереям. Ярко сияют стеклянные стены и крыши. Внутри на ветках грозди винограда. Виноград выращивался по личным указаниям, вина делались по рекомендациям хозяина. И в этой области он был специалистом.

– Лучшие агрономы, садовники высокой квалификации, – торжественно объясняла экскурсовод, – работают тут над осуществлением агрономических идей Мичурина и Лысенко, одобренных товарищем Сталиным.

Без сомнения, они были не только высокой квалификации, но и определенных чинов. Кто еще мог тут находиться постоянно, внутри двух колец охраны – грузинской и русской, не говоривших на общем языке? Кому еще доверили бы выращивать для него овощи и фрукты? Ведь экскурсовод пояснила, что Сталин любил питаться свежими овощами со своего огорода и давал указания, как их правильно выращивать.

Время от времени наша группа останавливается. Снег перестает хрустеть под ногами, экскурсовод умолкает, и наступает тишина. Она давит на уши. А может, это просто кажется от нервного напряжения. Все-таки 53-й. Другой, то есть заборный мир, здесь отсутствует. Живая природа, созданная искусственно, красива, но остается муляжом. Жизнь здесь остановилась в марте. Время умерло вместе с хозяином усадьбы. Ни птицы, ни белки на деревьях. Необитаемый остров. Ни войти, ни выйти без сопровождающих, которые у тебя за спиной. Ощущение жителя чужой планеты, хотя где-то недалеко обыкновенная Москва.

Внезапно, возвращаясь лесной дорожкой к дому, обнаруживаем, что мы не одни. Навстречу движется другая группа, которая уже вышла из «музея». Впереди экскурсоводша – полный двойник нашей. Позади двое – близнецы-братья. Между ними группа писателей. Узнаю Алексея Суркова, Бубеннова, Ажаева, сестру Владимира Маяковского, а рядом с ней автора незабываемой поэмы о мальчике, спешащем с подарком в Кремль.

Едва мы приближаемся к дому, человек в форме ГБ открывает парадную дверь. Экскурсоводша входит первой, последними, позади нас, двое в штатском. Здесь тепло.

– Снимайте пальто, вешайте на вешалку. На обувь привязывайте тапочки...

Обыкновенные музейные тапочки с веревками. Будь это сегодня, кто-то обязательно спросил бы, носил ли такие тапочки Сам. Тишина в прихожей нарушалась лишь шуршанием одежды. Ощущение мавзолея.

Без пальто и в тапочках я оглядываюсь. Налево, прямо и направо двери в комнаты. Между дверями лифт. Рядом ванная и уборная. На панели лифта четыре кнопки. Значит, еще один этаж вверх и два этажа вниз. Там бункер, там или где-то еще, тоже под землей, узел правительственной связи. Нет упоминания о бункере, в котором Сталин провел опасные месяцы войны, и в книге Аллилуевой.

– Вверху, – произносит экскурсовод, – теперь кинозал.

Про «внизу» не упоминает. Никто, разумеется, и не спрашивает. Теперь мы знаем, что он любил вестерны и фильмы Чаплина, которые смотрел по ночам. А больше всего любил ленты про самого себя, которые сегодня можно было бы объять общим названием «Явление Сталина народу». Мифы о нем сочинялись под его собственным неослабным контролем.

Нас вводят в комнату метров двадцати, почти без мебели, если не считать большого овального стола посередине и дивана.

– На столе вы видите газеты за первые дни марта, – говорит наша гидша. – Сюда приносили по утрам почту, и он сам просматривал. Вы видите письма трудящихся о беззаветной любви к своему вождю и учителю. Эти газеты и письма товарищ Сталин прочитать не успел...

Ну, разумеется, письма о любви. О преданности. О готовности отдать за него жизнь. Письма с мольбами и горем текли по другой реке. Лишь чистый ручеек ответвлялся в эту обитель.

Возвращаемся в коридор. Обыкновенная, хотя по площади и огромная квартира. Проходим в так называемую столовую. В Москве в те времена были лучше, красивее, – у академиков, народных артистов, лауреатов Сталинских премий. Сам раздатчик премий жил скромно. Тут сервант светлого дерева, недорогой. В нем обыкновенная посуда. Посередине, под матерчатым с кистями оранжевым абажуром, стол. Диван с круглыми валиками и высокой спинкой. Окостеневшая мода тридцатых годов. На столе ваза с яблоками. На серванте открытая бутылка «Боржоми», стакан. Холодильник – не очень большой, знакомой формы, один из первых советских. Невысокий книжный шкаф.

За стеклянными дверцами сочинения: конечно, Маркс и Энгельс, Ленин. Для примера открыты книги. В них ученические подчеркивания цветными карандашами заученных всеми со школы цитат. Неужели сам подчеркивал? А может, подчеркнули «для музея»?

– Здесь он обедал, – поясняет экскурсовод.

На самом деле, как выяснится позже, чаще всего не здесь. Кстати, кухня не в доме. Еще выходя из березовой рощи, экскурсовод обратила внимание на длинный крытый переход, соединяющий дом с флигелем. Там была кухня и столовая для челяди: шоферов, охраны, официанток, садовников, поваров, генералов охраны, комендантов имения. Хозяин не любил кухонных запахов, объяснили нам тогда. Напоминали они ему о детстве с матерью-кухаркой, которое он не хотел вспоминать? Или так построили для отдаления прислуги, для его privacy (слова такого нет в русском языке)?

– В доме было заведено, что подавальщица, которая приносила еду, сперва пробовала каждое блюдо...

Экскурсовод вдруг выговаривает это, оставив без объяснения, и сразу ведет из гостиной налево, в зал, который никак не вяжется с небольшой квартирой. Скромность хозяина несколько гипертрофируется. Зал длиной метров тридцать. Овальная противоположный конец, как в дворянских особняках позапрошлого века. Много одинаковых окон, плотно задраенных тяже-

лыми белыми гардинами, собирающимися на шнурах вверх, такими же, как во всех важных учреждениях центра Москвы.

Нижняя часть стен метра на полтора от пола коричневая, отделанная карельской березой, что выглядит довольно казенно. Под окнами батареи электрического отопления, укрытые решетками из такой же березы. В промежутках между окнами висят портреты. Это члены Политбюро: Маленков, Булганин, Каганович, Микоян, Ворошилов, Молотов, Хрущев.

Позже, в воспоминаниях, Хрущев скажет, что этот зал назывался «большой столовой». Посреди зала, во всю его длину, стол. Плоскость его покрыта темно-зеленым бильярдным сукном. Вокруг аккуратно расставлены жесткие кресла из светлого дерева. Вдоль стен такие же кресла. На полу колоссальный ковер на весь зал, – кажется, единственная действительно дорогая здесь вещь.

– Мы с вами находимся в помещении, где проходили заседания Политбюро, – торжественно произносит экскурсовод. – Товарищ Сталин любил, чтобы каждый из присутствующих сидел за столом точно под своим портретом.

Ничто не смутило нас, двадцатилетних, тогда. Теперь читаю старую свою запись и останавливаю глаза. Что за домашние сборища лидеров? Они кто, подпольщики? Или генсеку лень было ехать на службу? А этот «подпортретный» ритуал?

В отличие от последующих выродившихся поколений Политбюро, тогда мы знали их не только поименно, но и в лицо. Сталин при жизни Берия не отдалил. Портрета Берии не было. Значит, убрали – единственное, что я тогда смог сообразить.

Экскурсовод опустила руку на спинку отодвинутого жесткого кресла с подлокотниками. Место это сбоку, возле угла, не во главе стола. На зеленом сукне лежат аккуратно заточенные, неиспользованные простой и цветной карандаши, пачечка листов чистой бумаги. Подле пепельницы покоится трубка. Известно, что он перестал курить за несколько месяцев до смерти. Но трубка лежит.

– Товарищ Сталин любил сидеть за этим столом один и работать.

Чуть левее книга – нетрудно узнать том из собрания сочинений Ленина. На странице отчеркнуто красным карандашом

несколько строк и что-то мелко написано поперек поля. Экскурсовод прочитала надпись. Какую-то многозначительную банальность. Позже один из переводчиков Сталина отметит: «Он писал дешевой школьной ручкой тех лет, макая ее в чернильницу-непроливайку.»²

Позади стула у стены буфет, в котором он хранил свои бумаги, конверты с зарплатой (которую не расходовал) и лекарства, кои принимал по своему усмотрению. Например, капал в воду йод и выпивал. Врачи не могли его лечить не только потому, что их пересажали, но и потому, что указания, как во всех других областях, мог давать медицине он, а не врачи ему.

На стене китайская вышивка – большой яркий тигр, да еще копеечные репродукции: портреты Горького и Шолохова, картина Репина «Запорожцы пишут письмо султану». Рядом несколько крупных фотографий детей. Экскурсовод комментирует:

– Товарищу Сталину понравились эти фотографии советских детей в «Огоньке», и он попросил увеличить их.

Читаю у г-жи Аллилуевой, что из восьми собственных внуков пятерых он не пожелал даже увидеть, и затрудняюсь объяснить, как сопоставить оба эти факта. Либо он любил детей только на картинках, либо еще проще: никаких фотографий детей, когда он был живой, здесь не было.

Рядом с отодвинутым его креслом у стены небольшой стол. На нем два телефона – белый и черный. Один обычный, другой «вертушка». Два стула. Тот, что пониже – с короткими ножками.

– Товарищ Сталин был невысокого роста, – разгласила государственную тайну экскурсовод. – Когда он говорил по телефону, ему было неудобно сидеть, и он приказал плотнику подпилить ножки стула. На большом стуле сидела секретарша.

Вот так, невзначай, открывается вчерашняя истина. Обыкновенный стул, у которого простой советский крепостной мужик подпилит по приказу помещика ножки. Этот кургузый стул-уродец, стул-коротышка, стул-карлик, сделанный нормально, а затем изуродованный, и был тронем державы. Местом, откуда она управлялась посредством двух телефонов – черного и белого. По второстепенным вопросам звонил черный телефон, по важным – белый, только и всего. Или не звонил, когда хозяин дремал.

По воспоминаниям Ю.Трифорова, Твардовский лежал в кремлевской больнице вместе с Поскребышевым. Однажды Поскребышев заплакал и сказал о своем хозяине: «Ведь он меня бил! Схватит вот так за волосы и бьет головой об стол...»³ Стало быть, царь бил холопа об этот самый стол.

Я сказал о троне державы. Российская столица при Петре перебиралась из Москвы в Петербург, а при Ленине обратно в Москву. Истина времен Сталина в том, что Москва стала столицей мифологической. А реальной, но секретной столицей СССР с 34-го по 53-й годы был город Кунцево, Московской области. Западные кремленологи должны были бы называть себя кунцевологами или, еще точнее, волюнологами. Если бы знали тогда сей факт.

«В этой комнате прошли все последние годы, почти двадцать лет», – отмечает в письмах Аллилуева. В тридцатые годы, когда хозяин был моложе, на Ближней веселились его сподвижники. Приезжало много грузинской родни (пока она не была уничтожена). Подавались шашлыки, мужчины играли в бильярд, все танцевали под патефон, который Сталин заводил сам, ставя пластинки по своему вкусу и заставляя всех плясать. Кавказцы пели унылые песни, и «хозяин запевал высоким тенорком».⁴

Из других источников мы знаем о его знаменитых «ужинах» с одиннадцати вечера до четырех утра, когда он спаивал всех, чтобы развязать языки.⁵ О веселых ночных застольях за этим гигантским столом, которые восточный человек уважал, когда был моложе, о его любимой хванчкаре тогда экскурсоводом не было сказано ни слова.

Цековский работник, которому довелось появляться в поле зрения Сталина последние два года, пишет, что старость и болезни пришли к нему внезапно на рубеже семидесяти лет. «Процесс старения становился все заметнее: как-то посветлели глаза цвета разведенной глины, не таким пронизывающим стал взгляд, менее твердой походка. Под большим секретом друзья сообщили, что порой он накачивался любимыми грузинскими винами, как говорится, под завязку».⁶

Дочь Сталина вспоминает, что рядом с тем большим залом был малый, «малая столовая». Нам ее не показали, но дверь помню. Не знаю, где стоял бильярд, в который он любил играть – это тоже государственная тайна.

– Товарищ Сталин любил народные песни, – сказала экскурсовод, – русские, грузинские и песни других народов. Вы видите радиолу и большую коллекцию грампластинок.

Итак, для нас, экскурсантов, он любил фольклор, а для себя – цыганские песни и Вертинского, «упадочное буржуазное искусство».

Здесь, по воспоминаниям, которые я прочел позже, он после попок заводил патефон и заставлял парами танцевать членов Политбюро. От стола, где они заседали, нас сразу провели в дверь рядом с рабочим местом. Спальня. Маленькая квадратная комната, пара окон, сквозь занавеси тусклый свет. Слева по-старинному высокая и довольно широкая кровать с деревянными спинками, аккуратно застеленная покрывалом. В России она называется «полупторной» и уже, чем американская a twin size bed. Подушки тщательно взбиты, одна на другой, по-деревенски покрыты накидкой. Напротив кровати платяной шкаф. Створки обычные, даже не резные. Дверцы открыты. Внутри две трети под вешалки, треть – полки для белья.

На вешалках в шкафу, как мираж: френч и шинель с погонами генералиссимуса, брюки с широченной красной полосой, – атрибуты гениального полководца, знакомые целому поколению. Дизайнеры проектировали уникальный костюм для одного человека. Лучшие анонимные портные мерили его перекошенную физическим уродством фигуру, чтобы скрыть изъяны. Мастерицы-золотошвейки плели узоры. Но – один френч. А мог бы иметь одежду на целую роту генералиссимусов.

Рука потянулась, но прикоснуться я не решился. Вещи ношенные, не раз чищенные. Рядом два обычных темных мужских костюма, в которых мы его никогда не видели ни на фото, ни в кино. Носил дома один? принимал гостей? или держал про запас для срочного отлета в Вену или Цюрих? Куда упрятали его белоснежные с золотом мундиры? На полках аккуратно положены стопочками нижние рубашки, кальсоны, свернутые в шарики черные, многократно стиранные носки. Внизу две пары черных ботинок, чищенных гуталином и тоже, заметно, поистертых. А рядом, у той же стены, еще книжный шкаф. Опять книги Ленина и советских писателей. А где Макиавелли и другие его подлинные любимцы и наставники?

Помню, за пять лет до той экскурсии мой школьный учитель истории не раз повторял, что вождь ежедневно читает по пятьсот страниц. Откуда взялась эта цифра? Как даже гению, читая по пятьсот страниц в день, успеть делать что-нибудь еще? А вот оказывается, что и спустя полвека легенда жива. «Читатель он был ненасытный, – сообщает чиновник ЦК. – Библиотека лишь в его рабочем помещении в Кремле, по свидетельству его помощников, насчитывала более 5 тысяч томов, на даче в Волынском она была в несколько раз больше». ⁷ В несколько раз, то есть 20–30 тысяч томов, – почему бы и нет? А вот «ненасытный читатель»... С недоумением вспоминая убогую библиотеку, умещавшуюся в паре небольших шкафов, я размышляю о вкусах этого быстрочитателя и о литературе, одаренной его личными премиями в соответствии с его вкусом.

Мы между кроватью и шкафом в комнатке тесной, как в коммуналке. За окнами уже тьма. Здесь, в спальне, такие же белые учрежденческие шторы. Перед ними черный рояль, занимающий все свободное пространство. Для чего и когда появился рояль в доме отца? Светлана Аллилуева вспоминает о рояле, добавив, что не знает его происхождения. Странная забывчивость. Но дочь обратила внимание на перемещение рояля из большого зала в спальню, где Сталин на самом деле не спал. Сопровождавшая нас женщина тогда говорила так:

– Крышка открыта, будто кто-то только что играл... Нет, товарищ Сталин сам не играл на рояле. Этот рояль принадлежал товарищу Жданову. Товарищ Сталин очень любил товарища Жданова и любил, когда тот играл. Когда Жданов умер, Иосиф Виссарионович приказал этот рояль привезти. На этом рояле играли те, кто бывал в гостях.

– Здесь? – вырвалось у кого-то.

– Нет, не здесь. Рояль переносили в зал.

Стало быть, рояль принадлежал бывшему свекру Светланы Иосифовны. А где же гармошка, на которой также любил играть Жданов? Нет, гармошки не было. Между тем экскурсовод открыла дверь, которую мы не заметили. Это был еще один выход – из спальни на застекленную террасу. Плетеная дачная мебель, кадки с землей для цветов, но без цветов. На террасе холод. Мороз зарисовал стекла узорами.

– Последние месяцы, когда наш вождь уже не мог гулять, он любил проводить время на этой террасе, – сказала экскурсовод. – В ту последнюю зиму, несмотря на морозы, он любил подолгу сидеть здесь в тулупе, шапке-ушанке и валенках.

Продрогшие, возвращаемся мы в спальню, оттуда в зал. Теперь зажгли для нас свет в левой, если идти из спальни, части помещения. Здесь, на желтоватом лакированном паркете, стоят несколько кадучек с пальмами и, наискосок, не увязываясь с залом для заседаний, выдвинулся вполне домашний диван с круглыми валиками и нелепо высокой вздутой спинкой, заканчивающейся полочкой для статуэток. Диван как диван. Такой же стоял и у нас в комнате до войны. Очень неудобно было на нем сидеть. Голос экскурсовода звенит и падает:

– На этом диване вождь советского народа товарищ Сталин лежал больной и скончался...

Неоконченное слово повисло в тишине. Из глаз ее выступили самые настоящие слезы. Заплакала Нина, за ней кто-то еще из девочек. Наконец, экскурсовод справилась с собой и продолжила спокойнее:

– Справа вы видите алые подушечки с орденами и медалями, которыми его наградили партия и правительство.

Она аккуратно и долго перечисляет, каким орденом, за что, когда. Наши глаза бегают за ее указательным пальцем. Вдоль стены, прикрывая камин, венки из бумажных цветов с железными зелеными листьями: от ЦК, от Совмина, от Союза писателей и прочих организаций, будто его еще только будут хоронить. Но студентов уже ведут по его апартаментам, разрешают заглянуть в шкафы. Значит, он все-таки умер. А если умер, для чего такая тщательная охрана? Почему нас стерегут, чтобы никто ни на шаг не отстал? И сейчас помню это чувство, тогда у меня возникшее. Чувство западни. Привезти-то привезли. А вот выйдем ли отсюда? Нас провожают в прихожую и велют одеться.

– А где кабинет? – робко спрашивает кто-то.

Ответа не поступает. После я прочитал у Аллилуевой, что кабинет был запроектирован архитектором. Но дом много раз перестраивался по приказам хозяина, и кабинет за ненужностью исчез.

Для нас открыта дверь. Выбираемся на воздух. Он промозглый и сырой. Автобус отворяет дверцу. Кино прокручивается в обратном порядке: лесная дорога в слепящем свете прожекторов, проходная. Осмотр, проверка документов по списку. А когда он подъезжал, прожекторы тоже слепили? Или для него их выключали? Наконец, выезжаем на шоссе. Через полчаса нас выпускают у станции метро «Киевская». На душе пустота и странное чувство освобождения.

Для приведения впечатлений в норму той зимой я решил совершить паломничество в Кунцево еще раз, самостоятельно. Найти место и посмотреть хотя бы снаружи, из лесу, как оно выглядит, чтобы лучше запомнить. Намерением своим я поделился с приятелем, а он мне рассказал про человека, который туда пару лет назад съездил.

Человек пересек лес, держа за руку маленького сына. Успели они пройти буквально несколько шагов в направлении запретной зоны, когда тихо подъехала машина и его пригласили сесть. На допросе спросили, почему он оказался на шоссе. Он искренне ответил, что слышал, будто здесь проезжает товарищ Сталин, и хотел показать его сыну. Итог – десять лет за умысел покушения на вождя.

- Туда хочешь? – поинтересовался приятель.
- Так ведь Сталин умер, – возразил я.
- Много ты понимаешь! Умер, но дело его живет.

В общем, тащиться туда я побоялся и вскоре об «умысле» позабыл.

Дочь Сталина называет Кунцевский дом мрачным и пустым. Это субъективное ощущение. Мне он таковым не казался. Светлый, просторный, а при том нашем коммунальном уровне жизни – просто роскошный. Вокруг сказочная природа. Что же все-таки меня тогда смутило? Поныне не могу объяснить собственное ощущение. Попробую сформулировать так: шел в театр на Шекспира, а увидел Софронова.

Нынче, после воспоминаний свидетелей, после публикаций материалов, добытых историками, мы знаем больше подробностей о состоянии его здоровья, о том, как он умер. У него было высокое кровяное давление, и некому было его лечить. Незадолго до смерти он парился в бане, что не пошло ему на пользу. Хрущев вспомнил, что в ночь накануне инсульта у них

была большая пьянка до шести утра.⁸ И вот склероз сосудов, инсульт с параличом половины тела и потерей речи. Дочь позже писала: «Во вторую половину дня 1 марта 1953 г. прислуга нашла отца лежащим возле столика с телефонами и потребовала, чтобы вызвали немедленно врача».⁹ Не смею спорить, хотя слово «потребовала» в устах прислуги вызывает сильное сомнение. Любопытно лишь, что экскурсовод наша сказала:

– Его нашли на ковре, возле этого дивана. Подняли и положили на диван.

Он лежал на полу, лужа растекалась под ним, глаза выпучены, а врачей к нему не допускали. Сказали, что он спит, а сами совещались, как быть дальше, делили власть. Возможно, он это еще слышал, но реагировать не мог. Они потребовали его раздеть, перенести в другую комнату – и все это без врачей. Его история болезни была так засекречена, что ее не смогли найти. Власик, Поскребышев, личный врач Виноградов были к тому моменту арестованы по приказу самого Сталина.

Перелистывая литературу, вижу множество разночтений, касающихся дома в Кунцеве, а точные детали важны для более глубокого понимания Сталина. Мы все собираем детали – с миру по нитке. Каков на самом деле был этот человек наедине с самим собой? Его вкусы, привычки, любимые занятия, его ум, мораль, культура, отраженные в быту по принципу «стиль – это человек»? Ведь это влияло на его решения, от которых зависил мир. Описывая сей визит, я стараюсь отделить то, что видел собственными глазами, от слышанного и прочитанного. Вчерне впечатления записаны в моем дневнике той зимой. Теперь необходимо кое-что прибавить.

«Формула Сталин в Кремле выдумана, неизвестно кем», – пишет г-жа Аллилуева. Известно кем, с уверенностью скажу я. Конечно, им самим. Это была неотъемлемая часть большого государственного мифа. Попробуйте заменить на формулу «Сталин в Кунцеве» – и мифа нет. Но вот главный мифодержец умер. А мифодержавие осталось. Возникла идея музея.

Дочь была в этом доме, по ее словам, в декабре 1952 года на дне рождения отца. Позже она вспомнила, что отец говорил с ней по телефону в январе или феврале 1953-го. Затем ее вызвали за несколько часов до его смерти, когда он уже был без сознания. Видимо, она все же общалась с ним, хотя и

странным способом. Судя по опубликованному письму ее, дочь не могла приезжать к отцу, когда хотела. В письме она просит разрешить ей приехать к нему с детьми на два дня праздников.¹⁰

В своих воспоминаниях Аллилуева пишет неправду, что после смерти отца ее преследовали. По постановлению Совета министров за ней закрепили дом Сталина «с обслуживанием» и «денежное довольствие» 4000 рублей в месяц.¹¹ Описывая отца-мизантропа, Аллилуева забывает сообщить одну маленькую деталь: неподалеку от дома Сталина стоял ее дом, для нее построенный. В нем она любила оставаться на ночь, когда здесь бывала при жизни отца.

При нас этот дом не упоминали, но свидетель, побывавший в ее доме, рассказывал, что в нем было три-четыре светлые комнаты, уют и покой. Аллилуева от этого «обслуживания» отказалась, но другая бесплатная дача и машина с персональным водителем осталась за ней закрепленной. Дочь Сталина считает, что достигла всего благодаря личным способностям, и спустя сорок лет изо всех сил оправдывала отца, обвиняя его сподвижников и партию в целом, о чем она пишет в своей последней книге.¹² Впрочем, все детишки лиц, окружавших Сталина или знаменитостей, процветавших под солнцем сталинской конституции, поют сегодня такие же песни.

Светлана Иосифовна вспоминает важную подробность: «Готовились открыть здесь музей, наподобие Ленинских Горок. Но затем последовал XX съезд партии, после которого, конечно, идея музея не могла прийти кому-либо в голову». Я побывал в музее (и не я один) более чем за два года до указанного съезда. В промежутке между смертью Сталина и открытием музея произошло следующее.

На второй день после смерти Сталина, вспоминает Аллилуева, Берия приказал всем покинуть территорию. Сразу начали грузить и вывозить мебель и вещи на склады МГБ. Причина смерти Сталина остается загадкой, не здесь это обсуждать. Но если Берия решил поспешно ликвидировать все, связанное с хозяином, подозрения о его причастности к смерти генсека увеличиваются. Может, Берия, спрошу я, вознамерился из своего дома на углу Садово-Кудринской и Качалова, по соседству с музеем Чехова, переехать в это имение?

Всей челяди объявили, чтобы молчали о даче, будто ее вообще не существовало. Официальное сообщение в печати осталось мифологическим: Сталин умер «в своей квартире в Кремле». В статье, опубликованной через 35 лет, Аллилуева прибавляет: «Сделано было это для того, чтобы никто из прислуги на даче не смог бы жаловаться».¹³ Ну, это уж совсем несерьезно: кто боялся жалоб прислуги? Да ее вообще могли превратить в пыль.

Некоторым, прожившим здесь со Сталиным двадцать лет, некуда было деваться. Двое застрелились. Валечка, она же Валентина Истомина, так называемая сестра-хозяйка, а на деле преданная ему наложница, которой он доверял дегустировать пищу и спать с ним, осталась жива, но куда-то ее спрятали.

После отстранения Берии от власти вдруг поступила команда всё завозить обратно, восстановить дом товарища Сталина точно таким, как был.

В конце шестидесятых я познакомился с женщиной, музейным работником. Она рассказала, как осенью того памятного 53-го года ей позвонили и пригласили в приемную на Лубянку. Женщина простилась с мужем и детьми, взяла мешочек с сухарями и ушла.

Принял ее пожилой человек в майорских погонах. После проверки документов он весьма корректно попросил ее проехать с ним, как он выразился, «в одно место», где «нам нужна ваша консультация». Ее привезли в Кунцево. Там майор госбезопасности объяснил, в чем дело:

– Есть решение открыть в этом доме музей. Я был при Сталине всю жизнь и сейчас здесь все, как при нем. Посмотрите, пожалуйста. Можно ли в таком виде открыть?

Ее провели по дому. Она насчитала шестнадцать комнат (нам показали не все). Во всех стояли диваны. На каждом диване лежала бурка.

– А где он спал? – спросила она.

– Этого никто не знает, – просто ответил его телохранитель. – В какой комнате он спал и когда – днем или ночью, мы только догадывались. Не положено было его беспокоить. Спал он одетым. Изнутри запирал дверь или только накидывал дверную цепочку. Если прислуга знала, где он, то в щель просовывала ему еду. Но разве это важно?

– Это будет личный дом-музей, – объяснила женщина-музеевед. – В нем, согласно науке, необходимо сделать так, чтобы посетителям было ясно, где кабинет, где спальня и так далее. А тут получается, что все комнаты одинаковые. Например, у посетителей обязательно будет возникать вопрос: «Почему он спал в разных местах?» И экскурсоводы должны объяснить.

Майор ее внимательно выслушал и попросил:

– Вы не могли бы изложить все ваши претензии на бумаге?

– У меня нет абсолютно никаких претензий, – сказала, похолодев, музеевед. – Просто вы спросили – я ответила.

– Вот и изложите для моего доклада руководству...

– А портреты были? – спросил я женщину.

– Какие портреты?

– Членов Политбюро?

– Нет, портретов точно не было.

Не упоминает портретов и автор книги «Двадцать писем к другу». Через несколько дней музей принял посетителей. Видимо, спешили выполнить указание и наскоро заперли лишние комнаты. Чья была идея музея? Какова цель? Может, просто ритуальная инерция? Зачем развесили членов Политбюро? Думается, распоряжаясь об открытии музея, сподвижники вождя думали не столько о его славе, сколько о себе. Полубог стал четвертьбогом, а мифодержавие работало. Трон с подпиленными ножками опустел, но собутельники оставались в списке действующих лиц около трона. И кто его займет, было не ясно. Не отказался бы ни один из них. Но корабль накренился, собираясь затонуть. За подол шинели мифодержца придворные держались, как за спасательный круг, стараясь выплыть, удержаться у престола.

Дом и после смерти хозяина оставался обителью людоеда, которому всю жизнь было страшно и который сделал страх всеобщим. Но точно так же он сделал всеобщими свое пури-танство, макиавеллизм, вкусы. Его кунцевский кругозор сделался кругозором всей страны, колючей проволокой, опутавшей всех.

Сталин вполне мог проводить заседания Политбюро с их портретами вместо них. Портреты столь же активно выражали свое мнение, как и оригиналы. Но зачем ему было целыми

днями глядеть на портреты тех, кого он глубоко презирал и использовал в качестве лакеев. Сегодня мне ясно: наследники сами распорядились повесить свои изображения в зале и сочинили легенду о том, что великий вождь сажал их под портреты. До них так делал Сталин: на фотографиях он оказывался задним числом приклеенным к Ленину. Так члены Политбюро становились обладателями скипетра генсека.

Они, несомненно, хотели власти и почестей, которые он могучей рукой загреб под себя. Именно поэтому первыми попали в музей лучшие писатели с секретарскими чинами (нас, студентов, пропустили за ними по высокому благу). Доверенным писателям предстояло продолжить традицию славословия, заменив имена.

Писатель, мною упомянутый в начале, например, ждал, пока пройдет период личной скромности нового лидера и, как только вызрела возможность, поправил поэму о мальчике, который нёс теперь в Кремль подарок товарищу Хрущеву. Опубликовать поэму опять не удалось: Хрущева сменил следующий. Пришлось пережить период «коллективного руководства». Талантливый этот писатель не унывал и переработал поэму еще раз. Мальчик шел в Кремль к товарищу Брежневу. Но опять поэме не повезло. Престарелые генсеки стали меняться с такой скоростью, что даже самый гениальный поэт не смог бы поспеть с переделкой. Я далек от придумок насчет коллеги. Если в стране возникнет подходящая ситуация, читатель убедится, что я не шутил.

Говорю это к тому, что местоительство лидеров остается по сей день тайной. Но теперь все знают, что в Кремле они не живут. Хотя некоторые и имеют там покои, как говаривал писатель Борис Балтер, на случай народных волнений. Думал я об этом, бродя в Вашингтоне с экскурсией по Белому дому, где оказаться проще, чем, скажем, в каком-нибудь элитарном ресторане. И все, что внутри Белого дома, многократно описано, сфотографировано, можете купить открытки.

Не знаю, сколько всего лиц и каких социальных категорий побывало в поместье в Кунцево. Полагаю, немного. Слышал, что музей через несколько дней закрылся. Закрылся с той же секретностью, как был открыт. О нем, разумеется, не объявляли, и XX съезд тут ни при чем. Происходило это в дни смуты,

когда окружение Сталина еще не знало, что делать: петь «Су-лико» или затапывать прах. Склонились к последнему. Впрочем, музей послужил бы любой из двух целей. И, пожалуй, второй еще лучше. Но об этом чуть позже.

– Был момент, когда наверху вдруг решили отдать территорию под показательный детский дом, – рассказывал мне адвокат Леонид Ойрих. – Директором назначили партработника Александра Перова. До этого он ведал территориальным курортным управлением. Мы с ним были приятелями. Благодаря ему на сталинской даче и мне удалось побывать.

– Обстановка была?

– Нет, всё из дома уже вывезли, охрану сняли, даже свет отключили, поставили сторожа. Перов очень гордился новым местом работы, аж глаза у него горели. Посадил нас с женой в свою «Победу» и повез показывать дачу Сталина. Помню, машину оставили у ворот, прошли два забора, между ними бегали немецкие овчарки. По дому и по дорожкам мы ходили с фонарем. Комнаты были пустые. В саду стояли мангалы: на них вождю готовили шашлык. Перову в это время велели заняться комплектовкой мебели для детдома. Ее заказали на фабрике в Риге, и мебель уже начали завозить.

– Но ведь никакого детдома не открыли?

– Через два месяца высокое начальство передумало, и в хозяйственном управлении Кремля ключи у Перова отобрали.

Так новые лидеры и не решили дилемму, что с домом Сталина делать. Почему ни сам Хрущев, ни один из них не переселился на шикарную сталинскую дачу? Сделать это было не просто. Там остался их смертельный страх. К тому же все они выглядели мелковато на фоне хозяина. Репутацию марать не стыдно, она уже давно в грязи. Общественности тоже не боялись. Видимо, стать посмешищем в глазах коллег было неловко.

Сталинский дом для лидеров новой волны еще и морально устарел и просто оказался мал. Повидав Запад, все они хотели иметь комфорт более современного уровня. Скромность в личной жизни и походный аскетизм террористов, всегда готовых накинуть шинельку и смыться, стали ненужными. Не пьяная гульба с танцами под патефон, а эффектные приемы «в соболях» потребовали другой архитектуры. Дачи последующих ру-

ководителей располагаются в неприкосновенных лесах, подальше от центра города.

А город Кунцево с исчезнувшим селом Вольтинское, в котором бывал Гоголь, и реку Сетунь, идущую понизу Вознесенского леса, и древнее село Очаково, владение поэта Хераскова, и ряд прилегающих деревень, – словом, всю эту древнюю окрестность, включая сталинское имение, Хрущев росчерком пера присоединил к Москве.

За годы после Сталина Минское (раньше Можайское) шоссе, построенное на костях сотен тысяч заключенных, перерубила широченная Минская улица. Шоссе в этой части называли Проспектом маршала Гречко, а может, и опять переименовали. Минскую улицу местные жители одно время звали Хрущевским шоссе. Перерезала эта новая улица и нелюбимую дорогу, идущую лесом вдоль Поклонной горы к сталинскому имению. Лес остался, но вокруг началось запрещенное тут при хозяине жилищное строительство.

Стандартные коробки одинаковых домов заполнили Очаковскую округу и пойму реки Сетунь, демонстрируя собой унылое торжество такого градостроительства, на фоне которого даже сталинский ренессанс выглядит шедевром. В лесу по другую сторону шоссе сохранилась дача Калинина, куда поселяли высоких гостей – лидеров братских компартий. Им доверительно показывали и «Кунцевский музей».

На территорию имения я попал снова в 1976 году, поехав навестить больного приятеля-журналиста. Он лежал в одном из корпусов, где раньше помещалась сталинская охрана. Тут теперь возвели многоэтажное терапевтическое отделение больницы №1 Четвертого управления Минздрава, филиал Кремлевки. Остановка автобуса на бывшем девятом километре Минского шоссе скромно называется «Первая больница». Не самая шикарная из их больниц, однако ж не для простых смертных. В одной палате с моим приятелем, попавшим туда по блату, лежали заместитель какого-то министра, сын ответработника ЦК и личный шофер Блатова, помощника Брежнева, – вот он, отечественный табель о рангах.

Шофер Блатова жаловался, как растравил себе язву желудка из-за свадьбы дочери шефа. К свадьбе Блатову слали посылки секретари обкомов со всей страны. Шофер две недели

носился как угорелый по вокзалам и гостиницам. И, конечно, со всеми пил. Вот и открылась язва.

Замминистра рассказывал, как наверху собираются покончить с евреями в стране. Польский путь – выгнать сразу – не годится: сперва надо подготовить замену в ведущих отраслях культуры и науки. А тем временем выпускать ненужных и держать остальных до подготовки русской смены. Ближе к вечеру разговоры в палатах стихли. Послышался треск радиоприемников. И шоферы, и министры вытаскивали из-под подушки коротковолновые приемники и настраивались на волну «Голоса Америки».

Вышел я из бывшего корпуса охраны и побрел к лесу. Через ров вел мост, но дальше дорогу перекрывал высоченный забор, столь памятный со студенческих лет. Передвинув забор, поместье как бы урезали. Вспомнился один из разговоров в больнице (лежа рядом с домом Сталина, больные то и дело возвращались к священной теме). Сын ответработника ЦК рассказал, что перед крупными партийными мероприятиями в доме Сталина поселяют лиц, которые сочиняют, шлифуют и согласовывают доклады для руководства. Атмосфера хорошо способствует творческому началу.

Еще через десяток лет я попал к знакомой в Дом ветеранов кино, построенный возле того же леса. Ветеранам разрешают ходить на окраину парка, но, конечно, не к секретной обители. Вокруг нее вознесли новый железобетонный забор. А внутри, говорят, все так и стоит, как раньше. И правильно. Вдруг опять понадобится? Переждем стихию, а там видно будет, что делать с национальной святыней.

Моя б воля, я музей Сталина в Кунцеве сейчас бы опять открыл. Правдивый или лживый – не имеет значения. Чем лживей, тем, как ни парадоксально, реальней. Музей не столько скромного, сколько примитивного мизантропа. Национальный коммунистический парк. Музей Политбюро, то есть их всех, власть предрежащих в несчастной стране. Музей торжества и убожества советской идеологии. Музей, подчиняющийся, в отличие от всех прочих, не Министерству культуры, а соответствующему департаменту Лубянки.

Хорошо бы только у хозяина дома разрешение спросить. Все-таки личная собственность. Не знаю, простил ли он, что

мы тогда попали к нему в гости с соизволения Политбюро, но без его приглашения. А что если тень его, ночью бродящая по вытоптаным в снегу дорожкам, еще прикажет насчет непрошенных гостей распорядиться?

ТАЙНА ПОГОСТА В РУЧЬЯХ

Поездка была рискованная. Я хотел проверить одно свое подозрение, связанное со смертью Велимира Хлебникова. Из Петербурга мы выехали ни свет ни заря. Густой туман долго, даже и с появлением солнца, не рассеивался. Я старался вести машину как можно аккуратней, но это было трудно на разбитой двухпутке, в грязи, оставленной тракторами, и дыме от грузовиков. Вскоре увидели в кювете машину, врезавшуюся в дерево. В ней сидели, как манекены, два трупа, мужчина и женщина. Через некоторое время – перевернутая машина, тоже с погибшим водителем. Нескончаемый поток машин и никакой дорожной службы.

Поселок Крестцы на реке Холова часах в двух от Новгорода по направлению на Валдай и Вышний Волочок. Крестцы не лучше и не хуже множества таких же старых российских поселений: болота, комары да несколько хрущоб. Но место, известное по крестецкой белострочной вышивке, существующей там полтора столетия. Удивительные геометрические узоры плели на льне мастерицы, а после выдергивали ткань и оставались прорези. Хотелось бы поближе вникнуть в захиревший и возрождающийся промысел, но дело поглотило нас целиком.

Куда деваться чужому человеку в Крестцах, когда на носу ночь? Хорошо, что нашелся местный краевед, бывший учитель ремесленного училища, Павел Ильич Гурчонок, который вызвался помочь и даже проводить, но, конечно, не на ночь глядя. Нас с женой приютили, баньку затопили и накормили

чем Бог послал. Утром поедem. Дорога только частью асфальт, но сейчас, в августе, сухо.

У меня с малолетства интерес к Хлебникову. Бабка моя рассказывала, что Хлебников близко сошелся с дедом: дед учился в Горном институте и бегал на лекции по литературе в университет. Объединяли их интерес к спорам и свойство ума, которое бабка называла инженерно-поэтическим. Они шатались по Петербургу, точа лясы, потом голодные приходили домой, и бабка на сносях (ей было 22) помогала прислуге кормить их.

Оба строчили стихи, причем дед – консервативные, плавные, о любви, над чем холостяк Хлебников посмеивался, но явился с букетом еловых веток на крестины моей матери (она родилась 19 декабря 1908 года, стало быть, крестины были чуть позже). На каждой ветке колыхался листок бумаги со стихами. Жизнь деда закончилась в ноябре 17-го года: оставшие пролетарии на ртутном руднике в Никитовке сбросили инженера в шахту, жену его с двумя маленькими дочерьми выгнали из дому, а дом сожгли. Сгорели и листки со стихами Хлебникова, и письма, и весь дедов архив.

Начало его конца

Смерть витала и над Хлебниковым. Война и революция оставили его в живых, но ненадолго. Думаю, такой человек, как он, в подобных условиях теоретически не мог долго прожить. Сам он писал: «Вступил в брачные узы со Смертью и, таким образом, женат».¹ Дед Хлебникова умер в Иерусалиме, дядя эмигрировал в Новую Зеландию. Генетическая тяга к дороге была у него в крови, как у Пушкина. Социальная буря закрутила его: казармы, баржи, психушки, товарняк, госпиталь. Он метался, объявляясь то в Петербурге, то в Москве, то в Баку, то в Астрахани, то в Харькове. Хулиганил: звонил в Зимний дворец и материл Керенского. А затем хвастался перед приятелями, – иначе, если никто не узнает, какой резон в подобных забавах? «Человеком вне быта» назвал Хлебникова его биограф Степанов.²

В 1918 году Хлебников с поэтом Дмитрием Петровским сочинили «Декларацию творцов», с которой обратились в Сов-

нарком, заявляя, что «все творцы: поэты, художники, изобретатели должны быть объявлены вне нации, государства и обычных законов. Им должно быть предоставлено право бесплатного проезда по железным дорогам и выезд за пределы Республики во все государства мира. Поэты должны бродить и петь».³ Тогда за мечты еще не сажали. А в реальности Хлебников видит и описывает покойницу, в которую свозят трупы погибших во время революционной заварухи в Москве. «Первая заглавная буква новых дней свободы, – пишет он, – так часто пишется чернилами смерти».⁴ От этой его мысли и сегодня поеживаешься.

Из голодной Москвы он метнулся в Харьков, где жил его приятель Григорий Петников и семейство Синяковых. Хлебников уже послужил в армии Красной, которая вошла в Персию, пытаясь сделать там революцию. Числясь при охране штаба, лежал он целые дни на берегу моря да купался. А потом и вовсе отстал от отряда. Догнал он своих через месяц, вволю нагулявшись и возвратясь в Баку. Как вспоминал Маяковский, Хлебников вернулся из Персии «в вагоне эпилептиков, надорванный и ободранный, в одном больничном халате».⁵

В город вошли белые, начался набор в их армии. Перед тем как забрать Хлебникова в солдаты, его направили в психиатрическую больницу. Из нее он пишет Петникову: «Пользуйтесь редким случаем и пришлите конверты, бумагу, курение, и хлеба, и картофель».⁶ А через полгода сообщал О.М.Брику: «В общем, в лазаретах, спасаясь от воинской повинности белых и болея тифом, я пролежал 4 месяца! Ужас!»⁷

Рита Райт вспоминала, как увидела неприкаянного, оборванного, всегда голодного поэта и как из ненужных парусиновых занавесок она с подружкой шила ему брюки. Он был обрит после двух сыпных тифов. В апреле 20-го Есенин и Мариенгоф приехали в Харьков выступать и согласились совершить на сцене ритуал посвящения Хлебникова в Председатели земного шара. Лишь к концу этого обряда босой Хлебников, на которого напялили шутовскую белую рясу, понял, что коллеги устроили балаган на потеху публике. А он-то полагал, что это серьезно, и ужасно расстроился.

Жил он один, в полутемной комнате, куда влезали через разрушенную террасу. В комнате был матрас без простыней и

подушка, «наволочка служила сейфом для рукописей и, вероятно, была единственной собственностью Хлебникова».⁸

В конце декабря 21-го Хлебников вернулся в Москву, жил в студенческом общежитии ВХУТЕМАСа. Весной 22-го прошли два вечера в Клубе Всероссийского союза поэтов с его участием. Он пытался хоть что-нибудь опубликовать, но в редакциях наскоро написанные обрывки бумаги, которые он вытаскивал из-за пазухи, не рассматривали всерьез. Его все чаще принимали за «чайника».

Когда Хлебников умер, Маяковский писал о нем (почему-то в настоящем времени): «Практически Хлебников – неорганизованнейший человек. Сам за свою жизнь он не напечатал ни строчки».⁹ Друзья его Д.Бурлюк и А.Крученых склеивали отрывки стихов, подчас путая начала и концы. К корректуре его нельзя было подпускать, потому что он все зачеркивал и писал параллельные тексты. Хлебников сам уполномочивал приятелей делать эту странную работу: вы «имеете право изменять текст по вкусу, сокращая, изменяя, давая силу бесцветным местам. Настаиваю. Посмотрим, что из этого выйдет».¹⁰

Сохранились последние письма Хлебникова, в которых он, хотя и полный творческих планов, похоже, уже отрывается от грешной земной жизни. «Я добился обещанного переворота в понимании времени, захватывающего область нескольких наук...» Это из письма В.Э.Мейерхольду.¹¹

Об открытом им «основном законе времени, в котором происходят отрицательные и положительные сдвиги через определенное число дней», сообщает он 14 марта 1922 года своему приятелю художнику Петру Митуричу: «Когда будущее становится благодаря этим выкладкам прозрачным, теряется чувство времени, кажется, что стоишь неподвижно на палубе предвидения будущего. Чувство времени исчезает, и оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством». И чуть ниже в том же письме распоряжение: «Мысленно носите на руке приделанные ремешком часы человечества моей работы и дайте мне крылья вашей работы, мне уже надоела тяжелая поступь моего настоящего».¹²

Для нас он остается просветленным, мудрым гением; некоторые его стихи, естественные, как дыхание, звучат, неким озарением:

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы.

Так просто связать воедино сущность бытия может только большой поэт. А живет он наподобие голодной бродячей собаки, и, похоже, жизнь ему надоела. До смерти ему остается 106 дней.

Но матери он пишет просветленно и реалистично: «Я по-прежнему в Москве готовлю книгу, не знаю выйдет (ли) она в свет; как только будет напечатана, я поеду через Астрахань на Каспий; может быть, все будет иначе, но так мечтается». Далее следует блистательное, будто сегодня увиденное, описание города: «Москву не узнать, она точно переболела тяжелой болезнью, теперь в ней нет ни «Замоскворечья», ни чаев и самоваров и рыхлости, и сдобности прежних времен! Она точно переболела «мировой лихорадкой», и люди по торопливой походке, шагам, лицам напоминают города Нового света».

О своем бытѣ Хлебников сообщает матери грустно: «Мне живется так себе, но в общем я сыт-обут, хотя нигде не служу. Моя книга – мое главное дело, но она застряла на первом листе и дальше не двигается. О мне были статьи в «Революции и Печати», «Красной Нови», «Началах». Якобсон выпустил исследование о мне... Около Рождества средним состоянием делового москвича считалось 30-40 миллиардов; свадьба 4 миллиарда. Теперь все в 10 раз дороже, 2 миллиона стоит довоенный рубль, на автомобиле 5 миллионов в час.¹³

Что же все-таки происходило с Хлебниковым? Его знали и ценили, но в последние месяцы от него отошли: одни потеряли интерес, другие испугались городского сумасшедшего, каким он казался, стал, а может, и был всегда. Он хронически голодал, его мучили приступы малярии. Из немногих верным ему до конца остался Петр Митурич.

Он переписывался с Хлебниковым до этого. Обсуждали летательный аппарат «крылья». Одно время бездомный Хлеб-

ников у Митурича жил. От голодной городской жизни Митурич отправил семью в деревню в Новгородской губернии: жена его Наталья Константиновна нашла там место учительницы, с ней были сын и дочь.

Момент важный, потому что Митурич был на грани развода с женой и второго брака – с сестрой Хлебникова Верой. Вера Владимировна тоже была художницей, училась два года в Париже, где ее застала мировая война. В 1916-м она добралась через Италию в Астрахань к матери, а после с матерью перебралась в Москву. Уже после смерти брата она вышла замуж за Митурича, который оставил первую жену, и родила ему сына. С Маем Петровичем Митуричем мы пообщаемся.

Хлебников, изнемогший от тяжестей быта, в мае 1922 года собрался к родне в Астрахань – отдохнуть и полечиться. Денег на дорогу у него не было. Митурич сумел по благу через родственников оформить ему командировку на какую-то революционно-пропагандистскую работу с бесплатным проездом по Волге. До отъезда оставалось две недели. Решили отправиться на это время в деревню. Хлебников тащил две тяжелых, набитых рукописями, наволочки. Бродяга, привыкший ночевать на железнодорожных вокзалах, двигался к своей последней станции на этой планете.

Как он умирал

От железнодорожной станции Боровенка шли они километров сорок по весенней распутице лесами и болотами, съдаемые комарами и увязая по колено в грязи, до деревни Санталово. Устроились в школе – большой крестьянской избе, точнее в ее половине, предназначенной для учительницы – жены Митурича с детьми. Приехал сюда Хлебников не на дачу, а, как и сейчас опять делают горожане, чтобы спастись от голода, внял советам поддержать тающие силы на свежем воздухе и молоке. Оставалось ему жить сорок три дня. Погода настала теплая и солнечная, Хлебникову сделалось лучше.

Он уходил в лес или к реке, где ловил удочкой рыбешку или просто лежал на солнце, глядя на облака. «Велимир чувствовал себя хорошо, – записал Митурич. – Жаловался один

или два раза на ознобы, но пароксизмы скоро проходили... Но стало заметно, что Велимир больше держится около дома, больше сидит за столом и пишет».¹⁴ Последние стихи Хлебникова полны отчаяния: непризнанный пророк, оторванный от реальности, никому не нужный в «диком скаче напролом», как он назвал революцию, видит свою близкую кончину.

И вот мы в Санталове – всего километров двадцать от Крестцов, даже плохонький асфальт есть, но деревни Санталово практически не существует. Разбежалась она еще в коллективизацию, осталось несколько дворов. В школе выбили окна. Евдокия Лукинична Степанова в 22-м была уже замужем. Она на похоронах Хлебникова не присутствовала: у нее самой в тот момент маленькая дочка умерла. Но она знала гостя и помнит. Муж ее Алексей помогал копать могилу. Сын, тоже Алексей, был тут одно время председателем колхоза. Давно бы уже уничтожили тут и церковь и все памятные места, да остерегался он матери.

– Всю деревню разграбили, пожгли, – вспоминает Степанова. – Какой хлеб у нас тогда был! А сейчас? Мужа у меня ножом пырнули в 27-м, и я осталась с двумя детьми. В коллективизацию лошадь у меня забрали, и она в колхозе сдохла.¹⁵

«Лежит деревенька на горке, а в ней хлеба ни корки». Но это уже не Степанова, а Даль. Прочитал я в книге у московского критика Михаила Лобанова, побывавшего тут в конце семидесятых, что увидел он в окно школы скамью, подпирающую потолок, чтобы не рухнул.¹⁶

– Подсочинил с три короба Лобанов, – заметил наш провожатый Гурчонок. – Про мемориальную надпись на стене в школе, что здесь умер Хлебников. Описал баньку, которой уже давно не было, имена перепутал.

Мы стояли возле места, где была школа: ее давно растащили на дрова, часть фундамента и яма остались. И еще углубление на пригорке от бывшей баньки – в мусоре и сорной траве по пояс.

Хлебников подарил Степановым рукописную книгу, но где она, Евдокия Лукинична не помнит.

– Прожил он в деревне дней пятнадцать, – вспоминает Степанова. – Я его стеснялась. Был он желтый. Кашлял. Лю-

ди думали, у него чахотка. Никто к нему не приезжал, да мало кто говорил с ним. Вскоре у него отнялись ноги, и он не смог передвигаться. Помочь ему не могли. Плохо ему стало, и попросил он, чтобы отвезли в больницу. 1 июня отыскивали подводу и отвезли его в больницу в ближайший городок Крестцы. Пробыл там какое-то время, но долго его не держали.

Последнее письмо Хлебникова дрожащей от слабости рукой без даты из больницы А.П.Давыдову:

«Дорогой Александр Петрович!

Сообщаю Вам, как врачу, свои медицинские горести.

Я попал на дачу в Новгородск. губер., ст. Боровенка, село Санталово (40 верст от него), здесь я шел пешком, спал на земле и лишился ног. Не ходят. Расстройство /неразборчиво/ службы. Меня поместили в Коростецкую «больницу» Новгор. губ. гор. Коростец, 40 верст от железной дороги.

Хочу поправиться, вернуть дар походки и ехать в Москву и на родину. Как это сделать?»¹⁷

Коростец – это, конечно же, Крестцы. И тот факт, что из больницы пишет он доктору в Москву, печален.

Он в плохом состоянии. «Издатели под видом брата приходят ко мне в больницу, чтобы опустошить, забрать рукописи, издатели, ждущие моей смерти, чтобы поднять вой над гробом поэта. И по нескольку лет заставляли валяться стихи. Будьте вы прокляты!»¹⁸ У него были галлюцинации. Никто к нему в больницу не приезжал, понятия не имели, где он и что с ним. То, что записывал, он прятал в наволочку и спал на ней. Насчет того, что они ценить умеют только мертвых, правда, сказанная мягче и весомее другим поэтом.

В больнице ему стало еще хуже. Врач констатировал очевидное: отек тела и паралич. Еще три недели мук, ибо в больнице никак его не лечили. По другим источникам, у него еще был туберкулез в открытой форме, гангрена, но это домыслы. Начались пролежни, никто за ним там не ходил, не ясно даже, кормили ли. Митурич раздобыл телегу и увез полуживого поэта обратно в Санталово.

Говорят, морские слоны уходят из стада в морскую пучину, когда предчувствуют близкую смерть. Особая порядочность этого человека сказалась в критический момент его жизни. За

полмесяца до смерти тяжело больной поэт попросил, чтобы его перенесли в заброшенную баню, чтобы не заразить обитателей дома, в особенности детей.

– Муж мой говорит, – продолжает Степанова. – Сосед Хлебников просится в баню, давай его перенесем. Хлебников сам попросился в баню, чтобы не заразить хозяев. Положили его в баньке. Муж ходил, подкладывал ему соломки. Перед смертью больной попросил, чтобы ему васильков букет принесли.

28 июня 1922 года Хлебников в этой баньке умер. Возможно, малярия привела к сердечной и почечной недостаточности, но это наши сегодняшние домыслы. Умер, и все тут. Последнее слово, произнесенное им в этом мире, было «Да-а-а...» Страшно сказать: смерть привела сумбурную жизнь поэта в порядок.

Узнали старики, стали гроб делать. Положили его в гроб и сразу поставили гроб на телегу, повезли. От Санталова, где стояли когда-то школа и та банька, до погоста в Ручьях часа два ходу. За телегой, на которой стоял гроб, брела кучка людей – пятеро мужчин и одна женщина.

– Муж мой пошел хоронить, – вспоминает Степанова. – Провожало гроб шестеро: Митурич с женой Натальей, Иванов Василий, Лукин, Богданов и мой Алексей. Никого из них в живых нынче нету.

В Ручьи мы приехали на машине окольным путем. Старая дорога мимо озера Маковское, где на холме было барское имение, заросла. А у подножия холма сходятся две маленькие речки – Аньенка и Олешня. Хлебников туда ходил гулять, там тогда форель водилась.

На погост нас повела баба Саша – Александра Ивановна Сродникова. В похоронах тогда она не участвовала, но жила рядом с кладбищем и присматривала за могилами. Кладбище – заросшее и неухоженное, укрытое могучими деревьями от непогоды, церковь разорена, но кругом чисто, красиво и спокойно.

Привезли гроб на погост Ручьи, который позже оказался в центре колхоза. Тихо опустили в могилу под сосной, даже поспешно – без слов, без торжества, без ритуала. На сосне Петр Митурич высек имя: «Велимир Хлебников». Потом поса-

дил возле холмика рябину и две березы. Кто-то уже в наше время поставил досточку с датами жизни и смерти.

Пошли по высокой, никогда не кошенной полувысохшей траве между могилами, среди которых и последнее пристанище Председателя земного шара. Могила Хлебникова заросла пышной крапивой, руки и ноги у нас вспухли волдырями. Вот и дерево.

Кора на сосне слезится смолой. Фамилии *Хлебников* не видно. Но имя *Велимир* чудесным образом не заросло, хотя и почернело, так что едва можно догадаться, если знаешь. Степанова давеча сказала, Хлебников, мол, завещал, чтобы на могиле его лежал букет васильков, и их ему регулярно клали. Гурчонок уверен, что это придумано для красоты. Если даже и сказал что-то Хлебников насчет васильков, то собирать и носить, да еще регулярно, было некому.

На листке бумаги, хранящемся в ЦГАЛИ, рукой Петра Митурича начертано: «Утром в 7-8 час. 27.VI на вопрос Федосьи Челноковой, «трудно ли ему помирать», ответил «да» и вскоре потерял сознание. Дышал ровно со слабым стоном, периодически вздыхая глубоко. Дыхание и сердце постепенно ослабевало и в 9 ч. 28.VI прекратилось». Чуть ниже нарисован гроб с надписью по боку «Первый Председатель Земного Шара Велимир Хлебников» и дописано: «Опущен в могилу 1 1/2 глубиной на кладбище в Ручьях Новгород. губ., Крестинского уезда, Тимофеевской вол., в левом заднем углу у самой ограды между елью и сосной. П.Митурич».

Обратите внимание, что могила вырыта была мелкая: полтора аршина – это чуть больше метра.

Митуричу осталось хлебниковское наследие: две грязных наволочки, набитые обрывками бумаги. Он запечатлел в рисунках смерть Хлебникова и послал в журнал «Всемирная иллюстрация», где их напечатали. Большинство рукописей поэта, которые, как писала Лиля Брик, он легко терял или оставлял где ни попадя в своей собачьей жизни, пропали.¹⁹

Молча мы возвращались с погоста. Вокруг тьма: ни огня, ни встречного человека. В Крестцах познакомились со школьной учительницей. Она вообще ничего не слыхала про Хлебникова, ей не до этого, не говоря уж о детях. Стихов Хлебникова в окрестных библиотеках не нашлось.

Смерть как путь в бессмертие

У Хлебникова было чувство смерти. Всю сознательную жизнь он о ней думал. «Я чувствую гробовую доску над своим прошлым. Свой стих кажется мне чужим».²⁰ Не раз обращали внимание, но никто еще не объяснил роковую цифру 37, завершающую жизнь больших русских поэтов, начиная с Пушкина. Жизнь Хлебникова тоже оборвалась на 37-м году. В автобиографии он написал: «В 1913 году был назван великим гением современности, какое звание храню и по сие время». Пошутил или самоуверенно констатировал факт?

Он написал эпитафию себе, которую, конечно же, проигнорировали. «Пусть на могильной плите прочтут: он вдохновенно грезил быть пророком». Нет, он не считал себя пророком, как некоторые другие русские самоуверенные писатели, он лишь мечтал быть им – большая разница! Он называл себя «усталым лицедеем», а людей – «мыслящими пчелами».

В 12-м году Хлебников спрашивал: «Не следует ли ждать в 1917 году падения государства?»²¹ Предлагал закончить великую войну полетом на Луну. Возможно, просто потому, что рифмовались «война» и «луна». Человек, который называл себя безусловным материалистом, был чистым идеалистом.

В каком-то смысле он анархист, бродяга, бездомный. Дважды лежал в психушках, жил под красными и под белыми. Кто же он: гений, графоман, сумасшедший? По-видимому, и то и другое, и наверняка немножко третье. Напомню стихи «Гроза в месяце Ау!», – кажется, любой трехлетний ребенок такие создаст:

Пупуопо! Это гром.
Гам гра гра рап рап.
Пи-пипизи. Это он.
Бай гзогзизи. Молний блеск.²²

Пошлите такое стихотворение в любое издание мира – его не опубликуют. А ведь так же играл звуками, например, Чуковский: «Это че, это ре, это паха...». И, конечно, Хармс с абэриутами. И вся так называемая поэзия минимального вы-

ражения. Но – тот же Хлебников тогда же сочиняет и политпросветную дребедень для РОСТА:

От зари и до ночи
Вяжет Врангель онучи,
Он готовится в поход
Защищать царёв доход.²³ И т.п.

Сергей Городецкий назвал Хлебникова вождем и зачинателем футуризма, что разозлило, задев самолюбие, здравствовавших поэтов.²⁴ Все они хотели считаться зачинателями, и это можно понять. Но он был самый странный из них.

«Я хотел найти ключ к часам человечества, быть его часовщиком и наметить основы предвидения будущего», – цитировал журнал неопубликованные тогда «Доски судьбы». При этом журнал сообщил, что хотя Хлебников предсказал на 22-й год крупные успехи советской власти, он среди прочего – «средневековый искатель философского камня, алхимик слова и цифры».

Городецкий сам был из первых акмеистов и организаторов «Цеха поэтов», а в сталинское время ему пришлось переделывать текст либретто известной оперы Глинки, в том числе слова «Славься, славься, наш русский царь» на «Славься, славься, наш русский народ» и заниматься прочими сомнительными вещами, чтобы выжить.

Космический утопизм бродил в воздухе, Хлебников шел за Николаем Федоровым. Философские время и судьба – центральные мотивы Хлебникова, но реальное время и реальная судьба не отпустили ему времени проникнуть в эти две тайны. Он пытался проникнуть в тайну искусства, но когда это ему не удавалось, получалась банальность: «Слово особенно звучит, когда через него просвечивает иной, «второй смысл», когда оно стекло для смутной, закрываемой им тайны, спрятанной за ним...»²⁵ Да, Хлебников так писал, но это было давным-давно известно.

Великий путаник мысли, Хлебников смещал логику, и, читая его, мы не знаем, восхищаться непонятной мудростью или спокойно отбросить очередную прочитанную глупость. Вот, например: «Духовная наука получит великое значение, потому (что) будет изучено, каким образом лень одного будет помо-

гать труду многих». Но может, это не то, и не другое, а ирония, ибо Хлебников прибавляет: «Таким образом будет оправдан лентяй, потому что его работа сердца направлена на повышение общей трудовой радости».²⁶

Обратите внимание: в этой фразе видится проза Платонова. Итак, провидец Хлебников предчувствовал, что лень в советской стране соединится с трудом и появится *ленетруд* (его слово, к которому, между прочим, хорошо подверстывается и слово «Ленин»).

«Королем времени» и «задумавшимся аистом» назвал его Бенедикт Лившиц. Он был рассеян «высшей рассеянностью», как писал о нем М.Матюшин. Тынянов говорил, что Хлебников был «новым зрением» в поэзии XX века. В «будетлянкой» книге «Учитель и ученик» Хлебников, по его словам, «задумал мыслью победить государство». В итоге вычислений закономерностей мировой истории поэт предсказал падение Российской империи.

После революции показалось, что он ясновидец. А теперь видим, что империя просуществовала еще три четверти века. Разрушилась на наших глазах, но до разумного ли конца? И нет новых Хлебниковых, чтобы предсказать ее путь.

Хлебников пытался совершенствовать русский лексикон, и делал это широко и с блеском. Мандельштам писал: «Хлебников возится со словами, как крот, между тем, он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие».²⁷ Кубизм и вообще экспериментирование в живописи оказало на кубофутуристов несомненное влияние. Впрочем, Хлебников усматривал корни этого влияния в фольклоре, говорил, что это «русское умничество, всегда алчущее прав».²⁸

Некоторое математическое образование дало Хлебникову идею увязать словотворчество с математикой: «И хитроумные Эвклиды и Лобачевский не назовут ли одиннадцать нетленных истин корни русского языка? В словах же увидят следы рабства рождению и смерти».²⁹ Оставим в стороне изумительную безграмотность. Трудно, однако же, найти в этих мыслях хоть какую-то научную серьезность.

Но – хлебниковская «новоречь» вдохновляет на поиски, на языковые эксперименты. Он играет словами, как жонглер высшей квалификации. Автор у него – *словач*, критик – *судри-мудри*, поэт – *небогрёз* или *песниль*, литература – *письмеса*. Актер –

игрец, игрица и даже обликмен. Театр – играва, труппа – людняк, представление – созерциня, драма – говоряна, комедия – шутыня, опера – голосыня, бытовая пьеса (soap-opera?) – жизнуха.

Рискну попрактиковаться «по Хлебникову». *Вчера я был в игре на созерцине. Поставили говоряну «Три сестры» словача Чехова, замечательного мастера письма и тонкого песниля. Судри-мудри отмечали в рецензиях, что людняк работал вдохновенно. Обликмены и (легко пойду сам по методу учителя) обликвумены раскрылись в новой толковалке (по-старому – трактовке) сценобосса или сценохозна (т.е.режиссера), почувствовавшего всю небогрэзность этой жизнухи.*

Вот как это звучит три четверти столетия спустя. Наверное, не пришло время для реализации такого языка, а может, и никогда не придет. Впрочем, попробуйте продолжить эксперимент, коли есть вдохновение. А ведь это только начало. Хлебников призывал к созданию «языка мысли» и «всеобщего», или «звездного», языка.

Каковы результаты в борьбе «классического мифотворца» Хлебникова против поэтических канонов? Маяковский очень точно оценил Хлебникова: у него было сто читателей, пятьдесят из них называли его графоманом, сорок читали и удивлялись, почему из этого ничего не получается, и только десять любили этого Колумба новых поэтических языков.³⁰ Ефим Эткинд считает, что «идеи Хлебникова оказались богаче его творчества».³¹ А вот в том же сборнике, посвященном Хлебникову, мнение Жолковского: «Несмотря на гениальность Хлебникова, а, может быть, именно ввиду ее масштабов и экстремизма эта попытка, утопическая, «графоманская» уже в своем замысле, пока что не привела к успеху».³²

Его «Лебедня будущего» – государство поэтов и ученых, Председателей Земного Шара, в котором осуществится мировая гармония. В 17-м они с Петниковым назвали себя Правительством Земного Шара. Вдвоем подписали они воззвание председателей земного шара. Григорий Петников, сподвижник Гастева, дожил до эпохи «развитого социализма».

Помню встречи с Петниковым в Крыму в 60-х, где он жил, став с возрастом и по обстоятельствам правильным советским поэтом. Колесо подмяло его, и от греха подальше следовало забыть шалости молодости. В 94-ом исполнилось сто лет со

дня рождения Петникова. Известная фотография Хлебникова (загляните, например, в Краткую литературную энциклопедию) в действительности бесстыдно отрезана от их совместного фото с Петниковым.

Хлебников с Петниковым пытались привлечь к подписанию воззвания Маяковского, Бурлюка и Горького, но те, видимо, почувствовали перебор и отстранились. А за год до этого Хлебников писал о себе одном: «Я постепенно стал начальником земного шара». Но потом стал более демократичен, избавил мир от своей диктатуры. 30 января 1922 года, за полгода до смерти, Предземшар в одиночку подписал «Приказ Председателей земного шара», который закончил словами: «Скучно на свете». И поставил подпись: Велимир Первый.³³

Не для него одного Октябрьская революция пришла в виде смерти. Но он как в воду глядел. Дорогим путем получил он свободу. Не в этом ли смысл загадочного его завещания, оставшегося не выполненным: «Пусть на могильной плите прочтут: он боролся с видом и сорвал с себя его тягу».³⁴ В 20-м он присутствует на представлении в Ростове-на-Дону своей пьесы «Ошибка смерти». На сцене лихорадочная пляска двенадцати мертвецов.

В отличие от Петникова или Городецкого Хлебников, уйдя в смерть, остался таким, каким хотел быть. Живи он дольше, что бы с ним сделали? А он умер и перехитрил и агитпроп, и Лубянку. Этого допустить не могли, и гениальный хаос Хлебникова начал приводиться в советском литературоведении в нужный порядок.

Посмертные игры

После смерти судьба его творений не стала счастливее. Даже Маяковский, который раньше защищал его, услышав о намерении Ю.Тынянова и Н.Степанова издать полное собрание сочинений Хлебникова, ревниво воскликнул: «Бумагу – живым!» В пятидесятых Степанов с грустью рассказывал это нам, верным ему студентам. Как это до боли знакомо в российском контексте: поделиться местом на Парнасе – это еще куда ни шло, а вот бумагой – ни за что!

По всем правилам «утопический космист», «творянин», чего только не натворивший поэт, осуждавший технику и прогресс, Хлебников должен был быть отвергнут соцреализмом. А он, в отличие от многих, более конформных, не подвергался остракизму. Думается, причины этого две: он воспевает, хотя и хаотично, будущее всемирное братство (а мыслей по части такой мифологии всегда не хватало), и – он быстро умер.

«Мы слишком мало думаем о Хлебникове как советском поэте, – пишет Д.Мирский. – Между тем Хлебников – один из самых ярких примеров огромного, плодотворного действия Октября на творческое развитие большого поэта».³⁵ К восторгам этого известного литературоведа приходится вообще относиться осторожно. Эмигрант, вступивший в Британскую коммунистическую партию, а затем возвращенец в СССР, сгинувший в лагерях, был в оценках противоречив. Но такой взгляд почти затвержен. Я бы отметил обратное: Октябрь потреблял поэта в качестве полуфабриката для своих целей.

Подверстывание Хлебникова под соцреализм происходило следующим образом. Часто цитировались, например, его стихи: «Язык любви над миром носится» и «Вам войны выплевали очи» и добавлялась от комментатора якобы хлебниковская мысль: «Любовь – суть революции, война – суть старого мира».³⁶ Но и порядочные исследователи понимали: не было другого пути спасти наследие поэта от власти.

То, что он оказался не затоптанным, заслуга его более организованных знакомых: Маяковского, Асеева, Пастернака и преданных делу литературоведов, прежде всего Юрия Тынянова и Николая Степанова. Политически наивного Хлебникова можно сохранить только одним путем, представив его борцом за пролетарское дело. Так Степанов и писал: произведения «выражают непоколебимую веру Хлебникова в правоту революции». Как-то, давно еще, я спросил одного старого писателя-сидельца: «Зачем добровольно кричали «Слава Сталину!» даже в лагерях? Зека ответил: «Видите ли, тогда это было, как, проходя возле церкви, перекреститься».

«Хлебников без колебаний связал свою судьбу с революцией, она стала основной темой, главным содержанием его творчества», – декларировал Степанов.³⁷ Сегодня к такого рода пассажирам становишься терпимее. Ведь с этим заведомо пош-

лым гарниром удавалось публиковать многие экзерсисы, хотя, конечно, далеко не все и не всегда. Например, Степанов пересказывает Хлебникова, у которого «вслед за войной идут ее спутники – голод, разруха, сыпняк».³⁸ Под соусом Первой мировой войны это проходит. Но у Хлебникова – то другая война, конечно же, гражданская. Кто ее развязал? Разве не ясно читателю, что голод, разруху, сыпняк породили большевики?

Хлебников был слабостью Степанова. В трудное для литературы время он сохранял часть хлебниковского архива. Будучи его студентом, я бывал у профессора Степанова дома. Его слегка дебилный сын Леша у нас учился. Жили они на Хорошевском шоссе, на углу Беговой. Квартира без пустых стен: в коридорах, на кухне, даже в уборной полки с книгами с полу до потолка. Книга Степанова о Хлебникове, которую он писал чуть ли не всю жизнь, вышла после смерти Степанова в катастрофически урезанном виде (редактор М.П.Еремин), и не знаю, сохранилась ли рукопись.

Пытались пошить на пользу социализма и «новую мифологию» Хлебникова, и его самого. Подчеркивалось, к примеру, осуждение Хлебниковым западной цивилизации и прославление провиденциальной роли России, объединяющей Запад и Восток.³⁹ Многократно писалось, что поэт предсказал крупные успехи советской власти в 22-м году, когда начался НЭП, но успехи эти не коснулись самого Хлебникова.

В официальной краеведческой литературе, как водится, стали подправлять образ поэта: оказывается, он приехал в деревню с просветительской миссией – работать учителем, а умер в больнице под надзором врачей.⁴⁰ В другом сочинении миф об отеческой заботе советского государства зазвучал еще более весомо: «Всевозможные меры, предпринятые А.В.Луначарским и друзьями поэта, не смогли спасти больного».⁴¹

«Каменная баба»

Как-то позабылось, что культ смерти пришел в Россию с большевиками: «И как один умрем в борьбе за это». Восхитительная задача, но если все умрут, кто будет жить в светлом завтра? Тем не менее Ленин приказал сделать так, чтобы часы

на Спасской башне регулярно играли похоронный марш, и ежедневно выходил под этот марш на прогулку вокруг могилы Инессы Арманд, которую почему-то положили в яму вместе с восторженным американцем Джоном Ридом. Может быть, чтобы Крупская не ревновала?

Новая власть быстро выяснила, что мертвыми легче манипулировать. Ленин не предполагал, что его брэнное тело не будут хоронить вообще, а выпотрошив внутренности, станут периодически наводить марафет и переодевать, чтобы вождь продолжал работать на новую власть. Началась кампания по уничтожению старых кладбищ и перемещению могил полезных людей.

В 1924 году по вполне понятным причинам решили перезахоронить рядом с Лениным Карла Маркса, покоящегося в Лондоне. На памятник Марксу, несмотря на катастрофическое положение в стране, советское правительство выделило полмиллиона долларов. Вопрос казался решенным, но внук основоположника коммунистического вероучения категорически отказался дать разрешение на перевоз останков своего знаменитого деда в Москву и даже заявил, что причина – в измене советских лидеров марксизму.

Мне скажут: перезахоронения приняты во всех цивилизованных странах, и единых правил нет. Я не только соглашусь, но и сам приведу примеры. Бабушка Лермонтова, получив разрешение властей, послала крепостных на Кавказ, отрыть убитого внука и доставить гроб в Тарханы. Я спускался в склеп, чтобы прикоснуться к этому гробу, и побывал в Пятигорске, где стоит памятник на месте первоначальной могилы. Жуковский и Чехов умерли в Германии и, согласно их воле, перевезены. Жуковский похоронен в Александро-Невской лавре возле Карамзина, Чехов на Новодевичьем. Бывало, тело по завещанию раздваивалось: Шопен похоронен на кладбище Пер-Лашез в Париже, а сердце его замуровано в варшавском костеле Святого Креста.

В тридцатые годы мания перезахоронения останков великих людей стала частью советского государственного плана монументальной пропаганды. По сути кампания напоминала коллективизацию сельского хозяйства, заимствованную из сюжета «Мертвых душ». Вместо того, чтобы привести в порядок кладбища, многие из них разорили, а Новодевичье, которому повезло, расширили и сделали показательным.

На него перетащили из Данилова монастыря останки Гоголя и поставили ему памятник с надписью «От правительства Советского Союза». С других московских кладбищ перевезли кости Аксакова и Чехова. Потом сюда переехали живописцы Серов и Левитан, Ермолова и другие известные художники и актеры, похороненные не там, где новой власти надо, и герои, вроде мифологизированной Зои Космодемьянской.⁴²

Походя уничтожая могилы идеологических противников, перетаскивали останки по рангам. Мозг Маяковского, о чем газеты писали с гордостью, был изъят для изучения. Видел я его в банке с формалином в институте Мозга, и кажется, он по сей день там хранится. Урна с прахом Маяковского, до 1952 года находившаяся в Донском крематории, перевезена и захоронена на Новодевичьем. А вот Есенина оставили на Ваганьковском, ибо выпивал и хулиганил. Перезахоронили и Михаила Булгакова.

В 1964 году советские агенты похитили останки известного латышского дирижера Т.Рейтерса, умершего в 1956 году и похороненного вблизи Стокгольма. Рейтерс эмигрировал, а на Лубянке решили превратить покойного эмигранта в советского музыканта. И шведские власти проморгали эту операцию. В разных странах шла методическая обработка советскими дипломатами родственников выдающихся деятелей эмиграции. В 66-м удалось выкопать в Англии и захоронить на Новодевичьем останки поэта Николая Огарева, с таким трудом выбравшегося за границу. Потом сдались родственники Шаляпина и, как писала советская газета, «муниципалитет Парижа оказал содействие в переносе останков Ф.И.Шаляпина с парижского кладбища Батиньоль в СССР».⁴³

Помню, какой-то советский посол во Франции в своих мемуарах рассказывал, сколько сил истратили на обработку наследников Герцена, а те, несознательные, ни в какую. В 1970 году отмечалось столетие со дня смерти писателя, и так хотелось, чтобы великий эмигрант вернулся к своему юбилею на родину, де факто признал ненужность Тамиздата и компенсировал массовую утечку умов. Но Герцен остался в Ницце.

Наверно, у эмигрантов, посещающих могилы в России, есть свое мнение о переносе прахов, особенно из одной страны в другую, и я буду признателен за комментарии. Повторю только народную мудрость: «Мертвых с погосту не носят».

Новодевичье я хорошо знаю с детства, учился рядом в школе, несколько моих друзей жило в монастыре. Многие имена из русского культурного наследия попали ко мне в память через кладбищенские надписи. Из монастыря был свободный вход на новое кладбище, архитектурным центром которого стала с 32-го могила жены Сталина Надежды Аллилуевой, и ей подбিরали достойное окружение. В середине августа 1960 года по официальной версии прах Хлебникова был перевезен в Москву и захоронен на Новодевичьем кладбище.

Могилу Хлебникова видел я не раз. В ней, согласно надписи, вместе с ним захоронены также его мать Екатерина Хлебникова, сестра Вера и муж Веры Петр Митурич.

А теперь вернемся на погост Ручьи к бывшей могиле Хлебникова. Оказывается, она вовсе не бывшая, а самая настоящая, и время сказать, наконец, правду. Местные жители свидетельствуют, что приехавшие за прахом на погост Ручьи вскрыли не могилу Хлебникова, а соседнюю, безымянную. Да и ту копали, хотя могила мелкая, кое-как, спешили, нервничали, боялись протеста местных жителей, что-то покидали в ящик и уехали. Не исключено, что местные специально их обманули, чтобы приезжие не тормозили в могиле гостя, который здесь страдальцем помер.

Баба Саша – Александра Ивановна Сродникова – зорко бдила, чтобы хлебниковскую могилу никто не трогал. Она нам твердо заявила:

– Около рыли, но я являлась на могилу всякий день и видела, что могила цела-целехонька.

– Может, ночью тайно разрывали?

– Нет, я ночью чутко сплю, никто мимо дома не ходил, по кладбищу не шастали... Что-то разрыли, нашли пуговицу и кость, горсть земли взяли, и это положили под плиту на Новодевичьем в Москве.

То же свидетельствовала до этого Степанова, однофамилица известного литературоведа:

– Рыли не на месте могилы, настоящая могила рядом, цела, не тронута, Бог уберег.

Некоторое время спустя я получил от краеведа П.И.Гурчонка письмо, которое необходимо процитировать полностью: «Уважаемый Юрий Ильич! Не сообщал интересующие Вас

сведения о могиле В.Хлебникова по той причине, что до сих пор не можем смонтировать магнитофонные записи бесед с долгожительницей Е.Л.Степановой, произведенные у нее на квартире и непосредственно на могиле поэта.

В этих записях она категорически отвергает версию о вскрытии могилы Хлебникова и перезахоронении его в Москве. Могила, по ее словам, нерушима, произошла ошибка по незнанию алчного человека. Когда пленка будет у нас в музее, я смогу ставить вопрос перед Райисполкомом о приведении могилы в порядок, достойный памяти поэта.

За это время у меня была встреча с Василием Петровичем Митуричем, сыном Петра Митурича (ребенком от первого брака; он жил с матерью в деревне, когда умер Хлебников. — Ю.Д.), который также придерживается убеждения в правдивости слов долгожительницы... Выходит, что перезахоронение Велимира Хлебникова на Новодевичьем кладбище в Москве было чисто символическим». ⁴⁴

Письмо это важно как документальное свидетельство. В нем все понятно, кроме «алчного человека». Кто это и почему алчный? Я думаю – тут до сих пор не заржавевший конфликт семейный – сперва меж двумя женами, а потом и между детьми от двух жен, и конфликт этот, как и прах поэта, не надо ворошить.

Оставался один человек, который мог бы прояснить тайну: сын Петра Митурича и Веры Хлебниковой – Май Петрович Митурич. Я почти нашел его в Москве, но оказалось, он уехал надолго в Японию. Разыскал я его уже из Калифорнии по телефону. Вот что он рассказал.

– О месте, выделенном для Велимира Хлебникова на Новодевичьем кладбище, соответствующие инстанции уведомили Литфонд СССР. Прах перенес я лично. Первый раз мы с приятелем – художником Павлом Григорьевичем Захаровым, у которого была машина – и племянником поехали в Санталово на разведку, чтобы выяснить ситуацию, поговорить с местными людьми. А второй раз через два года, тоже втроем, поехали копать.

– А кто копал?

– Выкопали мы сами и сразу уехали.

Митурич интересно рассказал о своей работе: он график, как и отец, а сейчас занимается живописью, так как книги оформляют теперь, стараясь обходиться без художников.

Вот так, господа: никаких документов, комиссий, актов вскрытия могилы, экспертов – историка, археолога, криминалиста, хотя бы захудалого представителя местной власти, – ничего! А ведь не древние века – август 1960-го.

– На надгробии Хлебникову, – продолжаю я спрашивать Митурича, – в Новодевичьем монастыре четыре имени, не так ли?

– Там бабушка, то есть мать Велимира, умершая в 36-м, и моя мать Вера, то есть сестра Хлебникова, скончавшаяся перед войной в 41-м. Урна стояла у меня дома в шкафу. Я перенес прахи бабушки и матери в ту же могилу, но не помню, когда. Отец мой, как он написал в завещании, хотел лежать «у подножья Велимира». Так что его прах я тоже перенес в новую могилу.

– А чей памятник Хлебникову на Новодевичьем?

– Памятник тоже сделал я сам.

Решил я опубликовать этот разговор только для прояснения истины, а вовсе не для упрека художнику и племяннику поэта Маю Митуричу. Наоборот, хочу подчеркнуть, что только на энтузиазме одиночек и сохранялись российские культурные ценности, особенно в советскую эпоху.

Митуричи – отец и сын – спасли часть архива Хлебникова. Отец завещал рукописи сыну, а сын держал их у себя после смерти отца в 56-м и лишь в 63-м решил отдать в ЦГАЛИ. Не вина Митурича-младшего, что никакой комиссии не создали, а если создали, то на бумаге. Осуществить по закону и, так сказать, научно было бы не трудно: как уже говорилось, могила мелкая, nepотревоженная, в лесу. Но кому в Союзе писателей СССР охота была ехать в глухомань, тем более, что Хлебников и членом-то этого союза не был?

Советская власть подмяла под себя мертвого поэта, использовала в виде камня. Для самого Хлебникова, человека со звездным языком, Председателя Земли и Гражданина Вселенной, который казался Маяковскому древнегреческим мудрецом, а сам считал себя живущим в неведомом будущем, местоположение могилы, возможно, не так важно. Важно для нас знать правду.

Итак, на Новодевичьем в Москве в могиле Хлебникова уложены его родственники: мать, сестра, муж сестры, видимо,

со временем будет больше. Я за семейные захоронения, но трагикомический аспект в том, что самого поэта на этом престижном кладбище вообще нет. И надпись тут должна быть: «Здесь не покоится прах Велимира Хлебникова».

Странно все же. Представьте, что в могилу Пушкина, в землю, которую он сам для себя купил, когда хоронил мать, после стали бы перекладывать прах брата Льва, похороненного в Одессе (где кладбище уничтожено и на территории возвели монумент Ленину с просящей подаюния у Запада рукой), прах сестры поэта Ольги, а потом и мужа ее Павлищева.

Мне уже довелось писать, что поэта Александра Грибоедова, по всей вероятности, нет в могиле в Тбилиси. Не буду здесь вдаваться в подробности. Пушкин вспомнил, как он встретил гроб с телом Грибоедова во время путешествия в Арзрум (если это не литературная фантазия поэта). В гробу из Тегерана везли тело якобы грибоедовское, которое в действительности не нашли, везли, чтобы уладить конфликт с русским правительством. Так что рядом с Ниной Чавчавадзе лежит персидский фанатик или уголовник, возможно даже, убийца ее мужа. Но там были особые обстоятельства.

Миллионы российских людей, погибших в нашем веке, вообще не имеют могил. И кажется, в этом смысле Хлебников удостоился особой чести: у одного поэта две могилы. Боюсь, правда, как бы проворные энтузиасты не использовали эти строки, чтобы доперенести прах. Хватит! Беречь надо подлинную могилу, ухаживать за ней да знать, что на Новодевичьем просто воздвигнут ему памятник.

Мои глаза бредут, как осень,
По лиц чужим полям,
Но я хочу сказать вам, мира осям:
«Не позволям!»

Подростком, сочиняя стихотворные пробы, я повторял Хлебникова наизусть целыми страницами. И теперь, полвека спустя, хочется его цитировать, даже те строки, которые я не понимаю, в надежде, что, может, когда-нибудь пойму.

Стоял я недавно у надгробия Хлебникову на Новодевичьем с угрюмой известняковой бабой и, инстинктивно оглядываясь,

повторял строки поэта. В поэме «Ночь в окопе» возникает образ этой каменной бабы, стоящей среди степей в качестве предвестника новых тяжелых испытаний, надвигающегося несчастья, горя, смерти:

Тупо животное лицо
Степной богини...
– Скажи, суровый известняк,
На смену кто войне придет?
– Сыпняк!..
Объявилась эта тетья,
Завтра мертвых не сочтете...⁴⁵

Поеживаешься от созвучия поэта с современностью, осознаешь, что Хлебников – еще одна неучтенная жертва Октябрьской революции. Именно эта «каменная баба» сделала его голодным и больным, унизила, даже правописание имени и фамилии переделала («Велимир» писалось через і десятеричное, а «Хлебников» через «ять»), заразила болезнями и умертвила.

Никто из разрешавших воздвигнуть памятник не понимал его смысла, а Май Митурич, сотворивший его, что-то объяснял про археологию. Он обвел вокруг пальца этой археологией советскую власть, вырвался из мифа, сочиненного на костях Хлебникова. Поэт, зарытый на погосте в Ручьях и непо потревоженный, не ведает, что в Москве сотворенный им миф обрел реальность на мифической его могиле. Поверх надгробной плиты Маем Митуричем положена подлинная «доисторическая» каменная баба, найденная археологами на Иссык-Куле. Вы разглядываете фантазмагорический образ ужаса и смерти, поваленный еще более жуткой силой, а «каменная баба» холодными глазами разглядывает вас. Мистика!

Мистика и в том, что у Хлебникова не только две могилы, но и два места рождения. По одним данным, село Тундутово, по другим – Малые Дербеты бывшей Астраханской губернии. Никто из многих писавших о нем в двадцатые и тридцатые годы не удосужился просто спросить его мать Екатерину Николаевну Хлебникову, где она родила, – уж этого женщина не может забыть. Умерла она через четырнадцать лет после своего сына.

Итак, уточним к столетию со дня рождения поэта хотя бы один факт: в официальной могиле прах его не лежит. А неизвестному жителю Санталова или Ручьев повезло: он (или она?) покоится на элитарном Новодевичьем, хотя и не под своим именем.

СУДЬБА ТРИФОНОВА, ИЛИ ХОРОШИЙ ПИСАТЕЛЬ В ПЛОХОЕ ВРЕМЯ

Два пути за границу

В Союзе советских писателей числилось четыре писателя Трифонова: Владимир, Георгий, Николай и Юрий. Но понятно, о каком из них пойдет речь: конечно, о последнем в списке, сомнения нет.

Еще не время (участники живы) касаться интимных сторон жизни Юрия Валентиновича Трифонова, и делать я этого не буду. Пишут о нем много, и аналитического и мемуарного, защищают диссертации. Но при этом огибается некая опасная зона.

Не то чтоб эзоповские недосказанности опубликованного, или спрятанные до поры от злого глаза рукописи, или тайные аспекты биографии. Тут как раз все более чем в порядке. Для кипящей печати, хлопающей крышкой гласности, извлекается из текстов, пожалуй, больше, чем он по тем временам думал написать. Вдова, комиссия по наследию и гослитархив почти все уже опубликовали. Но какое-то пространство, как мне видится издали, на его территории огорожено и вход пока воспрещен.

В начале лета 1977 года Юрия Трифонова и меня стали разыскивать и без труда нашли две организации, тайно между собой связанные. Ему звонили из иностранной комиссии Сою-

за писателей, мне – из КГБ. Когда я растерянно переспросил: «Кто, кто?» – бодрый голос охотно расшифровал: «Комитет государственной безопасности».

Мы оба были на дачах. Трифонов у себя в Красной Пахре; я снимал часть дома в деревне Аносино, на реке Истре, неподалеку от Красновидово, где обустроивался пробитый по высоким блатам через Совмин новый дачный кооператив для писателей. Уже внесен первый взнос. Запахло огромными взятками вождям Литфонда за попадание в первую очередь. Но поскольку мое официальное положение вскоре скукожилось, плакали мои денежки.

Трифонов встретился мне в проходе между старым и новым зданием ЦДЛ. Он был в своей неизменной черной импортной кожаной куртке и водолазке (литературная униформа тех лет). Любил он бывать там днем, обедать с чиновниками аппарата, слышать новости. На этот раз он спешил.

– Пристали, как с ножом к горлу, – хмуро, даже мрачно сказал он. – Придется ехать в Америку.

– Не насильно же, – съязвил я.

Трифонов отрывисто хохотнул, скривив большие пухлые губы. Видно было, что новость его возбудила. Он шел из иностранной комиссии. Старый и тесный флигель тот на улице Воровского забит сейфами и людьми с невыразительными лицами. Лица осуществляли (и ныне при деле) международные связи и то и дело ездили за границу, возглавляемые секретарями Союза писателей, о чем в «Литературной газете» появлялась хроника: «Для развития контактов между литературами такие-то посетили такую-то страну».

В иностранной комиссии Трифонову сообщили, что его приглашает университет штата Канзас выступить с лекциями о советской литературе. Оплачивается сто процентов расходов. Не без иронии Трифонов рассказал, что вопрос долго болтался в «сферах». Потом его рассмотрели на оргсекретариате и предложили университету Канзаса вместо одного послать группу достойных, включая секретарей и членов правления. Канзас отказался и требует именно данного писателя. Теперь иностранной комиссии разрешили начать оформление, и его вызвали с дачи. По телефону эту секретную информацию сообщить не могли. Трифонов начал рутинный совет-

ский предотъездной круг: поликлиника, характеристики, комиссии, райком.

– Раз предложили, наверняка согласовано, – предположил я.

– И тем не менее никогда не знаешь до последнего дня, – возразил Трифонов.

То было обыкновенное, а иногда иезуитское хамство администрации.

Меня вызвали, когда я ненадолго заехал в Москву перед поездкой в Ростов-на-Дону на всероссийское совещание по драматургии. Я отказался встречаться и «беседовать». Они сказали, что «возьмут» меня у всех на виду в Союзе писателей, и это будет для меня еще хуже. Звонили несколько раз, а потом прислали повестку «явиться в связи с проведением административного расследования». Запугивали, спрашивали, с кем из писателей я поддерживаю отношения. Я уходил от ответов. «Предъявляли» имена. Трифонова в их списке не было, о чем я ему сказал, как и всем другим знакомым, кто был и не был. Я хотел, чтобы об этом знало большее число людей.

Дела мои шли плохо. Газета «Известия» в обзоре журнальной прозы обвинила меня в искажении образов настоящих советских людей.¹ Следом издательство «Советский писатель» выкинуло из плана принятую прозу. То же сделали «Советская Россия» и «Московский рабочий». Министерство культуры разглядело, что главный герой моей комедии – алкаш, и сделало соответствующие выводы. Трифонов слушал внимательно, сочувствовал, но не давал советов. Тактичность и внешнее спокойствие были его неперемненными качествами.

Мы вместе вышли из ЦДЛ. Завхоз Шапиро, коротенький толстенький церберчик на вахте у входа, проводил нас глазами. Следующий раз, едва исключили из СП, Шапиро меня уже не впустил. «А вы, собственно, кто?» – спрашивал он писателей, но безмолвно пропускал заведующих овощными базами. Однажды Анатолий Маркуша, бывший летчик, взял Шапиро за грудки и приподнял: «Если не будешь знать писателей в лицо, приклею к стене». С тех пор Маркуша причислился в уме Шапиро к начальству, при появлении которого завхоз приподнимался на цыпочки и кланялся.

Словом, в связи с отъездом Трифонова пригласили в ЦК, меня в ЧК. Выйдя оттуда, я понял, что настал предел. Герцен

говорил о состоянии внешнего рабства и внутреннего освобождения. Но внешнее рабство тоже осточертело. Спустившись по Кузнецкому мосту вниз, я заказал разговор с Америкой и попросил прислать вызов. У нас обоих были приглашения в американские университеты и к издателям. Трифонов уехал в Америку, а я стал отказником.

Вспоминаю теперь, что мы сошлись в период, когда он превращался из известного писателя в хорошего. Премияльное произведение соцреализма «Студенты», рассказы и очерки о советском спорте были позади. Скрытый протест созрел и только что вылился в «Обмен». Трифонова начинала читать интеллигенция.

В то время я закруглял журналистскую карьеру. Служить в газете становилось невыносимо: запреты и запугивания иссушали душу; вранье, печатное и устное, отравляло ум; напечатанное стыдно было видеть. Безнадежно, но упрямо я писал в стол. В январе 69-го я сидел в Доме творчества писателей в Дубултах. За две недели на старый магнитофон с катушками продиктовал рассказ «Серая папка» – о самиздате, который подсунули на стол редактору газеты. Позже это стало частью романа «Ангелы на кончике иглы», – вторжение в Чехословакию связалось со всем остальным.

11 декабря 1969 года «Московский комсомолец», до того сменивший пару названий (теперь, наверное, опять пора менять), собрался праздновать пятидесятилетие. Без юбилеев тогда нельзя было получить ни орден, ни денежных премий, а главное, юбилей страховал от разносов. К пятидесятилетию газете вручили «Знак почета». Позже Трифонову, к его пятидесятилетию, велели заполнить анкеты на награждение, и «Знак почета» украсил его грудь.

А пока в редакции вспоминали всех, кто кем-то стал и так или иначе причастен к газете, в первую очередь, конечно, писателей. Нелояльных из списка сразу повычеркивали, положительным разослали приглашения.

Первым в перечне шел Михаил Шолохов, который печатался в нашей газете под именем Шолох. Разыскали сотрудника, который учил комсомольца Шолохова грамоте. Им оказался поэт Александр Жаров. К Шолохову командировали жену редактора выхлопотать поздравление к юбилею газеты. Клас-

сик оказался в запое, но в газете телеграмму с его именем опубликовали. Она гласила: «Сердечно приветствую нестареющую молодость. М.Шолохов». Сочинил сей художественный текст Борис Иоффе, талантливый недосостоявшийся человек, который умел в газете все. «Реализуя» список, Иоффе позволил своему старому приятелю Юре Трифонову (впрочем, половина культурной Москвы была в Иоффиных приятелях).

Они немножко поговорили, после чего Иоффе облек живой диалог в казенную форму, настроив два абзаца и указав сверху: «Юрий Трифонов, лауреат Государственной премии». Иоффе зачитал сочинение «автору» по телефону, и тот его одобрил. Согласно тексту, писатель говорит: «Все мы вышли из «Московского комсомольца». Вспоминает, как получил в редакции первое задание сделать статью. Желает, «чтобы газета по-прежнему не сдавала своих позиций».²

– Не сдадим! – пробурчал Иоффе, ставя точку. – Как сдать то, чего нет?

Текст приветствия в газету, однако, не попал. Ранги приветствовавших там оказались выше. Но в день юбилея отпечатали специальный выпуск, нечто вроде боевого листка, в полформата – для внутреннего употребления, обильно иллюстрированный. Крупней всего в листке набраны призывы «неутомимо служить ленинской партии, воспитывать молодежь в духе беззаветной преданности идеалам марксизма-ленинизма» и прочие большие мысли. Листок раздавали гостям, собравшимся в конференц-зале, а затем переместившимся на банкет в фойе.

Кого только не было в толпе! Газетёры, литераторы, аппаратчики, актеры, хоккеисты... Более шумной попойки я в жизни не видал. Пили на подоконниках, трепались в кабинетах, на лестницах, в уборных. Сизый дым застилал люстры. Газету совали друг другу подписать на память. Вот она лежит передо мной, вся в шуточных ремарках и подписях коллег. Из нее я и цитирую Трифонова.

Иоффе привел его, обалдевшего от гула, в свой закуток. Не видел я его аж с обсуждения «Студентов» у нас в пединституте, – Трифонов очень изменился за пятнадцать лет, посолиднел. Тут же нашли общих близких знакомых, Литинских, у него и у меня оказался интерес к сидельцам. Мы тогда были не сдержаны на язык и ругали все и вся почти в открытую. А

Юрий Валентинович озирался, пялил на словесных недержантов глаза, увеличенные толстыми линзами очков, и изредка отрывисто и несколько искусственно смеялся. Вел он себя значительно.

Ушли вместе. У меня тогда был старенький «Москвич», и я довез Трифонова до дому (мы жили рядом на Песчаных улицах). Помню, называл его «мэтром», и он не возражал. Меня смущало его нелюбопытство, свойственное людям стеснительным. Мне всегда казалось, а теперь я просто уверен, что литературный человек должен быть губкой. Без притока сведений, какие бы они ни были, ум ссыхается. В собственном опыте зацикливаешься. Трифонов отвечал на вопросы, но сам мало их задавал, что делало диалоги с ним несколько однобокими. Оживлялся он, если разговор шел про его вещи. В газете он бывал, когда ему нужно было помочь кому-то с публикацией. Сотрудники относились к нему с пиететом. Если он упоминался в критических статьях, то только с добрыми эпитетами.

Не знаю никого, с кем бы у него были фамильярные отношения. Розыгрыш, актерство, подшучивание были ему чужды и при нем прекращались. С ним всегда возникала дистанция. Он был эгоистичен в дружбе, а это не для всех приемлемо. Сразу хочу оговориться, что пишу это (и все остальное про него) без тени осуждения. Наоборот, с уважением к его автономности в стиле жизни, характере, позиции – во всем.

По иронии судьбы, в те самые дни, когда Трифонов выступал в Америке, меня тайно исключили из Союза писателей. Начались годы изгойства. После приезда из Америки он вежливо спросил о ситуации. Ситуация была примитивно проста: здесь не печатали, выехать не давали, а за публикации на Западе грозили лагерем и психушкой. Я мыл во дворе машину, чтобы продать: не на что жить. Он стоял, смотрел.

– Время массовых убийств прошло, – сказал я. – Но осталось глумление над человеческим достоинством.

– Это-то так, – он пошевелил губами. – Но там тоже тяжело. Я ведь много ездил.

– Хуже, чем здесь? – спросил я.

Он не ответил.

Его порядочность и умение молчать были вне сомнений. Я дал ему читать рукопись «Ангелов на кончике иглы», закон-

ченную в 76-м. Он говорил хорошие слова, но не сделал никаких замечаний на полях, как мы обычно друг другу делали, хотя я просил почитать жестко. Следы оставлять было опасно. Мы долго обсуждали сюжетные ходы. Он оживился, спрашивал: кто из газетчиков скрыт под этой фамилией, кто под той. Оказалось, прочитал с удивительным вниманием. Приговор был категоричный.

– Смертельный номер. Этого не напечатают никогда.

– Слишком задрана юбка у Софьи Власьевны?

Он засмеялся дребезжащим смехом.

– Тут другое измерение. За пределами возможностей даже умных редакторов, – сказал он.

У нас сохранилась какая-то игра в вежливость, будто ничего не произошло. А ведь произошло. Причина была гораздо серьезнее, чем это кажется теперь. Пути, многократно скрещиваясь, не то чтоб разошлись, но развернулись. Они стали развиваться в противоположных направлениях, независимо от личных симпатий и сохранившихся общих приятелей.

Как-то для поддержания хилого здоровья я бежал третий круг по детскому парку вокруг «Васи» и догнал Трифонова, медленно идущего. «Васей» в районе Песчаных улиц называли заброшенный фундамент дома для Василия Сталина, в котором задумывался вестибюль с искусственным катком, где будет тренироваться его любимая команда ЦСКА. Четверть века спустя фундамент взорвали и начали возводить дворец культуры для ракетного «почтового ящика» «Красное знамя».

Пожав руку Юрию Валентиновичу, я, чтобы отдышаться, еще некоторое время бежал трусцой рядом с ним.

– И мне бы надо, – сказал он, будто извинялся.

– Вам надо плавать, – возразил я.

– Сейчас съезжу за рубеж, а летом на даче займусь физкультурой.

Я захохотал.

– Чего? – обиделся он.

– Я имел в виду: надо плавать на пароходе. Как ни встретимся – вы за рубеж.

– Действительно, странно...

Минут десять мы говорили. Он не спрашивал, и мне показалось, он остерегался. Одну деталь помню. Это было время,

когда у меня дома собиралась Литературная мастерская. Обсуждали неопубликованное, Самиздат, организовывали даже концерты. Я пригласил Трифонова.

– Но это же отказники, – сказал он. – Локальная культура и интересы...

– Это культура русская, – уточнил я. – Но неофициальная. Он оглянулся, потом протянул на прощанье руку.

Последний раз мы с приятелем встретили его в кино «Ленинград», неподалеку от дома. Меня всегда занимали люди, которые ходят в кино в одиночестве. Неужто не хочется до и после поболтать? Он выглядел плохо, постарел, осунулся, сник, шел медленно. В конце марта 81-го от общего приятеля Григория Марковича Литинского, старого сидельца и театроведа, я услышал, что Трифонов лег на обследование в больницу, хотя следовало лечь значительно раньше.

Оперировали его сразу, удалив почку. Сделал это хирург, который на досуге что-то сочинял, и ему очень хотелось числиться в писателях. Те, кого он оперировал, помогали хирургу публиковаться. Не ясно, что у него было хобби: литература или медицина. Говорят, Чехов был весьма посредственным врачом, хирург этот был посредственностью в обеих областях. Утром Литинский позвонил и, помолчав, сказал: «Трифонов умер». Тромб, остановка сердца.

И вот официальные похороны в Союзе писателей. На подходах к ЦДЛ напряженка. Кроме милиционеров из спецдивизиона, там и здесь прогуливаются индифферентные молодые люди в дублёночках и спортивных куртках. Отчего власти боятся покойников? Кого и от кого стерегут на похоронах?

В Дубовом зале, бывшей масонской ложе, в красном гробу, окруженном кучей литературных деляг, лежал чужой и совершенно незнакомый человек. Возможно, незнакомый потому, что я никогда не видел его без тяжелых очков, а в очках не хоронят, – действительно, как-то незачем хоронить в очках. Портрет молоджавого Юрия Валентиновича с грустью смотрел со стены на происходящее. Деловито суетились распорядители, двигалась очередь прощаться. Потом зазвучали речи тщательно отобранных для мероприятия лиц.

Стоял я позади в состоянии какой-то обреченности и от пустоты на душе рассеянно скользил взглядом по толпе. Мог

ли я тогда подумать, что, попав, наконец, в Америку, встречу там с Трифоновым через десять лет, и он, обычно молчаливый, будет мне рассказывать о себе? Но об этой встрече позже.

Техника выживания: плата за успех

По всей логике тогдашней советской жизни Юрий Трифонов как писатель никак не мог, не должен был состояться. Что угодно для таких, как он – послушная инженерия, лагерь, учительство, тунеядство, писание за других (как в случае с Иоффе), – но не верхний эшелон той культуры, который он сам называл мафией.

Детство его прошло в самом элитарном доме Москвы.³ Сын врага народа, сумев скрыть имя отца, поступает в элитарный Литинститут. Первая же ученическая работа получает Сталинскую премию. В период, когда травят космополитов, Трифонова чествуют.

Во дворе Литинститута только что умер затравленный Андрей Платонов, а Трифонову вешают на грудь позолоченный жетон с профилем великого отца всех народов. Зощенко и Ахматова, неиздаваемые, сидят дома в ожидании ареста, а Трифонов сидит в президиумах в ожидании выхода на трибуну и аплодисментов. На фоне его триумфа вокруг идут аресты космополитов.

Разоблачение Сталина. Сталинские авторы в опале – Трифонов на коне. Идеологическая борьба. Двоюродный брат писателя Михаил Демин просит политического убежища на Западе. Строчит антисоветчину, служит на вражеских «голосах», – Трифонова это не коснулось. И позже – Пастернака, Гроссмана доводят до смерти. Солженицына выпроваживают. Культура ищет спасения на Западе. А у Трифонова в это затхлое время все печатается.

Нельзя не согласиться с принятой точкой зрения, что многие авторы отразили ту эпоху, и Юрий Трифонов в его лучших и хорошо известных работах оказался среди этих немногих. Но отчего другие, не менее талантливые, не смогли высказаться или высказались и заплатили надломом судьбы, а то и жизнью? А если ему и перепадало, то отделялся лег-

ким испугом, без последствий. «Почему столь неоптимистические вещи, которые он писал, все-таки печатали?» – спрашивают меня теперь американские студенты.

А в самом деле – почему?

В журнале «Дружба народов» за 1989 год напечатаны «Записки соседа» Юрия Трифонова. Опубликованы со сноской: «Публикуется впервые по рукописному варианту».⁴ Сноска странная. Дело в том, что «Записки соседа» (то есть воспоминания о Твардовском), написанные в 1972 году, публиковались много раз и, как журнал нам сообщил, не по авторской рукописи.

Частично записки тогда же появились, например, в его книге «Предварительные итоги». По какому же иному «варианту»? Конечно, по этому же самому. Только методом, который Трифонов здесь же язвительно откомментировал, насмехаясь над другими авторами, к которым он себя не относил: «через десять фильтров процеживали дистиллированную воду».⁵ К сожалению, получив рукопись, которую Трифонов не доверил даже машинистке, редакция и теперь сделала очевидные купюры, сопроводив их отточиями.

Трифонов исповедуется, делает, как он пишет, фотографию, работает над «фреской из жизни русских шестидесятников» для тех, кто «явится на свет божий через много, много лет», а рядом уточняет: «лет через сто».⁶ Прошло семнадцать – и это опубликовано. Хотя писатели-бяки названы А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, К, М, Н и почему-то Ч, все же много сказано приоткрывающего завесу.⁷ Отметим подробности, самим автором доведенные до нас, – честь и хвала его искренности.

Молодой Трифонов решительно считал, что всё, печатавшееся в сороковые годы, было «не литература».⁸ Сам он, войдя в рабочей спецовке в Литинститут, попал в узкий клан избранных, тех, кому предназначалось государством создавать ту самую «не литературу». Чтобы закончить литинститут, ему надо было написать дипломную работу. Полтора года он писал ее, иногда по пятнадцать страниц в сутки, всего получилось пятьсот. Жанра не знал, считал то повестью, то романом, названия не было, но хотелось опубликовать.

Константин Федин, его преподаватель, был членом редколлегии «Нового мира». Трифонов (пролетарий с завода, заочник) положил ему на стол две толстых папки. Читать Федину было

некогда или неохота. Трифонов замечает: «Он поспешил от меня отделаться!» Но как! Федин снял трубку, позвонил Твардовскому и, рекомендуя молодого автора, не читая, сказал: «Читается с интересом».⁹

До этого студент носил свои рассказы в редакции, и никто не хотел хотя бы пролистать их. И вот, в мгновение перескочив несколько ступенек, Трифонов по высокому звонку рассмотрен лично Твардовским. Работала не рукопись, а рекомендация. Что касается рукописи, то тут только и начинался, я бы сказал, процесс создания данной единицы советской литературной продукции.

К Трифонову подключили писательницу Тамару Габбе, в задачи которой входило не столько сократить наполовину и отредактировать текст («тяжелую и водянистую прозу»), сколько в процессе трех месяцев совместного ежедневного труда определять, чего еще не хватает, что надо углублять и мотивировать. Нанятая журналом фактическая соавторша Трифонова построчно и пословно прочищала текст, в отдельных случаях советуясь с Маршаком и получая инструкции из редакции.

После Габбе за дело взялись журнальные редакторы и трудились над повестью еще полгода, за которые сам Трифонов перезнакомился на этой кухне со всей тогдашней литературной элитой, с кругом лауреатов Сталинских премий. Твардовский и другие допускают его выпивать с собой в соседней забегаловке. Молодой автор попадает в число своих.

Едва «Студенты» опубликованы, как пишет Трифонов, «Верховное одобрение пришло».¹⁰ Еще бы: столь эмоциональный художественный отклик на распоряжение бороться с безродными космополитами. Критика безудержно расхваливала повесть, такие акции делались централизованно. Но помню, что был и искренний читательский интерес. Иное мышление доступно было тогда весьма не многим избранным.

Что-то живое выплеснулось на страницах повести: ростки жизни, взошедшие после войны, надежды, сентиментальная любовь, студенческие споры и, конечно, виден был несомненный талант молодого автора. Помню многочасовые обсуждения на диспутах в обоих институтах, где я учился, горячие споры. Что говорил сам Трифонов, к сожалению, не записал, ничего не осталось в памяти.

Сегодня наши споры показались бы детскими, но ведь это был 1950-й.

Неясное в невероятном факте получения студентом Сталинской премии по литературе остается. Я дважды осторожно спрашивал Трифонова, как это получилось. Он отвечал, что сам не знает, и что это для него самого загадка. В «Записках соседа» Трифонов то и дело передвигается из одного времени в другое, и трудновато понять логику событий, но все же кое-что открывается.

Елизар Мальцев, сокурсник и приятель Трифонова, уже получивший Сталинскую премию за роман «От всего сердца», намекнул, что слышал о «Студентах» мнение: «Слишком много евреев».¹¹ По-видимому, у Трифонова сразу появилось много завистников в институте, в Союзе писателей. Слишком дорого стоила Сталинская премия: и блага, и слава, и страховка, и открытая дорога.

Твардовский, подвыпив, любил отпускать при Трифонове антисемитские шуточки. Трифонов помалкивал, такое было время. Космополит в «Студентах» по фамилии Козельский вроде бы без окраски. А все ж Трифонов придумал фамилию неосторожно. Яков Козловский, будущий поэт и переводчик, не лучшая личность на советском Парнасе, но он был сокурсником и приятелем Трифонова. Вдвоем написали они ту первую в жизни Трифонова статью для газеты «Московский комсомолец» — о заводе, на котором Трифонов раньше работал. Теперь критики пишут «первый рассказ».

О получении Сталинской премии Трифонов вспоминает в «Записках соседа» так. На комитете по этим премиям Михаил Бубеннов сказал: «Он сын врага народа». Сталин спросил: «А книга хорошая?» И Федин снова поддержал своего студента: «Хорошая». Дали (то есть сам Сталин дал, кто же еще?) третью премию. Трифонов полагает, что Сталин вспомнил отца или дядю Евгения, и это «была любимая игра: дети целуют руки, обогранные кровью их отцов».¹² Поцелуй этот, как ни отрешившись от него, обеспечил взлет писателя со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Перед Трифоновым открылись двери журналов и издательства. Не все двери, оговаривается он. В театре была «другая мафия», и сделанную им пьесу зажали. Дома росла полка пе-

реизданий и переводов «Студентов». А молодой писатель в русле отведенной ему роли инженера человеческих душ едет изучать жизнь на великую стройку коммунизма – Туркменский канал. Там, закрыв глаза на лагерь, сочиняет что положено, под художественным названием «Утоление жажды».

Спас его от махровой литературной стези, как ни странно, опять Сталин. Спас своей смертью. Великую стройку закрыли, застряла и рукопись. Возвращенный в семью, где на полке стояли книги с дарственными надписями Сталина его революционерке-бабушке, Трифонов начинает медленно, медленнее многих других, разбираться в происходящем, а пора бы. Не могла не повлиять на него и женитьба на Нине Нелиной, певице Большого театра. Не мог он не узнать, что бывала она в постели у Бери. Жизнь с ней отягощалась частыми ссорами, дутьем и тяжелыми обидами и закончилась ее смертью на курорте Друскининкай, куда она от него удрала.

Он презирает толпу с ее, как он выразится позже, «бессмысленным бараньим одушевлением» текущую к гробу вождя. Он отделяется от тех, кто продолжает сочинять, как Трифонов сам выразился, «хитро-мудро-хвалебное». Но обе эти цитаты – из позднего Трифонова. А тогда многократно перекроенный роман «Утоление жажды» все же был напечатан Кожевниковым в «Знамени». Опять непонятно, что в тексте написал сам Трифонов. Рукопись-то ходила из одного журнала в другой, многократно обрастая чужой правкой.

Сегодня чтиво это невыносимо скучное. А тогда автор выступал с наставлениями другим на Всесоюзном съезде писателей. Перед Трифоновым открылась «Роман-газета» – чтиво для средней массы. Мафия изготовителей литературных суррогатов впустила его в число своих. Роман был выдвинут на Ленинскую премию, но почему-то не потянул. Может, впереди Трифонова в очереди на премию оказались более мускулистые писатели?

Короткое разоблачение культа миновало. Агитпроп снова воспитывает массы на подвигах героев-отцов. Отцы эти – партийные бонзы двадцатых-тридцатых, искренние или лицемерные прихвостни Ленина и Сталина, создатели славной империи. Политиздату предложено привлечь к серии «Пламенные революционеры» писателей, которые интересуются не тем, чем

надо: пусть они займутся делом. Трифонову есть что сказать, ведь его собственный отец такой герой.

Еще предстоит историкам детально изучить, чем занимался в действительности Валентин Трифонов. Был он не просто одним из создателей Красной армии. В 17-м организовывал грабежи. Под его началом большевики напали на склады Офицерского союза на Мойке, добыли 4000 винтовок для партии и другое оружие. Сын сам называет отца кочегаром и истопником гигантской топки. В ней сжигали экономику, культуру, испепеляли миллионы людей, губили страну.

Валентин Трифонов оказался одним из главных карателей. Сперва председателем военного трибунала фронта на юге. Потом, в годы, важнейшие для восхождения Сталина, он председатель Военной коллегии Верховного суда СССР, той самой, которая сбросила в топку и его самого. Скольких же он лично подвел под расстрелы и лагеря?

Часть архива отца осталась дома, не взяли. Но главное, конечно, в госхранилищах; если не уничтожат, когда-нибудь узнаем хотя бы общее число жертв этого сталинского оруженосца. Миф в советской энциклопедии опирается на статью сына «С юности – на всю жизнь», о которой и говорить неловко.¹³ Но отец, превращенный из врага народа в партийного героя, помогал сыну входить в определенный круг послесталинской элиты. В печати воспевались пламенные революционеры, а в Самиздате мы читали «Мой папа убил Михоэлса».

Про отца Трифонов пишет для Политиздата книгу «Отблеск костра». В мемуарах отметит свой «антисталинский тон».¹⁴ Но книга вполне просоветская. Романтизируя героя-отца, Трифонов поднимал себя. При этом опыт отца научил его осторожности в словах и поступках. Но в отличие же от отца, сын следовал нормальной, а не классовой морали, общечеловеческой порядочности. В литературных делах было всякое, но в повседневной жизни Трифонов-младший часто не поступал никак, но избегал поступать нечестно.

Освящение революции, воспевание ее мифологических героев – вот какую задачу ставило издательство ЦК КПСС перед авторами. Трифонов писал (да и не могло быть иначе) полуправду, то есть полуложь. Помню свою книгу о воспитании детей в той же редакции Политиздата, – такому надруга-

тельству я нигде не подвергался. Полуграмотные редакторши (некоторые из них были женами партийных чиновников) кромсали на свой лад страницу за страницей. Такова была установка.

Кто и сколько поправлял в текстах, которые сейчас цитируются трифоноведами в качестве образцов индивидуального стиля писателя? Была это «мерзость рукоприкладства» или шлифовка написанного? Становился конечный продукт хуже или лучше сделанного рукой автора? Каков Трифонов непоправленный, так сказать, девственный?

Узнаем ли мы когда-нибудь, что сочинил он сам, сидя лично за столом, если все, им созданное, месяцами, а иногда годами многослойно видоизменялось под контролем внутренних рецензентов и десятков редакторов разных рангов – от главных до литературных правщиков? Но, безусловно, этот многоэтапный и неизбежный контроль давил на талант писателя, вынуждая его быть более осторожным в выражении чувств и мыслей, постоянно думать о проходимости, ущемлять свой дар. Самоцензура стала неотъемлемой частью творческого процесса.

Можно ли представить себе самого среднего дореволюционного русского писателя, переписанного издателями от корки до корки? Этот процесс, а не только доктрины и герои, неотъемлемая сущность соцреализма. Беременный автор рождает, так сказать, коллективно. Все кричат, соединяя его талант с указаниями. Речь не о недостатках прозы Трифонова, а о сути деятельности писателя в такой стране. Его задача – сваять приемлемый полуфабрикат, который доработают те, кто не умеют писать, но имеют нюх, что должно и, главное, чего не должно быть в тексте.

Мы как-то забыли, что даже Солженицын начал как советский писатель и текст «Одного дня Ивана Денисовича» был превращен редакторами в исправленный продукт. Солженицын вырвался из пут только через Самиздат, когда его запретили публиковать. Нет у меня ни единой книги, рассказа, статьи, опубликованных в Советском Союзе до эмиграции, без мерзости рукоприкладства. Только на Западе узнали мы, что такое публиковаться. Это значит, редактор или издатель просто прочитал, и ему либо понравилось, либо нет. И если да, то не трогают ни запятой.

Писатель Юрий Трифонов от рождения до смерти жил с няньками, без них печататься ему не довелось. А вспоминает он об этом не только без возмущения, но с похвалами замечательным редакторам. Можно его понять: ведь они его сделали автором с именем, не он один сам себя. Опять-таки не вина его – несчастье.

Сейчас критики пишут, что он боролся за каждую строку. Но это лишь доказательство, что каждую строку просвечивали, обсуждая, что вынуть, добавить, переделать. Даже изданное прочищалось в переизданиях. Намеки выскребались. Все сегодняшние опубликованные тексты Трифонова, к сожалению, нельзя считать аутентичными, они – коллективный продукт.

На симпозиумах с иностранными коллегами Трифонов рядом с писателями-чекистами. Трифонов сам отмечает в «Записках», что у именитых членов Союза писателей были свои люди наверху, которые их поддерживали. Он «подходит», устраивает власти и поэтому путешествует, чтобы на Западе не говорили, что писателей держат на привязи.

Он болельщик: футбол и хоккей – дань времени, косвенно осуждаемая им в книгах. Дома он часами сидит у телевизора, наблюдая, кто какой ногой и в какой угол ворот забивает мяч. Говорить предпочитает на эту же тему. И как болельщик ездит за границу представлять на трибунах, болеть «за наших», психологически поддерживать советский спорт. А когда заводят шашни с коммунистами ФРГ, ему рекомендуют встретиться в Мюнхене с коммунистами (он говорил чуть-чуть по-немецки).

Судя по его собственным воспоминаниям, прозревает он медленно, позже многих других, скрытно. Читает то, что раньше не читал: Цветаеву, Мандельштама, Булгакова. Учится писать под Хемингуэя. Постепенно он становится другим Трифоновым. Соединение старого и нового в его собрании сочинений выглядит странно. Но не странно ли видеть подлинный талант в роли советского официального писателя?

Шло противоборство власти и интеллигенции, а он, за малым исключением, старался оставаться в стороне. Его тянули в водоворот протестов, а он ускользал. Даже обосновал свою позицию в последнем своем романе «Время и место»: «В лите-

ратуре каждый отвечает за себя». Звучит респектабельно, но так ли это было? И где в его стремлении понять и описать бытие, камерный мир таких, как мы, гражданская позиция литератора определенного времени, а где страховка себя от опасности потерять завоеванное? «Самое трудное, что может быть, – размышляет он, – жить так, как хочется».

В романе «Время и место» (название, которое, кстати, можно дать почти любому произведению любого автора) Трифонов выводит вроде бы самого себя. Тут появляется у него формула «ненужный гений» – о людях не ко двору, дериват «лишнего человека». Разумеется, воспитывать нужных гениев и травить ненужных было одной из основных задач идеологии в области культуры. Но сам Трифонов вовсе не считался властями ни лишним, ни ненужным.

В России большими писателями становятся авторы в годах, а официальное признание и читательское чаще всего существуют отдельно. Он сделался признанным, будучи студентом, причем триумф был и официальный, и массовый. Может, это держало его в узде, открывало возможность и дальше приручать его?

Он печатался, накапливал известность, поднимался. Многим претили игры в лояльность на заседаниях в Союзе писателей. Дважды друзья втянули его в компании подписантов защищать обижаемых писателей. Потом он вспоминал об этом с иронией и какой-то брезгливостью.

В 75-м за заслуги перед советской литературой Трифонов награжден орденом «Знак Почета». Многим кооперироваться с функционерами было унизительно, он же участвовал в этом с многозначительным видом. Занимал официальные посты, которые помогали печатать то, что у других не прошло бы. Писал благостные внутренние рецензии на рукописи бездарностей, с которыми состоял в правлении, а они за это сочиняли про него. Он был вполне практичным и пробивным.

Когда дочь его кончила институт и нужно было оставить ее в Москве, Трифонов умело мобилизовал все связи, нажал на все клавиши наверху, какие надо, и вопрос решили положительно. Дома он был самим собой, а на людях превращался в их человека, чужого себе и нам. Он лучше многих усвоил правила игры: что можно и в какой дозе. И в какой дозе то,

чего нельзя. В романе «Дом на набережной», за который часть официальной критики упрекала писателя в излишней мрачности, он не рассказал и малой доли того, что происходило, – хотя бы в рукописи для себя, для издания потомками.

Трифонов стремится в «Новый мир», который на взлете. Но там печатают Солженицына, а к Трифонову давно охладели. И тут Твардовский купил дачу умершего Дыховичного. А Трифонов (снова удача) купил соседнюю дачу, принадлежавшую соавтору Дыховичного Слободскому. Для соавторов в заборе была даже калитка, которую Твардовский, въехав, сразу заколотил. Постепенно соседи сближаются. Садовые заботы смешиваются с литературными, но главным, как оказалось, стало другое.

Редактор «Нового мира» пристрастился ходить опохмеляться к соседу, у которого всегда припасено. И жена Твардовского просит не отказывать, ибо он все равно найдет. Трифонов, я бы сказал, простодушно пишет, что, «прощаясь после прекрасного застолья на свежем воздухе в саду или на веранде с открытыми окнами», Твардовский просит заплетающимся языком, пошатываясь: «Почему вы нам ничего не приносите? Приносите! Нам интересна каждая ваша страница!»¹⁵

Вот и рукопись Трифонов передает через общий заборчик прямо в руки Твардовского и – как когда-то «Студенты» – судьба рукописи решается без литературных шестерок. Хотя, конечно, опять над ней пыхтят: убирают, добавляют. Трифонов пишет, что даже когда были в восторге от новой рукописи – все равно потом «начинали работать».

Травят Солженицына. Выкидывают из «Нового мира» Твардовского. И в эти дни выходит «Обмен» Трифонова, как сам он вспоминает, «без единой цензурной поправки».¹⁶ Все спрашивают: «Как удалось напечатать?» Трифонов поясняет: «Я догадывался, что тут просто удачно сложились печальные обстоятельства».¹⁷ Что ж, возможно. Но рукопись была приемлемая, редакторы до цензуры тоже, конечно, поработали. И была, по-моему, еще причина.

По выражению самого Трифонова (не высказанному, но записанному дома), кругом «шумела несъедобной ботвой кочетовская псевдолитература».¹⁸ После расправы с Солженицыным власти тоже это понимали. Трифонов был нужен. «Трифо-

нов – это Солженицын для домашнего употребления», говорилось тогда в узких кругах. Он являл собой хорошую литературу в ее умеренной, лояльной форме. Трифонов устраивал верхи, предлагая произведения талантливые, но умело обходящие главные язвы общества. Он заполнял собой в литературе место тех, кого вытравили: автора «Доктора Живаго», Солженицына, Гроссмана, Даниэля, Синявского, самиздатовских писателей.

О достоинствах, психологической глубине, душевности прозы Трифонова опубликовано много умных и справедливых слов. Заслуга писателя в том, что он, согнувшись под гнетом обстоятельств, выработал свой язык общения с интеллигентным читателем, язык полувывысказывания, некасания запретного, намека на то, что всем известно, но что печатать запрещено. Странно, однако, что он, выразитель менталитета советского «среднего класса», обходился без фантазии и игры. Булгаковская фантазмагория и афористичность были не его манерой. У него не присутствует юмор. И это тогда, когда реальная жизнь пеннелась анекдотами, официальные мероприятия смотрелись как мыльные оперы, да и сами фигуры лидеров были пародийными.

Грешно осуждать писателя, который пытался выразить себя в том времени и шел на сделки с собой и с другими ради открытия себя читателю легальным способом. Неловко обвинять в слабости, честолюбии, компромиссах. И чем талантливей автор, тем ему простительней. Но пытаться понять, как писатели выживали в одной системе и все по-разному, – необходимо. Разложить по полочкам нашу совесть и бессовестность, бескомпромиссность и наплевизм, беду и вину. Наш конформизм – это наш исторический опыт. Читаю сейчас статьи о том, что никакой советской литературы нет и не было, – разве это постижение истины? А полки, заставленные в библиотеках мира?

Не случайно некоторые западные критики не включали Трифонова в «литературу нравственного сопротивления». В мрачные годы он издал, не считая миллионотиражных «романгазет», более пятнадцати книг. Двадцать раз его вещи печатали в толстых журналах. Скрытный и флегматичный, не борец и не инакомыслящий, оскорбительно называвший диссидентов «так называемыми прогрессистами», он смотрелся как впол-

не советский преуспевающий писатель, если хотите, литературная номенклатура. «Благополучный и процветающий Трифонов», – сказал о нем тогда ответсекретарь «Нового мира» Закс.¹⁹

Но в то же время, с первой своей книги Трифонов стал, в определенной степени, выразителем забот той части общества, которую Солженицын назвал «образованцами», и части подлинной интеллигенции.

Круг его тем узок. По мнению западной славистики, он показал несчастье в советской семье, что, конечно же, немало.²⁰ Человек из «прослойки» – как агитпроп окрестил лучшую часть российского общества – он пытался отразить происходящее в этой прослойке в тухлое время. Быт, прошедшие отрезки истории, взятые до предела разрешенного. Ведь если лишнее, то похвалят за смелость и выкинут из редакционного плана. В «Нетерпении» сделана интересная попытка расследования происхождения террора в России, но умело обойдены наиболее опасные точки соприкосновения террора с Лениным. Сидя на двух стульях, он пытается вырваться из мифологии, из советского менталитета, и это ему отчасти удается.

За узость тематики приходилось платить повторами. Повторы приучали редакторов и облегчали публикацию с малыми дозами добавок. Характеры из «Студентов» не раз трансформируются в других вещах. «Дом на набережной» во многом повторяет «Студентов». Те же герои (был Вадим Белов, а стал Вадим Глебов), та же линия (конфликт «студент – профессор»), только другой, в духе иного времени, угол зрения. Неоконченный роман «Исчезновение» – в сущности, еще раз повторение «Дома на набережной», «Старик» – тоже перепев уже написанной темы.

В «Старике» все положительные герои русские, а все негодяи – творившие беззаконие и расстрелы – инородцы. Прimitивный национализм подбадривался властями. Знакомая концепция, которая кажется немислимой для употребления порядочным писателем, и тем не менее она здесь налицо.²¹ Неужели Трифонов так считал? Нет, он платил за публикацию. Чтобы выжить, а затем «входить в список», он добровольно подгонялся (или позволял себя подгонять – что на практике одно и то же). За благополучие и успех платил отрывом от реаль-

ности. «Россия наедается... идет испытание на сытость», – писал он, когда все уже разваливалось.²²

Может, Трифонов не успел развернуться по-настоящему? Не хватило лет, которые не дожил? Муза истории Клио (он называл ее почему-то богиней) рассудит, писал он, кто был прав и виноват, а мы, грешные, сочиняем, как сегодня разрешают. Осуждать за это нельзя, но не говорить об этом – значит, кривить душой и нам.

Сегодня интересно читать не только прозу Трифонова, но и статьи его критиков. Это они вытаскивали за уши положительные качества его героев, а сейчас точно так же выпячивают отрицательные. Тогда критики доказывали, что Трифонов созидал светлое будущее, сейчас – что он разоблачал. Сам он предпочитал, как сказал о нем кто-то из коллег, гомеопатическую правду.

На посвященной Трифонову секции Всемирного конгресса славистов в Херрогейте (Англия) в июле 1990 года одна советская критикесса эпохи гласности крикнула: «Трифоноведы всех стран, соединяйтесь!» Идеализация Трифонова, далекая от реального «времени и места», имеет быть и в западной славистике.²³ Видимо, для объективного анализа еще не настало время.

Он часто шел на поводу у обстоятельств. К нему искали подхода молодые писатели, чтобы помог. Он редко это делал. О молодых авторах писал: «Чем скорее от них отделаешься, тем лучше».²⁴ Даже провозгласил с трибуны некую теорию, что помогать не надо, что талантливый человек сам придет в литературу, забыв, что бы с ним самим случилось, не приподними его Федин и Твардовский. Но нужным людям, пробивным посредственностям со связями помогал. Так, он вывел в люди молодого журналиста, которого ему рекомендовали. Сын высокопоставленного отца, быстро вступивший в партию, написал пару рассказов и при поддержке Трифонова опубликовал их. Прошло несколько лет, и протеже Трифонова сделали секретарем Московской писательской организации.

Один из парадоксов биографии Трифонова в том, что писателя поддерживали своей властью именно те бездарности, которые активно топили таланты в литературе. Редактор его сочинений – секретарь Союза писателей Сергей Баруздин. Предисловия к его книгам о том, что в них святые революцион-

ные идеалы, и о том, что Трифонов хранит верность этим идеалам отцов и дедов, пишет другой секретарь Союза писателей Феликс Кузнецов.²⁵ Так его приручали. Но и в трудной славе своей Трифонов все равно оставался жертвой молоха.

В семидесятые годы никто уже не требовал веры в догмы, но нужно было недюжинное умение приспособливаться, дар соблюдать правила идеологического поведения, и эти качества у Юрия Трифонова нашлись. Он оказался подходящим внутренним интеллигентом и внешним коллаборационистом. У него даже лицо становилось похожим на их лица, когда он был среди аппаратчиков: многозначительное и ничего не выражающее. Чувство опасности его никогда не покидало. Он умело уклонялся от знакомств, которые могли повредить. Но когда много издавалось литературы о фантомной деревне, о положительном пролетариате и партийных героях, именно он пытался осмыслить нелепость и убогость существования «прослойки» – советской интеллигенции. Именно у него мы видим приход в ничтожную жизнь с мелочными заботами тех, кто воевал за всеобщее счастье, видим нравственное падение наследников героев-отцов.²⁶

К счастью, он избежал участи стать «народным» писателем, лишь числился «в обойме». В столицах толстые журналы с его повестями зачитывались до дыр. А в Твери я купил его избранное в нагрузку к дефицитной книге «Домашнее консервирование овощей». Он мог сорваться множество раз – и всегда удерживался. И при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневле он сполна получал то, что многих обходило стороной. Читаю его посмертные записки – ни слова о собственных зигзагах. Он осуждает ошибки времени. Сам он в этом времени всегда прав, и это немного жаль.

Встреча в Америке

В конце 88-го кафедра русской литературы Калифорнийского университета в Дейвисе пригласила меня читать лекции. Однажды в разговоре профессор Джим Галлант (вечером мы плавали в бассейне по параллельным дорожкам) упомянул имя Трифонова. Писатель, оказывается, побывал здесь незадолго

до смерти. На следующий день мы записали воспоминания Галланта на диктофон. С разрешения рассказчика, привожу их в переводе с необходимыми пояснениями.

– Помню день в 77-м году, когда Трифонов прилетел в Дейвис, – вспоминает Джим Галлант. – Было ясно, сухо, солнечно. Точную дату посмотрим в лаборатории Олсона, на видеокассете. Там всегда аккуратно регистрируют.

По традиции здания в американских университетах названы именами людей, которые дали средства на их постройку или были известными здесь личностями. Трехэтажный Олсон примыкает к зданию «языков и литератур», где размещены офисы профессоров. Самый комфортабельный этаж Олсона – под землей. Здесь, в лингвистических лабораториях, можно смотреть телепрограммы более чем из ста стран, в том числе, например, российское «Время».

– Трифонова сперва пригласил Канзасский университет, – продолжал Галлант. Это была их идея – послушать живых советских писателей. Потом его позвали в Лос-Анжелес, а оттуда профессор Елена Вайль (она была русская и похожа на цыганку) взяла его в университет Ирвайн. Через Елену Вайль я передал Трифонову, что мы предлагаем ему две лекции и хотим записать его на видеопленку, – тогда это было в новинку. Трифонов запросил большущий гонорар. По крайней мере, нам двойная плата за каждую лекцию показалась непомерной. Пришлось сговориться с кафедрой в Беркли поделить транспортные расходы. Договорились, что гость прочтет вечером общую лекцию для университетской публики, а днем в телестудии. В одиннадцать утра я встретил Трифонова в аэропорту Сакраменто и сразу повез его на ленч.

Дейвис наш лежит в золотой долине. С востока и запада на горизонте горы. Аэропорт Сакраменто минутах в пятнадцати от университета по Сто второй дороге, а затем кусок по Пятой, которая идет через все Тихоокеанское побережье от Мексиканской границы через Калифорнию в Канаду. Галлант вспоминал неторопливо, и мелкие детали мне кажутся интересными.

– Гость оказался не очень-то разговорчив. С ним приехал довольно странный парень, состоящий при нем как бы переводчиком, но тоже поразительно молчаливый.

– Может, Трифонов просто устал с дороги?

– Или Елена Вайль вытянула из него все соки, и нам ничего не осталось. До Трифонова у нее был Булат Окуджава, и она буквально держала его у себя, как в тюрьме, бесконечно расспрашивая обо всем. Она как раз сочиняла что-то о советских писателях. Думаю, она и Трифонова арестовала также.

Но если серьезно, вряд ли писатель так устал оттого, что поговорил, пусть даже несколько дней, с профессором Вайль.

Ленч устроили в профессорском клубе, в парке, на берегу речки. Заявились и несколько студентов, которые всегда ищут случая послушать живую русскую речь. Стали договариваться о программе. Общая лекция планировалась для широкой публики с переводчиком, а вторая, более специальная, для преподавателей и аспирантов, которые понимают по-русски.

Сразу уточню: широкий круг в Дейвисе – если выступает, например, Джон Апдайк или Курт Воннегут – несколько тысяч студентов и много профессуры. Вход недорогой, но платный. Если в гостях известный русский (не обязательно писатель) – в лучшем случае три-четыре десятка человек и, разумеется, вход свободный. А узкий круг – это три-пять профессоров и три-пять аспирантов, всего шесть-десять слушателей. Правда, заинтересованных и благодарных. После ленча Трифонов сказал:

– Я ужасно устал. Так много приходится ездить!

– Но у нас с вами договор, – помрачнел Галлант. – И все уже объявлено.

Писатель был не очень дружелюбен, молчал.

– О'кей! – отступил Галлант. – Если вы не можете дать две лекции, предпочтем одну в телестудии. Нам останется на память сувенир.

На студию отправились не в лучшем настроении. Галлант попытался его поднять. Все вам здесь рады, ценят вас и любят, ласково говорил он гостю. Студенты понимают, что вы устали. Давайте попытаемся сбросить напряжение. Не огорчайтесь, будьте самим собой. Конечно, студенты не все поймут по-русски. Но будет интересно для будущих поколений смотреть на вас. В общем, сеанс психотерапии, чтобы вдохновить Трифонова. Но тот не внимал.

Гостя усадили в кресло, все расселись вокруг. Трифонов огляделся с опаской. Его одутловатое лицо было мрачным. Он

напоминал гиппопотама, которого против воли вытащили из воды и поместили в клетку. Включили софиты. Стало светло и жарко. Трифонов сказал:

– Ну, ладно. Что мне делать?

– Всё, что желаете, – ответил Галлант. – Может, расскажете о том, что вы пишете? Или... о том, что происходит в советской литературе?

– Не может быть! – заметил я. – Писатель приехал выступать и спрашивает, что ему делать?

– Странно, но он не был готов к лекции, – вспоминает Галлант. – Видимо, не продумал, о чем говорить, хотя проехал несколько университетов. Неужели везде так же выступал? Даже не поинтересовался заранее, чего мы хотим. А мы не знали, о чем можно и о чем нельзя спрашивать. Возникло, как мне кажется, взаимное непонимание. Между тем гость вытащил из кармана небольшую книжку и опять спросил: «Начать?» Я кивнул...

Прерву здесь воспоминания Галланта. Мы с ним отправились в лабораторию в корпусе Олсон и попросили эту видеозапись. За прошедшие годы никто не брал ее. На кассете дата: 22 ноября 1977.²⁷ Уселись мы в одной из просмотровых комнат. Стены окрашены в черный цвет, два стула и телевизор, больше ничего. Почувствуйте с нами мистическую обстановку, в которой, нажав кнопку, мы вызвали дух Юрия Валентиновича Трифонова. Он перед нами явился, шумно вздохнул и спросил с экрана, глядя куда-то в сторону, мимо нас: «Начать?»

И Трифонов начал. Вот текст его выступления. Сожалею, но мне пришлось бережно отжать воду: без этого его устная речь совершенно непубликабельна. Писатель говорит вяло, с трудом, многократно повторяя и путая слова, без эмоций. Ощущение такое, будто ему самому противно происходящее.

– Это моя книга статей о литературе, – Трифонов показывает книгу.²⁸ – Состоит книга из статей, которые печатались в разное время в наших газетах. В частности, тут небольшая статейка, которая была напечатана в «Литературной России». Там есть рубрика «Как мы пишем». Они обратились к ряду писателей с просьбой рассказать о том, как писатели работают. Не знаю, как в Америке, но у нас большой читательский интерес к тому, как работают писатели, собственно говоря, какова их творческая лаборатория.

Помню, в двадцатых годах (оговорка: не помню, а читал или слышал, что... — Ю.Д.) издавалась такая книга. Были напечатаны ведущие тогда писатели: Алексей Толстой, Горький, Замятин, Бабель, Пильняк, Булгакова там, кажется, не было, Всеволод Иванов, Лидин, Зощенко, Тынянов. Каждый по-своему писал. Одни всерьез, другие, так сказать, по-научному подходили к вопросам: когда вы больше любите работать: утром, ночами или вечерами, курите ли вы. Алексей Толстой шутил: главное для писателя во время работы — мягкий желудок. Надо очищать желудок. А некоторые отвечали, как немцы говорят, со звериной серьезностью. Когда ко мне обратилась «Литературная газета» (оговорка: выше была «Литературная Россия». — Ю.Д.), я не смог шутить и всерьез к этому подошел.

Писатели, мне кажется, делятся на две основные категории. Одни — графоманы, которые начинают ощущать себя писателями с раннего детства и посвящают этому жизнь. Вторые приходят в литературу из других профессий. Это часто бывает еще более удачно. Чехов был врачом, Булгаков врачом. А некоторые у нас, как ни странно звучит, даже учатся на писателей. Литературный институт — загадочное учреждение. Непонятно, нужен он или не нужен. Я учился там, но когда рассказываю, встречаю усмешки. А Пушкин учился в Литературном институте? А Горький? Ну, и зачем нужен институт?

Это, пожалуй, самый маленький институт в Союзе. Он создан был Горьким в 1934 году. Там человек 80 на всех курсах. Академическая программа та же, что в университете. Но кроме того, творческие семинары. Я учился после войны. Были Федин, Паустовский, Леонов, Катаев, поэты Сельвинский, Антокольский. Мы читали свои произведения, обсуждали. Нужно было это или нет? Я до сих пор не знаю.²⁹

Я себя считаю графоманом и все равно литературой бы занимался. Этот институт окончили Солоухин, Тендряков, Бакланов, Бондарев, Винокуров, Симонов, Казаков, Евтушенко, Ахмадулина и так далее. Много писателей советских там училось. Это не доказательство, что институт полезен, но какая-то польза от него, безусловно, была. Не от академической части: в университете давали лучшее образование. Там было, во-первых, общение с писателями, а во-вторых, общение друг с другом. Помню, первый и второй курсы были очень плодо-

творны. Мы ощущали большой внутренний рост. Мы очень многое понимали. Потом это замедлялось, конечно.

Я окончил этот институт в 49-м году. Там начал писать свою дипломную работу роман «Студенты». Она вышла в 50-м. Сейчас эта книжка как бы и не моя. Но в те времена мне казалось, что я стал писателем. Понимаете, было довольно трудно противостоять каким-то обстоятельствам, потому что я получил премию сразу же. Книжка была официально одобрена, вышла за границей. Сейчас эта книжка для меня как бы не существует. Писатель, я считаю, не должен отказываться от своих книг, но может уходить от них очень далеко, что я, собственно говоря, и сделал. Ну вот, я вам прочитаю из статьи...

Далее Трифонов, не глядя на слушателей, безо всякого выражения монотонно читает по книге о том, какие советы давали ему писатели старшего поколения. Видно, что текст ему самому надоел, если не противен, ибо читает он одно и то же, каждый день. Прочитав кусок, гость отрывается от книги:

– Тут надо сказать два слова. Паустовский – писатель у нас очень популярный, а как прозаик – не мой кумир. Я считаю, у него много слабостей. Он чересчур романтик. Но в своей гражданской позиции и в литературном кругу, в котором мы находимся, он проявил себя хорошо и был настоящим учителем для многих своих учеников.

Затем Трифонов читает еще отрывок из той же книги. И комментирует:

– Тут опять надо сказать два слова. После книги «Студенты» у меня был трудный период, когда писать по-прежнему я не хотел, но нового стиля и нового пути не находилось. Я поехал в Туркмению, на стройку, в пустыню Кара-Кумы. Прошло несколько лет, прежде чем вышла следующая моя книга – рассказы, связанные с этой поездкой...

Читает он дальше о том, как подражал Паустовскому, выписывая детали, а потом назвал эту литературу «пахло мокрыми заборами» (цитата из Паустовского). Не объясняет, почему тот так писал и как выжил на своей романтике, далекой от жизни. Затем Трифонов поражает американских слушателей откровением: писателю надо иметь, что сказать. Временами он останавливается, пролистывает наугад несколько страниц и снова читает. Потом обращается к слушателям:

– Вот, собственно говоря, такие отрывки. Мне кажется, вам может быть понятен довольно трудный путь, который мне пришлось преодолеть.

Далее, что уж совсем странно, Трифонов зачитывает вслух интервью с самим собой, опубликованное в журнале «Москва»: о своих любимых литературных героях, среди которых Раскольников, Остап Бендер, а из времени революции и гражданской войны Григорий Мелехов и Аксинья. Трифонов оправдывается, что отрицательные фигуры нравятся ему лишь тем, как они изображены. Затем писатель говорит:

– Я могу еще что-нибудь почитать, а если не хотите, то спрашивайте...

Джим Галлант вспоминает:

– Я взглянул на часы, когда он кончил, и растерялся. Ничего живого, нового, никакого анализа происходящего там в литературе. Ничего похожего на лекцию или дискуссию. Может, ему жарко? Трифонов переспросил: «Ну, читать дальше?» И я поспешно ответил: «Хватит, хватит...» Наступила неловкая пауза. Некое разочарование или, мягче, недоумение. Камеры выключили, и Галлант спросил:

– Хотите на себя посмотреть?

Тогда это было довольно необычно – увидеть себя. Дома «видюшников» даже в Америке почти не было.

– Нет, нет, – отозвался гость.

– Сделаю вам копию, – сказал Галлант, чтобы Трифонов был уверен, что не сказал чего-либо непожеланного.

Опасного, однако, гость абсолютно ничего не вымолвил. Лекция продолжалась 32 минуты. Половина этого времени – паузы и бесчисленные «так сказать», «вообще-то» и «собственно говоря», которые я, уж извините, выкинул. Лектор получил конверт с гонораром в четырехкратном размере, в том числе и за лекцию, которую он не читал: чек гостю не годился, и один из профессоров упаковал в конверт свои наличные. Позже Трифонов, как положено, аккуратно сдал большую часть валюты в советское посольство в Вашингтоне.

Теперь я позволю себе отступление о писательских выступлениях вообще.

Считается (и в России, и в эмиграции), что хороший писатель и выступает с блеском юмора и умно. Однако умение

держат аудиторию, вовремя находят и предъявлять зрителю экспромты, пускай давно отрепетированные, артистизм даны не каждому. Умеющих выступать писателей, прямо скажем, немного. Но и они, как правило, не придерживаются темы. Большинство же перечисляет названия своих книг с кратким содержанием. Читают старые рассказы, не отрывая глаз от бумажки. Иные приносят толстую рукопись и, усевшись за стол, долго пролистывают, почитывая бессвязные куски. Публика в изумлении переглядывается, а писатель принимает это за знаки восторга. Понимаю читателей, которые зевают, встают и уходят.

Дара выступать Трифонов был лишен начисто. Однако причина разочарования слушателей лежала глубже.

Было несколько русских писательских имен, знакомых американским студентам. Слависты на кафедрах знали, разумеется, больше. Долгие годы многие в Америке считали Трифонова автором одной породы, скажем, с Кочетовым или Бондаревым. Но после появления «Дома на набережной» этот писатель был, так сказать, переведен на другой уровень. Именно такого Трифонова и пригласил университет. Иными словами, ждали от него больше, чем от других советских визитеров. Похоже, однако, что сам он к этому не был готов и послушно выполнял жвачную миссию. Говорю это опять-таки не судя его, но чтобы точнее понять, что происходило.

Трифонов между тем опять заявил: он устал и хочет в отель. Конечно, номер ему был заказан в тихой гостинице на зеленой улице, и Галлант гостя отвез. Хотя вечерняя лекция была назначена и широко объявлена, на дверях пришлось написать, что она отменяется.

Через три часа, как договорились, Галлант вернулся в гостиницу. Ресторан Ларри Блейка находился напротив нового кино и был тогда одним из самых приятных в городе. На обед в честь Трифонова собралась вся Русская кафедра (человек пять) и несколько эмигрантов. Утром все огорчились, что лекция сорвалась, но теперь были даже рады: опять скука, вряд ли кто пришел бы. С Трифоновым сидел молчаливый переводчик, как оказалось, просто аспирант из Канзаса, а не то, что вы подумали. К славистам подсоединился Анджей Бржеский, профессор экономики.

– Вы поляк? – спросил Трифонов. – Где вы выучили русский?

– В советском лагере под Бологое, – улыбнулся Бржеский. Трифонов поперхнулся. А хозяева поспешили быстрее сменить тему.

Гость продолжал жаловаться: ему приходится здесь читать лекции каждый день, и завтра опять – в Беркли. Разговор за столом продолжался осторожный и потому еще более тоскливый.

– Время было такое, – извиняет Трифонов Галлант. – Хмурое. Он боялся говорить, и мы старались не поднимать никаких злободневных вопросов. Один раз у Бржеского проскочило имя Солженицына, и мы зашикали:

– Только не об этом!

Получилось, пригласили за деньги, чтобы рассказать Трифонову о погоде в Дейвисе. Литературная Америка прошла мимо него, он не знал ее и не пытался понять. А об эмигрантской литературе и говорить нечего. Пообедав, Трифонов поднялся из-за стола, расправил руки:

– Ух, как я устал!

– Тогда пойдемте, я вас провожу в отель, – вызвался Галлант. – Здесь рядом.

По дороге гость остановился у кино:

– А что тут идет?

– «Смерть в пустыне»

– О чем это?

– Не знаю, какой-то боевик.

– Во, здорово! Давай сходим, – он почему-то перешел «на ты».

Несколько минут назад Трифонов почти умирал, но вот Галлант купил билеты, и они уселись в пустом зале. Прimitивный фильм с бесконечной пальбой и множеством трупов. Переводчик спросил:

– Вам переводить?

– Не надо, – сказал Трифонов. – Так все понятно.

Он стал похож на ребенка.

– Смотрите, как снято. Замечательно!

Его восхищали детали, краски, звуки. Но едва экран потух, гость опять надел панцирь.

Пришли в отель. Славный, уютный номер с балкончиком. Трифонов сел на кровать и снова сделался существом, запертым в клетку. Галлант напомнил ему, что заедет за ним спозаранку – отвезти в Беркли.

– Почему он пришел в такой восторг от глупого кино? – спрашиваю я. – Он, интеллигентный человек...

Галлант пожимает плечами.

– Может, просто хотел немного отдохнуть от разговоров с тупицами-американцами? Наверно, ему тоже было тоскливо с нами. Он оказался заложником собственных лекций.

Если не считать кино, в глазах Трифонова любопытство возникло только раз. Один университетский специалист по сравнительной литературе оказался коллекционером. Хохмы ради он собирал переводы романов, авторы которых получали сталинские премии. Лежали у него и «Студенты». Трифонов оживился, услышав о том, что он экспонат. Галлант сбегал в библиотеку, сделал ксероксы «Дома на набережной» и еще чего-то. Показал их Трифонову. Тот смутился, решив, что это Самиздат. Галлант объяснил: это из советских журналов. Тогда автор надписал: «Дружески. Юрий Трифонов». Те, у кого сохранились книги с его дарственной, добавлю я, посмотрите: он всем, не мудрствуя лукаво, надписывал слово «дружески».

С утра Галлант, Трифонов и переводчик мчались по Восьмидесятой дороге на Запад, в сторону Сан-Франциско. Гость молчал, и тактичный Галлант не знал, о чем его спрашивать. Накануне к Трифонову пришли двое молодых парней, русских эмигрантов – познакомиться. Наверно, они задавали ему наивные или глупые вопросы, – им просто хотелось поговорить с редким тогда соотечественником. Теперь в машине Трифонов вдруг спросил:

– А кто те жалкие существа?

Галлант объяснил.

– Странные ребята...

– Мне тоже кажется, странные, – согласился Галлант. – Немного чокнутые... Согласно закону в Америку эмигрируют советские евреи. Один из этих ребят русский, да еще антисемит. И с ним трудно говорить, трещит, как пулемет.

– Это медицинский термин, – сказал Трифонов, – страдать пулеметностью речи.

– Иногда, – осторожно заметил Галлант. – Советский Союз просто высылает ненужных людей.

Трифонов подтвердил:

– Высылают мусор, упаковочный материал.

– Но некоторым людям там невозможно жить. И здесь им очень трудно: приходится привыкать к американскому стилю жизни...

В общем, кое-как скоротали час дороги. А когда приехали в Беркли, хозяева тамошней Славянской кафедры сразу повели его в ресторан на ленч. Вроде гость немного оживился.

– А сам он что-нибудь спрашивал? – пытался выяснить я. – Может, о жизни в Калифорнии? О проблемах? Или что-нибудь забавное рассказал? Ну, хотя бы невинный московский анекдот?

– Нет! Ничего не осталось от встречи с ним, кроме ощущения скучищи. Никто из писателей ни до него, ни после – а кто у нас только ни бывал – не навевал такой зеленой тоски.

Слушал я воспоминания о лекторе-мученике и думал: Бог с ним, с замечанием гостя, что беженцы с родины – упаковочный материал; может, он так в душе вовсе и не считал, а сказал для посторонних ушей, на всякий случай. Важней другое. Вот пригласили Трифонова в Канзасский университет на три недели прочитать шесть лекций и оставили еще на три недели: поездить и выступить в разных местах. Набоков по такому случаю писал лекции заранее, а Трифонов, знавший несколько английских слов, на что рассчитывал?

У меня было состояние соучастника. Говоря с Галлантом, я задним числом чувствовал вину за коллегу. Для чего было лететь через полсвета, не подготовясь хотя б к одной интересной беседе? Чего надрываться, скача по университетским кампусам, чтобы вслух почитать несколько старых печатных страниц, имеющих в любой американской академической библиотеке?

Сдав видеопленку, я заглянул в университетскую библиотеку, набрал на компьютере *Trifonov*, поднялся на лифте и снял с полки брошюрку «Продолжительные уроки». Сел на пол, как делают студенты, и стал читать. Оказалось, почти все устные добавки Трифонова к его чтению тоже в книге изложены.

Вспомнил мысль Трифонова: писатель не может отказаться от того, что опубликовал. Почему ж не может, если стыдно, неправильно или просто глупо, если давит бремя совести?

Писателя-лектора Трифонова пригласили в Америку услышать о том, что происходит в современной советской литературе, а он не рассказал даже про то, что говорилось открыто. Не промолвил ни слова на тему, ради которой его пригласили, ни намека о действительной ситуации, чтобы помочь американцам понять, поддержать, наконец, таких, как он.

И тут мы добираемся до сути. Не Трифонов, конечно, решал, ехать ему в Америку или нет. Приглашение обычно не имело значения, о нем и не сообщали получателю; иногда оно играло даже отрицательную роль. Стало быть, имелась причина послать именно его. Когда Трифонов вернулся из Штатов, в «Иностранной литературе» появилось обширное интервью.³⁰

Трифонов говорит, что путешествие в США его пугало, потому что он ехал один, да еще без знания языка. Но там ему дали переводчика. В начале он сообщает, что его пригласили лектором, а в конце – что профессором (он так и не понял разницы, весьма существенной для американской высшей школы), на деле же он не был ни тем, ни другим. В университете штата Канзас гость провел всего шесть бесед, конечно же, о литературе после XX съезда партии: о революционной и военной тематике, о писателях-деревенщиках и о себе. В других выступлениях он обсуждал свои переводы на английский (заметим: без знания языка; значит, кто-то подготовил эту дискуссию, выступавших и пр., а он слушал, как другие говорили).

В интервью Трифонов, как было положено, перечисляет ужасы Америки: мрачность городов, отсутствие пешеходов, преступность, наркоманию, бегство людей из Америки от невыносимого существования и «стандартизации жизни». С другой стороны – в Америке растет русская пшеница и – растет интерес к русскому языку. Однако слависты в Америке – «бедняги», говорит Трифонов. Они вынуждены писать диссертации на «проходные темы»: религия, Достоевский, Чехов, вместо того, чтобы писать о грандиозных успехах советской литературы.

За поездку в США он не встретился ни с одним американским писателем, а эмигрантов боялся, как огня. Самой большой радостью, вспоминает он, оказалась там его встреча в Нью-Йорке с группой официальных советских писателей, которые жили в той же гостинице. Остальное время он грустил.

«Не раз за время своего пребывания там я возвращался к мысли о том, что это страна очень большого беспокойства, иногда мучительного беспокойства», – говорит Трифонов и поясняет, что жизнь в этой стране – погоня за призраками, а суть существования – страх. «Америка находится в состоянии тяжелого и долгого кризиса».³¹

Разумеется, не ради этой убогой пропаганды послали Трифонова, а затем опубликовали интервью. Тогда для чего же? То и другое делалось в связи с выходом в США в переводе на английский книги «Леонид Брежнев. Страницы из жизни». Трифонова отправили возбуждать интерес к советской книге. Он встретился в Нью-Йорке с издателем Брежнева Майклом Кордом. В центре интервью Трифонова «Иностранной литературе» – рассказ о том, как издатель в восторге показывал макет книги Брежнева Трифонову, говорил, как горит желанием «приехать в Москву, чтобы вручить экземпляр Л.И.Брежневу, когда она выйдет в свет».

Но была и еще одна задача у Трифонова в его поездке по Америке, он ее несколько раз касается в интервью. Он явился в США живым представителем мифа о советской литературе. В разгар борьбы с инакомыслием он был послан туда как экспонат. И демонстрировал собой и в своих выступлениях, как он сам сказал, «простую истину: настоящая русская литература творится советскими писателями, живущими и «официально» печатающимися в своей стране».³²

Хочется думать, что эти слова вписали в редакции, но проверить это не можем. Даже если это так, все равно остается фактом, что за американские деньги Трифонов демонстрировал советский блеф, так называемый «дух Хельсинки» и выступал в качестве борца против Самиздата, Тамиздата и диссидентства. Как раз в те дни, когда его возили по Калифорнии, мы переснимали в Москве на микропленку рукописи, чтобы спасти от изъятий при обыске и переправить за границу.

Видимо, власти остались им довольны, ибо, вернувшись из Америки, Трифонов опубликовал интервью, и вскоре его снова послали за рубеж. Вот «Опрокинутый дом» и другие рассказы этого цикла. Рассказы ли? Скорее, газетные очерки, в которых автор разоблачает всеобщее буржуазное потребление, пресловутый американский империализм. После смерти Трифо-

нов удостоился вполне номенклатурного увековечивания для особо полезных власти лиц: в его честь советский корабль был назван «Юрий Трифонов».

Хорошо ли возвращаться к забытому? Сам Трифонов считал, что прошлое нельзя изъять из настоящего, о чем написал в романе «Время и место». «Надо ли вспоминать? – спрашивает он себя. – Бог ты мой, так же глупо, как: надо ли жить? Ведь вспоминать и жить – это цельно, слитно, не уничтожаемо одно без другого и составляет вместе некий глагол, которому названия нет».

Теперь, обдумывая шаг за шагом трифоновское житие, я спрашиваю себя: а что лучше – сотрудничество, появление урезанных, «не своих» произведений Трифонова или, допустим, писание в стол? Попытки сказать публично минимум или обречение себя на молчание? Как было отмечено, Трифонов писал, что все, написанное в сороковые годы, то есть перед ним, было «не литература». Опасная для писателя позиция, ибо дает право послетрифоновскому поколению писателей времени гласности сказать то же самое о написанном Трифоновым.

– Попытаюсь объяснить, – размышлял Галлант. – Он старался в литературе делать все чисто. А остальное были экскременты, без которых не может жить ни одно живое существо.

Нельзя не отдать должное американским интеллигентам: они всегда готовы вас извинить. И даже предложат способ оправдания, чтобы вам чувствовать себя прощенным.

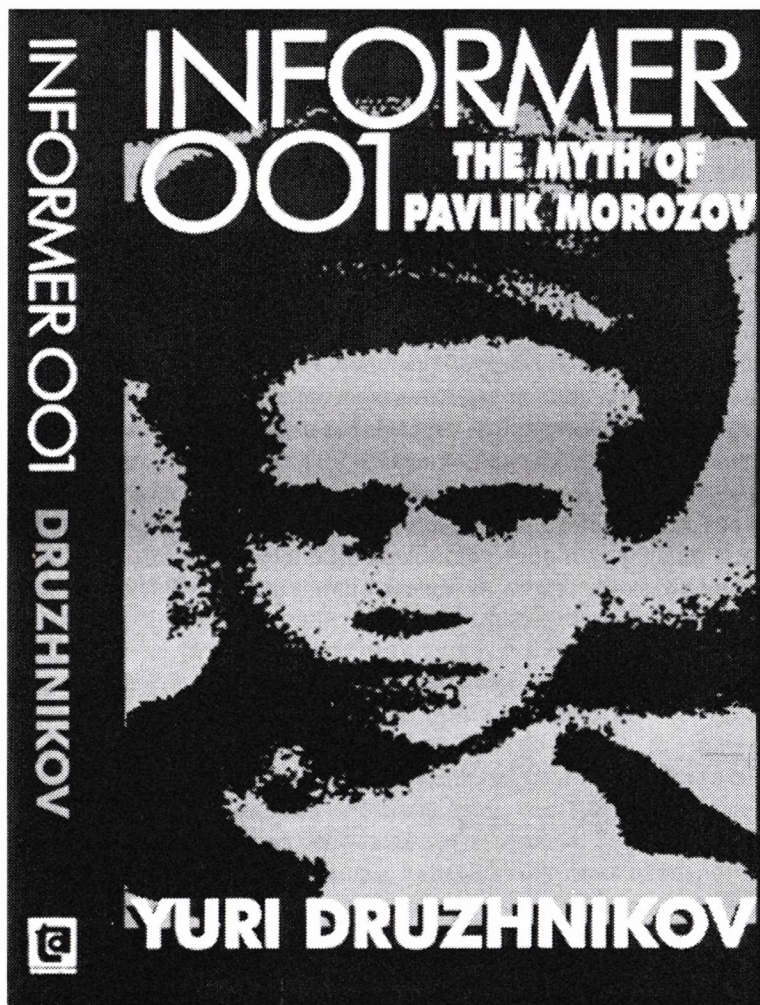
Думаю, причина популярности прозы Трифонова, его влияние на своего читателя того времени объясняются пониманием читателем, таким же недиссидентом, как Трифонов, трудностей публиковать посильный максимум правды. То был взаимный вынужденный конформизм, тактика понятных обеим сторонам мелких хитростей улавливания и додумывания недосказанной правды. А ложь его читатель пропускал, прощал, сознавал, что так надо.

В этой же недосказанности, между прочим, и заключается причина того, что Трифонов, важный для нас, так и остался неинтересным, непонятым американскому, да и вообще западному читателю. Он давно не переиздается, хотя у него были хорошие переводчики. Неторопливое повествование о ню-

ансах чужой жизни оставляет американца холодным. Английский Трифонов нуждается в постоянном объяснении, что, где и почему не сказано, пропущено, подразумевается. Автор не виноват, но и читатель не виноват тоже.

Талантливый, большой писатель, Трифонов пытался освободиться от обязательной советской мифологии, а расплата была – компромиссами. Понимать, как делалась тогда литература, как готов был сгибаться автор, чтобы иметь выход к читателю, думается, необходимо. Ведь именно в этой частичной, но необходимой искренности значение Юрия Трифонова, роль его в оттепели, место, прочно занятое им в истории русской литературы двадцатого века.

Когда Трифонов умер, ему было только пятьдесят шесть. Почечные болезни не вдруг возникают. И необходимость в операции тоже. На беду, Трифонов в Калифорнии только устал, но худо с почкой ему сделалось не в Дейвисе, а в Москве. Случись то в Америке – отвезли бы в университетский медицинский центр и сделали операцию. Умер – то он из-за низкого уровня отечественной медицины: тромб после операции. В США через день Юрия Валентиновича подняли бы, а через неделю был бы здоров и долго еще жив. Жаль, частица «бы» эффективна только в тексте. В жизни она не помогает.

Фрагмент единственной документальной фотографии Павлика Морозова, найденной автором, на обложке американского академического издания книги «Доносчик 001» (Transaction, 1996). Художник Джозеф Бертуcci.

**ДОНОСЧИК 001,
ИЛИ
ВОЗНЕСЕНИЕ ПАВЛИКА МОРОЗОВА**

**Первое независимое расследование
зверского убийства подростка,
донесшего на отца,
и процесса создания из мальчика
самого известного советского героя,
проведенное через пятьдесят лет
после трагических и загадочных событий
московским писателем,
который рискнул сопоставить
официальный миф
с историческими документами
и показаниями последних очевидцев**

Предисловие

ОПАСНАЯ ТЕМА

Слава Павлика Морозова, которого в России знает каждый, от мала до велика, затмила известность многих героев. Об этом мальчике созданы сотни произведений в разных жанрах – от поэм до оперы. Его портреты в картинных галереях, на открытках, спичечных коробках, почтовых марках. На прославление его израсходованы не поддающиеся учету количества бумаги, киноплёнки, холста и красок. В разных городах по сей день стоят его бронзовые и гранитные статуи. Школы, носившие его имя, имели особые залы-музеи Павлика Морозова, где детей трожественно принимали в пионеры.¹ Гипсовые бюсты этого мальчика вручали победителям спортивных состязаний. Именем Павлика Морозова названы корабли и библиотеки. Его официальная должность – герой-пионер Советского Союза номер 001.

Когда в 1982 году отмечалось 50-летие героической смерти Павлика Морозова, печать назвала мальчика «мучеником идеи».² О месте, где он был убит, писалось как о святыне, а о самом ребенке – как о святом. В атеистической советской прессе это бывает редко и обозначает лишь фундаментальные духовные ценности коммунистической идеологии. В истории человечества такой славы не удостоивался ни один ребенок.

Если кратко сформулировать суть подвига, который прославил героя, то это будет так. В начале 30-х годов Павлик

Морозов донес ОГПУ, то есть государственной тайной полиции, позже переименованной в КГБ, что его отец – противник советской власти. Этим он помог строительству коммунизма в Советском Союзе. Отец его был арестован и исчез в лагерях. Враги партии убили мальчика. После этого народ провозгласил его своим героем. С тех пор все дети Советского Союза стали изучать на уроках его биографию, чтобы в жизни поступать, как Павлик.

Итак, юный доносчик, предатель собственного отца, сделан национальным героем огромной страны с тысячелетним прошлым. История эта описана в советской прессе такое множество раз, что, казалось бы, в ней не должно быть никаких неясностей. Мы легко разыскали в Москве переулок, носящий имя Павлика Морозова, парк его имени и в нем внушительный монумент, увековечивающий мальчика в бронзе с гордо поднятым красным знаменем в руках.

Между тем, читая книгу за книгой, мы с изумлением обнаруживали противоречия буквально в каждом факте. Сколько лет было Павлику Морозову в момент его героической смерти? В разных изданиях возраст его указывается разный – от одиннадцати до пятнадцати лет. А где он родился? Место рождения Павлика Морозова – Герасимовку – в одних источниках называют селом, в других – деревней, находившейся в Кошукской волости Тобольской губернии, Ирбитском уезде Обско-Иртышской области, в Омской области (все это Сибирь), а также в Верхнетавдинском районе Уральской области и в Тавдинском районе Свердловской области (это Северный Урал).

Фотографии героя в разных изданиях при сопоставлении оказались сделанными с разных лиц. Еще более странными показались нам обстоятельства смерти героя, который был убит не один, а вдвоем с братом, тоже доносчиком, но героем почему-то не ставшим. Стопы прочитанных нами книг росли. В них убийцами пионера называют разных лиц, общее число убийц, как мы подсчитали, оказалось не менее десяти.

Наше удивление еще более возросло, когда мы обратились в исторические архивы. Ответ был везде одинаков: «Никаких документов по Павлику Морозову нет». Мы отправились в Зауралье, в Западную Сибирь, на родину мальчика-героя – в Герасимовку. Но и здесь, в мемориальном музее Павлика Мо-

розова, не оказалось ни личной вещи, ни листка из его школьной тетради, ни одной семейной реликвии. Мы побывали и в других музеях Павлика Морозова. Вместо документов в них показывают рисунки, книги, вырезки из газет. Даже от святых тысячелетней давности сохраняются подчас кое-какие реликвии, а ведь история Павлика Морозова – это век XX. Может быть, этот мальчик и не существовал вовсе, а просто является одним из положительных персонажей советской литературы?

Оставалась последняя нить: живые свидетели.³ Однако попытки узнать чуть больше того, что выставлено в музее, натолкнулись на нескрываемое сопротивление. «Экскурсантам не следует встречаться с жителями деревни, – пояснила экскурсовод. – Крестьяне неправильно все понимают и могут не то наговорить. Работники музея организуют группы так, чтобы посетители проходили по местам славы Павлика Морозова и сразу уезжали из деревни».

Мы не уехали. Но ни разговаривать с людьми, ни фотографировать не смогли: рядом с нами постоянно оказывались сопровождающие. Пришлось уехать из деревни, а затем приехать снова и, избегая внимания должностных лиц, ходить из дома в дом. Но и в этом случае крестьяне, которые беседовали с нами, то и дело отказывались отвечать на вопросы или обходили острые углы, опасаясь откровенности.

К нашему изумлению, показания первых же свидетелей событий в деревне Герасимовке внесли в известную нам с детства биографию героя немало неожиданных сведений. Официальные тексты оказались ложью. Когда же нам удалось разыскать подлинную фотографию Павлика Морозова, которая никогда не публиковалась, стало ясно, что во всех энциклопедиях, учебниках и книгах, на открытках и почтовых марках фотографии героя фальшивые.

Загадочные события, как нам рассказали очевидцы, не перестали происходить и после убийства Павлика Морозова. Дом, в котором жил мальчик, сгорел дотла, но кто поджег, осталось неизвестным. Могилу Павлика Морозова ночью, тайно, перенесли с одного места на другое.

Для того чтобы раскопать истину полувековой давности, нам нужно было спешить: возраст старейших очевидцев этой трагедии приближался к ста годам. Многих жизнь раскидала

по разным городам. Частное расследование в советской стране вести вообще трудно. А это – одна из неприкасаемых тем, и любой рискованный вопрос, любое отклонение от установленных положений чреваты для слишком любопытного тяжелыми последствиями. Вести расследование приходилось крайне осторожно, и читатель в дальнейшем поймет, почему. К тому же официальная пропаганда сделала свое дело.

Жизнеописания Морозова обросли за полвека яркими одеждами, и сверстники Павлика в разговорах с нами вспоминали о нем большей частью где-то прочитанное. Даже восьмидесятилетняя мать героя Татьяна Морозова, рассказав нам много такого, чего в книгах о ее сыне мы не нашли, прибавила: «Как в книгах написано, так и правильно». Еще точнее сформулировал взаимоотношения между истиной и мифом один из оставшихся в живых одноклассников Павлика Морозова: «Я расскажу, как было, а уж вы сами добавьте чего надо. Иначе нельзя». Неграмотные люди тоже этой грамотой овладели.

Позже в скромных домашних архивах некоторых участников кровавой трагедии в Герасимовке мы разыскали чудом сохранившиеся бумаги, которые компенсировали несовершенство человеческой памяти. Нам посчастливилось найти и уникальные секретные архивные документы, без которых эта книга об одном из самых уязвимых аспектов советской системы осталась бы менее аргументированной.

Какие же подвиги на самом деле совершил этот мальчик, жизнь которого для нескольких поколений советских людей стала образцовой и обязательной моделью для подражания? Почему и кем Павлик Морозов был убит? Как и для чего доносчик был сделан национальным героем?

Мы начинаем расследование с того, что сообщим три абсолютно достоверных факта. Во-первых, легендарный Павлик Морозов действительно жил на свете. Во-вторых, он действительно был убит. Когда убит, неизвестно, но похороны состоялись 7 сентября 1932 года, и это третий факт. Все остальное – впереди.

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ

Имена подлинные. Возраст участников событий, если не оговорено, указан по 1932 году, когда был убит Павлик Морозов.

КРЕСТЬЯНЕ ДЕРЕВНИ ГЕРАСИМОВКИ

МОРОЗОВЫ:

С е р г е й, глава семьи, дед Павлика Морозова, 81 год.

К с е н и я – его жена, бабушка Павлика, 80 лет.
Т р о ф и м, их сын, отец Павлика, в прошлом председатель сельсовета, 41 год (если он еще оставался в живых).

Т а т ь я н а, жена Трофима, мать Павлика, 37 лет.
П а в л и к (Павел), около 14 лет, и его братья:
А л е к с е й, 10 лет, Ф е д о р, 8 лет, и Р о м а н, 4 года, дети Трофима и Татьяны, внуки Сергея и Ксении.

И в а н, старший брат Трофима, дядя Павлика, около 45 лет.

Д а н и л а, сын Ивана, двоюродный брат Павлика, внук Сергея и Ксении, 19 лет.

КУЛУКАНОВЫ:

А р с е н и й, крестный отец Павлика, 70 лет.

Х и м а, его жена, дочь Сергея и Ксении Морозовых, тетка Павлика, около 40 лет.

СИЛИН А р с е н и й, дядя Павлика, 33 года.

ОСТРОВСКИЕ:

О н и с и м, дядя Павлика, 45 лет.

М а л а н ь я, его жена, сестра Татьяны Морозовой, тетка Павлика, 35 лет.

ПОТУПЧИКИ:

У с т и н ь я, дочь Сергея и Ксении Морозовых, тетка Павлика, около 50 лет.

И в а н, сын Устиньи, внук Сергея и Ксении Морозовых, двоюродный брат Павлика, официально осодмилец (член общества содействия милиции), на самом деле – осведомитель ОГПУ, 20 лет.

ШАТРАКОВЫ:

А н т о н, житель Герасимовки, примерно 60 лет, сосед Морозовых.

Д м и т р и й, около 18 лет; Ефим и Ефрем, между 20 и 40 годами, сыновья Антона.

МЕЗЮХИН В л а д и м и р, житель соседней деревни Владимировки, возраст не известен, приятель деда Павлика Морозова.

Мать Павлика Татьяна Морозова, родной брат Павлика Алексей и двоюродный брат Иван Потупчик во время работы над книгой оставались в живых и через 50 лет после событий дали нам свои показания.

**ОЧЕВИДЦЫ, ОСТАВШИЕСЯ В ЖИВЫХ
(ВОЗРАСТ ПО 1932 ГОДУ)**

ПОЗДНИНА Е л е н а, первая учительница Павлика Морозова, 19 лет.

КАБИНА З о я, последняя учительница Павлика, 18 лет.

КОРОЛЬКОВА М а т р е н а, дальняя родственница Морозовых, одноклассница Павлика, 13 лет.

БАЙДАКОВ Л а з а р ь, дальний родственник Татьяны Морозовой, 12 лет.

БЕРКИНА В е р а, крестьянка, двоюродная сестра Татьяны Морозовой, 35 лет.

САКОВА Е л е н а, крестьянка, одна из первых переселенок, 50 лет (умерла в 1984 году).

ПРОКОПЕНКО Д м и т р и й, одноклассник Павлика, 13 лет.

Все эти очевидцы дали нам свои свидетельские показания спустя 50 лет.

СЛЕДОВАТЕЛИ

ТИТОВ Я к о в, участковый инспектор милиции, 24 года.

БЫКОВ – (имя не установлено) уполномоченный районного аппарата ОГПУ, около 30 лет.

КАРТАШОВ С п и р и д о н, помощник уполномоченного Особого отдела ОГПУ, тогда 29 лет.

С.Карташов остался жив, дал свои показания через 50 лет.

ВЛАСТИ

КАБАКОВ И в а н, первый секретарь Уральского обкома партии, 41 год.

ЩЕРБАКОВ А л е к с а н д р, работник ЦК партии, позже секретарь Союза советских писателей, 31 год.

ПОСТЬШЕВ П а в е л, секретарь ЦК партии, член Политбюро, 45 лет.

СТЕЦКИЙ А л е к с е й, заведующий отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК партии, 36 лет.

КОСАРЕВ А л е к с а н д р, генеральный секретарь ЦК комсомола, 29 лет.

АРХИПОВ В а с и л и й, заместитель председателя Центрального бюро детской коммунистической организации юных пионеров, около 25 лет.

ЗОЛОТУХИН В а л е н т и н, председатель того же бюро, около 30 лет.

ПОСКРЕБЫШЕВ А л е к с а н д р, начальник Особого сектора личного секретариата Сталина, 40 лет.

СТАЛИН И о с и ф, генеральный секретарь ЦК партии, тогда 53 года.

Первые шестеро из перечисленных уничтожены в годы репрессий, остальные умерли.

СОЗДАТЕЛИ МИФА О ПАВЛИКЕ МОРОЗОВЕ

- СОЛОМЕИН П а в е л**, корреспондент свердловской газеты «Восходы коммуны», автор первой книги о Морозове «В кулацком гнезде», тогда 25 лет.
- ГУБАРЕВ В и т а л и й**, корреспондент московской газеты «Колхозные ребята», потом редактор «Пионерской правды», автор многих книг о Морозове, 20 лет.
- СМИРНОВ Е л и з а р**, он же Вильям, корреспондент «Пионерской правды», общественный обвинитель от ЦК комсомола на процессе по делу об убийстве Морозова, 24 года.
- АНТОНОВ В.** Корреспондент свердловской газеты «На смену!», возраст неизвестен.
- МИХАЛКОВ С е р г е й**, поэт, автор первой песни о доносчике, лауреат Сталинских и Ленинской премий, Герой Социалистического труда, секретарь Союза писателей, тогда 20 лет.
- ЯКОВЛЕВ А л е к с а н д р**, писатель, романист, документалист, начал писать о Морозове в 50 лет.
- ГОРЬКИЙ М а к с и м**, писатель, первый председатель Союза советских писателей, 64 года.
- РЖЕШЕВСКИЙ А л е к с а н д р**, киносценарист, 31 год.
- ЭЙЗЕНШТЕЙН С е р г е й**, кинорежиссер, начал съемки фильма о Павлике в возрасте 37 лет.
- БАБЕЛЬ И с а а к**, писатель, 41 год (в 1935 году).
- ЩИПАЧЕВ С т е п а н**, поэт, начал писать о Павлике Морозове в возрасте около 50 лет.
- БАЛАШОВ В л а д и м и р**, поэт, драматург, актер Екатеринбургского театра юного зрителя, пропагандист подвига Морозова в наши дни.

Из перечисленных оставались в живых Михалков и Балашов (показаний не дали).

* * *

Здесь названы 53 основных участника событий, связанных с именем Павлика Морозова. Двадцать одного из них потом арестовали по политическим доносам и одного – за изнасило-

вание несовершеннолетней девочки. Девятнадцать человек были убиты, трое, по-видимому, отравлены, семеро спились, трое сошли с ума. Судьба двоих (чекиста Быкова и журналиста Антонова) неизвестна.

В литературе, материалах следствия и суда содержится большое количество ошибок. Дядя Павлика Арсений Кулуканов называется Куканов, Кудуканов, Кодуканов, Колкуканов и, видимо, от слова «кулак» – Кулаканов. Сосед Дмитрий Шатраков именуется Шитраковым, Шипраковым, Шартиковым и Шатроновым. Два родных брата Дмитрий и Ефим Шатраковы встречаются с разными фамилиями, но с одним именем: Ефим Шитраков и Ефим Широков. Силин назван Симиным. Данила Морозов совмещен с Арсением Кулукановым в одно лицо – Данилу Кулуканова, который злостно уклонялся от выполнения хлебозаготовок. По документам Данила проходит также как Данил и Даниил, а Ксения Морозова как Аксинья и Аксенья. Учительница Зоя Кабина превращена в мужчину по фамилии Кабин, который пишет в статье: «Я знал Павлика» и т. д. Во избежании путаницы все имена в цитатах нами исправлены.

Глава первая

СУД НА СЦЕНЕ

24 ноября 1932 года в местной газете «Тавдинский рабочий» появилось крупно набранное объявление. Оно гласило:

**В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС
25 НОЯБРЯ 1932 ГОДА В 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА
В КЛУБЕ ИМЕНИ СТАЛИНА
НАЧНЕТСЯ ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС
НАД УБИЙЦАМИ ПИОНЕРА МОРОЗОВА
СУДИТ ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ ОБЛСУДА
ВХОД В ЗАЛ СВОБОДНЫЙ**

Тавда – небольшой районный центр в тайге. Кривые улочки, покосившиеся дома, грязная железнодорожная станция, заполненная товарными вагонами с лесом. Вокруг редкие деревни, и среди них Герасимовка, где был убит Павлик Морозов. Полсуток езды поездом от Тавды и попадаешь из Сибири на Урал, в его столицу Свердловск, перевалочную базу из азиатской части России в Европу. Но выехать из Тавды непросто. Это край лагерей принудительного труда. На станции, у поездов и сейчас милиция, люди в штатском с типичным выражением лица. Такой же была Тавда и полвека назад, в начале обычной сибирской зимы 1932 года. Но события тут происходили необычные.

Большой деревянный клуб имени Сталина на улице Сталина к этой дате спешно отстроили заново после пожара. Топоры стучали днем и ночью. Перед началом процесса в городе были организованы демонстрации трудящихся. Плакаты требовали смерти убийцам пионера Павлика Морозова. На митинг перед клубом привели около тысячи детей, включая малышей, из всех школ района. Дети тоже держали плакаты с требованием расстрелять обвиняемых. Для трансляции процесса военные связисты установили 500 репродукторов. Вокруг них собрались любопытные.

Переоценивать энтузиазм масс, о котором много написано в газетах, однако, не следует. В неопубликованных записях участника зрелища, молодого корреспондента свердловской газеты «Всходы коммуны» Соломеина, говорится, что все было запланировано, приказано и организовано заранее. В деревни всей округи сверху спускалась разрядка. Райком партии и райисполком рассылали телеграммы: «Провести митинг», «Выслать на процесс делегатов», «Организовать красный обоз с хлебом в дар государству». В телеграммах заранее указывалось, сколько людей собрать и сколько мешков зерна отправить.¹

Накануне суда в Герасимовку прибыли агитбригады и духовой оркестр. Ларек торговал водкой без ограничения. После живой газеты (вроде устного журнала) и хорового пения, когда веселье достигло максимума, объявили, что завтра показательный суд. Вот записанный нами рассказ деревенского старожилы Григория Парфенова: «Повезли нас рано утром на десяти подводах под красным флагом. Стояли морозы около тридцати градусов, и лошади бежали резво. Некоторые только по дороге узнали, зачем везут. Кто не хотел ехать, тому обещали бесплатный буфет».

Начало суда, назначенное на вечер для того, чтобы крестьяне из окрестных деревень успели добраться до Тавды, отложили часа на полтора. Вокруг клуба стояли чекисты с винтовками. Когда митинг перед клубом закончился, охрана открыла клуб. Вход не был свободным – пропускали делегации, пересчитывая людей по спискам.

Рассчитанный на 600 мест зал клуба был набит тысячью зрителей. Сообщения газет о том, что в зале присутствовало две тысячи, были явно преувеличены.² Тем не менее в прохо-

дах вплотную сидели на полу и стояли вдоль стен. В зале было много детей. Во втором ряду, перед судьями, посадили мать убитых мальчиков, Павлика и Феди, Татьяну Морозову с третьим сыном, Алексеем, на руках. Несмотря на лютый холод, зал не отапливался, но и не проветривался, чтобы не улетучилось тепло. В воздухе стоял смрад.

Зрелище, которое предстало зрителям, было настолько впечатляющим, что и спустя полвека очевидцы его не забыли и рассказывали нам детали. На сцене медленно пополз черный занавес, открывая красные лозунги. На заднике висел портрет Павлика, нарисованный местным художником-любителем. Слева от портрета призыв: «Требуем приговорить убийц к расстрелу». Справа: «Построим самолет «Пионер Павлик Морозов».³ На скамье подсудимых – охраняемые конвоем с винтовками пятеро: дядя Павлика крестьянин Арсений Кулуканов, бабушка Павлика Ксения и дед Сергей Морозовы, его двоюродный брат Данила Морозов и второй дядя Арсений Силин. Прочсть лозунги, вывешенные на сцене, мог, да и то по складам, один обвиняемый – школьник-переросток Данила Морозов. Трое других вместо подписи в протоколах допросов припечатывали, обмакнув в чернила, большой палец правой руки; пятый, Арсений Силин, тоже не умел читать, но сам мог поставить закорючку пером.

За столом, накрытым кумачом, а сверху – более узким черным траурным покрывалом, расположилась бригада судей, присланных из Свердловска: председатель Загrevский, народные заседатели Клименкова и Бороздина; по правую руку – общественные обвинители – представитель Центрального бюро юных пионеров и газеты «Пионерская правда» Смирнов и представитель Уральского обкома комсомола Урин, прокурор Зябкин. Слева – адвокат Уласенко. Ход суда протоколирует секретарь Макаридина. Все они вместе именуются выездной сессией Уральского областного суда. Нам удалось найти след председателя суда Загrevского: он умер в 60-х годах. Одна из заседательниц отыскалась в Краснодаре, но категорически отказалась вспоминать, что и как было, и даже просто встретиться.

Наиболее подробно суд освещался ежедневно в местной газете «Тавдинский рабочий». По отчетам можно понять, что

это не было судебное разбирательство в общепринятом смысле. Официально это был политический процесс. А на практике – клубное представление с распределенными ролями, антрактами и буфетом, закончившееся в последнем акте приговором.

Нам удалось получить «Следственное дело №374 об убийстве братьев Морозовых, подготовленное Секретно-политическим отделом ОГПУ по Уралу», которое дальше мы будем называть просто «Дело №374». В нем имеется «Обвинительное заключение», подготовленное следствием для суда. Приговор суда был опубликован 30 ноября 1932 года в газете «Тавдинский рабочий». Для того, чтобы понять официальную трактовку убийства, приведем выдержки из обоих этих документов.

Из обвинительного заключения: «Морозов Павел, являясь пионером на протяжении текущего года, вел преданную, активную борьбу с классовым врагом, кулачеством и их подкулачниками, выступал на общественных собраниях, разоблачал кулацкие проделки и об этом неоднократно заявлял...»

Из приговора: «В селе Герасимовке, где до последнего времени ни партийной, ни КСМ ячейки (комсомола. — Ю. Д.), и до сих пор, при наличии 100 хозяйств, нет колхоза, активное выступление пионера Морозова за выполнение проводимых кампаний... вызвало к Павлу дикую злобу со стороны родни...»

Из обвинительного заключения: «Кулаки боялись дальнейших доносов органам власти со стороны Морозова Павла, стали на путь угроз расправой пионеру Павлу Морозову. Кулуканов и Силин по отношению Морозова Павла говорили: «Этот пионер, сопливый коммунист, житья нам не дает, во что бы то ни стало его надо сжить со света».

Из приговора: «Данное убийство подготавливалось задолго до его свершения, и самый акт расправы... был не чем иным, как выполнением желанного, давно задуманного решения»

Из обвинительного заключения: «Кулак Кулуканов Арсений, узнав, что Павлик Морозов вместе со своим братом Федором ушли в лес за ягодами, с приходом к нему в дом Морозова Данилы 3-го сентября сговорил последнего убить пионера Морозова Павла и Федора, дав ему 30 рублей денег, одновременно попросил Данилу, чтобы он пригласил для убийства Павла и Федора своего деда Сергея Морозова, с которым Кулуканов раньше имел сговор...»

Из приговора: «Закончив бороньбу после ухода от Кулуканова, Данила отправился домой и передал деду Сергею разговор с Кулукановым. Морозов Сергей, видя, что Данила берет со стола нож, ни слова не говоря, вышел из дому и отправился с Данилой на дорогу, по которой должны возвращаться братья Морозовы. Притом, когда подсудимые вышли уже за деревню, Морозов Сергей сказал Даниле: «Идем убивать, смотри не бойси».

Из обвинительного заключения: «Поравнявшись с Павлом, Морозов Данила, не говоря ни слова, вынул нож, нанес Павлу удар в живот».

Из приговора: «Девятилетний Федя, заплакав, кинулся бежать в сторону, но был задержан Сергеем Морозовым и подбежавшим Данилой тут же был зарезан. Убедившись, что Федя мертв, Данила вернулся к Павлу и еще несколько раз ударил его ножом».

Из обвинительного заключения: «Совершив убийство, Морозов Сергей вытряс из мешка ягоды, набранные Павлом и Федором, и совместно с Данилой одели этот мешок на голову Павлу Морозову, а затем Морозов Сергей труп Федора оттащил несколько в сторону от дороги, в лес, то же проделал Данила с трупом Павла. Морозов Сергей и Морозов Данила, вернувшись из леса после убийства... обнаружив у себя на одежде пятна крови, переоделись в другое платье, заставив Морозову Ксению (жену Сергея) выстирать окровавленную одежду в целях скрытия преступления. Морозова Ксения, узнав о совершенном преступлении, замочила окровавленную одежду (штаны, рубаху), но отстирать не успела, т. к при обыске в замоченном виде рубаха и штаны были изъяты».

Из приговора: «На следующий день Ксения Морозова, чего она сама не отрицает, узнала об убийстве Павла и Федора, но когда было приступлено к розыску последних, она, Ксения, данное обстоятельство скрыла».

Из обвинительного заключения: «Одновременно при обыске за иконами был обнаружен нож, которым совершено убийство».

Тщательное изучение имеющихся у нас секретных документов следствия, которое проводилось в течение двух с половиной месяцев, опубликованных материалов суда, показаний свидетелей и очевидцев обнаруживает многочисленные противоречия и неувязки в ходе следствия и судебного процесса.

Братья Павлик и Федя пошли в лес за клюквой, но когда, куда и кто знал о том, что они ушли, ни следствие, ни суд не выяснили. Суд не задал вопроса, почему в течение трех суток никто не начал искать пропавших детей. Почему не обратили внимания на вернувшуюся с воем из лесу без детей собаку Морозовых?

Отдельные факты в цепи тех трагических событий существуют одновременно в нескольких вариантах, и суд не уточнил, какой вариант соответствует истине. Осталось невыясненным, когда точно было совершено убийство. В лесу, на месте убийства, не было сделано ни одного фотоснимка. Следователи вообще там не побывали, не видели трупов, не зафиксировали следов преступления и даже не описали места убийства. Участковый милиционер Титов, один, без свидетелей, написал и подписал «Протокол подъема трупов». Обнаружен он нами в архиве Свердловского историко-революционного музея в виде машинописной копии. Подлинник, возможно, если не уничтожен, есть в недоступном для нас архиве. В цитатах сохраняем орфографию и стиль документа.

В протоколе, написанном от руки на одной странице, сообщается, что он составлен 6 сентября в 1 час дня в присутствии крестьян, подписи которых отсутствуют. Происшествие описано в протоколе приблизительно, деталей мало: Павел лежал головой в восточную сторону, второй труп, Федора, головой в западную сторону. О Павле: «В левой руке разрезана мякоть и нанесен смертельный удар ножом в брюхо, в правую половину, куда вышли кишки, второй удар нанесен ножом в грудь около сердца». «Протокол подъема трупов» указывает, что ударов ножом было два, а раны три. Позже, после похорон, газета «На смену!» уточнит, со слов следователя, что Павлу нанесены не три, а четыре ножевые раны. Журналист Смирнов, обвинитель на суде, напишет: «После пятого удара ножом в грудь Павлик лежал мертвым». А коллега Смирнова Губарев через тридцать лет вспомнит показания свидетелей, что на теле Павлика судебно-медицинская экспертиза обнаружила 16 ножевых ран.⁴

«Протокол подъема трупов» сообщает о Федоре: «Нанесен удар в левый висок палкой и правая щека испекшей кровью, раны не заметно. И ножом нанесен смертельный удар в брюхо выше пупа, куда вышли кишки, и так же разрезана правая

рука ножом до кости». Позднее писатель Губарев скажет, что Федор был убит не палкой, а ножом в затылок.

Суд не установил, хотя и записал в приговор, что Павлик лежал в мешке. Свидетели, однако, утверждали, что никакого мешка не было, а была задрана рубашка, и она была красного цвета. Но то не была кровь. Клюква, которую убийцы высыпали из мешка, дала обильный темно-красный сок. Этот сок и окрасил мешок и рубашку. Экспертизы ни этого мешка, ни одежды не было.

Очевидцы показывали: протокол был составлен милиционером Титовым не 6 сентября, а на самом деле позже, задним числом, когда приказали его составить. В деревне был фельдшер, которого позвали родственники. В блокноте первого журналиста, прибывшего в Герасимовку, Соломеина, среди записей показаний очевидцев находим возмущенные слова дяди Павлика, Онисима Островского: «Ведь нужно только описать раны. Они не ограблены, не задавлены, вином не опились, а злоумышленно убиты».⁵ Фельдшер наотрез отказался заменять патологоанатома. И все же он был единственным представителем медицины, который видел трупы.

Причину отказа фельдшера можно понять: время было такое, что он просто побоялся это сделать. Но ни следователи, ни суд его даже не опросили, хотя фельдшер мог наверняка сказать больше, чем было написано полуграмотным милиционером в «Протоколе подъема трупов». Суду было известно, что в деревню позвонили из Тавды и велели похоронить детей до приезда следователя, но суд не выяснил, кто отдал распоряжение срочно похоронить.

Свидетели на суде рассказывали о торжественных похоронах пионера. Очевидцы, однако, рассказывали нам, что грязная телега с трупами подъехала к деревне. «Уложили мертвых детей на пол, возле двери, безо всего, без одежды, – вспоминает последняя учительница Павлика Морозова Зоя Кабина. – Мать увидела мертвых своих детей и потеряла возле телеги сознание. Ее в бесчувственном состоянии положили на ту же телегу возле мертвых детей и всех троих отвезли домой».

В неопубликованных показаниях очевидцев, записанных журналистом Соломеиным, имеется высказывание Онисима Островского: «Гвоздей (чтобы сколотить из досок гробы Павлу

и Федору. — Ю.Д.) нет. Узнал, что в сельсовете есть телефонная проволока. Делал гвозди сам у соседа в кузнице. Хоронили одни. Никто не помогал хоронить. Не дали ни материи, ни досок. Не хватило гвоздей». Власти не участвовали в похоронах убитого героя.

Во втором издании Большой советской энциклопедии говорится «Убийцы были пойманы».⁶ «Пойманы» предполагает погоню или хотя бы поиск скрывшихся от правосудия лиц. Ни следствие, ни суд, ни пресса не задали важного вопроса: почему убийца совершил преступление так близко от деревни и не пытался замести следы? Ведь рядом было болото, трупы засо-сало бы, и списали бы вину на медведей, которых тогда было много. Суд не удивило, что никто из подозреваемых не соби-рался прятаться от ареста, а в этих диких местах легко было уйти в другую деревню к родне или просто скрыться в тайге.

В процессе следствия число арестованных увеличивалось с двух до десяти. Одного выпустили на свободу до суда. Суд не смутило, что аресты проводились произвольно, без санкции прокурора и без всяких улик. Первым был взят молодой крестьянин Дмитрий Шатраков, который в тот день ходил на охоту с собакой и ружьем. За арестом Шатракова последовал арест его брата, затем отца и третьего брата. Основанием служил старый донос, что Шатраковы держали незарегистрированное ружье. «При аресте, — вспоминал очевидец, — их всех избивали».

С самого начала над всеми подозреваемыми повисал меч «презумпции виновности». Они должны были доказывать следователям, что не виноваты. Дмитрий Шатраков принес справку, что он был вызван в райвоенкомат в Тавду. Отец и третий брат Ефим нашли свидетелей, которые видели их целый день бороновавшими поле, далеко от места убийства. Второй брат, Ефрем, не смог сразу доказать свое алиби и сидел дольше других.

Затем был арестован дед Павлика Сергей Морозов, на которого донес его внук и двоюродный брат Павла Иван Потупчик. Как вспоминает очевидец событий Прокопенко, Потупчик сообщил, что между дедом и Павликом «контры были давно», и даже вызвался сам арестовать деда.

Сейчас трудно восстановить последовательность арестов. Родственник матери Павлика Лазарь Байдаков рассказывал нам:

«Напротив деда Сергея Морозова жил Арсений Силин, женатый на его дочери. Когда брали деда Морозова, Силина забрали тоже. Держали в амбаре. Бабушку не сразу забрали. Она первое время носила им еду через всю деревню». Однако Ксения Морозова тоже была арестована, забрали ее внука Данилу и мужа дочери – Арсения Кулуканова. Потом был арестован Владимир Мезюхин, из соседней деревни, случайно зашедший к Сергею Морозову. Если верить газете «Колхозные ребята», то и десяти оказалось мало. Газета писала, что к суду привлекаются «и другие герасимовские кулаки и подкулачники».⁷

Даже во время суда появлялись новые обвиняемые. Сначала богатый крестьянин Анчов, которого газета «На смену!» охарактеризовала так: «Анчов – вождь, идейный вдохновитель всей группы. Нет никаких сомнений в его центральной роли в гнусном преступлении».⁸ Но больше об Анчове не упоминали. Позже назвали еще одного убийцу – Рогова. Во время одного из заседаний суда на сцене появился неизвестный в дубленном полушубке и объявил, что Иван Морозов, сын Сергея и отец Данилы, живший в соседней деревне, тоже арестован – за покушение на жизнь уполномоченного по хлебозаготовкам. Позже, чтобы притянуть Ивана к данному делу, его обвинили в подстрекательстве к убийству своего племянника Павлика и попытке уничтожить общественный скот. «Иван во всем признался, – рассказывала нам учительница Кабина, – но был ни при чем». Осудили его потом отдельно.

Дело об убийстве Павлика и Федора было связано с доносом Павла на отца и арестом отца. Однако следствие даже не попыталось привлечь в качестве свидетеля находившегося в лагере отца Павлика – Трофима Морозова – первопричину конфликта. Не допрошен он был и в суде.

Основными доказательствами вины подсудимых были цитаты из докладов вождей Сталина и Молотова о том, что классовая борьба на отдельных участках усиливается, и обвиняемые являлись иллюстрацией правильности их высказываний. Прокурор говорил о предстоящей пятилетке, в которой будет построено бесклассовое общество, а для этого остатки враждебных классов (он указал на обвиняемых) должны быть уничтожены. Общественные обвинители вообще не доказывали вины, они поднимали над головами толстые пачки писем и теле-

грамм от пролетариев Урала, пионеров, читателей газеты с требованием расстрела подсудимых.

С подсудимыми судьи разговаривали на «ты». Ксения Морозова в отчетах из зала суда именуется «старухой», а оправданный Арсений Силин – «убийцей».

В распоряжении следствия имелось два вещественных доказательства убийства, найденные в доме Сергея Морозова: нож, вынутый при обыске из-за иконы, и штаны с рубахой, испачканные кровью, но неясно чьи – Данилы или деда и с чьей кровью. Суд не потребовал экспертизы пятен этой крови. Не было психиатрического освидетельствования обвиняемых. Несмотря на все указанные пробелы следствия, суд не вернул дело на доследование.

Больше того, вместо реальных доказательств некоторые улики перекочевали в судебное заседание из сочинений журналистов. Так, «Пионерская правда» сообщила, что герасимовские кулаки обещали заплатить за убийство золотом. В обвинительном заключении золото не упоминалось. Но на суде, согласно газете «Тавдинский рабочий», тема вознаграждения возникла.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тебе Кулуканов обещал золото, а ты знал, что у него есть золото?

МОРОЗОВ ДАНИЛА. Знал. (Не отвечает, обещал ли, дал ли, взял ли он. — Ю.Д.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажи прямо, Данила. Вот все, что ты здесь рассказал суду, это правильно, или ты просто наговариваешь, лжешь?

МОРОЗОВ ДАНИЛА. Я говорю так, как было дело, мне нечего скрывать, раз виноват, то виноват».⁹

Если верить отчетам о судебных заседаниях в газетах, обвиняемые охотно признавались в убийстве и изобличали друг друга. Бабушка, «высокая старуха в черном», обвинила деда и остальных.¹⁰

Дед тоже всех разоблачил, хотя и лаконичнее. Данила, обвиняя своих родных, держался весело. Однако присутствовавшая на суде бывшая жительница Тавды Анна Толстая заявила нам: никто из обвиняемых на суде не признался, что убил, и она отлично это помнит. Никто!

Свидетели обвинения (около десяти человек) тоже не приводили фактов, но требовали от суда применения к обвиня-

мым высшей меры социальной защиты, то есть смерти. Свидетелей защиты не было вообще. В процессе участвовал всего один защитник Уласенко, который во время очередного заседания вышел вперед и заявил залу, что он возмущен поведением своих подзащитных и защищать их отказывается. После этого адвокат демонстративно удалился, и суд закончился без него. Судьи и прокурор требовали от маленького внука показаний против родных, и десятилетний Алексей Морозов, которого заранее научили, что говорить, требовал смерти своих деда и бабушки.

Этот процесс продолжался четыре дня. Приговор, зачитанный при гробовой тишине зала, гласил: «Кулуканова Арсения, Морозова Сергея, Морозова Данилу, Морозову Ксению – признать виновными в убийстве на почве классовой мести пионера Морозова Павла и его брата Федора и на основании ст. 58.8 УК всех четверых подвергнуть высшей мере социальной защиты – расстрелять».¹¹

Дядю Павлика Арсения Силина по непонятной и счастливой для него логике оправдали.

Неизвестные крестьянам люди, стоявшие позади толпы, громко запели партийный гимн «Интернационал». Журналисты писали: гимн был подхвачен всем залом.¹² Деталь эта весьма сомнительна: крестьяне, вроде герасимовских, вряд ли могли выговорить само название гимна.

Итак, без доказанной вины расстреляли трех глубоких стариков: деда в возрасте 81 года, его жену 80 лет, зятя 70 лет. С ними убили девятнадцатилетнего внука. Крестьянин Прокопенко уверял нас, что подсудимых расстреляли сразу. Их вывели к яме, велели снять хорошую одежду и изрешетили пулями. Об этом с подробностями рассказывали в деревне агитаторы из райкома партии.

Представление, которое положило начало мировой известности Павлика Морозова, закончилось. В течение нескольких дней станция и улицы Тавды были переполнены приезжими – милицией, солдатами, людьми в штатском, журналистами – всеми теми, кто организовал этот показательный судебный процесс, прошумевший на всю страну.

Для чего этот суд был так нужен властям? Кто такой был на самом деле Павлик Морозов? Что за подвиг совершил?

Глава вторая

КАК СЫН ДОНЕС НА ОТЦА

Предки Павлика Морозова были по бюрократическому определению инородцами, то есть людьми нерусской национальности. И жили они в западной части Российской империи, в Белоруссии. Белорусами были мать и отец Павлика – по крови, месту рождения и документам. И сам Павлик был белорусом. Об этой детали можно было бы и не упоминать, если бы властям не понадобилось превратить его после смерти в русского. В печати начали подчеркивать, что Павлик Морозов – русский мальчик, «старший брат» и тем самым служит примером для детей всех других народов. Чтобы не оставалось сомнений, писатель Губарев в статье «Подвиг русского мальчика» заявил, что Морозов родился у русской матери, чтобы и мать героя соответствовала требуемым стандартам.¹

Теперь в герои производят после тщательной проверки анкет в инстанциях, а тогда в спешке власти об этом забыли и проморгали еще более неприятные места в досье главного пионера.

Сергей Морозов-старший, прадед нашего героя, в прошлом веке сражался за государя-императора в русской армии, был участником нескольких войн, кавалером шести орденов. После армии он пошел на государственную службу, стал тюремным надзирателем. Его сын, тоже Сергей, дед Павлика, сперва был жандармом. Он влюбился в заключенную, которую сопровождал в тюрьму, и едва она отбыла срок, женился на ней.

Ксения, бабушка Павлика, была, говорят, редкой красавицей и профессиональной конокрадкой. Ремесло дерзкое, требующее характера. Бабушка Ксения имела в молодости две судимости и дважды сидела (полтора года, потом еще три), причем второй раз дедушка сумел освободить ее за взятку накануне свадьбы. Таким образом, пионер-герой Павлик Морозов происходит по мужской линии от жандарма и профессиональной воровки. Это, разумеется, не афишируется.²

В начале века Морозовы среди тысяч других белорусов поехали искать счастья в Сибирь. Русское правительство поощряло освоение тайги инородцами. Отправка белорусов в Сибирь была частью политики русификации – их отрывали от своей земли, от языка. Но – добровольно. По дешевому тарифу крестьян довозили до места, давали на мужскую голову пособие 150 рублей (деньги по тем временам немалые) и каждую весну – семена. Двоюродная сестра матери Павлика Вера Беркина рассказывала нам (здесь и далее даем перевод с русско-белорусского диалекта):

«Я была девочкой девяти лет, когда меня повезли сюда. Доехали по железной дороге до Тюмени. Отец купил лошадь с телегой, и пошли туда, где была земля. В Белоруссии у нас земли было совсем мало, а здесь сколько от леса отнимешь – вся твоя. Другие, тоже наши, плыли вверх по реке Тавде на пароходе, а от реки шли пешком. Переселенческий начальник регистрировал прибывших и давал деньги. В отведенных для поселения местах уже были вырыты колодцы. Народ приезжал выносливый, живучий. Первое время ютились в землянках».

Дополним воспоминания живого свидетеля по архивному источнику.³ Весь этот район Сибири заселяли белорусы. На отведенный участок пришли в 1906 году сорок семей, самый старший из мужиков был Герасим Саков, по нему и назвали деревню Герасимовкой. Дед Павлика с семьей зарегистрирован в Герасимовке с 26 октября 1910 года.

Географически Герасимовка находится в центре России, однако была и теперь остается глухой окраиной. Места эти чаще всего именуют Зауральем или Северным Уралом, хотя они относятся к Западной Сибири.

В прошлые времена на этих землях жил мирный народ манси. Русские пришли сюда впервые в XVI веке под началом

Ермака и с оружием в руках вытеснили мансийцев подчистую. От них остались лишь названия некоторых деревень. Потом белорусы жгли и корчевали лес и пространство, отвоеванное у тайги, засевали. До недавнего времени обугленные стволы, навевая тоску, толпились вокруг деревни. Постепенно строили избы, зимой отправлялись на заработки в Тавду, на лесозавод, где сейчас работают заключенные, на строительство железной дороги. «Тяжело доставалось народу. Многие умерли безо времени», – вспоминает один из старожилов.

Герасимовка так и осталась деревней. В соседних селах построили церкви.

– Мы иконы привезли с собой, – вспоминала Беркина, – в церковь ходили по особому случаю, обычно устраивали молебны у себя.

– А вы какой веры?

– Какой все, такой и мы! Не басурманы же!

Попавшие сюда белорусы были в большинстве православными. Старики рассказывают, что в те давние годы по деревням ездили коробейники, торговали бусами, ружьями, скупали пушнину. Бывало, грабили их в тайге. В Герасимовке, которая стояла в стороне от тракта, в полной глуши, было спокойнее, чем в округе. Да и люди перероднились за годы совместного противостояния суровости жизни. Деревня была тихая, непылющая, работающая. Кровожадность появилась в «классовой борьбе», когда пришел 1917 год.

Самым крупным его событием в большой семье Морозовых была не революция, а женитьба второго сына Трофима на Татьяне, в девичестве Байдаковой. Это были родители Павлика Морозова. Татьяна переселилась к Трофиму из соседней деревни Кулоховка. Была она по деревенским понятиям уже в возрасте, ей исполнилось двадцать, а Трофиму – двадцать шесть.

«Трофим был ростом высокий, красивый, – рассказывала нам одноклассница Павлика Матрена Королькова. – Татьяна тоже крепкая и сложенная складно, а черты лица правильные, и, можно сказать, она тоже красивая». Для родителей Татьяны свадьба ее была радостью. У них был один сын и пятеро дочерей, а девки, как известно, в крестьянской семье – обуза. Молодые поставили избу рядом с отцовской, на краю деревни, у леса. Дед с бабушкой отдали им часть нажитого

добра. Через положенное время у Татьяны и Трофима родился первый сын.

Дата рождения этого мальчика – 14 ноября, если полагаться на энциклопедию или на издание герасимовского музея, где об источнике сказано: «На основании записи о его рождении». Саму эту запись нам найти не удалось. Согласноobelisku, установленному на месте дома, в котором он родился, Павлик появился на свет 2 декабря. Старый и новый стиль не помогают объединить эти даты, тем более, что и год рождения, указанный там – 1918, вызывает сомнения.

Разные авторы пишут, что в 1932 году, в момент смерти, Павлику было 11, 12, 13, 14 и 15 лет.⁴

Даже мать не вспомнила даты рождения сына. Осенью по распутью Морозовым бы и верхом до церкви в Кушаках не добраться, а тут ударил лютой мороз, и по льду легко проехали в телеге туда и обратно. В церковь внес его дядя Арсений Кулуканов, тот самый, который заплатил жизнью за крестника. Но теперь мы по крайней мере уверены, что он родился в деревне Герасимовке, а путаница с его местом рождения вызвана бесчисленными послереволюционными переименованиями.

Окрестили мальчика Павлом, а звали Пашкой. Никто при жизни его Павликом не называл. «Пионерская правда» некоторое время именовала его Павлушей, а затем ласково Павликом. Это подхватила вся пресса. Теперь и в деревне употребляют имя Павлик – осязательный результат воздействия на граждан средств массовой информации.

Если верить книгам, в 1917 году приехали в Герасимовку из волости большевики и вместо старосты избрали на сходе сельский совет. Крестьянин Лазарь Байдаков, однако, утверждает: «Сельсовет тут организовался только в 1932 году. Мужики уходили воевать кто за Троцкого, кто за Колчака. Советской власти никто не понимал». Города, что южнее и важнее, переходили от белых к красным, от красных к белым многократно, но Герасимовки это не касалось. Деревня сеяла хлеб, убирала, излишки вывозила на рынок.

В Герасимовке изредка появлялись отряды с винтовками, отбирали продукты, не оставляя их и для малых детей. Летом и зимой, чтобы добраться до районного центра на лошади, требовался день. Весной и осенью дорога уходила в болотную

топь. Уровень земледелия советской России 30-х годов соответствовал Англии XIV века.⁵ Белорусы-переселенцы жили своим натуральным хозяйством. Русских они не любили и называли «чалдонами».

Началась коллективизация, но здешних крестьян она не слишком беспокоила. Никто ее всерьез не принимал. У стариков была уверенность, что скоро все вернется на старые рельсы. Попытки организовать здесь колхоз терпели неудачу. Получалось – и это вызывало раздражение новых властей, – что глухая деревня живет вопреки всем постановлениям партии и правительства, вопреки призывам. Мужики научились обходить острые углы. С уполномоченными хитрили. В разгар очередного голосования за колхоз кто-то с улицы истошным голосом кричал: «Горим!.. Пожар!..» И все разбегались – снова не соберешь. В работу по обложению налогом власти вовлекали милицию, комсомол, отряды Красной армии, учителей, библиотекарей, рабочих из города. Крестьяне скрывали, сколько они производили зерна. Некоторые пытались выполнять так называемые «твердые задания», но вскоре поняли норы власти: выполнишь задание, тебе его еще увеличат.

Почему маленькая Герасимовка ухитрялась сопротивляться могучему молоху террора, который начал перемалывать крестьянство целыми губерниями? Нам кажется, причин по меньшей мере две. Первая: сюда переселились люди особого характера, упорства. Вторая: герасимовцы полагали, что их не тронут – из этой глухомани, из края ссылок, гнать уже некуда. Но они недооценивали советскую власть и ее принципиальное отличие от власти царской.

Сюда в начале 30-х годов начали ссылать крестьян с Украины и с Кубани. Количество ссыльных по сравнению со старыми временами увеличилось в тысячи раз. Строились лагеря, а пока они не были готовы, конвой просто приводил очередной этап и оставлял ссыльных в лесу. Нетронутая человеком тайга отбирала людей и сортировала их сама. Вскоре стали поступать ссыльные крестьяне из центральных районов России. Газеты писали, что эти районы после высылки кулаков успешно справляются с коллективизацией. Местное же уральское руководство мотало на ус: значит, и нам надо высылать тех, кто мешает. Куда же высылать из традиционного места ссылки? А

есть еще край вечной мерзлоты. В герасимовских местах ситуация сложилась трагикомическая: привозили одних – вывозили других, таких же. Тех и других под конвоем. Такова была картина в стране, когда в Герасимовке, в семье Морозовых, произошла ссора.

Как жили Трофим и Татьяна Морозовы, теперь невозможно установить. У них родилось пятеро детей, один вскоре умер. Примерно десять лет супруги прожили вместе. Потом Трофим ушел к молодой жене Соньке Амосовой (по рассказу Соломеина), Лушке Амосовой (по рассказу учительницы Кабиной) или Нинке Амосовой (по свидетельству Морозовой). Путаница имен объясняется тем, что у Амосовых было четыре дочери, и все красивые. Нина (именно ее, как выяснилось, выбрал Трофим) была из них самая симпатичная, нрава веселого, вспоминает Королькова, и, возможно, это понянуло к ней Трофима.

Татьяна Морозова нам рассказала: «Трофим вещи забрал в мешок и ушел. Приносил нам сперва сало, а потом стал пить, гулять. Нинка, шлюха продажная, до него сто раз замуж сбегала. Ее все бабы ненавидели за то, что отбивала мужиков. После войны я в Тавду за документами поехала и там в милиции увидела Нинку, она тоже за чем-то пришла. Я при полковнике-женщине говорю ей: «Ах, дрянь ты продажная, немецкая. У тебя детки – от кого ручка, от кого ножка, от кого лапка, от кого жопка. А у меня все законные. Ты – гадина подлячья, из-за тебя мои дети порастерялись, сучка!» И полковник-женщина молчала, не вмешивалась».

Так или иначе, Трофим ушел от Татьяны перед ссорой со старшим сыном и имел две семьи. Единственное упоминание о разводе отца с матерью, буйной свадьбе с новой женой и гулянке, продолжавшейся неделю, имеется в книге Соломеина «В кулацком гнезде». После этого пресса о разводе резонно умалчивала. Жил Трофим то у сестер, то у новой тещи и домой возвращался все реже. Факт, что Трофим ушел из семьи, – невероятный. Крестьяне от жен не уходили. И если он это сделал – поступок такой говорит о многом и не в пользу его первой жены. Соломеин, который не раз останавливался в доме Татьяны Морозовой, вспоминает (запись осталась в его блокноте и не вошла ни в книгу, ни в статьи): «Неряха. В доме

грязно. Не подбирает. Это результат российской некультурности. За это не любил ее Трофим, бил».⁶

Когда читаешь книги о драме в деревне Герасимовке, остается непонятной причина, побудившая мальчика донести на отца. «Отец из семьи ушел, – вспоминает одноклассник Павлика Дмитрий Прокопенко. – Лошадь и корову надо было кормить, убирать навоз, заготавливать дрова – все это легло на старшего. Мать – плохая помощница, братья малы. Павлику было физически тяжело без отца. И когда возник шанс вернуть его страхом наказания, они с матерью попробовали это сделать».

«Мать толкала сына предать отца, – сказала нам 50 лет спустя учительница Кабина. – Она, темная женщина, досаждала мужу как могла, когда он ее бросил. Она Павлика подучила донести, думала, Трофим испугается и вернется в семью». Родственники Морозова тоже считают, что так оно и было. Сама же Татьяна Морозова, отвечая на наш вопрос, отрицала свое участие в доносе: «Павлик надумал, я не знала, он со мной не советовался». Между тем на суде, как утверждают очевидцы, Трофим Морозов заявил, что это Татьяна подучила сына донести. «Скажу так, – резюмировал Прокопенко. – Не уйди Трофим из семьи – ни доноса бы не было, ни убийства, и героизм Павлика неоткуда взять. Но этого печатать нельзя!»

Советские писатели, игнорируя реальные факты, подменили конфликт между супругами Морозовыми политической борьбой. Это важно иметь в виду, переходя к подробностям первого героического поступка Павлика – доноса на отца.

Процесс подготовки к доносу, то есть сбора сыном компрометирующих сведений об отце, подробно описан в литературе. Отец, председатель сельсовета, приходил домой поздно, выпивал с родственниками, иногда вечером работал дома. По описанию журналиста Соломеина, все получилось так: когда Трофим дома, то и Павел тут. Глянул осторожно в дверную щелку горницы, где сидел отец, и замер. Отец пересчитывал деньги. Павлик ничего не сказал матери. Только решил наблюдать за отцом. Но ведь в действительности такая слежка была невозможна. Трофим не жил в доме. Чтобы «исправить историю», Соломеин сдвигает уход отца от матери на время после доноса сына, а при переиздании книги развод родителей убирает совсем.⁷

Трофим работал, читаем мы в книге Соломеина «Павка-коммунист». «Тихо-тихо, стараясь даже не дышать, Павка встал и на цыпочках подошел к двери. Из горницы доносились приглушенные голоса. Павка прильнул к замочной скважине».⁸

Сын хочет выяснить, откуда у отца деньги, и догадывается, что они – «от классовых врагов». Из-за ночных бдений пионер начинает плохо учиться, позорит свой отряд, но ему не до этого. Он весь – в шпионаже. У поэтессы Хоринской в стихотворной биографии Морозова, когда Павлик прислоняет ухо к замочной скважине, слушает и запоминает, ночная сцена приобретает еще более драматический характер. Просыпается мать, осознающая государственную важность деятельности сына. Она говорит в рифму: «Опять не спишь, сынок? Скоро полночь ступит на порог». А сын поясняет читателям: «Врагом стал отец мой, ребята, не мог я отца укрывать!»⁹

В чем же, по словам писателей, вина отца Павлика? Трофим Морозов, председатель сельсовета, давал справки сильным крестьянам, чтобы, пользуясь этими документами, они могли вернуться на родину. Крестьян этих раскулачили в основном на Кубани и привезли в ссылку на Северный Урал, на лесозаготовки. Писатель Губарев привел в газете «Пионерская правда» в 1933 году полный текст документа.

Удостоверение

Дано сие гражданину в том, что он действительно является жителем Герасимовского сельсовета Тавдинского района Уральской области и по своему желанию уезжает с места жительства. По социальному положению бедняк. Задолженности перед государством не имеет. Подписью и приложением печати вышеуказанное удостоверяется.

Председатель сельсовета Т.Морозов.

Документ этот с начала и до конца – сочинение самого Губарева. Через пятнадцать лет он переделал его в книге.¹⁰ В первом издании отец печатал справки на пишущей машинке в количестве пятидести копий. Позже пишущая машинка из жизнеописания Павлика исчезла. Выражение «жителем Герасимовского сельсовета» меняется на «жителем села Герасимовки». Район тогда назывался Верхнетавдинским. Губарев уби-

рает фразу о задолженности и добавляет дату: 27 июля 1932 года. Эта дата вообще делает всю сцену абсурдной. Морозов-отец был к этому времени давно осужден и отправлен в лагерь.

Между тем Губарев рассказывает, как Павлик украл у отца такое удостоверение, чтобы отнести его куда следует. Если не для себя, а для дела коммунизма, то можно и украсть. Коллега Губарева – журналист Смирнов – излагает эпизод иначе. Отец разорвал бракованную справку. «Не успели затихнуть во дворе шаги, как Павлик соскочил со своей постели и подобрал на полу клочки разорванной бумажки. Зажав их в кулаке, он быстро улегся». Утром Павел разжал руку и стал разбирать клочки бумаги, чтобы восстановить текст. В первых публикациях авторы писали, что Трофим брал за справки деньги. Позже слово «деньги» заменили на «толстые пачки денег».

Кому же и куда донес Павлик на отца?

Из многих лиц, которым мы задавали этот вопрос, ни один не сумел вспомнить что-либо. Все приводили сведения, взятые из опубликованных впоследствии книг. У разных авторов место это носит разные названия. Павлик сообщил: в милицию (Бюллетень ТАСС), членам сельсовета (писатель Коршунов в «Правде», 1962), представителю райкома партии (Второе издание БСЭ), представителю райкома Кучину, иногда именуемому Кочинным (буклет Свердловского музея), инспектору милиции Титову (во многих источниках).

По версии писателя Мусатова, мальчик сообщил директору школы, а тот – уполномоченному по хлебозаготовкам (журнал «Вожатый», 1962). Возможен также уполномоченный Тавдинского райкома партии Дымов, который немедленно сообщил куда следует, и уполномоченный без фамилии, который «молод, плечист, в белой рубашке с расстегнутым воротом, в скрипучих сапогах» (Губарев, журнал «Пионер», 1940). Один и тот же следователь ОГПУ носит в разных изданиях фамилии Железнов, Самсонов, Зимин, Жаркий и др. Можно прочитать, что Павел сообщил в следственные органы (журнал «Пионер», 1933), в ЧК (газета «На смену», 1972). И еще два поздних варианта: Павлик рассказал людям («Пионерская правда», 1982) и – рассказал всем (сборник «Подвигу жить!»).¹¹ Речь, повторяем, идет об одном-единственном доносе.

Журналист Соломеин при переизданиях книг менял место доноса трижды. «Паша... пошел в Тавду и рассказал о проделках отца». Это была первая информация с места событий в газете.¹² Его идею заимствовал поэт Боровин в книге «Морозов Павел», причем для операции им выбрана ночь:

Он спешит. Теперь он все расскажет.
Он бежит, спешит в райком.
И тайга теперь его не свяжет:
Он без отдыха бежит бегом.¹³

Однако от сюжетного хода с Тавдой авторам пришлось отказаться. Дорога шла болотами, были броды через речки, а зимой дорогу заносило. К тому же туда и обратно около 120 километров – почти три марафонские дистанции. Пробежать их без отдыха трудно. Возможно, поэтому позже Соломеин в газете «Тавдинский рабочий» написал туманнее: «Павлик сообщил куда следует». А в книге Соломеина Павлик уже доносит на месте в деревне – приезжому: «Один из Тавды. Военный. С наганом. Товарищ Кучин».¹⁴

Все фамилии сборщиков доносов, перечисленные выше, оказались вымышленными, кроме милиционера Титова. ЧК (Чрезвычайной комиссии) к тому времени в стране уже не существовало. Что касается работников ОГПУ, то они могли появляться в деревне под любыми названиями и чаще всего как уполномоченные райкома или райисполкома. Не случайно еще в 1932 году Соломеин записал в блокнот слова матери Павлика Татьяны Морозовой: «Когда приехал товарищ Гепеву (т.е. ОГПУ), Паша все сказал».

А может быть, мальчик сочинил письменный донос? «Писал. Писал Павлик сообщение в ОГПУ, – считает Прокопенко. – Люди в деревне всегда найдутся, которые подговорят: посади отца, отомсти за то, что вас бросил. Иван Потупчик, его двоюродный брат, хотел сам стать председателем сельсовета вместо Трофима. Он и подучил Павлика куда и как написать». Эту версию мы попытались уточнить у Ивана Потупчика, когда с ним увиделись. «Помогал ли я ему бумагу составлять, – ответил он, – не помню. Но написать это можно, если хотите».

Губарев в «Пионерской правде» вначале тоже написал, что Павлик донес письменно: «Дай-ка, Яша, чистую бумагу, – внезапно проговорил Павел, поворачивая на свет лицо... – Напишем в ГПУ». А потом переделал донос на устный. Татьяна Морозова в одной из бесед с нами сказала: «Павлик написал письмо чекистам и вложил фотографию отца».

На наш взгляд, письменный донос не исключает устного. Встреча с уполномоченным могла состояться для получения дополнительных улик и с целью выяснить саму личность добровольного осведомителя для будущих отношений. «Павел пошел в сельсовет, – пишет Соломеин в первой своей книге. – За председательским столом сидел человек в военном. Когда все вышли, Павел подошел к столу: «Дяденька, я расскажу тебе...» Человек все записал и пожал Павлу руку. Писатель Яковлев дополнил Соломеина. Было учтено: кому и сколько давал отец бланков, у кого их брал. Павел якобы донес на многих сразу. Уполномоченный резюмирует: «Раз врагом нашим стал твой отец, и отца надо бить».¹⁵

Заметьте: бить! Приговор отцу произнесен уполномоченным сразу после доноса ребенка. В дореволюционном Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (статья 128) особо оговорено, что доносы от детей на родителей не принимаются, за исключением особо опасных преступлений. Взятки за полученные справки такими преступлениями не считались. В журнале «Пионер» писатель Губарев рассказывал, как Павлик украл у отца из-под подушки, когда тот спал, портфель с документами. Проснувшись, отец умолял сына: «Не губи, родимый!» А сын ночью бежит сообщить или, как тогда говорили в деревне, доказать.

Детали эти важны не для выяснения жизненной правды, а для того, чтобы понять, как в прессе рекламировался донос мальчика на отца. Через тридцать лет после появления в печати первой книги Соломеин переписал весь эпизод в новых красках. Перед доносом Павел хитрил. В школе он стоял с книжкой в руках. «Он лишь для вида листал ее, с беспокойством и ожиданием посматривая в окно. Увидев, наконец, что отец вышел из сельсовета и направился к дому, Павка быстро оделся и выбежал на улицу». Опасаясь, чтобы его не выследили так же, как он выследил отца, мальчик старался незаметно

побрататься к уполномоченному, прибывшему в деревню: «Павка зачем-то оглянулся, подошел к окну, посмотрел на улицу, во двор и только после этого осторожно присел на скрипучую табуретку».

Со стороны Павла – жажда подвига, со стороны уполномоченного – ремесло. Тот слушал, переспрашивал, уточнял, записывал: Павлик сообщил, что он пионер, председатель совета отряда, и уполномоченный перешел к инструктажу: «А ты, председатель, язык умеешь держать за зубами?» – «Умею!» – твердо сказал Павка и почувствовал, как забилося отчего-то сердце. «Добро! Договоримся, значит. Во-первых, мы с тобой будто что незнакомы. Ты сейчас приходил не ко мне, а к отцу. А я даже не знаю, что ты сын Трофима Морозова. Во-вторых, ты со мной не разговаривал, спросил только, не знаю ли я, куда ушел отец. Понятно? И если ты увидишь меня даже у вас дома – будто впервые видишь меня. Ясно?»¹⁶

Теперь он завербован по всем правилам! И чувство принадлежности к особому клану лиц, обладающих властью над людьми, зовет его к новым подвигам. «Тогда берегись, чтобы ты не попал в сеть, последуя им, по истреблении их от лица твоего...» Но это уже не из Соломеина, а из Библии.¹⁷

Через три или четыре дня после доноса Павла отца арестовали. Арест происходил обычным порядком, но в книгах писателей тех лет все выглядело, как в детективном романе. Соломеин в последней своей книге описывает: «Пришли старички в лаптях, помололись, купили справки, а потом взглянули друг на друга и, как по команде, сорвали с себя парики. «Ты арестован, Трофим Сергеевич Морозов», – услышал Павка знакомый голос...» А вот другое описание: подослали к Трофиму в сельсовет незнакомое переодетого милиционера. «Это ошибка, товарищи, вы что-то смешали!» – услышал Паша взволнованный голос отца, и ему захотелось крикнуть: «Не смешали, тятя, не смешали!»¹⁸ Татьяна Морозова рассказывала нам еще эффектнее: «Павлик скомандовал: «Взять его!» И энкаведисты бросились вперед».

На самом деле никого не подсылали, и Павлик не заслужил еще офицерского звания в НКВД, чтобы командовать. Просто пришли с обыском и забрали. Авторам официального мифа пришлось туго: если Павлик Морозов сообщил отцу, что

донес он, то разглашается секрет полиции, а если молчал, то как же прогрессивное человечество узнало, что мальчик совершил героический поступок? «Через кого только дознались? – восхищался писатель Яковлев в книге. – Вот какая власть нынче, ничего от нее не скроешь».¹⁹ Автор явно стремился польстить тайной полиции.

Через три месяца, худой, рваный, грязный, заросший (Трофим до этого брил бороду) отец был приведен на суд в Герасимовку пешком под конвоем двух милиционеров. Кормить преступника в деревне было негде, а он едва держался на ногах. Его вторая жена Нина Амосова уехала из деревни и вышла замуж за другого. К Татьяне и детям Трофим заходить не захотел. Охранники отдали его отцу с матерью на три дня под расписку. Здесь-то и возник вопрос, кто донес.

Павлик пришел в дом деда, где был отец. Трофим спросил его о доносе. Сын сперва отрицал свою причастность и дал ему вдоволь потеряться в догадках. Насладившись, Павлик нанес удар, сообщив, что это благодаря ему будет суд.

«Трофим заплакал, – записал Соломеин показания очевидцев. – Мороз (дед. — Ю.Д.) соскочил, раз Пашке в ухо, второй... Пашка заревел и спросил:

– Что делаешь?

– Убью паразита!

Мужики отобрали Пашку и увели».

Выездную сессию суда проводили в деревенской школе. Местом заседания выбрали класс. Павлик на суде был скромн и величествен. Поэтесса 50-х годов Хоринская рисует его весьма довольным собой:

И мне задавали вопросы,
Как звать-величать, кто родня,
И судьи «свидетель Морозов»,
Как взрослого звали меня.²⁰

Замечательная речь Павла Морозова на суде имеется у нас в двенадцати (!) вариантах. Полностью приведем неопубликованный текст из архива Соломеина, как самый первый по времени. Оставляем на совести Соломеина достоверность и грамотность оригинала.

«Дяденьки, мой отец творил явную контрреволюцию, я как пионер обязан об этом сказать, мой отец не защитник интересов Октября, а всячески старается помогать кулаку сбежать, стоял за него горой, и я не как сын, а как пионер прошу привлечь к ответственности моего отца, ибо в дальнейшем не дать повадку другим скрывать кулака и явно нарушать линию партии, и еще добавлю, что мой отец сейчас присвоит кулацкое имущество, взял койку кулака Кулуканова Арсения и у него же хотел взять стог сена, но кулак Кулуканов не дал ему сена, а сказал, пускай лучше возьмет х...»

Койку отец взял у родной сестры, на нее он хотел постелить сена. Заметьте: в речи нет ни фальшивой справки, ни взятки, ни единой улики. Для доказательства вины отца он добавляет к интересам Октября (то есть революции) кровать и сено. Потом, в книге, Соломеин, разумеется, вставит в речь фразу о справках, выданных за взятки.²¹

С чьих слов записал Соломеин речь Павла, установить не удалось. Единственная документальная ссылка на слова мальчика имеется в деле №374 об убийстве Павла Морозова. Это «Характеристика на убитых Морозовых Павла и Федора», подписанная работниками сельсовета. Но и она не содержит улики: «...При суде сын Павел обрисовал все подробности на своего отца, его проделки». Опубликованные в газетах, журналах и книгах речи Павла на этом суде восходят к тексту, составленному Соломеиным.

Печать сталинской эпохи рисует сцену суда с показательным цинизмом. На крик отца «Это я... Я! Твой батька!» Павлик, по словам журналиста Смирнова, заявил судье: «Да, он был моим отцом, но больше я его своим отцом не считаю».²² Эти слова в реальной жизни повторяли миллионы людей, проходя через допросы. Говорят, Трофим упал, услышав отречение сына. Губарев в отчете, опубликованном в «Пионерской правде», отделил чувства от убеждений: «Не как сын, а как пионер».²³ «Пионерская правда» пошла еще дальше, назвав Трофима «бывшим отцом»: «Вспомните речь Павлика на суде своего бывшего отца-подкулачника».²⁴

Поэт Боровин в 1936 году зарифмовал один из вариантов речи Павлика на суде:

Дяденька! Отец мой, – начал Павка, –
Помогал проделкам кулака;
Помогал врагам, давал им справки,
Прикрывал их маской бедняка.
Да, теперь в колхозе всякий знает:
Он в совет пролез не зря,
И, как пионер, я заявляю:
Мой отец – предатель Октября.
Чтобы все кулацкие угрозы
Не страшили нас бы никогда,
Я отцу – предателю колхоза –
Требую сурового суда...²⁵

Приговор вынесли поздно ночью. Журналист Смирнов в «Пионерской правде» писал: «Отца осудили и сослали на десять лет». Такой же приговор указан в Бюллетене ТАСС. Соломеин в книге указал, что отец получил не ссылку, а «десять лет строгой изоляции (то есть лагерей строгого режима. — Ю.Д.) с конфискацией имущества». Однако в документах говорится только о ссылке. В 1938 году в книге о Морозове Смирнов вдруг заявил, что отца осудили лишь на 5 лет. Дело в том, что в органах юстиции тогда были обнаружены «враги народа» и объявлено, что зря пострадало слишком много трудящихся. В соответствии с политикой данного момента писатель сбавил Трофиму срок.²⁶

За что был осужден Трофим Морозов? Почему приговор за подделку документов был столь суров? Отца Павлика официальная печать описывала черной краской. Писатель Анатолий Алексин в «Литературной газете» называл Трофима тупым, корыстолюбивым, ничтожным и жалким.²⁷ Художник Дмитрий Налбандян в «Комсомольской правде» писал: «Звериный облик отца Павлика».²⁸ Писатель Губарев, вначале находивший в нем нечто человеческое, через несколько лет в новых изданиях приписал Трофиму новые черты. Отец стал пьянчужой, а затем и вором: он крадет в ларьке конфеты и сам ест их, а Павлик гордо отказывается от угощения. Еще позже Губарев превратил Трофима в хитрого и злобного врага.

Между тем Трофим, по герасимовским меркам, был незаурядной личностью, его до сих пор поминают добром в отличие от его первой жены, которую в деревне не любят. «Трофим не только не пил, но и не выпивал, это все ложь, – говорила нам учительница Зоя Кабина. – Высокий, с красивой шевелюрой, стройный, хотя и полноватый, он был значительным человеком». Трофим был смелым солдатом в гражданскую войну, в боях за советскую власть дважды ранен. Оставленная им жена Татьяна говорила нам: «Восемь раз Колчак ранил его, жалко, что в девятый не убил». «Грамотный, авторитетный, – вспоминает Н.И., бывшая герасимовская жительница, – его избрали председателем сельсовета не так, как сейчас выбирают – единогласно и лишь бы не меня! – а с обсуждением достоинств, с надеждой, что будет справедливым старостой».

Писалось, что несколько кулаков вытолкнули его в председатели, чтобы он укрывал их, но это неправда. Выдвигали его на собрании всей деревней, и долгое время он устраивал как народ, так и новую власть. Прежний председатель сельсовета проворовался. Учительница Кабина предложила на собрании избрать председателем Трофима Морозова. До самого ареста она была с ним в хороших отношениях и, стало быть, вряд ли могла, как писалось не раз, посоветовать его сыну донести.

Трижды переизбирался Трофим председателем, значит, крестьяне в нем не ошиблись. Благодаря уму и гибкости он умел находить среднюю линию между грубым давлением сверху и упрямым нежеланием мужиков делиться своим хлебом с большевиками. Трофим требовал оброка от односельчан, то есть выполнения поставок государству. Положение его было нелегким. Прибывавшие в деревню уполномоченные добивались от председателя сведений: сколько у кого земли, применяют ли наемный труд. Они сообщали об этом наверх, а оттуда поступали списки на раскулачивание. «Многих арестовывал он и отправлял в Тавду», – писал Соломеин в первой книге. Крестьяне тоже угрожали Трофиму, что могут донести на его отца, что тот, будучи надзирателем в тюрьмах, издевался над большевиками, и тогда, мол, Трофима снимут с должности. Донос висел в воздухе.

Вместе с тем председатель сельсовета не очень шел на откровенность с уполномоченными, сдерживал чересчур агрес-

сивных, готовых забрать хлеб подчистую. Трофим хитрил, преуменьшал сведения о запасах хлеба, научился давать туманные обещания в расчете на то, что присланного представителя сменит другой, более покладистый. И не ошибался: менялись они часто. «Выступая на собраниях, – писал Губарев в «Комсомольской правде», – он ратовал за колхозы, а дома подсмеивался над тем, что говорил на собраниях».²⁹

Но настал момент, когда сдержанность Трофима начала раздражать присылаемых сверху уполномоченных, и его решили убрать. В приговоре суда об убийстве Павлика обстоятельства дела Трофима звучат так: «...Будучи председателем сельсовета, дружил с кулаками, укрывал их хозяйства от обложения, а по выходе из состава сельсовета способствовал бегству спецпереселенцев путем продажи документов». Выходит, что он вышел из сельсовета до ареста! Мы не знаем, убрали ли его чиновники из района, или он сам отказался сотрудничать с советской властью. В любом случае именно конфликт с властями и послужил толчком к мести: заведению на него уголовного дела.

Рассмотрим поступок, за который его осудили. Тобольская губерния, куда входила Герасимовка, была постоянным местом ссылки. Сюда попадали осужденные разных категорий, но в конце XIX и в начале XX века – в основном за экстремистскую деятельность. По количеству политических заключенных эта губерния до революции 1917 года занимала первое место в России. В 1913 году большевистская «Правда» в статье «Бедствия ссыльнопоселенцев» писала: «Вместо ссылки получается казнь. Удивительно ли, что, несмотря на грозящую за побег каторгу, большинство старается бежать с места ссылки, часто предпочитая рисковать каторгой, чем медленно умирать в тундрах Сибири».³⁰ Под влиянием ссыльных местные жители прониклись ненавистью к существующим порядкам и оказывали содействие их жертвам. Бежал отсюда каждый второй-третий.³¹

Разумеется, помощь беглецам местные жители оказывали чаще всего за деньги. Бежавшие без особых трудностей попадали за границу. В 1900 году журнал «Тюремный вестник» сообщал, что сибирскую ссылку высочайшим повелением отменили, а точнее – сократили на 99 процентов как наследие прошлого (вроде пыток и телесных наказаний), вредное для

края.³² Ссылались лишь наиболее опасные представители подпольных организаций, в частности большевики. Сталина, например, арестовывали семь раз, ссылали пять раз, бежал он из ссылки четырежды. В разгар репрессий 30-х годов, после суда над Трофимом, страна официально праздновала 30-летие первого побега Сталина из сибирской ссылки.

Сосланные Сталиным в Сибирь крестьяне рвались на родину, не понимая, за что их привезли сюда. Число ссыльных поселенцев в советское время постоянно росло: в 20-е годы сюда везли казаков с Кубани, в 30-е – украинцев, в 40-е – латышей, и все время – русских. Находились и люди, готовые им помочь. Но то, что с точки зрения большевиков было гуманно вчера, ныне, когда они захватили власть, стало преступлением. В народе такая перемена взглядов не могла произойти быстро: ссыльные для сибирских жителей оставались страдальцами.

Царское правительство сравнительно мягко наказывало тех, кто помогал ссыльным. Теперь на них обрушились репрессии даже более жестокие, чем на самих беглецов. «В спецпоселках комендатуры следили за людьми, – вспоминает учительница Кабина. – Исчезает человек – сообщают, идут с собаками. Из Герасимовки тогда тоже выслали человек двадцать, и летом сосланные бежали сюда с Севера, жили в лесу, в шалашах, им тайно носили еду». Один из лагерей ссыльнопоселенцев находился в двадцати километрах к северу от Герасимовки. Здесь от голода и болезней в болотах умирали тысячи людей, привезенных с юга России. Им терять было нечего: кто не бежал, погибал в тайге.

Теперь, при советской власти, организаций, помогающих беглецам, не осталось, но отыскивались добрые люди. Трофим Морозов не был борцом за светлые идеалы справедливости, и если он помогал голодным и умирающим вернуться домой, он рисковал сам. Если за справки беглецам он брал деньги, то есть взятки, то деньги эти были ему главным образом на пьянки с районными уполномоченными – в расчете на то, что они будут милостивей и оставят часть хлеба жителям. Одного не предвидел Трофим – сыновнего предательства. Но брал ли он взятки?

В газете «Тавдинский рабочий» после убийства Павлика писалось: «Банду во главе с Трофимом Морозовым судила вы-

ездная сессия в Герасимовке».³³ «Арестованы были Трофим и два члена сельсовета, – вспоминает одноклассник Павла, Прокопенко. – Потом приехали неизвестные люди и посадили нового председателя». Однако, как выяснилось, все происходило не так просто и совсем не так, как писали сочинители официального мифа. Вот что рассказал нам крестьянин деревни Герасимовка Лазарь Байдаков.

«Когда ушел из председателей Трофим, оказалось, что в сельсовете справки по-прежнему выдают. Туда обратился один спецпереселенец, попросил справку. Ему дали чистый бланк, велели за ночь дойти до станции и быстрее уехать. Ну, он вышел на станцию и ищет: к кому обратиться, чтобы грамотный был да бланк заполнил. Видит, гуляет прилично одетый пассажир, ждет поезда. Он к нему. Тот согласился помочь. «Пойдем, – говорит, – ко мне на квартиру. Там у меня ручка и чернила. Все нарисуем, и поедешь». Привел его на улицу Советскую, дом 39, в районное ОГПУ. Он оперуполномоченным оказался. Сразу на допросы: где, да как, да кто. Пообещали ему: если поедет с ними в Герасимовку и еще справку достанет, отпустят. Повезли беднягу два вооруженных чекиста, дали деньги, наколотые иголкой, то есть меченые, и всех в сельсовете взяли. Оказалось, подпись Трофима они рисовали. Именно рисовали, так как сами были неграмотные».

«За сельсоветом следило ОГПУ, а не Павлик, – говорила нам учительница Кабина. – Но суд не мог доказать вины Трофима Морозова, и тогда сын заявил, что видел, как отец этим занимался. Павлик врал, так как в это время отец с ними уже не жил и мальчик не мог видеть, как тот подделывал справки. Могла знать его мать Татьяна, да и то из сплетен». Это подтверждает и крестьянка Беркина: «У Трофима улики не нашли, и он бы отвертелся. А Павлик заявил, что отец брал взятки. Павлик не был свидетелем на суде, как пишут, – они сами с матерью пришли. И Татьяна давала на суде показания против Трофима, то есть донесла она сама. Тогда Павлик тоже показал на отца, даже судья его остановил: «Ты маленький, посиди пока».

Итак, возможно, Трофим вообще не был виновен в том, в чем его обвиняли. По меньшей мере его вина на суде не была доказана. Он уже не работал в сельсовете. Фальшивые справки

выдавались за деньги теми, кто там продолжал работать. Пойманные с поличным, они под страхом наказания свалили вину на Трофима, сделав его соучастником.

Мы недооценили бы роль секретных органов, если бы предположили, что те полагались только на мальчика. Наивно думать, что за четырнадцать лет советской власти, к моменту суда, ОГПУ не завербовало в деревне взрослых доносчиков. Но донос мальчика на отца все же можно считать доказанным фактом. Сделан он был не по политическим причинам. Реальная причина доноса – жгучая ревность оставленной женщины, решившей отомстить бросившему ее мужу.

Отца Павлика отправили по этапу на Крайний Север. Герасимовцы вспоминают, что он написал письмо Татьяне и детям – не из ссылки, а из лагеря. После убийства детей Морозовых заведующий клубом, бывший по совместительству секретарем партячейки, сочинил Трофиму ответ от имени Татьяны, чтобы он как враг народа больше сюда, в Герасимовку, писем не слал: нет тут у него ни жены, ни детей. 28 ноября 1932 года газета «На смену!» сообщила, что Трофим погиб.

«Его приговорили к расстрелу после убийства Павлика, на всякий случай», – сказал колхозник из Герасимовки, без вины отсидевший в лагерях и не назвавший своего имени. Татьяна Морозова на наш вопрос сообщила: «Я написала в Верховный Совет – узнать, что с Трофимом. Ответили, что он расстрелян. Он сам себе яму выкопал перед расстрелом». – «Откуда это известно?» – «Мне сказали».

Так или иначе Трофим Морозов исчез в лагерях.

Глава третья

ДРУГИЕ ПОДВИГИ МОРОЗОВА НА БУМАГЕ И В ЖИЗНИ

Литературные источники единодушны в том, что героический период жизни мальчика Морозова начался после доноса на отца. Желание авторов растянуть это время понятно: чем дольше герой совершает подвиги, тем выше его заслуги. В большинстве источников дата суда над Трофимом – и, следовательно, первого подвига Павла – отсутствует. Второе издание Большой советской энциклопедии указывает на 1930 год («разоблачил своего отца»).

Однако следственное дело №374 содержит три более весомые даты начала доносительства Морозова. «В ноябре месяце 1931 года выказал своего родного отца». И даже еще точнее: «25 ноября 1931 года Морозов Павел подал заявление следственным органам о том, что его отец...» Там же героический период определяется так: «...на протяжении текущего года...», то есть только 1932 год.¹ Учительница Кабина сказала, что суд над Трофимом был в начале 1932 года.

Наиболее авторитетной для отсчета представляется дата регистрации первого доноса – 25 ноября 1931 года. Тот, кому Павлик донес, оставался в деревне несколько дней. Затем прошло еще трое или четверо суток, пока отца арестовали. Следствие продолжалось три месяца. Трофим жил до суда в деревне еще три дня. Итак, между доносом и судом прошло не

менее трех с половиной месяцев. Следовательно, суд состоялся в марте 1932 года. Выходит, героическая деятельность пионера Морозова продолжалась с марта по начало сентября – не более шести месяцев.

К суду в деревне уже знали, кто донес на Трофима. С легкой руки деда юного секретного агента прозвали «Пашка-куманист» (то есть коммунист) и кидали в него камнями. Его ругала и стыдила родня. Дедушка Сергей, с которым до этого жили одной семьей, после суда над сыном Трофимом перестал не только помогать, но и пускать невестку и внука к себе во двор. У отца решением суда конфисковали имущество. Сделали это в старой семье, так как в новой у него ничего не было. Таков был непредвиденный результат доноса: Татьяна с детьми осталась уже совсем нищей. Она вынуждена была зарезать и сдать государству единственного теленка. Детей ей было кормить нечем. Дома стало тяжело.

Авторы с удовольствием сообщают нам подробности нового этапа жизни юного доносчика. Уполномоченного, с которым Павлик имел дело, повысили в должности, и тот уехал. Теперь Морозов целыми днями торчал в сельсовете, слушал о чем там говорят. «Каждый новый приезд работников из района, разговор с ними все больше воодушевлял Павлика Морозова», – писал Соломеин в газете «Всходы коммуны». В книге он отмечал скромность мальчика: «Павлик не понимал еще всей важности своего геройства».²

Зато после успешного первого доноса мальчик ощутил себя в новом качестве. Соломеин пишет: «Наутро, по дороге в школу, Павка, проходя мимо двора Кулукановых, услышал какой-то разговор. Он притаился у ворот».³ Он подслушивал о чем говорят люди, собравшись кучкой, заглядывал в щели, выясняя, что происходит за заборами. «Нынче стены ушатые», – твердил соседям его дед. Дядя Кулуканов называл Павлика «первейшим соглядатаем на селе». Слово «соглядатай» употреблено в Библии. Оно означает не просто добровольного доносителя, но человека, который выполняет поручения.

Разумеется, мальчиком руководили взрослые, он оказывался пешкой в играх личных и политических. Сперва в конфликте матери с отцом, потом – деда и родных с матерью, наконец – крестьян с советской властью. Но если верить сочинениям

советских авторов, он был не пассивной пешкой: он сам хотел делать ходы.

Уполномоченные в деревне что-то искали. «Павлик-активист тут как тут на страже интересов соввласти, он донес об этом», – говорил на суде Урин, представитель Уральского обкома комсомола. Павлик появлялся на обысках первым, как и полагалось наводчику. «Его глаза – как стрелы», – писал поэт Боровин. «И когда дед Паши, Сергей Морозов, укрыл кулацкое имущество, – писал корреспондент газеты «Уральский рабочий» Мор, – Паша побежал в сельсовет и разоблачил деда».⁴

В деревне начали распространять облигации госзайма, которые никто не хотел покупать. Павел якобы пошел по избам и не уходил, пока не брали. А так как крестьяне его боялись и не хотели связываться, то подписывались на заем. После каждой успешной операции «Павлик чувствовал себя на седьмом небе», – добавляет Соломеин в книге «Павка-коммунист». «Павлушка еще больше начинал работать», – написано в Бюллетене ТАСС.

Не зная, что писать об убитом вместе с Павликом Феде, авторы сделали и его соглядатаем. «Паш, а Паш, а я тоже не спал, – раздался шепоток Феде. – Тихо! – предупредил Павлик Федю. – Завтра поговорим». Если брат Федя помогал Павлику в работе, становится мотивированной и его убийство вместе с братом. Федор и раньше охотно доносил матери на отца – где и с кем он проводит время, и, по мнению Смирнова и Губарева, мать поощряла Федора в этих делах. Теперь Павлик использует Федора как личного осведомителя для мелких поручений. К Павлу в деревне относились с подозрением, мужики умолкали, когда он подходил, а через восьмилетнего Федора легче было узнать, где что творится. Федор исправно доносил брату, а тот дальше – властям.

Ночью, когда Кулуканов прятал хлеб, чтобы не отобрали, Павлик шмыгнул к двери, Федор с ним. Он помог определять по теням, что за люди и куда прятали хлеб. На этот раз, если довериться фантазии нескольких сочинителей, Павлик облек Федора особым доверием: донесли они вместе. Днем к Кулуканову, крестному отцу Павла, явились вооруженные люди, яму раскопали, хлеб вывезли.⁵

В книгах читаем, что Павел выполнял государственную задачу: выявлял в деревне кулаков. Сложность состоит в том, что критериев, кого считать бедным, а кого кулаком, в те годы не было. Судя по газетам тех лет, число кулаков увеличивалось день ото дня. И чем больше Павлик доносил, тем больше доносов требовалось.

Учительницу также обязали участвовать в этой политической кампании. Дети наивнее, чем их родители, и у них можно выпытать, что происходит дома. «Районное руководство поручило через детей выяснять, кто сколько прячет хлеба», – рассказывает учительница Кабина. В Тавдинском музее хранятся воспоминания одноклассницы Павлика Морозова Анастасии Ермаковой: «Под руководством нашей любимой учительницы Зои Кабиной и Павлика мы узнавали, кто и где прячет хлеб».

Учительница получала от уполномоченного список «на выявление».⁶ Это был прикидочный список: кто, по данным, поступившим через осведомителей, а также по подозрению районного руководства, мог прятать зерно. Учительница спрашивала детей на уроках, просила выяснить и ей сообщить. Не все дети соглашались, но Павлик всегда сообщал больше других.

Юному доносчику становилось известно и многое другое, например, что Кузька Силин и Петька Саков накануне выборов выбили стекла в сельсовете, а в избе-читальне расстреливали из рогаток портреты вождей. Имеются строки, записанные со слов односельчан и учительницы, что Павлик провоцировал детей доносить на своих родителей ему.

Авторы книг о Павлике Морозове изобретали новые и новые способы доносов для своего героя. Так, Павлик якобы предложил друзьям доносить коллективно. Повесить ночью плакаты на воротах: «Здесь живет злостный зажимщик хлеба такой-то». Где вешать, указывал он сам. Заодно мальчик отмечал, зачем люди собираются, где молятся, что поют. На собрании в школе, пишет журналист Смирнов, Павлик говорил: «Мы сами знаем, наверное, все кулацкие ямки. А молчим. Как воды в рот набрали». – «А что же мы должны делать?» – спросил Яша Коваленко. «А вот хоть ямки показывать. Узнал, где хлеб зарывают, приметил – сообщай мне или прямо председателю сельсовета».⁷ Миша Книга сказал Павлу, что мать велела ему переписать «святое письмо». «Ты скажи ей, перепи-

шу, мол, – посоветовал Павка, – а письмо это отдай мне». Это рассказывает Соломеин.⁸ Дети колебались, некоторые советовались с родителями и отказывались доносить, другие из страха соглашались. Жители деревни отвечали школьникам-доносчикам ненавистью. Их били, на них натравливали собак, гоняли палками. Позже в статьях и книгах это стало называться «разгорающейся классовой борьбой в деревне».

Павел ходил под заборами, разведывал, кто что несет, где кладет, с кем делит. Он уже, если верить Соломеину, и уполномоченным недоволен: «Приезжал какой-то Светлов, наделал перегибов и сбежал». (Светлов – имя тоже вымышленное.) Мальчик решает писать сообщения, минуя деревенского уполномоченного, прямо в район.

Его отговаривали, предупреждали. Из соседней деревни приехал дядя Иван, брат Трофима, кандидат в члены партии, пытался поговорить с Павликом: «Погубил отца, теперь хочешь погубить дядю и деда. Зачем сказал, что они рожь увезли и разделили? Зачем не держишь свой долгий язык за зубами?»⁹ Ему делали мелкие гадости: то в котелок с ухой соли насыпят, то головешкой тлеющей ткнут, то водой обольют, чтобы попугать.

Его стали звать «краснотряпочником», «краснодранцем», а его мать – «вшивой комиссаршей».¹⁰ Павлик держал в руках деревню, и, по версии Соломеина, мать его поощряла. Утром она сказала Павлу: «У Силина картошку нагребают... На базар повезут...»¹¹ Павел пошел в школу и по дороге заглянул к уполномоченной, донес на своего дядю. Уполномоченной в деревне тогда была Марина Янковская, носившая мужскую одежду, сапоги, пистолет. Она явилась к Силину с обыском. Все, что было, отобрали и вывезли на четырех подводах. А вот рукописная запись показаний очевидцев, сделанная Соломеиным: «Жена Силина сообщила по секрету Татьяне, что на возу картошка приготовлена для продажи. Как узнал Пашка, не утерпел, побежал к уполномоченному. «Тут картошку кулаки продают, а вы шляпите... Хлеб прятают... Вот мой дядя Арсюха Силин сегодня ночью...» Часов в десять к Силину пришли с обыском... Силин закричал: «Не разрешаю!..» «А мы и без разрешения поищем», – сказала молодая женщина, уполномоченная райисполкома. «Не пущу!» – заорал Силин и стук-

нул ее по лицу. Она упала. Ванька Потупчик уже шарил под крышей... Через час увезли два воза пшеницы и воз кож и овчин».

Мать знала о деятельности старшего сына – в этом нет сомнения. В протоколе допроса от 11 сентября 1932 года читаем: «Мой сын Павел, что бы только ни увидел или услышал про эту кулацкую шайку, он всегда доносил в сельсовет и другие организации...» Она не только поощряла его, но и доносила сама. В приговоре суда об убийстве Павлика говорится: «О краже Кулукановым снопов Павел сказал своей матери, а последняя заявила сельсовету».

Угрозы только распяляли Павлика. «Он, – гордо написано в книге поэта Боровина, – не щадил и не боялся никого».¹² В деревне все давно перероднились, а сверху требовали делить народ на классы, на своих и врагов. Для него этой трудности не существовало: никаких личных симпатий, все были врагами. И чем больше ненавидела его деревня, тем чаще ходил он к уполномоченному, который записывал, поощрял, принимал меры.

Павлик начал собирать информацию на тех, у кого было оружие. Охотились в деревне многие, и никогда это не запрещалось. Он узнавал не только у кого есть ружья, но и у кого они заряжены. «Паша сам проводил милиционера Титова до шатраковского дома, – писал в книге Яковлев. «Ищите на чердаке ружье или под печкой». И правда, через двадцать минут милиционер вышел на улицу с ружьем».¹³ На кого же в самом деле Морозов донес, что есть ружье, не ясно. По разным протоколам допросов – на разных лиц и даже... на группу классовых врагов с ружьями.

Герасимовцы не хотели вступить в колхоз. Старые люди говорили: кто вступит, тот лишится благословения Господня. Чтобы загнать людей в колхоз, весной в деревню приехала целая бригада. «На собрание, – рассказывали Соломеину очевидцы, – долго агитировали председатель сельсовета и особенно уполномоченный райкома. Молчали герасимовцы. Ни за, ни против». В прессе к этому присочиняется следующее: вдруг встает Павлик Морозов и начинает указывать на крестьян, у которых остался хлеб. «Уполномоченный что-то быстро записывал в карманную книжку и одобрительно улыбался», – пи-

шет в книге журналист Смирнов. В газете «Пионерская правда» он же добавляет подробности: «А рука Павлика продолжает гулять по головам мужиков: «У тебя есть хлеб. У тебя», – как приговор, чеканит слова Павлик. Из стороны в сторону он протягивает свою маленькую, еще детскую, но твердую и мужественную руку и разоблачает всех, кто является врагом советской власти».¹⁴ Чувство меры явно изменяет верноподданному автору: речь-то идет все-таки о ребенке!

Павел уже открыто следит за всеми. В школу ходить перестал, некогда. В деревню приезжали из леса ссыльные кубанцы поменять оставшиеся вещи на хлеб. Если мальчик узнавал, где они остановились, сразу спешил заявить. Павлик пытался сам разыскивать бежавших ссыльных, чтобы сообщить о них. Что в этих сообщениях имеет хоть каплю истины, вряд ли удастся установить. В книге писателя Яковлева говорится: так и надо учиться коммунизму.¹⁵ И Павлик учился. Как говорит поэт Боровин, защищая коммунизм от врагов, «их сумел он донага раскрыть».

В речи на суде, опубликованной в газете «Тавдинский рабочий» 30 ноября 1932 года, обвинитель журналист Смирнов так сформулировал список жертв Морозова: «Павлик не щадит никого... Попался отец – Павлик выдал его. Попался дед – Павлик выдал его. Укрыл кулак Шатраков оружие – Павлик разоблачил его. Спекулировал Силин – Павлик вывел его на светлую воду. Павлика вырастила и воспитала пионерская организация». «Пионерская правда» добавила в эту речь Смирнова о Павлике заключительную мысль: «Из него рос недюжинный большевик».¹⁶ Весь этот абзац Соломеин переписал в свою книгу «В кулацком гнезде» без ссылки на автора.

Деревня бурлила. Семя доноительства проросло и дало плоды. Соседи указывали на соседей, спеша опередить чужие доносы. Поняв, что с мальчиком совладать невозможно и, согласно литературным версиям, кроме как на самосуд рассчитывать не на что, деревня снова возвращается к вопросу о том, как от него избавиться. Писатель Яковлев посвятил этому в книге целую главу, назвав ее «Четыре покушения».

Павла пытались утопить, он выплыл. Мать побежала жаловаться милиционеру, но тот уехал в район. По ночам им стучали в дверь, пугали. Павлик оказался не трусливого десятка. Он

ругал мать за то, что не разбудила его, когда ломились в дверь: он бы вышел и посмотрел, кто приходил. Продолжать доносить, когда уже известно, кто сие делает, и когда угрожают – не это ли, согласно советскому автору, подлинная смелость?! Двоюродный брат Данила избил его палкой. Павел донес на Данилу. Услышал, что дядя спрятал в соседней деревне ходок (то есть воз) хлеба – донес на дядю. Но вот что записано в блокноте Соломеина: «Ходок не нашли».

Донос на дядю Арсения Кулуканова, по мнению авторов, был последней каплей, переполнившей чашу терпения. Бабушка Ксения, написано в книгах о Павлике, жалела, что не утопили внука. Дед Сергей сущность вопроса сформулировал в книге Яковлева так: «В Пашке – все зло. Маленький, он такой вредный, а вырастет – он нас живьем слопает. Вона, вся советская жизнь такая, как Пашка...» Вечером накануне убийства, по словам Татьяны Морозовой, двоюродный брат Данила сказал Павлу: «Последние дни живешь». Отсюда логически проистекает убийство и вина убийц.

А теперь скажем, что реальная картина была весьма далека от сочиненной авторами, которые описывали подвиги Павлика Морозова. Вот что утверждают очевидцы. «Все это раздуто, – сказал нам одноклассник Морозова Дмитрий Прокопенко. – Павлик хулиганил, и все. Доносить – это, знаете, серьезная работа. А он был так, гнида, мелкий пакостник». Учительница Зоя Кабина в одной из наших бесед подвела итог: «Павлик донес на отца, а, в сущности, больше ничего не сделал, за колхоз он не ратовал, да и не понимал он ничего».

Двоюродный брат Павлика Иван Потупчик заявил: «Серьезно можно говорить только о донесении Павлика на отца, а все остальное было прибавлено впоследствии для красоты». Родственник матери Павлика крестьянин Лазарь Байдаков разделил эту точку зрения: «Сам-то мальчик никакой роли не играл, это просто несерьезно. Ну, а для чего это все делали, вам видней».

Заметим, однако, что от хулиганства и пакостей юного осведомителя, даже если имеется с три короба преувеличений, страдали реальные люди. Факт остается фактом: Морозов доносил, и тут советская пропаганда не лжет. Между прочим, в 1918 году Ленин, обсуждая функции ЧК, предложил «карать

расстрелом за ложные доносы».¹⁷ Доносы Павлика были ложными, и можно считать убийство его выполнением ленинского указания. На деле ложные доносы необходимы советской власти, чтобы постоянно держать в страхе всех. Но вот что примечательно: согласно той же официальной трактовке, убит мальчик был не за доносы.

Дедушку, бабушку, брата и дядю Павлика расстреляли по печально знаменитой статье 58.8. Заглянем в Уголовный кодекс РСФСР 1927 года, который тогда действовал. Статья 58.8 наказывает за «Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций».

Представитель советской власти – это, очевидно, лицо, которое состоит на службе в какой-нибудь советской организации и облечено хоть какими-нибудь полномочиями. На службе Павлик Морозов не состоял и никаких полномочий не мог иметь. Но следствие, суд и пресса утверждали, что он был пионером, то есть представителем революционной организации, и был убит именно за то, что он был пионером. Так ли это было? Ответ на вопрос имеет не только юридическое значение. Это – точка опоры всей концепции о герое-пионере.

Глава четвертая

БЫЛ ЛИ ОН ПИОНЕРОМ?

Когда в 20-х годах в Герасимовку приехала первая учительница, здесь была поголовная неграмотность населения. Учительница собрала группу разновозрастных учеников, и они кочевали из избы в избы – кто пустит. Потом арендовали дом, хозяин которого временно перебрался в сарай. В соседней деревне когда-то была передвижная школа. От нее остались старые парты, классная доска, к ним добавили столы и скамьи. Чернила учительница варила сама из черного березового гриба. Ученики писали на полях старых газет. Ходили они в класс в домотканной одежде, босые, а кто побогаче – в лаптях.¹

Павлик, как пишут, пошел в школу, когда ему исполнилось одиннадцать лет. «Вскоре, – вспоминает Татьяна Морозова, – учительница сбежала, не выдержала трудностей, и школа опять закрылась». Все буквы наш герой не успел узнать. Между тем его первая учительница Елена Позднина в неопубликованных воспоминаниях, хранящихся в Свердловском историко-революционном музее, рассказывает о политической сознательности своего ученика, о социалистических идеях, которые им овладели, и пр. В конце воспоминаний учительница добавляет просьбу к будущим редакторам исправить написанное ею в соответствии с тем, как должно быть написано, если она рассказала что-либо не то, что следовало.² Позже, когда причастность к герою стала давать льготы, Позднина в анкете,

в графе «профессия», написала не просто «учительница», но – «учительница Павлика Морозова». На самом деле Позднина тоже уехала, так и не выучивши нашего героя читать.

Зоя Кабина, восемнадцатилетняя и симпатичная, последняя учительница Морозова, окончив восьмимесячные курсы, приехала в деревню. Она тоже ужаснулась месту, куда попала. Сначала хотела бежать, но задержалась на четверть века. Вместо зарплаты давали ей один пуд пять фунтов муки в месяц и больше ничего. Надо было часть продать, чтобы платить за постой, 10 рублей в месяц, и за питание вместе с хозяевами. «Павлик в школу до меня не ходил, – заявила нам Кабина. – Грамоте он выучился, когда я осенью 31-го года приехала в Герасимовку». Выходит, Морозов пошел в школу тринадцати лет.

Что же это была за школа? «Кабина была одна учительница на шесть деревень, – вспоминает мать Павлика. – Дети к ней ходили просто так, посидеть, кто хотел». «В школе, – подтверждает Кабина, – числилось на бумаге 36 человек. Сегодня придет двенадцать, завтра пять, а то и никого нету. Родители были настроены против школы, я ходила по домам, уговаривала. После устала: школа (дом, отобранный у выселенного крестьянина) не отремонтирована, в стенах щели, крыша валится, двери не закрываются, ни столов, ни скамеек, все поломано. Шла коллективизация, а крестьяне ее не принимали. Они приехали сюда свободно жить, и вот – советская власть...»

Добавим от себя, что власти рассматривали школу как инструмент пропаганды, и крестьяне это видели. Положение восемнадцатилетней учительницы было трудное. Старшие ученики, ее ровесники, приставали к ней, грозили. У Соломеина в записях показаний очевидцев указано: «Яша Юдов бил учительницу Зою Кабину пьяный. Ругался. Разве это школа?»³

«В 1931 году мы с Павликом ходили в школу, а потом больше не учились, – вспоминает крестьянин Прокопенко. – Учиться негде было, и надо работать в поле и по хозяйству». Учительница в деревне была, но она занималась вовсе не учебными делами. В газете читаем: «Герасимовская школа по-боевому борется за сев, о чем сообщает ударник печати Кабина».⁴ Ударниками печати тогда называли тех, кто сообщал в газету какие-либо новости. Иногда учительница собирала детей и

читала им вслух. Школьная библиотека состояла из тринадцати книг, включая буквари, как вспоминает она сама.

Уровень образования Павлика Морозова был не выше первого класса тогдашней начальной школы: он умел читать по складам, переписывать слова, складывать и вычитать на пальцах. Мог ли он при таком уровне образования разбираться в политике? Предположим, что Павлик разбирался. В какой же организации советской власти мальчик состоял? Для этого необходимы решение о приеме или хотя бы факт принятия в пионерскую ячейку, дата и место приема или список, в который данное лицо внесено, и – наличие в деревне самой ячейки.

Председатель ЦК детской коммунистической организации Золотухин назвал Павлика Морозова в Бюллетене ТАСС «большевиком». «Павлик не состоял в рядах коммунистической партии большевиков, – писал журналист Смирнов в статье «Облик юного ленинца». – И все-таки почетное звание коммуниста он носил заслуженно». Кем было дано ему это звание? Или имеется в виду кличка «Куманист»? Так или иначе членом партии он не был. Не был он и комсомольцем. Хотя журналист Гусев и сказал в книге «Юные пионеры», что Павлик – «воспитанник ленинского комсомола», на самом деле в Герасимовке комсомольцев не значилось, свидетельствует Соломеин.⁵

Для приобщения детей к партийной идеологии в июле 1931 года, за 14 месяцев до смерти Павла, в Москве было введено «Положение о Детской коммунистической организации юных пионеров». По возрасту Павлик подходил для приема в пионеры. По социальному положению (принимались только дети рабочих, колхозников и крестьян-бедняков) – тоже. Положение требовало выполнить ряд бюрократических формальностей. Принимать нового пионера следовало на сборе звена с утверждением на общем сборе отряда. После этого давался месяц испытательного срока, чтобы проверить, выполняет ли юный кандидат законы пионерской организации. Только тогда ребенку разрешалось дать торжественное обещание в верности идеалам партии. Обряд принятия клятвы должен был происходить в присутствии членов партии, принимавших клятву. Только после этого новобранец становился пионером и получал право носить красную косынку в виде галстука и единый значок пионеров СССР.⁶

Журналист Соломеин писал в книге «Павка-коммунист», что осенью 1931 года, когда Павлик пошел в школу, в ней не было ни одного пионера и что пионерский отряд возник лишь 20 октября 1931 года. Первый сбор с принятием в пионеры провела, по словам Соломеина, учительница Кабина. Позже журнал «Пионер» уточнял, что в тот день Павлик «давал торжественное обещание быть верным делу Ленина – Сталина».⁷ Однако в записях Соломеина написано другое: Кабина сказала ему, что пионеротряд организовался не в октябре, а в ноябре. Мелочь, конечно, но для чего Соломеин сам придумал твердую дату?

Это оказывается еще более нелепым, если обратиться к источникам. Ведь еще в 1932 году, после убийства детей, сами местные органы Тавды объявили в районной газете, что Павлик Морозов в Герасимовке в пионеры не вступал. В номере «Тавдинского рабочего» от 30 ноября 1932 года прямо сказано: Павел стал пионером вне Герасимовки. В приговоре суда написано: «Вступив за время пребывания в районной школе в пионерский отряд, Павлик Морозов быстро понял... По возвращению в деревню Павел Морозов как пионер со свойственной ему энергичностью воспринятое в отряде начал проводить в жизнь».

Из отчета корреспондента газеты «На смену!» Антонова тоже следует, что Павел записывался в отряд в Тавде.⁸ Что это за «районная школа» и «отряд в Тавде», не уточнялось. Но властям тогда нужно было как-то объяснить превращение мальчика в пионера. Это же сообщил и одноклассник Морозова Прокопенко: «Нам объяснили, что Павлик вступил в пионеры в районе. Его, дескать, вызвали в райком комсомола и там оформили, а у нас-то ни о каких пионерах слыхом не слыхали».

Спросили мы об этом учительницу. «Ни в какой район он не ездил, – рассказала Кабина. – Он ездил в лес за дровами, пахал, убирал навоз. Его самого тоже заставляли сдавать хлеб. О пионерах и речи не было. Ничего я Соломеину о приеме в пионеры не могла рассказать». Впрочем, и сам Соломеин в своем первом сообщении для газеты писал из Герасимовки: «Ни райком, ни райбюро детской коммунистической организации не знали Павлика». Статья эта между тем называется «Двенадцатилетний коммунист».⁹ Выходит, ни в Герасимовке, ни в Тавде не принимали героя в пионеры.

«Я вам правду скажу, – заявила, улыбаясь, одноклассница Павлика Матрена Королькова, – насчет того, что он был пионером, – все это, знаете, им хотелось, чтобы существовало. Но пока он не погиб, никаких пионеров и никакого пионерского отряда у нас не было». Это заявление тем более весомо, что сама Королькова и стала первым председателем пионерского отряда, созданного приезжими уполномоченными райкома и обкома комсомола. Но это было уже после смерти Морозова. Так же объяснила нам ситуацию учительница Елена Позднина: «Нет, Павлик Морозов пионером не был, но вы ведь и сами понимаете: надо, чтобы был».

Мы понимаем: кому-то действительно надо было, чтобы пионерский отряд в деревне Герасимовка существовал. Какой отряд? Сколько в нем пионеров? Наиболее фантастическую цифру мы нашли у писателя Александра Ржешевского: в отряде у Павлика было 150 пионеров. «...Вылетели из школы триста человек чудесных ребят, половина из которых была в пионерских галстуках». Соломеин сообщил в 1932 году: «Зоя Кабина организовала... не отряд, а небольшую группу ребят». Незадолго до смерти Соломеин написал в своей последней книжке, что четырнадцать учеников решили стать пионерами. Губарев назвал статью о пионерах Герасимовки «Один из одиннадцати». Издание Герасимовского музея называет шесть членов отряда. Сразу после убийства Павлика газеты писали о двух пионерах-братьях, Павле и Федоре. Федя, как вскоре выяснилось, маленький ребенок.¹⁰ «Федя не был пионером, я ему крест поставила, – сказала Татьяна Морозова журналисту через два месяца после похорон. – А Паша не верил в Бога – ему красная звезда». Но и никакой звезды не было. На кресте повесили доску с надписью, продиктованной неграмотной матерью:

1932 ГОДА 3 СЕНТЯБРЯ
ПОГИБЛИ ОТ ЗЛОВА ЧЕЛОВЕКА ОТ ОСТРОВА НОЖА
ДВА БРАТА МОРОЗОВЫ
ПАВЕЛ ТРОФИМОВИЧ РОЖД. 1918 ГОДУ
И ФЕДОР ТРОФИМОВИЧ ¹¹

Итак, пионерский отряд состоял из одного Павлика, причем сам он пионером не был. Теперь, зная факты, во втором

издании Большой советской энциклопедии читаем: «Когда в школе была создана пионерская организация, Морозов был избран председателем отряда». В третьем издании БСЭ заслуга Морозова еще более расширяется: «Был организатором и председателем первого пионерского отряда...» Отряда, который не существовал. Позже его сделали пионервожатым.

То, что делали многие советские учреждения, после смерти Морозова стало приписываться ему одному. Уже не райком, а Павлик давал распоряжение учительнице об организации пионерского отряда. Мальчик-коммунист сочинял тексты партийных лозунгов, заменяя отдел пропаганды райкома, вдохновенно рассказывал односельчанам, что в светлом будущем в деревне будут электричество, тракторы, стеклянные дома. Юный пионер участвовал даже в ликвидации неграмотности. Как вспоминает учительница Позднина, однажды он попросил у нее букварь, чтобы научить читать и писать собственную мать. О результатах учения мы могли судить по тому, что пятьдесят лет спустя вместо подписи под машинописным текстом наших бесед, записанных на магнитофон, мать Павлика ставила крест.

Для чего все-таки мальчика превратили в пионера после его смерти? Несмотря на призывы сверху вовлекать детей в коммунизм, пионерское движение (скопированное с бойскаутизма, юнгштурма и отрядов Спартака) развивалось в стране медленно. «Списки есть, а где же пионеры?» – задавала вопрос газета «Пионерская правда».¹² Секретарь Центрального Комитета партии Станислав Косиор в отчете ЦК XV съезду партии отмечал: «Было большое количество выходов из пионерорганизаций, расползание отдельных организаций, отрядов и т.д.»¹³ Расчет на энтузиазм и добровольность не оправдался. Во многих местах не могли составить даже списки пионеров для отчета. В 1928 году в религиозных сектантских организациях было два миллиона юношей и девушек.¹⁴ В пионеры столько детей завербовать не могли. Увеличение числа юных ленинцев наступило лишь тогда, когда в школах ввели вожатых на зарплате, которых назначали комсомольские органы.

После убийства детей Морозовых газеты сразу заявили, что братья – пионеры. Когда выяснилось, что это не так, была дана команда вниз исправить недоработку. Малыш Федя не

годился совсем, а Павлика срочно произвели в таковые, хотя сам он этого узнать уже не мог.

Позже печать стала предпочитать общие формулировки, вроде такой: «Павлика вырастила и воспитала наша советская действительность». И даже мистику: «Мальчик стал вожаком советской пионерии после смерти».¹⁵ Но тогда вовлечение детей в пионеры происходило главным образом в городах, деревня продолжала упорствовать, и «пионер» Морозов помогал партии сдвинуть «пионеризацию» с мертвой точки. Впрочем, и тогда властям понадобились не мертвые души, а реальные носители идеологии. «Вскоре после смерти Павлика появился первый пионервожатый на зарплате, которого прислали из обкома, – вспоминает одноклассница Морозова Королькова. – Тут уж стали вербовать в пионеры».

В газете «Тавдинский рабочий» через месяц, 6 октября, появилась заметка: в ответ на убийство Морозова бригада прибывших уполномоченных организовала в Герасимовском сельсовете пионерский отряд, записав в него десять человек. Отчего, однако, отряд при сельсовете, а не в школе? Почему утром 3 сентября, в день убийства, пионер Павлик Морозов оказался в лесу, а не за школьной партой? Ведь начался учебный год. Да потому, что реальной школы, что бы ни говорили герасимовские учителя, тоже не было, числилась она в инстанциях на бумаге, как и пионерский отряд.

Советские газеты и спустя полвека продолжали утверждать, что Павлик Морозов был пионером. Говоря о гипсовом бюсте героя в деревенском музее, «Комсомольская правда» писала: «...никто не знает, где сейчас галстук самого Павлика, но всем кажется, что именно этот галстук повязан на нем».¹⁶ И так, «никто не знает», но – «всем кажется». В архиве журналиста Соломеина находим признание, наиболее откровенно определяющее истину: «А если придерживаться исторической правды, то Павлик Морозов не только никогда не носил, но и никогда не видал пионерского галстука».¹⁷

Но тогда, превратив мальчика в пионера, а затем в пионерского лидера, представителя революционной организации юных ленинцев, власти объявили, что его убийцы являются террористами. Суд над ними становился политическим процессом против врагов партии и социализма.

Глава пятая

СЕМЬЯ В КАЧЕСТВЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Сколько ни писали газеты, что в Сибири состоялся процесс над кулачествам в целом, над террористической кулацкой организацией, к смерти приговорили дедушку, бабушку, их внука и зятя, а жертвами были два других внука. Большинство свидетелей было из той же семьи.

Павлик Морозов не был пионером, а его предки, все старшие члены семьи Морозовых, были. Не в политическом значении слова «пионер», означающем детский филиал партии для взрослых, но пионерами в исконном смысле, освоителями новой земли, готовыми идти на лишения ради лучшей жизни для себя и своих детей. И Морозовы доказали это, рискнув двинуться из Белоруссии в далекую Сибирь и пустив там корни, как им казалось, навсегда. Нет нужды идеализировать отношения Морозовых. Интересно, однако, проследить, как внешние обстоятельства отразились на их семье.

Социальная модель «сын против отца» возникла не случайно. Властям была выгодна, более того, необходима такая практика. После пятнадцати лет революции семья все еще сопротивлялась политическим требованиям большевиков, отстаивала себя, особенно семья деревенская. Сын-доносчик подрывал семью изнутри. Его пример помогал властям запугивать тех, кто прятал хлеб и был уверен, что родня, дети не выдадут.

Семья должна была стать ячейкой государства, подчиненной его целям и контролю. Уничтожение собственности и разрушение семьи стало единым процессом сталинской эпохи. Суд в Тавде был лишь эпизодом этой общенациональной трагедии.

Членов семьи, которую судили, называли «кулаками». Но они никогда кулаками не были. Мотив преступления, выдвинутый следствием («классовая месть кулаков»), не имел отношения к обвиняемым, поскольку четверо из них были крестьянами-бедняками, а пятый середняком. «Да какие, между нами говоря, кулаки? – сказал нам ответственный работник Тавдинского горисполкома, годящийся Павлику Морозову в сыновья. – Не секрет ведь, что кулаки – это просто трудолюбивые крестьяне. У них и хлеба было больше. А раз больше, надо отобрать». Стало быть, теперь это не секрет. Кулаков не было, но, согласно указанию сверху, их следовало обнаружить и с ними бороться. Хлеб был нужнее людей, и людей уничтожали, чтобы получить хлеб. Приговор суда в Тавде в какой-то мере объясняет действительные причины репрессий, связанных с коллективизацией.

Индустриализация страны и рост армии требовали увеличения людских ресурсов и хлеба. Того и другого не хватало. В стране копилось массовое недовольство. В секретном докладе члена Политбюро и тогдашнего теоретика партии Бухарина говорилось, что коллективизация потерпела неудачу, что колхозы разваливаются, что деревни голодают, и в стране настало великое оскудение. Пахло катастрофой, в которой обвиняли Сталина. Ему и его сторонникам, чтобы удержаться у власти, предстояло безотлагательно решить четыре государственные задачи: во-первых, найти дешевую, а лучше бесплатную рабочую силу; во-вторых, любым путем достать хлеб; в-третьих, подавить недовольство. И, наконец, найти, на кого свалить вину за нищету и голод.

По законам тех лет крестьянин мог продавать или не продавать излишки хлеба государству. Цены на хлеб, навязанные властями, были низкими. Крестьяне не желали отдавать хлеб за бесценок. Тогда власти, в противоречии со своими же законами, приняли постановление, по которому, в случае отказа крестьян продавать, хлеб отбирался силой. Какому крестьянину до Сталина и Березина приходило бы в голову закапывать в землю

хлеб? Начиная с 1928 года, за отказ отдавать хлеб в судах стали применять статью 107 Уголовного кодекса: конфискация имущества за спекуляцию. Член Политбюро Серго Орджоникидзе на XV съезде партии говорил, что придется потянуть в суд около 15 процентов населения. Он потребовал «скорости производства судебных процессов».¹

В Кремле считали, что коллективизация спасет от продовольственного кризиса. Оказалось, наоборот. Тяжелейший продовольственный кризис явился результатом насильственной коллективизации. Виновных нашел Сталин. Глава партии объяснил голод наступившей в стране плохой погодой, но главная причина – «сопротивление кулацких и зажиточных элементов деревни». Хлеб, по выражению Сталина, «приходится брать в порядке организованного давления». Сталин в речи «О правом уклоне в ВКП/б/» требовал «ликвидировать психологию самооттока». Не людей – это звучало бы грубо, – а лишь психологию. На эвфемистическом языке тех лет советская власть, как писалось в «Истории ВКП/б/» в 1938 году, «сняла запрет с раскулачивания», или, еще более образно, развязала «творчество самих колхозников», которые «требовали от Советской власти ареста и выселения кулаков».²

Что же реально представлял собой кулак? Это был, как правило, физически здоровый и предприимчивый крестьянин, с которым вместе работали несколько взрослых сыновей. Если глава семьи видел, что с уборкой урожая не справиться, он нанимал другого крестьянина, кормил, поил его и платил, как правило, хлебом. Кулак мог быть жадным, но не мог быть ленивым, мог быть хитрым, но не мог быть жуликом. В кулаках была сила деревни, ее богатство, инициатива, сытость всей России, возможность продавать излишки хлеба за границу. Ликвидировать кулака – значило то же самое, что ликвидировать американского фермера. Кто бы кормил сегодня Америку и еще полмира?

Большевики призывали уничтожить кулачество как класс, но классом кулаки не были – классом было крестьянство, владевшее мелкой собственностью, которую партия пока не смогла прибрать к рукам.

Еще Ленин заявил, что крестьянин есть «мелкобуржуазная стихия», и поэтому он представляет для диктатуры пролета-

риата опасность, «во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе». Разжигая ненависть, Ленин лгал: «Кулак бешено ненавидит Советскую власть и готов передуть, перерезать сотни тысяч рабочих». Ленин запугивал: с теми, кто не поймет разницы между крестьянином и кулаком, «мы будем обращаться, как с белогвардейцами». ³ Брань Ленина по адресу кулаков мы цитировать не будем. Такая теоретическая база Сталина вполне устраивала.

Вся мощь репрессивного аппарата СССР обрушилась на кулака. В 1919 году 30 тысяч партийных работников отправились на фронт гражданской войны, десять лет спустя столько же вооруженных горожан отправились проводить коллективизацию в деревне. Шла, по сути дела, вторая гражданская война, в разгар которой возникло дело Павлика Морозова.

Весной 1932 года 17-я конференция партии сформулировала основную политическую задачу до 1937 года. Это «окончательная ликвидация капиталистических элементов и полное уничтожение причин, порождающих эксплуатацию». Этими «элементами» и «причинами» были люди. Любопытно, что в литературе о массовых репрессиях 30-х годов не упоминается факт, что репрессии планировались заранее, как одна из основных задач второй пятилетки, как производство угля и металла. Год 1937-й был завершающим, ударным годом пятилетки и в области репрессий. Это был, в сущности, государственный план грабежа и убийств собственных граждан. И о выполнении его рапортовали наверх.

С одной стороны, коллективизация проводилась добровольно, с другой – под страхом наказания и к определенному сроку. Двойная жизнь страны, которая начала складываться сразу после революции, теперь действовала на полную мощь. Внешний слой – законность, конституция, публикуемые постановления; внутренний слой жизни – секретные и служебные инструкции, противоречащие законам, отражающие реальность и произвол коммунистической диктатуры. Тень уполномоченного по хлебозаготовкам стала злоестью: ее появление возле любого деревенского дома означало, что ночью придут с обыском, увезут хлеб и уведут кормильца.

Чтобы оправдать уничтожение миллионов крестьян, в 70-х годах в учебниках по истории СССР появилось утверждение,

что кулаки Сибири были связаны не только с внутренней опозицией, но и с зарубежными контрреволюционными центрами и иностранными разведками.⁴ Это тем более забавно читать, зная, каков был культурный уровень в сибирской деревне Герасимовке.

«Кулачество в районах сплошной коллективизации было ликвидировано, – сообщает «История КПСС» 60-х годов. – Кулаки, противодействовавшие коллективизации, выселялись с мест постоянного жительства. С начала 1930 года по осень 1932 года из районов сплошной коллективизации было выселено 240 757 кулацких семей».⁵

Попробуем оценить разгул гуманизма советской власти. Крестьянские семьи (хозяйства) в России были многодетными: 4–8 и более детей. Средняя семья, таким образом, состояла из двух стариков, шести их взрослых детей с мужьями и женами, плюс по четыре ребенка у каждой пары, то есть всего 38 человек. При таком прочтении масштаб репрессий достигает девяти миллионов. Там же говорится: «Советская власть сделала все необходимое по устройству бывших кулаков на новых местах жительства, создала им нормальные условия жизни. Основная масса кулаков-выселенцев была занята в лесной, строительной и горнорудной промышленности, а также в колхозах Западной Сибири и Казахстана. Партия и Советская власть перевоспитывали кулаков, помогали им стать полноправными гражданами и активными тружениками социалистического общества».⁶

Текст понятен и без комментариев. Лишь одно замечание: здесь говорится о ссылке кулаков, но не сообщается, сколько кулаков погибло в ссылке, сколько было отправлено в тюрьмы и лагеря, сколько расстреляно, наконец, сколько арестовано середняков и бедных, именовавшихся «подкулачниками». Разные несоветские источники сообщают разные цифры. Не углубляясь в дискуссию, отметим, что вместе с умершими от голода, репрессированными, убитыми и погибшими в тюрьмах, на этапах и в лагерях кампания коллективизации стоила России, по мнению исследователей, от 6 до 22 миллионов жизней.⁷ В обысках, конфискации имущества, арестах, выселении, расстрелах участвовали десятки тысяч партийных работников и уполномоченных ОГПУ, милиция, внутренние войска, армия. Ложь

пронизывала отчетность сверху донизу, и тщательно скрывалась информация о том, что происходило.

В колхозе крестьянин становился рабом, подчиненным местной партийной бюрократии, а та – городской. По существу, это был возврат к крепостному праву.

Реакцией голодающих рабов было грандиозное по масштабам воровство. «Начались хищения колхозного хлеба, – писала «Пионерская правда» в январе 1933 года. – Таскали килограммами, ведерками, таскали в карманах, голенищах сапог, таскали в мешках».⁸ Власти отбирали у крестьян, крестьяне пытались вернуть назад часть своего.

Советский учебник «История государства и права» называет советское законодательство «высшим типом права». По этому праву изъятие хлеба осуществлялось в 30-е годы только на основе административных указаний. Постановления, за невыполнение которых полагалось уголовное наказание, создавались самими карательными органами. Закон от 7 августа 1932 года (за месяц до убийства Павла и Федора) приравнял коллективное имущество к государственной собственности, объявив его «священным». Сделав личную собственность крестьянина второстепенной, он за кражу государственной карал, как за тягчайшее преступление. Согласно «высшему типу права», огурец, сорванный прохожим с колхозной грядки, становился формой классовой борьбы против социализма. Этот же закон приравнял высказывание против колхоза к государственному преступлению.⁹

Крестьян, особенно неимущих, власти старались сделать заинтересованными в раскулачивании. Донесение на соседа-кулака, скрывшего излишки хлеба, давало доносчику по закону 25 процентов конфискованного имущества. Теоретически и остальное имущество арестованного, то есть лошадь, корова, плуг и пр., тоже, так сказать, переходило крестьянину-доносчику в том случае, если он вступал в колхоз: собственность осужденных становилась общей. Крестьянам предлагался более легкий путь обогащения, нежели работать самим: донос. Трагикомизм ситуации заключался в том, что после четырех доносов бедняк, получив 100 процентов кулацкого имущества, становился кулаком и – отправлялся следом за своими жертвами в лагерь.

Политические процессы, подобные герасимовскому, разжигали массовые репрессии, а репрессии обеспечивали Сталину достижение всех четырех целей: миллионы арестованных крестьян становились почти даровой рабочей силой (на эвфемистическом языке третьего издания БСЭ – коллективизация помогла «ликвидировать аграрное перенаселение»),¹⁰ отобранный хлеб шел для армии и в города, массовое сопротивление ликвидировалось, а оппозиция внутри партии обвинялась в противодействии этому процессу, и возникла возможность ее уничтожить. Это было поистине мудрое решение Сталина.

В советской прессе никогда не писалось о том, что среди показательных процессов 30-х годов – над партийной оппозицией, инженерами, крупными военными и другими категориями людей – был особый показательный процесс над кулаками. Историческая беспримерность этого суда состояла не только в том, что целая семья была выдана за политическую организацию террористов, но и в том, что главным объектом политической игры стали дети. Именно для показательного процесса нужен был Павлик Морозов, не персонально, а как модель.

Первый эксперимент по предательству родителей детьми был осуществлен за четыре года до Морозова (Шахтинское дело).¹¹ Среди пятидесяти трех обвиняемых по делу о контрреволюционной организации инженеров были братья Колодубы. Неожиданно суд вдруг занялся выяснением личных отношений одного из подсудимых с сыном. Подсудимый, не подозревая ловушки, заявил, что сын его – комсомолец, ушел из дому, так как ему удобнее жить на руднике. А отношения с сыном вполне нормальные. Отец находился в тюрьме и не знал, что в газете под заголовком «Сын Андрея Колодуба требует сурового наказания для отца-вредителя» было опубликовано следующее письмо.

«Являясь сыном одного из заговорщиков, Андрея Колодуба, и в то же время будучи комсомольцем, активным участником строительства социализма в нашей стране, я не могу спокойно отнестись к предательской деятельности моего отца и других преступников, сознательно ломавших то, что создано энергией и кропотливым трудом рабочих масс. Зная отца как матерого врага и ненавистника рабочих, присоединяю свой го-

лос к требованию всех трудящихся жестоко наказать контрреволюционеров. Не имея семейной связи с Колодубами уже около двух лет и считая позорным носить дальше фамилию Колодуба, я меняю ее на фамилию Шахтин. Рабочий шахты «Пролетарская диктатура» Кирилл Колодуб».

Семья мешала партии. В печати тех лет появились статьи о необходимости при новом строе отделить детей от родителей. Методическое пособие для учителей «Детский сельскохозяйственный труд» рекомендовало для разрушения индивидуальной семьи добиваться, чтобы все дети до четырнадцати лет содержались за счет сельскохозяйственных коммун, а не отдельных семейств.¹² Реализовать эту педагогическую теорию не удалось из-за отсутствия средств.

События в семье Морозовых – типичный пример того, что происходило в стране. В семье было свыше двух десятков рук, которые делали хлеб. Этих рук не стало. Рак доносительства дал метастазы в других семьях. Количество погибших и пострадавших от действий одного мальчика измерялось двухзначным числом, а общая статистика жертв доносов – миллионами.

Обычно после доноса заводилось дело на одного человека в семье – отца или деда. Все остальные члены семьи также подвергались преследованию. Печальная ирония состояла в том, что, донеся на отца, герой-пионер по стандартам тех лет сам становился сыном врага народа и тоже должен был стать жертвой преследования. Вокруг Герасимовки, кстати сказать, было множество специальных учреждений для детей, лишенных родителей.

Упомянутое выше Шахтинское дело наложило отпечаток на последующие процессы, в том числе на дело герасимовских крестьян. Такие дела планировались заранее, когда жертвы и участники понятия не имели о своей предстоящей участи. Процесс по делу Павлика готовился скрытно Секретно-политическим отделом (СПО). В 1932 году произошло укрепление и расширение ОГПУ, и милиция была передана в подчинение секретной полиции. Паутина СПО, специально предназначенных для сыска и уничтожения врагов народа, покрыла всю страну.

Показательные суды начала 30-х годов были не только массовыми зрелищами, но и массовыми по числу обвиняемых. Перед процессом уполномоченные СПО искали не преступни-

ка, а подходящее лицо, которое будет убийцей или вредителем. Затем с помощью доносов подбиралась «банда»: идейный руководитель, он же вдохновитель, лица, подговаривающие совершить злодейство, исполнитель, а также те, кто не донес о нем. Сперва арестовывали большую группу подозреваемых, затем начиналась обработка и отбор тех, кого можно сломать, заставить доносить на остальных. Лишних арестованных обычно потом выпускали, показывая объективность суда, а затем использовали в других процессах. Как правило, каждое дело служило основой для последующих обвинений других людей.

Дети в таких процессах свидетельствовали против собственной семьи. И если в Шахтинском процессе подросток проходил как бы на заднем плане, то в деле семьи Морозовых дети – и живые, и мертвые – впервые стали главными обвинителями. По идее властей новое поколение должно было уничтожить старое.

Коллективизацию на Урале и в Сибири приказано было закончить к осени 1932 года, но это не удавалось. Москва обвиняла местное руководство, центральные газеты писали о приглушении большевистской бдительности, о правых и левых уклонах, о происках троцкистов. Хотя сторонники Троцкого на Урале были уже уничтожены, а с кулаками велась борьба, здесь до 1932 года не раскрывали сколько-нибудь значительных контрреволюционных заговоров или ответвлений центральных террористических организаций. Между тем властям такой заговор был совершенно необходим.

Ивану Кабакову было 38 лет, когда его сделали первым секретарем Уральского обкома, заменив Шверника, который недостаточно решительно расправлялся с оппозицией и кулаками. Культурный уровень обоих был примерно одинаков (у Шверника – образование четыре класса, Кабаков – слесарь низкой квалификации).

Став хозяином области, Кабаков принялся, по его собственному выражению, «убивать троцкизм». Начались массовые аресты в городах. На очередном съезде партии в Москве Кабаков, отчитываясь об успехах в разгроме троцкистов, назвал ликвидацию кулачества центральным вопросом политики партии. Обком обещал Москве коллективизировать 80 процентов крестьян Урала. Вскоре рапортовали, что почти все выполнено (70,5

процента). И вдруг при проверке оказалось, что этот процент – всего 28,7. Явный обман в те годы мог иметь вполне определенные последствия.¹³

Чтобы исправиться, совместно с председателем облисполкома Ошвинцевым и начальником полномочного представительства ОГПУ по Уралу Решетовым Кабаков начал штурм деревни. В короткий срок (в течение двух месяцев) здесь было раскулачено, отдано под суд, сослано и расстреляно 30 тысяч семей (число пострадавших, включая женщин, стариков и детей, достигло сотен тысяч). Девятый вал этого террора наступил затерянную в глуши Герасимовку. Урал, твердил Кабаков, работает под непосредственным руководством товарища Сталина.¹⁴ В апреле 1932 года из столицы Урала Свердловска в районы рассылалась инструкция по осуществлению полной ликвидации капиталистических элементов, что позволит дать бурно развивающейся промышленности Урала новые мощные кадры рабсилы для создания второй оборонной базы на востоке СССР. Инструкция цитировала Кабакова: «Выкорчевать сопротивление внутри колхоза».¹⁵

На местах, однако, практика не подтверждала теорию.

Кулаков не хватало, и СПО для выполнения плана производили аресты подкулачников. Сам термин «подкулачник» обозначал бедного крестьянина, который должен любить советскую власть и стремиться в колхоз, но «подкулачник», вопреки теории, этого не делал. Преследуя «подкулачников», власти очищали деревню не от кулаков, а от недовольных. В газетах тех лет писали: «Подкулачники и предатели Советской власти до хрипоты орут, разбрызгивая слюной...»¹⁶ Газета «Уральский рабочий» повторяла: повсеместно расстреливать кулаков и подкулачников. Газета «Тавдинский рабочий» призывала очистить деревню от изменников, предателей, саботажников, лодырей и просто неясных людей.

«ОГПУ искало в деревне слабые места, – вспоминал крестьянин Байдаков. – Уполномоченные гуляли по платформе станции Тавда в штатской одежде под видом пассажиров и вылавливали подозрительных. Крестьянин подошел к поезду, а его хват за рукав. Предложили пройти, толкнули в темную комнату и заперли. Подержали там для страха и стали его, вконец испуганного, допрашивать, кто что говорит про Совет-

скую власть. Ну, он и лил на всех, лишь бы отвязаться». Секретная полиция настолько основательно занималась коллективизацией, что даже планы посевов печатались в типографии ОГПУ.¹⁷

Напряженность в Уральском обкоме и ОГПУ резко обострилась, когда Сталин отправил в провинцию личных представителей наказывать местное руководство за то, что оно действовало недостаточно энергично. В обкоме уже знали, что на Кавказе и на Кубани глава Центральной контрольной комиссии Каганович сразу исключил из партии около половины партийных кадров и осуществил массовые репрессии в деревнях. То же проделал председатель Совнаркома Молотов в Украине.¹⁸

Страх перед эмиссарами из Москвы заставил местные власти готовиться к прибытию такого представителя на Урал. Этот эмиссар вскоре приехал. Им был инспектор Рабрина (Рабоче-крестьянской инспекции) Михаил Сулов. После смерти Сталина Сулов дорос до должности главного идеолога партии и был им долгие годы. А тогда скромный инспектор, имея особые полномочия, обвинил местные кадры в бездеятельности и начал чистку. Сулов потребовал немедленной организации показательного политического процесса, и такой процесс, как мы уже знаем, вскоре состоялся.

В глуши, далеко от столиц, суд возвестил на весь мир, что советская власть победила везде. Террористы-кулаки подтвердили мысль Сталина об усилении при социализме классовой борьбы. Показательный суд ускорил выполнение плана хлебозаготовок, который на Урале срывался, стал отправной точкой для других политических процессов и просто массовых арестов без суда, чтобы дать в центр страны хлеб, а в Сибирь – заключенных, дешевую рабочую силу.

Убийство детей Морозовых помогло обвинить всех тех, от кого власти хотели очистить деревню. Убийство было выгодно властям. Вина и невиновность подсудимых не интересовали ни следствие, ни суд. Но кто же в действительности убил Павлика и Федю Морозовых?

Глава шестая

ПОСМЕРТНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ НЕВИНОВНЫХ

Хотя арестованных по делу об убийстве братьев Морозовых было десять, нам приходится проверять причастность к убийству и других лиц.

В печати встречались утверждения, что убийцей Павлика был его отец Трофим Морозов. Писатель Виктор Шкловский в книге, выпущенной в 1973 году, утверждал, что Павел «выступил против своего отца и был им убит». ¹ Версия «отец – убийца сына» появлялась в печати не раз. Мог ли отец это сделать?

Трофим Морозов во время убийства находился в заключении на Крайнем Севере. Он мог бежать, если был к тому времени жив. Те, кто говорят, что Трофим написал письмо жене и детям, утверждают, что он вообще не знал об убийстве. Если он бежал, невероятно, чтобы он пошел на убийство своих собственных детей. Авторы, обвинявшие отца, как мы выяснили, на месте не были и дела не знали. Версия эта носит, скорее всего, литературный характер (Сатурн, пожирающий своих детей, Авраам, собирающийся принести в жертву Исаака, герой Николая Гоголя Тарас Бульба, убивающий сына за предательство, и т.д.). К тому же Шкловский нам сказал, что прочитал об отце-убийце в сценарии кино.

Может быть, Павлик был убит собственной матерью? Такое подозрение – не наша выдумка: Татьяну допрашивали 11

сентября в качестве свидетеля, а 23 сентября уже в качестве обвиняемой, и протоколы эти мы имеем.

«Мои дети были убиты 3 сентября с.г. в отсутствии меня, так как я уехала 2 сентября в Тавду, и без меня все это произошло, – показала Морозова на первом допросе. – С 31 августа на 1 сентября с.г. во время ночи, часов в 12, кто-то к нам в сенки зашел, избную дверь поткнул, но открыть не могли, так как дверь была закрыта крепко, и опять с 1 на 2 сентября с.г. кто-то приходил ночью, слышно было два мужских голоса, наша собака на них залаяла, а потом стала ластиться около них, а собака живет у нас и уходит к Морозову Сергею и Даниле, так как жили вместе». Голосов родных Морозова не узнала, но заявила, что приходили дед с Данилой, хотя во всех соседних домах жили родные, и собака туда тоже бегала, конечно, и знала всех.

Поведение матери в эти дни действительно может показаться странным. По рассказам жителей Герасимовки, Павлу угрожали много раз, особенно ближе к осени, когда появился новый урожай и мальчик снова принялся доносить кто, где и что прячет. Павлик избит. Затем две ночи подряд в дом лмятся неизвестные, а утром мать уезжает на несколько дней в город, бросив четырех маленьких детей, не заявив ничего милиционеру и даже не оставив детям еды. Больше того, понимая, какая опасность нависла над сыном, она уговаривает его в ее отсутствие уйти в лес за клюквой без взрослых, да еще с маленьким братом, и при этом дети одни собираются заночевать в тайге в шалаше.

Морозова уехала в Тавду сдавать телянка на заготовительный пункт. Возила ли она мясо сдавать государству или на рынок, не проверялось. Если на рынок, то это была столь же незаконная акция, как и те, на которые Павлик и она доносили властям. Кстати, когда точно она уехала, не было установлено, когда вернулась – тоже. Ее не было в деревне со дня убийства до дня, когда нашли трупы детей.

«Мать она была плохая, равнодушная и ленивая, – вспоминает ее двоюродная сестра Беркина. – Детей кто угодно подкармливал. В доме грязь, одежда рваная, дырки не латала. Павлика она тоже ненавидела за то, что лишил ее мужа». Павлику угрожали, и она могла спасти его: послать на зара-

ботки или в детский дом в соседнем поселке. Тогда такие способы подкормить малоимущую семью практиковались широко. Писатель Мусатов в журнале «Вожатый» поддерживал эту же мысль: матери было легко спасти мальчика, отправив его на заработки в город.²

Спустя полвека Морозова нам рассказывала: «Я мертвых увидела, схватила нож, хотела остальных ребят зарезать и на себя руки наложить, но мне не дали, нож отобрали. Дети от страха плакали... На суде я сказала: «Дайте мне яду, сулемы, я выпью». И повалилась, ничего не помню. Меня под руки вывели».

На следствии Морозова охотно согласилась поддерживать официальную версию убийства и готова была обвинять кого угодно. После допросов в Секретно-политическом отделе ОГПУ ее рассказы об убийстве начинают приобретать все более идеологический характер. Она вспомнила, например, что Павлик говорил: «Я на той точке стал, как говорил товарищ Ленин, взад ни шагу, а вперед – сразу подамся два шага». Фраза Ленина звучит наоборот («Шаг вперед, два шага назад»), но это несущественно, важно, что Павлик – верный ленинец. Очевидная халатность матери в истории гибели сына, несомненно, имела место. Однако тех, кто проектировал процесс, более устраивала мать как жертва. Она понадобилась им в роли свидетельницы обвинения. Вот почему уполномоченный ОГПУ сначала перевел Татьяну Морозову из свидетелей в обвиняемые, а затем сам или по указанию руководства снова в свидетели, хотя она должна была быть потерпевшей.

Еще меньше оснований подозревать дядю Павла Арсения Силина. Журнал «Пионер» публиковал его фотографию вместе с другими расстрелянными.³ В буклете Свердловского музея он назван «организатором и исполнителем убийства», и также говорится, что Силин расстрелян. Но это просто ошибка. Вина его в обвинительном заключении вообще не доказывалась, говорилось так: «Зимой 1932 года Морозов Павел сообщил сельсовету о том, что Силин Арсений, не выполнив твердого задания, продал спецпереселенцам воз картофеля». Далее сообщалось, что он обвиняется по той же статье, то есть в терроре. Силин, как и Кулуканов, судился повторно (первый раз – «за злостный зажим хлебных излишков» за год до это-

го). Признать себя виновным Силин отказался. Но в какой-то момент заплакал и проговорил: «Простите меня, граждане судьбы». Это рассказала Анна Толстая, которая присутствовала на суде.

К убийству Силин никакого отношения не имел. Силина, к чести судей, оправдали вопреки обвинению ОГПУ. Из большинства отчетов центральной прессы он был изъят, будто в оправдании человека было что-то компрометирующее советский суд.

Во время одного из допросов бабушка вдруг заявила: якобы ее дочь Хима тоже подговаривала Данилу убить Павла. К Павлу Хима, жена Арсения Кулуканова, относилась хорошо, хотя и ругала за доносы. Ее арестовали во время следствия, но затем выпустили. Днем она пряталась в подполе, а ночью выходила дышать, боялась, что снова арестуют. После расстрела мужа и конфискации имущества Хима уехала в соседнюю деревню, сошлась там с крестьянином, сын которого, однако, решил, что Хима больше подходит ему. В припадке ревности этот сын убил Химу. Убийцу приговорили к расстрелу. Он объявил голодовку и умер в тюрьме от голода.

В поисках более широкого круга замешанных в убийстве следствие по делу №374 провело очную ставку троих Морозовых с крестьянином соседней деревни Владимиром Мезюхиным. У него делали обыск по доносу Павлика, знавшего, что дед Сергей спрятал у Мезюхина ходок (воз). Ходок не нашли. Основанием для привлечения нового обвиняемого было предположение, что Мезюхин решил отомстить. За неделю до убийства Мезюхин заходил в дом к деду Морозову и оставался обедать. Кроме того, он подарил Даниле три почтовые марки. Обед и марки привели следователя к мысли, что цель визита – сговор об убийстве, а три почтовые марки – взятка Даниле за предстоящую операцию. Любопытно, что все трое: дед, бабушка, Данила – охотно подтвердили на этой очной ставке вину Мезюхина. После этого следователь кандидатуру Мезюхина отверг. Возможно, все это нужно было для испытания обвиняемых на готовность давать любые показания.

Многие злились на Павлика. Каждый, на кого он доносил, грозил его избить или убить. Но в материалы следствия попали только угрозы, исходившие от подсудимых.

Главным организатором и вдохновителем (слова, обычно характеризующие в советской печати вождей) газеты назвали дядю Павлика Арсения Кулуканова. Иногда он именовался «главным убийцей». ⁴ Вопрос о прямом участии Кулуканова в убийстве ни следствием, ни судом не ставился. В лесу в день убийства он не был. Основное обвинение состояло в том, что он был кулаком. Смирнов писал в «Пионерской правде»: «Кулуканов играл немалую роль, будучи одним из ведущих кулаков». Соломеин в первой книге называет его не кулаком, а середняком. При переиздании книги автор сделал Кулуканова кулаком. ⁵

Кулуканов был однажды судим, писали газеты, приговорен к ссылке с конфискацией имущества и отбыл наказание. В обвинительном заключении, однако, говорится, что приговор суда был отменен. Выходит, Кулуканова уже один раз незаконно осуждали.

Основная его улика состояла в том, что он, как говорится там же, боялся «дальнейших доносов органам власти со стороны Морозова Павла». Основания бояться у Кулуканова были: закон не защитил его и его имущество в первый раз. Но ненависти к власти у аполитичного Кулуканова не было. Это представители власти ненавидели его и публично оскорбляли.

Кулуканов был крестным отцом Павла. После ухода Трофима из семьи он подкармливал детей, пригревал их в доме, который стоял напротив морозовского, через дорогу. Для обиды на крестника, который за ласку платил доносами, у Кулуканова имелись основания. На суде из этого притворчивого чувства устроили потеху для толпы. «...Кулуканов стоит на своем, — говорится в газетном отчете о суде. — Ему не хочется сознаться, он хочет отделаться незнающим. (Так в тексте. — Ю.Д.) Допрос продолжается.

УРИН (*общественный обвинитель*). Скажите, подсудимый Кулуканов, вы любили Павла?

КУЛУКАНОВ. Любил.

УРИН. Если вы любили, то почему же не пошли искать его, когда он с братом пропал?

КУЛУКАНОВ. Я... я... Ну, просто так не пошел и не пошел. (*В зале смех*).

Кулак Кулуканов хочет отвертеться незнанием дела, но этот номер не пройдет, его сообщники выдадут».⁶

Можно ли считать серьезным обвинение, что дядя не пошел искать Павлика? Кулуканова обвиняли также в том, что он подговаривал других к убийству и дал тридцать рублей за убийство, но ни денег, ни свидетелей передачи этих денег не было. Что касается обещанного Даниле золота, то оно фигурировало в газетных статьях лишь для эффекта, при обыске никакого золота обнаружено не было.

Угрозы в адрес крестника Кулуканов произносил. Угроза уголовно наказуема, но должна быть доказана и не карается расстрелом, тем более в отношениях между родственниками. Взрослые, случается, твердят маленьким детям: «Не доешь кашу – убью!»

По воспоминаниям знавших его, Кулуканов был трудолюбивым крестьянином, имел двух лошадей и сам работал как лошадь. Нанимал в помощь себе, но помощников хорошо кормил и справедливо отдавал им за труд часть урожая. Кулуканов был неграмотен, но грамотных уважал. Он поселил у себя учительницу, когда она приехала в глушь открывать школу и никто не хотел ее пустить. Учительница Кабина (она-то у него в доме и жила) заявила нам: «Кулуканов был против конфискации хлеба, но причастен к убийству не был».

Между прочим, родной брат Кулуканова Прокоп в гражданской войне, защищая советскую власть, потерял руку. Прокоп не верил в вину брата и тяжело переживал его смерть. Сын Кулуканова Захар погиб во Второй мировой войне, которая подчистила в деревнях мужчин, уцелевших во время коллективизации. Сын Прокопа, призванный в армию, погиб на учениях в Восточной Германии. Прокоп Кулуканов умер, когда услышал об этом.

Понимая, что обвинение недостаточно веско, общественный обвинитель на процессе Смирнов в «Пионерской правде» через месяц с лишним после расстрела добавил Кулуканову следующие преступления: «У него также почитывали Библию, и он также произносил контрреволюционные речи».⁷ Затем в деревне распустили слух, что Кулукановы сожгли свой дом, не желая отдать его советской власти. В печати нагромождались версии одна ужаснее другой. Кулуканов убил свою пер-

вую жену и подкупил жандарма, чтобы тот закрыл дело. Кулуканов убивал в лесу коробейников (торговцев) – и отсюда его богатство.⁸ Ничего этого нет ни в обвинении, ни в показаниях свидетелей.

На следствии Кулуканов виновным себя не признал. То же произошло на суде. Писали, что Кулуканов «потерял дар речи». А он, возможно, отказался давать показания, поняв, что происходит. Кулуканов был расстрелян за убийство, но можно с уверенностью сказать: он не убивал.

Вторая обвиняемая, Ксения Морозова, бабушка Павла, в убийстве также не участвовала. В приговоре суда написано, что она узнала об убийстве на следующий день. Она расстреляна, как скрывшая преступление, то есть за недоносительство. Соккрытие преступления состояло в том, что бабушка замочила окровавленную одежду и спрятала нож за икону. Сведения эти вызывают сомнение. Указывалось, что нож спрятал Данила или дед. Что же касается одежды, то почему опытная бабушка, отсидев в молодости в тюрьмах, за три дня не спрятала улики?

Бабушка принимала роды у Татьяны, и Павлик считался ее любимцем. Соломеин отмечал, что бабушка ненавидела коммунистов. Ксения и не скрывала своей ненависти, но ее в этом не обвиняли.

Обвинение прокурора Зябкина опиралось на показания ее внука – свидетеля Алексея Морозова. «Ксения пошла по ягоды в то же место, куда пошли Павлик и Федя, следовательно, – делал вывод Зябкин, – она могла придержать ребят в лесу, пока не подойдут убийцы».⁹ Что значит – «могла»? Придержала или нет? Да и ходила ли она в лес?

Свидетель – десятилетний ребенок, который в то время сидел взаперти в избе и не мог этого знать. Легенда дала толчок вымыслу в прессе о том, как бабушка донесла деду, что Павлик собирается по ягоды, как заманивала детей в лес, чтобы там дед их убил, а когда детей искали, специально указала «не туда». Но, согласно обвинительному заключению, дети пошли в лес сами, бабушка об этом не знала. Учительница Кабина про бабушку Ксению говорила: «Она казалась похожей на Бабу Ягу, грязная, оборванная, не в своем уме. Дети в деревне ее боялись. Но виновата она не была».

Дедушка Сергей Морозов и его внук Данила названы в обвинительном заключении «непосредственными исполнителями террора». Поведение деда на следствии и суде выглядит весьма нелогичным. Сергея Морозова называют «непосредственным убийцей», и не сказано, убил он одного или обоих детей.

Неграмотный дед Морозов Библию знал: «Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти».¹⁰ Он ходил по деревне и говорил, что внук опозорил его фамилию. Между угрозами родных и убийством пропущен, однако, существенный момент: приведение угрозы в исполнение. «Никто Павлика не избивал при мне, – говорила нам Кабина, – а если и грозили, так кто детям не грозит?»

Обвинение утверждало, что дед Сергей Морозов ненавидел Павлика за то, что тот был пионером. Пионером Павлик не был. Дед мог ненавидеть внука за то, что он лишил его сына – кормильца в старости. Это вполне естественное в условиях русской деревни чувство. Корреспондент Антонов, бывший в зале суда, объяснял, однако, в газете «На смену!» по-другому: дед ненавидел мать Павла Татьяну со времени раздела имущества (то есть после развода с Трофимом) за то, что она вела себя неподобающе. Из этого журналист делал вывод: ненависть возникла на почве семейных неурядиц и – «переросла в классовую».¹¹

Другое обвинение, записанное Соломеиным: дед Морозов не любил советскую власть, высказывался против колхоза. Высокый, худой, седоволосый, Сергей Морозов, по рассказам современников, действительно любил пошутить насчет советской власти. Он заходил в сельсовет: «Граждане! У меня советские волки жеребенка съели!» – «Как так – советские?» – «А как же? Жеребенок-то был мой, а волки советские. Ведь они живут в советском лесу».¹² Доставалось от остроумного Сергея Морозова и односельчанам. Но то были лишь слова. Никаких практических действий, направленных против колхоза, он никогда не предпринимал. Ведь колхоза при нем не было.

Согласно обвинительному заключению, Сергей Морозов значится как единоличник, «по имущественному положению бедняк, имеющий одну лошадь, одну корову и один га посевов». Потом в газетах стал подкулачником, то есть пособником ку-

лаков, а позднее в печати его стали называть кулаком. Кулак нужен был для того, чтобы объяснить убийство из классовых побуждений.

Как бывший работник жандармерии дед не мог не знать, что убийство – тягчайшее преступление, будь то по старому закону или по новому. Идя на убийство, он, конечно же, знал, какое за этим последует наказание. В тайге он мог бы легко уничтожить улики против себя, однако все его действия были противоположны этой логике.

Он убивает детей рядом с деревней, прямо на дороге, как будто специально для того, чтобы прохожие заметили следы крови и гору клюквы, высыпанную из мешка. Трупы не отнес чуть дальше в болото, где их засосало бы, но оставил на виду. В окровавленной одежде явились с Данилой в деревню (оба они были в крови или один Данила – неизвестно). Нож – главное вещественное доказательство – аккуратно принес с собой. Дед даже не вытер его от крови. Значит, долго нес нож в руках и так тщательно завернул, чтобы следы крови сохранились. Затем он положил этот нож в такое место, куда в крестьянском доме должны обязательно заглянуть при обыске – за икону. Что же это за убийца, главная задача которого – оставить как можно больше улик?

Допустим, дед и Данила не успели скрыть следы сразу. Но у них было три дня, чтобы спокойно и тщательно это проделать. Для чего деду понадобилось убивать второго внука? Даже если Федор тоже доносил, вряд ли без Павлика он был опасен. Следствие, суд и пресса выдвигали одну причину: убивали, боясь свидетеля. Но убийца сознательно шел на зверства, искал возможности, так сказать, совершить публичное действие.

Момент, в который совершено убийство, кажется, подтверждает вину деда. Доносчик убит осенью, когда вся деревня, наполняя сарай зерном, ожидала нового государственного грабежа и старалась спрятать что можно, чтобы не нашли, чтобы хватило на зиму и не голодали дети. Убийство могло быть своего рода самозащитой. Месть должна была воспитывать других предателей крестьянских интересов. Люди должны знать, что соглядатай получил свое, и те, на кого Павел донес бы завтра, могут спать спокойно. Против Сергея Морозова работала и статистика, утверждавшая, что большой процент (поч-

ти половина) убийств в России совершаются родственниками. Но это лишь общие рассуждения. И не все факты их подтверждают.

Кто был способен образумить Павлика, объяснить, что доносительство – зло? Отец? Но Трофим уже пал жертвой доноса. Мать? Она помогала сыну доносить. Учительница? Она этого не сделала. И только дед пытался отвратить внука от дурной страсти. Пытался, но успеха не имел. Значит ли это, что он решил убить внука? Ведь ему не повезло не только с Павликом. Дед видел, что основным осведомителем в деревне был другой его внук, от дочери Устиньи, Иван Потупчик. Вот как писала учительница Елена Ростовщикова через тридцать пять лет: «Особенно Ваня Потупчик выделялся способностями и активностью».¹³ Устинья Потупчик, судя по записям Соломеина, рассказывала: «Один раз дед Морозов пришел злой.

– А Ванька игде?

– З ребятами в заулке песни играе.

– ...твою мать, родила дурака. Ен у тоби який большой, такой дурный... Усе смотреть, як бы найти у кого хлеб захованный... Так раз своего нэма, зачем чужой забирать?»

Этот эпизод, разумеется, без поминания матери, перешел из записей Соломеина в его книгу. Важно вот что: если дед знал, что двадцатилетний Иван – серьезный осведомитель, зачем было ему убивать двух маленьких детей? Разве доносы прекратились бы?

На следующий день после убийства, в воскресенье, дед поехал к старшему сыну Ивану в соседнюю деревню – по версии следователей, чтобы сообщить, что дело сделано. Эта версия стала поводом для обвинения Ивана в соучастии. Однако в показаниях очевидцев, записанных Соломеиным сразу после приезда в деревню, находим опровержение, весьма важное: «Морозов приехал домой вечером в воскресенье с милиционером Титовым». Выходит, дед сам привез в деревню милиционера искать внуков, когда матери еще не было! Этот факт почему-то не фигурировал на суде вообще. Между тем, как показывают односельчане, поиски пропавших внуков начались благодаря деду.

С самого начала старик Морозов считался в деревне к делу непричастным. Его угрозы расправиться с Павлом никто за

серьезные не принимал. «Будучи посаженным, – уверяет дальний родственник Морозовых Байдаков, – старейшина семьи до суда велел всем отпираться ото всего. Он отрицал не только свою причастность, но и вину других арестованных. Тогда его начали бить».

«Еще перед арестом его избили до полусмерти, – вспоминает Татьяна Морозова. – Особенно отличился Иван Потупчик. В ОГПУ их тоже били, ну, они и признались». «На допросах грозили пристрелить на месте, – заявила учительница Кабина, – они не понимали, чего от них хотят, и говорили все что угодно, лишь бы не били». «Их долго таскали на допросы, – говорит одноклассница Павла Матрена Королькова, – то признаются, то не признаются. Деда пытали». В результате пыток и побоев следствие победило: старик взял убийство на себя.

Татьяна Морозова нам рассказывала: «Дед на суде заявил: «Господа судьи, меня допрашивали – пятнадцать наганов лежало на столе. Били рукоятками до полусмерти». Судья спросил: «Кто бил?» – «А такие, как вы, только с наганами». Конец суда писатель Соломеин описывает так: «Остриженный наголо, старик Морозов не походил на себя. Говорил тихо. То сознавался во всем, то начинал запирается. На вопросы отвечал путано. Морщился, истерично взмахивал рукой: «Мне теперь все равно... Судите скорее...»

В газетном отчете из зала суда читаем: «Старик Морозов пытается принять на себя «иисусов» вид. Он говорит: «Я принимаю на себя весь грех, как принял иисус христос на суде иудейском». Имя Иисуса Христа в газетах тех лет писалось с маленькой буквы. Но дело не в этом. Христос, как известно, не был виноват, и намек деда весьма прозрачен.

Но сохранились и другие отчеты о поведении деда. Писатель Яковлев в книге говорил позднее, что дед в убийстве так и не признался: «Я и в лесу не был, на лежанке весь день отдыхал» – «Кто же убил?» – «А я знаю? Ничего я не знаю». Репортер местной газеты Антонов, присутствовавший на суде, также утверждал, что дед виновным себя на суде не признал, категорически отказался от данных на следствии показаний. Антонов писал: «В один из моментов допроса плачет мать... Плачет дед, однако остается тверд и продолжает отрицать свое

участие в убийстве».¹⁴ Ни судьи, ни прокурор, ни свидетели не смогли предложить ни единого конкретного доказательства, что дед убивал. Несколько человек, присутствовавших в зале суда, нам заявили, что дед виновным себя так и не признал. Чем же вызваны тогда колебания в поведении Сергея Морозова во время следствия, только ли пытками и избиениями? Его линия менялась из-за внука Данилы, показания которого были единственной уликой.

«Данила был дурачок», – рассказывала нам Татьяна Морозова. «Хорошего ничего в нем не было, – говорила Королькова, – оторви да брось. Но тупой он не был». В записях Соломеина находим: «Данила Морозов низкого роста, угрюмый. С людьми плохо разговаривал... с молодежью мало ходил. С девками не крутил». Беркина утверждает, что Данила был «чокнутый».

Иное заявили его учительницы. Позднина уверяла, что Данила с интересом учился и неплохо (в отличие от Павлика) говорил по-русски. Первое время он был даже переводчиком между русской учительницей и белорусскими детьми. К двоюродному брату Павлику Данила относился хорошо. Учительница Кабина вспоминала: «Данила и Павлик учились вместе. Данила вовсе не был таким, как его изображают. Не вышибала и не мрачный debil. Косил сено, пахал. Это был жизнерадостный трудяга-парень, немного простодушный. Сложения крепкого, невысокого роста, добрее и великодушнее Павлика. Если и дрался, то как все подростки. Данила не пил, как пишут. Тогда в деревне пили редко, а молодежь и подавно. Самогона не варили, потому что хлеба не хватало».

Данила, сын Ивана, который ушел жить в соседнюю деревню, был вскормлен и воспитан дедом и бабушкой, у которых прожил лет шесть. Дед собирался оставить Даниле нажитое. Печать называла Данилу «кулаком», но это нелепость. Данила своего имущества не имел вообще, хотя был трудолюбив, здоровьем не обижен и, когда вырос, стал опорой стариков.¹⁵

Учительница Кабина уверяла нас: «Данила в те дни исчез». Когда стали арестовывать, он убежал к отцу Ивану в соседнюю деревню, сделав это по совету деда. Данилу арестовали быстро, но маловероятно, что дед стал бы губить любимого внука. Между тем следователь писал, что это именно так.

«Во время ареста, – говорится в деле, – сидели обои в амбаре при сельсовете, где старик Морозов Сергей подговорил своего внука Морозова Данилу показать при допросе, что якобы пионера Морозова Павла и его брата Федора убил он, Морозов Данила». Слово «якобы» показывает, что следовательно с самого начала было ясно, что Данила не убивал. И следователь сразу стал склонять неопытного Данилу к разоблачению деда.

На деле, когда арестованных уводили из деревни в Тавду, дед опять попытался спасти внука. Едва подошли к лесу, дед ему что-то шепнул, и Данила снял котомку с одного плеча, чтобы сбросить ее и рвануться в сторону. Соломеин записал показания очевидца. Конвоир сказал: «Одень на оба плеча, сволочь, а то пальну вдогонку».

Сидя в следственном изоляторе, Данила первое время выполнял наказ деда от всего отпираться. Тогда, по воспоминаниям Байдакова, который ссылается на рассказы уполномоченного из райкома, Данилу посадили отдельно и к нему впустили «наседку». Так называют доносчика, специально подсаженного в камеру. Стал «наседка» втираться Даниле в друзья, сказал, что у него есть связь с волей. И действительно – «наседке» принесли водки и еды, и оба хорошо выпили. «Наседка» стал говорить, что Данилу, конечно, расстреляют, но могут и помиловать, если он покажет на деда и других. Деду все равно скоро помирать, а Даниле жить да жить... Данила и тут не отступил.

Тогда за Данилу взялся более опытный уполномоченный Секретно-политического отдела ОГПУ Быков. Он, в отличие от предыдущих следователей, на допросах говорил с Данилой без угроз и брани. От него Данила услышал, что дед указал на внука как на убийцу. Это был следственный прием, старый как мир. Но неискушенный Данила клюнул на приманку и дал показания против деда, а значит, и против себя. Провели между ними очную ставку, на которой Данила показал, что дед антисоветчик и убийца, а разъяренный предательством внука дед – что убийца – Данила. Этого следователи и добивались.

В секретной спецзаписке по вопросу террора, рапортующей об успехе допросов, вина Данилы полностью отсутствует: «При допросе Морозова Данилы 16.9.32-го года последний по-

казал, что убийство пионера Морозова и его брата произвел Морозов Сергей только за то, что Морозов Павел как пионер проявляет активность в проводимых мероприятиях Советской власти и партии на селе, кроме того, выказывает про кулацкие проделки властям. Морозов Сергей все время вел и ведет тесную связь с местным кулачеством, к Советской власти настроен враждебно, до убийства детей, указанных выше, завсегда, когда их видел, то наносил им угрозы со словами: *«Обождите, щенята-коммунисты, попадетесь мне где-нибудь, я вам покажу и с вами расправлюсь»* (выделено в оригинале — Ю.Д.). Это он говорил в присутствии Татьяны (мать зарезанных детей), своей жены Морозовой Ксении и внука Морозова Данилы».

Следствие сразу сдвинулось с мертвой точки. Данила стал незаменимым помощником следователям. Пошли одна за другой очные ставки. Все обвиняемые отрицали свою вину – Данила всех обвинял. И хотя он путался, следователи подправляли его как надо. То обстоятельство, что он был посажен отдельно, тоже доказывает, что он помогал следствию.

Но важнее другое: как видим, в показания Данилы сразу были добавлены все те политические соображения, которые нужны для будущего показательного процесса. Стало ясно, что дело почти готово. Это подтверждают и даты: Данила дал нужные показания против деда 16 сентября, а 17-го отправляется наверх секретная записка о победе следствия. В этот же день в районной газете «Смена» торжественно сообщается, что следствие уже закончено.

«Производит впечатление простого, тихого деревенского парня, – говорится в отчете о судебном заседании. – Встав перед столом суда, он заявил: «Здесь старик много путал, говоря правду и неправду, то признает себя виновным, то нет. Я буду говорить все так, как было». Журналист Антонов писал в газете «На смену!», что за два с половиной месяца допросов Данила сообщил пять-шесть вариантов участников преступления, и каждый раз потом брал свои слова обратно.¹⁶ Фантазии Данилы не смутили ни следствие, ни суд. Напротив, Данила оказался великолепной находкой: он аккуратно подписывал все, что перед ним клали на стол, охотно повторял, что поручали.

В свете поведения Данилы становится понятнее линия поведения деда. Пережив на воле предательство трех внуков –

Ивана Потупчика, Павла и Федора, – Сергей Морозов защищал остатки семьи. Данила был последней надеждой деда, его опорой, единомышленником. И вот его четвертый внук продался басурманам. Такого поворота дед не ожидал, и это его надломило.

Мы можем только представить себе лютую обиду, которую испытывал Данила, когда в награду за свои старания получил смертный приговор, как и все.

Но жизнь Данилы не оборвалась. Учительница Кабина сказала нам: «В Герасимовке ни почты, ни почтальона не было, а кто ехал из города, привозил письма, и они лежали на столе в сельсовете. Никто писем не трогал – ведь все в деревне неграмотные. После суда в газетах сообщили, что убийц расстреляли. Прошло месяца три. Как-то смотрела я почту в сельсовете. Вижу странный конверт: листок из книжки вырван, сложен и по краю зашит ниткой, сверху адрес написан и моя фамилия. Я открыла письмо, стала читать и глазам не верю. Данила писал, что стариков расстреляли, а он еще жив. И само письмо доказывало, что он жив: почерк Данилы я сразу узнала, ведь он мой ученик!»

– Где же это письмо? – спросили мы Кабину, навестив ее в ленинградской больнице, в которой она лежала после удаления катаракты.

– Сперва я его хранила, а потом стало страшно. Ведь официально объявили, что он мертвый, а у меня доказательство, что это обман. И я письмо уничтожила...

– Почему же его не расстреляли?

– А зачем расстреливать дармовую рабочую силу?

Учительница Позднина позже подтвердила, что Данилу не расстреляли «за большую помощь, оказанную советской власти». Его отправили в лагерь на лесоповал пожизненно. Фамилию ему переменяли, стали звать Данила Книга (фамилия в белорусских деревнях распространенная). Рассказали об этом учительнице вышедшие на волю заключенные.

Глава седьмая

КТО ЖЕ УБИЙЦА?

Проводя наше частное расследование, мы то и дело наткнулись на препятствие, затрудняющее поиск: следствием и показательным процессом занимались чекисты, но ни на процессе, ни в печати в связи с убийством детей Морозовых ОГПУ вообще не упоминалось. Кем, как и где проводилось следствие – об этом зрители и читатели могли лишь догадываться. Любопытно, что именно эта действующая тайно организация стремилась сделать процесс как можно более шумным.

Когда ОГПУ начало расследовать убийство? Из специальной записки по вопросу террора, находящийся в секретном деле №374, видно, что РУП (районный уполномоченный) ОГПУ Быков «от милиции забрал дело к себе» и начал допросы деда и Данилы 16 сентября 1932 года, то есть через десять дней после того, как были обнаружены трупы детей. А 17 сентября Быков уже отправил спецкурьера в Свердловск с рапортом, что райаппарат готовит процесс.

Быков не точен. Его подчиненный, помощник уполномоченного особого отдела Карташов, как видно из другого постановления, забрал дело в ОГПУ 13 сентября. Но и Карташов составил постановление позже, чем принялся за работу. Еще 12 сентября Карташов провел в деревне Герасимовке собрание, выступил на нем и отправил своему начальнику Быкову «Протокол №4». Текст гласит, что «убийство братьев Морозо-

вых происходило по ранее намеченному плану группой чуждого элемента (кулачества и их подпевал)» и «что группа людей свой план ранее намеченный ударом ножа по несколько раз обоим братьям Морозовым привела в действительность». Собрание просит пролетарский суд выехать на место и эту группу чуждого элемента «привлечь к высшей мере социальной защиты – расстрелу». Одновременно неграмотные крестьяне, зная, что в деревне не было ни пионерии, ни комсомола, рапортуя наверх, что взамен выбывшего из рядов пионеров Павла записались в комсомол Чухонцев и Юдов, а Иван Потупчик и четверо других (из двадцати двух присутствующих) вступили в колхоз. Под протоколом интересная подпись: «Копия верна: РУП ОГПУ Быков». А подлинник о своевременной организации колхоза отправлен наверх, где его ждут.

Значит, 12 сентября ОГПУ организовало колхоз, и Карташов выступил на собрании от имени общественности, требуя расстрела убийц. В постановлении он сформулировал все те политические фразы, которые войдут потом в обвинительное заключение и лексикон прессы на долгие годы. Но и это не все: первый допрос Татьяны Морозовой сам Быков провел накануне собрания, 11 сентября.

Рассмотрим теперь загадочный документ, обнаруженный нами. Это «Протокол по делу №...». Номер дела не проставлен, поскольку оно еще формально не заведено. Но место для номера оставлено. Опрашивающий указывает свою фамилию и должность: «пом. Уполномоченного Карташов». «Опрошенный в качестве свидетеля» – Потупчик Иван, «образование низшее, канд. ВКП/б/», «отношение к подозреваемому или потерпевшему – посторонний». На самом деле опрошенный – внук Сергея Морозова и двоюродный брат Павлика Морозова.

В этом протоколе Иван Потупчик показал, что убийство было совершено «с политической точки, так как Морозов Павел был пионером и активистом, часто выступал на общегородских собраниях и говорил за проводимые мероприятия Советской власти, а также говорил про Герасимовских кулаков...» Далее перечисляются героические поступки пионера-активиста, разоблачавшего антисоветски настроенных лиц.

Но самое странное – дата на секретном документе: 4 сентября 1932 года. Ведь жители деревни и милиция узнали об

убийстве только 6-го! Выходит, два человека – помощник уполномоченного особого отдела ОГПУ Карташов и его осведомитель, двадцатилетний деревенский парень, только что вступивший в кандидаты партии, Иван Потупчик – уже 4 сентября знают все подробности дела?!

4-го трупы еще лежат в лесу. Через двое суток крестьяне будут искать, и Потупчик «случайно» обнаружит детей. «Я их первым нашел», – гордо расскажет нам Потупчик через полвека о своем героизме, не подозревая о том, что нам известен секретный документ. Ведь выходит, что Потупчик знал, где искать!

Крестьяне добиваются приезда следователя, а следователь уже находится в Герасимовке. За двое суток до нахождения трупов Карташов уже опросил свидетеля Потупчика, и бумага готова. Преступники в ней уже указаны. Убийцами названы те самые антисоветски настроенные лица, которых после расстреляют, но пока они сами еще не знают, что они убили двоих детей. Потупчик будет активно участвовать в их арестах. В документе ни слова о том, когда и как совершено убийство, но уже утверждается, что оно политическое, классовое («по кулацкой агитации»). И заявлено, что убит пионер и активист, то есть представитель революционной организации – все, что надо для показательного процесса.

На осведомителя Ивана Потупчика, милиционера Якова Титова и двух следователей ОГПУ Карташова и Быкова ложится тяжелое обвинение. Двоих из четырех нам удалось разыскать.

Итак, что известно об Иване Потупчике? «Иван пошел в школу уже взрослым, – вспоминает Королькова. – Ходил он в класс вместе со мной и Павликом к учительнице Кабиной. А после на ней женился. Прожил с ней года два и бросил». В упомянутом протоколе допроса Потупчик назван «одиноким», значит, женился он на учительнице после убийства. «Ванька сам сроду досыта не едал дома, так ямы в чужих дворах разрывает», – говорил о нем его дед Сергей Морозов в книге Соломеина «Павка-коммунист».¹

Учительница Кабина, бывшая некоторое время за Потупчиком замужем, рассказывала нам: «Иван часто бывал в Тавде по делам, а в деревне следил за односельчанами. Он был здоровый, энергичный, в партию первым в деревне вступил, дер-

жал дома винтовку. Он любил по ночам поручения выполнять, в дома заходить: «Одевайся! Вези хлеб в Тавду!» Сонные мужики пугались, везли». Он грозил Арсению Кулуканову еще до ареста самолично отправить его в лагерь. В газете «Тавдинский рабочий» от 21 ноября 1932 года мы нашли два доноса на соседей. Один анонимный, за подписью «Знающий», другой за подписью Ивана Потупчика.

У Ивана были основания для злобы на деда. Устинья, мать Ивана, рассказывала Соломеину, что дед приходил и требовал от нее, чтобы внук прекратил доносы на соседей. Устинья пересказала этот разговор сыну. «А ему чего нужно? – закричал Ванька. – Могилу ему нужно? Вырою. Знаю, что делаю. Никому не указать!»

В квартире Ивана Потупчика, на центральном проспекте Ленина в Магнитогорске, где мы навестили его, на видном месте стоял портрет Сталина, который при нашем следующем посещении был убран. Потупчик говорил медленно (перед этим у него был инсульт), жаловался на то, что случайные люди оттеснили истинных героев коллективизации. Подробности он рассказывал осторожно, пытаясь выяснить, что мы уже знаем. Впрочем, может, это нам только показалось, что он был настороже, так как наши подозрения зашли довольно далеко.

Потупчик охотно рассказал, что он с милиционером Титовым организовал поиски в лесу и трупы детей нашел первым именно он. «Только места убийства, на которых сейчас стоят два обелиска – Павлику и Феде, – фальшивые. Действительное место происшествия – на километр глубже в лес. Там, в высокой траве, дед с Данилой их зарезали. А близко к деревне ни один убийца не стал бы убивать».

Мы спросили у него дату, когда были найдены убитые дети, а также дату, когда был составлен первый протокол. Потупчик был готов к ответу. «За пятьдесят лет многое позабылось, – сказал он, – числа в печати неточные. Детей убили третьего сентября, это правильно, а найдены они были сразу. Так что протоколы вполне могли быть составлены 4 сентября. Потом сюда прибыла следственная группа из Свердловска и сразу заявила: «здесь был террор». Допрашивали полдеревни. Ну, я, конечно, участвовал, помогал. Взяли тех, на кого я указал. Никаких экспертиз не нужно было, и так ясно».

Потупчик рассказал, что его вскоре перевели из кандидатов в члены партии, а затем, сразу после суда, отправили служить в карательную дивизию ОГПУ. «За заслуги в области коллективизации», – добавил он.

Об Иване Потупчике много написано. Он был почетным гражданином Герасимовки, почетным пионером. Газеты называли его даже следователем, который раскрыл убийство Павлика Морозова. В 1961 году почетный пионер исчез с общественного горизонта. Он был осужден за изнасилование несовершеннолетней девочки. Вернулся он на свободу по амнистии, не отбыл срок полностью. После лагеря его опять хорошо устроили – на кадровую работу.

Каждый, кто жил в СССР, знает, кто «занимается кадрами». Газеты снова начали писать о нем как о герое, но уголовный розыск вскоре информировал газеты, и Потупчика перестали упоминать. Следователь уголовного розыска города Магнитогорска Яковенко, у которого мы навели справки, хорошо знал Потупчика и сказал о нем: «Почетный пионер изнасиловал пионерку. Как правило, такие люди совершают преступления неоднократно, но не попадают». Мы уже заканчивали работу над книгой, когда узнали, что Иван Потупчик умер.

Остановимся на второй фигуре из числа должностных лиц – на милиционере, а точнее, участковом инспекторе Якове Титове. «Я, участковый инспектор 8-го участка Управления РК (рабоче-крестьянской. — Ю.Д.) милиции Титов, принимал протокол-заявление от гражданина Морозова Павла, за ложные показания предупрежден по ст. 95 УК 1932 г. 27 августа в 9 часов дня я, Морозов Павел, пришел к Морозову Сергею за своей седелкой, где меня Морозов Данила избил и говорил, что я тебя в лесу убью. Больше показать ничего не могу. Протокол со слов записан верно, прочитан мне вслух, в чем подписуюсь – Морозов. Протокол принял участковый инспектор 8-го участка – Титов».

Это заявление имеется в деле №374, но мать Павлика сначала утверждала, что он к милиционеру ходил, а потом – что не ходил. Титов знал, что он имеет дело с ОГПУ, понимал, что в одно мгновение сам окажется на скамье подсудимых в числе тех, кто погубил Павлика, если не найдет виновных, и хотел застраховаться. И правда, незадолго до показательного суда в

газете «Уральский рабочий» репортер В.Мор писал: «То ли по политической близорукости, то ли по другим причинам, участковый милиционер не успел вмешаться в дело».² Что это за «другие» причины? Халатность Якова Титова, нежелание заниматься этим мокрым делом или – его соучастие в убийстве подростка, не дающего жить деревне?

Милиционер сперва участвовал в расследовании дела, но был быстро отстранен. Потом его сделали свидетелем на суде. Затем суд решил привлечь Титова к уголовной ответственности за то, что он не защитил Павлика от кулаков. Причем ему инкриминировали не должностную халатность, а политическую близорукость. Участковый Яков Титов был арестован вскоре после показательного процесса.

Как сообщил нам Иван Потупчик, делом милиционера занимался помощник уполномоченного особого отдела ОГПУ Карташов. «Карташов не любил Титова за то, что тот лез не в свое дело», – сказал Потупчик. Не исключено, добавим мы, что Титов что-то подозревал или знал об убийстве, и Карташов с ним рассчитался. Титова судил военный трибунал Урала. Ему дали семь лет. Он отсидел, вернулся, жил в Тавде. Умер он задолго до нашего приезда. В убийстве детей Морозовых Титов соучастником не был.

Первые секретные документы следствия по делу об убийстве детей, как помнит читатель, подписаны работниками ОГПУ Карташовым и Быковым. Сколько мы ни искали в печати тех лет эти имена, встретить их не удалось. Никто из очевидцев, включая Ивана Потупчика, этих имен не назвал. Однажды пожилая библиотекарьша в Свердловске вынула из папки и протянула нам газетную вырезку, которую она хранила для очередной выставки, посвященной пионеру-герою. Под статьей «Песня о нем не умрет», опубликованной в газете «Восход» маленького уральского городка Ирбит, что неподалеку от Тавды, стояла подпись: «С.Карташов».

Через 31 год после убийства, 3 сентября 1963 года, следователь ОГПУ вдруг заговорил о себе в газете. Отбросим словесную шелуху о герое-доносчике и отметим важные новые детали. Следователь сообщает, что Федор был убит обухом топора, а не ножом, что трупы «сложили» рядом. Что нашел убитых детей Данила, который стал кричать, решив, что это снимет с

него подозрения. А самое главное, в статье утверждалось, что Павлик с братом ушли в лес и были убиты не третьего сентября, как всегда считали, а на сутки раньше. Карташов – единственный человек, который назвал эту дату.

Почему же Карташов, тщательно избегавший славы, вдруг заговорил о своих заслугах, и не к круглой дате, а тридцать один год спустя? Решил, что дело за давностью лет списалось? Или хрущевская оттепель развязала язык? Сомнительно. Главным было то, что Карташову как раз исполнилось 60 лет и он пытался оформить персональную пенсию. Для этого давно выкинутому из секретных органов больному человеку надо было доказать свои выдающиеся заслуги перед партией, а документов у него на руках было мало. И расчет опытного чекиста оказался точным: персональную пенсию ему начислили.

В потоке юбилейных статей к 50-летию подвига героя-пионера имя Карташова появилось второй раз. Свердловский писатель Балашов в журнале «Уральский следопыт» назвал Спиридона Карташова старым чекистом, «кому мы обязаны тем, что дело об убийстве Павлика Морозова стало известно всей Советской России». В интервью впервые открыто говорится, что делом Морозова занималось ОГПУ. Карташов вспоминает, что он узнал об убийстве Морозова, когда находился в соседнем селе Городищи, выполняя другое задание. Поинтересовавшись, начал ли следствие Титов, и выяснив, что нет, он поехал в Герасимовку, арестовал всех кого надо, и за ночь арестованные признались.

В 1982 году мы приехали к Спиридону Карташову в Ирбит. Сидя с нами в захламленной и убогой комнате, похожей на ночлежку, вспоминая свою жизнь, персональный пенсионер Карташов рассказывал: «У меня была ненависть, но убивать я сперва не умел, учился. В гражданскую войну я служил в ЧОНе (часть особого назначения). Мы ловили в лесах дезертиров из Красной армии и расстреливали на месте. Раз поймали двух белых офицеров, и после расстрела мне велели топтать их на лошади, чтобы проверить, мертвы ли они. Один был живой, и я его прикончил».

Одно время Карташов служил в Одессе в погранотряде и с группой чекистов задержал пароход с людьми, пытавшимися бежать от большевиков. Всех их построили на берегу моря и

расстреляли. Потом наступила коллективизация, и Карташов, выросшего из солдата в помощника уполномоченного особого отдела ОГПУ, прислали в Тавду. Ему давали разрядку сколько человек раскулачить. Карташов вспомнил, как он с солдатами карательного батальона сгонял под конвоем в церковь зажиточных крестьян со всего района. Оттуда без суда их сразу отправляли в ссылку.

«Коллективизацию проводили всяко, – вспоминает он. – Бывало, сгонял единоличников в помещение, и кто не хочет вступать в колхоз, сидит на собрании под дулом моей винтовки до тех пор, пока не согласится». Карташов всегда носил два нагана: один в кобуре, другой, запасной, в сумке.

В 1932 году районный аппарат ОГПУ получил секретный приказ выявить, кто в деревнях антисоветчики и кто выступает против колхоза. Возле их фамилий в списках ставили букву «Т» – террор. В Герасимовку Карташов стал часто ездить потому, что там никто не хотел вступать в колхоз. Осведомителями у него в этой деревне были Иван Потупчик и еще двое.

«Вечером 11 сентября (новая дата, а не 13-е, как в журнале «Уральский следопыт». — Ю.Д.) я приехал в Герасимовку и остановился на квартире у Потупчика, – рассказывал Карташов. – Детей уже похоронили, и осталось привлечь убийц. Никого Потупчик сам не арестовывал. Он был у меня осведомителем. Он только нашел трупы. Лица, настроенные антисоветски, уже были в списках с буквой «Т», они и убили детей. Я их сразу арестовал. На место убийства я не ходил, так как все было ясно. Никаких экспертиз не было. Преступники сознались – зачем же проверять?»

Карташов вызвал конвой из Тавды. Пришли пять солдат, и арестованных этапировали туда. «Конвоирование врагов советской власти на деревню подействовало хорошо, – сказал Карташов. – Тут же было организовано собрание, чтобы зачислить крестьян в колхоз».

Мы спросили помощника уполномоченного о его начальнике.

– Быков в Герасимовку вообще не приезжал, – ответил Карташов, – он руководил из района. Без меня с этим делом Быков бы не справился. А командовали нами из Свердловска и Нижнего Тагила. Быков потом еще недолго работал и исчез.

– Куда исчез?

– А куда все. Работа у нас такая.

И Спиридон Карташов показал нам приказ по ОГПУ о себе: ему объявлялась благодарность «за преданность, дисциплинированность и стойкость при исполнении служебных обязанностей».

Многое выветрилось из памяти Карташова за истекшие полвека. Простим помощнику уполномоченного районного ОГПУ его стремление все заслуги в расследовании убийства приписать себе. Авторы книг о Павлике Морозове его вообще не упоминали, работа Карташова в те годы была не из легких.

– Я подсчитал, – скромно сказал он, – мною лично застрелено тридцать семь человек, большое число отправил в лагеря. Я умею убивать людей так, что выстрела не слышно.

– Это как? – удивились мы.

– Секрет такой: я заставляю открыть рот и стреляю вплотную. Меня только теплой кровью обдаёт, как одеколоном, а звука не слышно. Я умею это делать – убивать. Если бы не припадки, я бы так рано на пенсию не ушел. Припадки были еще до войны, но я не придавал им значения. А в войну попал в госпиталь.

В медицинском заключении говорится, что Карташову в связи с эпилепсией противопоказано нервное перенапряжение.

Мы спросили о протоколе от 4 сентября.

– Не помню такого, – ответил Карташов. – Это Потупчик врет. Я был в те дни в Тавде, с Быковым, в Герасимовку приехал 11 сентября.

Разговор наш закончился после полуночи, и Карташов, несмотря на возражения, заявил, что проводит меня до гостиницы. Он порывлся в какой-то тряпке и сунул под пиджак за пояс солдатский клинок. «Немецкий, – сказал он, – сталь хорошая. А то у нас на улицах, бывает, балуются. Вы идите впереди, а я сзади». Мы молча шли в полной темноте минут двадцать. Спокойнее стало, когда показался фонарь возле гостиницы. Через лестничный пролет я увидел, как Карташов подошел к дежурной гостиницы и что-то записал на клочке бумаги, – наверное, сведения обо мне.

Вернемся еще раз к событиям в Герасимовке осенью 1932 года, когда теоретическая база террора против крестьян была

узаконена. Политические убийства санкционировались сверху. «В борьбе против врагов Советской власти, – писала «Правда», – мы не остановимся перед зверством».³ За четыре месяца до убийства Морозовых в Москве было совершено покушение на немецкого посла. Покушавшиеся были задержаны ОГПУ, и было объявлено, что они действовали по приказу Польши. На самом деле они были секретными сотрудниками ОГПУ, и это была инсценировка для разжигания конфликта между Германией и Польшей. Таким же методом, то есть убийцей, направленным ОГПУ, позже был убит лидер партии Киров. Аналогий слишком много, чтобы их перечислить.

За десять дней до убийства Павлика и Феди вышло постановление советского правительства, разрешающее расправляться с кулаками, подкулачниками и спекулянтами на месте, без суда и без права амнистии. Обжалование беззакония запрещалось, на местах узаконивался произвол ОГПУ. Для показательного процесса на Урале требовалось показательное убийство. А в Герасимовке, где районному аппарату Секретно-политического отдела надо было организовать процесс, уголовного дела не произошло. Крестьяне были мирными, убивать друг друга не хотели, и им надо было помочь.

Попытаемся представить себе, как было осуществлено убийство.

Следствие, пресса и суд немало потрудились, чтобы способ убийства (один нож, два ножа, палкой, обухом топора и т.д.) и количество убийц остались невыясненными. Криминалисты и патологоанатомы, которых мы ознакомили со всеми имеющимися в нашем распоряжении материалами, утверждают, что непосредственный убийца, судя по ряду прямых и косвенных улик (способ убийства, действия после преступления и пр.), был один. Факт тем более весомый, что он противоречит всей логике следствия, стремившегося сделать виновными группу лиц. Вопрос в том, кто был этот один.

Итак, из Тавды в Герасимовку для выполнения специального задания направляется должностное лицо особого отдела, которое для простоты мы будем именовать «исполнителем».

Чтобы в Герасимовке его не видели, исполнитель останавливается в соседнем селе, в часе езды верхом, под предлогом расследования там уголовного преступления (которым он не

занимается). Хотя исполнителю в принципе известно, что по будущему процессу пойдет семья Морозовых (спецзаписка по вопросу террора: «перечисленные неоднократно в рабочих сводках проходили как лица, настроенные антисоветски»), он собирает дополнительную информацию от осведомителей – сам или через подставное лицо. В частности, он узнает об угрозе деда Сергея внуку Пашке, который донес на отца, о том, что мать Пашки Татьяна просила Данилу зарезать ей теленка, мясо которого она повезла в Тавду, о том, что Пашка с братом ушли в лес на Круглый Мошок (место за деревней, где много клюквы), и там, возможно, заночуют.

Эти сведения были получены исполнителем 2 или 3 сентября. Кого убивать, исполнителю было в принципе все равно, лишь бы убийство было зверским. В тот день он отправился в лес, без особого труда разыскал детей и убил их, скорее всего, проколов их штыком винтовки, не слезая с лошади, чтобы не оставлять отпечатков подошв. Подбежавшего младшего мальчика исполнитель уложил ударом приклада, отсюда упоминавшийся след от удара на теле и рваные раны, по-видимому, от штыка.

Выждав время в соседнем селе, 4 сентября исполнитель вызывает к себе осведомителя из Герасимовки и сообщает ему, что в ОГПУ поступили сведения о политическом убийстве в Герасимовке. Исполнитель и осведомитель отправляются на место убийства, где составляют «Протокол опроса по делу №...». Исполнитель приказывает осведомителю в силу важности преступления молчать о случившемся, пока не поступит особое распоряжение.

В течение последующих трех суток по тайге прошли дожди.

Теперь конкретные следы преступления смыло. 7 сентября Потупчик, получив указание, организовал шумные поиски детей, и крестьяне (их было по разным оценкам от семи до пятнадцати человек) обнаружили убитых мальчиков.

В деревне началась паника, всеобщий плач, вопли женщин, испугавшихся за собственных детей и готовых отдать хлеб и все что угодно, лишь бы их сохранить. Страх сковал округу. Распространили слух, что будут судить всю деревню целиком за то, что не вступают в колхоз.

Милиционер Титов составил полуграмотный «Протокол подъема трупов». Он и сельсовет пытаются вызвать следователя из Тавды, но оттуда поступает неожиданная команда захоронить убитых без формальностей. После этого в деревне открыто появляется исполнитель и совместно с Титовым и своим осведомителем проводит обыски у ничего не подозревающих Морозова, Силина и Кулуканова.

Зоя Кабина вспоминала: «Никакого закона не было. Вошли в избу и сказали деду: «Давай ножик, которым убивал». И сами взяли его из-за иконы». Между тем нож для резки животных всегда там лежал, о чем внуку-осведомителю было известно, и Данила, зарезав теленка, положил нож на место. Позже в печати этот хозяйственный нож был превращен в финский, то есть профессиональное орудие убийства. В качестве улики при обыске забрали и одежду, которую Данила забрызгал кровью теленка, а бабушка не постирала. (К обвинительному заключению, составленному позже в ОГПУ, прикладывались нож, штаны и рубаха с пятнами крови, экспертизы которых не производилось.)

После арестов и оформления протоколов первых допросов миссия исполнителя в Герасимовке успешно завершилась, и «кулацкую террористическую банду» переместили в Тавду, где следствие взял в свои руки сам уполномоченный районного аппарата ОГПУ.

В течение двух недель продолжалось полное молчание прессы по поводу случившегося в Герасимовке. Уральские газеты сообщали о расстрелах в Москве служащих за хищения, о том, что газета «Дейли уоркер» обещает сделать Америку советской республикой, о подготовке рабочего класса всего мира к юбилею буревестника революции Максима Горького, о похищении партбилетов таких-то номеров, которые считаются недействительными, о полетах под куполом цирка акробатов Джiovани, и ни слова – об убийстве. Дело согласовывалось и увязывалось в инстанциях. Оно очищалось от ненужных улик, лишних свидетелей и подгонялось под заранее приготовленную для пропаганды форму: «Убийство пионера, представителя советской власти, кулаками и их агентурой».

Через две недели, как мы уже знаем, все обвиняемые «сознались». 17 сентября районный уполномоченный Быков ра-

портовал в Свердловск начальнику Секретно-политического отдела ОГПУ по Уралу: специальное задание выполнено. В этот же день газета объявила, что следствие закончено.

Теперь Павлик Морозов заполняет собой все средства массовой информации. Начинается «показательное следствие». В Свердловске возмущены теми районными властями, которые «не приняли мер по организации политического протеста против вылазки классового врага», то есть попросту еще молчат. «Никакой пощады классовому врагу», – заявила «Пионерская правда» 2 октября и сразу сформулировала суть подвига и будущий приговор суда: «Активисты пионеры Павел и Федор вскрыли и разоблачили кулацкую шайку, которая проводила в сельсовете вредительскую работу».

Корреспонденты газеты работают «совместно со следственными органами, – информировала читателей «Пионерская правда» 15 октября, – и им удалось установить полную картину преступления». В действительности журналисты даже опередили не только следствие, но и суд. Они в своих статьях доказали вину всех, кто был арестован, не дожидаясь процесса, и требовали одного наказания для всех – расстрела. Вот названия статей в октябрьских номерах газет за 1932 год:

«Концентрационный лагерь – за спекуляцию»,

«Найти и судить виновных в утере тринадцати телят и одной коровы»,

«Немедленно и сурово судить растратчиков»,

«10 лет лишения свободы за воровство колхозной собственности».

Газеты печатают списки приговоренных к расстрелу в разных районах страны. Началась «волна народного негодования». Уже печатаются не письма, но списки организаций, проводших митинги и единодушно требующих «высшей мерь». Тысячи мальчиков и девочек, все как один, призывают власти расстрелять взрослых. Суд, назначенный на октябрь, откладывается, чтобы политическая кампания охватила всю страну. Наконец, 29 октября в газете «Колхозные ребята» обобщение: «Пионеры и школьники СССР требуют: расстрелять кулаков-убийц!» В труде писателя Балашова о Павлике Морозове имеется поистине гамлетовская фраза уполномоченного ОГПУ подле трупов Павла и Федора: «Не бережем мы личностей при жизни».⁴

Суд несколько задержался из-за невероятной стойкости обвиняемых, которые упорно отказывались взять вину на себя. Но было бы наивностью полагать, что путаница, ложь и подтасовки – результат несерьезно проведенного следствия. Следы преступления умело ликвидировали с самого начала. Произвол демонстрировался преднамеренно, чтобы создать атмосферу беззащитности и страха. В основном, то есть в политических формулировках, никаких противоречий не было. Организация колхоза в Герасимовке, прием крестьян в партию (Потупчик был среди принятых), массовые собрания по всей стране с резолюциями, осуждающими обвиняемых, демонстрации – все говорит о том, что пропагандистская машина работала как раскручивающийся маховик. Через три недели после процесса праздновался 15-летний юбилей ОГПУ – «недремлющего ока диктатуры пролетариата». Сталин торжественно приветствовал работников тайной полиции, назвав их «обнаженным мечом».⁵

После процесса таинственно исчезали возможности дополнительного расследования убийства Павлика Морозова: сгорел дом, в котором он жил, в лагерях оказались отец Данилы, а также родственник матери Павлика Лазарь Байдаков. Осведомителя Ивана Потупчика и помощника уполномоченного особого отдела Спиридона Карташова отправили в разные концы страны служить в карательных отрядах ОГПУ, занимавшихся жестоким подавлением недовольства.

Чистка коснулась и уральской партийной верхушки. Секретарь обкома Кабаков, руководитель террора на Урале и один из инициаторов создания показательного процесса о кулаках – убийцах Павлика Морозова, был арестован в 1937 году. Рядом с его фамилией председатель Совета народных комиссаров Молотов поставил знак «ВМН», что означало «высшая мера наказания», то есть расстрел. Уральский город Надеждинск на реке Какве, переименованный в царствование Кабакова в Кабаковск, два года жил без названия. Потом город назвали по имени героя-летчика – Серов.

После смерти Сталина в Тавду поступило указание перенести могилу братьев Морозовых с кладбища под окна правления колхоза в Герасимовке. Вышедший на пенсию работник райисполкома, принимавший участие в перезахоронении, рас-

сказал нам, что обычное для таких случаев торжественное перенесение праха героев на этот раз выглядело странно.

Операцию назначили секретно, на ночь, так как боялись волнений в округе. Сколотили один ящик, куда в свете автомобильных фар сотрудники КГБ лопатами побросали все найденное в старой могиле, где лежали два гроба. Скелеты рубили лопатами, и кости обоих детей перемешали в одном ящике. Переносили его в темноте, под усиленной охраной. Другой очевидец нам рассказал, что один череп потеряли, и школьники играли им в футбол. Опущенные в новую глубокую яму остатки пионера-героя и его брата были залиты двухметровым слоем жидкого бетона, на котором поставили скульптуру мальчика в пионерском галстуке. Перенос останков таким способом был санкционирован теми, кто начал опасаться подлинного расследования дела. Теперь ревизия могилы невозможна.

Об изъятии или засекречивании в архивах дела Морозова мы уже говорили. Даже местные газеты с наиболее важными материалами, связанными с процессом, в библиотеках Москвы и на Урале отсутствуют. Достать их нам помогли наши добровольные помощники. С ними мы откровенно обсуждали, кто же все-таки совершил убийства в Герасимовке.

Как уже заметил читатель, в картине убийства, нами выше набросанной, реальные имена осведомителя, уполномоченного ОГПУ и исполнителя (то есть профессионального убийцы) опущены, хотя весьма прозрачно проглядываются. Опущены имена потому, что это лишь гипотеза, в которой есть значительный процент вероятности, но – не окончательный ответ. Для того, чтобы вписать имя убийцы, у нас недостаточно доказательств.

Потупчик и Карташов отрицательно отвечали на все вопросы, их компрометирующие. Титова и Быкова мы не застали в живых. Можем добавить то, что говорили нам некоторые свидетели. Учительница Позднина: «Карташов – страшный человек, а больше ничего не скажу». Врач психиатрической больницы, в которой лежал Карташов: «Он на себя наговаривал, как он детей штыком колот и на лошади топтал». Но и это не доказательства.

Оставим окончательный приговор тем, кто сумеет раскопать дело об убийстве Павлика Морозова глубже нас. Наверняка

ясно одно: кто бы ни был исполнителем, убийство либо совершено руками ОГПУ, либо им спровоцировано. Преступные действия ОГПУ остаются даже в том случае, если удастся доказать, что убийство двух мальчиков совершено родственниками из мести доносчику. Сотрудники тайной советской полиции сделали все, чтобы это убийство состоялось.

Пока мы не знаем всех секретных документов по делу об убийстве Павлика Морозова, не знаем и всех лиц, этим делом занимавшихся. Но, кроме упомянутых следователей, можем назвать еще пятерых организаторов дела №374. Это уполномоченный второго отделения Секретно-политического отдела полномочного представительства ОГПУ по Уралу Шепелев, временный начальник того же отделения Воскресенский, начальник Секретно-политического отдела Прохоренко и заместитель начальника ОГПУ по Уралу Тучков. Их подписями скреплены итоги труда ОГПУ – обвинительное заключение по делу Морозовых. Наконец, нужно прибавить тогдашнего начальника Уральского ОГПУ Решетова.

Все они в 30-х годах проживали в Свердловске и Нижнем Тагиле. Кто из них уцелел, мы не знаем. Это они – подлинные герои сложившейся системы, участники реальной, а не придуманной государственной террористической организации. Вряд ли их будут когда-нибудь живых или посмертно судить, но мир должен знать их имена.

Глава восьмая

МИФ: ОБРАЗЕЦ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Можно считать доказанным, что при жизни Павлика Морозова никто героем не считал. Ни слова о его подвигах написано не было. Никто за пределами деревни о его существовании не знал. Смерть его героической также никак не назовешь. Убийство было совершено не с целью сделать из мальчика мученика-героя, но для запугивания крестьян и ускорения коллективизации. Морозов стал героем потому, что такой герой понадобился. Аппарату пропаганды предстояло создать образец человека, наделенного нужными качествами, эталон, по которому можно оценивать пригодность людей и делить их на своих и врагов.

В тот самый день, когда в Тавде открылся показательный суд над убийцами Морозова, в Москве начался пленум Центрального комитета комсомола. На нем говорилось об идеологической подготовке юношества к служению партии, о воспитании преданности. Эту установку дал от имени Сталина выступивший на пленуме член Политбюро Павел Постышев. «Павлик должен быть ярким примером для всех детей Советского Союза», – заявил в докладе заместитель председателя Центрального бюро юных пионеров Василий Архипов, и «Пионерская правда» это опубликовала.¹

Имя Морозова зазвучало с трибун съездов и совещаний. ЦК комсомола разработал план пропаганды подвига Морозо-

ва. В декабре выходит специальный бюллетень ТАСС №50 «Всем комсомольским и пионерским газетам Союза». Сверху спущен приказ «обеспечить написание сценария для кинофильма и пьес для детских театров», издание книг и плакатов о пионере-герое Морозове.² Все это означало, что простым усилием воли руководителей партии один из двух зарезанных в Герасимовке мальчиков воскрес из мертвых и начал свою новую жизнь.

«Пионерская правда» сообщила, что собраны десятки тысяч рублей на самолет «Павлик Морозов», предлагалось организовать сбор средств на постройку танка имени героя. Весь 1933 год в детской и юношеской прессе страны проходил не в борьбе с кулачеством (с ним было в основном покончено), но в воспитании преданности так называемого третьего поколения партийному руководству.

По Ленину следовало «строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства».³ Ленин требовал переделывать этот испорченный человеческий материал. Сталин упростил задачу и начал ликвидировать испорченный материал. Этим испорченным материалом были те, кто мешал Сталину. Начал он с первого поколения старых большевиков, занимавших государственные посты. Второе поколение, воспитанное до революции, тоже несло груз отживших моральных принципов. У порога стояло третье поколение, родившееся в послереволюционные годы. Именно они, сверстники Павлика Морозова, и предназначались для того, чтобы выполнять любые указания вождя.

Старых моральных критериев эти молодые люди не знали. Они не имели возможности сравнивать и всегда были «за», готовые, как предлагала популярная песня тех лет, «петь и смеяться, как дети, среди упорной борьбы и труда». Пропагандистские формулы гипнотизировали: «Модель трактора мы заимствовали у Америки, – писал в «Комсомольской правде» Илья Эренбург. – Но наши трактористы – модели новых людей, которых не знает старый мир».⁴

Заместитель наркома просвещения, вдова Ленина Надежда Крупская, требовала «получить определенный тип человека».⁵ Нарком просвещения Анатолий Луначарский с трибуны Всероссийского съезда педагогов так разъяснял сущность задач

большевистского воспитания: «Поскольку государство является военной диктатурой, в нем нельзя проводить гуманитарных начал, тех начал, которые являются основой нашей веры. Практиковать сейчас добро и человечность – предательство, нужно сначала с корнем вырвать врагов».⁶ Пропаганда ненависти, направленной на классовых врагов, на родственников и соседей, и обучение бдительности, то есть постоянной подозрительности ко всем людям, включая отца и мать, стали фундаментом этой новой системы воспитания.

За полгода до убийства Морозова, 13 февраля 1932 года, газета «Дружные ребята» вдруг решила изменить название. Приведем объяснение редакции: «Дружные – плохое название, – заявили ребята. – Ведь мы не дружим с кулаками. А по названию газеты получается, что мы дружим со всеми». Через несколько дней газета вышла под названием: «Колхозные ребята б. Дружные». Согласно разъяснению заместителя председателя Центрального бюро юных пионеров Архипова в «Пионерской правде», основная задача пионерской организации – «воспитывать ненависть».⁷ Морозов стал образцом для воспитания ненависти к врагам партии. Первое художественное произведение о Морозове поэта Михаила Дорошина называлось «Поэма о ненависти».⁸ Новое поколение приучалось к тому, что оно живет в стане врагов, что дети должны с детского сада разоблачать троцкистов, кулаков и шпионов. И в наши дни, переиздавая книгу о Морозове, Соломеин назвал первую главу весьма недвусмысленно: «Не всякий брат – брат».⁹

Молодой лидер комсомола Александр Косарев говорил с трибуны: «У нас нет общечеловеческой морали. Мораль – классовая. Наша мораль – это та, что взрывает капитализм, уничтожает его остатки, укрепляет диктатуру пролетариата, двигает вперед строительство социализма».¹⁰

Создавалась кастовая мораль взамен отмененной общечеловеческой. Этой новой моралью отменялись стыд, совесть, жалость, сострадание, великодушие, доброжелательность, сопереживание, терпимость – то есть оттенки, которые и составляют особенность человека, отличие его от зверя. Но зверь никогда не предаст, не донесет. Что же это тогда – новый человек?

Показательный процесс по делу об убийстве Павлика Морозова освещался в газетах с частым использованием извест-

ного афоризма Максима Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают». Так имя Морозова с первых публикаций оказалось рядом с именем основоположника социалистического реализма, назначенного в начале 30-х годов главным инженером душ третьего поколения новых советских людей. В статье «О старом и новом человеке» Горький писал: «В Союзе Советов растет новый человек, и уже безошибочно можно определить его качество. Он обладает доверием к организующей силе разума (к диктатуре, по-видимому. — Ю.Д.) — доверием, которое утрачено интеллигентами Европы, истощенными бесплодной работой примирения классовых противоречий».

Горький писал, что «масса все более героизируется».¹¹ Его теорию надо было подкрепить практикой. «Пионерская правда» и другие газеты обращались с призывами к писателям показать пионера-героя Павлика Морозова. И Горький тоже обратил на мальчика внимание. Помог ему в этом молодой журналист из провинции Соломеин, которого мы многократно цитировали выше. Именно Соломеин создал первую версию мифа о Павлике Морозове.

В автобиографии, предоставленной нам его дочерью, Соломеин писал, что происходит из середняков, но его отец имел две лошади, а такие считались кулаками. Мать его потом вышла замуж за кулака. Отчим жестоко избивал Соломеина, а потом убил его мать. Соломеин беспризорничал, жил в детских колониях. Образование получил трехклассное. Он был учеником столяра, рабочим бойни и махорочной фабрики, копал канавы, работал рассыльным, пока в 30-м году не был послан как кандидат в члены партии в колхоз в числе двадцати пяти тысяч других таких же уполномоченных проводить коллективизацию. Это и было началом его партийно-литературной карьеры.

Он начал писать, и вскоре его взяли в редакцию свердловской газеты «Всходы коммуны», где он дорос до заместителя редактора. После этого Соломеин сменил не менее шестнадцать должностей в местных газетах на Урале и умер от хронической болезни сердца в 1962 году. О мировоззрении Соломеина в какой-то мере можно судить по его сравнению капитализма и социализма: там бьют детей, а здесь бьют барабаны. Толчком к тому, чтобы сделаться писателем, Соломеину по-

служило специальное распоряжение Уральского обкома написать книгу о новом человеке – Павлике Морозове. Срок установили – десять дней.

В Герасимовку Соломеин приехал примерно через месяц после убийства. Он был не просто представителем газеты, но и уполномоченным райкома партии по раскулачиванию. Его называют даже председателем колхоза в Герасимовке, но, хотя в музее висит его фотография с соответствующей подписью, это домысел. Собирая материал для книги, Соломеин не надеялся на память, благодаря чему мы получили тщательные записи всего, что он первым увидел в Герасимовке.

К несомненным достоинствам Соломеина следует отнести его неравнодушное отношение к жизни, трудолюбие и скромность. В отличие от большинства авторов, Соломеин добросовестно опрашивал людей. Но он был представителем органов пропаганды, имеющих определенную задачу. Честный интервьюер, он записывал подчас и то, что работало против героя. Партийный журналист, он рапортовал только о подвигах пионера-доносчика.¹²

В воспоминаниях Соломеина, относящихся к жизни в Герасимовке, имеется второй герой-доносчик, и читать о нем не менее интересно, чем об официальном герое Павлике Морозове.

Соломеин искренне рассказывает, как после смерти Павлика из-за отсутствия доносов стало трудно выполнять хлебозаготовки. Тогда он стал искать в деревне доносчика, который заменил бы Морозова. Васька Карлович был дурашковат и пьянчуга. «Только через неделю, после неоднократных разговоров, Васька согласился помочь сельскому совету найти кулацкий хлеб. По утрам приходил ко мне в квартиру или в сельсовет и рисовал в моем блокноте план с надписями: «Кочюшня. Десять шагов по направлению к бане». Или: «Баня. Восемь шагов вправо, к большой сосне». Я перерисовывал эти планы своей рукой на маленьких листочках и передавал их членам комиссий сельсовета. Комиссии приходили во двор кулака, заглядывали во все уголки и в конце концов, как правило, «случайно обнаруживали» яму, наполненную хлебом. В красных обозах имени Павлика Морозова, которые мы направляли в Тавду один-два раза в неделю, было немало возов, найденных в ямах».

Доносил Васька, простодушно объясняет Соломеин, не от любви к советской власти, а за бутылку водки. Соломеин скрывал имя личного соглядатая и говорил, что у него «сорок помощников-пионеров», то есть, вообще-то, подвергал детей риску разделить участь Морозова. Следом за конфискацией хлеба шли процессы, на которых общественным обвинителем выступал сам Соломеин, а каждый крестьянин, укрывший хлеб, получал причитающиеся ему пять или десять лет лагерей. Соломеин ходил по деревне с пистолетом в кармане, а когда ему пригрозили, стрелял и ранил крестьянина. Он же арестовывал людей, которые заглядывали в окна сельсовета, – по подозрению в покушении на него, журналиста, а по совместительству – уполномоченного райкома. Эти воспоминания Соломеина опубликовала газета «Тавдинская правда» к очередному юбилею подвига Павлика Морозова.¹³

Как видим, первому биографу Павлика Морозова пришлось не только создавать светлый образ доносчика в литературе, но и самому заниматься доносительством, что он успешно совмещал. Однако с первой книгой Соломеину не повезло. Он написал «В кулацком гнезде» за двадцать дней и ночей и – за опоздание на десять дней – получил партийный выговор. Издавали книгу поспешно, о чем свидетельствует множество корректорских ошибок. Книга была быстро издана на других языках народов СССР. Отрывки из нее печатались в Париже, в журнале компартии «Мон Камрад». Соломеин послал книгу в дар вождю пролетарских писателей Горькому и еще нескольким писателям. Ответил ему только Горький, причем сразу.

Известно, что основоположник соцреализма охотно хвалил ничтожные и полуграмотные книги, если они принадлежали перу пролетарских авторов. Какой бы неумелой ни была книга «В кулацком гнезде», она, казалось бы, как нельзя более кстати иллюстрировала задачи, поставленные перед новой литературой, и отвечала призывам самого Горького. И вдруг: «Плохая книжка; написана – неумело, поверхностно, непродуманно... Героический поступок пионера Павла Морозова, будучи рассказан более умело и с тою силой, которая обнаружена Морозовым, – получил бы очень широкое социально-воспитательное значение в глазах пионеров. Многие из них, наверное, поняли бы, что если «кровный» родственник является врагом

народа, так он уже не родственник, а просто – враг и нет больше никаких причин щадить его».

Далее критика Горьким книги приобретает сатирический характер: «Читатель, прочитав ее, скажет: ну, это выдуманно, и – плохо выдуманно! Материал оригинальный и новый, умный – испорчен. Это все равно, как если б вы из куска золота сделали крючок на дверь курятника или построили бы курятник из кедра, который идет на обжимки карандашей». ¹⁴

Зубодробительный ответ корифея советской литературы, опубликованный много раз, закрыл Соломеину пути в издательства, заставил десятилетиями думать, как переписать книгу, чтобы герой «соответствовал». Переделать книгу Соломеину мешала катастрофическая безграмотность. Уже немолодым он делал упражнения по школьным учебникам русского языка, но издательства отвергали его рукопись из-за недостаточного количества запятых. Перед смертью он с помощью журналистки-дочери и бойкого собрата по перу снова переписал книгу. Освеженная легенда вышла под названием «Павка-коммунист».

Горький отчитал Соломеина за то, что тот не обобщил черт нового героя. А Соломеину мешало, что он слишком хорошо знал подлинные события и был неопытен в умении их извращать. Последующие авторы предпочитали поменьше соприкасаться с живыми фактами и просто конструировали образ Морозова, каким он должен быть. К этому с опозданием пришел и Соломеин.

Через месяц после письма Соломеину центральные газеты выходят со статей Горького, в которой в совершенстве сделаны обобщения, оказавшиеся не под силу провинциальному журналисту. «Борьба с мелкими вредителями – сорняками и грызунами – научила ребят бороться и против крупных, двуногих. Здесь уместно напомнить подвиг пионера Павла Морозова, мальчика, который понял, что человек, родной по крови, вполне может быть врагом по духу и что такого человека – нельзя щадить». ¹⁵

Устами Горького партия провозглашала, что главное теперь – выявлять двуногих вредителей, врагов по духу в среде своих родных и близких, а это значит – подозревать, следить и сообщать. Отныне главным героем Страны Советов про-

возглашался не маленький борец за коллективизацию, а – доносчик.

По странности человеческой судьбы статья Горького появилась как раз в то время, когда по Москве поползли слухи, что его сын Максим Пешков завербован и сообщает личному секретарю писателя чекисту Петру Крючкову, о чем отец беседует дома в отсутствие своего помощника. Об этих разговорах у Горького докладывалось главе ОГПУ (с 1934 года – НКВД) Генриху Ягоде и лично Сталину. Чуть позже Максим, по официальным данным, был умерщвлен врагами партии. Два года спустя та же участь, если верить печати 30-х годов, постигла Горького, затем публично судили и расстреляли его секретаря Крючкова и Ягоду.

После статьи Горького миф обогащается: деревенского мальчика-доносчика газеты стали называть «непримиримым бойцом за дело рабочего класса». «Память о нем не должна исчезнуть, – заявил Горький, – этот маленький герой заслуживает монумента, и я уверен, что монумент будет поставлен». Уверенность Горького, полагаем, исходила не от него самого: не сам же он решил воздвигнуть монумент в центре Москвы. А уже начался сбор средств среди детей на постройку памятника Павлику Морозову. Рядом с Тверской, главной московской улицей, переименованной к этому времени в улицу Горького, в столице предстояло вознестись фигуре пионера-доносчика, который оказался в центре внимания Первого съезда советских писателей, торжественно открывшегося в августе 1934 года.

Вопрос о Морозове возник сразу после приветствия, которое писатели направили Сталину. Горький обратил внимание писателей на то, что «рост нового человека особенно ярко заметен на детях». После содоклада Самуила Маршака о детской литературе совершился ритуал приветствия участников юными пионерами. Опубликованный стенографический отчет и газетные статьи сильно отличаются, поэтому сведем их здесь вместе.

От имени пионеров Сибири выступила пионерка Алла Каншина: «Алексей Максимович совершенно правильно сказал, что Павлику Морозову памятник нужно поставить. Нужно это сделать, и мы, пионеры, этого добьемся. Мы уверены, что вся страна нас поддержит. Павлик Морозов заслужил этого.

Где еще в мире вы найдете, чтобы страна ставила памятники ребятам? Слышали мы, что где-то за границей есть единственный памятник: голый парнишка стоит около фонтана. Вот война была, и на него надели генеральский мундир. Что может сказать этот памятник? Ничего. А наш памятник будет звать всех нас, ребят, к героизму. (Аплодисменты.) Товарищ съезд, организуем это дело! Поставим памятник! (Продолжительные аплодисменты)» Как возникают подобные детские инициативы, читатель знает не хуже нас.

Согласно отчету в «Комсомольской правде», девочка заявила с трибуны: «А ведь у нас таких тысячи!» Далее газета пишет: «Тут же вносится предложение президиума немедленно организовать сбор средств на памятник отважному пионеру Павлу Морозову. Алексей Максимович берет стопку писчей бумаги и пишет: «На памятник пионеру-герою Павлу Морозову. М.Горький – 500 р.». Горького окружил весь президиум. Лист покрывается длинной вереницей фамилий».

В «Пионерской правде» дело описывается иначе. После обращения девочки не Горький, а Николай Тихонов «предлагает немедленно начать сбор средств... Максим Горький первым вносит 500 рублей, затем подписывается Демьян Бедный, персидский поэт Лахути, Тихонов и другие делегаты съезда». В заключительном слове Горький не забыл мальчика, усыновленного Союзом писателей, и опять просил правительство разрешить союзу литераторов поставить памятник герою-пионеру.¹⁶

Основной задачей советской литературы с начала 30-х годов становится внедрение в сознание общества стереотипов поведения, требующихся власти в данный момент. Едва Павлик Морозов был предложен, писатели поспешили доказать свою преданность и готовность на все. Им показалось, что монумент сделать быстрее, чем написать книги, и монумент будет выглядеть эффектнее. Эталонем нового человека и положительным героем эпохи социализма был провозглашен предатель, подобный тем, кого Данте поместил в девятый круг ада.

После Первого съезда писателей процесс создания моделей новых людей принял индустриальный размах. Детскую литературу в печати называли в те годы «школой ненависти». Не художественные качества книги, а соответствие требованиям сделалось главным критерием литературы. Павлик Морозов

стал основной моделью для создания положительного героя. «Писатели стараются написать о Павлике Морозове такую книгу, – позже объяснил суть дела поэт Александр Яшин в «Комсомольской правде», – чтобы она показала лучшие, типичные черты наших детей, стремятся создать образ пионера, которому бы подражали поколения советских ребят».

Перед смертью в 1936 году Горький опять вспомнил о Морозове: «Это одно из маленьких чудес нашей эпохи».¹⁷ Человечеству было известно только семь чудес света. Горький разглядел восьмое – маленького доносчика. Но были в жизни знаменитого писателя и другие времена, когда он иначе оценивал предательство и донос. После февральской революции 1917 года он записал в своем дневнике, а затем опубликовал следующий эпизод. К нему, тогда редактору петроградской газеты «Новая жизнь», пришла миловидная женщина, немного смущенная: «Видите ли, я была агентом охранного отделения... Это очень гадко?» Женщина объяснила, что у нее был роман с офицером, который сделался жандармским адъютантом. В ее квартире собирались разные люди, и она доносила через любовника, о чем они говорили.

«– Вы многих предали?»

– Я не считала, конечно. Но я рассказывала ему только о тех, которые особенно не нравились мне.

– Вам известно, как поступали с ними жандармы?»

– Нет, это не интересовало меня. Конечно, я слышала, что некоторых сажали в тюрьму, высылали куда-то, но политика не занимала меня...»

Великий пролетарский писатель был возмущен. Он молча выслушал исповедь доносчицы, «огромным напряжением воли скрывая тоскливое бешенство». Он думал тогда: «Я знал Гуровича, Азефа, Серебрякову и еще множество предателей... Когда одно за другим вскрывались их имена, я чувствовал, как кто-то безжалостно-злой иронически плюет в сердце мне». Горький не жалеет слов, чтобы раскрыть читателю всю мерзость падения этой женщины: она донесла жандармам на отца, которого не любила за то, что он разошелся с ее матерью. «Разве не я отвечаю за всю ту мерзость жизни, которая кипит вокруг меня, – спрашивает Горький, – не я отвечаю за эту жизнь, на рассвете подло испачканную грязью предательства?»¹⁸

Полтора десятилетия спустя, в соответствии с новой моралью, тот же Горький призвал увековечить героя Павлика Морозова. Предатель отца стал национальным советским героем.

Глава девятая

ТВОРЦЫ И ЖЕРТВЫ ГЕРОИЗАЦИИ

Едва политический заказ был сформулирован, он начал срочно выполняться. Кроме уральца Соломеина, о котором уже рассказано, были два других очевидца показательного суда над убийцами братьев Морозовых, два столичных конкурента: Губарев и Смирнов. Всю творческую жизнь три указанных автора посвятили созданию мифа о подвиге героя-доносчика 001.

В Краткой литературной энциклопедии говорится, что Виталий Губарев участвовал в расследовании дела об убийстве Морозова и опубликовал первые материалы о нем. Как выяснилось, статью для энциклопедии Губарев написал о себе сам. Приехав после службы в Красной армии в Москву, Губарев начал делать комсомольскую и журналистскую карьеру. Телеграмма с места была опубликована в «Пионерской правде» за подписью Губарева, что и дало ему основание считаться «первооткрывателем героя-пионера». Первая статья Губарева была опубликована 15 октября – на неделю позже статьи Соломеина, а книга вышла позже на несколько лет.

Та же энциклопедия сообщает, что в 1933 году Губарев опубликовал книгу «Один из одиннадцати» (выдумка о том, что в деревне было одиннадцать пионеров).¹ На самом деле, это не книга, а газетная статья. Незадолго до смерти Губарев рассказал нам, что Горький, с которым он встретился в редакции «Крестьянской газеты», поручил ему написать книгу о маль-

чике-герое. Первый вариант под названием «Сын. Повесть о славном пионере Павлике Морозове» появился в журнале «Пионер».² Губарева сделали редактором «Пионерской правды» и за пропаганду подвига пионера Морозова наградили орденом «Знак Почета». В последнее десятилетие жизни писатель издавал назидательные книги о верности детей делу партии. Умер он в 1981 году от инфаркта, причиной которого стал хронический алкоголизм.

Третьим после Соломеина и Губарева создателем мифа о Морозове был Елизар (точнее – Елиазар) Смирнов. В редакции он носил другое имя, из-за чего мы с трудом нашли знавших его коллег. Смирнов вырос в детском доме, где его назвали Вил (аббревиатура имени В.И.Ленина, позже переделанная в Вильям). Настоящее свое имя он узнал уже взрослым. Сын учителя, Смирнов учился в Ленинградском институте журналистики, работал в газетах, в том числе военных, имел чин полковника, награжден орденами. В 1962 году он был найден в своей московской квартире через несколько дней после смерти. Это произошло в один год со смертью Соломеина.³

Смирнов, общественный обвинитель на процессе в Тавде, участвовал в редактировании текстов судебных документов, написал ряд статей о Морозове, книгу «Павлик Морозов» и несколько книг о пионерском движении, но на приоритет в создании мифа не претендовал. Более того, в очерке, опубликованном за год до смерти, он отдал пальму первенства другим и даже не упомянул о своей активной роли в показательном процессе.⁴ Возможно, этому есть объяснение. В последние годы жизни он общался с Евгенией Гинзбург, репрессированной писательницей, автором самиздатских книг, опубликованных на Западе, и начал что-то понимать. Но в 30-е годы именно Смирнов оказался не только главным «мифотворцем», но и основным поставщиком информации для других авторов, в частности, когда героем Морозовым занялся по заказу детского издательства маститый писатель Александр Яковлев.

Яковлев взялся за тему позже других, в преддверии 1937 года. Он «жадно искал в человеке лучшее», по выражению писателя Вл. Лидина, сделавшего предисловие к другой книге Яковлева. Мы можем только догадываться о причинах, по ко-

торым тот, кто жадно искал в человеке лучшее, пришел к воспеванию доноса.⁵

До революции активный член эсеровской партии, он дважды арестовывался и пробыл в ссылке пять лет. Глубоко религиозный человек, он отказался от веры. Сын неграмотного маляра, Яковлев написал одну из первых книг о большевистской революции – роман «Октябрь», изъятый из библиотек. В повести «Повольники» Яковлев, как говорится в литературной энциклопедии, воспевал «анархическую крестьянскую силу».⁶ В 1929 году вышло семитомное собрание сочинений писателя, а после этого вдруг произошла смена декораций. Он стал корреспондентом «Правды», но это не помогло: в середине 30-х годов Яковлева перестали печатать. Он месяцами жил на даче один, разговаривал с птицами. Лидин вскользь замечает, что писатель возмущался несправедливостью «только в личной беседе». Решение Яковлева взяться за книгу «Пионер Павел Морозов» было ускорено многочисленными арестами в Союзе писателей.

Яковлев в Герасимовке не был и не скрывал, что делает компилятивную книгу. Сын Смирнова в беседе с нами вспоминал: помогая Яковлеву, отец, смеясь, приговаривал: «Он художник, а мы поденщики». Позже Яковлев написал несколько книг с названиями вроде: «Великие стройки коммунизма». Писатель умер в один год со Сталиным, могила Яковлева затерялась на кладбище.

К описанию подвигов Павлика Морозова были подключены десятки творческих работников в разных сферах искусства. Писать о нем начинали Демьян Бедный и Александр Твардовский. Что им помешало, мы не знаем. Большинство авторов использовало для своих сочинений о героическом ребенке публикации указанной четверки мифотворцев. Периодически между авторами вспыхивали ссоры.

В Архиве Соломеина сохранилась рукопись статьи «Творческий метод писателя Яковлева». «Странное дело, – писал Соломеин, – ни один автор не удосужился выехать на место происшествия, поговорить с героями, изучить быт жителей Герасимовки, нравы. Читаешь рассказы, повести и пьесы о Павлике и с грустью констатируешь, что тут больше вымысла, чем исторической правды». Соломеин перечислял жителей Ге-

расимовки, которые выдуманы Яковлевым, приводил примеры: «Апрель, как всегда в Зауралье, стоял светлый. Вереницами летели на север гуси, утки, журавли. На озере Сатоково останавливались лебеди». Соломеин добавляет, что эти строки у любого жителя деревни вызвали бы смех: в апреле в Герасимовке нередко тридцатиградусные морозы. Соломеин потешался над тем, как Яковлев описывал Павлика Морозова, и делал вывод: «Это манекен, который только и говорит о колхозе и мировой революции. У него нет ни одной отрицательной черты». Сопоставляя абзацы из своей книги «В кулацком гнезде» и книги Яковлева, Соломеин обвинял Яковлева в плагиате.

Друзья Соломеина советовали воздержаться от скандала. В этом был резон: Соломеин и сам заимствовал целые абзацы у коллег. Его Павлик Морозов тоже в изрядной степени походил на манекен. А главное, конфликт невольно затрагивал официального героя, и это могло кончиться печально для его участников. Статья осталась неопубликованной, да и вряд ли ее разрешили бы напечатать. Но обиду Соломеина понять можно. Вынужденный умолкнуть после разгромной горьковской рецензии, Соломеин из глуши наблюдал, как предприимчивые столичные авторы наживали капитал на «его» героя.

Яковлев издал и переиздал книгу о Морозове, а затем написал пьесу. Смирнов издал книгу «Павлик Морозов. Жизнь и борьба отважного пионера». Губарев благодаря служебному положению (редактор центральной газеты) публиковал бесконечные варианты одной и той же повести о Морозове для детей младшего, среднего возраста, для семилетней школы, для нерусских школ, для дошкольников. Книга Губарева переиздавалась в десятках городов советской страны, а также неоднократно в Праге, Братиславе, Будапеште, Бухаресте, Софии. В театрах широко ставилась его пьеса.

Используя личные связи в верхах, Губарев пресек все возможности для Соломеина печататься в Москве, прекратил переиздание книг Яковлева и Смирнова и стал таким образом монополистом, поставив героя на конвейер: перечень изданий губаревского «Павлика Морозова» (под разными названиями) занимает несколько страниц. В последних книгах Губарев изображал себя в качестве следователя. Этот следователь очень напоминал барона Мюнхгаузена. Губарев в «Пионерской прав-

де» писал: «Жизнь, борьба и смерть Павла Морозова займут славную страницу в истории».⁷ Начал он со страницы, а пришел к тысячам страниц, изданных миллионными тиражами. Павлик кормил писателя до смерти. Затем пробилась в печать новая книга Соломеина, издание пошло за изданием. На Урале в маленьком городишке мы зашли в книжный магазин. Там продавалась только одна книга, и ею были заставлены все полки. Это был соломеинский «Павка-коммунист».

Сопоставим теперь сведения о Морозове: каким он был в жизни и каким оказался в книгах. Другими словами, как создавали миф.

Когда пришло сообщение о смерти пионера Морозова, газетам потребовалась фотография. У матери таковой не нашлось, но у жителей деревни отыскивали групповой снимок учеников, сделанный заезжим фотографом за два года до убийства детей. Как ни удивительно, именно этот единственный реальный портрет никогда до нашей книги не публиковался. В облике Павлика тут нет ничего героического, а слева от него стоит его официальный будущий убийца Данила с красным флагом в руке.

Изображение мальчика вырезали из общей фотографии и послали в редакцию. Там, как вспомнила тогдашняя сотрудница «Пионерской правды», решили, что это фотография трупа. Для большей убедительности ретушер соскоблил расстегнутую косоворотку и подрисовал голую шею. В номере от 15 октября 1932 года так и написали: «Убитый кулаками пионер Павлуша Морозов». На групповой фотографии Морозов совсем ребенок, хотя ему уже одиннадцать. В это время отец его еще не был арестован. Павлик в огромной отцовской фуражке. У него большие печальные глаза.

Вырезанная из школьного снимка голова Морозова начала самостоятельную жизнь. К ней пририсовали спортивную майку, воротник шинели, курчавые волосы, затем руку, держащую книгу с символическим названием «Новый путь». Во втором издании Большой советской энциклопедии Павлик уже в новой фуражке, белоснежной рубахе и пионерском галстуке – форме, введенной в школе по приказу Сталина после Второй мировой войны. Выражение лица улучшено в соответствии с мифической ролью главного пионера страны.

Любопытная фальшивая фотография выставлена в Тавдинском музее. На первый взгляд, это фрагмент известной школьной фотографии. Но сам Морозов старше, выражение лица из угрюмого стало оптимистически-целеустремленным, на шее пионерский галстук. Фальшивка в чистом виде.

Реальный Морозов не годился для мифа. Вот почему в редакциях подбирали изображения, которые казались более подходящими для образа героя. Например, через 35 лет, 27 августа 1967 года, газета «Тавдинская правда» под заголовком «Публикуется впервые» внесла свой вклад в миф: «Перед нами подлинная фотография Павлика Морозова. Семейный снимок, на котором запечатлен герой-пионер, был обнаружен в архивах свердловской фотохроники...» Учительница Кабина видела даже фальшивые фотографии судебного процесса над отцом, Трофимом Морозовым: «Мне присылали фото суда. Сидит учительница – липовая, и Павлик разоблачает отца – липовый. Просили подписать где кто. Но это была ложь».

Как же выглядел пионер 001? Павлик был сероглазый, глаза блестящие (Кабина в рассказе Соломеину, 1932 год), с темными глазами (Кабина в рассказе нам, 1981 год), черноглазый (Губарев, «Пионерская правда» 15 октября 1932 года), голубоглазый (тот же Губарев в той же газете 3 сентября), голубоглазый и черноглазый (на этот раз Соломеин в газете и в личных записях), кареглазый (писатель Коряков, предисловие к книге Соломеина «Павка-коммунист»). Имеются более общие описания: «Ясные, очень честные, очень смелые глаза».⁸ Все Морозовы были крупные, высокие, как вспоминают их знакомые. А Павел? Он был небольшого роста (Кабина), маленький и худенький от голода (Татьяна Морозова), высокий ростом (Соломеин), «костлявый да длинноногий – лучший бегун в деревне» (Губарев). «У Павлика было на правой щеке родимое пятно размером с ноготь», – вспоминает Морозова. Губарев для придания мужества нарисовал Павлику шрам над правой бровью.⁹

В книгах и статьях находим множество разночтений, касающихся цвета волос, голоса, одежды героя. О Павлике написано, что он ходил в дядиной фуражке, отцовской размахайке, папахе, картузе с высокой тульей и шапке-ушанке – одно ухо оторвано. Запутываясь в выдуманных подробностях, авторы переходили к общим описаниям вроде: «Очень славный и

вполне обыкновенный паренек» (писатель Коряков),¹⁰ или: «Каждый школьник чем-то на него похож» (поэт Дорошин).¹¹ С годами источников для проверки мифа становилось все меньше. Многие, знавшие его, черпают подробности для воспоминаний из книг. «Учился Павлик хорошо, – пишет учительница Исакова в газете «Тавдинская правда» через тридцать пять лет. – К урокам относился серьезно. Был очень дисциплинированным. Он очень любил своих братьев. Павлик заботился о Феде, следил, чтобы он был тепло одет».¹² Кабина, которая знала его лучше других, утверждала обратное: «Помогать в учебе он не помогал другим, он и школу-то посещал редко...»

В блокноте Соломеина читаем: «Любил хулиганить, драться, ссориться, петь песни нехорошие, курил». В печатном тексте проблема «курил ли Павлик» будет выглядеть так: «Бывало, соберемся вместе, кто-нибудь из ребят возьмет папироску, а Павлик тербит его за рукав: «Брось, не надо, куренье вредит здоровью»».¹³

На наш вопрос: «Как Павлик проводил досуг?» – учительница Кабина отвечала: «Любил играть в карты на деньги». А на вопрос: «Какие пел песни?» – «Всекие. С ребятами заворачивали блатные». Учительница вспоминала, что Павел любил дразнить, травить кого-либо: «Сколько ни уговаривай, отомстит, сделает по-своему. По злобе часто дрался, просто из склонности к ссорам». Родственник Морозовых Лазарь Байдаков, беседуя с нами, подвел итог так: «Павлик был просто хулиган. Ходил по деревне переросток-оборванец, всегда голодный, от этого злой, и искал где бы нашкодить. Вот все его и ненавидели».

Пионерская униформа, галстук, ботинки – все это миф. Морозов ходил в лаптях. «Пальто, – говорила Кабина, – рваное, старое, отцовское». «Павлика звали в деревне «срака драмая» и «голодранец», – вспоминала мать Татьяна Морозова. «Если честно сказать, Павлик был самый грязный из всех в школе, не мылся, – говорила нам его одноклассница Матрена Королькова. – Дети в семье Морозовых, когда ссорились или просто развлекались, обычно мочились друг на друга и так шли в школу. От Павлика всегда нестерпимо воняло мочой. Губарев сочинил, что мы с Павликом мечтали пожениться. Вы только подумайте!»

Учебник в руках Павлика на фотографии дал авторам возможность изобразить его ненасытным читателем, эрудитом, идейным вожаком детей и взрослых, полпредом новой власти в деревне. Газеты называли разные любимые им революционные стихи и песни, благодаря которым, как писал поэт Александр Яшин в «Комсомольской правде», Павлик почувствовал «с детства всей своей чистой душой великую правду и благородство идей партии Ленина – Сталина».¹⁴ Отметим, что после смерти Сталина Яшин написал весьма откровенный и мрачный рассказ о деревне «Рычаги», запрещенный на долгие годы.

Обычные качества, свойственные любому подростку, такие, как самоуверенность, стремление отстаивать свое мнение, категоричность оценок, авторы переносили в область политики и говорили об убеждениях Морозова, его преданности партии, идеологической зрелости. Писатель Коряков: «Он был ярким, воинствующим правдолюбом».

Немало написано о беззаветной храбрости мальчика. По свежим следам Соломеин писал в газете «Всходы коммуны», что Павел, бросив Федора, первым побежал от убийц. «Бежать! И Павел бросился в чащу осинника. Он хотел напрямик выбежать в поле. Недалеко убежал. Всего несколько метров. Кулацкий нож вонзился в его шею. Прежде чем вскричать, Павел услышал предсмертный крик Феди».¹⁵ В последующих изданиях поведение пионера исправлено: не испугавшись убийц, Морозов пытается спасти младшего брата; приняв удар на себя, дает Феде возможность убежать, но это не удается.

Иногда авторы лгали преднамеренно. В речи на суде корреспондент газеты «Пионерская правда» Смирнов неожиданно заявил, что Морозову было пятнадцать лет, хотя до этого сам указывал меньший возраст. Почему? Да потому, что он привел известную цитату из Ленина: «То поколение, которому сейчас пятнадцать лет, оно увидит коммунистическое общество». Для лучшего эффекта Смирнов просто подогнал возраст Павлика к ленинской цитате: «15-летний герой... убит».

Газеты требовали новых материалов о герое, а взять их было неоткуда. Приходилось сочинять новые подробности. Губарев рассказывал в «Пионерской правде», как беспощадный к врагам Павлик одновременно «по-товарищески относился к

окружающим, заботливо разъяснял ребятам и взрослым, в чем их ошибки...». Смирнов писал, что Морозов «со всей горячностью и классовой ненавистью разоблачал агитацию классового врага... почти каждый день собирал вокруг себя ребят-школьников и подолгу объяснял им сущность сопротивления классового врага, призывал к борьбе с кулачем, учил ребят вести разъяснительную работу в семьях».¹⁶

Ребенок разъяснял цели партии, задачи стороительства социализма, проводил читки газет для крестьянок, рекомендовал жителям принять новый Устав сельхозартели и критиковал левые перегибы районных уполномоченных. Весь аппарат Тавдинского райкома партии и Свердловского обкома, если полагаться на миф, не сделал столько, сколько один Павлик Морозов.

Сегодня все это звучит пародийно, но тогда, когда создавался литературно-политический миф, авторы всерьез соревновались в придумывании для убитого мальчика новых заслуг. Между тем реальная жизнь Морозова совсем не походила на ту, что сочинили литераторы.

В реальной Герасимовке и близлежащих деревнях крестьяне перероднились между собой, большинство браков было кровными. В результате нередко появлялись дети с чертами вырождения. Мать Павла была психически больна, сообщения об этом проскакивали в советской печати.¹⁷

Есть сведения и о том, что Павлик был нервным и неуравновешенным: «У него нервно подергивался подбородок; мальчик немел от судороги, дрожал, сказать ничего не мог» (писатель Губарев).¹⁸ Учительница Кабина Соломеину: «Морозов говорил с отрывками, гавкая, не всегда понятно, на полурусском-полубелорусском языке, вроде: «Ён ведь бальша нэ прыйдеть».¹⁹ Учительница Кабина нам: «Он был щуплый, нездоровый ребенок. О развитии его мало что можно сказать. Какое там развитие!» Учительница Позднина: «Игры товарищей его редко интересовали, он больше сидел в стороне и лишь наблюдал за ними...»²⁰ Одноклассница Павла Королькова: «Был он слабенький, болел часто. Если бы у него были нормальные условия и мать нормальная, он был бы нормальным». Крестьянин Байдаков: «Павел был недоразвитый мальчик».

Косноязычие, бедный запас слов – это свидетельство позднего и замедленного развития, при котором нарушена познавательная деятельность, а также мотивация поведения.²¹ У таких детей больше интереса к тому, что происходит за забором, чем к своим занятиям. За год до смерти Павлик поступил в первый класс. Добавим: в третий раз. Ему было почти тринадцать лет. В середине года учительница перевела его во второй класс, так как он еле-еле научился читать.

В начале 30-х годов советские педагоги считали, что если родители оба малокультурны, то и ребенок растет умственно отсталым. Позже было официально запрещено считать причиной умственной отсталости социальные причины, разрешались только болезни нервной системы. Современные психологи, однако, признают малоразвитыми детей, педагогически запущенных, лишенных надзора, с дурными привычками и склонностями, то есть фактически возвращаются к признанию важной роли социальных факторов. А недоразвитие считают достаточной причиной для зачисления в категорию умственно отсталых.

Умственно отсталый ребенок часто не обдумывает своих действий, не предвидит их результата. Такой ребенок подвластен воздействию ситуации, у него с опозданием формируются духовные чувства: совесть, долг, ответственность. Такого ребенка легко побудить обидеть кого-либо, совершить хулиганский поступок.²² У Павлика Морозова, судя по рассказам знавших его, наступали периоды угнетенного мрачного состояния, злобы и раздражения, которые сменялись эйфорией: он веселился, дурачился. Затем наступала апатия – потеря детских интересов и привязанностей. Вот почему разные люди указывают на разные черты его характера. Упрямство Павлика отмечается многими авторами, хотя называется по-разному. Отметим также сутяжнический характер и чрезмерную обидчивость.

Живого Павлика Морозова не обследовали невропатологи. По свидетельству матери, его вообще ни разу в жизни не осмотрел врач. Нам хочется считать его здоровым, однако он, по современной научной терминологии, является трудным, педагогически запущенным подростком из семьи с ненормальным психологическим климатом. Поведение Павлика Морозова было результатом воспитания в условиях неполной семьи, дефектов

в нравственной атмосфере, дезорганизованности отношений родителей и детей, безнадзорности, низкой культуры.

Современная педагогика называет три фактора, к которым должно быть привито уважение с детства: личность, закон и собственность. Человек без уважения к этим трем фундаментальным ценностям бытия – потенциальный преступник. В некоторых натурах чужие беды вызывают чувство удовольствия. Понятно, что донос для такого человека есть один из кратчайших путей получить подобное удовольствие.

Именно такой мальчик, превращенный посредством героизации в фанатика идеи, взят советскими психологами за образец для воспитания в детях чувства морального долга. В исследовании современного психолога, например, говорится, что Павлик Морозов в труднейших обстоятельствах поднялся в своем поведении до подлинного, то есть вполне осознанного, самопожертвования.²³

Однако для авторов, создававших образ героя-доносчика 001 в советском искусстве, все это не имело никакого значения. Вслед за театром, в котором пьесы о Морозове не сходили со сцены до 60-х годов, образ Павлика Морозова начали разрабатывать художники и композиторы.

На выставках появились драматические сюжеты из его «биографии». С холста он перекочевал в симфоническую музыку. Московский композитор В.Витлин создал о мальчике кантату для хора и симфонического оркестра. Ленинградский композитор Ю.Балашкин написал симфоническую поэму «Павлик Морозов». Сошлемся на журнал «Советская музыка»: «Поэма написана в свободной форме, своеобразно претворяющей черты сонатного аллегро».²⁴ В конце «в высоком регистре флейт вновь, как воспоминание о Павлике Морозове, звучит тема пионерского марша. Слушатель уносит в сердце светлый и мужественный образ юного героя».

В 50-х годах в Москве шла опера Михаила Красева «Павлик Морозов». На сцене звучали лирические песни, переходящие затем в задорные плясовые, арии учительницы и уполномоченного, пионерские хоры. «Зачем его пустил я в пионеры?» – пел арию отрицательный отец героя. Павлик стоял в дозоре, спасая от поджога колхозный хлеб, героя сопровождал хор колхозников:

Что за Пашенька!
Честный, смелый он!
Врагов не испугался,
С отцом не посчитался.
Что за Пашенька!
Скромнен да умен.²⁵

Девочки водили хоровод вокруг Павлика, укладывали его в постель и пели ему колыбельную. По ходу действия Павлик случайно находил в кустах оброненную сплетницей Акулиной (вымышленный персонаж) подделанную отцом справку. Павлик отдавал ее учительнице, а та – уполномоченному. Опера восхвалялась за музыку, но критиковалась за сюжетный ход: по мнению критики, найти бумажку и донести мог и семилетний малыш, а надо сообщать прямо в ОГПУ.

Коллизия с колхозным хлебом, который якобы спасает Павлик, заимствована либреттгистами оперы из кинофильма, широко разрекламированного, но которому так и не суждено было увидеть экран.

Здесь следует задержаться еще на одном создателе мифа о Павлике Морозове – Александре Ржешевском. В молодости этот человек отличался недюжинной храбростью. Он был особым уполномоченным ЧК по борьбе с политическим бандитизмом и действовал под началом знаменитого соратника Дзержинского Яна Петерса, а в конце жизни спился.

В своих воспоминаниях, сильно урезанных советской цензурой, Ржешевский с гордостью рассказывает, как в детстве издевался над учителем Закона Божьего, и с грустью – о том, как его товарищи, узнавая, где он, став взрослым, работал, переставали с ним здороваться. Знакомые после его смерти вспоминали, что в результате работы в органах ЧК у Ржешевского выработался своеобразный дальтонизм. Всех людей он делил на друзей и врагов. О первых говорил – «поддержит», о вторых – «предаст».²⁶ Такими же были и герои его произведений, полных политической трескотни и поддельного энтузиазма.

Если верить Ржешевскому, его увлекла героическая жизнь Морозова, и он пришел в Центральный Комитет комсомола с предложением написать о нем сценарий для кино. В действи-

тельности ему просто дали задание увековечить память пионера 001, поскольку автор подходил для такой работы по своей биографии. Изучать жизнь и смерть Павлика Морозова он поехал не в Герасимовку, на Урал, а в Орловскую область (Центральная Россия), в деревню Спасское-Лутовиново, бывшее имение русского писателя XIX века Ивана Тургенева. Местный секретарь райкома и начальник ОГПУ показали образцовый колхоз, откуда столичный автор должен был взять жизненную канву. Название «Бежин луг» сценарист взял у классика, бывшего владельца имения.²⁷

В фильме предстояло столкнуться двум укладам: старому деревенскому убожеству и советскому энтузиазму, технике, атеизму. Пионер отвозит на кладбище тело матери, до смерти забитой отцом, и доносит о том, что кулаки хотят поджечь колхозный хлеб. Кулаки прячутся в церкви. Церковь новые власти хотят превратить в клуб и для этого устраивают в ней погром. Всесто лика Богородицы в выбитой иконе появляется лицо колхозницы. Кулаков арестовывают, но они бегут, убивая конвоиров. Отец убивает сына, мстя ему за донос. Фоном фильма служили тургеневские идиллии, романтические среднерусские пейзажи.

Можно сказать, что в сценарии Ржешевского миф о Морозове уже окончательно освободился от жизненной основы, которая тяготила первых журналистов. Ложь стала абсолютной.

Сценарий был готов, когда появился знаменитый режиссер. Он вернулся из Америки, полный желания делать фильмы о молодом человеке XX века, о новом человеке в СССР. Это был Сергей Эйзенштейн, увидевший в Морозове именно такого героя. Американский киновед Джей Лейда в то время учился в Москве в Институте кинематографии у Эйзенштейна и работал его ассистентом на съемках «Бежина луга». В кастрированном виде его воспоминания из книги «История русского и советского кино» опубликованы на русском языке.²⁸

Лейда вспоминает, как на Международном кинофестивале в Москве Эйзенштейн объявил, что делает фильм на колхозную тему. Актера на роль мальчика-героя выбирали из двух тысяч детей и взяли сына мосфильмовского шофера. Мальчик был симпатичный и неумоимо повторял сцену, в которой его

смертельно ранили (умирал он под реквием Моцарта). Подросток покорял всех непосредственностью и обаянием.

Начало фильма снимали в старинном селе Коломенское возле Москвы, что, по мнению Лейды, связывало картину с эпохой Ивана Грозного. Никто не собирался ездить на Урал. «Реальную жизнь» оператор нашел на юге, на берегу Азовского моря, в образцовом совхозе имени Сталина. Соцреализм, как его понял Лейда, означает идеализацию каждого героя и каждого факта. Поля для съемок весной перепахивали под личным надзором Эйзенштейна, чтобы снимать их осенью. В фильме играли крупные актеры, снимал известный оператор Эдуард Тиссэ. Во время съемок Эйзенштейн демонстрировал свой метод многочисленным советским и зарубежным гостям. Выпуск картины задержался, так как режиссер заболел.

Невозможно усмотреть хоть какую-либо автономность мышления сценариста или режиссера. Разница в их взглядах состояла в том, что Рженевский рассматривал мальчика-доносчика как маленького героя нашего времени, а Эйзенштейн – как вестника будущего коммунистического общества. Критик Виктор Шкловский позже в книге об Эйзенштейне назвал фильм правдивым и великим произведением, в котором отражено торжество жизни и литературы.²⁹ На деле создатели картины отражали торжество советской власти в деревне.

Но, показывая жестокость и насилие в период коллективизации, авторы перестарались. Стало видно, что насилие ничем не оправдано, хотя они и пытались объяснить, что причина жестокости – не в новой власти, а в закоренелой культурной отсталости крестьян. В сущности, стремление авторов морально оправдать необходимость насилия только обнажило всю бесчеловечность происходящего.

Разумеется, Эйзенштейн не был противником классовой борьбы. Но и его размышления о праве на убийство и необходимости убивать ради высоких целей вряд ли могли понравиться тем, кто занимался именно этим и предпочитал делать это тихо. Отснятый материал был в сыром виде просмотрен руководством и оценен как формалистический и зараженный мистицизмом. Авторам предложили мотивировать переход отца к вредительству и предусмотреть оптимистический финал: отца после доноса арестовывают, а сын остается жив.

Отвергнув счастливый конец, Эйзенштейн все же принял-ся за переработку сценария, витиевато объяснив свою ошибку тем, что обобщенность образов пришла в противоречие с конкретным материалом. Эйзенштейн увлекся работой над фильмом, не обратив внимания на то, что вышло постановление Совнаркома и ЦК ВКП/б/, устанавливающее новый порядок в вопросах классового воспитания в бесклассовом обществе. Постановление, в частности, требовало «усилить наблюдение за детской литературой и кинофильмами, не допуская литературы и фильмов, могущих иметь вредное влияние на детей».³⁰ Чиновники управления кинематографии в этой связи особенно настороженно относились к каждой новой детской картине.

Для переработки сценария Ржешевского режиссер привлек другого бывшего чекиста, известного писателя Исаака Бабеля. Тот, по выражению Лейды, принял-ся за «ревизию текста», переписав его на шестьдесят процентов. Некоторые имена героев заменили, дав им, недолго думая, имена актеров и работников «Мосфильма». Философские обобщения (в частности, нравственное оправдание доноса и убийства) стали еще более четкими.

Между тем времена изменились. Поднимающаяся волна арестов пугала руководителей кино. Они во всем видели для себя опасность. В съемочной группе Эйзенштейна – Тиссэ был свой Павлик, который обо всем сообщал куда следует. Борис Шумяцкий, глава Управления кинематографии и заместитель председателя Комитета по делам искусств, запретил Эйзенштейну съемки, намекая на то, что фильм вредительский. Шумяцкому нужна была крупная жертва, которой он мог бы прикрыться. Это ему не помогло: сам Шумяцкий был вскоре уничтожен.

От создателей фильма «Бежин луг» потребовали, как тогда выражались, публичного покаяния. Эйзенштейн заявил, что он готов каяться немедленно, но власти это не устраивало. Им нужен был шумный суд. В журналах и газетах началась травля режиссера. Печать резюмировала результаты обсуждения инцидента в высших инстанциях: вместе с Эйзенштейном виноваты все, кто его не критиковал.

Эйзенштейн каялся в кабинетах руководства, с трибун и в печати, называя свое детище порочным, политически несосто-

ятельным. Он обвинял себя в том, что за человеческой драмой сыноубийцы скрыл от зрителя классовую ненависть к кулаку. Кляня себя за слепоту, беспечность, отсутствие бдительности, отрыв от коллектива и масс (вся эта терминология его собственная), режиссер умолял дать ему возможность снять фильмы о 1917 и 1937 годах – героические, партийные, военно-оборонные. Он клялся в своих благих намерениях и преданности Сталину.³¹ Он не без основания чувствовал себя на волосок от ареста. Но в этот момент ему вдруг великодушно разрешили исправиться и показать победы «ленинско-сталинских кадров». Многолетняя травля позже привела Эйзенштейна к инфаркту.

Ржешевский оправдывался тем, что он старался как можно ярче показать Морозова языком большевистского кино. То обстоятельство, что его отстранили от работы и заменили Бабелем, оказалось его спасением. Тем не менее карьера Ржешевского на фильме о Морозове закончилась. Его после того почти не печатали. Жертвой репрессий оказался и новый соавтор сценария Бабель, который исчез на Лубянке. Недоснятый материал первого звукового фильма Эйзенштейна, как объясняют теперь одним иностранным гостям, случайно погиб от воды, которая залила помещение. Другим говорят, что во время войны в это помещение попала бомба.

Творцы героизации сами стали ее жертвами. Просчет авторов, которые вовсе и не собирались стать диссидентами, состоял в том, что они начали делать фильм в 1933-м, а закончили его в 1937-м, и то, что допускалось раньше, стало крамоллой. К этому времени никакие философские оправдания доноса уже не требовались, ибо оправдания следовали за размышлениями, а размышлять было не о чем. Из Кремля уже сказали, что доносить хорошо, и дискутировать на эту тему могли только классовые враги.

Созданный миф помогает понять сущность метода социалистического реализма. Герой, по формуле китайских вождей, – это «продукт партийного руководства, горячей помощи масс и труда писателя».³² В процессе воссоздания мифического образа Павлика Морозова реальная фигура его все глубже утонула в домислах. Герой был придуман наверху и опущен в псевдодействительность. Задача искусства оказалась вывернутой

наизнанку: материю пытались изменить посредством воли, осуществляя операцию в духе чистого идеализма, причем нетерпимого к какой бы то ни было критике.

Все произведения, созданные за полвека о Морозове, называются документально-художественными, полудокументальными или, как выразился в газете «Литературная Россия» уральский писатель Евгений Пермяк, «почти документальными».³³ С таким же успехом их можно назвать почти художественными. Газетный образ мальчика стал прототипом литературного образа. Бумажному герою стали ставить бронзовые монументы.

Глава десятая

СЛАВА ДОНОСЧИКАМ!

16 марта 1934 года «Пионерская правда» опубликовала донос. Он занимал почти целиком третью страницу газеты и начинался так: «В Спасск. В ОГПУ. Довожу до сведения органов ОГПУ, что в деревне Отрада творятся безобразия...»

С портрета, помещенного рядом, смотрит симпатичное личико пионерки Оли Балыкиной, девочки из Татарии. С подробностями, не забыв ни имен, ни дат, она перечислила всех, кто, с ее точки зрения, нарушал что-либо. Не забыла Оля и собственного отца. Письмо заканчивалось так: «...Я вывожу всех на свежую воду. Дальше пускай высшая власть делает с ними, что хочет». Редакция в своем комментарии сравнила Олю с Павликом Морозовым и добавила: «Медицинский осмотр установил, что в результате побоев здоровье Оли надорвано. Олю отправили лечиться в санаторий на два месяца». Во время Второй мировой войны Ольга Балыкина попала в плен к фашистам. После освобождения на нее донесли, что она была в плену. Это автоматически вело к десяти годам советских лагерей. После реабилитации о пенсионерке Ольге Балыкиной снова вспомнили в газетах как о героическом Павлике Морозове в юбке.

Публикация в центральной газете образцового доноса свидетельствовала о том, что акция вступает в новую фазу. Ни одна кампания не проходила в стране с таким пафосом и энтузиазмом, как вовлечение в доносительство. Донос стал газет-

ным жанром, доступным непрофессионалам, даже детям. Павлик Морозов был героем новой эпохи, и эта эпоха требовала от детей новых черт. Поэт Александр Яшин называл это обучением бдительности и отметил, что пионерам помогали два качества: смекалка и наблюдательность.¹ Причины героизма просты и понятны каждому. «Почему Павлик Морозов не боялся разоблачить своего отца и дядю Кулуканова? – спрашивала «Пионерская правда» и отвечала: – Потому, что он был настоящий пионер. Умел отличать друзей от врагов».²

Вожди партии (Крупскую в начале 30-х годов печать также называла вождем) делились мыслями вслух, как детям участвовать в жизни. «Поглядите, ребята, кругом себя, – рекомендовала Крупская. – Вы увидите, как много еще старых собственнических пережитков. Хорошо будет, если вы их будете обсуждать и записывать. Боюсь, что у вас получится целая толстая тетрадь».³

Прибывшие из-за границы деятели международного коммунистического движения приветствовали зорких наблюдателей. Радио, газеты, книги, речи пели хвалу каждому доносу, обучая тонкому искусству осведомления органов. «Пионерская правда» печатала очерк о герое-пионере Коле Юрьеве, который сидел в пшенице с осколком увеличительного стекла. Он увидел девочку, которая срывала колоски, и схватил ее. Вырваться девочке, которая съела несколько зерен хлеба, не удалось.⁴ Голодные люди, рвавшие колосья, на жаргоне тех лет в печати назывались «парикмахерами колхозного хлеба». После создания колхозов в стране начался голод, и неудивительно, что крестьяне крали зерно.

«Стой! Откуда? Куда?» – так окликают станичные пионеры каждого чужого человека, проходящего по полю, и, если человек окажется вором, задерживают его», – писала «Пионерская правда».⁵ Газета весело рассказывала, как дети сами, в отсутствие взрослых, обыскивали чужие дома. Настоящий пионер Проня Колыбин смело разоблачил свою мать, которая пошла в поле собрать опавших зерен, чтобы накормить его самого. Мать посадили, героя-сына отправили отдыхать в Крым, в пионерский лагерь Артек. Сведения о герое Колыбине хранятся в картотеке кабинета истории Всесоюзной пионерской организации.

Школьник из-под Ростова-на-Дону Митя Гордиенко ловил голодных в поле несколько раз. Выступая на суде свидетелем, он говорил: «Разоблачив воров колхозного хлеба, я даю обязательство организовать на охрану урожая тридцать ребят нашей коммуны и быть руководителем этого пионерского отряда...» Так, после одного из доносов Мити на двоих взрослых муж был приговорен к расстрелу, а жена – к десяти годам лишения свободы со строгой изоляцией. Митя получил за этот донос именные часы, пионерский костюм, сапоги и годовую подписку на местную газету «Ленинские внучата».⁶

Знаменитый поэт Николай Асеев сочинил в ту пору «Песню пионерохраны урожая»:

Застукали на поле
И за руку сцапали
С поличным
на месте
врага.⁷

В то же время Асеев отправил донос в ОГПУ, что поэта Владимира Маяковского, застрелившегося из пистолета три года назад, якобы убили троцкисты, и начал писать поэму, прославляющую в веках ОГПУ.

Даже мелким ябедникам газеты пели дифирамбы. Деткорреспонденты (деткоры) сообщали, кто опаздывает на занятия, прогуливает уроки, получает плохие оценки или не хочет подписываться на «Пионерскую правду». Редакция поручала своим читателям следить за товарищами в дни религиозных праздников. Дети отзывались: пионер такой-то вместо школы ходил в церковь. Некоторые дети перестали учиться, а следили за теми, кто не посещает школы.

Народный комиссар просвещения Андрей Бубнов издал в 1934 году приказ отдавать под суд неблагонадежных родителей, которые нерадиво относятся к своим детям. Схема следующая: ребенок доносит учителю, что он недоволен отцом или матерью. Школа подает на них в суд.⁸

«Газеты должны повышать политическую боеспособность деткоров, – поучал, ссылаясь на указания Политбюро, редактор «Пионерской правды» Гусев в книге «Деткоры в школе» (1935).

– Это значит следить за учителем, быть зорким в борьбе за качество преподавания в классе». Среди учителей дети должны были обнаруживать и разоблачать классовых врагов. И дети охотно выполняли поручения. Мальчик написал в газету, что директор его школы дал на уроке детям такую задачу: «Всего в селе было 15 лошадей. А когда люди вступили в колхоз, 13 лошадей сдохли. Сколько осталось?» Директор как классовый враг был привлечен «к суровой ответственности».

Дети охотно сообщали фамилии своих учителей и вожатых, которые, по их мнению, ленивы или профессионально непригодны. Интимная жизнь взрослых также занимала пионеров. Газета «На смену!» напечатала анонимное письмо мальчика о его соседе, который живет с комсомолками, а потом их выгоняет и приводит других. Пионерам вменялось в обязанность подслушивать каждый звук, каждый шорох, каждый вздох. Перелистаем «Пионерскую правду» конца 1933 года.

7 ноября. «Леня поймал двух воров». Леня выследил и сообщил куда следует о двух подозрительных людях.

15 ноября. «Зоркий дозор! Виновных в избиении строго судить!»

29 ноября. «Деткор разоблачил кулаков». Пионер донес в газету, газета – немедленно в ОГПУ. Тот же общественный обвинитель от имени газеты Смирнов выезжает на место, где сам организует следствие.

3 декабря. «Пионерский дозор на транспорте». Пионер-дозорник задержал грузчицу с украденной рыбой.

11 декабря. Пионер «уверенно рассказал суду о кулацких проделках в деревне».

15 декабря. На суде выступил опять Смирнов. Он «останавливается на классовой борьбе в нашей стране». Те, на кого донесли пионеры, получают «10 лет строгой изоляции в концентрационных лагерях».

17 декабря. Газета цитирует Сталина: врагов «не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе...»

Когда кампания разворачивалась, свердловская газета «Всходы коммуны» делала предупреждение пионерам, которые почему-то не донесли на своих родных: те, кто промолчат, после этого – не пионеры. Тот, кто не доносит, сам враг, и о нем следует немедленно сообщить. Год спустя председатель Цент-

рального бюро пионеров Валентин Золотухин гарантировал доносчикам покровительство государства: «Вся страна смотрит за каждым уголком Союза, за каждым пионером. И пионеру некого бояться».⁹ Страна следила за доносчиками, доносчики – за страной.

Вскоре выходит книга журналиста Смирнова «Юные дозорники», инструкция для пионеров. Автор учит, где могут быть враги народа, как их искать, куда сообщать. Смирнов учит детей посылать письма так, чтобы враги партии не перехватили доносы на местной почте: пионеру следует возить их на станцию и самому опускать прямо в почтовый вагон проходящего поезда. «Пионерская правда» становится центром сбора доносов от своих читателей со всей страны. Здесь они обрабатываются, учитываются и передаются в учреждения, ликвидирующие врагов народа. Пионерская организация становится филиалом секретной полиции, всесоюзной школой стукачей. Поразительное откровение находим у советского психолога: «Такого рода преступные организации, которые используют в своих целях детей и калек, были описаны еще Ч.Диккенсом и Б.Брехтом».¹⁰

Сам призыв «Будь готов!», взятый у скаутов, приобретает зловещий смысл. Читатели-агенты называются «бойцами», «дозорными», «следопытами». Призывая доносить, газеты дают деткорам, постоянным клиентам, кличку «Зоркий глаз», а имя держат в тайне. Одна газета хвалит подростка за то, что он, не задумываясь ни на минуту, побежал донести в сельсовет. Это очень важно – не задумываться. Чтобы деятельность на местах не носила кустарного характера, предлагалось создавать пионерские посты бдительности. Газета советовала: «Не доверяй тому, в ком ты хоть чуть сомневаешься». Газета требовала: «О всех чуждых, незнакомых и подозрительных лицах необходимо немедленно сообщать в сельсовет».¹¹ Чтобы стать героем, надо лишь заметить подозрительного человека и немедленно сообщить о его местопребывании. Заметить и сообщить. За это следопыта ждет награда.

Доносительство надо было узаконить, и в 1933 году вышло любопытное указание Прокуратуры СССР о привлечении к расследованию дел представителей печати и селькоров, то есть тех, кто «сообщал». На практике доносчиков привлекали не

только к расследованию, но и к обвинению. Газетная статья теперь практически приравнивалась к статье уголовного кодекса. Затем создаются ОСО – особые совещания, заменяющие суд, – административная опора массовых репрессий.

Газеты печатали списки расстрелянных и списки героев-доносчиков. Ходатайства о помиловании были отменены. Популярная детская игра «Палочка-выручалочка» переименовывается в книге Соломеина о Павлике в «Стуколки». (Кого увижу – бегу застучать.) Сталин призывал присмотреться не только к троцкистам, но и к тем, кто проходил по той же улице.¹² Журнал «Социалистическая законность» в августе 1938 года прояснял, что такое свобода слова в нашей стране. Оказывается, осведомление власти как раз и является обеспеченной Сталинской конституцией свободой слова.¹³

Упомянутое указание вождя обеспечило работу пионерам в городах, где кулаков не было, но троцкисты по улицам гуляли. Осведомители понадобились в промышленности, на транспорте, в учреждениях, в школах.

Мальчик Михась Чачновский выявил расхитителей сахара на пищевой фабрике. За донос награжден путевкой в пионерский лагерь Артек. «Прошу: вышлите, пожалуйста, комиссию по проверке хлебных складов», – сообщал пионер Шишкин. Председатель комитета по заготовкам товарищ Клейнер отметил бдительность пионера Шишкина и премировал его велосипедом.¹⁴ Клейнер был арестован по доносу и уничтожен в 1937 году.

Известно, что Ленин заклеил паспорта как позорное прошлое царской России. Но в 1932 году паспорта были введены в СССР. Причем давали их только горожанам. Жить без паспорта в городе стало невозможно. Крестьянам же паспортов не выдали, чтобы они не бежали из своих голодных деревень в город.

Газеты, однако, объяснили возникновение паспортной системы иначе. Кулачье, а также другие паразиты устремляются в большие города, где им легче затеряться. Они организуют хищение товаров из наших магазинов и начинают жить за счет трудящихся. Цель паспортизации – очиститься от кулацких элементов. Новый долг пионеров – проявить максимум бдительности в связи с паспортизацией, помогать органам мили-

ции разоблачать паразитические элементы. Была даже сделана попытка поручить детям проверять на улицах паспорта у взрослых. Но эта затея наверху не была одобрена. Литературовед Александр Храбровицкий, работавший в 30-е годы журналистом, рассказал нам, что номер «Пионерской правды» от 3 февраля 1933 года прочитал председатель Совнаркома Молотов и сделал на первой странице надпись: «Какой дурак редактирует эту газету?» Редактор Георгий Солдатов был снят с работы.¹⁵

В школе дети давали клятву: «Я обязуюсь... зорко следить за сохранностью школьного имущества». Само по себе это неплохо, но книга-инструкция «Юные дозорники» призывала учеников наблюдать за своими товарищами – кто что не сохраняет, ломает, берет. Газета восторженно рассказывала о пионерлагере имени Павлика Морозова, где дети постоянно с утра до вечера и даже ночью следят друг за другом и сообщают в газету. Это была хорошая тренировка для более серьезных дел. Детям советовали закаляться, так как сейчас особенно необходимы зоркие глаза, стальные нервы и железные мускулы. В статье «Быть хорошо вооруженным» вдова Ленина Крупская объясняла, для чего это нужно: началась партийная чистка.¹⁶

Из партии, согласно указанию сверху, удаляли классово чуждых людей, оппортунистов, двурушников, нарушителей железной дисциплины, разных шкурников, бюрократов, лиц, морально разложившихся, и просто обманщиков. Чистку предстояло пройти всем, кроме членов ЦК и ЦКК. Заместитель наркома просвещения Крупская призывала детей выявлять вражеские элементы, обманом пробравшиеся в партию, чтобы вредить ей.

Идея с проверкой детьми членов партии была не более умной, чем проверка паспортов у взрослых. Однако она не встретила возражений. «Нужна большая бдительность, нужно уметь своевременно заметить врага, своевременно выявить его работу, вредящую делу, помешать этой работе».¹⁷ Новую задачу подхватили газеты. «Пионер не должен колебаться, если кто-нибудь, хотя бы даже и его отец, вредит рабочему классу, – писала «Пионерская правда». – Два дня ходил Румянцев по улицам и не решался сообщить. Два чувства боролись в нем: чувство сына и пионерского долга. Пионерское победило – Румянцев пришел в горбюро. Румянцев рассказал все, что знал

о своем отце. Милиция немедленно произвела обыск».¹⁸ Получив благодарность, пионер донес и на брата. Герой ушел из семьи и отдыхает в пионерском лагере.

Каждая область страны популяризировала своих юных доносчиков. Создается всесоюзная красная доска почета для пионеров-дозорников, на которую заносят имена лучших. Газета «Правда» записала на красную доску почета всю Северо-Кавказскую школьную организацию за охрану колхозного урожая. Так называемая «легкая кавалерия» действовала там по формуле: «увидел – помчался – сообщил». В газете перечисляются 44 активиста-доносчика. 6 января 1934 года «Правда» и другие газеты поместили письмо пионеров села Новая Уда, в Восточной Сибири, Сталину. Пионеры с места бывшей ссылки вождя рапортовали, кто на кого в селе донес, и затем в порядке критики и самокритики сообщали друг о друге и сами о себе.

«Пионерская правда» набирала крупными буквами имена юных осведомителей. Их подвиги: разоблачил пастуха, сдал в ОГПУ своего отца, выявил вредителя, раскрыл шайку расхитителей колхозного добра, поймал кулачку. Двести дозорных едут отдыхать в Крым, в привилегированный пионерский лагерь Артек. Черноморский курорт превращается в зону заслуженного отдыха юных стукачей-добровольцев.

Дети-доносчики разных областей страны вызывают друг друга на всесоюзное социалистическое соревнование: кто больше донесет. Делегации пионеров-дозорников начинают путешествовать из области в область, обмениваясь передовым опытом: как следить, как сообщать. На Украине состоялся республиканский слет дозорных, и член Политбюро Постышев стал его почетным гостем.

Кажется, кампания достигла апогея, донесено на всех. Но для выражения преданности третьего поколения делу партии коммунистов этого недостаточно. Сверху требуют самокритики и саморазоблачения от тех, кто еще не начал доносить, и вот ответственные работники, писатели, артисты, инженеры, чиновники, рабочие, колхозники, школьники – все начинают каяться и обещают исправиться. За неделю до Первого съезда писателей поэт был наказан за недонос на себя. За сокрытие происхождения (сын лесопромышленника) поэта Александра Ойслендера исключили из комсомола, но затем помиловали –

строгим выговором за чистосердечное раскаяние. Писателю-комсомольцу П.Панченко, знавшему об отце Ойслендера, но не известившему органы, на первый раз поставили на вид.¹⁹

Между тем слава о детях-доносчиках просачивается в виде неопределенных слухов на Запад. Подлинным строителям светлого будущего это только придает новую энергию. «Пусть в бешенстве лгут бежавшие за границу белогвардейцы, что... красные пионеры являются оком ЧК в своей семье и в школе, – реагировали руководители комсомола в книге «Детское коммунистическое движение». – Бешенство наших врагов – лучшая похвала для нас, младшего поколения большевиков».²⁰

Разумеется, доносчиками были не только дети, но и дети были не только доносчиками. Девочка-героиня Мамлакат Хангова прославилась на всю страну и получила орден за то, что собирала хлопок двумя руками, тогда как взрослые женщины – одной. Маленькая девочка помогла вдвое повысить производительность тяжелого женского труда в среднеазиатских республиках и увеличить производство пороха в стране. Газеты рассказывали о пионерах, которые выращивали лошадей и овчарок для Красной армии. В Кремле приняли юных лауреатов музыкального конкурса в консерватории.

Все это было. В поэмах и операх, однако, прославлялись не сборщики хлопка, не собаководы, не юные Паганини, а доносчики. Все эти герои сравнивались с пионером 001 – главным героем страны Морозовым. Павлик стал основоположником, юным революционером, как окрестила его «Пионерская правда».²¹ Подвиг его воспевался в песнях, их пели хоры по всей стране. Наиболее оперативным поэтом оказался молодой Сергей Михалков, который написал первую песню о Павлике, опередив десятки других создателей жанра доносительской лирики.

Михалков начал с воспевания подвига доносчика и стал секретарем Союза писателей России. Сочинял он и стихотворения-доносы, требуя в них смертной казни врагам народа. Впрочем, он не был одинок. У доносительского жанра литературы появились свои классики – Демьян Бедный, Александр Безыменский, Бруно Ясенский, но это уже особая тема. «Песня о Павлике Морозове» Михалкова публиковалась и исполнялась бесчисленное число раз. Музыка к ней сочинил венгерский компо-

зитор Ференц Сабо, который тогда жил в эмиграции в СССР. Автору этой книги тоже довелось ее петь в хоре, десяти лет от роду, в доме художественного воспитания детей. Учитывая, что официальное содержание подвига известно, для экономии бумаги приведем только рифмы:

Сером – стороне – примером – пионер.
Недаром – горячо – в амбарах – кулачье.
Павел – учил – выступая – разоблачил.
Травы – звеня – расправой – родня.
Летний – лист – малолетним – коммунист.
Тучи – прямой – лучших – домой.
Знамя – в стороне – кулаками – пионер.
Устроив – в рядах – героя – никогда.²²

Глава одиннадцатая

СКОЛЬКО БЫЛО ПАВЛИКОВ?

Подготовка к показательному процессу по делу об убийстве Павлика Морозова была в разгаре, когда в селе Колесникове Курганской области застрелили из ружья другого мальчика – Колю Мяготина. Событие это, судя по официальным материалам, выглядело так.

Вдова красноармейца отдала сына в детский дом, так как ей нечем было его кормить. Там мальчик стал пионером, а позже вернулся к матери. Богатых крестьян уже выслали, но в селе остались пьяницы и хулиганы. Настоящий ленинец, мальчик прислушивался к разговорам взрослых. «Обо всем, что Коля видел и узнавал, он сообщал в сельский совет». Но Колин друг Петя Вахрушев донес на Колю классовым врагам (то есть сообщил родным, кто доносчик). «Пионерская правда» в деталях описывала убийство Коли.

«Иван выстрелил ему в ноги.

– Живой? – подошел он поближе.

Побледневший Колька плакал. Из ног лилась кровь...

– Живой...

– Добить его надо, а то нам плохо будет.

Выстрел в упор...»

Один пионер донес представителям власти, другой – друг Мяготина, Петя, донес тем, на кого донесли. На допросах, как сообщали газеты, Петя исправился и донес на своих старших

братьев представителям власти. Судя по печати, надвигалась новая волна насилия: «Рука пролетарской диктатуры раздавит гадов». По правилам того времени следом за большим показательным процессом организовывалась серия мелких – на местах. Расстрела уже казалось мало, и дети требовали «самого жестокого наказания убийцам», но не могли придумать, какого.

Для участия в новом процессе выехали знакомые нам журналисты Соломеин и Смирнов. На суде выступил не один, а уже три общественных обвинителя из разных газет «от имени миллионов пионеров и школьников». Во время суда присутствовавшим раздавался специально напечатанный листок «Будь начеку!», призывающий к новым доносам. Мяготина убил один, расстреляно по делу пятеро, кроме того, большая группа «воров, пьяниц и вредителей» приговорена к десяти годам лагерей. Очередной район очищен от противников советской власти. Убитый пионер-герой Мяготин записан в Книгу почета пионерской организации ЦК ВЛКСМ вслед за Павликом Морозовым, под номером 002.¹

Мы не знаем, как и кем был в действительности убит Коля Мяготин, ибо уже имели возможность проверить достоверность сообщений печати. Но несомненно, что борьба за доносчиков уже давно сталкивалась с борьбой против них.

Возникает вопрос: для чего лучшим пионером страны был объявлен тот, кто и пионером-то не был и чьи доносы близко не соприкасались с политическим фанатизмом? Может быть, дело в том, что в ряду героев-донсчиков Морозов первый по времени? Это не так.

Нами собраны сведения по меньшей мере о восьми случаях убийства детей за доносы до Павлика Морозова. Первым был тоже Павлик по фамилии Тесля, украинец из старинного села Сорочинцы, донесший на собственного отца пятью годами раньше Морозова. Семь доносов связаны с коллективизацией в деревне, один – с врагами народа в городе (Витя Гурин, Донецк). Наиболее известный из восьми – доносчик Гриша Акопян, зарезанный на два года раньше Морозова в Азербайджане. Официальное издание «Детское коммунистическое движение» (1932) еще до смерти Павла Морозова сообщало, что имеют место случаи убийства за доносы «десятков наших

лучших боевых товарищей», которые яростно борются против левых загибов и правых примиренцев.² Но слава всех этих доносчиков меркнет на фоне Павлика Морозова. Почему же ему с такой помпой отдаются почести, которых он не заслужил?

Официальный герой-доносчик 001 должен был появиться тогда, когда он стал необходим для политической кампании, то есть перед большой чисткой и массовыми репрессиями, и он, как мы знаем, появился, когда надо.

Кампании, начатой в глухой деревне Герасимовке, придавался все более массовый характер.

Октябрь, 1932, «Пионерская правда»: «На смену ему... идут и еще придут новые сотни и тысячи ребят».

Ноябрь, 1932, «Тавдинский рабочий»: «Павел Морозов не один, таких, как он, легионы. Они разоблачают зажимщиков хлеба, расхитителей общественной собственности, они, если это нужно, приводят на скамью подсудимых своих отцов». Число героев пока не ясно, ибо легион – военное подразделение в Древнем Риме – от 4,5 до 7 тысяч, а в древнерусском счете – 100 тысяч.

Август, 1933, «Пионерская правда»: «Миллионы зорких пионерских глаз будут следить...»

Сентябрь, 1933, «Пионерская правда»: «Миллионы Павликов учатся в школах...»

Широкий охват пионеров (предисловие к книге «В кулацком гнезде», 1933): Морозов – «типичный выразитель действий и настроений нашей шестимиллионной армии пионеров».³

Всеобщий охват взрослых (декабрь 1937), передовая «Правды»: «Каждый честный гражданин нашей страны считает своим долгом активно помогать органам НКВД в их работе».

Член Политбюро Анастас Микоян в докладе на собрании, посвященном 20-летию НКВД, воскликнул со сцены Большого театра: «У нас каждый трудящийся – наркомвнуделец!»⁴ Микоян вспомнил об идеале советского человека – «верном сторожем псе партии» Дзержинском и призвал все население страны учиться сталинскому стилю работы у наркома НКВД Ежова.

В сущности, в сталинском стиле ничего нового не было, ибо Ленин заявлял то же самое: «Хороший коммунист в то же время и хороший чекист».⁵ Микоян лишь популяризировал суть ленинско-сталинского стиля работы: «Вместо дискуссий

– методы выкорчевывания и разгрома». Празднование очередного юбилея тайной полиции совпало с окончанием пятилетки по уничтожению классов в стране. Пятилетка была перевыполнена, враждебные классы уничтожены, но Сталин заявил, что классовая борьба еще больше обостряется.

Двойники Морозова выросли. Часть из них теперь работала в НКВД, реализуя на практике политвоспитание, полученное в школе и пионерской организации. Другие служили добровольцами.

Многочисленные Павлики не просто проявляли личный энтузиазм, как сообщали газеты. Их деятельность становилась обязательной частью строительства нового общества. От доверчивых и неопытных подростков руководители страны требовали новых подвигов и новых жертв. Член Политбюро Лазарь Каганович, обращаясь к пионерам, говорил: «Каждый из вас должен себя спросить: готов ли я на жертвы, на страдания и лишения за дело пролетарской борьбы, за дело коммунизма?»⁶ По мысли Кагановича, жертвой достоин стать не каждый, и в пионеры следует принимать тех, кто сперва докажет, что достоин. Донос был вернейшим путем этого доказательства.

Но произошло непредсказуемое: убийство вызвало не столько ненависть к врагам партии, сколько к самой партии. Волна насилия, идущая сверху, столкнулась с ответной волной. Не видя защиты от произвола государства, народ творил самосуд. Чем сильнее нагнеталось давление сверху, тем ожесточеннее и отчаяннее был протест. Жертвами этой борьбы оказались ни в чем не виноватые дети, которых система растлевала в угоду интересам лиц, стоявших у власти.

В 1935 году в речи на совещании писателей, композиторов и кинорежиссеров Максим Горький заявил: «Пионеров перебито уже много».⁷ Журналист Соломеин в воспоминаниях рассказывал: «Только мне привелось участвовать в расследовании примерно десяти убийств пионеров кулачем. Только мне. А всего по Уралу, по стране – сколько их было, подобных жертв! Не счесть».⁸

Пресса представляла дело таким образом, будто детей убивали за то, что они пионеры. Убивая Павлика Морозова, писала газета «Тавдинский рабочий», кулаки знали, что они «наносят глубокую рану детскому коммунистическому движению».⁹

Смерть двух девочек-доносчиц Насти Разинкиной и Поли Скалкиной «Пионерская правда» комментировала так: «Выстрел в Настю и Полю есть выстрел в пионерскую организацию».¹⁰ Но кто в действительности и почему убивал пионеров, отнюдь не всегда было ясно. Газета «Правда» откровенно призывала к самосуду: «Дело каждого честного колхозника помочь партии и советской власти казнить мерзавца, который посмеет тронуть ребенка, исполняющего долг перед своим колхозом, а следовательно, и перед всей страной».¹¹ Колхозники, однако, понимали честность по-своему, и властям приходилось пожирать плоды развязанного ими террора. В то время как власти окружали убитых доносчиков ореолом славы, народ мстил властям, множа число жертв и таким образом поставляя новых героев, используемых пропагандой.

«Пионерская правда» опубликовала беседу с государственным обвинителем А.Виноградовым «Зорче охранять молодых бойцов!». В интервью обвинитель признал, что проблема стала серьезной, и обещал провести необходимые мероприятия по охране юных осведомителей. Лицемерие этих заявлений особенно видно теперь, когда мы знаем, с каким рвением использовала пропагандистская машина убийства детей. Расправы, однако, судя по прессе, росли. В 1932 году (после убийства Павлика и Феди Морозовых) было три убийства доносивших детей. В 1933 году мы насчитали шесть убитых доносчиков, в 1934-м – шесть, в 1935-м – десять.

Власти действовали грубо и разжигали низменные инстинкты толпы. Но кто убивал и почему – для разжигания борьбы или из мести, – в большинстве случаев остается неизвестным. Всего за годы сталинского террора мы насчитали 57 убийств детей-доносчиков. Всем им присвоены почетные звания пионеров-героев. О них пишут книги, их именами названы улицы и Дворцы пионеров.

Витя Гурин доносил на верующих, Василиса Килина – на лучше живущих соседей, Мотя Тараданова – на ссыльных, Женя Рыбин – на беспризорных детей, Кычан Джакыпов – на священника. Коля Яковлев выследил крестьянина, спрятавшего зерно. Миша Дьяков письменно сообщал имена тех колхозников, которые утром не вышли на работу. Женя Сосновский выследил пастуха, который завел коров в болото и утопил.

Нюра Соколова разоблачила крестьян, которые пытались вызвать крушение поезда. Павлик Манин указывал на тех, кто дома молится. Федя и Оля Мальцевы сообщили, что их отец критиковал советскую власть. Гена Щукин обнаружил троцкистов, которые задумали сорвать работу золотодобывающего рудника. Коля Рябов сигнализировал, что его брат отвинтил гайку от колхозной сеялки. Все эти и многие другие дети, согласно публикациям, были зарезаны ножом или серпом, задушены проводом, убиты из ружья, пистолета или торопом врагами советской власти. Что произошло с каждым из них в действительности, сказать не можем, ибо каждый случай потребовал бы расследования, подобного проделанному с Павликом Морозовым.

В 1938 году, однако, сообщения о новых героях-доносчиках из печати исчезли. Видимо, был дан приказ прекратить организацию подобных акций.

Судьбы юных согладатаев, оставшихся в живых, представляют собой отдельную тему для размышлений. В поселок Анадырь Чукотского округа к чукчам приехали проводить раскулачивание и создавать колхоз двое большевиков-уполномоченных. Их убили. Через день появился милиционер. Убийц выдал мальчик Ятыргин, сын Вуны, прибавив, что они убежали на Аляску. Часть чукчей-оленьеводов решила уходить с оленями туда же. Услышав об этом, Ятыргин украл у соседа собак и сани, чтобы донести об этом тоже. Соседи подкараулили мальчика, ударили его топором и бросили в яму, но он выполз оттуда и остался жив. «Пионерская летопись» рассказывает: когда Ятыргина принимали в пионеры, уполномоченные переменили его имя на Павлик Морозов. Новое имя записали потом в его паспорт. В 70-х годах Ятыргин под именем Павла Морозова был школьным учителем, членом партии.¹²

Реклама доносительства приносила свои плоды, и ею занимались самые высокопоставленные лица советского государства. Незадолго до своей таинственной гибели в 1937 году член Политбюро Серго Орджоникидзе в речи на всесоюзном совещании стахановцев восхвалял семью патриотов Артемовых. Отец, Алексей Артемов, его жена Ксения, два сына и три дочери сообщили органам о 172 подозрительных людях, по их мнению, вражеских лазутчиков. Все подозреваемые были арес-

тованы. Членов семьи чемпионов-доносчиков наградили орденами и ценными подарками.

Последствия кампании массового доносительства выглядели печально. За парадной афишей вовлечения миллионов павликов в дело строительства коммунизма страну стала захлестывать детская преступность. После ликвидации миллионов родителей и от голода на улице очутились миллионы бездомных детей – бракованная часть третьего поколения строителей социализма. Закон 1935 года о малолетках постановил: в целях ликвидации данного явления «привлекать к уголовному наказанию» детей с 12 лет.¹³ Быстро росла система детских принудительных учреждений: детдомов, спецдетдомов, изоляторов, трудовых колоний и приемников-распределителей, внедрялся детский принудительный труд.

Теперь система как бы уравнилась: взрослые по доносам детей шли в исправительные лагеря, а дети по доносам взрослых направлялись в исправительные колонии. Размах и пафос кампании не оставляет сомнений в том, что санкционировалась она с самого верха.

Глава двенадцатая

ДАнный МАЛЬЧИК И ТОВАРИЩ СТАЛИН

Мы не располагаем письменным указанием Сталина о Павлике Морозове. Сталин часто высказывал мнение устно, и этого было достаточно. О нашем герое такого распоряжения не могло не быть. Есть косвенные доказательства, что вопросы, связанные с героем-доносчиком, великий вождь решал сам и возвращался к ним неоднократно.

«Сталин, конечно, принимал участие в судьбе Морозова, – утверждает Матрена Королькова, соученица Павлика из Герасимовки. – В январе 1934 года меня с группой пионеров привезли в Москву. Мне дали понять, что сейчас отвезут на прием к Сталину, чтобы я рассказала о Павлике. Мне объяснили, что надо говорить и как. Я ждала долго. Потом визит отменили, сказали, что Сталин занят. Меня отправили в пионерский лагерь Артек. Туда мне прислали сто рублей, а потом в деревню еще два раза по двадцать пять рублей».

Наиболее вероятно, что внимание Сталина на убитого мальчика обратил кто-то из трех аппаратчиков, занимавшихся делом Морозова по долгу службы: Постышев, Косарев или Покребышев.

Члену Политбюро Павлу Постышеву в 1932 году было 45 лет. Он носил усы, шинель, сапоги и фуражку, полностью подражая облику Сталина. Секретарь Центрального Комитета партии, он одно время заведовал двумя наиболее важными его

отделами: организационным, а также агитации и пропаганды. Постышев занимался политической кампанией по ликвидации кулачества и контролировал комсомол. Газеты называли его любимым другом пионеров, боевым соратником товарища Сталина.¹ Пионерские отряды носили имя Постышева. О том, какую роль он играл, можно судить по вышедшему в 1932 году в Москве сборнику «О пионерах и пионердвижении», в котором говорилось, что в нем публикуются речи видных деятелей партии от Ленина до Постышева, а Сталин не упоминался вообще.

Постышев успешно осуществлял часть плана по созданию массовой сети всеобщего доносительства через отделы писем и редакции газет в ОГПУ. В речи на XVI съезде партии Постышев сочинил небылицу о том, что кулаки создали свою агентурную сеть внутри большевистской партии.

По прямому указанию Постышева Центральный Комитет комсомола и Наркомат просвещения развернули пропаганду подвига мальчика-доносчика. Осуществлял ее Александр Косарев, двадцатилетний генеральный секретарь ЦК комсомола, любимец Сталина и правая рука Постышева.

Косарев подписывал многие документы о распространении опыта Морозова среди детей. Косарев принял делегацию из Герасимовки, рапортовавшую ему об успешных донесениях пионеров на Урале. Непосредственно руководили кампанией служащие Косарева: секретарь ЦК комсомола Сергей Салтанов, глава юных пионеров Валентин Золотухин и его заместитель Василий Архипов.

Впоследствии Постышева арестовали по доносу его сотрудницы Николаенко, которую объявили героиней.² Пионерские отряды имени Постышева переименовали в отряды имени Павлика Морозова. Косарева и Салтанова также арестовали по доносам и расстреляли в лагерях. Уничтожен был и нарком просвещения Бубнов. Согласно одной из легенд, Косарев исчез после того, как написал письмо Сталину против доносов и массовых арестов. Однако и Косарев, и Бубнов отправили на смерть многих. Удравший от ареста на фронт Архипов был застрелен в спину.

Прошлое Сталина накладывало отпечаток на его педагогические взгляды и моральные позиции. Мнение о том, что Сталин до революции сотрудничал с охранкой, существует и не

опровергнуто, хотя и не доказано. Став генеральным секретарем партии, он занимался подслушиванием коллег лично посредством специальной аппаратуры.

Систему всеобщего доносительства в советской республике начал создавать еще Ленин. Анжелика Балабанова в книге «Ленин» рассказывает, как он говорил: «Провокаторы? Если бы я мог, я бы поместил провокаторов в армии у Корнилова». Соратники Ленина вспоминают, что он поручал им писать анонимные пасквилы, чтобы скомпрометировать своих политических оппонентов. Подготовкой показательных процессов Ленин руководил сам, после это делал Сталин. Сталин и Троцкий соревновались в доносительстве друг на друга Ленину, пока Сталин не одержал победы. Троцкий, кстати, был убит по личному указанию Сталина столь же зверским методом, как дети Морозовы.

Ленин назначил Сталина командовать РКИ – Рабоче-крестьянской инспекцией, в которой собирались компрометирующие сведения о всех служащих госаппарата. В сущности, сталинская РКИ собирала доносы и занималась чисткой.

Сталин еще раньше начал использовать аппарат ОГПУ, чтобы избавиться от неугодных ему лиц. Секретари Сталина получали от ОГПУ основанные на доносах (подлинных и сочиненных) компрометирующие сведения. А Сталин через личных секретарей передавал устное указание, какое вынести решение. Тогда ОГПУ еще не могло арестовывать членов партии; это произошло через десять лет – ко времени убийства Морозова. В это время создается и действует Особый сектор при личном секретариате Сталина. Особому сектору подчиняются спецсекторы в райкомах и обкомах, имеющие своих лиц на всех предприятиях и в учреждениях. Внутри ОГПУ такими подразделениями были ОО – особые отделы и связанные с ними СПО – секретно-политические отделы. Спецсекторы подчинялись напрямую Сталину и больше никому.

Особый сектор возглавлял сорокалетний Александр Поскребышев. Он, по выражению Никиты Хрущева, был преданнейшим псом Сталина.³ Крупные черты жесткого лица, бритая голова и сталинский полувоенный стиль одежды – таков его портрет. Старые партийные работники, знавшие его в 30-е годы, рассказывали нам, что Поскребышев – выходец из Екате-

ринбурга, то есть потом Свердловска, став тенью Сталина, сохранил прочные связи на Урале. Все акции ОГПУ на Урале проходили под наблюдением Поскребышева. Документы оттуда доставлялись, минуя другие виды связи, прямо ему. Таким образом, система всеобщего доносительства конденсировалась в аппарат слежки, который нес информацию непосредственно к самому источнику власти, делая Сталина всевидящим. Эта канцелярия, управлявшаяся лично Сталиным через Поскребышева, сделалась в 30-е годы силой, командующей страной.

Жена и сын Постышева были расстреляны, жена Косарева провела треть жизни в лагерях. Когда арестовали жену Поскребышева, он сказал: «НКВД всегда прав». Позже, по распоряжению Сталина, Постышеву привезли новую жену – красивую казачку. Свадьбу справили на сталинской даче. А первую жену замучили в лагере. Сам Поскребышев благополучно пережил не только Сталина, но и послесталинскую чистку. Он умер в 1965 году и с почетом похоронен на элитарном Новодевичьем кладбище. Говорят, лежа в Кремлевской больнице, он писал мемуары. Уцелел и сподвижник Косарева Золотухин. Он стал генералом, заведующим административным отделом ЦК и при Хрущеве занимался реабилитацией вышедших из лагерей.

Структура СПО нуждалась в миллионах морозовых. Именно ее каналами шли документы следствия по делу об убийстве Морозова.

Было бы ошибкой, однако, усматривать в доносительстве одну злую волю Сталина и его аппарата. Кризис, развязанный в сельском хозяйстве, и голод привели к недовольству в партии, и ее среднее звено искало выход. Налицо были страх партии перед возмущением народа и страх вождя перед партией. К трудностям внутренним в 1932 году добавилась неустойчивость внешней политики. Шаткость положения толкала Сталина к репрессиям. Известно, что в этот критический год Сталин отсутствовал на заседаниях Политбюро с весны до осени. Вождь сам заявил: «Еще никогда мы не оказывались так загнаны в угол, как теперь».⁴ Сталину нужна была информация, чтобы удержаться. Доносительство стало для него практическим инструментом ослабления позиций оппонентов и средством укрепления личной власти.

Создавался усовершенствованный механизм политического надзора и контроля над умами людей, целью которого было помогать крепко держать вожжи. Для подчиненных донос стал средством проверки преданности, наиболее верным путем сделать карьеру, заслужить благосклонность вождя.

Донос подавался как новое качество новых людей: их открытость, честность, критика, способствующая улучшению жизни, необходимое средство для достижения великой цели, в которую многие из доносчиков всех возрастов верили искренне. Часть народа шла навстречу предложению, находила сладость в доносе, участвовала в кампании не просто послушно, но и с энтузиазмом. Черное вылезало из души и окрашивалось в красный цвет.

Часто думают, что советских героев открывали и популяризировали по сталинской любимой поговорке «Взят из грязи да посажен в князи» или, как пелось в популярном советском шлягере 30-х годов: «У нас героем становится любой». На деле герои отыскивались нелегко.

Отобранный в лидеры человек должен был подходить по многим показателям. На своем этаже такой человек становился единственным кумиром. Культы нужны были культтики. Это не новая мысль: помнится, в 60-х годах в Москве ходила по рукам работа о том, как в разных областях утверждались микро-сталины: в науке, культуре, юстиции, даже в области питания. Такими культиками были: Горький – в литературе, клоун Карандаш – в цирке, антигенетик Лысенко – в науке, нарком Микоян – в колбасном деле (мясокомбинат имени Микояна) и т.д. Не было своего культа лишь у детей. Морозов стал таким культиком. Подсчет показывает, что в 1932–1934 гг. имя Морозова встречается в «Пионерской правде» чаще, чем имя Сталина.

Однако, возвеличивая Морозова, авторы, разумеется, восхваляли Сталина, соединяя оба имени кратчайшей прямой. В поэме «Павлик Морозов» Степана Щипачева отобранный у родных и соседей хлеб герой везет с красным знаменем в руках и с мыслью о вожде: «Сталин за это, чего же бояться мне! А тронуть меня попробуют, им не сойдет это так...»⁵ Предавая отца, Павлик, по замыслу поэта, понимает, что отец у него теперь будет другой:

Отец – дорогое слово!
В нем нежность, в нем и суровость.
Сталину, совершая
Всей жизни своей поворот,
Любовь свою выражает
Этим словом народ.

Если есть новый отец, Сталин, зачем Павлику, с точки зрения Щипачева, старый отец, который его наказывал? И мальчик выбирает из двух отцов того, который ведет в светлое будущее, а не в хлев – вывозить навоз. Старого же отца следует «пустить в расход», как тогда говорили, не сомневаясь, ведь Сталин освобождает человека от предрассудков и всю моральную ответственность берет на себя. Павел –

Стоит, как под знаменем, прямо,
Не скрыв от суда ничего.
С простенка, из тоненькой рамы,
Сталин глядит на него.

Морозов и уполномоченный ОГПУ мыслят в унисон. У уполномоченного своя программа вырасти: ему надо сообщить о доносе Павла в Москву.

Тоненький медный провод
Бежит до Москвы, до Кремля.

И низовой работник мечтает, что в случае удачного доноса его жизнь переменится:

И, может, из мест лесистых
Дойдет до трибуны в Кремле,
Товарища Сталина, может,
Увидит...

Отца заменили на вождя, а вождь уже подготовил замену и для матери. «...Будьте достойными сыновьями и дочерьми нашей матери – Всесоюзной коммунистической партии», –

писал Сталин.⁶ Он призывал подымать ярость миллионных масс. В стране по его инициативе активизируется деятельность государственного учреждения для сбора доносов: Бюро жалоб – своеобразного общесоюзного уха. Фактически сведениями, поступившими в Бюро жалоб, пользовались прокуратура и ОГПУ.

В биографической хронике Собрания сочинений Сталина говорится, что законы в это время гениальный вождь сочинял сам.⁷ По ним местные власти начали осуществлять уничтожение кулачества. В разгаре этой кампании был поднят на щит Павлик Морозов.

Многие биографы Сталина отмечали его способность приписывать врагам собственные криминальные намерения и рассчитывать политические интриги на ряд ходов вперед. В НКВД работал особый центр, фабриковавший дела типа дела Павлика Морозова. Начиная коллективизацию, вождь уже замышлял последующие массовые акции, для которых система массового доносительства была необходима. Там, в кабинетах, загодя моделировали детали показательных процессов над оппонентами, которые якобы хотели убить Сталина. Герой-доносчик в этой программе выполнял поистине историческую миссию.

Через год после Первого съезда советских писателей Горький писал в отдел культуры и пропаганды ленинизма ЦК партии Алексею Стецкому и Александру Щербакову (последнего Сталин назначил секретарем в Союз писателей): «Обращаю внимание Ваше на тот факт, что до сей поры еще ничего не сделано по вопросу о памятнике Морозову».⁸ Одновременно Горький ратовал за памятник Пушкину в Ленинграде, но с меньшей настойчивостью. В речи на совещании писателей, композиторов, художников и кинорежиссеров Горький опять напоминал, что в книгах недостаточно пионеров, которые разоблачают врагов партии. Присутствовавший в президиуме Щербаков вставлял реплики, свидетельствуя, что тема одобрена наверху. Щербаков был «умерщвлен путем вредительского лечения», как сообщила «Правда».⁹ Эта формула применялась, когда жертва была отравлена по личному указанию Сталина.

В январе 1934 года председатель Центрального бюро юных пионеров Золотухин заявил в «Пионерской правде», что вопрос о постройке памятника в Москве разрешен.¹⁰ Он не сказал, кем разрешен, но пояснил, что деньги надо не просить у пар-

тии и правительства, а собирать. Не знала, кем разрешен вопрос, и Крупская, относясь к памятнику без энтузиазма. В письме редактору газеты «Колхозные ребята» Крупская писала: «Уважаемый товарищ, возвращаю альбом деткоровских проектов памятника Павлику Морозову. Вся кампания, которая проводилась в связи с убийством Павлика, имела очень большое значение, обостряя вопрос о необходимости повышать политическую активность ребят. Но по части памятников я не спец, больше придаю значения живым памятникам».¹¹ Редактор газеты «Колхозные ребята» Татьяна Наумова была одним из энергичных исполнителей кампании, связанной с детскими доносами, в том числе с помпезной выставкой проектов памятника герою 001. Наумову арестовали по доносу, она погибла в лагерях.¹²

В 1936 году вышла книга поэта Валентина Боровина, в предисловии к которой сообщалось, что имя Морозова «носят тысячи отрядов, звеньев, клубов и домов колхозных ребят недаром, и недаром ему при входе на Красную площадь в Москве воздвигается памятник».¹³ Монумент еще не сооружался, но бумажки по канцеляриям ползли.

Тот факт, что памятник мальчику было разрешено поставить у Кремлевской стены, устраняет сомнения в решении этого вопроса лично Сталиным, ибо даже крупнейших деятелей партии и государства замуровывали в стене без памятников. Таким образом, завершилось бы идеальное архитектурное триединство центра страны: мавзолеей основателю, монумент доносчику и лобное место, где по доносам в средние века рубили головы диссидентам.

Книга о Морозове корреспондента «Пионерской правды» Смирнова, вышедшая в 1938 году, заканчивалась так: «Помнит о нем и тот, кто неустанно заботится о счастье народов, — любимый вождь и отец всех ребят товарищ Сталин. (Итак, он один заменил всех отцов страны. — Ю.Д.) Год тому назад товарищ Сталин предложил Московскому совету поставить у Красной площади памятник Павлику Морозову. Лучшие скульпторы, художники, а также сотни пионеров думали над проектом памятника. Теперь проект утвержден. Скоро у Александровского сада, при входе на Красную площадь, будет поставлен памятник. В дни революционных праздников мимо па-

мятника будут проходить тысячи радостных и веселых детей – пионеров и школьников. Они отдадут салют Павлику Морозову и будут петь песни о счастливой жизни, которую создали нам родная большевистская партия и наш дорогой вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин».¹⁴

Такие слова не могли быть опубликованы без согласований. Цензура зорко следила за каждым упоминанием в печати имени Сталина. Однако неясности остаются. Памятник поставили спустя еще десять лет, и не у Красной площади. До самого последнего момента было неясно, где он окажется. Говорят, у Сталина просто боялись спросить.

Комсомольский работник и журналист Гусев в книге «Юные пионеры» писал, что открытие памятника состоится недалеко от городского Дома пионеров, у Кировских, бывших Мясницких, ворот.¹⁵ А появился монумент в неухоженном сквере одного из самых грязных и бедных районов Москвы, не отстроенном до конца и теперь, на Красной Пресне, появился там, где Нововаганьковский переулок, неподалеку от старого кладбища, еще в 30-е году переименовали в переулок Павлика Морозова.

Почему бронзовый герой был установлен с таким опозданием? В связи с чем Сталин передумал и отправил Морозова с Красной площади на задворки?

Установка монумента затянулась сначала как будто бы по финансовым, затем по художественным причинам и, наконец, в связи с войной. Но более существенно то, что изменилась позиция самого Сталина, иначе он мог бы попросить автора проекта скульптора Иосифа Рабиновича поработать сверхурочно. Не исключено, что дряхлеющий вождь уже готовил место рядом с Лениным для себя. Но имелась и более веская причина.

Ритуал открытия памятника усугубляет подозрения, что отношение Сталина к Морозову изменилось. На открытии присутствовали лица второстепенные. Рассказывая об открытии монумента в декабре 1948 года, газета «Вечерняя Москва» даже не упомянула великого вождя всех народов и заявила: «Мечта Горького осуществлена».¹⁶ Собравшиеся на митинг послали в конце приветствие Сталину. Но то была рутинная. По Москве поползла шутка, что в ней теперь два монумента первым лю-

дям: первопечатнику и первоносчику. Первопечатником в России считается Иван Федоров (XVI век).

Группа писателей в связи с открытием памятника выразила верноподданнические чувства, призвав в «Пионерской правде» всех детей страны продолжать делать то, что делал Морозов. Коллективное обращение подписали самые известные писатели, драматурги, поэты того времени: Александр Фадеев, Леонид Леонов, Самуил Маршак, Всеволод Иванов, Валентин Катаев, Всеволод Вишневский, Сергей Михалков, Лев Кассиль, Анатолий Софронов, Михаил Пришвин, Агния Барто, Сергей Григорьев, Борис Емельянов, Лазарь Лагин. Авторы обращения недвусмысленно говорили, что те дети, которые будут следовать путем Павлика Морозова, станут героями, учеными и маршалами.¹⁷

За письмом, как ни странно, не последовали обычные отклики прессы. Многие газеты вообще не упомянули о монументе. Такое в Советском Союзе случайно не случается. Мы видели памятник вскоре после его открытия. На цоколе был текст: «Павлику Морозову от московских писателей». Потом эту дарственную надпись соскоблили. Старая волна доносительства 30-х годов прошла, а новая волна 40-х – начала 50-х, связанная с антисемитизмом и делом врачей, вынесла новую, образованную, героиню-осведомительницу – врача Лидию Тимашук, доносчицу на своих коллег, имя которой, как писала в «Правде» журналистка Ольга Чечеткина, «стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой, мужественной борьбы с врагами нашей Родины». За две недели до смерти Сталина газета назвала Тимашук «дочкой нашей Родины», и ее наградили орденом Ленина за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения так называемых «врачей-убийц».¹⁸

Оглядывая волны доносительства с исторического расстояния, заметим, что первая волна, разгоревшись в 1932-м, в 1938-м пошла на убыль. Вторая волна (1948-53) оказалась не столь массовой, и наиболее известные доносчики этих лет были в основном люди взрослые.

Ситуация изменилась, но про нашего героя Сталин не забыл. Через четыре года после установки памятника Павлику Морозову в Москве вождь разрешил построить монумент в

Зауралье, на родине доносчика. В найденном нами в архиве Соломеина письме заведующий Тавдинским районным отделом культуры Г.Фомин сообщал: «Состоялось постановление Совета Министров СССР, подписанное лично тов. Сталиным И.В., о предоставлении льгот колхозу. Выделено на 1953 год 220 тысяч рублей на строительство сельского клуба им. П.Морозова и 80 тысяч рублей на строительство памятника П.Морозову...»¹⁹ Как видим, собрать деньги на добровольных началах так и не удалось.

Монументы Морозову возводились, но доносительство в стране временно перестало восхваляться. Что вынудило Сталина прекратить кампанию? Доносительство стало неуправляемым. Эпидемия эта просто мешала нормальной деятельности охранительных организаций. Возможно, были приняты в расчет и соображения ставших взрослыми павликов – партийных чиновников третьего поколения. Они уже занимали посты и не хотели, чтобы на них доносило четвертое. Кампания массовых доносов в какой-то степени затронула семью самого Сталина. Вторая жена его Надежда Аллилуева покончила с собой как раз в разгар кампании, призывающей расстрелять родственников Морозова. Существуют предположения, что самоубийство произошло от ужаса женщины перед кровавым террором, развязанным ее мужем. Когда Сталину донесли на сына Якова, что он что-то не то сказал, Сталин, чтобы наказать Якова, посадил его жену. Другой сын, генерал Василий Сталин, донес на своего начальника, маршала авиации Новикова, за что тот был предан суду, а оправдан лишь после смерти Сталина.²⁰

Но, конечно, главная причина отказа от детей-доносчиков – сокращение репрессий, начиная с 1938 года. Приближающаяся война требовала выдвинуть на первое место тип героя, готового пролить кровь в боях за Сталина на фронте, а не в драке с родственниками. Старый герой отошел на второй план.

Как же все-таки сам Сталин относился к Павлику Морозову?

Выдвижение и уничтожение людей было для генсека будничной и обязательной работой. Обязательной потому, что без нее он не удержался бы долго у власти и сам. Досье на тысячи морозовых готовили аппараты всех учреждений, и прежде всего ЦК партии, ОГПУ, комсомол и их местные органы. Вождю

подавались предложения, наиболее выгодные в данный момент не только для него самого, но и для руководителей данного ведомства. Видимо, так был создан и утвержден Морозов – доносчик 001.

Судя по отношению Сталина к другим людям, безраздельно ему преданным, которых он отправил на смерть, этот мизантроп презирал всех без исключения, а приближал и выдвигал тех, в ком в данный период нуждался. Так вождю понадобился и Морозов. Известно, что Сталин легко переводил людей из категории живых в мертвецов. В данном случае был совершен перевод полезного вождю человека из мертвых в живые. Приходится признать, что Сталину и его мафии удалось создать армию подражателей Морозову. Миф стал реальностью советской жизни.

Глава тринадцатая

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ГЕРАСИМОВКУ

После двух судебных процессов, расстрела и последующих арестов из большой семьи Морозовых осталась в деревне мать Павлика с младшим сыном Романом. Двое ее детей были убиты, четвертого, Алексея, она сама сдала в детский дом. В газетах Татьяна Морозова значилась матерью героя – привилегированная должность в советской стране. Как бы ни оценивали мы поступки Павлика, для матери он остался сыном. А она потеряла тогда двоих. И мертвых она любила их до конца своих дней. Это свято.

О том, что происходило тогда в Герасимовке, мать Павлика помнила хорошо и охотно нам рассказывала. Всенародная любовь к герою, о которой писали газеты, в рассказе этом выглядела не столь рекламно: «Врагов у Павлика было много. Могилу его затапывали, звезду ломали, полдеревни ходило туда испражняться».

Смерть ее сыновей была только началом. На Голгофу матери еще предстояло взойти. Через месяц после похорон, по случаю 15-летия Октябрьской революции, власти организовали в деревне большевистские поминки по убиенным детям. Манifestация протекала жизнерадостно, в соответствии с особой ролью убитых детей. Миф, созданный наверху, пришел в деревню и начал вытеснять реальность.

«Оживилась изба-читальня от веселого гомона и песен ребят, – бодро писал журналист Соломеин в «Пионерской правде», назвав статью «На свежей могиле». – Вместе с двумя женщинами в сельсовет вошла Татьяна Морозова, худая, постаревшая от переживаний мать Павлика». На столе венок. Ребята поют, веселятся, с гоготом идут гулять на кладбище. Там, возле могилы, заранее сколочена трибуна. С нее приезжие представители произносят речи о подвиге пионера Морозова и кулаках-убийцах. «Небольшой курьез, – читаем далее, – результат культурной отсталости и неграмотности матери Павлика – Татьяны Морозовой. Тела Павлика и Феди Морозовых, конечно, хоронили без попа. На могиле – красная звезда и траурное знамя с надписью: «Братская могила братьев Морозовых». А напротив... стоит крест... Татьяна Морозова понимает, что кулак – «злой человек», но вера в бога, подкрепленная советами набожных соседа, крепко засела в сознании обезумевшей от горя матери». Газета требовала: «Не плакать, а еще больше сплотиться вокруг партии».¹

Морозову переселили в большой дом, хозяев которого перед этим арестовали. Она получила часть кулацкого имущества, но в Герасимовке ее ненавидели, оскорбляли. Крестьяне возлагали на Татьяну вину за воспитание ребенка, который причинял столько горя деревне. Привилегии, ей созданные, еще больше озлобили людей. Из деревни ей пришлось переехать в районный центр. «Меня НКВД взял на казарменное обеспечение, – вспоминала Морозова. – Дали комнату, кровать, две подушки, продукты. Я как мать героя не работала».

Неприязнь к матери Павлика Морозова сохранилась в Герасимовке и через полвека, мы ее почувствовали, но выражается она сдержанной.

Учительница Кабина вспоминает: «Татьяне дали квартиру на улице Сталина, освободившуюся после высылки врагов народа. Мебель, тюлевые занавески, белье, одежда – все это было чужое, а стало ее. Ей такое и во сне не снилось. Люди везде голодали, а ей выдавали в ОГПУ хорошие продукты, сладости. Сына ее, Алексея, отправляли каждое лето в пионерский лагерь Артек». Об этом писали и газеты: правительство позаботилось о матери героя, ей назначили пожизненную персональную пенсию, и врачи предложили переехать жить на

курорт в Крым. Говорили, что Сталин лично распорядился позаботиться о ней. Но она умела и сама требовать. Входила и заявляла: «Я – мать героя-пионера...» И отказать боялись.

В Крыму еще существовала татарская автономия, но уже выселяли греков и немцев. Воронцовский дворец в Алупке стал правительственной дачей. В округе шла чистка кварталов, и освобожденные дома заселяли доверенными людьми. Здесь, на южном берегу, Морозова проживала до конца дней.

Третий ее сын, Роман, был в конце войны ранен, умер дома у нее на глазах, и она осталась одна. Судьба не была к ней милосерднее, чем к другим, скорее, наоборот: ведь единственный оставшийся в живых Алексей, который с нею вместе показывал на суде на дедушку и бабушку, требуя их расстрелять, этот ее сын тогда сидел в тюрьме. Вот что писал о родном брате Павлика заведующий отделом культуры райисполкома Фомин писателю Соломеину в уже цитированном письме: «Алексей Морозов сидел с 1941 по 1951 год. Осенью 1951 года освобожден. Работает в городе Нижний Тагил на заводе. Сидел за измену Родине (не выполнил задания командования)». «Алексей был приговорен военным трибуналом к расстрелу, – вспоминает крестьянка Беркина, – но мать за него хлопотала, и как брату героя расстрел ему заменили на десять лет».

Причины ареста Алексея Морозова неясны. Он окончил летное училище. В его воинской части были свои павлики морозовы, могли донести и на невиновного. Крестьянка из Герасимовки, тетка Алексея, Беркина, к которой он приезжал с женой и сыном после освобождения, рассказала, что ее племянник напился перед боевым вылетом. Ей он сказал, что его тогда подпоили и что с тех пор он не пьет. Родственник же его Байдаков, отсидевший по той же 58-й статье, рассказывал нам, что повстречался с Алексеем в тюрьме. В летной части Алексея не любили за то, что он требовал особого положения как брат пионера-героя. Товарищи по части напоили его, а когда он заснул, положили ему за голенище сапога как криминальный материал фотопленку с изображением линии фронта. После этого вызвали представителя СМЕРШа – военной секретной полиции.

Тот факт, что брат пионера-героя отсидел десять лет за шпионаж, тщательно скрывался советской печатью. В наши дни Алексей – молчаливый трудолюбивый человек. Вспомни-

нать о старом не хочет. Два года отработал грузчиком на вредном химическом производстве, чтобы получить пенсию побольше.

Сын Алексея назван в честь убитого дяди-героя Павликом – пятое поколение известных нам Морозовых. Он отслужил в армии, где потерял зубы, находясь во вредной зоне, и стал работать слесарем на заводе. Павлик Морозов-младший женился, о чем сообщалось в печати, и вскоре развелся, о чем печать умолчала. «Так теперь молодые живут», – сказала нам Татьяна Морозова, осуждая мораль нового поколения. А Павлик – жизнерадостный молодой человек, живет в свое удовольствие, любит выпить с приятелями, учиться не хочет, из кинофильмов предпочитает иностранные и, в отличие от своего знаменитого дяди, не собирается доносить на родителей и соседей.

Седая старушка в цветастом халате и пестром платке встретила нас в комнате, похожей на запасник провинциального музея. На стенах, на шкафу, на столе и на комодe – портреты и бюсты разных размеров ее знаменитого сына-героя. Тут же бюсты Ленина и писателя Антона Чехова, который жил неподалеку в Ялте. А между портретами Павлика – иконы.

Жили оставшиеся Морозовы в уютном доме на горе, омываемой Черным морем. Вокруг, за высокими заборами, стояли санатории и роскошные виллы для советской партийной элиты. Наследники Морозовых вернулись к тому, с чем сверстники Павлика боролись полвека назад – к скромному предпринимательству. Летом они сдают отдыхающим свой домик и сарайчики вокруг. Это приносит неплохой доход.

В пору послесталинских разоблачений в «Курортной газете» Крыма появилась статья. «Бабушка Морозиха», говорилось в ней, скупает по дешевке фрукты и продает на рынке втридорога, спекулирует. Газета призывала «сделать выводы».² Но власти дело это замяли.

«Никто ко мне не едет, – жаловалась Татьяна Морозова в наш последний приезд, – никому я теперь не нужна. Письма приходили раньше по пять, а то и по восемь в день. А сейчас мало писем. Пишут дети глупости: «Дорогая Таня, в каком ты классе? Давай с тобой переписываться». А мне-то скоро девяносто!»

До последних дней (она умерла в 1983 году) мать пионера 001 сидела в президиумах идеологических мероприятий – живой образец преданности делу коммунизма. На нее под аплодисменты надевали пионерский галстук. Единственная трудность наступала, когда надо было выйти на трибуну. «Будьте такими, как мой Павлик!» – произносила неграмотная женщина и умолкала, не умея прочесть текст, который ей заготовили и сунули в руку комсомольские лидеры. Периодически мать героя, соучеников и родственников Павлика власти приглашали на различные торжества в Герасимовку, куда для массовости собирали население всей округи.

Колхоз носит имя Павлика Морозова по сей день. На его примере можно видеть достижения коллективизации. После убийства Морозова в колхоз записались пятеро. Через два года колхоз организовался еще раз, и в него вошли семнадцать крестьян. К 1937 году в колхоз вступил еще один человек. А в 1941 году стало 50 членов колхоза. Между тем на длинной герасимовской улице было 104 двора. Выходит, что к тому времени, когда советская власть торжественно праздновала четверть века своего существования, половина Герасимовки осталась единоличной.

«Кулаков у нас вообще не было, – говорила нам крестьянка Вера Беркина. – Но стало много активистов, которые хотели не работать, а жить за чужой счет. Они, бывало, выселят кого-нибудь из деревни по доносу, а потом сами разоряют его дом. Гуляют, все выпьют, съедят и расходятся по своим избам, опять становятся активистами. Выслали бы из деревни и больше, да у нас самый бедный имел корову, а самый богатый – две коровы. На всю Герасимовку было девять самоваров, а дети и скотина зимой находились в избе вместе и ели из одного корыта».

Разорение 30-х годов усугубилось почти полным отсутствием мужчин в войну и после нее. Заведующий районным отделом культуры Фомин в письме сообщал Соломеину: «Колхоз экономически слаб, трудоспособных колхозников мало. Урожай получает низкие. Продуктивность общественного животноводства также низкая, посеы колхоза в течение нескольких послевоенных лет подвергались вымоканию. Это обстоятельство и подорвало экономику колхоза». Нет, не это

обстоятельство подорвало экономику, и не только колхоза, но всей России.

Разоблачая кулаков, якобы разоряющих деревню, журналист Смирнов писал в «Пионерской правде» какой была Сибирь до революции: «А рынок был большой, богатый. Отсюда шла за границу первосортная пшеница, лучшие сорта масла, сыров, меха, кожи».³ В год смерти Сталина уровень сельского хозяйства в стране был ниже дореволюционного. С тех пор как завершилась борьба с кулачеством, мяса и масла в Сибири и на Урале не хватало. Все это стало по талонам. Молоко давали только детям, очередь нужно было занимать с пяти утра. Пшеница, как известно, идет из-за границы.

Эксплуатация колхозников в Герасимовке такая, которая и не снилась помещикам в царской России. За барщину в колхозе крестьянин получает право на участок, где может вырастить что-то на пропитание себе. Тут он работает второй рабочий день. По официальной статистике еще пять часов к девяти основным. А живет впроголодь. В поезде мы разговорились с детским врачом из местной поликлиники. Хроническое недоедание, рассказывала она, приводит к тому, что подростки здесь ростом ниже городских сверстников, а смертность их от психических расстройств в три раза выше, чем подростков в городе. Много рождается больных и умственно неполноценных.

Когда Герасимовка стала местом организованного политического паломничества, Сталин лично, как мы уже знаем, отпускал сюда деньги. Приближенные к герою люди и колхоз имени Павлика Морозова, так сказать, стригли купоны со славы героя. Его бывшая учительница с гордостью рассказывала нам, что ей раз в месяц дают лишний талон на двести граммов масла. В деревню проложили асфальтированную дорогу и провели электричество. На многих домах солому сменил шифер, встали телевизионные антенны. Напротив новой могилы доносчика 001 построили кирпичную семилетнюю школу. Каменный Павлик видит на ней выцветший лозунг, зовущий строить коммунизм, светлое будущее человечества. Заборы всем в деревне велено побелить. И стоят они, все одинаковые, в подтеках от дождя. Вдоль заборов в автобусах провозят туристов в музей Павлика Морозова. До сих пор партийные чиновники командуют в Герасимовке, заставляя колхозников работать,

правда, теперь уполномоченные ездят не верхом, а в служебных легковых машинах. Но хотя все церкви сожжены и разрушены до фундаментов, в домах по-прежнему иконы, а не портреты вождей или Павлика Морозова.

Стоит Герасимовка между лагерей принудительного труда, раскинутых по всему обширному пространству Урала и Сибири. Едешь поездом из Свердловска в Тавду – и часами тянутся колючие заграждения в несколько рядов, вышки. Днем и ночью слышится лай собак. В поселках – автобусы с железными решетками на окнах, без сидений, забитые изможденными зеками, обритыми наголо. А у задних дверей откормленные овчарки, которых держат молоденькие солдаты внутренних войск. Куда ни глянь – военные, милиция, специфические личности в штатском, с подозрением оглядывающие каждого. Страшная, бесчеловечная земля, заселенная, однако, людьми.

По-разному сложились судьбы современников Павлика Морозова. Его одноклассник Яков Юдов, который, как писали газеты, впереди всех с гордо поднятой головой нес пионерское красное знамя, исчез, скрывался от семьи, от уплаты алиментов, стал пьяницей и был убит в драке. Одноклассница Павлика Матрена Королькова работала в спецдетприемнике – доме для детей, оставшихся после арестов родителей. Мы нашли ее в Харькове. Она служила в охране, в милиции, на письма пионеров отвечать не хотела, говорила, что ей это надоело.

В больнице удалось нам разыскать учительницу Зою Кабину. Писатель Губарев не встречался с ней, но уверенно писал в журнале «Молодой коммунист»: «Без преувеличения можно сказать, что это она воспитала Павлика героем».⁴ Теперь мы знаем иное. Разойдясь с осведомителем Иваном Потупчиком, Кабина вышла замуж за спецпереселенца, сына кулака, и за брак с классовым врагом была исключена из комсомола. Говорят, Кабина швырнула в лицо уполномоченному комсомольский билет. Учительнице пришлось работать в магазине продавцом. Когда мы с ней встретились и беседовали, она была на пенсии, благополучно жила в Санкт-Петербурге, воспитывала внуков. О прошлом она говорила осторожно, без восторга и без осуждения.

Дожили на почетных пенсиях до середины 80-х годов помощник уполномоченного ОГПУ Спиридон Карташов и освещенный

домитель, каратель и кадровик Иван Потупчик. Мы успели заставить обоих в живых.

О людях, попавших в орбиту героя, написано немало, и в уста им вложено то, что нужно было органам власти. «Многие из героев, – возмущался Соломеин своими коллегами в неопубликованной статье, найденной нами в его личном архиве, – и сейчас живут. Читают они книги и морщатся от этой лжи, которая написана о них». Впрочем, многие не морщатся, а наоборот, довольны.

Места умирающих современников прославленного героя-пионера занимают другие люди, греющиеся у его славы. Они называют себя его учителями, хотя появились в герасимовской школе после его смерти, другие уверяют, что сидели с Павликом на одной парте. Мы посчитали по воспоминаниям, и оказалось, что на двухместной парте с героем сидело около двадцати человек.

Герасимовка оставляет противоречивое впечатление. Вековая дикость и приметы нового фантасмагорически смешались. Природа тут с остатками былой красоты. Сказочные озера и порожистые реки отравлены химией. Царственные леса – одни вырубаются, другие горят на тысячи верст. Топи, тучи комаров, заснешь – съедят живьем. Накануне нашего приезда медведь задрал в лесу корову. Не так давно крестьянин пошел ловить рыбу на озеро, заблудился, бродил по болотам тринадцать дней, еле выполз к человеческому жилью. А по лесам ходят батальоны солдат с рациями и автоматами, разыскивая и расстреливая беглых заключенных.

В деревне школьники, одетые в джинсы, дома крутят магнитофонные пленки с музыкой рок и смеются над героем-доносчиком, а на уроках с выражением читают посвященные ему стихи. Местные газеты рассказывают, что счастливая жизнь, за которую боролся Павлик Морозов, наступила, а в автобусе, в котором мы возвращались из Герасимовки в районный центр, из-за освободившегося места подрались двое парней, лилась кровь. На остановке жены их били друг друга, грязно матерились, в бешенстве угрожали отомстить всей семье.

О жизни односельчан Павлика Морозова рассказала нам старая крестьянка Елена Сакова, первая из тех, кто когда-то осваивал эти места: «Самое страшное у нас в деревне – пьян-

ство: все теперь пьют, вся Герасимовка. И детей спаивают. Если водки и самогона нет, пьют одеколон и жидкость от клопов. У моей соседки, тетки Павлика Морозова, недавно сгорел в машине сын: пьяный на грузовике столкнулся с автобусом. Жертв было!.. Жена его сейчас заведует музеем. Деньги получает за героизм Павлика. Она у нас специально обучена, как правильно про этот героизм рассказывать надо. А у меня ты, сынок, коробочку на столе больше не нажимай и тетрабочку убери, ничего не записывай. За это знаешь что бывает?»

И старая крестьянка положила на столе по два пальца обеих рук крест-накрест. Только после смерти Саковой решились мы ее слова опубликовать.

Глава четырнадцатая

ДОНОСИТЬ ИЛИ НЕ ДОНОСИТЬ?

Как же «надо» рассказывать про Павлика Морозова? Иными словами, остается ли герой-доносчик государственным эталонным поведением гражданина, как это было в 30-е годы? Журнал «Огонек» при Сталине писал, что Морозов являет собой «историю родной страны в сталинскую эпоху».¹ Кончилась ли она, эта эпоха?

Произвол Сталина официально был осужден, как и массовые репрессии. Советская историческая энциклопедия, например, толкует роль активистов вроде Морозова в коллективизации не иначе как отрицательную.² В 60-е годы сделаны были попытки (не увенчавшиеся, правда, успехом) общественно осудить доносчиков 30-х годов. И тем не менее через три года после смерти Сталина произошло нечто, казалось бы, нелогичное: имя Павлика Морозова «навечно» вписывается в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации под номером 001.

Памятники Сталину сняты, а памятники герою-доносчику остались. Одинаковые памятники – пионер с красным знаменем – воздвигнуты во многих городах, унылый оброк социалистического реализма. В поздних советских исторических исследованиях период коллективизации переписывается заново. В этих сочинениях вообще не упоминается основная задача партии – уничтожение кулачества. Иногда витиевато пи-

шется о воспитании крестьян. Есть работы, где вообще нет слова «кулак».³ А как с доносите́льством?

Обратимся к книге Томаша Ржезача «Спираль измены Солженицына», выпущенной советским издательством «Прогресс» в 1978 году, эпиграфом к которой взяты слова Плутарха: «Предатели предадут прежде всего самих себя».

Ржезач считает, что доносите́льство есть следствие трусости. Писатель, которого книга клеймит позором, по мнению автора, доносил с детства. Он «доносил и доносил об антисоветской деятельности... на свою жену... на друзей... на случайного попутчика... на людей близких и далеких». Когда во время войны писателя посадили, ему, по Ржезачу, сбавили срок за доносы, за то, что он стал тайным информатором лагерной администрации. Согласно этой книге, советские органы безопасности использовали этого заключенного «лишь на самой низкой ступеньке – в роли лагерного стукача», которого ждала после этого «нравственная смерть».

Цель книги Ржезача – попытка скомпрометировать всемирно известного писателя. Прозрачен автор – сквозь него виден заказчик данной работы. В то же время книга недвусмысленно толкует образ советского гражданина, сотрудничающего с тайной полицией, как подонка. Советские власти не смогли найти другого способа замарать человека, кроме как распространить массовым тиражом слух о том, что он был стукачом. В портрет доносчика, по этой книге, входят глубокая непорядочность, изворотливость, лживая и грязная душа. У доносчика элементарная психология, характерная для преступника.⁴

Такова напоказ обновленная официальная советская оценка деятельности павликов морозовых, суть которой – аморальность политического доноса в принципе, и мы готовы разделить эту точку зрения.

В отдельные годы пропаганда подвигов Павлика Морозова велась вяло, затихала или даже не одобрялась. Похоже, что властям было не ясно, что с этим мальчиком делать, как его отретушировать. Во втором издании Большой советской энциклопедии написано, что Павлик «разоблачил своего отца»; в третьем – что пионеры «разоблачали вражеские действия кулаков». В третьем издании Малой советской энциклопедии у же

не сообщается не только о том, что Павел донес на отца, но и вообще, что он кого-либо разоблачал. Оказывается, он «вместе с крестьянами-бедняками участвовал в изъятии хлеба в период коллективизации». В предисловии к первому изданию «Детской энциклопедии» (1962 г.) Никита Хрущев положительно оценивал Павлика Морозова, назвав его «бессмертным ровесником». Во втором издании Морозова отодвинули и первым назвали малоизвестного героя – деткора пионерской газеты Никину Семина. В третьем издании туманно говорится, что Павлик и другие такие дети «совершили трудовой и гражданский подвиг».

Оболочка мифа оставалась, а суть подменяли: Морозов просто был героем и за это убит. Он многозначительно называется «трагическим героем». Заслуги его выражены в неопределенно-расплывчатых формулировках: «благородный нравственный облик», «пример беззаветного служения народу».⁵ Писатель Губарев в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Молодой коммунист», вообще пересмотрел суть дела. Уже не Морозов предал отца, а наоборот – отец сына: «тяжело до слез переживал мальчик предательство отца».⁶ В последних изданиях по истории Морозов вообще не упоминается.

Но – официально пионерская организация еще недавно называлась в печати «гвардией Морозова».⁷ Морозов канонизирован. Заскорузлая машина пропаганды крутила одну и ту же пластинку. День его убийства был включен в систему государственных юбилеев. В его честь давались священные клятвы, пионеры в торжественной обстановке брали горсть земли с его могилы, организовывались спортивные игры на приз его имени, уроки мужества с барабанным боем и состязания за право зажечь костер в день смерти героя. Имя Морозова присвоено множеству улиц, школ, библиотек, лагерей, парков, пионерских дружин, колхозов, домов культуры и домов пионеров и даже лесничеству (видимо, потому, что Павлик и Федя Морозовы были зарезаны в лесу). Специальное постановление обязывало создать Национальный парк с мемориалом в деревне Герасимовке.

А в жизни? Все население внутренне отрицает героя-доносчика по чисто практическим соображениям. Воспитывая доносительство, власти достигли обратного результата. Неуваже-

ние государства к личности и личной собственности не могло не воспитать ответную реакцию неуважения личности к государству и его собственности. Когда все дети знают, откуда матери потихоньку приносят колбасу, а отцы – гвозди и доски, в семьях все труднее отыскать павликов. Нужны ли дети-предатели руководителям страны?

Идеология требует верности идеалам отцов, а верность порвана именно доносчиками. Дети ответственных работников всех рангов рвутся на службу в то учреждение, с которым сотрудничал Морозов, не для того, чтобы работать мелкими сексотами, а чтобы больше получать и ездить за границу. Когда требуется доносить, они, разумеется, доносят, но при этом оберегая свою семью. Двойная мораль становится тройной: для себя, для родных и друзей, для чужих. А может, и многослойной, в зависимости от уровня культуры, внутренних табу и обстоятельств.

Формула всеобщего доносительства в новых условиях также не годна: доносить должны те, кому положено, и на тех, на кого сейчас необходимо. Само слово «доносить» звучит для русского уха неприятно, поэтому с шестидесятых годов газеты стали призывать трудящихся «сигнализировать». Система вербовки стала секретной, героев держат на учете без рекламы, но за реальные вознаграждения. Аппарат слежки вырос в несколько раз и усовершенствован с использованием западной компьютерной техники. К тому же технический прогресс сделал донос дистанционным и, кстати, менее обременительным для совести осведомителя.

В глазах все большего числа граждан старомодный стукач энтузиаст превращается в антигероя. В компании про незнакомого человека осторожно спрашивают, не Павлик ли он Морозов. Трудно найти среди уважаемых авторов того, кто взялся бы теперь восхвалять подвиги доносчика 001.

Так, может быть, проститься с мифом, реабилитировать жертвы морозовских процессов и назвать реальных убийц? И, вообще, может, больше не надо ни новой, ни классовой морали, вернемся к обыкновенной, то есть человеческой?

Ан нет! Один ответственный партийный работник объяснил нам, что разрушать представление о героях – это тяжелое нравственное потрясение, и делать это трудно. Сейчас многие

знаменитости воруя и спиваются. Поэтому имена живых героев присваивать учреждениям запрещено. А старые герои проверены. Павлик немного устарел, заключил этот партийный работник, но еще пригодится.

Власти в стране волнует применительно к истории практическое соображение: обвиняя своих предшественников, доказать, что они, новые руководители, лучше. Уходит поколение функционеров, сверстников Морозова, коим за семьдесят, те ровесники Октября, которые, обладая качествами Павлика, долго занимали ключевые позиции в партии. Все, чем они владели, а владели они всем, было достигнуто благодаря морали Морозова. Казалось, герой умрет вместе с ними. Но нынешнее поколение лидеров пробиралось к власти тем же способом, ибо другого, открытого, демократического не было. Невозможно представить себе, что человек вошел в правящую верхушку без кооперации с органами. Даже если завтра власти откажутся от Павлика Морозова, послезавтра они заменят его другим мифом. Эпохи и лидеры меняются, а призывы доносить – живут, покуда живет тоталитарная система. Случайно ли это?

Во всех утопических моделях государства осведомителям отводилась важная роль в охране модели от посягательств ее разрушить. Но вот утопическая схема реализована, а нет ни обещанной свободы, ни благоденствия.

Наступает второй этап – всеобщее разочарование и недовольство. Для власти, узаконившей насилие, процедура подавления технически не сложна, однако имеет, так сказать, демографическое ограничение. Можно покончить с невраждующими этническими группами, можно уничтожить половину населения, но нельзя умертвить весь народ, ибо тогда некем будет управлять. К тому же перманентная гражданская война ведет к голоду и экономическому развалу. Постепенно всеобщее подавление недовольства сменяется выборочным. И органам подавления нужна обратная связь, чтобы узнать, что именно осталось неподавленным.

Социальное положение осведомителя неустойчиво: из страха или по природной склонности он клюнул на наживку, но в ней оказался крючок. Доноситель строит свое счастье на чужих бедах. Он пытается быть еще более преданным своим нанимателям, но для них он все равно не свой. Вернуться к покою

доноситель не может: этого не допустят наниматели. Юридический статус осведомителя тоже не ясен. В органах принуждения он значится под кличками, подачки за труд получает подпольно, профсоюза стукачей, защищающего его интересы, пока не создано. Как правило, он вынужден выполнять иную работу для прикрытия своей деятельности: быть дворником или поэтом.

В демократическом государстве аппарат осведомителей крайне ограничен и используется для выявления нелегальных акций, например террора. В тотальном – для слежки за любыми действиями индивида, ибо легальность тех или иных действий здесь либо отсутствует вообще, либо временна. Неофициальная духовная жизнь, подпольная экономика и другие проявления естественной жизни населения побуждают власть постоянно расширять сеть осведомителей. Растущий аппарат управления страной, военное ведомство и сама госбезопасность буквально начинаются осведомителями. В отличие от репрессий, охват тут теоретически может достигнуть ста процентов. Финал – все в стране следят друг за другом.

Всеобщее доноительство загоняет оставшихся в индивидуальную скорлупу. Общество как совокупность мыслящих людей в 30-е годы перестало существовать, стало порошком, люди превратились в тени – это был единственный путь выжить. Не потому ли, достигнув апогея, многолетняя кампания «героизации» доносчиков в конце 30-х годов утихла. Власти охватили, завербовали, стали получать информации больше, чем могли переварить. Они почти приблизились к теоретическому идеалу.

Разумеется, и тогда власть опиралась в основном на взрослых доносчиков. Детское доноительство было вспомогательным с точки зрения практической пользы, но важным для воспитания будущих граждан. Кроме того, детей легче убедить в том, что подлость в новой системе является подвигом. Не случайно доносы детей на взрослых насаждались в гитлеровской Германии, в так называемых братских социалистических странах Восточной Европы, в коммунистическом Китае, в Кампучии, Афганистане. Судьба главного героя фильма «Возмездие» по книге А.Проханова «Дерево в центре Кабула» «во многом напоминает судьбу Павлика Морозова».⁸

Появление миллионного Павлика Морозова есть закономерность системы, которая без доносчиков давно бы развалилась. Мы не знаем другого героя, который бы точнее выражал сущность строя с однопартийной идеологией.

Вопрос о доносах в 20-е годы обсуждался советским правительством. Директор института Маркса-Энгельса-Ленина Давид Рязанов требовал добиться того, чтобы «всякий гражданин знал, что донос в суд – это не есть донос, это обязанность. Если вы хотите воспитать чувство доверия... то развивайте способность доноса и не пугайте за ложное донесение». Сам Рязанов также был арестован по доносу и уничтожен в лагерях.⁹ Вряд ли сегодня найдется ответственный работник в аппарате власти, который публично огласит столь грубую позицию руководства. Но, по сути, донос нужен всегда: и в период мрака, и в периоды оттепели, чтобы старикам помогать затягивать гайки, а новой группе лидеров, пришедшей к власти, расправиться со своими противниками. Как говорится, вопрос риторический: можно ли войти в историю без стука?

В хрущевскую оттепель газеты откровенно искали новых морозовых. «Откуда у отца столько денег? – задумывается пионер Валерий Железный. – На какие средства живет приятель отца? Ведь он нигде не работает!» Валерий выступил против отца, не стал прятаться после суда от отцовских единомышленников. Мы гордимся тобой, Валерий».¹⁰

Еще через двадцать лет, в период брежневского застоя, газета «Правда» эмоционально рассказала о матери и ее подруге, которые донесли куда следует, что сын получил из-за границы письмо и слушал иностранные радиопередачи. Органы безопасности, как писала газета, уже давно следили за молодым человеком и все знали. Сына расстреляли за шпионаж.¹¹ Донос матери был просто выражением ее морального долга. Что же произошло? Да просто раньше павлики доносили на родителей, а теперь они выросли, стали сами родителями и доносят на своих детей. Трагедия поколений, принесенных в жертву молоху одной из самых аморальных идеологий в истории человечества.

В стране объявляется гласность, но в КГБ это слово понимается как глазность. Газеты призывают сообщать, кто из соседей живет не так, как все, а тайная полиция регистрирует

все проявления инакомыслия, которые ей придется душить последующие двадцать лет. Полнеют досье, обновляются кадры информантов.

В новой волне доноительства, начатой советской печатью в середине 80-х годов, в театрах широко пошла пьеса Виктора Розова «У моря». Положительный герой пьесы – десятиклассник, отца которого, ответственного работника, как и отца Павлика Морозова, судили за взятки. Все симпатии автора на стороне смелого юноши. Отец уже в тюрьме, а сын сочиняет не просто донос, но в течение целого лета записывает всю подноготную отца, чтобы разоблачить его еще больше, чем это сделали власти, и, таким образом, добавить ему срок заключения. Вполне нормальный и грамотный юноша истерически кричит на весь зал, что изобличит всех таких, как его отец. Герой пьесы идет дальше Павлика: он публично отказывается не только от отца, но и от матери, и уходит из дома перевоспитываться в семью простого пролетария-работяги.

Вряд ли известному драматургу Розову грозили неприятности, если бы он не вдохновился столь сомнительной темой. Что же это? Убежденность писателя в правильности коммунистических моральных принципов? Или все то же стремление выслужиться – на этот раз на волне гласности?

Возможно, и то, и другое, но причина прежде всего в том, что идеологические фетиши у нас на родине умирают неохотно. Иногда их кладут на полку, потому что использование их невыгодно. Но это не значит, что доктрина становится более человеческой. Советская идеология меняет ритуалы, но не способна изменить постулатов. Идеология эта вырождается, но не перерождается. И в этом причина, почему бронзовый доносчик 001 сумел простоять две трети века.

«Кем бы он мог стать? – размышляла «Пионерская правда» о Павлике к одной из предыдущих годовщин со дня его убийства. – Выращивал бы сегодня небывалые урожаи на уральской земле или варил сверхпрочную сталь?»¹² Не знаем, как насчет стали, а урожаи и без Павлика Морозова стали поистине небывалыми. Может быть, поэтому другие авторы писали, что Павлик, доживи он до нашей эпохи, стал бы космонавтом.¹³ Чем занимаются советские космонавты в космосе, мы догадываемся, но зачем же это афишировать? Любые со-

мнения в поступке Морозова всегда вызывали у властей неприязнь.

В статье В.Терентьева «Не запятнать светлого имени!» с подзаголовком «Наш ответ господам за океаном» уральская газета «На смену» писала в шестидесятые, что американцы оклеветали Павлика Морозова в своем школьном учебнике.¹⁴ Газету возмутила фраза: «Ребенок должен уважать своего отца и свою мать...» Вот что в действительности написано в главе «Политическая арифметика и коммунистическая мораль» американского учебника «Сущность коммунизма».

«Частью усилий советской системы образования является утверждение в учебниках «коммунистической морали». Поскольку коммунизм отрицает религию, он отрицает также западные моральные критерии, основанные преимущественно на религии. Следовательно, советских детей учат различать, что хорошо и что плохо не на основе фундаментальных моральных ценностей, как мы их понимаем, но, скорее, на основе советской доктрины. Так, убивать другого плохо, но было вполне морально для Сталина убить миллионы людей во время принудительной коллективизации. Ребенок должен почитать своих отца и мать, говорят коммунисты, но в Москве стоит памятник в честь одиннадцатилетнего Павлика Морозова, чей отец был уничтожен после того, как юный Павлик донес на него как на укрывателя хлеба. Ребенок должен слушаться и уважать учительницу, говорят коммунисты, но обязан сообщить, если она относится терпимо к выражению религиозных взглядов».¹⁵

Текст американского учебника не доступен советскому читателю без специального допуска, тем более на Урале. Не приведя полностью мыслей авторов, уральская газета обвинила американских профессоров в «детском иудстве», сравнила их с герасимовскими кулаками и заключила, что кулаки лучше, так как были неграмотными. По мнению советской газеты, то, что написали американские историки, есть столь же подлый акт, как и убийство кулаками Павлика Морозова. «Это покушение, – говорилось в статье. – Да, вас обвиняют в покушении на имя Павлика Морозова, господа профессора, в покушении на светлую память о нем... Уголовный суд приговорил кулаков к расстрелу. Уильям Миллер, Генри Робертс, Маршалл Шуль-

ман, Гарри Сейвейдж, любой суд чести вынесет этим именам смертный приговор – позор».¹⁶

Столь воинственная защита морали Морозова в международном масштабе показала, что этот мальчик на своем посту. «Лжет зарубежная пресса, что мы воспитываем своих ребят на примере предателя своего отца», – утверждает современный советский писатель Балашов в статье, опубликованной к 50-летию подвига Павлика Морозова в журнале «Уральский следопыт» под названием «Мальчик с мужеством мужчины».¹⁷ Так как же – воспитываем на примере предателя или теперь больше не воспитываем? В статье Балашов утверждает, что жизнь Павлика «все еще ждет своего Шекспира».

Несомненно, все большему числу вполне лояльных, но думающих людей ясен практический урон от лжи: раз нет ничего святого, то и власть, и ее представители не святые. Цинизм детей следующего поколения стал массовым. Коммунисты воспитывают честность на примере подлости, преданность на примере предательства. И все труднее объяснить детям, почему ради высоких идей надо делать низкие поступки.

У истории, любили повторять советские лидеры, нет пути назад, развитие общества нельзя повернуть вспять. Но в 30-е годы именно советским вождям удалось вспять повернуть историю: Россия вернулась к самым мрачным годам средневековья. Повреждение нравственности оказалось настолько глубоким, что уже после смерти Сталина, говоря о массовом бессмысленном уничтожении людей по сфабрикованным доносам в сталинских застенках, писатель Виталий Губарев в цитированных воспоминаниях хвастался: «За тридцать лет мы немало выпололи бурьяна».¹⁸ Где гарантия, что завтра утром очередной властитель не решит заняться прополкой огорода, который ему удалось прибрать к рукам? Кто против – опять враг, и на него готово досье, и телефон его подключен. Советский поэт заявил, что Павлик Морозов будет нашим ровесником «во все века».¹⁹ Это приятная перспектива.

«Доносить или не доносить? Вот в чем вопрос». Так вынужден спрашивать себя каждый российский Гамлет. И ответ на этот вопрос не такой простой, как кажется. Хулиган ударил женщину, вырвал у нее сумочку, сел на мотоцикл и умчался. Вы видели номер мотоцикла, рядом телефон. Донести или не

донести в милицию? На этот вопрос ответ однозначный: нельзя не сообщить. Но это не имеет отношения к обсуждаемой нами проблеме. Она касается политического доноса, который аморален в принципе.

Что касается доноса внутри семьи, то в этом случае современная мораль, как и библейская, не делает различия между доносом политическим, уголовным и просто нежелательной утечкой внутрисемейной информации. В семье и, так сказать, из семьи аморальны любые виды доноса. Хотя в отдельных случаях это противоречит интересам общества в целом, но служит интересам семьи. А без семьи нет и общества. В странах, где нет тотального единомыслия, где политический донос не является «священной обязанностью», а семья неприкосновенна, каждый человек отвечает на этот вопрос сам. Доносчики по призванию есть, но их не больше, чем лиц других профессий. Дело не в них.

Властям постоянно нужен именно политический донос. Все спокойно, пока вас лично не начинают вербовать. Наметив жертву, звонят домой, предлагают встретиться «на скверике», вызывают в специальный отдел, имеющийся на каждом предприятии, приводят в «их» номер в гостинице. Начинают с шантажа, грозят, что повредят с диссертацией, помешают сыну поступить в институт. Покой в семье, карьера, будущее – все начинает шататься. Потом обещают лучшую должность, возможность почитать запрещенные книги. Спрашивают-то ерунду: какие высказывания были у вашего соседа? Лучше молчать – но тогда затаскают. Может, сказать, и отпустят? Или средняя линия: «Да, конечно, я понимаю, как это важно, но я, к сожалению, ничего не слышал...» А они не верят. И вызывают снова и снова, потому что вы – никто, вы – «материал», по выражению Ленина, а они, стало быть, истинные ленинцы, они – государство, они – партия, они – закон, и деться некуда.

Но вот такая и для них беда. Не дай Бог, оступился любой из них, от мелкого районного чекиста до генсека. И он сам тут же превращается в «материал», и это для него конец. Уж сами-то они хорошо понимают, что в стране есть один реально действующий закон – произвол. И одно реальное право – сигнализировать.

Вернемся к отправной точке повествования. Кто же все-таки виноват во всем, что произошло в Герасимовке? Сам Павлик Морозов? Его предки? Семья? Школа? Система? Исторические условия? Виноваты все? Не виноват никто? Морозов виновен меньше всего: он ребенок. Личность начинается с возможности выбора, а у Павлика и других деревенских детей 30-х годов выбора не было. И взрослые в те годы теряли моральные критерии, что же говорить о неразвитом мальчике? Тем более не может Павлик нести ответственности за то, что делалось от его имени после его смерти.

Невиновность мальчика-доносчика не вызывает сомнений, но вдвойне преступны те, кто растлевал детей, чтобы удержаться у власти. Хочется от этого отмежеваться, свалить вину на отдельных людей, на преступные наклонности Сталина, на особые условия, которые вынуждали уничтожить одну часть общества для укрепления власти другой части. В отличие от национального геноцида, осуществлявшегося в фашистской Германии, мы назвали бы уничтожение «враждебных классов» в Советском Союзе *социоцидом*. И Павлик Морозов, сам того не ведая, стал символом советского социоцида, идеологически обоснованного террора, организованного одной партией против всех народов, населяющих страну.

Когда шел показательный процесс по делу об убийцах Павлика Морозова и цензурная брань в адрес врагов народа достигла пика, в газете «Уральский рабочий» появилась статья, посвященная 300-летию со дня рождения Б.Спинозы. Мы не знаем, случайно или с намерением в этой статье оказалась цитата из великого философа: «До какой степени боязнь заставляет людей безумствовать».²⁰ Безумство от страха – может быть, это состояние точнее всего определяет жизнь страны, в которой происходили описанные здесь события.

Но холодный рассудок историка изумляет другое: как случилось, что под могучим прессом нагнетаемого партией и правительством безумного страха доносчиками стали не все? Сам факт, что призывы поступать, «как Павлик Морозов», продолжались свыше пятидесяти лет, свидетельствует о том, что, как Павлик, все не поступают. Доказательство того и эта книга, которую мы писали несколько лет в Москве. Рукопись ходила в Самиздате с 1984 года, потихоньку обсуждалась многи-

ми писателями, и никто, насколько мы знаем, за нее не пострадал.

Основной задачей советской литературы было, как известно, создание положительных героев, помогавших советской власти. При этом никакие противники так не вредили этой власти, как она сама себе, сочиняя мифы, ее компрометирующие. Идет время. Павлика Морозова можно осудить, вовсе изъять, можно подкрасить, восстановить. Говорят, сознательный гражданин приучен верить всему, что он слышит, видит и читает. Но из этого не следует, что он будет поступать так, как его заставляют. Даже в сталинских и гитлеровских лагерях чудом выживали несломленные люди. В России обыкновенный человек по-прежнему делает вид, что он, как всегда, согласен. Но мы не знаем о чем он думает. Он лжет, когда от него требуют лжи, но в душе хочет знать истину. Он поддается, когда его, по выражению Достоевского, хотят сузить, но поддается не до конца. Он мало кому доверяет, но все же надеется, что собственные дети на него не донесут.

1980-84 гг.

*Москва – Свердловск – Герасимовка –
Тавда – Ирбит – Первоуральск – Алука –
Запорожье – Мелитополь – Харьков –
Львов – Ленинград – Магнитогорск.*

Послесловие

РАСПАД СИСТЕМЫ И УЧАСТЬ ГЕРОЯ 001

Судьба этой книги и ее автора оказались необычными.

Работа над рукописью о Павлике Морозове была закончена в начале восьмидесятых, когда Советский Союз торжественно отмечал пятидесятилетие со дня смерти героя-пионера. Нечего было и думать о публикации книги. Рукопись попала в Самиздат, а имя автора – в черные списки тех самых органов, символом которых был доносчик 001. Объявленные гласность и перестройка также ничего не изменили.

Выпустило книгу Лондонское издательство в конце 1987 года, а советские таможенники конфисковывали книгу у тех, кто пытался ее провезти. Между тем про найденные нами подлинные сведения о Павлике Морозове заговорил «Голос Америки», а летом 1988 года автор прочитал текст, главу за главой, перед микрофоном нью-йоркской студии Радио «Свобода», которое тогда уже перестали глушить. Передачи эти повторялись каждые четыре часа и охватывали сорок миллионов слушателей от стран Восточной Европы до Дальнего Востока.

В редакции советских газет и журналов хлынул поток писем. «Недавно узнал о том, что Павел Морозов вовсе не тот, о каком мы говорили, не пионер-герой, а предатель, – писал в «Пионерскую правду» мальчик из города Цимлянска Ростовской области. – В нашей отрядной песне есть такие строки: «Равняйся на Павла Морозова!». А на кого равняться? Я

очень гордился, что наш отряд носит его имя. А вышло вон что».¹

Важнейший вопрос задал взрослым мальчик. «Пионерская правда» письмо это напечатала. И не просто так, а чтобы ответить. Похоже, органы пропаганды и не предполагали, что тема окажется настолько болезненной. «...Пишут пионеры и их родители, – сообщала газета. – Пишут учителя и библиотекари. Пишут ветераны и студенты. Вопросов в письмах много, но суть у них одна: хотим знать правду о Павлике».² Советская пресса, после многих лет табу, заговорила об этом мальчике, – знак сам по себе отрадный. Молчать стало трудней.

В духе времени Всероссийское общество «Знание» организовало в Москве круглый стол «Белые пятна в истории комсомола». Мнения историков разделились. Одни назвали Павлика Морозова «пионером-доносчиком», резко осудив тот символ, который из него сделали во времена культа личности Сталина. Другие утверждали, что «гражданская позиция должна цениться выше, чем родственные, семейные отношения». Стало быть, донос детей на родителей морально оправдан. Заметим, что историки те были сотрудниками Научно-исследовательского центра почтенной памяти Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ.

Мальчик эпохи гласности, ровесник Морозова, доверчиво писал в газету, чтобы узнать правду, а образованные дядя и тети, обсудив разные мнения и повторив за круглым столом легендарные сведения о подвигах Морозова, пришли в «Пионерской правде» к научному заключению (не до стиля, важна суть): «Подробно изучив все обстоятельства жизни и смерти Павлика Морозова, не уважать его нельзя».³

Неприязнь интеллигенции к герою-доносчику, однако, провалилась на страницы перестроечной печати. Писателю В.Амлинскому, которому мы давали читать рукопись еще в начале восьмидесятых, в статье по поводу реабилитации Бухарина в журнале «Юность» удалось сказать между прочим, что поступок Морозова – «символ узаконенного и романтизированного предательства».⁴ Журнал «Огонек» рассказал о четвертом классе одной московской школы, который в разгаре перестройки боролся за право носить имя Павлика Морозова. И журнал мужественно писал об обществе сталинских времен, извратившем «даже самые первичные понятия о нравственности».⁵

Время было противоречивое, и та же «Юность», заимствовав из книги «Вознесение Павлика Морозова» факты и фотографии без ссылок на первоисточник, вдруг заявила, что «пришло время, когда мы должны окончательно лишить западные издательства этого приоритета – обнародовать белые пятна нашей истории».⁶ Зачем понадобилось редакторам «Юности» делать западных историков лишенцами, когда все уже качалось? Нечто подобное уже было в советской истории и ни к чему хорошему не привело.

В советской печати раздалась голоса об очистке духовной атмосферы от остатков сталинизма. Как известно, коммунистическую, классовую мораль, отличную от нормальной, объявил Ленин. А он еще оставался неприкасаемым. То тут, то там проскакивали в советской печати намеки на Павлика Морозова, подчас весьма туманные, но и это было важно.

Постепенно появлялись и более серьезные выступления. Дважды заявил о своем неприятии доносительской морали писатель В.Кондратьев, который тоже одним из первых прочитал рукопись книги «Вознесение Павлика Морозова».⁷ Отрицательно высказалась писательница И.Грекова в газете «Московские новости».⁸ «Страсть к доносу, – писал в «Новом мире» публицист Ф.Бурлацкий, – была вососана старшим поколением с молоком матери. Да и воспитывали ее. Я до сих пор вздрагиваю каждый раз, когда подъезжаю к своему дому на улице Павлика Морозова. Вот ведь мальчонка заложил отца родного по мотивам политическим и стал примером для подражания миллионам юношей и девушек...»⁹ Улицы Павлика Морозова в Москве не было, это переулок, но позиция активного перестройщика звучала вполне пристойно.

Вот что, однако, пугало. Попытки публично поколебать пьедестал национального героя-доносчика были эмоциональны. А его защитники вовсе не собирались сдавать позиции. Они то и дело появлялись на страницах разных печатных органов не только с эмоциями, но, споря с книгой и чувствуя свою силу, властно заявляли, что Морозов был и остается героем.

В «Аргументах и фактах» от имени Прокуратуры СССР старший советник юстиции И.Титов отвечал читателям, что он изучил «архивные материалы следствия и судебного разбирательства об убийстве Павлика Морозова».¹⁰ Но рассказывал

Титов старый миф, почерпнутый им из советских газет и книг. Даже обвинительное заключение по делу об убийстве Павлика и его брата прокурор изучал по пропагандистским материалам того времени. Ни единого архивного факта не приводил Титов, не назвал ни источников, ни имен свидетелей и еще больше запутал истину.

Скрытая цель публикации была ясна: попытаться нейтрализовать книгу «Вознесение Павлика Морозова», то есть те свидетельские показания и документы, что были опубликованы в Лондоне и передавались западными радиоголосами. Но повторяя и подновляя старые легенды о юном большевике-агитаторе, борце за социализм, защитники Павлика Морозова вынуждали читателей стремиться узнать новости не из советских источников. Журналисты и писатели из авангарда призывали к совести. А в тысячах школ по всей стране честность продолжала воспитываться на примере подлости, концентрированным выражением которой стал Морозов. Метастазы свидетельствовали о том, как серьезна болезнь. Попытаться лечить ее – значило отказаться от классовой морали и признать правоту христианской, признать, что социализм есть восстановление крепостного права в России, да такими методами, которые не снились Ивану Грозному.

Постепенно в советской печати стала обнаруживаться некая жесткая рука. Книга «Вознесение Павлика Морозова» подтачивала устои социализма, и ЦК ВЛКСМ, Прокуратура СССР, редакция газеты «Пионерская правда», журналы «Пионер», «Человек и закон» создали комиссию для проверки подвига Морозова. В результате Бюро Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени Ленина постановило: «Считать правильным решение бюро от 1955 года о занесении Павлика Морозова в Книгу почета. Сообщить об этом через средства массовой информации всем пионерам и их родителям, широкой общественности».¹¹

Итак, в разгаре гласности и перестройки было всенародно объявлено, что известный всем подросток остается героем 001. Начиналась третья (после реальной и мифической) жизнь Павлика Морозова – ирреальная. То была отчаянная попытка старых сил повернуть колесо истории вспять, к временам застоя. Маниакальное усердие в восхвалении доносчика проявляли не-

которые журналисты, например, В.Кононенко (журналы «Человек и закон», «Советская педагогика»), В.Бушин (газета «Советская Россия»).¹²

Что же было делать мальчику из Цимлянска и миллионам других мальчиков и девочек в Советском Союзе? Петь хором песню «Равняйся на Павла Морозова!» или не петь? Доносить на родителей куда следует, если папа маме рассказал анекдот про Горбачева, или не доносить?

Главный подвиг Павлика – донос на собственного отца – звучал неблагозвучно. И советские газеты, обязанные по постановлению оповестить население, дружно заявили: не было в документах доносов Павлика! И значит, он был просто юным коммунистом, борцом за светлое будущее. Стало ясно, что указания оставить Павлика в героях, поступают централизованно. Откуда? Может, комсомол нынче не у дел и не в почете и, чтобы доказать свою полезность, ищет заслуги в прошлом? Но комсомол – лишь приводной ремень. Кому было выгодно, чтобы доносчик оставался всеобщим образцом для подражания?

В то время поступали настойчивые требования обнародовать списки тайных осведомителей, и некоторые из них уже казались в печати, освобожденной от цензуры. Становилось ясно, какая организация больше других печется о непоколебимости и славе героя-доносчика. Указания шли из другого учреждения, которому гласность поперек горла, историческая правда опасна и не нужна, а вот доноски всегда требуются. Газета «Известия» напечатала интервью с начальником управления КГБ А.Бураковым, в котором он говорил о необходимости крепить сеть «нештатных сотрудников в каждом коллективе». ¹³ Этому ведомству герой-доносчик был нужен всегда, и в заморозки, и в оттепель. Сетования отважных интеллигентов насчет повреждения нравственности не меняли сути дела. Сталин, как мы помним, задумал поставить памятник Морозову на Красной площади, а поставил на Красной Пресне. Но подлинное место предателю отца было на Лубянке. Эта организация уверена, что Павлики Морозовы служат и будут ей служить верой и правдой завтра.

И пресса под давлением сверху централизованно обрушилась на книгу «Вознесение Павлика Морозова» в духе самых мрачных времен, обвиняя автора в клевете, создании «антисо-

ветской фальшивки», оскорблении чести советского героя. Журнал «Человек и закон», выходявший тиражом десять миллионов, грозил, что будет судить автора книги. Особенно злые статьи писали журналисты, причастные к созданию мифа о пионере-герое.

А изданная в Лондоне книга «Вознесение Павлика Морозова», о которой много писала пресса в США, Франции, Израиле, Германии, потихонечку продолжала проникать за железный занавес, в социалистический лагерь. Сжатый пересказ книги опубликовал в Таллинне журнал «Пионер» на эстонском языке, затем появился перевод на венгерский. Книга «Доносчик 001» была издана на польском языке и объявлена бестселлером в Варшаве, начала печататься по главам в латышских газетах и журналах в Риге. Там же, хотя и не полностью, перепечатал ее по-русски с продолжением журнал «Родник». В результате известных послаблений в цензуре отрывки стали появляться в московских и периферийных газетах и журналах: «Семья и школа», «Век», «Семья», «Курортная газета». Однако намерения издательств выпустить книгу в Москве и в Новосибирске не увенчались успехом. Кто-то каждый раз мешал.¹⁴

Между тем был и еще один аспект дела Павлика Морозова – международный. Раньше газета «Нью-Йорк таймс» напечатала пессимистическую статью о праздновании пятидесятилетия подвига Морозова.¹⁵ А едва герой-доносчик подвергся публичной критике в советской печати, та же газета поместила статью своего московского корреспондента «Времена меняют положение святого сталинской эры».¹⁶ Судя по некоторым публикациям, сообщила американская газета, советская печать назвала Павлика Морозова, героя, вписанного в Книгу почета под номером 001, предателем.

Почему на Западе следили за отношением властей к Павлику Морозову с нескрываемым любопытством?

Дело вовсе не в персонифицированном мальчишке-предателе, а в той государственной морали, которую он собой представляет. Если официально объявлено, что мораль эта была и остается партийной, классовой, коммунистической, то есть отличной от общечеловеческой морали, как сосуществовать с остальным человечеством? Другими словами, если в Кремле особая мораль, России нельзя доверять. Ни в глобальных воп-

росах, ни и в мелочах. Ибо ложь классовому врагу, согласно такой морали, оправдана.

Не доносчики КГБ спасают страну, которая находится в состоянии кризиса, а многомиллиардные западные кредиты, торговля и договоры с Западом о разоружении. Таким образом, в глазах общественного мнения демократических стран экономическая помощь России зависела, если упростить ситуацию, от Павлика Морозова.

Вот почему газета «Нью-Йорк таймс» и другие западные издания с удовлетворением сообщили о первом же проскочившем в советской печати намеке на отказ от морали, символом которой является Павлик Морозов. Вопрос ставился о будущем Российского государства. Если славить Морозова – этого будущего нет.

Около сотни статей, интервью, выступлений по радио и телевидению разных стран пришлось подготовить автору этой книги. По частям «Доносчик 001» был опубликован во множестве западных, а затем, после упразднения цензуры, в ряде советских и российских изданий. На основе книги снято два документальных фильма.

По горячим следам августа 1991 года памятник доносчику в Москве снесли. На фото, опубликованном в газетах, автор появился на поваленном постаменте от памятника мальчику-герою, на свержение которого потребовалось столько времени и сил. А статьи в защиту Павлика Морозова и той морали нет-нет, да и продолжают появляться.

Павлик Морозов был героем в Советском Союзе, и первая правдивая книга о нем написана нами в той стране, с тогдашним пониманием происходившего. В Россию пришло новое время, поются новые песни. Много изменилось, а еще больше осталось нетронутым. Секретная статистика стала известной. Если ей можно доверять, почти одиннадцать миллионов жителей Советского Союза в той или иной степени сотрудничали с органами, предоставляя информацию о своих родственниках, друзьях, знакомых, сослуживцах и посторонних лицах. Получается, что на каждые 18 граждан страны Советов приходился один стукач.¹⁷ Такого человеческого история, кажется, еще не знала. Сколько их значится в активе тайных служб по сей день?

Умирают и создаются новые мифы. А герой-доносчик 001 остается напоминанием и тревожным предупреждением нам всем: и тем, кто доносит, и тем, кто становится жертвами доносов. Впрочем, доносчики, как говорит печальный исторический опыт, тоже жертвы.

Дай Бог, чтобы старое не повторилось. Такая опасность есть.

1994, Дейвис.

БИБЛИОГРАФИЯ К «ДОНОСЧИКУ 001»
(Книги, статьи, неопубликованные документы и
воспоминания, личные архивы, свидетельства очевидцев)

Книги, статьи

- Абрамов, Б. К изучению истории коллективизации. «Вопросы истории КПСС», №8, 1982.
- Агапова, М., К.Шадская. Пионеры-герои. М., 1981.
- Алексеев, Г. Пролетарский орленок. «Комсомольская правда», 2 сентября 1962.
- Алексеева, Н., А.Бальчугов. Герасимовка (буклет). Верхняя Пышма, 1969.
- Алексин, А. Путь к подвигу. «Литературная газета», 20 декабря 1952.
- Амлинский, В. На заброшенных гробницах. «Юность», №3, 1988.
- Андреева, А., Ю.Кутаков. Пионерские дружины, школы, пионерские лагеря, парки и другие учреждения, носящие имя Павлика Морозова. Свердловск, 1978.
- Антонов, В. Убийцы Павлика Морозова приговорены к расстрелу. «Комсомольская правда», 30 ноября 1932.
- Антонов, В. Требования трудящихся масс удовлетворены. «На смену!», 29 ноября 1932.
- Антонов, В. 3-е сентября в селе Герасимовка. «На смену!», 28 ноября 1932.
- Антонов-Овсенко, А. Портрет тирана. New York, 1980.
- Архипов, В. Выше классовую боеспособность. «Пионерская правда», 17 декабря 1932.
- Авторханов, А. Загадка смерти Сталина. Possev, 1975.
- Балашов, В. Мальчик с мужеством мужчины. «Уральский следопыт», №9, 1982.
- Балашов, В. Костер рябиновый. М., 1969.
- Бальчугов, А., Н.Алексеева. Колхоз имени Павлика Морозова (буклет). Свердловск, 1969.
- Barringer, Felicity. Changing Times Turn Tables on a 'Saint' of Stalin Era. «The New York Times», 21 March 1988.
- Базилевич, К. История СССР, ч.3, изд.11. М., 1952.

- Бегин, М. В белые ночи. Tel-Aviv, 1978.
- Белова, М. Творчество Александра Яковлева. Саратов, 1967.
- Беляев, И. Рабселькоры — неустрашимые борцы за социалистическую законность. «Социалистическая законность», №8, 1938.
- Боровин, В. Морозов Павел. Вологда, 1936.
- Будь готов! Общество «Русский скаут». М., 1916.
- Будьте бдительны к врагу. «Колхозные ребята», 20 октября 1932.
- Бурлацкий, Ф. После Сталина: заметки о политической оттепели. «Новый мир», №10, 1988.
- Бушин, В. Он глубоко опасен. «Советская Россия», 3 сентября 1992.
- Вайсфельд, И. Теория и практика Эйзенштейна. «Искусство кино», 5 мая 1937.
- В большой семье. «Пионерская правда», 25 июля 1933.
- Вельтман, В. Юные герои, в 2-х тт. Ростов-на-Дону, 1933.
- Взвейтесь кострами. Очерки истории пионерии. Свердловск, 1974.
- Воротов, М. Включайтесь в подготовку к третьей большевистской весне. «Просвещение Сибири», №1, 1932.
- Второй деткоровский. Л., 1931.
- Вышинский, А. Основные задачи науки социалистического права. «Социалистическая законность», №8, 1938.
- Вышинский, В. Вступительный очерк. В кн.: А.Ржешевский. Бежин луг. М., 1936.
- Герасимовка помнит Павлика Морозова (буклет). Свердловск, 1969.
- Гордин, И., В.Лебединский. Пионерская организация в условиях победы социализма. М., 1973.
- Горький, М. Письма о литературе. М., 1957.
- Горький, М. Соб. соч. в 30 тт. М., 1953–1955.
- Горький, М. О молодежи. М., 1949.
- Горький, М. Приветствие Болшевской коммуне. «Правда», 11 июня 1935.
- Горький, М. Показать еще больше героического труда. «Пионерская правда», 9 июля 1932.
- Горький, М. Выступление перед пионерами. «Пионерская правда», 23 сент. 1932.
- Горький, М. Кошмар. Из дневника. «Новая жизнь», №13, 3 мая 1917.
- Грекова, И. Вера и воспитание. «Московские новости», 28 мая 1989.
- Губарев, В. Подвиг Павлика Морозова. «Молодой коммунист», 9 сентября 1962.
- Губарев, В. Подвиг русского мальчика. «Комсомольская правда», 3 сентября 1957.
- Губарев, В. Павлик Морозов (драма). М., 1953.
- Губарев, В. Юные пионеры. М., 1948а.
- Губарев, В. Павлик Морозов. М., 1948б.
- Губарев, В. Сын. «Пионер», №1, 1940.
- Губарев, В. В лесной глуши. «Пионерская правда», 3 сентября 1933.
- Губарев, В. Гигантские шаги Петра Книги. «Пионерская правда», 27 ноября 1932.
- Губарев, В. Имя его — ленинец. «Колхозные ребята», 20 октября 1932.
- Губарев, В. Кулацкая расправа. «Пионерская правда», 15 октября 1932.
- Гусев, А. Год за годом: пионерская летопись. М., 1970.
- Гусев, А. Год за годом: пионерская летопись. М., 1964.
- Гусев, А. Юные пионеры. М., 1948.
- Гусев, А. Деткоры в школе. М., 1935.

- Дети-герои. Сб. М., 1961.
 Дети-патриоты советской родины. М., 1948.
 Дети-психоневротики. М.-Л., 1934.
 Дети с отклонениями в поведении. М., 1968.
 Детская дефективность, преступность и беспризорность, М., 1920.
 Детское коммунистическое движение. М.-Л., 1932.
 Детский сельскохозяйственный труд. М.-Л., 1930.
 Дорошин, М. Павлик Морозов. Волгоград, 1973.
 Дорошин, М. Павлик Морозов. «Пионерская правда», 1933.
 Дульнев, Г., А.Луриа. Принципы отбора детей во вспомогательные школы. М., 1973.
- Ермакова, Л. Герой в красном галстуке. «Уральский рабочий», 3 сентября 1982.
- Ермилов, В. (редактор). Литература и новый человек. М., 1963.
 Если говорить о Павлике Морозове... «Пионерская правда», 9 июня 1988.
- Желоховцев, А. Культурная революция с близкого расстояния. М., 1973.
- Зверское убийство пионеров Морозовых. «Пионерская правда», 15 октября 1932.
 Зерчанинов, Ю. Кто приходил ночью в худом тулупе. К истории одного мифа. «Юность», №5, 1989.
- Зосимовский, А. Формирование личности в школьном возрасте. М., 1982.
- Иванова, Т. Кто чем рискует. «Огонек», №24, 1988.
- Исакова, Л. (Дудина — девичья фамилия). «Тавдинская правда», 27 августа 1967.
- История ВКП(б). М., 1938.
 История ВЛКСМ. М., 1978.
 История государства и права СССР. 2-е изд. М., 1981.
 История КПСС. М., 1960.
 История советского кино в 4-х тт. М., 1973.
 История СССР в 12-ти тт. М., 1967.
 История СССР в документах и иллюстрациях. М., 1963.
 Итоги 11-й Уральской конференции ВКП(б). М.-Свердловск, 1932.
- Кабаков, И. Очередные задачи Уральской парторганизации. М.-Свердловск, 1930.
- Кареев, Н. Теория личности П.Л.Лаврова. Спб., 1907.
- Карташов, С. Песня о нем не умрет. «Восход», 3 сентября 1963.
- К закону об отмене ссылки. «Тюремный вестник», №№96-7, 1900.
- Классовая борьба на Урале. Свердловск, 1974.
- Кондратьев, В. Поговорим о свободе. «Литературная газета», 24 мая 1989.
- Кондратьев, В. Мы будем жить по-другому. «Советская культура», 20 октября 1988.
- Кононенко, В. Правда о Павлике Морозове. «Советская педагогика», №2, 1990.
- Кононенко, В. Посмертно... репрессировать. «Человек и закон», №1, 1989.
- Коршунов, М. Сердце матери. «Правда», 23 сентября 1962.
- Коряков, О. Предисловие. В кн: Соломенн. Павка-коммунист. Свердловск, 1979.
- Коряков, О. Дорога без привала. Свердловск, 1977.

- Косарев, А. Доклад на 7-й Всесоюзной конференции ВЛКСМ. «Правда», 7 июля 1932.
- Косиор, С. Орготчет ЦК XV-му съезду ВКП(б). М.-Л., 1932.
- Краткая история СССР, 2-е изд. М., 1972.
- Крупская, Н. Педагогические сочинения в 10-ти тт. М., 1958 (доп. 11-й т. — 1963).
- Крупская, Н. Быть хорошо вооруженными! «Пионерская правда», 5 июля 1933.
- Крупская, Н. О пережитках. «Пионерская правда», 23 октября 1932.
- Крушанский, М. Лицо анонима. «Советская Россия», 31 августа 1982.
- Лавров, К. Очерки вопросов критической философии. Спб., 1860.
- Лезинский, М. Рядовые военного детства. Симферополь, 1985.
- Leyda, Jay. A History of the Russian and Soviet Film. London, 1960.
- Ленин, В. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1963.
- Лидин, В. Предисловие. В кн.: Яковлев. Избранные произведения, М., 1957.
- Ломоносова, А. Предисловие. В кн.: Соломеин. В кулацком гнезде. Свердловск, 1933.
- Лупанова, И. Полвека. Советская детская литература. М., 1969.
- Макарова, А. Трудным путем. «Литературная газета», 27 июля 1950.
- Марягин, Г. Постышев. М., 1965.
- Miller, W., H.Roberts, and M.Shulman. The Meaning of Communism. Morristown, 1963.
- Минаев, В. Дружина, смирно! «Комсомольская правда», 3 сентября 1982.
- Михалков, С. Песня о Павлике Морозове. «Вожатый», №4, 1934.
- Мор, В. Дело об убийстве пионера Морозова. «Уральский рабочий», 19 ноября 1932.
- Морозова, Т. Будьте такими, как Павлик Морозов. В кн.: Павлик Морозов. Свердловск, 1962.
- Музей Павлика Морозова (буклет). Верхняя Пышма, 1968.
- Мусатов, А. Большая весна. «Вожатый», №9, 1962.
- Мы требуем расстрела кулаков-убийц. «Всходы коммуны», 23 сентября 1932.
- Налбандян, Д. Облик отважного пионера. «Комсомольская правда», 24 января 1953.
- Налобина, В. Павлик Морозов. «На смену!», 30 марта 1972.
- На памятник Павлику Морозову. «Пионерская правда», 24 августа 1934.
- Новик, П. К трехсотлетию Б.Спинозы. «Уральский рабочий», 27 ноября 1932.
- Новикова, Ю. Павлик Морозов. «Пионер», №8, 1953.
- Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1974.
- Одиннадцатая Уральская конференция ВКП(б). М.-Свердловск, 1932.
- О ликвидации детской беспризорности. «Правда», 1 июня 1935.
- Орджоникидзе, С. Отчет ЦКК и РКИ. М.-Л., 1928.
- Орлов, Г. Произведения молодых ленинградцев. «Советская музыка», №12, 1954.
- Остроумов, С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.
- Павлик Морозов (буклет). Издание Герасимовского музея. Верхняя Пышма, 1968.

- Павлик Морозов. Свердловск, 1962.
- Партия говорит. «Пионерская правда», 7 октября 1933.
- Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934.
- Первый Всесоюзный съезд советских писателей. «Комсомольская правда», 20 августа 1934.
- Пермяк, Е. Павка-коммунист. «Литературная Россия», 22 марта 1963.
- Пионерская работа в специальных школах. М., 1963.
- Пионеры-герои. М., 1956.
- Подвигу жить! М., 1962.
- Полякова, Л. Опера для юношества. «Советская музыка», №7, 1958.
- Постановление Уралобкома ВКП(б) от 9 февраля 1933. Свердловск, типография ПП ОГПУ, 1933.
- Постановление Уральского суда. «Тавдинский рабочий», 30 ноября 1932.
- Постышев, П. К новым боям за победу социализма. «Крестьянская газета», 14 ноября 1932.
- Приказ Наркомпроса РСФСР о дисциплине в школе. М., 1934.
- Проверка готовности. «Пионерская правда», 3 августа 1933.
- Пять дней в Москве. «Пионерская правда», 10 января 1934.
- Ржезач, Т. Спираль измены Солженицына. М., 1978.
- Ржешевский, А. Жизнь, кино. М., 1982.
- Ржешевский, А. Бежин луг. Киносценарий. М., 1936.
- Рогинский, Г. Социалистическая собственность священна. «Социалистическая законность», №8, 1938.
- Ростовщикова, Е. Первая школа. «Тавдинская правда», 27 августа 1967.
- Рубинштейн, С. Психология умственно отсталого школьника. 2-е изд. М., 1979.
- Румянцев, Л. Песня о нем не умрет. Свердловск, 1953.
- Санатин, В. Репортаж через годы. «Пионерская правда», 2 сентября 1982.
- Свердловская областная организация КПСС. Свердловск, 1974.
- Семнадцатая конференция ВКП(б). М., 1932.
- Скорынина, А. Гвардия Павки Морозова. «На смену!», 19 мая 1979.
- Смирнов, Е. Павлик Морозов. В кн.: Дети-герои. М., 1961.
- Смирнов, Е. Павлик Морозов. М., 1938.
- Смирнов, Е. Юные дозорники. М., 1934.
- Смирнов, Е. На большом тракте. «Пионерская правда», 15 января 1933.
- Смирнов, Е. Кулак Кулуканов. «Пионерская правда», 9 января 1933.
- Смирнов, Е. Облик юного ленинца. «Пионерская правда», 17 декабря 1932.
- Смирнов, Е. Выше знамя классовой боеспособности! «Пионерская правда», 5 декабря 1932.
- Смирнов, Е. Кулаки на скамье подсудимых. «Пионерская правда», 27 ноября 1932.
- Snow, C. Variety of Men: Stalin. Macmillan, 1967.
- Советская историческая энциклопедия. М., 1967.
- Соколов. Павла убили кулаки. «На смену!», 24 сентября 1932.
- Соломеин, П. Павка-коммунист. Свердловск, 1979.
- Соломеин, П. Павка-коммунист. Свердловск, 1969.

- Соломеин, П. Как я играл на гармошке. «Тавдинская правда», 5 и 7 сентября 1967.
- Соломеин, П. Павка-коммунист. Свердловск, 1962.
- Соломеин, П. В кулацком гнезде. Свердловск, 1933.
- Соломеин, П. Жертва кулацкого обреза. «Пионерская правда», 27 декабря 1932.
- Соломеин, П. Суд над убийцами начался. «Колхозные ребята», 29 ноября 1932.
- Соломеин, П. На свежей могиле. «Пионерская правда», 27 ноября 1932.
- Соломеин, П. Двенадцатилетний коммунист. «Тавдинский рабочий», 27 октября 1932а.
- Соломеин, П. Как погиб Павлик. «Всходы коммуны», 27 октября 1932б.
- Соломеин, П. Почему райорганизации поздно узнали. «Всходы коммуны», 8 октября 1932.
- Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири. Новосибирск, 1978.
- Сталин, И. Соч. М., 1952.
- Сталин, И. Заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б). «Вечерняя Москва», 1 апреля 1937.
- Сталин, И. Вопросы ленинизма. М., 1933.
- Сталин, И. Приветствие 7-й Всесоюзной конференции ВЛКСМ. «Правда», 9 июля 1932.
- Степичев, М. С поличным. «Правда», 8 января 1982.
- С трибуны слета. «Пионерская правда», 27 августа 1933.
- Сухачевский, С. Сережа-морячок. Челябинск, 1975.
- Сухачевский, С. Пионер села Колесниково. Курган, 1972.
- Сухачевский, С. По следам героя. «Омская правда», 5 февраля 1963.
- Tucker, Robert. Stalin as Revolutionary. New York, 1973.
- Терентьев, В. Наш ответ господам за океаном. «На смену!», 12 января 1964.
- Титов, И. Человек и символ. «Аргументы и факты», №22, 1988.
- Трудным путем. «Литературная газета», 27 июня 1950.
- Убийц расстрелять! «Пионерская правда», 14 декабря 1934.
- Уголовное законодательство СССР. М., 1957.
- Урин. Речь на суде. «Тавдинский рабочий», 29 ноября 1932.
- У этих пионеров учитеесь бдительности. «Пионерская правда», 6 марта 1935.
- Хоринская, Е. Юный барабанщик. Свердловск, 1954.
- Khrushchev Remembers. Boston, 1974.
- Чернышов, А. Салют, пионерия! М., 1982.
- Чечеткина, О. Почта Лидии Тимашук. «Правда», 20 февраля 1953.
- Шардаков, В. Павлик Морозов. «Вечерняя Пермь», 11 октября 1980.
- Шварц, О. Павлик Морозов. «Пионер», №№5-6, 1933.
- Шварцман, Я. Дозорные урожая. «Пионерская правда», 7 и 9 августа 1933.
- Шестаков, Д. Предотвратить семейную драму. Л., 1981.
- Шестнадцатый съезд ВКП(б). М.-Л., 1930.
- Шкловский, В. Эйзенштейн. М., 1973.
- Schmemann, Serge. Soviet 'Hero' Informer, 13, Leaves a Bitter Legacy. «The New York Times», 16 September 1982.

Щипачев, С. Павлик Морозов. М., 1950.

Эйзенштейн в воспоминаниях современников. М., 1974.

Эйзенштейн, С. Ошибки «Бежина луга». «Советское искусство», 17 апреля 1937.

Эйзенштейн, С. Избранные произведения в 6-ти тт. М., 1971.

Эренбург, И. Речь на Первом съезде советских писателей. «Комсомольская правда», 22 августа 1934.

Юнович, М. Поэма о юном герое. «Огонек», №21, 1951.

Яковлев, А. Пионер Павел Морозов. М.–Л., 1938.

Яшин, А. Когда бессмертна смерть на земле. «Комсомольская правда», 26 июля 1950.

Многочисленные другие брошюры, газетные и журнальные статьи, а также буклеты, листовки, плакаты, путеводители, библиографические указатели, посвященные Павлику Морозову, выпущенные музеями, библиотеками и местными органами пропаганды, просвещения и культуры, здесь не указываются. Полный перечень источников равен объемом самой нашей книге, но большая часть этого материала — компиляции и простой плагиат меньшего количества первоисточников и, следовательно, литературная и историческая ценность этой бумажной массы не велика. Поэтому приводятся только источники, которыми пришлось пользоваться часто.

Неопубликованные документы и воспоминания

Следственное дело № 374 об убийстве братьев Морозовых. Проведено Секретно-политическим и Особым отделами Полномочного представительства ОГПУ по Уралу (1932 г.). Общий объем дела превышает 200 листов под шифром «Т» («Террор»); мы располагаем частью его, сохранилось ли остальное, неизвестно. Предоставлено в наше распоряжение тайно от властей сотрудником одного из архивов. Наиболее важные документы дела №374:

Протокол опроса по делу № (номер дела отсутствует), 4 сентября 1932.

Протокол подъема трупов, подписанный милиционером Титовым, 6 сентября 1932.

Протокол №4 бедняцкого собрания деревни Герасимовка об организации колхоза, 12 сентября 1932. Копия, подписанная районным уполномоченным ОГПУ Быковым.

Постановление уполномоченного Особого отдела Спиридона Карташова о передаче дела в органы ОГПУ 13 сентября 1932.

Специальная записка по вопросу террора №1858, серия «К» («Кулачество»), 17 сентября 1932. Отправлена начальнику Секретно-политического отдела ОГПУ в Свердловск.

Протоколы допроса Татьяны Морозовой 11 и 23 сентября 1932.

Обвинительное заключение, подготовленное ОГПУ для показательного процесса в Тавде, ноябрь 1932.

Некоторые другие, менее существенные, документы из дела №374 упоминаются в тексте.

Документы Кафедры пионерской работы Высшей комсомольской школы и материалы Кабинета истории пионерской организации ЦК ВЛКСМ (Москва), в частности:

Каталог пионеров-героев, 1917–1983.

Бюллетень ТАСС №50 «П» — для комсомольской и пионерской прессы, Москва, 22 декабря 1932. Полностью никогда не публиковался.

Книга водворения на участке Герасимовском Тобольской губернии. Государственный архив Екатеринбургской области, Ирбитский филиал, фонд 95–4.

Ермакова, Анастасия. Пионер-герой. Воспоминания одноклассницы Морозова, 1940. Рукопись. Тавдинский краеведческий музей.

Позднина, Елена (девичья фамилия Безбородова). О Павлике Морозове. Воспоминания, декабрь 1932. Рукопись. Свердловский музей революционной истории.

Позднина, Елена. Анкета, 1967. Рукопись. Тавдинский краеведческий музей.

Постановление Тавдинского горсовета №186, 13 апреля 1978.

Личные архивы

Архив писателя и редактора «Пионерской правды» Виталия Губарева (Москва).

Архив журналиста Павла Соломеина (Первоуральск, Екатеринбургской области) за время 1932–1962, сохраненный его вдовой и дочерью. Особенно интересны:

Кассиль, Лев. Письмо к Павлу Соломеину, 25 декабря 1936.

Материалы к биографии Морозова. Тетрадь Соломеина. Герасимовка, октябрь–декабрь 1932.

Показания очевидцев. Тетрадь Соломеина. Герасимовка, октябрь–декабрь 1932.

Савитская, Наталья. Вопросы писателя Олега Корякова и мои ответы об отце Павле Соломеине. Первоуральск, 1972.

Соломеин. Моя автобиография. Рукопись, 1932.

Творческий метод писателя Яковлева. Рукопись Соломеина, 1939.

Фомин, Григорий. Письмо к Соломеину. Тавда, 1953.

Архив литературоведа Александра Храбровицкого (Москва).

Свидетельства очевидцев

Магнитофонные записи показаний свидетелей и участников, которым удалось выжить, сделаны нами в тринадцати городах и сельской местности в 1980–83 годах. Эти интервью оказались незаменимыми источниками для нашей работы. Ниже следуют имена основных свидетелей, чьи показания были записаны и цитируются в книге без ссылок с указанием только имени:

Лазарь Байдаков (крестьянин), З.Т.Бахмач (вдова Елизара Смирнова), Вера Беркина (крестьянка), Г.П.Ильинская (жительница Тавды), Зоя Кабина (учи-

тельница), Спиридон Карташов (уполномоченный ОГПУ), Матрена Королькова (одноклассница героя), Алексей Морозов (брат героя), Павлик Морозов (племянник героя), Татьяна Морозова (мать героя), Григорий Парфенов (крестьянин), Елена Позднина (учительница), Иван Потупчик (осведомитель), Дмитрий Прокопенко (крестьянин), Елена Сакова (крестьянка), А.М.Сельминский (житель Тавды), В.Е.Смирнов (сын Елизара Смирнова), Анна Толстая (присутствовавшая на суде), Григорий Яковенко (следователь уголовного розыска).

Сведения о свидетелях имеются также в разделе «Участники событий».

ПРИМЕЧАНИЯ

ЭССЕ О ЛИТЕРАТУРЕ

НЯНЯ ПУШКИНА В ВЕНЧИКЕ ИЗ РОЗ. Выступление на тему «Ariana Yakovleva and Pushkin: Myth vs. Reality» на конференции Американской ассоциации развития славянских исследований AAASS, Washington, D.C., 26 октября 1995. Опубликовано с сокращениями: «Новый журнал», №201, 1995. Полностью печатается впервые.

¹ См.: Пушкин. Письма. Под ред. Б.Л.Модзалевского, Academia, 1935, т. III, с.674; Л.А.Черейский. Пушкин и его окружение. Л., 1988, с.524; John Bayley. Pushkin: A Comparative Commentary, 1971, pp.50-51; Яковлева — много источников.

² Н.И.Грановская. Если ехать вам случится. Л., 1989, с.63.

³ Б.С.Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., 1958, с.686.

⁴ Словарь совр. рус. лит. яз. М., 1954, т.3, с.596.

⁵ П.В.Анненков. «Материалы для биографии Пушкина». Соч. Пушкина, т. I, Пб., 1855, с.3.

⁶ А.И.Ульянский. Няня Пушкина. М.-Л., 1940.

⁷ Грановская, с.97.

⁸ Ibid, с.104.

⁹ Н.С.Брагинская. Пушкин и его няня. Ракурс, Нью-Йорк, 6 июня 1995.

¹⁰ Eugene Onegin. Trans. V.V.Nabokov. Princeton, 1975, v.IV, p.64.

¹¹ А.Ю.Пушкин. «Для биографии Пушкина». Москвитянин, 1852, кн.2, сс.21-25.

¹² Н.В.Берг. «Сельцо Захарово». Москвитянин, 1851, кн.3, с.29-32.

¹³ В двух местах справочника она названа по-разному и с разными годами рождения. Л.А.Черейский. Пушкин и его окружение. Л., 1988, с.455 и 524.

¹⁴ Ульяновский, с.25.

¹⁵ О.С.Павлищева. Воспоминания о детстве Пушкина. Пушкин в восп.совр. М., 1974, т.1, с.52.

¹⁶ Nabokov, v.2, pp.362, 454. Перевод здесь и далее наш.

¹⁷ Мать была внучатой племянницей отца: «...дед мой... женился на... дочери родного брата деду отца моего (который доводится внучатым братом моей

матери)». А.С.Пушкин. Автобиографические записки. Не оттого ли пятеро из восьми детей Пушкиных умерли, что в браке этом было кровосмешительство?

¹⁸ Pushkin. A Concordance to the Poetry by Thomas Show. Vol.1, p.661.

¹⁹ П.И.Бартенев. «Род и детство Пушкина». О Пушкине. М., 1992, с.57.

²⁰ Nabokov, v.2, p.362.

²¹ Н.Котляревский. Пушкин как историческая личность. Берлин, 1925, с.167.

²² П.В.Анненков. Пушкин. Материалы для его биографии. Спб., 1873, сс.112–113.

²³ М.И.Осипова. «Рассказы о Пушкине, записанные М.И.Семевским». Пушкин в восп. совр. М., 1974, т.1, с.423.

²⁴ Любовный быт пушкинской поры, М., 1994, т.1, с.232.

²⁵ Анненков, 1855, с.4.

²⁶ Расшифровка М.А.Цявловского. Тетрадь 2371. Рукою Пушкина. М.–Л., 1935, с.315.

²⁷ Подробнее: Н.О.Лернер. Арина Родионовна и няня Дубровского. Пушкин и его совр. Вып. VII, Спб., 1908, сс.68–72.

²⁸ Nabokov, v.2, p.274.

²⁹ Н.Ф.Сумцов. Сборник в память Пушкина. Харьков, 1900, с.115.

³⁰ Котляревский, с.168.

³¹ А.П.Керн. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989, с.95.

³² Nabokov, v.2, pp.452, 454.

³³ В.В.Вересаев. Спутники Пушкина, М., 1993, т.1, с.41.

³⁴ Керн, с.285.

³⁵ П.Парфенов. Рассказы о Пушкине, записанные К.А.Тимофеевым.

³⁶ Е.В.Павлова. Пушкин в портретах. М., 1983, с.26.

³⁷ Б.В.Томашевский. Комментарий. Пушкин. ПСС, Л., 1977, т.1, с.443.

³⁸ М.В.Шевляков. Пушкин в анекдотах. Спб., 1899, сс.6–7.

³⁹ Бартенев, с.57.

⁴⁰ Анненков, 1855, с.4.

⁴¹ Ю.М.Лотман. Евгений Онегин. Комментарий. Л., 1983, с.384.

⁴² Анненков, 1855, сс.3, 4; Анненков, 1873, с.112.

⁴³ Б.С.Мейлах. Пушкин. Очерк жизни и творчества. М.–Л., 1949, с.57.

⁴⁴ Любовный быт..., сс.203–204.

⁴⁵ Б.С.Мейлах. Жизнь Александра Пушкина. Л., 1974, с.198.

⁴⁶ Слава русского народа, Правда, 10 февраля 1937.

⁴⁷ Ульяновский, с.5.

⁴⁸ Н.В.Каликина. Основное в творческом и моральном облике Пушкина. Вашингтон, 1975, с.12.

⁴⁹ Грановская, с.59.

⁵⁰ Ульяновский, с.5.

⁵¹ Обе цитаты из: В.В.Кунин. Яковлева. Друзья поэта, М., 1984, т.1, с.114.

⁵² Грановская, сс.60, 62.

⁵³ Поскольку в русском социуме существует motherland, а не fatherland, ввести бы в употребление слово «матриотизм», да мешает ассоциация со словом мат.

⁵⁴ Интересный анализ этого явления в книге: D.Rancour-Laferriere. The Slave Soul of Russia. Moral Masochism and the Cult of Suffering. N.Y., 1995, p.242.

⁵⁵ Nabokov, v.2, p.452.

- ⁵⁶ D.J.Richards, C.R.S.Cocrell. «Introduction.» In: Russian Views of Pushkin. Oxford, 1976, p.xi.
- ⁵⁷ Bayley, p.50.
- ⁵⁸ Е.В.Павлова. Пушкин в портретах. М.,1983, с.98.
- ⁵⁹ В.В.Кунин, с.120.
- ⁶⁰ В.С.Бозырев. По пушкинскому заповеднику. М., 1977, с.9.
- ⁶¹ В.В.Починковская. Неопубликованные воспоминания «Шесть лет в Михайловском». Цит.по: И.Т.Будилин. Золотая точка России. Спб., 1995, с.18–19.
- ⁶² З.Х.Гареев. Цит. по: В.С.Бозырев. По пушкинскому заповеднику. М., 1977, с.10.
- ⁶³ В.В.Кунин, с.119.
- ⁶⁴ Н.И.Грановская. «Подруга дней его суровых». Вечерний Ленинград, 2 ноября 1971; «Рисунок Пушкина. Портреты Арины Родионовны». Временник Пушкинской комиссии, 1971, Л., 1973, с.29.
- ⁶⁵ Н.В.Измайлов. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с.44.
- ⁶⁶ Грановская, сс.67, 96 и 97.
- ⁶⁷ Анненков, 1855, с.122.
- ⁶⁸ В.Н.Майков. Сказка о рыбаке и рыбке и ее истоки. Спб., 1892, с.3–5.
- ⁶⁹ Ульяновский, с.43.
- ⁷⁰ Анненков, 1873, с.112.
- ⁷¹ И.И.Пушин. Записки о Пушкине. Пушкин в восп. совр. М., 1974, с.109.
- ⁷² М.И.Осипова. Рассказы о Пушкине, записанные М.И.Семевским. Пушкин в восп.совр. М., 1974, т.1, с.426. Пример урезанного текста см.: Н.И.Грановская. 1989, с.57.
- ⁷³ Ульяновский, с.53.
- ⁷⁴ В.Д.Свирский, автор учебников по русской литературе. Личное сообщение, Рига, 1985.
- ⁷⁵ И.И.Пушин. «Записки о Пушкине». Пушкин в восп. совр. М., 1974, т.1, с.109.
- ⁷⁶ Русский библиофил, 1911, №5, с.34. О крепостных возлюбленных поэта и няне в качестве сводни есть немного в комментарии Б.Л.Модзалевского к: Пушкин. Письма, М.–Л., 1928, т.II, с.153.
- ⁷⁷ М.К.Азадовский. «Пушкин и фольклор». Временник Пушкинской комиссии, №3, М.–Л., 1937, с.154.
- ⁷⁸ Н.В.Измайлов. Очерки творчества Пушкина, М., 1975, с.28.
- ⁷⁹ В.Э.Вацуро. Лицейское творчество Пушкина. В кн.: Пушкин. Стихотворения лицейских лет. Спб., 1994, с.387.

113–я ЛЮБОВЬ ПОЭТА. Доклад «Natalia Goncharova and the Myth of Pushkin» на конференции Американской ассоциации развития славянских исследований AAASS, Филадельфия, 17 ноября 1994. Отрывки опубликованы: «Вестник», №13 и №14, 1995; «Русская мысль», №4981, 8 июня 1995.

¹ М.И.Цветаева. Мой Пушкин. В кн.: Соч., Минск, 1989, т.2, с.290.

² Об этом сообщает А.А.Венкстерн: Биографический очерк. Альбом Пушкинской выставки 1880 года. М., 1887, с.16.

³ М.Л.Гофман. Невеста и жена Пушкина. В кн.: Письма Пушкина к жене Н.Н.Гончаровой. Париж, 1936.

⁴ П.К.Губер. Донжуанский список Пушкина. Пг., 1923, с.43. Губер приводит неполный список, состоящий из тридцати четырех имен.

- ⁵ Ю.М.Лотман. Роман «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983, с.388.
- ⁶ Пушкин в восп.совр. М., 1974, т.2, с.192.
- ⁷ М.Л.Гофман. Пушкин Дон Жуан. Париж, 1935, с.46-47.
- ⁸ Кёниг. Очерки русской литературы (1837). Пер. с нем. Спб., 1862, с.114.
- ⁹ «Литературная газета», 20 октября 1993.
- ¹⁰ М.Д.Беляев. Н. Н. Пушкина в портретах и отзывах современников. Л., 1930, с.97.
- ¹¹ В.В.Ермилов. Наш Пушкин. М., 1949, с.57.
- ¹² «Звенья», III-IV, Academia, М.-Л., 1934, с.180.
- ¹³ А.А.Ахматова. Стихи и проза. Л., 1977, с.547.
- ¹⁴ В.В.Вересаев. Спутники Пушкина. М., 1937, с.419.
- ¹⁵ Записки эти хранятся в библиотеке Арсенал, Париж, фонд Жюлья Лакруа.
- ¹⁶ А.Ф.Флоровский. Пушкин на страницах дневника графини Д.Ф.Фикельмон. Прага, 1959, с.565.
- ¹⁷ С.Булгаков. Жребий Пушкина. Наше наследие, 1989, с.346.
- ¹⁸ П.П.Вяземский. Соб. соч., с.521.
- ¹⁹ М.И.Цветаева. Мой Пушкин. М., 1981, с.127.
- ²⁰ Ibid, с.132.
- ²¹ Н.П.Озерова – С.Л.Энгельгардт из Москвы, 4 мая 1830. Пушкин и его современники, вып. XXXVII, с.153, по-фр.
- ²² А.Я.Булгаков – брату, 2 июля 1830, Русский Архив, 1901, III, с.482.
- ²³ Соболевский, друг Пушкина. Со статьей В.И.Саитова. Пг., 1922.
- ²⁴ С.Д.Киселев – Н.С.Алексееву, 26 декабря 1830. Пушкин. Письма. М.-Л., 1928, т. II, с.124.
- ²⁵ П.И.Бартенев. О Пушкине. М., 1992, с.357.
- ²⁶ А.Булгаков – брату, 16 февраля 1831. Русская мысль, 1902, т. I, с.52.
- ²⁷ Н.М.Смирнов. Из памятных записок. Пушкин в восп.совр. М., 1974, т.2, с.237.
- ²⁸ В.В.Вересаев. Спутники Пушкина. М., 1937. т.2, с.25.
- ²⁹ С. Frankland. Narrative of a Visit to the Courts of Russia and Sweden in the Years 1830 and 1831. London, 1832.
- ³⁰ Кн.Вяземский – жене, 30 Мая 1830. Лит. насл., т.16-18, с.806.
- ³¹ В.И.Туманский. Стихотворения и письма. Спб., 1912, сс.310-311. Этому свидетельству придает вполне резонно важное значение А.Шик: Женатый Пушкин. Берлин, 1936, с.43.
- ³² Лик Пушкина. Речи, читанные на торжественном заседании Богословского института в Париже. Paris, 1977, с.26.
- ³³ Р.Г.Шульц. Пушкин и Книдский миф. München, 1985.
- ³⁴ П.Е.Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. М.-Л., 1928, с.50.
- ³⁵ Приложения. В кн.: Пушкин. Письма к жене. Л., 1987, с.89.
- ³⁶ А.П.Арапова. Н.Н.Пушкина-Ланская. М., 1994, сс.36-37.
- ³⁷ Б.И.Бурсов. Судьба Пушкина. Л., 1986, с.414.
- ³⁸ В.В.Вересаев. Спутники Пушкина. М., 1937, с.439.
- ³⁹ Пушкин и его совр., вып. XVII-XVIII, с.168.
- ⁴⁰ Соболевский, друг Пушкина. Пг., 1922, с.38.
- ⁴¹ Брюллов в гостях у Пушкина летом 1836 года. Пушкин в восп. совр. М., 1974, т.2, с.293.
- ⁴² А.Позов. Метафизика Пушкина. Мадрид, 1967, с.224.
- ⁴³ Е.А.Долгорукова. В сб.: Пушкинский праздник, 1974, с.24.

- ⁴⁴ Пушкин в письмах Карамзиных. М.-Л., 1960, с.167.
- ⁴⁵ Сочинения и переписка Плетнева, т. III, с.524.
- ⁴⁶ Цит. по: И.Ободовская, М.Дементьев. После смерти Пушкина. М., 1980, с.162.
- ⁴⁷ Подробнее об этом: С.Энгель. «Новый мир», №11, 1966; М.А.Дементьев. Еще раз о письмах к Пушкину его жены. Известия АН СССР. Серия языка и литературы. т. XXIX, №5, 1970.
- ⁴⁸ Пушкин в восп.совр. М., 1974, т.2, с.185.
- ⁴⁹ Эта работа была опубликована более чем за год до выхода книги Серены Витале «Пуговица Пушкина» (Serena Vitale. Il bottone di Puskin. Milano, 1995). Найденные Витале письма Дантеса дают дополнительные подтверждения, но не меняют нашу оценку ситуации.
- ⁵⁰ П.И.Бартенев. О Пушкине. М., 1992, с.355.
- ⁵¹ В.В.Вересаев. Спутники Пушкина. М., 1937, с.428.
- ⁵² С.Л.Абрамович. Пушкин в 1836 году. Л., 1989, с.262.
- ⁵³ «Русский архив», кн.9, с.124.
- ⁵⁴ Ach Gallet de Kultur. Le tzar Nicolas at la sainte Russie. Paris, 1855, pp.202-203.
- ⁵⁵ В.В.Вересаев. Спутники Пушкина. М., 1937, с.435-436.
- ⁵⁶ Ibid, с.437.
- ⁵⁷ М.И.Яшин. Хроника преддвуэльных дней. «Звезда», 1963, №9, с.174.
- ⁵⁸ Цит. по: Д.М.Урнов. Пристрастия и принципы. М., 1991, с.421.
- ⁵⁹ В.И.Кулешов. Жена поэта. В кн.: И.Ободовская, М.Дементьев. Н.Н.Пушкина. М., 1987, с.7.
- ⁶⁰ Друзья Пушкина. Составитель В.В.Кунин. М., 1984.
- ⁶¹ И.М.Ободовская, М.А.Дементьев. Н.Н.Пушкина. М., 1987, с.13. Критика этой книги на Западе: Mark Altshuller, Helena Goscilo. SEEJ, 1987, vol.31, 3, pp.435-437.
- ⁶² В сходных видах миф пересказывается и в других работах этих авторов: Вокруг Пушкина. М., 1975; После смерти Пушкина. М., 1980; Пушкин в Яропольце. М., 1982.
- ⁶³ Д.Д.Благой. Творческий путь Пушкина. М., 1967, с.361-362.
- ⁶⁴ А.А.Кузнецова. Моя Мадонна. М., 1987, с.46.
- ⁶⁵ В.В.Кунин. Н.Н.Пушкина. В кн.: Друзья Пушкина, М., 1984, т. II, с.445.
- ⁶⁶ В.А.Соллогуб. В сб: Пушкин в восп. совр. М., 1974, т.2, с.306.
- ⁶⁷ А.А.Кузнецова. Моя Мадонна. М., 1987, с. 24 и 47.
- ⁶⁸ В.Козьявин. Лучшая шахматистка Петербурга. «Неделя», №5, М., 1987.
- ⁶⁹ А.А.Кузнецова. Моя Мадонна, М., 1987, с.115.
- ⁷⁰ Временник Пушкинской комиссии, 1966, сс.11-12.
- ⁷¹ Н.А.Раевский. Д.Ф.Фикельмон в жизни и творчестве Пушкина. В кн.: Избранное. Минск, 1978, с.220.
- ⁷² А.А.Кузнецова. Моя Мадонна. М., 1987, сс. 121, 133, 44.
- ⁷³ Б.И.Бурсов. Судьба Пушкина. Л., 1986, сс.405 и 416.
- ⁷⁴ Без чувства юмора об этом сообщил «Огонек», №6, 1991, с.16-17.
- ⁷⁵ Я.Л.Левкович. Жена поэта. В сб.: Легенды и мифы о Пушкине, Спб., 1994.

«С ПУШКИНЫМ НА ДРУЖЕСКОЙ НОГЕ». Эссе написано на основе доклада «Pushkin and Gogol: Myth of a Friendship», сделанного на конгрессе Американской ассоциации преподавателей славянских и восточно-европейских

языков AATSEEL, Сан-Франциско, 29 декабря 1991. С некоторыми сокращениями опубликовано: «Синтаксис», Париж, №4, 1995.

¹ Г.П. Макогоненко. Гоголь и Пушкин. Л., 1985. Инверсия в названии книги (Гоголь раньше Пушкина) обнаруживает желание автора доказать важность Гоголя для Пушкина. Поменяйте местами имена – и картина становится менее тенденциозной.

² Д.Д.Благой. Литература и действительность. М., 1959, сс.401-422.

³ Н.Петрунина, Г.Фридлендер. Пушкин и Гоголь в 1831-1836 гг. В сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т.VI. Л., 1969, с.203.

⁴ Simon Karlinsky. The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol. Harvard University Press, Cambridge, 1976, p.287.

⁵ П.И.Бартенев. Рассказы о Пушкине. М., 1925, с.44.

⁶ В.В.Гиппиус. Комментарий. В кн: Гоголь. ПСС. Изд-во АН СССР, 1938-1952, т.Х, с.435.

⁷ D.S.Mirsky. A History of Russian Literature. 1958, p.150.

⁸ А.Позов. Метафизика Пушкина. Мадрид, 1967, с.228.

⁹ В.Н.Ильин. Достоевский и Гоголь. «Orientund Occident», 1932, Heft 10.

¹⁰ Н.Л.Степанов. Предисловие. В кн: Гоголь. Соб. соч. в шести тт. М., 1952-1953, т.1, с.XXII. Помню лекции моего профессора Степанова в сталинские годы, когда он старался уходить от обязательных политических доктрин, но в публикациях избежать их не мог.

¹¹ В.Г.Белинский. О русской повести и повестях Гоголя. Избр. соч. М., 1948, с.79. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Ibid, с.218.

¹² Борьбе вокруг двух имен, предшествовавшей установке памятника Пушкину в Москве, уделяет внимание Маркус Левитт: Marcus C.Levitt. Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880. Cornell University Press, Ithaca and London, 1989.

¹³ В.И.Ленин. Соч., изд.4, т.18, с.286.

¹⁴ В.В.Гиппиус. Гоголь. Л., 1924, с.40.

¹⁵ В.В.Гиппиус. Комментарий. Гоголь. ПСС, т.Х, с.436.

¹⁶ Н.Л.Степанов. Предисловие. Гоголь. Соб. соч. в шести тт., т.1, с.LXIV.

¹⁷ Б.В.Томашевский. Пушкин. Кн. 2. М.-Л., 1961, с.442.

¹⁸ Г.П.Макогоненко. Гоголь и Пушкин. Л., 1985, с.23.

¹⁹ Н.Петрунина, Г.Фридлендер. Пушкин и Гоголь в 1831-36 гг. В сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т.VI. Л., 1969, с.197.

²⁰ И.П.Золотусский. Портрет «странного» гения. В кн: В.В.Вересаев. Гоголь в жизни. М., 1990, с.13.

²¹ Д.Д.Благой. Литература и действительность. М., 1959, с.408.

²² П.В.Анненков. Материалы для биографии Пушкина. Изд.2, 1873, с.360.

²³ Гоголь. Соб. соч. в шести тт.. Примечания. т.6, с.398.

²⁴ П.В.Анненков. Литературные воспоминания. М., 1983, с.54.

²⁵ Ibid, с.58.

²⁶ Абрам Терц (Andrei Siniavsky). В тени Гоголя. London, 1975, с.328.

²⁷ М.А.Цявловский. Хронологическая канва биографии. Пушкин. ПСС. М.-Л., 1931, т.6, с.17.

²⁸ В.И.Шенрок. Материалы для биографии Гоголя. М., 1892, т.1, с.348.

²⁹ А.Н.Пыпин. Гоголь. Брокгауз и Ефрон, 1893, т.17, с.19.

³⁰ А.С.Долинин. Пушкин и Гоголь. К вопросу об их личных отношениях. Пушкинский сборник. М.-Пг., 1923, с.184.

³¹ V.Nabokov. Nikolai Gogol. N.Y., 1959, p.30.

³² См. сообщение в «Северной пчеле», 1854, №175, а также у Шенрока: «Материалы для биографии Гоголя», т.III, с.228.

³³ М.Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826-55 гг. Спб., 1909, с.135.

³⁴ Пушкин. ПСС, М.-Л., 1931, т.6. Путеводитель, с.99.

³⁵ Н.Л.Степанов. Предисловие. Гоголь. Соб. соч. в шести тт. т.1, с.XIX.

³⁶ И.С.Тургенев. Соб. соч. М., 1962, т.10, с.114.

³⁷ М.А.Цявловский. Хронологическая канва биографии. Пушкин. ПСС, М.-Л., 1931, т.6, с.21.

³⁸ П.В.Анненков. Литературные воспоминания. М., 1983, с.59.

³⁹ Коллективный комментарий сотрудников ИРЛИ. В кн: Пушкин в восп. совр. М., 1985, т.2, с.498.

⁴⁰ А.Слонимский. Примечания. Гоголь. Соб. соч. в шести тт., т.5, с.437. То же см.: Н.Н.Петрунина. Примечания. Пушкин. Письма последних лет. Л., 1969, с.386; Ю.М.Лотман. Пушкин. Спб., 1995, с.268.

⁴¹ V.Nabokov. Nikolai Gogol. N.Y. 1959, p.31.

⁴² П.В.Анненков. Воспоминания и критические очерки. Спб., 1877, с.184. Высказывание Пушкина Ю.Нагибин передает так: «Надо быть осторожнее с этим хохлом» («Литературная газета», 20 октября 1993). Смысл выражения, по Нагибину, в том, что Пушкин опасался перетягивания Гоголем на себя прозы вообще, что, мягко говоря, весьма спорно.

⁴³ «Литературное наследство», №16-18, сс.600-602. Этот том – одно из изданий, своей политической ориентацией искажающее всю биографию Гоголя и «историю дружбы».

⁴⁴ Ibid, с.99; Б.В.Томашевский. В кн: Пушкин. ПСС, Л., 1977-1979, т.VI, с.552.

⁴⁵ В.В.Гиппиус. Комментарий. Гоголь. ПСС, т.X, с.436.

⁴⁶ Г.П.Макогоненко. Гоголь и Пушкин. Л., 1985, с.33.

⁴⁷ И.П.Золотусский. Гоголь. М., 1979, с.185.

⁴⁸ И.И.Панаев. Литературные воспоминания. М.-Л., 1950, с.65.

⁴⁹ Абрам Терц (Andrei Siniavsky). В тени Гоголя. London, 1975, с.335.

⁵⁰ А.Жолковский. Блуждающие сны. Из истории русского модернизма. М., Советский писатель, 1992. Верстка, с.92.

⁵¹ Н.И.Тарасенко-Отрешков. Воспоминания о Пушкине. «Русская старина», 1908, февраль. Б.Лукьяновский. Пушкин и Гоголь в их личных взаимоотношениях. В кн: Беседы, М., 1915, с.43.

⁵² Ю.Г.Оксман. Путеводитель. Пушкин. ПСС, М.-Л., 1931, т.6, с.99.

⁵³ Ibid, с.100.

⁵⁴ V.Nabokov. Nikolai Gogol. N.Y., 1959, p.59.

⁵⁵ Письмо от 19 января 1836 г. Остафьевский архив князей Вяземских. Спб., 1899, т.III, с.285.

⁵⁶ Helen Muchnik. A Long Nose Argued with Its Owner. The New York Times Book Review, December 23, 1973.

⁵⁷ В.В.Вересаев. Спутники Пушкина. М., 1937, т.2, с.294.

⁵⁸ John Bayley. The Frivolity of Genius. TLS, March 4, 1994.

⁵⁹ Simon Karlinsky. The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol. Harvard University Press, Cambridge, 1976; Daniel Rancour-Laferriere. Out from under Gogol's Overcoat. Psychoanalytic Study. Ardis, 1982.

⁶⁰ В.Э.Вацура. Записки комментатора. Спб., 1994, сс.313-319.

⁶¹ П.А.Плетнев – Н.В.Гоголю, 27 октября 1844. «Русский вестник», 1890, №11, с.34.

⁶² Свидетельство о венчании в ИРЛИ. Об этом: С.Краюхин. Родственница Пушкина и Гоголя. «Неделя», М., 1984, №22.

⁶³ Б.И.Бурсов. Судьба Пушкина. Л., 1986, с.126.

⁶⁴ Л.А.Черейский. Пушкин и его окружение. Изд.2-е. Л., 1988, с.105.

⁶⁵ Г.П.Данилевский. Знакомство с Гоголем. Соб. соч. Изд. 9-е, Спб., 1902, т.ХIII, с.121.

⁶⁶ П.В.Анненков. Воспоминания и критические очерки. Спб., 1877, с.185.

ПУШКИН, СТАЛИН И ДРУГИЕ ПОЭТЫ. Перевод с английского. В основу эссе положен доклад на Международной конференции World War II: A 50-year Perspective, Siena College, Albany, New York, 4 июня 1992. Опубликовано: «Время и мы», №118, 1992; Studia Rossica Posnaniensia, Poland, vol.XXVI, 1995. Дополнено для настоящего издания.

¹ А.В.Луначарский. Пушкин. В кн.: Пушкин. ПСС. М.-Л., 1936, т.1, с.37.

² Очерки по истории русской критики под ред. А.В.Луначарского. М.-Л., 1929, ч.1-4, с.190.

³ В.Я.Кирпотин. Наследие Пушкина и коммунизм. М., 1936.

⁴ «Правда», 17 декабря 1935.

⁵ В.Я.Кирпотин. Пушкин. Памятка. Л., 1937, сс.147, 153.

⁶ Передовая. «Правда», 10 февраля 1937.

⁷ Пушкин. Сб. под ред. А.М.Еголина. М., 1941, с.3.

⁸ «Правда», 5 декабря 1938.

⁹ Доклад И.В.Сталина 6 ноября 1941. «Известия», 7 ноября 1941.

¹⁰ NinaTumarkin. The Great Patriotic War as Myth and Memory. Atlantic, June 1991, p.28.

¹¹ «Известия», 26 мая 1943.

¹² Б.С.Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., 1958, с.4.

¹³ «Известия», 26 мая 1943.

¹⁴ «Известия», 18 июня 1943.

¹⁵ И.М.Нусинов. Пушкин и мировая литература. М., 1941, с. 197.

¹⁶ И.А.Новиков. Соб.соч. М., 1967, т.4, сс.448, 544.

¹⁷ «Известия», 27 мая 1945.

¹⁸ «Известия», 5 июня 1945.

¹⁹ Памяти великого русского поэта. «Известия», 13 июня 1944.

²⁰ Великие традиции русской науки. «Известия», 13 июня 1944.

²¹ Н.Ф.Погодин. Свершилось! «Известия», 9 мая 1945.

²² Народ-герой, народ-победитель. «Известия», 23 мая 1945.

²³ «Известия», 4 июня 1945.

²⁴ Пушкин. Материалы юбилейных торжеств. М., 1951, с.5.

²⁵ Ibid, с.6.

²⁶ Ibid, с.13.

²⁷ Ibid, с.17.

²⁸ Ibid, с.9.

²⁹ Труды первой и второй Всесоюзных пушкинских конференций. 1949, 1950. М.-Л., 1952, с. 25. Далее: Труды.

- ³⁰ Б.С.Мейлах. Пушкин. М.-Л., 1949, сс. 8-9, 3, 13.
- ³¹ И.В.Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950, с.7.
- ³² Труды. М.-Л., 1952, с.23.
- ³³ Малинин В.А. Философские взгляды Пушкина. Автореферат. М., 1954, с.6.
- ³⁴ Ibid, с.4.
- ³⁵ И.К.Ениколопов. Пушкин в Грузии. Тбилиси, 1950.
- ³⁶ В.В.Ермилов. Наш Пушкин. М., 1949, сс. 94, 95, 61.
- ³⁷ Сокращая многословие, Ibid, с.5.
- ³⁸ Б.С.Мейлах. Пушкин. М.-Л., 1949, с.18.
- ³⁹ Ibid, сс.172-173.
- ⁴⁰ Труды, с.15.
- ⁴¹ Б.С.Мейлах. Пушкин. М.-Л., 1949, сс.52-53.
- ⁴² Труды, с.7.
- ⁴³ Б.С.Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., 1958, с. 177.
- ⁴⁴ Пушкин. Сб. под ред. А.М.Еголина. М., 1941, с.12.
- ⁴⁵ В.В.Ермилов. Наш Пушкин. М., 1949, с.94.
- ⁴⁶ В.Ф.Тендряков. Культура и доверие. «Огонек», М., 1988, №39, с.9.

ОПАСНЫЕ ШУТКИ АЛЬБЕРА РОБИДА. Опубликовано: «Новое русское слово», 27 мая 1994; «Литературная газета», 11 января 1995.

¹ А.Робида. Двадцатое столетие: электрическая жизнь. Спб., 1894, сс.7-8. Далее: Робида. В книге много стилистических огрехов, сделанных, по-видимому, переводчиком, много и корректорских ошибок. В приводимых цитатах они, по возможности, исправлены, если не меняют смысла текста.

² Робида, с.25.

³ Ibid, с.28.

⁴ «Король обезьян», «Вокруг света за 80 дней», «Четыре королевы», «В поисках белого слона», «Его величество правитель Северного Полюса». Париж, 1882.

⁵ Робида, с.313.

⁶ Ibid, с.243-244.

⁷ Ibid, с.102.

⁸ The Encyclopedia of Science Fiction. Edited by John Clute and Peter Nicholls. Orbit, 1993.

⁹ Робида, сс.16-17.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid, сс.22-23 и 70.

¹² Ibid, с.265.

¹³ Ibid, с.76.

¹⁴ Ibid, с.196.

¹⁵ Ibid, с.253.

¹⁶ Ibid, с.130.

¹⁷ Ibid, с.133.

¹⁸ Ibid, с.140.

¹⁹ Ibid, с.143.

²⁰ Ibid, с.213.

²¹ Ibid, с.144.

²² Ibid, с.238-239.

²³ Ibid, с.200.

²⁴ Ibid, с.216.

²⁵ Ibid, с.298.

²⁶ Ibid, с.248.

²⁷ Ibid, с.127.

²⁸ Записные книжки. И.Ильф, Е.Петров. Собр. соч. М., 1961, т.5, с.189.

²⁹ Робида, с.207.

³⁰ Ibid, с.237.

³¹ Ibid, с.186.

³² Ibid, сс.170 и 171.

³³ Д.Зиберов. Альбер Робида – шутник и мечтатель. «Неделя», М., 1973.

ЯВНАЯ И СКРЫТАЯ ЖИЗНИ КОНСТАНТИНА ВЕНТЦЕЛЯ. Написано в 1977, доработано в 1994. Впервые опубликовано в книге «Русские мифы», Liberty, Нью-Йорк, 1995; «Литературная газета», Москва, 24 января 1996; «Вопросы философии», Москва, №4, 1996.

¹ К.Н.Вентцель. Записная книжка, 1933-1935. Архив Академии педагогических наук РФ. Фонд 23, опись 1, ед.хр.14, л.39. Далее в рукописях указывается только ед.хр. и л. (при наличии нумерации листов).

² Вентцель. Дневник, 1878. Ед.хр.7, цит. на лл.19-38.

³ Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь от предшественников декабристов до падения царизма. М., 1933, т.3, вып.1, с.557.

⁴ Вентцель. Из пережитого, передуманного, пережитого и сделанного. Автобиографический очерк, 1932. Ед.хр.1, л.106. (Далее: Из пережитого...)

⁵ Вентцель. Тетрадь тюремных записей, 1885. Ед.хр.7.

⁶ В.Г.Короленко. Письмо Вентцелю, 9 мая 1889. Собр. соч., т.10, М., 1956, с.111.

⁷ Из пережитого... Ед.хр.1, л.336.

⁸ Вентцель. Этика, педагогика и политика. Журнал «Вестник воспитания», №3, 1906. Цит. по рукописи. Ед.хр.1, л.337.

⁹ Вентцель. Нравственное воспитание и свобода. Журнал «Свободное воспитание», №4, 1908, с.52.

¹⁰ Из пережитого... Ед.хр.1, л.360.

¹¹ Вентцель. Нужно ли обучать детей нравственности, 1912. Ед.хр.31, лл.20-24.

¹² Из пережитого... Ед.хр.1, цит. на лл.405-462.

¹³ Вентцель. Уничтожение тюрем. М., 1917, с.1.

¹⁴ Вентцель. Социализм и воспитание. «Свободное воспитание», №1-3, 1918. Цит. по рук. Ед.хр.1, л.101.

¹⁵ Вентцель. Теория свободного воспитания и идеальный детский сад. М., 1923, с.24-25.

¹⁶ Вентцель. «Свободное воспитание», №1-3, 1918, с.24.

¹⁷ Н.К.Крупская. Пед.соч. М., 1957, т.1, с.140.

¹⁸ БСЭ, изд.1-е. М., 1928, т.10, с.240.

¹⁹ П.П.Блонский. Избр. пед. произв. М., 1961, с.43.

²⁰ Вентцель. Провозглашение прав ребенка. «Свободное воспитание», №1-3, 1918. Цит. по рук. Ед.хр.31, л.109.

²¹ Из пережитого... Ед.хр.1, лл.467 и 476.

- ²² Вентцель. Дневник, 1917. Ед.хр.39, л.183.
- ²³ С.Винокуров, Т.Пчельников. Видные русские педагоги в Воронежском крае. Воронеж, 1972, с.23.
- ²⁴ Газета «Воронежская коммуна», №28, 1922.
- ²⁵ Вентцель. Тетрадь с записями. Воронеж, 1921. Ед.хр.46, л.17.
- ²⁶ Вентцель. Революция и требования нравственности. Рукописный сб. статей. Воронеж, без года. Ед.хр.32, цит. на лл.5-27.
- ²⁷ Вентцель. Дневник, 1917. Ед.хр.39, лл.107-108.
- ²⁸ А.В.Луначарский. Основы просветительской политики советской власти. Изд. «Работник просвещения», М., 1924, с.6.
- ²⁹ Бюллетень IV Всероссийского съезда завгубоно, 3 декабря 1923, №6, с.14.
- ³⁰ «Известия», 5 ноября 1922 и 22 марта 1923.
- ³¹ Журнал «На путях к новой школе», №7-8, 1923, с.5-6.
- ³² Вентцель. Дневниковые записи, 1925. Ед.хр.14, с.13.
- ³³ Из пережитого... Ед.хр.1, лл.52 и 67.
- ³⁴ БСЭ, изд.2-е. М., 1951, т.7, с.468.
- ³⁵ Педагогическая энциклопедия. М., 1966, т.3, с.801.
- ³⁶ Советский энциклопедический словарь. М., 1979, с.211.
- ³⁷ В.Зеньковский. Русская педагогика в XX веке. Париж, 1960, с.16. (Первое изд. книги: Белград, 1933).
- ³⁸ БСЭ, изд.3-е. М., 1971, т.4, с.1550.
- ³⁹ Вентцель. Тетрадь с записями. Воронеж, 1921. Ед.хр.46, лл.27 и 27 об.
- ⁴⁰ Вентцель. Дневник, 1884. Ед.хр.7.
- ⁴¹ Вентцель. Дневник, 1925. Ед.хр.14, л.2 об.
- ⁴² Вентцель. Дневник, 1925. Ед.хр.14, л.24 об.
- ⁴³ Вентцель. Дневник, 1930. Ед.хр.16, л.3 об.
- ⁴⁴ Вентцель. Мои замечания по поводу теории диалектического материализма, 1929-1935. Ед.хр.63, цит. на лл.2-40.
- ⁴⁵ Вентцель. Три революции, 1923. Ед.хр.54, лл.2 и 20.
- ⁴⁶ Вентцель. Этика и педагогика творческой личности. М., 1912, т.II, с.589.
- ⁴⁷ Вентцель. О внутреннем рабстве, 1925-1934. Ед.хр.59, лл.4 и 5.
- ⁴⁸ Вентцель. Религия творческой жизни. Проблема религии в свете освобождения от цепей невидимого рабства, 1923. Ед.хр.53, л.390.
- ⁴⁹ Вентцель. Три революции, 1923. Ед.хр.54, л.20.
- ⁵⁰ Вентцель. Освобождение ребенка. М., 1906, с.5.
- ⁵¹ Вентцель. Дневник, 1936-1937. Ед.хр.16, л.8.
- ⁵² Вентцель. Эволюция нравственных идеалов. Незаконченная рукопись. Ед.хр.75, цит. на лл.75-105.
- ⁵³ В.С.Соловьев. Духовные основы жизни. Соб.соч. Пг., 1917, т.III, с.288.

КУПРИН В ДЕГТЕ И ПАТОКЕ. «Новое русское слово», 24 февраля 1989; радио «Свобода», 1989; доклад «Alexander Kuprin: Russian Writer and Soviet Myth» на коллоквиуме в Калифорнийском университете: Davis Russian Colloquia, October 29, 1990.

¹ В.И.Ленин. ПСС, изд.5, т.22, с.280.

² БСЭ, изд.3, т.5, с.359.

³ В.Воровский. А.Куприн. В кн.: Литературно-критические статьи. М., 1956. Статьи в сборнике по сравнению с двадцатью годами прочищены и исправлены.

⁴ Факт малоизученный. Узнал я о нем от американского коллеги Марка Стайнберга, профессора русской истории в Иельском университете.

⁵ Письма Куприна. В кн.: К.Н.Батюшков, Ф.Д.Батюшков. Куприн. Вологда, 1968, с.168.

⁶ «Огонек», 1945, №36, с.9.

⁷ Литературная энциклопедия. Под ред. А.Луначарского. Изд. Коммунистической академии. М., 1931, т.5, с.746. Позже была изъята из библиотек.

⁸ К.А.Куприна вернулась в Россию двадцать лет спустя и здесь написала книгу «Куприн – мой отец». Рукопись была настолько отфильтрована, что источником информации служить не может.

⁹ Н.А.Тэффи. Моя летопись. «Время и мы», №111, с.237.

¹⁰ С.И.Фонская. Дом в Голицыне. М., 1967.

¹¹ «Литературная газета», 5 июня 1937; Куприн. Отрывки воспоминаний. «Известия», 18 июня 1937; About the author. In: Alexander Kuprin. The Garnet Bracelet. Moscow. Без года. Издание для заграницы.

¹² А.Куприн. Москва родная. «Комсомольская правда», 11 октября 1937.

¹³ Ibid.

¹⁴ К.Г.Паустовский. Поток жизни. В кн.: А.И.Куприн. Собр. соч. М., 1957, т.1, сс.8, 27.

¹⁵ Н.Н.Фонякова. Куприн в Петербурге-Ленинграде. Л.,1986, с.4.

¹⁶ Краткая литературная энциклопедия, т.3, с.910.

¹⁷ Н.А.Тэффи. Моя летопись. «Время и мы», №111, с.231.

¹⁸ Цит. по: А.Дынник. Куприн: очерк жизни и творчества. Лансинг, 1969, с.87.

¹⁹ Ibid, с.99.

²⁰ Р.В.Плетнев. История русской литературы XX века. Englewood, 1987, с.28.

²¹ П.Н.Берков. Куприн. М., 1956, с.161.

²² Л.В.Крутикова. Куприн. Л., 1971, с.115.

²³ А.В.Храбровицкий. Личное сообщение, Москва, 1985.

²⁴ «Журнал-журналов», Спб., 1916, №15, с.5.

В ГОСТЯХ У СТАЛИНА БЕЗ ЕГО ПРИГЛАШЕНИЯ. Опубликовано: «Время и мы», №104, 1989; «Совершенно секретно», Москва, №04, 1991; в книге «Русские мифы», 1995.

¹ С.И.Аллилуева. Двадцать писем к другу. Лондон, 1967. Далее в тексте ссылки к высказываниям Аллилуевой на сс.17-23.

² В.Некрасов. Я был рядом со Сталиным. «Новое русское слово», 28 октября 1994.

³ Ю.В.Трифонов. Записки соседа. «Дружба народов», №10, 1989, с.39.

⁴ Дневник М.А.Сванидзе. Сталин в объятиях семьи. М., 1993, сс. 169-170.

⁵ С.А.Микоян. «Аскетизм» вождя. «Огонек», №15, 1989, с.29.

⁶ В.Некрасов. Закат хозяина. «Новое русское слово», 24 октября 1994.

⁷ Ibid.

⁸ См. «Огонек», №37, 1989.

⁹ С.И.Аллилуева. Два последних разговора. «Московские новости», 12 октября 1990.

¹⁰ Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М., 1993, с. 104.

¹¹ Ibid, с. 104-105.

¹² С.И.Аллилуева. Книга для внушек. Нью-Йорк, 1991, сс.160-161.

¹³ С.И.Аллилуева. Два последних разговора. «Московские новости», 12 октября 1990.

ТАЙНА ПОГОСТА В РУЧЬЯХ. Частично опубликовано: Вестник, №15, 1995; «Новое русское слово», 14 апреля 1995; «Русская мысль», №№4076, 4077 и 4078, 1995.

¹ Хлебников. Проза. М., 1990, с.3.

² Н.Л.Степанов. Велимир Хлебников. Жизнь и творчество. М., 1975, с.176.

³ Д.В.Петровский. Повесть о Хлебникове. М., 1926, с.45.

⁴ Собрание произведений В.Хлебникова в пяти томах под общей редакцией Ю.Тынянова и Н.Степанова. Л., 1928-1933. Далее: Хлебников, том и стр.

⁵ В.В.Маяковский. Соб.соч. М., 1978, т.11, с.155.

⁶ Хлебников, V, с.315.

⁷ Хлебников. Неизд. произв. М., 1940, с.384.

⁸ Р.Райт. Все лучшие воспоминания. «Ученые записки Тартусского университета». Вып.184. Труды по русской и славянской филологии, т.IX. Тарту, 1966, с.267.

⁹ В.В.Маяковский. Соб. соч. М., 1978, т.11, с.155.

¹⁰ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома, 1974. Л., 1976, с.17.

¹¹ Хлебников, V, с.318.

¹² Ibid, с.324.

¹³ Ibid, сс.325-326.

¹⁴ П.В.Митурич. Воспоминания. Рукопись.

¹⁵ Е.Л.Степанова. Запись беседы.

¹⁶ М.П.Лобанов. Размышление о литературе и жизни, М., 1982, с.220.

¹⁷ Хлебников, V, с.236.

¹⁸ Записная книжка. Хлебников, V, с.274.

¹⁹ Л.Ю.Брик. Альманах «С Маяковским». М., 1934, с.78.

²⁰ Хлебников, V, с.270.

²¹ Ibid, с.179.

²² Ibid, с.73.

²³ Ibid, с.82.

²⁴ С.М.Городецкий. Велимир Хлебников. Некролог. «Всемирная иллюстрация», вып.III, М., 1922.

²⁵ Интересный комментарий в работе: Barbara Lönnqvist. Chlebnikov's «double speak». Сб.:V.Chlebnikov. Myth and Reality. Amsterdam, 1986, с.291.

²⁶ ЦГАЛИ, фонд 527, опись 1.

²⁷ О.Э.Мандельштам. Соб. соч., 1971, т.2, с.247.

²⁸ Неизданный Хлебников. 1928-1933. На правах рукописи, с.323.

²⁹ Ibid.

³⁰ В.В.Маяковский. Соб. соч. М., 1978, т.11, с.151.

³¹ Е.Г.Эткинд. Заболоцкий и Хлебников. В кн: Chlebnikov: Myth and Reality. Amsterdam, 1986, p.544.

³² А.К.Жолковский. Графоманство как прием. В кн.: Chlebnikov: Myth and Reality. Amsterdam, 1986, с.585.

³³ Хлебников, V, сс.165-167.

³⁴ Хлебников. Проза. М., 1990, с.4.

³⁵ Д.П.Мирский. Лит.-крит. статьи. М., 1978, с.223.

³⁶ М.Поляков. Хлебников. Мироззрение и поэтика. В кн.: Хлебников. Творения. М., 1986, с.34.

³⁷ Н.Л.Степанов. Велимир Хлебников. М., 1975, с.186.

³⁸ Ibid, с.188.

³⁹ Например: М.Поляков. В кн.: Хлебников. Творения. М., 1986, с.13.

⁴⁰ А.Жаворонков, Э.Тихонова, В.Тюрин. Писатели на Новгородской земле. Новгород, 1960, с.103.

⁴¹ Э.Г.Истомина. Крестцы. Новгород, 1968.

⁴² Мать Зои была моей соседкой. Несчастную женщину превратили в истеричку, повторявшую с трибун официальную версию о том, как фашисты повесили ее героическую дочь.

⁴³ «Вечерняя Москва», 29 октября 1984.

⁴⁴ Личный архив.

⁴⁵ Хлебников, I, сс.182 и 174.

СУДЬБА ТРИФОНОВА. Доклад «Yuri Trifonov's Way to Survive: His Success and Failure» на конференции Contemporary Soviet-Russian Literature, Texas Tech University, Лабок, Техас, 5 октября 1990. «Время и мы», № 108, 1990.

¹ В.Степанов. Сюжеты журнальной прозы. «Известия», 16 августа 1974.

² «Московский комсомолец», 11 декабря 1969. Специальный выпуск.

³ «В 7 подъезде в 137 квартире жил Валентин Трифонов, в результате связи которого с дочерью его второй жены родился Юрий Трифонов». (А.Колесников. Континент на набережной. «Новое русское слово», 4 сентября 1992.) Комментарии по поводу этой связи, от которой поёживаешься, оставляю читателям.

⁴ Ю.В.Трифонов. Записки соседа. «Дружба народов», №10, 1989, с.7. Подготовлены к публикации вдовой Трифоновой О.Р.Мирошниченко. Далее: Записки.

⁵ Записки, с.36.

⁶ Ibid, с.37.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid, с.7.

⁹ Ibid, с.8.

¹⁰ Ibid, с.13.

¹¹ Ibid, с.12.

¹² Ibid, с.17-18.

¹³ БСЭ, изд.3, т.26, 1977, с.681. А также сб. «Комиссары», М., 1967.

¹⁴ Записки, с.24.

¹⁵ Ibid, с.25.

¹⁶ Ibid, с.33.

¹⁷ Ibid, с.35.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ М.Поповский. Дневники. Рукопись.

²⁰ T.Papera. Trifonov: His Heroes and Their Family Life. IV World Congress for Soviet and East European Studies. Abstracts. Herrogate, 1990, p.99. И книга того же автора.

²¹ Об этом: И.Ефимов. Бремя добра. Тенапу, 1993, сс.172-174.

²² Ю.Оклянский. Юрий Трифонов. Портрет-воспоминание. М., 1987, с.171.

²³ См. напр.: Carolina De Maegd-Soep. Trifonov and the Drama of the Russian Intelligentsia. Brugge, 1990. В этой книге Трифонов просто приравнивается к Льву Толстому и Чехову.

²⁴ Записки, с.8.

²⁵ Ю.Трифонов. Рассказы и повести. М., 1971; Ф.Кузнецов. В борьбе за человека. Трифонов. Собр. соч. в четырех томах. М., 1985, т.1.

²⁶ Анализ этого: Wolfgang Kasack. Dictionary of Russian Literature since 1917. New York, 1988, pp.424-425.

²⁷ Yuri Trifonov. Literary Reminiscences. Olson Laboratory, UC Davis. Tape 23074-1.

²⁸ «Предварительные итоги», изд. «Советская Россия», М., 1975.

²⁹ В период гласности появились статьи о том, что Литинститут «стал прибежищем воинствующих графоманов и невежественных алкоголиков». Напр.: С.Д.Артамонов, Ф.Г.Бирюков. Нужен ли Литинститут? «Литературная газета», 9 февраля 1990. Впрочем, этой категории публика там имелась всегда, как и всегда были талантливые студенты.

³⁰ Ю.Трифонов. Интервью о контактах. Беседа с Е.Стояновской. «Иностранная литература», №6, 1978, сс.243-251.

³¹ Ibid, с.247.

³² Ibid, с.251.

ДОНОСЧИК 001, или ВОЗНЕСЕНИЕ ПАВЛИКА МОРОЗОВА.

Рукопись этого частного расследования закончена автором в Москве в 1984 году, но первый вариант появился в Самиздате еще в 1983-м. Книга вышла впервые в Лондоне (издательство Overseas Publications Interchange) в конце 1987 года, была переведена на языки стран Восточной Европы, стала бестселлером в Польше («Zdajca Nr. 1», издательство Zebra, Warszawa, 1990), множество раз печаталась целиком и по частям в периодике многих стран, в том числе, и в Советском Союзе времен гласности, но первое российское издание вышло лишь в 1995 году (издательство «Московский рабочий»). На английском языке «Доносчик 001» опубликован в 1996-м (издательство Transaction). В собрании сочинений впервые на русском языке дается полный справочный аппарат (библиография и сноски), переведенный из американского академического издания книги.

Предисловие.

ОПАСНАЯ ТЕМА

¹ Андреева и Кутаков, 1978: 1-3. Полные сведения об опубликованных источниках находятся в библиографии (раздел «Книги, статьи»). Источники, указанные без даты, см.: «Неопубликованные документы и воспоминания», а также «Личные архивы».

² Балашов, 1982.

³ Цитаты из сделанных автором магнитофонных записей показаний очевидцев приводятся без сносок (см. раздел «Свидетельства очевидцев»).

Глава первая.

СУД НА СЦЕНЕ

¹ Соломеин. Материалы...

² «На смену!», 27 ноября 1932.

³ Соломеин, 1933: 69; 1979: 107.

⁴ Соколов, 24 сентября 1932; Смирнов, 1961: 71; Губарев, 1962.

⁵ Соломеин. Показания очевидцев.

⁶ БСЭ, 2-е изд., т.28: 310.

⁷ Губарев, 20 октября 1932.

⁸ Антонов, 29 ноября 1932.

⁹ «Тавдинский рабочий», 28 ноября 1932.

¹⁰ Соломеин, 29 ноября 1932.

¹¹ «Тавдинский рабочий», 30 ноября 1932; Уголовное законодательство, 1957: 48–49.

¹² Соломеин, 1979: 84.

Глава вторая. КАК СЫН ДОНЕС НА ОТЦА

¹ Губарев, 3 сентября 1957.

² Обвинительное заключение...; Соломеин. Показания очевидцев: 24; 1979: 73.

³ Книга водворения, лл. 1, 29, 31.

⁴ Картотека Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге называет годом его рождения 1921-й, т.е. 11 лет; 12 лет — в книге проф. Базилевича, 1952; 13, 14 и 15 лет в «Пионерской правде» 15 октября, 2 октября и 5 декабря 1932. Ссылка на запись о рождении Павлика 14 ноября 1918 года в буклете: Павлик Морозов, 1968.

⁵ Snow, 1967: 209.

⁶ Соломеин. Показания очевидцев.

⁷ Соломеин, 1933: 13–14.

⁸ Соломеин, 1979: 41.

⁹ Хоринская, 1954: 11, 16.

¹⁰ Губарев, 3 сентября 1933; 1948б: 31.

¹¹ Коршунов, 1962; Мусатов, 1962; Губарев, 1940; «Пионер», №№5–6, 1933; «На смену!», 30 марта 1972; «Пионерская правда», 7 сентября 1982; «Подвигу жить!», с.48.

¹² «Всходы коммуны», 8 октября 1932.

¹³ Боровин, 1936: 13.

¹⁴ «Тавдинский рабочий», 27 октября 1932; Соломеин, 1979: 43.

¹⁵ Яковлев, 1938: 58.

¹⁶ Соломеин, 1979: 44–47.

¹⁷ Пятая книга Моисеева, 12. 30.

¹⁸ Соломеин, 1979: 48–53.

¹⁹ Яковлев, 1938: 59.

²⁰ Хоринская, 1954: 16.

²¹ Соломеин, 1979: 56.

²² Смирнов, 1938: 53.

²³ Губарев, 15 октября 1932.

²⁴ Смирнов, 5 декабря 1932.

²⁵ Боровин, 1936: 12–13.

²⁶ Смирнов, 27 ноября 1932; 1938: 56; Соломеин, 1933: 20; Специальная записка; Обвинительное заключение.

²⁷ Алексин, 20 декабря 1952.

- ²⁸ Налбандян, 24 января 1953.
²⁹ Губарев, 3 сентября 1957.
³⁰ «Правда», 12 апреля 1913.
³¹ Ссылка..., 1978: 66–67; 78–83; 148–149.
³² К закону..., 1900: 326.
³³ «Тавдинский рабочий», 27 октября 1932.

Глава третья.

ДРУГИЕ ПОДВИГИ МОРОЗОВА НА БУМАГЕ И В ЖИЗНИ

- ¹ БСЭ, 2-е изд., т.28: 310; Соломеин, 1979: 46; Специальная записка; Обвинительное заключение.
² Соломеин, 27 октября 1932; 1933: 21.
³ Соломеин, 1979: 47.
⁴ Урин, 29 ноября 1932; Боровин, 1936: 9; Мор, 19 ноября 1932.
⁵ Смирнов, 1938: 17–20, 24, 32, 37; Губарев, 1940: 19.
⁶ Ермакова (воспоминания).
⁷ Смирнов, 1938: 16–22.
⁸ Соломеин, 1979: 62–63.
⁹ Соломеин, 1933: 40.
¹⁰ Балашов, 1969: 36.
¹¹ Соломеин, 1933: 47.
¹² Боровин, 1936: 4.
¹³ Яковлев, 1938: 86–87.
¹⁴ Смирнов, 1938: 62–63: 17 декабря 1932.
¹⁵ Румянцев, 1953: 62; Яковлев, 1938: 77; Бородин, 1936: 4.
¹⁶ «Пионерская правда», 17 декабря 1932.
¹⁷ Ленинский сборник, №21: 316.

Глава четвертая.

БЫЛ ЛИ ОН ПИОНЕРОМ?

- ¹ Ростовщикова, 27 августа 1967.
² Позднина (воспоминания).
³ Соломеин. Показания очевидцев.
⁴ «Тавдинский рабочий», 28 апреля 1932.
⁵ Бюллетень ТАСС; Смирнов, 17 декабря 1932; Гусев, 1948: 40; Соломеин, 1979: 29.
⁶ Детское..., 1932: 146–148.
⁷ Соломеин, 1979: 32; Материалы...: «Пионер», №9, 1937.
⁸ Антонов, 30 ноября 1932.
⁹ Соломеин, 27 октября 1932а.
¹⁰ Число пионеров в Герасимовке от 150 до одного указывается в: Ржешевский, 1982: 234; Соломеин, 1979: 32; «Тавдинский рабочий», 27 октября 1932; Павлик Морозов (буклет), 1968.
¹¹ Соломеин, 27 ноября 1932.
¹² «Пионерская правда», 12 марта 1932.
¹³ Косиор, 1932: 166.
¹⁴ История ВЛКСМ, 1978: 161.

- ¹⁵ Чернышов, 1982, 56.
¹⁶ Алексеев, 2 сентября 1962.
¹⁷ Соломеин. Творческий метод...

Глава пятая.

СЕМЬЯ В КАЧЕСТВЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

- ¹ Орджоникидзе, 1928: 69.
² История СССР, 1967, т.8: 448, 457; Сталин, 1933: 426–428; История ВКП(б), 1938: 290–291; История КПСС, 1960: 444.
³ Ленин, 1963, т.37: 39; т.39: 279; т.43: 18.
⁴ Краткая история..., 1972, ч.2: 240.
⁵ История КПСС, 1960: 440–441.
⁶ Ibid.
⁷ Антонов–Овсеенко, 1980: 97.
⁸ «Пионерская правда», 27 января 1933.
⁹ История государства..., 1981: 81, 84, 88.
¹⁰ БСЭ, 3-е изд., т. 12: 426.
¹¹ «Правда», 8, 24 и 25 мая, 30 июня, 1 и 6 июля 1928.
¹² Детский..., 1930: 6.
¹³ Свердловская..., 1974: 73; Классовая..., 1974: 115; Шестнадцатый..., 1930: 162; Очерки..., 1974, т.2: 93, 96.
¹⁴ Кабаков, 1930: 28, 37.
¹⁵ Итоги..., 1932: 4–36.
¹⁶ Смирнов, 17 декабря 1932.
¹⁷ Постановление..., 1933.
¹⁸ История СССР, 1967, т.8: 589–590.

Глава шестая.

ПОСМЕРТНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ НЕВИНОВНЫХ

- ¹ Шкловский, 1973: 273.
² Мусатов, №9, 1962.
³ «Пионер», №№5–6, 1933; Павлик Морозов, 1968.
⁴ Антонов, 30 ноября 1932.
⁵ Смирнов, 9 января 1933; Соломеин, 1933: 8.
⁶ «Тавдинский рабочий», 28 ноября 1932.
⁷ Смирнов, 9 января 1933.
⁸ Губарев, 1940: 7.
⁹ «Тавдинский рабочий», 30 ноября 1932.
¹⁰ Вторая книга Моисеева, 21.17.
¹¹ Антонов, 28 ноября 1932.
¹² Соломеин. Показания очевидцев.
¹³ Ростовщикова, 27 августа 1967.
¹⁴ Соломеин, 1979: 107; «Тавдинский рабочий», 28 ноября 1932; Яковлев, 1938: 20; Антонов, 28 ноября 1932.
¹⁵ Алексин, 20 декабря 1952.
¹⁶ Антонов, 28 ноября 1932.

Глава седьмая.
КТО ЖЕ УБИЙЦА?

¹ Соломеин, 1979: 79.

² Мор, 19 ноября 1932.

³ Балашов, 1982.

⁴ В кн.: Е.Замятин. Елизавета Английская. Цит. по: «Страна и мир», май 1984.

⁵ «Правда», 20 декабря 1932.

Глава восьмая.
МИФ: ОБРАЗЕЦ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

¹ «Пионерская правда», 17 декабря 1932.

² Ibid, 23 декабря 1932.

³ Ленин, 1963, т.37: 409.

⁴ Эренбург, 22 августа 1934.

⁵ Крупская, 1958, т.2: 83.

⁶ Детская..., 1920: 11.

⁷ Архипов, 17 декабря 1932.

⁸ Дорошин, 29 марта 1933.

⁹ Соломеин, 1979: 9.

¹⁰ Косарев, 7 июля 1932.

¹¹ Горький, 1949: 21; 1957: 497; 1953, т.26: 289.

¹² Соломеин. Моя автобиография; Савицкая. Вопросы...

¹³ Соломеин, 5 и 7 сентября 1967.

¹⁴ Горький, 1955, т.30: 328–329.

¹⁵ «Правда», 29 октября 1933.

¹⁶ Первый..., 1934: 1, 4, 15, 38, 680–681; «Комсомольская правда», 20 августа 1934; «Пионерская правда», 24 августа 1934.

¹⁷ Цит. по: Макарова, 27 июня 1950.

¹⁸ Горький, 3 мая 1917.

Глава девятая.
ТВОРЦЫ И ЖЕРТВЫ ГЕРОИЗАЦИИ

¹ Краткая литературная энциклопедия. М., 1964, т.2: 428; Губарев, 3 сентября 1932. Об этом также: Лупанова, 1969: 183–184.

² Позже редактор журнала «Пионер» (столько сделавшего для героизации Павлика Морозова) Станислав Фурин, узнав о доносе на него своей сотрудницы, выбросился из окна кабинета и погиб.

³ «Красная звезда», 26 июля 1962.

⁴ Смирнов, 1961: 64–72.

⁵ Лидин, 1957: 3.

⁶ КЛЭ, т.6: 481.

⁷ Губарев, 15 октября 1932.

⁸ Павлик Морозов, 1962: 3.

⁹ Соломеин, 1979: 10; Губарев, 1940: 6.

¹⁰ Коряков, 1979: 5.

- ¹¹ Дорошин, 29 марта 1933.
- ¹² Исакова, 17 августа 1967.
- ¹³ Соломеин, 1979: 84.
- ¹⁴ Яшин, 26 июля 1950.
- ¹⁵ Соломеин, 27 октября 1932.
- ¹⁶ Все эти детали в «Пионерской правде» 17 и 23 октября, 5 и 23 декабря 1932.
- ¹⁷ Коршунов, 23 сентября 1962; Балашов, 1982.
- ¹⁸ Губарев, 1948: 14, 32–34.
- ¹⁹ Соломеин. Материал к биографии...
- ²⁰ Позднина (воспоминания).
- ²¹ Пионерская..., 1963: 38.
- ²² Рубинштейн, 1979, гл.1, а также сс. 98, 117, 158, 165.
- ²³ Зосимовский, 1982: 31.
- ²⁴ Орлов, №12, 1954.
- ²⁵ Полякова, №7, 1958.
- ²⁶ Ржешевский, 1982: 17, 33, 68–69.
- ²⁷ Вишнеvский (вступительный очерк), 1936.
- ²⁸ Leyda, 1960: 327–340.
- ²⁹ Шкловский, 1973: 237–238.
- ³⁰ «Правда», 1 июня 1935.
- ³¹ Вайсфельд, №5, 1937.
- ³² Желоховцев, 1973: 138.
- ³³ Пермьяк, 22 марта 1963.

Глава десятая.
СЛАВА ДОНОСЧИКАМ!

- ¹ Яшин, 26 июля 1950.
- ² Соломеин, 27 декабря 1932.
- ³ «Пионерская правда», 23 октября 1932.
- ⁴ Шварцман, 7 и 9 августа 1933.
- ⁵ «Пионерская правда», 11 августа 1933.
- ⁶ Смирнов, 1934: 45–48; «Пионерская правда», 17 июля 1933.
- ⁷ «Пионерская правда», 27 августа 1933.
- ⁸ Приказ..., 1934.
- ⁹ «Всходы коммуны», 19 декабря 1932; «Пионерская правда», 10 января 1934.
- ¹⁰ Рубинштейн, 1979: 150.
- ¹¹ «Пионерская правда», 27 января и 17 июля 1933.
- ¹² Сталин, 1 апреля 1937.
- ¹³ Беляев, №8, 1938.
- ¹⁴ «Пионерская правда», 6 марта 1935.
- ¹⁵ Храбровицкий. Личное сообщение. М., 1981.
- ¹⁶ Крупская, 5 июля 1933.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ В большой семье, 25 июля 1933.
- ¹⁹ «Комсомольская правда», 12 августа 1934.
- ²⁰ Детское..., 1932: 74.
- ²¹ «Пионерская правда», 5 декабря 1932.
- ²² «Вожатый», №4, 1934.

Глава одиннадцатая.
СКОЛЬКО БЫЛО ПАВЛИКОВ?

- ¹ Пионеры-герои, 1956: 5; Сухачевский, 1972; «Пионерская правда», 27 и 29 декабря 1932, 3 января 1933.
- ² Детское..., 1932: 78–81.
- ³ «Пионерская правда», 15 октября 1932, 1 августа и 3 сентября 1933: «Тавдинский рабочий», 26 ноября 1932; Ломоносова, 1933: 3.
- ⁴ «Правда», 20 и 21 декабря 1937.
- ⁵ Ленин, 1963, т.40: 279.
- ⁶ «Пионерская правда», 7 октября 1933.
- ⁷ Горький, 1953, т.27: 440.
- ⁸ Коряков, 1977: 276.
- ⁹ «Тавдинский рабочий», 30 ноября 1932.
- ¹⁰ «Пионерская правда», 14 декабря 1934.
- ¹¹ Гусев, 1948: 45.
- ¹² Гусев, 1970: 51; «Пионерская правда», 7 июня 1955.
- ¹³ Уголовное..., 1957: 23; «Правда», 1 июня 1935.

Глава двенадцатая.
ДАННЫЙ МАЛЬЧИК И ТОВАРИЩ СТАЛИН

- ¹ «Пионерская правда», 27 августа 1933.
- ² Марягин, 1965: 294.
- ³ Khrushchev, 1974: 292.
- ⁴ «Страна и мир», Мюнхен, №8, 1985.
- ⁵ Щипачев, 1950: 30, 36–37.
- ⁶ «Правда», 3 января 1953.
- ⁷ Сталин, 1952: 409.
- ⁸ Горький, 1955, т.30: 383.
- ⁹ «Правда», 3 января 1953.
- ¹⁰ «Пионерская правда», 10 января 1934.
- ¹¹ Крупская, 1963, т.11: 513.
- ¹² Храбровицкий. Личное сообщение. М., 1983.
- ¹³ Предисловие Северного крайкома ВЛКСМ. В кн.: Боровин, 1936: 3.
- ¹⁴ Смирнов, 1938: 78.
- ¹⁵ Гусев, 1948: 41.
- ¹⁶ «Вечерняя Москва», 18 и 20 декабря 1948.
- ¹⁷ «Пионерская правда», 21 декабря 1948.
- ¹⁸ Указ, «Правда», 21 января 1953; Четчикова, 20 февраля 1953.
- ¹⁹ Фомин. Письмо Соломенну. Тавда, 1952.
- ²⁰ Авторханов, 1975: 102.

Глава тринадцатая.
ПАЛОМНИЧЕСТВО В ГЕРАСИМОВКУ

- ¹ «Пионерская правда», 27 ноября 1932.
- ² «Курортная газета», Ялта, 22 августа 1956.

³ Смирнов, 15 января 1933.

⁴ Губарев, №9, 1962.

Глава четырнадцатая.
ДОНОСИТЬ ИЛИ НЕ ДОНОСИТЬ?

¹ Юнович, 1951, №21. М.М.Юнович был несколько лет при Сталине главным редактором журнала «Октябрь», о чем сообщает В.Каверин. (Эпилог. М., 1989, с.306).

² Советская история, 1967, т.8: 584, 589–590.

³ Абрамов, №8, 1982.

⁴ Ржезач, 1978: 7, 72, 82–83, 104–119, 209, 211.

⁵ Павлик Морозов, 1962: 8–9.

⁶ Губарев, №8, 1962.

⁷ Скорынина, 19 мая 1979.

⁸ Газета «Говорит и показывает Москва», 18 мая 1983.

⁹ «Советская юстиция», №15, 1925.

¹⁰ «Пионерская правда», 4 сентября 1962.

¹¹ Степичев, 8 января 1982.

¹² «Пионерская правда», 4 сентября 1962.

¹³ Павлик Морозов, 1962: 9.

¹⁴ Терентьев, 12 января 1964.

¹⁵ Miller at al., 1963: 133.

¹⁶ Терентьев, 12 января 1964.

¹⁷ Балашов, №9, 1982.

¹⁸ Губарев, №. 8, 1962.

¹⁹ Щипачев, 1950.

²⁰ Новик, 27 ноября 1932.

Послесловие.

РАСПАД СИСТЕМЫ И УЧАСТЬ ГЕРОЯ 001

¹ Если говорить..., 9 июня 1988.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Амлинский, №3, 1988.

⁵ Иванова, №24, 1988.

⁶ Зерчанинов, №5, 1989.

⁷ Кондратьев, 20 октября 1988; 24 мая 1989.

⁸ Грекова, 28 мая 1989.

⁹ Бурлацкий, №10, 1988.

¹⁰ Титов, №22, 1988.

¹¹ «Комсомольская правда», 5 апреля 1989.

¹² Кононенко, №1, 1989; №2, 1990; Бушин, 3 сентября 1992.

¹³ «Известия», 1 марта 1989.

¹⁴ Первое издание книги «Доносчик 001» в России: Москва, издательство «Московский рабочий», 1995. Для этого издания и было написано данное послесловие.

¹⁵ Schmemann, 16 September 1982.

¹⁶ Barringer, 21 March 1988.

¹⁷ «Панорама», №749, 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭССЕ О ЛИТЕРАТУРЕ

Няня Пушкина в венчике из роз	9
113-я любовь поэта	42
«С Пушкиным на дружеской ноге»	89
Пушкин, Сталин и другие поэты	112
Опасные шутки Альбера Робиды	137
Явная и скрытая жизни Константина Вентцеля	155
Александр Куприн в дегте и патоке	190
В гостях у Сталина без его приглашения	210
Тайна погоста в ручьях	237
Судьба Трифонова	262

ДОНОСЧИК 001, или ВОЗНЕСЕНИЕ ПАВЛИКА МОРОЗОВА

Предисловие. ОПАСНАЯ ТЕМА	301
Участники событий	305
Глава первая. СУД НА СЦЕНЕ	310
Глава вторая. КАК СЫН ДОНЕС НА ОТЦА	321
Глава третья. ДРУГИЕ ПОДВИГИ МОРОЗОВА НА БУМАГЕ И В ЖИЗНИ	341
Глава четвертая. БЫЛ ЛИ ОН ПИОНЕРОМ?	350
Глава пятая. СЕМЬЯ В КАЧЕСТВЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	357

Глава шестая. ПОСМЕРТНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ НЕВИНОВНЫХ	368
Глава седьмая. КТО ЖЕ УБИЙЦА?	383
Глава восьмая. МИФ: ОБРАЗЕЦ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА . . .	399
Глава девятая. ТВОРЦЫ И ЖЕРТВЫ ГЕРОИЗАЦИИ	410
Глава десятая. СЛАВА ДОНОСЧИКАМ!	427
Глава одиннадцатая. СКОЛЬКО БЫЛО ПАВЛИКОВ?	437
Глава двенадцатая. ДАННЫЙ МАЛЬЧИК И ТОВАРИЩ СТАЛИН	444
Глава тринадцатая. ПАЛОМНИЧЕСТВО В ГЕРАСИМОВКУ	456
Глава четырнадцатая. ДОНОСИТЬ ИЛИ НЕ ДОНОСИТЬ?	465
Послесловие. РАСПАД СИСТЕМЫ И УЧАСТЬ ГЕРОЯ 001	478
Библиография к «Доносчику 001»	486
ПРИМЕЧАНИЯ	495